

ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
«НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР КРЫМОВЕДЕНИЯ И
ОХРАНЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ»
ПРИ ГОСУДАРСТВЕННОМ КОМИТЕТЕ ПО ОХРАНЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ

ХАЛПАХЧЬЯН О. Х.

АРХИТЕКТУРА КРЫМСКИХ АРМЯН

Составитель, автор комментариев
и научный редактор
Саргсян Т. Э.

МЕДИАЦЕНТР им. И. ГАСПРИНСКОГО
СИМФЕРОПОЛЬ
2019

УДК 72(=19(477.75))
ББК 85.113(2Рос.Крм)
X 17

*Одобрено Консультативным советом по изданию литературы
на родных языках. Выпущено при поддержке Государственного комитета
по делам межнациональных отношений и депортированных
граждан РК за счёт средств бюджета Республики Крым*

Составитель, автор комментариев и научный редактор
Т. Э. Саргсян

X 17   **Халпахчян О. Х.**
Архитектура крымских армян. – Симферополь: ГАУ РК «Медиацентр им. И. Гаспринского»,
2019. – 380 с. : илл.
ISBN 978-5-6042975-0-6

В книге рассматривается архитектура жилых, общественных и, особенно подробно, культовых строений, возведённых армянами в Крыму. На основании натурных исследований и исторических данных впервые освещаются градостроительные особенности армянских поселений на полуострове. Работа снабжена иллюстрациями, включающими фотоснимки памятников зодчества, архивные чертежи, выполненные автором обмеры и проекты восстановления разрушенных сооружений. Выводы исследования отражены в заключении, обобщающем строительные традиции крымских армян. Завершает монографию каталог, в котором приводятся сведения о деятелях, так или иначе связанных с армянским присутствием в Крыму.

Книга знакомит с армянскими памятниками зодчества на территории Крымского полуострова, возведёнными с XI до начала XX веков. Кратко характеризуются политические и экономические предпосылки возникновения и существования армянских поселений, их планировка, застройка и благоустройство. Приводятся сведения о гражданских сооружениях, практиковавшихся крымскими армянами. Подробно анализируются архитектурно-художественные особенности находящихся на полуострове армянских культовых зданий и монастырских ансамблей. Характеризуется творческая деятельность крымских армян, освещаются вопросы строительной техники.

В основе монографии лежат материалы натурных исследований и систематических розысков в государственных и частных библиотеках, а также архивах.

Книга предназначена для архитекторов, искусствоведов и широкого круга читателей, интересующихся культурным наследием армянского народа.

УДК 72(=19(477.75))
ББК 85.113(2Рос.Крм)

ISBN 978-5-6042975-0-6

© Халпахчян О. Х., автор, 2019
© ГАУ РК «Медиацентр им. И. Гаспринского», 2019

<i>В. О. Халпахчян.</i> Рукопись книги О. Х. Халпахчяна «Архитектура крымских армян» и её судьба	6
<i>Т. Э. Саргсян.</i> Вступительное слово редактора	9
Предисловие.....	15

ЧАСТЬ I

Глава 1. Исторические предпосылки переселения армян в Таврику (Крым) и условия их бытования на полуострове

Время появления армян в Крыму и условия формирования армянской колонии на полуострове	24
Положение крымских армян при итальянцах и татаро-монголах.....	31
Падение Кафы и подчинение полуострова Оттоманской Порте	37
Армяне Крыма в период вхождения полуострова в состав Российской империи: переселение 1778–1779 годов и последующее возрождение колонии	40
Общественно-культурная жизнь крымских армян	43

Глава 2. Планировка, застройка и благоустройство поселений крымских армян

Планировка	52
Застройка	65
Благоустройство	66
Водоснабжение.....	66
Санитарно-технические мероприятия	71
Освещение	72
Озеленение	72
Пути сообщения	73

Глава 3. Жилые и общественные сооружения

Жилые дома.....	74
Учебно-просветительские здания	94
Общественные сооружения.....	98
Караван-сарай.....	98
Гостиные дворы.....	101
Бани.....	102
Торгово-ремесленные постройки.....	104
Фонтаны.....	106

ЧАСТЬ II

Глава 1. Культурные постройки

Общий обзор	126
А. Одноапсидные залы	136
Церковь в селе Арпат	136
Церковь в селе Козы	137
Церковь Святого Саркиса в селе Топты	140
Нововыявленная церковь на территории бывшей Армянской крепости в Феодосии ...	145
Надвратная церковь крепости Фуна	148
Армянские церкви в Судаче	159
Церковь Святых Архангелов Гавриила и Михаила в селе Шуры	174
Церковь в Старом Крыму	178
Церковь Святого Иоанна Богослова (Евангелиста) в Феодосии	183
Церковь Святого Геворка (Георгия) в Армянской крепости в Феодосии	193
Церковь Святого Степаноса (Стефана) в Армянской крепости в Феодосии	196
Армянская церковь в Керчи	205
Б. Трехапсидные залы	211
Церковь Святого Саркиса в Феодосии	211
В. Купольные церкви	225
Церковь Святого Иоанна Крестителя (Предтечи) в Феодосии	225
Церковь Святых Архангелов Габриела и Микаела в Феодосии	235
Церковь Святого Никогайоса в Евпатории	246
Церковь Покрова Божьей Матери в Нижней Ореанде	251
Церковь Святой Рипсиме в Ялте	255
Глава 2. Монастырские комплексы	
А. Комплексы с одноапсидной церковью	274
Монастырь на Карадаге	274
Монастырь в Двукорной бухте	276
Монастырь Святой Урпат в селе Топты	280
Монастырь Спасителя в селе Бахчи-Эли	286
Б. Комплексы с трёхапсидной церковью	295
Монастырь в Коктебеле	295
Монастырь Святого Геворка в Феодосии	297
В. Комплексы с купольными церквями	301
Армянский монастырь в Кафе (Феодосии)	301
Монастырь Сурб Хач (Святого Креста) близ города Старый Крым	305
Монастырь Святого Степаноса (Стефана)	331

Глава 3. Мемориальные сооружения

Надгробные плиты, саркофаги, склепы, мавзолеи, мемориальные памятники	336
Заключение	345
Приложения	
Строительные традиции крымских армян	348
Строительные материалы (камень, лесоматериалы, металл, растворы, штукатурка)	348
Строительные конструкции (фундаменты, цоколи, стены, опоры, проёмы, своды).....	351
Именной указатель архитекторов, инженеров-строителей, скульпторов, художников и деятелей науки и культуры	358
Использованные источники и литература	367
Архивные материалы	377
Принятые сокращения	378

РУКОПИСЬ КНИГИ О. Х. ХАЛПАХЧЬЯНА «АРХИТЕКТУРА КРЫМСКИХ АРМЯН» И ЕЁ СУДЬБА

Книга «Архитектура крымских армян» – последний труд историка армянской архитектуры академика О. Х. Халпахчяна (1907 – 1996 годы), моего отца. На окончательном варианте рукописи поставлена дата «1995 год», но папа продолжал свою работу, в том числе и над этой книгой, до последнего дня своей жизни (5 мая 1996 года): будучи уже прикованным к постели, почти лишенный зрения, ученый сохранил феноменальную память и, прослушав кусок текста, указывал тем, кто был рядом, что и куда нужно добавить, что исправить и что проверить. Все его указания скрупулезно фиксировались, и конечный результат одобрялся автором после прослушивания.

Рукопись книги, подготовленная автором к печати, состояла в текстовой части из 378 страниц машинописи. «Весь иллюстративный блок будущей книги, – сообщает арменовед Татевик Саргсян, которая имела возможность ознакомиться с рукописью, – судя по последней по номеру отметке на странице 318, составлял 206 фотоснимков и чертежей». В комплект входила также нарисованная папой на большом листе ватмана карта Крыма, на которую он нанес силуэты построек в населенных пунктах (главным образом – церкви и монастыри). Материал для этой книги собирался ученым много лет и включал розыски в архивах, центральных и местных, России и Украины.

В 1995 году, последнем в рабочей жизни О. Х. Халпахчяна, забрезжила возможность публикации книги «Архитектура крымских армян» в самом Крыму. В связи с этим автором был подготовлен и переправлен в Крым второй экземпляр комплекта рукописи. Предыдущую книгу О. Х. Халпахчяна «Национальное в архитектуре Армении», завершённую и переданную в московское издательство «Стройиздат» так и не довели до печати, хотя макет был уже готов, и был отпечатан пробный вариант цветной глянцевой суперобложки (формата А 4) с фотографией главной площади Еревана. Это было в конце 1980-х годов, а в 1995 рукопись все еще лежала в издательстве, которое пока существовало, а суперобложка хранилась у папы. Дальнейшая судьба как первой, так и второй мне неизвестны. Полагаю, что возможность опубликовать книгу «Архитектура крымских армян» – результат упорного труда последних лет, много значила для отца. Отдельные части этого своего исследования он публиковал в течение 20-ти лет, в ходе работы над монографией.

Итак, основной комплект рукописи в нескольких картонных советских папках с заязочками (текстовая часть, иллюстрации – фотографии, схемы, собственноручные чертежи памятников и варианты реконструкций), к которым прилагалась контурная карта Крыма в полный ватманский лист, хранился в Москве, у нас дома. После смерти мамы (через неполных два месяца после ухода папы) пустовавшую большую часть года квартиру (родителей и мою) использовали для своих нужд близкие родственники, и весь папин архив хранился под их ответственностью. Последующие события и сложившиеся обстоятельства – тема внешняя для нашего рассказа, укажем только, что почти с

полной уверенностью можно сказать, что этот комплект рукописи был уничтожен вместе с другими объектами (в том числе и книгами), которые «негодились» людям, оказавшимся неподконтрольными распорядителями нашего имущества.

Рукопись книги «Архитектура крымских армян» была одной из самых болезненных потерь для меня, но память подсказывала, что была копия материала, отправленная – то ли целиком, то ли частично – в Крым. Я узнала, что в Крыму есть «Армянское общество», и мне удалось (из Италии, где я живу) раздобыть его координаты. И тут Фортуна взяла нас с папой под свое крыло: я познакомилась с Татевик Саргсян, занимающейся культурным наследием крымских армян. Она написала мне, что в 1995 году папа передал главному редактору газеты крымских армян «Голубь Масиса» Вагану Вермишяну копию рукописи своей книги (с авторской правкой) для публикации в Крыму. «При этом, – как свидетельствует Татевик Саргсян, – имея вполне понятные опасения, автор отказался дать фотоматериал, а также собственноручно сделанные планы и чертежи до решения вопроса о финансировании издательских работ».

Таким образом, след копии рукописи, пускай лишь текстовой ее части, выявился в Крыму. Затем, благодаря поискам Татевик Саргсян и ее мужа Меружана Петросяна, архитектора-реставратора была обнаружена и сама рукопись – обнаружена и спасена! «Наряду с работой О. Х. Халпахчьяна, – вспоминает Татевик Саргсян, – Крымское Армянское Общество (КАО) намеревалось издать книгу Эммы Корхмазян по миниатюре крымских армян, а также монографию академика Вардгеса Микаеляна по истории крымских армян. Но вскоре героические настроения угасли, и все высланные в Крым рукописи оказались в сыром подвале. Как-то в 2000 году муж спустился в подвал КАО, случайно обнаружил эти рукописи и принес их домой. Стали сушить отдельно каждый лист. Затем работу Э. Корхмазян (с 64 широкими цветными слайдами миниатюр!) отправили в Ереван. Оказалось, что бедная женщина давно искала ее. В. Микаелян, будучи человеком очень осторожным, выслал в Крым только проспект своей работы и особенно не переживал по этому поводу».

Я готовилась сообщить Татевик, кому и как присылать в Москву драгоценную находку (стараясь, по возможности, не посвящать ее в мою непростую ситуацию с московскими родственниками). У меня почти материализовалась возможность даже не доверять почте, а прямо передать рукопись через надежные руки. Но Татевик, желая как можно скорее вручить обретенное сокровище, послала пакет с машинописью, каждую страницу которой возвратили к жизни они с мужем, по почте, на бывший папин (и все еще числящийся моим) адрес в Москве, на мое имя. Этот пакет был получен все теми же персонажами, считавшими, что я, лишившись крыши над головой, не имею прав ни на что, что под ней находится. И вот мне пришлось вторично оплакивать потерю, а кроме того – пришлось огорчить Татевик, и открыть ей правду об обстоятельствах утери рукописи, и страдать вторично от того, что я снова не смогла ее уберечь. Но я забыла, что мы с папой попали под покровительство Фортуны. Оказалось, что находившийся в Крыму текст, страница за страницей, был отсканирован для подготовки его к публикации. «Вы не волнуйтесь, – написали Татевик с Меружаном, – все что было отправлено в Москву, полностью есть в сканер-версии: ни больше, ни меньше». Они разыскали ее, а через некоторое время отсканированный материал прибыл и в мое распоряжение!

Но Татевик Саргсян и Меружан Петросян не только спасали то, что можно было спасти, но и уберегли его от неправильной реализации. В начале 2000-х у КАО снова появилась возможность выпускать книги: в 2004 году была издана «История крымских армян» В. Микаеляна, а в 2008 году – роскошная «Крымская армянская миниатюра» Э. Корхмазян.

«Я не вернула в КАО рукопись Вашего отца, – писала мне Татевик, – казалось бы, что плохого, если книга будет издана? Но дело в том, что другие авторы, приславшие

свои рукописи годы назад, теперь сами руководили окончательным редактированием своих работ и обеспечивали соответствующий уровень их научности. В случае же с книгой О. Х. Халпахчьяна все намного сложнее. Во-первых, сейчас негде искать отсутствующий к ней иллюстративный материал. Поставить несколько фотоснимков и чертежей общих планов, снять все сноски и ссылки и так опубликовать?» – а я подтверждаю, что папа никогда бы не согласился с половинчатым, научно неубедительным воплощением своего труда.

Комплект рукописи включал в себя текст в двух частях с примечаниями, а также Приложения: «Строительные традиции крымских армян: строительные материалы, строительные конструкции», «Именной указатель архитекторов, инженеров-строителей, скульпторов, художников и деятелей науки и культуры», а также «Список литературы и архивных материалов». Вся иллюстративная часть была утеряна. Для издания книги «Архитектура крымских армян» на должном уровне следовало не только восстановить иллюстративный материал, по мере возможностей, но и актуализировать монографию, каким-то образом включив в неё результаты исследований, осуществленных за последние десятилетия.

Сейчас можно смело утверждать, что научный руководитель настоящего издания Татевик Саргсян, сначала спасшая рукопись от уничтожения, стала теперь ее полноправным соавтором и дала ей и путевку в науку. Пусть же эта книга станет еще одним источником по истории архитектуры армян в Крыму.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО РЕДАКТОРА

Монография О. Х. Халпахчьяна «Архитектура крымских армян» писалась в течение нескольких десятилетий и приобрела свой окончательный вид в начале 1990-х годов. Копия ее рукописи была отправлена из Москвы в Крым в 1994 году для подготовки к изданию. Однако финансирование публикации затянулось... а вскоре, к сожалению, не стало автора. Спустя ещё некоторое время выяснилось, что оставшийся в Москве иллюстративный блок будущей книги безвозвратно утерян... В Крым был отправлен лишь относящийся к разделу «Монастырь Сурб Хач» небольшой комплект фотоснимков и чертежей для публикации в журнале «Сурб Хач». Раздел был опубликован в 1996 году, а основная часть рукописи в 370 машинописных страниц, содержащая сорокалетний труд исследователя, осталась лежать без иллюстративного материала и окончательной авторской редакции, с множеством вопросов, требовавших ответов, нуждавшаяся в уточнениях и доработке...

Между тем, в ней, единственной известной комплексной научной работе по архитектуре крымских армян, представлен относительно целостный корпус образчиков армянского зодчества в Крыму, осуществлена попытка их систематизации и классификации, проведен анализ строительной культуры крымских армян в целом.

Важно отметить, что крымская тематика всегда занимала особое место в научной деятельности О. Х. Халпахчьяна. Будучи потомком крымских армян, переселившихся на Дон в конце XVIII века, он тесными узами был связан с полуостровом

и посвятил его архитектурному наследию около двух десятков статей и докладов. Некоторые из них, вошедшие в подготовленную автором монографию, были опубликованы в 50-60-х годах XX века и к концу того же столетия приобрели уже важное источниковое значение. В то же время, изданные работы автора в определенной степени давали возможность восстановить утраченный иллюстративный материал монографии и получить ответы на часть вопросов. И тем не менее, взяться за её подготовку к изданию было делом не только сложным, но и очень ответственным. Необходимо было выявить архивные планы, схемы, чертежи, привести их в надлежащий вид, соответствующий требованиям времени, укомплекто-

вать архивные фотографии, рисунки, иные изображения и дополнить актуальными снимками. Следовало также провести научную редакцию книги, исследовать все использованные источники и литературу, проверить все сноски и библиографический указатель, поскольку машинописный текст не всегда читался четко.

Время шло, рукопись О. Х. Халпахчьяна не теряла своей ценности, но увеличивался объем работы, необходимый для ее актуализации.

Ведь проводились новые исследования, обнаруживались доселе неизвестные факты, пересматривались утвердившиеся в науке точки зрения. Все это необходимо было неким образом интегрировать в монографию, не затронув её авторского начала.

Некоторое время назад дочь автора, Вардуи Халпахчьян, проинформировала, что машинописный текст монографии переведён в электронный, что значительно облегчило дело. Воодушевившись этой новостью заместитель заведующего отделом по вопросам межнациональных отношений и информационно-аналитической работы Государственного комитета по делам межнациональных отношений и депортированных граждан Республики Крым Шамир Хубларян посоветовал подготовить документы и подать заявку на публикацию книги. Проект был одобрен, и течение года монография О. Х. Халпахчьяна тщательным образом готовилась к выходу в свет. Сложность заключалась в том, чтобы актуализировать работу, не вторгаясь в авторский текст. С этой целью решено было использовать редакторские комментарии. Все они внедрены в общий аппарат авторских сносок, однако рядом с порядковым номером имеют звездочку (*).

Был учтен также опыт исследователей архитектуры крымских армян, которые в той или иной степени проводили учет и систематизацию армянских памятников зодчества на полуострове. Подобные попытки предпринимались, правда, куда более скромные. Наиболее примечательным является каталог, составленный Ю. С. Ворониным, В. В. Сычёвым и И. С. Липуновым в 1997 году. К сожалению, он не был издан и доступен только в электронном варианте. Между тем, в рамках создания этой работы проводилась подробная фотофиксация памятников, составлялись их описания и схематические чертежи с приложением сведений по учетной документации. И

с целью хотя бы частичной популяризации этого каталога, многие из фоторабот И. Л. Липунова, ныне имеющие уже источниковое значение, использованы в настоящей монографии.

Армянский переселенческий очаг в Крыму по долголетию, численности населения и масштабам культурно-экономической деятельности занимает особое место среди армянских колоний Восточной Европы и Северного Причерноморья. Он сформировался в результате хлынувших на полуостров нескольких миграционных волн, ставших особенно многолюдными после падения Армянского царства Багратидов в середине XI века, а посему состоял из разных поколений крымских армян, прибывших на полуостров в разное время, из разных областей Исторической Армении. Одни покинули отечество в поисках новых возможностей, другие – вследствие тяжелых политических и социально-экономических потрясений. Подчёркнуто многолюдными армянские общины в Крыму становятся после имевшей место в начале XIV века массовой миграции, окончательно сформировавшей колонию, как таковую. Внутренняя жизнь её управлялась светскими структурами, представленными советами старейшин, сельскими и городскими головами, равно как и церковным институтом – во главе с архиепископом, являвшимся местоблюстителем католикоса Армянской Апостольской церкви в Крыму и округе.

Со второй четверти XIV и до середины XV веков армянский переселенческий очаг в Крыму переживает небывалый расцвет. Это – период весьма сложного, но, несомненно, прогрессивного взаимодействия на полуострове монголо-татар, итальянцев и представителей княжества Феодоро. Тон торго-

во-экономическому развитию, конечно же, задавали итальянцы, в первую очередь генуэзцы, торговые колонии которых в тот период активно действовали по всему Северному Причерноморью. К середине XV века настолько выросли численность и влияние армян в Крыму, что он стал восприниматься среди армян как «Верхняя страна армянская».

Памятники зодчества и каменной пластики наряду с памятниками книжного искусства составляют основной пласт культурного наследия крымских армян. Как первые, так и вторые сохранились в крайне малом количестве. Быть может, дошедшие до нас четыреста рукописных книг, два десятка церковных зданий (целых, полуразрушенных и полностью разрушенных), около ста пятидесяти памятников каменной пластики (хачкары, надгробия, тематические рельефы), остатки общественных, инженерно-гидрологических и фортификационных сооружений крымских армян кому-то покажутся внушительным достоянием, однако это лишь малая, уцелевшая доля огромного культурного наследия, которое они оставили полуострову. И, если судьба дошедших до нас памятников книжного искусства, хранящихся в различных музеях, библиотеках и частных коллекциях, в целом не

вызывает опасений, то будущее многих памятников зодчества, находящихся на грани полного обрушения, туманно. Здесь, в этой книге, читатель найдет ни одно доказательство сказанному. В этом, собственно, и заключена практическая составляющая публикации: привлечь внимание к повсеместно разрушающимся средневековым памятникам зодчества Крыма, и, в первую очередь, армянским, – к этим ярким и безобманным, подлинным и непредвзятым иллюстраторам исторического прошлого полуострова; уберечь памятники от дальнейшего разрушения и не менее губительного для них безграмотного «восстановления», к сожалению, часто встречающегося сегодня. Кажалось бы, есть законы, охраняющие объекты культурного наследия, определены зоны их охраны и регулируемой застройки, многие, в основном культовые здания,

переданы в бессрочное пользование религиозным общинам во главе с духовными лицами, но положение дел к лучшему не меняется. Увы, памятники продолжают либо терять историческое лицо, либо разрушаться. В приморском же секторе более интенсивно, нежели где-либо в другом месте на полуострове, осваиваются земли внутри охранных зон памятников, а в зонах регулируемой застройки, возводятся здания с нарушением требований, в первую очередь – высотности. Ярчайшими примерами сказанного являются средневековые армянские церкви Святого Геворка и Святых Архангелов Габриела и Микаела в Феодосии – объекты культурного наследия федерального значения. От последней, расположенной по улице Армянской, громоздкие каменные ограждения соседних домовладений отстают меньше чем на один метр. Между тем здание церкви Архангелов находится в аварийном состоянии, и если решится вопрос финансирования, неизвестно где будет стоять техника и как будет осуществляться работа. Именно с учетом плачевного состояния дел в этой сфере мы

отказались снабдить книгу переводом и даже резюме на иностранном языке, ограничив круг читателей внутренним контингентом.

Несмотря на многообразие и распространённость памятников зодчества крымских армян, архитектурных и конструктивных свершений в них почти не находим. По крайней мере, в тех, которые известны на сегодняшний день. Это в основном небольшие однокорпусные залы, к некоторым из которых с запада примыкают гавиты (притворы). Однако эти незамысловатые здания сразу приобретают значимость, когда оказываются на исторической канве, сотканной из крупиц источниковых данных. Они приобретают «плоть и кровь», свидетельствуя о многих сторонах жизни своих прихожан. Историческая ценность армянских культовых зданий не только в самом их существовании, фиксирующем место и время

присутствия армян, их численность и эстетические предпочтения, но и в более глубоких пластах. К примеру, в Кафе, нынешней Феодосии, находим простой однокорпусной планировки небольшие армянские церковные здания, расположенные очень близко друг от друга. Почему? Ведь можно же было вместо этих церквушек построить одну или две большие соборные церкви и пользоваться ими сообща. Получается, что было нельзя, поскольку вокруг каждой из церквей располагался свой приход, своя закрытая община, которая жила своей обособленной внутренней жизнью. Получается также, что имеем дело с общинами, переселившимися из разных мест и объединёнными по национальному и конфессиональному признаку. В

этом отношении показателен пример армянских общин Старого Крыма и села Топты (Тополевка), которые на Дону жили в одном и том же селе, но долгие десятилетия представляли разные общины.

Более просторными среди однокорпусных залов являются их трехапсидные варианты. Уникальным примером среди однокорпусных залов являет-

ся церковь Спасителя близ села Богатое, стрельчатое перекрытие которой в центре переходит в крестчатый свод на гуртах.

Особого внимания заслуживают купольные сооружения – церковь Святого Знамения монастыря Сурб Хач (Святого Креста) близ города Старый Крым, церкви Иоанна Предтечи, Святого Геворка, Архангелов Габриела и Микаела в Феодосии, храмы Святой Рипсиме в Ялте и Святого Никогайоса в Евпатории.

Армянских средневековых культовых зданий в Крыму сохранилось более, чем у представителей других христианских конфессий. Причина не только в том, что их изначально было много, но и в том, что после турецкого завоевания 1475 года они не были разрушены или превращены в мечети, в отличие от остальных. Однако резко уменьшившееся армянское население не было в состоянии содержать их, и армянский архиепископ, имея на то позволение, сдавал в аренду. С учётом этого, не будет преувеличением сказать, что сохранность средневекового церковного здания в XVIII–XIX веках в определенной степени свидетельствует о его связи с армянами.

Из наиболее известных старых жилых построек следует упомянуть келейные корпуса монастырей Сурб Хач и Святого Степаноса (Стефана), дом Спендиаровых в Белогорске, отцовский дом Айвазовских в Феодосии, дом композитора А. А. Спендиарова в Ялте, дом И. К. Айвазовского в Феодосии, симферопольские здания Чирхова, Эрганова и Семерджијева. Из фортификационных сооружений известны отрезок бывшей Армянской крепости в Феодосии вместе с остатками врат, стены и дозорная башня монастыря Сурб Хач, крепость Фуна, остатки монастырской крепости в селе Щебетовка и, по мнению ряда исследователей, некоторые крепости в Юго-западном Крыму. Единственной в своем роде ныне является доковая башня на территории бывшей Армянской крепости в Феодосии. Известны также несколько действующих фонтанов и разрушенных водоводных систем.

Среди армянских культовых памятников особое место занимает расположенный близ города Старый Крым монастырский комплекс Сурб Хач, сохранившийся в относительно целостном виде. В 2002 году он передан в бессрочное пользование местной общине Армянской Апостольской церкви. Её же религиозным общинам в 90-е годы XX века переданы церкви Святого Саркиса, Святого Геворга, Святых Архангелов Габриела и Микаела в Феодосии, храмы Святой Рипсиме в Ялте и Святого Никогайоса в Евпатории. Иным конфессиям переданы бывшие армянские церкви Святого Иоанна Предтечи, Святого Стефана, Святой Пятницы в заповедном участке «Карантин» (на территории бывшей Армянской крепости) в Феодосии и церковь Святой Богородицы в селе Грушевка.

Итак, перед вами книга, которая, пройдя через множество испытаний, рисквавшая остаться неизвестной широкой публике, все же увидела свет. И спустя десятки лет после смерти О. Х. Халпахчьяна, его научный труд дополнит корпус литературы, посвящённый архитектуре крымских армян.

*Татевик Саргсян,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
ГБУ РК «Научно-исследовательский центр крымоведения
и охраны культурного наследия Республики Крым»*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Плодородное, богатое полезными ископаемыми Армянское нагорье на протяжении многих столетий являлось перекрёстком, через который проходили древние международные торговые пути, связывавшие Запад с Востоком и Юг с Севером. Испокон веков населённая армянами страна Армения, располагавшаяся на этом нагорье, в течение своей многовековой истории часто подвергалась опустошительным набегам иноземных завоевателей и их длительному господству. Это нередко приводило к потере армянами государства и сопровождалось их – как автохтонного народа – национальным, экономическим и социальным гнѐтом. Притеснения покорителей нередко грозили армянам физическим уничтожением, что вынуждало их искать убежища в чужеземных странах, как в близких, так и отдалѐнных, формировать переселенческие очаги. Эти образования, разбросанные по всему миру, с разной хронологической локализацией, историей и судьбой, в достаточной степени ещё не изучены. И хотя в последнее время интерес к ним возрос среди отечественных и зарубежных исследователей, он в большей степени охватил историко-экономическую сторону вопроса, нежели проблемы культурного наследия. Что касается непосредственно архитектурно-строительной деятельности армян-переселенцев, её отличительных черт и значения в истории зодчества Армении, равно как и стран, где работали армянские мастера, то в большинстве случаев эти вопросы освещены фрагментарно.

Существующие на сегодня работы, в том или ином объѐме рассматривающие архитектурное наследие крымских армян, как правило, кратко упоминают, а в лучшем случае относительно подробно описывают отдельные, в основном хорошо сохранившиеся произведения зодчества. К таковым следует отнести публикации А. Л. Якобсона, О. И. Домбровского, В. А. Сидоренко, Е. И. Лопушинской, Ю. А. Таманяна, М. Г. Пештмалджяна, а также наши статьи, к которым неоднократно обратимся здесь. Однако сведения перечисленных авторов не охватывают всех существующих и известных по письменным источникам армянских сооружений в Крыму. Между тем, оставшиеся вне поля зрения постройки также заслуживают архитектурного анализа. Мало того, для составления относительно целостного представления о строительной деятельности крымских армян в рассмотрении нуждаются и те из них, кои недавно превратились в памятников археологии. Широкого формата исследование актуально не только с точки зрения освещения армянской культуры в Крыму, но и определения творческих связей армян-переселенцев с местным населением, роли и уровня этих связей в формировании архитектурного ландшафта полуострова. В создании такого исследования неоценимую помощь оказывают обеспечивающие информационную базу сведения армянских письменных источников, относящихся к Крыму. К их числу относятся колофоны рукописей, памятники эпиграфики, выдающиеся труды армянских авторов XIX века М. Бжишкяна, О. Тер-Абраамяна, Хр. Кучук-Иоаннесова, Хр. Кушнеряна и многих других. Важнейший источниковый материал по произведениям армянского зодчества в Крыму содержится в авторитетных работах П. Кѐппена, Е. Вильнева, В. Смирнова, А. Бертье-Делагарда и А. Маркевича.

Упомянутые в настоящей работе крымские города и поселения, с которыми в той или иной степени связана история местных армян, в зависимости от времени, го-

Расположение актуальных для настоящей монографии населенных пунктов в Крыму с указанием старых и современных названий. За основу взята карта, составленная Клодом Мутафяном и Эриком Ван Лёвом (см.: Исторический атлас Армении. – Москва: Тип. «УП Принт», 2012. – С. 83).

сподствовавшего титульного народа, а также изменения национальности обитателей неоднократно меняли свои названия. Так, греческая «Феодосия» («Богом данная»), основанная в VI веке до н. э. переселенцами из Милета, будучи разрушенной гуннами в IV веке н. э., получила название «Ардаба» («Ардава», «Авдарди»), которое связывается с проживавшими поблизости аланами и переводится как «Семибожная» (по-осетински – «авд-арди»). В период генуэзцев город был известен как «Кафа» («Каффа»), затем татары и турки переозвучили её в «Кефе». В начале 1800-х годов, некоторое время спустя после присоединения полуострова к Российской империи, городу было возвращено изначальное название «Феодосия». Почти такая же история с названием Евпатории. Греческая «Керкинитида» в турецко-татарский период была переименована в «Гёзлев», а в российский период – в «Евпаторию», в честь царя Понта и Боспора Митридата VI Евпатора. Средневековый «Сурхат» («Солхат», «Солкат»), название которого является производным от армянского «сурб хач» (святой крест), с XIV века стал именоваться «Крым», затем – «Эски Крым», а ныне – «Старый Крым».

Названия крымских городов и поселений, связанных с историей крымских армян, почти повсеместно изменились в XIX веке. Среди таковых можно отметить «Барын-Армянский», который сначала был переименован в «Артезианское», затем – в «Многоводное»; «Орабазар», переименованный в «Армянский Базар»; «Бахчи-Эли», переименованное в «Богатое»; «Кеок-Тепе», переименованное в «Планерское», затем – в «Коктебель»; «Топты» («Топлы», «Топлу») – в «Тополевку»; «Сала» («Салы») – в «Грушевку»; «Султан-Сала» – в «Южное»; «Мелек» («Мелик») – в «Некрасово»; «Камышлык» («Хамышлык») – в «Опытное»; «Кышлав» («Хышлав») – в «Курское»; «Шумхай» – в «Заречное»; «Корбек» – в «Изобильное»; «Казанпир» – в «Садовое» – «Приречное»; «Асан-

Бай» – в «Маковское», и так далее¹. И поскольку в имеющихся многочисленных публикациях-источниках фигурируют старые названия, то во избежание разночтений с использованной литературой, во многих случаях именно они и приводятся здесь, но вместе с современными вариантами, указанными в скобках.

Из многочисленных, различных по назначению сооружений крымских армян мало что сохранилось. Многие строения разрушились в ходе времени, другие – вследствие землетрясений и военных действий, большинство же сильно изменено из-за приспособления под цели, отличные от первоначальных. Последнее обычно являлось следствием утери сооружением хозяев, как правило, из-за исторических катаклизмов, приводивших к существенным демографическим изменениям. Такая ситуация сложилась в ходе захвата Крыма турками-османами в 1475–1476 годах, когда значительная часть христианского населения полуострова – большей частью армян и греков – была вырезана или же переселена в Малую Азию. Христианское население Крыма резко уменьшилось также после завершения Русско-турецкой войны 1768–1774 годов и переселения крымских армян и греков в Азовскую губернию в 1778 году. Следующим подобным потрясением в истории крымских армян стала их массовая депортация в Центральную Азию в 1944 году наряду с крымскими татарами, немцами, греками и болгарями. Во всех трёх случаях жилые постройки, общественно-бытовые и ремесленно-производственные сооружения, оставленные армянами на полуострове, были либо демонтированы, либо перестроены новыми хозяевами в соответствии с их традициями и потребностями.

Такой участи не избежали и культовые здания. Из более 40 армянских церквей и монастырей, существовавших в Кафе (Феодосии) к середине XV века, до наших дней сохранилось только семь. Церковь в селе Сала (Грушевка) в начале XIX века была передана русскому православному приходу. В начале XX века были разобраны на стройматериал средневековая церковь в Бахчисарае, руины двух монастырей на склоне горы Кара-Даг: вблизи Коктебеля (XIII век) и на склоне отрога того же Кара-Дага Сюрюю-кая (XIV век) между Коктебелем и Отузом (ныне Щебетовка). Разрушение культовых зданий продолжается и в настоящее время. К примеру, армянская церковь XIV века в Старом Крыму была взорвана в 60-х годах XX века, а церковь XIII века в селе Арпат (Зеленогорье) уничтожена в 1986 году.

Известны примеры использования культовых сооружений в иных целях, например, церкви Святого Никогайоса (Николая) 1817 года в Евпатории – как склада, Святого Саркиса XIV века в селе Топты^{2*} (Тополевка) – как амбара, затем – свинарника, а керченского здания церкви XIX века – как детского кинотеатра, под названием «Пионер». Таких примеров очень много.

Разрушение церквей продолжается также в связи с отсутствием надлежащего архитектурного надзора. Так, уникальная церковь Спасителя (по-армянски – «Пркчи») на окраине села Бахчи-Эли (Богатое), ещё в 1950-х годах находившаяся в хорошей сохранности, в настоящее время представляет собой крайне преклонившееся сооружение. То же самое можно сказать по поводу двух армянских церквей в селе Топты (Тополевка).

---

¹ При составлении перечня использованы материалы, любезно предоставленные П. К. Тыглиянцем. Новые и старые названия крымских городов и поселений совместно представлены также в карте-буклете «Армяне в Крыму», основным консультантом которого является П. К. Тыглиянц (см.: Армяне в Крыму (карта-буклет) / Составители: Абраамян С. Б., Атоян Р. В., Варян Ю. К., Давтян С. Р. – Ереван: Госкомитет Арм. ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 1990).

^{2*} В своей монографии О. Х. Халпахчян повсеместно использует вариант написания «Топлы», являющийся преобразованием названия «Топты», которым сами армяне обозначали своё село. Исходя из этого, «Топлы» в тексте всюду заменено на «Топты». Все сноски, отмеченные звёздочкой (*) представляют собой комментарии научного редактора монографии – Т. Э. Саргсян.

Подавляющее большинство исчезнувших произведений зодчества крымских армян не имело обмеров, зарисовок и фотоснимков, почему составить представление об их архитектурно-художественных особенностях невозможно. Исключения составляют единичные примеры, относительно которых имеются скудные описания прошлых времён и графические изображения, хранящиеся как в различных архивах, так и частных собраниях. Поэтому в настоящей работе основное внимание уделено существующим памятникам, большей частью культового зодчества, в отличие от которых гражданские – жилые, общественные, торгово-производственные и иного назначения постройки – представлены хотя и весьма кратко, но достаточно для составления общего представления о них.

Цель данного исследования – ознакомить читателя с предпосылками зарождения армянских поселений и городских

кварталов в Крыму, дать представление об условиях бытования армян на полуострове, о планировке, застройке и благоустройстве армянских участков (сельских и городских), проанализировать архитектурные особенности разнообразных по назначению армянских зданий и сооружений. В дополнение к этому, в работе рассмотрены строительные приёмы, применённые крымскими армянами, и приведены краткие сведения о деятелях, тем или иным образом соприкоснувшихся к разнообразной деятельности крымских армян.

Монография содержит данные, собранные автором в процессе многолетнего исследования произведений зодчества крымских армян, изучения разысканных обмерных чертежей и фотографий, зафиксировавших формы и состояние построек в период с конца XVIII и до начала XX столетий. С целью восстановления первоначального художественного облика разрушенных сооружений, на основании сохранившихся частей и по аналогии с однотипными с ними строениями были выполнены реконструкции общего вида и отдельных фрагментов^{1*}.

Историческая канва, на которой происходило становление и развитие армянского зодчества в Крыму, в работе представлена в соответствии с исследованиями, очерками, описаниями, письмами, мемуарами, уставами и другими документами, опубликованными в отечественной и зарубежной литературе, начиная с XIX века. В книгу включены также письменные и иллюстративные материалы, заимствованные у частных лиц, проживающих в Киеве, Симферополе, Москве, Ростове-на-Дону и Ереване, равно как и из собраний различных учреждений: Укрпроектреставрации (Киев)^{2*}, Инспекции по охране памятников Отдела по делам строительства и архитектуры Крымоблисполкома (Симферополь)^{3*}, Бахчисарайского историко-архитек-

^{1*} Как уже говорилось, авторский иллюстративный материал не сохранился. В ходе подготовки монографии он, по мере возможностей, восстановлен по публикациям О. Х. Халпахчяна и указанных им авторов.

^{2*} Учреждение ныне называется Украинский государственный научно-исследовательский и проектный институт «УкрНИИпроектреставрация» (г. Киев).

^{3*} На основании Инспекции с 1993 года начал формироваться отдельный орган, занимающийся

турного музея^{1*}, Ялтинского государственного объединённого историко-литературного музея^{2*}, Феодосийского краеведческого музея^{3*} и Феодосийской картинной галереи им. И. К. Айвазовского, Керченского историко-культурного заповедника^{4*}, Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург), Российского государственного архива Военно-Морского Флота (Санкт-Петербург), Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина Российской Академии художеств (Санкт-Петербург)^{5*}, Российской государственной библиотеки (Москва), Государственного научно-исследовательского музея архитектуры имени А. В. Щусева (Москва), Российского государственного Военно-Исторического архива (Москва), Государственного архива Ростовской области

(Ростов-на-Дону), Национального исторического музея Армении (Ереван), а также Матенадарана им. Месропа Маштоца (Ереван)^{6*}. В книге использованы также наши публикации и рукописи, посвящённые градостроительным традициям и отдельным произведениям зодчества крымских армян. Выполненные в рамках плановых программ Всесоюзного научно-исследовательского института теории архитектуры и градостроительства^{7*}, они переработаны специально для настоящей монографии и значительно дополнены новыми данными, обнаруженными позднее. Отдельные разделы книги в качестве докладов апробировались на научных совещаниях, проводившихся в Ереване (в 1981 году – на II Международном симпозиуме по армянскому искусству и в 1987 году – на VI Республиканской конференции по армянскому искусству и архитектуре), в Венеции (в 1989 году – на V Международном симпозиуме по искусству Армении), в Суздале (в 1991 году – на Международной конференции «Проблемы истории архитектуры»), в Симферополе (в 1991 году – на Республиканской конференции «Проблемы истории Крыма»), в Москве (в 1992 году – на Международной конференции «Запад–Восток: взаимодействие традиций в архитектуре»).

Пользуясь случаем выражаю искреннюю признательность руководителям и сотрудникам вышеперечисленных организаций и учреждений, которые содействовали получению необходимых для монографии материалов, и всем тем, кто в той или иной

охраной и инспекцией памятников истории и культуры Крыма. С 2014 года он называется Государственный комитет по охране культурного наследия Республики Крым.

^{1*} С 2015 года – Государственное бюджетное учреждение Республики Крым «Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник».

^{2*} Ныне – Муниципальное казённое учреждение культуры «Ялтинский историко-литературный музей» муниципального образования городской округ Ялта.

^{3*} Ныне – Феодосийский музей древностей.

^{4*} Ныне – Государственное Бюджетное Учреждение «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник».

^{5*} С 2002 года – Санкт-Петербургский государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина.

^{6*} Полное название – Институт древних рукописей Матенадаран имени Месропа Маштоца.

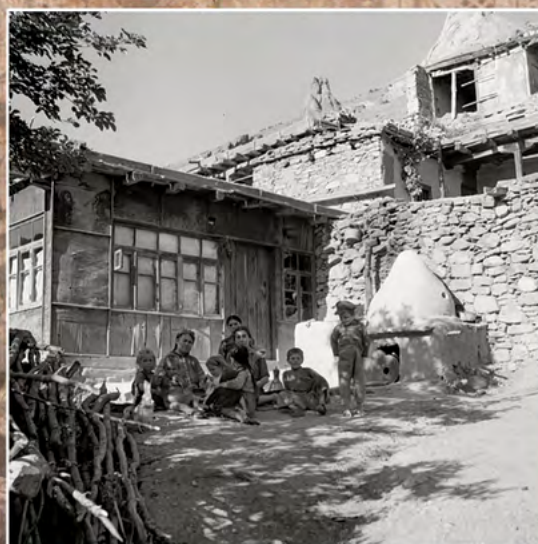
^{7*} С 2009 года – Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства.

степени участвовал в её создании и выпуске в свет. Особую благодарность выражаю Ю. С. Воронину – главному специалисту Министерства архитектуры и строительной политики АРК (в недавнем прошлом – начальнику Инспекции по охране памятников Отдела по делам строительства и архитектуры Крымоблисполкома), доктору архитектуры, профессору Ю. С. Асееву, кандидату архитектуры Е. И. Лопушинской, краоведам П. К. Тыглиянцу, А. А. Ходжабекианцу, инженеру-строителю И. С. Чардарову, архитекторам Г. Б. Лозинской и И. В. Эрн, архитектору-художнику С. А. Халпахчян и фотографу Л. В. Кучинскому, которые оказали научную и техническую помощь при подготовке монографии.

АРХИТЕКТУРА КРЫМСКИХ АРМЯН

ЧАСТЬ I

ГЛАВА 1.

Исторические предпосылки переселения армян в Таврику (Крым) и условия их бытования на полуострове

Многовековая история крымских армян нашла своё отражение в разного рода источниках, написанных на армянском, греческом, итальянском, арабском, персидском, французском, немецком, турецком, русском языках. Есть также небольшой объём очень важных источников на латыни. И если краткие сведения античных географов фиксируют лишь торговые связи армян с жителями Приазовья и Причерноморья, то разноязычные источники средневековья изобилуют сообщениями о многогранной деятельности крымских армян, включавшей, в том числе, и строительное направление. Однако наиболее обширную информацию об армянских произведениях зодчества в Крыму, и в первую очередь о памятниках церковной архитектуры XIV–XV веков – периода формирования и бурного расцвета многолюдной армянской колонии в Крыму – приводят армянские авторы XIX века Минас Бжишкян¹, Ованэс Тер-Абра-

¹ **Бжишкян М.** Путешествие в Польшу и другие места, обитаемые армянами, произошедшими от предков из города Ани. – Венеция: Тип. монастыря Святого Лазаря, 1830 (на арм. яз.); Армянские древности Таврического полуострова / Пер. с арм. отрывков из книги М. Бжишкяна «Путешествие в Польшу», осуществлённый священником Херувимом Кушнерёвым, настоятелем феодосийской армяно-католической церкви // ЗООИД. – Т. X. – Одесса: Славянская тип. М. Городецкого и К°, 1877. – С. 443–451.

амьян¹, Габриел Айвазовский², Христофор Кучук-Иоаннесов³ и Херувим Кушнерян⁴. Из российских авторов XIX века весьма ценные сообщения содержат труды П. Кёппена⁵, В. Смирнова⁶, Г. Спасского⁷, М. Погодина⁸, А. Бертъе-Делагарда⁹ и А. Маркевича¹⁰.

Среди многочисленных авторов XX столетия, освещавших вопросы истории и культурного наследия крымских армян, выделяются работы В. А. Микаеляна¹¹ и Х. А. Поркшеяна¹². Причём в фундаментальных трудах В. А. Микаеляна весьма подробно, с критической оценкой приведён более чем внушительный по объёму корпус источников и литературы на армянском, итальянском, французском, немецком, русском и других языках. Поэтому в настоящей работе мы ограничимся лишь кратким историко-культурным очерком. Что касается работ по архитектуре крымских армян, то здесь следует отметить публикации А. Л. Якобсона¹³ и Ю. А. Таманяна¹⁴, положивших начало исследованию этого важнейшего пласта культурного наследия Крымского полуострова в целом.

---

¹ **Тер-Абрамян О.** История Крыма (в двух частях). – Феодосия: Тип. Халибовского училища, 1865 (на арм. яз.).

² Армянские надписи, находящиеся на юге России / пер. Г. Айвазовского // ЗООИД. – Т. VI. – Одесса: Тип. Сод. Х. Алексомати, 1867. – С. 323–332; Об остатках древних армянских церквей в Феодосии // «Радуга» (журнал учёно-литер. и политический, издаваемый при арм. Халибовском училище). – № 11. – Феодосия, 1860: Тип. Халибовского училища. – С. 171–174; **Айвазовский Г.** Заметки о происхождении Новороссийских армян // ЗООИД. – Т. VI. – Одесса: Тип. Сод. Х. Алексомати, 1867. – С. 550–555.

³ **Кучук-Иоаннесов Хр.** Старинные армянские надписи и старинные рукописи в пределах Юго-западной Руси и в Крыму // Древности восточные: Труды Восточной комиссии МАО. – Т. 2. – Вып. 3. – Москва: Тип. и словолитная О. О. Гербека, 1903. – С. 33–75.

⁴ **Кушнерян Хр.** История армянских переселенцев Крыма. – Венеция: Тип. монастыря Святого Лазаря, 1895 (на арм. яз.).

⁵ **Кёппен П.** Крымский сборник. О древностях южного берега Крыма и гор Таврических. – СПб.: Тип. Императорской Акад. наук, 1837.

⁶ **Смирнов В. Д.** Археологическая экскурсия в Крым летом 1886 года // ЗВОИРАО. – Т. I. – Вып. IV. – СПб.: Тип. Императорской Акад. наук, 1887. – С. 273–302.

⁷ **Спасский Г.** Старый Крым // ЗООИД. – Т. IV. – Одесса: Тип. Сод. Х. Алексомати, 1877. – С. 85–102.

⁸ **Погодин М.** Феодосия и Судак // ЗООИД. – Т. VIII. – Одесса: Тип. Сод. Х. Алексомати, 1872. – С. 301–307.

⁹ **Бертъе-Делагард А. Л.** Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // ИТУАК. – № 57. – Симферополь: Тип. Таврического Губерн. Земства, 1920. – С. 1–135.

¹⁰ **Маркевич А. И.** Памятники христианства в окрестностях Бахчисарая и Карасубазара. – С. 101–109; **Маркевич А. И.** Старо-крымские древности // ИТУАК. – № 17. – Симферополь: Тип. Таврического Губерн. правления, 1892. – С. 124–129.

¹¹ **Микаелян В. А.** История армянской колонии в Крыму. – Ереван: Изд. АН Армянской ССР, 1964 (на арм. яз.); **Микаелян В. А.** История армянской колонии в Крыму (1801–1917). – Ереван: Изд. АН Армянской ССР, 1970 (на арм. яз.); **Микаелян В. А.** Когда и как возникли армянские поселения в Крыму // Исторические связи и дружба украинского и армянского народов. Сборник материалов Второй украинско-армянской научной сессии. – Киев: Наукова думка, 1965. – С. 169–177; **Микаелян В. А.** На Крымской земле. История армянских поселений в Крыму. – Ереван: Айастан, 1974; **Микаелян В. А.** История крымских армян. – Ереван: Айастан, 1989 (на арм. яз.).

¹² **Поркшеян Х. А.** Когда и откуда армяне переселились в Черкесию // ИФЖ. – № 2–3. – Ереван: Изд. АН Армянской ССР, 1959. – С. 232–246 (на арм. яз.); **Поркшеян Х. А.** Когда происходило переселение армян в Крым // ИФЖ. – № 2. – Ереван: Изд. АН Армянской ССР, 1962. – С. 105–117 (на арм. яз.).

¹³ **Якобсон А. Л.** Армянская средневековая архитектура в Крыму // ВВ. – Т. VIII. – Москва: Изд. АН СССР, 1956. – С. 166–191; **Якобсон А. Л.** Средневековый Крым. Очерки истории и истории материальной культуры. – М.-Л.: Наука, 1964.

¹⁴ **Таманян Ю. А.** Монастырь Сурб Хач Крыма // «Эчмиадзин». – № 7–8. – Эчмиадзин: Изд. Первопрестольного Св. Эчмиадзина, 1969. – С. 59–64 (на арм. яз.); **Таманян Ю. А.** Архитектура церкви Святого Саркиса в Крыму // «Эчмиадзин». – № 7. – Эчмиадзин: Изд. Первопрестольного Св. Эчмиадзина, 1983. – С. 36–42 (на арм. яз.); **Таманян Ю. А.** Нововыявленный памятник в Феодосии // «Лрабер» (ВОН). – № 7. – Ереван: Изд. АН Армянской ССР, 1986. – С. 94–96 (на арм. яз.); **Таманян Ю. А.** Армянские памятники Крыма // «Коммунист» (орган ЦК КП Армении). – № 199 от 21.08.1988. – С. 3; **Якобсон А. Л., Таманян Ю. А.** Армянская архитектура в Крыму. – Ереван: Айастан, 1992.

Время появления армян в Крыму и условия формирования армянской колонии на полуострове

Точное время появления армян на территории Таврического (Крымского) полуострова не установлено. Есть мнение, что это произошло ранее новой эры, поскольку отряды воинов-армян, по всей вероятности, присутствовали в войсках Митридата VI Евпатора – царя Понта и Боспора (132–63 до н. э.), находившегося в союзнических и родственных отношениях с царём Армении Тиграном II Великим (95–55 до н. э.): дочь Митридата Клеопатра была женой Тиграна. Подтверждением этого мнения, возможно, является одна интересная находка из некрополя Фанагории – так называемой «азиатской» столицы Боспорского царства, расположенной на Таманском полуострове (в отличие от Пантикапея на Керченском полуострове). Это бронзовый перстень с изображением армянского царя – предположительно, Тиграна Великого или его сына Артавазда (55–34 годы до н. э.) – с характерной для властителей Армении тиарой¹. Если добавить к сказанному сведение о массовых переселениях армян в Северное Причерноморье в эпоху Митридатовских войн², а также сообщение Страбона о коммерческих связях армян и мидийцев с народами, проживавшими между Азовом и Каспием³, то можно признать абсолютно обоснованным заключение В. А. Микаеляна о том, что после завоеваний Митридата VI Евпатора и Тиграна II Великого, армяне торговали с аорсами, жившими у берегов Каспийского моря и реки Танаис (Дон), а также сираками, обитавшими несколько южнее – по течению Ахардея (реки Кубань)⁴.

Армянское присутствие в Таврике заметно и после первого раздела Армении в 387 году и установления господства Персии и Византии над её восточной и западной частями соответственно. Византийские императоры часто размещали военные отряды армян – как правило, это была латная конница – на окраинах своего обширного государства. Не исключено, что такой отряд, находившийся в Херсонесе Таврическом, и помог сосланному туда армянскому князю Вардану (Барданес) Филиппику свергнуть императора Юстиниана II и взойти на византийский престол в 711 году⁵.

По определению Х. А. Поркшеяна, переселение армян в Таврику, начавшееся ещё во времена Хазарского каганата и продолжавшееся при кипчаках, было связано с установлением в Армении арабского господства в VII веке и усилением давления со стороны халифата в VIII веке⁶. По мнению автора, спасаясь от притеснений арабов, армяне мигрировали на Балканы и оттуда, из стран западного побережья Чёрного моря, водным путём перебирались в Таврику.

---

¹ **Неверов О. Я.** Бронзовый перстень из Фанагории с портретом армянского царя // «Лрабер» (ВОН). – № 3. – Ереван: Изд. АН Армянской ССР, 1981. – С. 73–78.

² Там же. – С. 76 (основывается на: **Latyshev V. V.** *Inscriptiones Tyrae, Olbiae, Chersonesi Tauricae aliorum locorum a Danubio usque ad regnum Bosporanum* (IOSPE. I²) // *Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae*. – Vol. I. – Petropoli: Print. House of the Imperial Academy of Sciences, 1916. – P. 61–63 (inscription № 35)).

³ **Страбон.** География в семнадцати книгах. – Книга XI. – Глава 5. – Абзац 8 / Перев., статья и комментарии Г. А. Стратановского. – Москва: Наука, 1964. – С. 480.

⁴ **Микаелян В. А.** Когда и как возникли армянские поселения в Крыму. – С. 171.

⁵ **Успенский Ф. И.** История Византийской империи. – Т. 1. – СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1913. – С. 731–735.

⁶ **Поркшеян Х. А.** Когда происходило переселение армян в Крым. – С. 117.

Пути проникновения армян в Таврику–Крым до XIV века.
Схематическая карта заимствована из буклета «Армяне в Крыму».

Другое направление, активно используемое позже – с конца XIII века, лежало через восток. Двигаясь по нему на север, вдоль Волжского пути, который позднее получил название «Армянской торговой дороги», переселенцы проникали как в земли бассейна Волги, так и в Приазовье и Северное Причерноморье¹.

Не исключена возможность проникновения в Таврику и представителей Павликианского и Тондракийского движений в VII–XI веках. Этих носителей передовых идей, в подавляющем большинстве армян, византийские императоры массово высылали на Балканский полуостров – в Фессалию и Македонию. Со временем они перебирались оттуда в страны Центральной и Восточной Европы, а, возможно, и в Таврику, в частности – в Херсонес^{2*}.

Более активный исход армян из родных мест начался с середины XI века, вследствие сельджукских завоеваний. По нашему предположению, представители этого миграционного потока в городах и поселениях Северного Причерноморья селились разрозненно, мелкими группами. К таким группам следует отнести общину армян-коммерсантов в Херсонесе. Здесь, в укрепленном стенами, башнями и валами городе, эта небольшая община занимала несколько подворий.

¹ Халпахчян О. Х. Армяно-русские культурные отношения и их отражение в архитектуре. – Ереван: Изд. АН Армянской ССР, 1957. – С. 27.

² * «Павликиане, которые потрясли Восток и просветили Запад». Эта меткая характеристика павликианам дана известным английским историком XVIII века Эдвардом Гиббоном. В оригинале она звучит так: «the Paulicians, which shook the East and enlightened the West» (см.: Gibbon Ed. History of the decline and fall of the Roman Empire. – Vol. II. – Cincinnati: J. A. James, 1844. – P. 151).

Пути проникновения армян в Крым с XIV века по 1779 год.
Схематическая карта заимствована из буклета «Армяне в Крыму».

Многие византийские правители имели армянское происхождение. Кроме Вардана Филиппика можно назвать Ираклия I (610–641 годы), Артавазда (742–743 годы), называвшегося «армянином» Льва V (813–820 годы), Василия I Македонянина (867–886 годы) и представителей его династии, в том числе Иоанна I Цимисхия (969–976 годы) и Василия II Болгаробойцу (958–1025 годы). Разумеется, все они (а вернее – ещё их предки), отреклись от национальной церкви и примкнули к греко-православию. Приверженцами греко-православия были и армяне-патриции, правившие в Херсонесе. Известен один из них – некий Калокир, управлявший городом в X веке. Он являлся посредником в сношениях Византии с князем Киевской Руси Святославом (скончался в 972 году)¹.

Результаты археологических изысканий подтверждают пребывание армян в Херсонесе в X–XI веках. Так, форма и декор раскопанных здесь керамических сосудов указанного периода повторяют форму и декор сосудов, найденных при раскопках в Ани – сто-

¹ Кулаковский Ю. Прошлое Тавриды (2-е издание). – Киев: Типо-литография «С. В. Кульженко», 1914. – С. 112.

лице Армянского царства Багратидов¹. Обследованные здесь остатки бани IX–X веков и жилых сооружений XIII века также имеют много общего с аналогичного назначения постройками в Армении². Изучая обнаруженные в 1955 году в Херсонесе человеческие останки, относящиеся к XIII веку, антрополог К. Ф. Соколова констатировала, что из 18 ею обследованных черепов 15 принадлежали к арменоидному типу³. Другое важное доказательство проживания в городе армян – это две армянские надписи, которые были найдены в 1902 году при раскопках руин крестовидного в плане храма, характерного для зодчества Армении VII века. По определению Н. Я. Марра, надписи, обнаруженные на штукатурке стены, ниже фрески (трёхстрочная, с упоминанием некоего Мхитара), и на осколке мраморной вазы, заложенном в фундамент, также выполнены около XIII века⁴.

Вышеизложенное даёт основание утверждать о появлении на Таврическом полуострове постоянных, судя по церкви и бане, армянских поселений, как минимум, в X–XIII веках.

Карта Крыма с обозначением старых и новых названий населенных пунктов.

Из буклета «Армяне в Крыму».

С начала XIII века Херсонес входит в состав княжества Феодоро – последнего оплота Византии на полуострове, просуществовавшего до окончательного установления турецкого господства в Крыму в 1476 году. Есть мнение, что основателями княжества, столицей которого являлась неприступная крепость на горе Мангуп, были Гаврасы-Тарониты – византийские князья армянского происхождения, ветвь которых в XI–XII веках стояла во главе Трапезундской империи. Изгнанные в Таврику Гав-

¹ **Якобсон А. Л.** Средневековый Херсонес (XII–XIV вв.). – В серии: Материалы и исследования по археологии СССР. – Вып. 17. – М.–Л.: Изд. АН СССР, 1950. – С. 105–107, 210.

² Там же. – С. 81–85, 94–99.

³ **Соколова К. Ф.** Антропологический материал из раскопок Херсонеса 1955 года // «Херсонесский сборник». – Вып. V. – Симферополь: Крымиздат, 1959. – С. 73–74.

⁴ **Марр Н. Я.** Заметки о двух армянских надписях, найденных в Херсонесе // ИИАК. – Вып. 10. – СПб.: Тип. Императорской АН, 1904. – С. 106–108.

расы-Тарониты к XV веку распространили свою власть на земледельческий район горной возвышенности в южной части полуострова – над территорией от Каламиты (Инкерман) на западе до Партенита с Алуштой на юго-востоке, ограниченной на юге морским побережьем, а на севере – водоразделом рек Альма и Кача¹.

В истории Крыма XIV – начала XV веков княжество Феодоро представляло довольно внушительную политическую силу, с которой считались не только обитавшие на побережье генуэзцы, но и занимавшие большую часть полуострова татары. Следует отметить также дружественные отношения князей Феодоро с Московией. Начавшись с коммерческих сношений, они развились до переговоров по бракосочетанию сына царя Ивана III с дочерью мангупского князя. Примечательно, что сподвижниками Ивана III были известные «гости-сурожане» – крымские армяне Какос, Богдан (Аствацатур), Погос и другие, имевшие тесные торговые связи с Московией².

В каких именно населённых пунктах княжества Феодоро проживали армяне, не установлено. Принимая во внимание их участие в торговле, ремесленном производстве и сельском хозяйстве, они обитали не только в столице княжества, но и в селениях, о чём свидетельствуют руины армянской церкви в селе Шуры (Кудрино). Деятельное участие проявляли армяне и в обороне княжества, подтверждением чего является армянский след в крепости Фуна близ села Лучистое неподалёку от Алушты. Участие армян в её строительстве, а также в возведении надвратной церкви здесь впервые отмечено А. Л. Бертье-Делагардом³.

Руины церкви Святых Архангелов в селе Кудрино.

¹ **Васильев Л. А.** Готы в Крыму // ИГАИМК. – Вып. 5. – Ленинград: Изд. Академии истории материальной культуры, 1927. – С. 278; **Якобсон А. Л.** Крым в средние века. – Москва: Наука, 1973. – С. 129.

² **Хачикян Л. С.** Армяне в древней Москве и на путях, ведущих в Москву // «Банбер Матенадарани» (Вестник Матенадарана). – № 13. – Ереван: Изд. АН Армянской ССР, 1980. – С. 106 (на арм. яз.).

³ **Бертье-Делагард А. Л.** Каламита и Феодоро // ИТУАК. – № 55. – Симферополь: Тип. Таврического Губерн. Земства, 1918. – С. 25–26.

Фуна. Руины крепости и надвратной церкви. Вид с юго-востока.

Археологическое изучение руин жилых строений на территории княжества, в частности в Херсонесе¹, близких по типу к домам Ани и других городов и поселений Армении периода X–XIII веков даёт основание предполагать о возведении некоторых из них армянами.

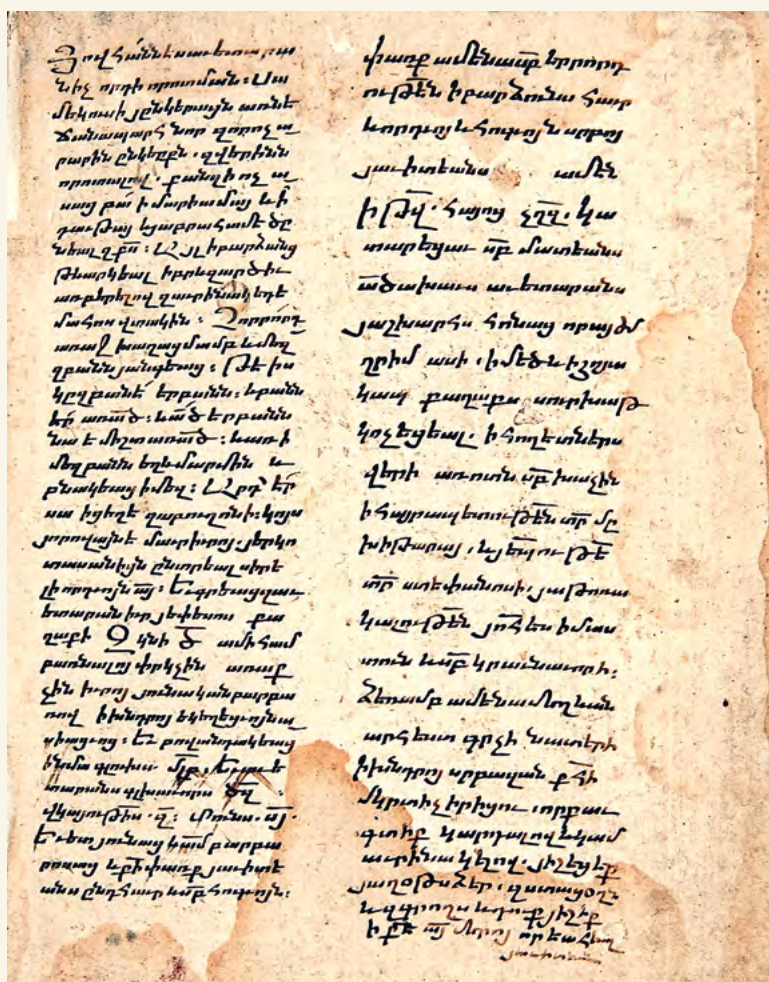
В указанный период армянское население имелось и в Юго-Восточном Крыму – в Сугдее (Сурож, Солдая, Сухта, ныне – Судак), Кафе (Феодосия), Сурхате (Старый Крым) и многих других местах. Причём, согласно письменным источникам, армяне составляли заметную часть жителей в них. Они возводили как жилые и торгово-производственные строения, так и культовые здания. К примеру, Устав генуэзской Кафы, утверждённый в 1316 году, сообщает об «издревле находившихся в городе трёх армянских церквях», одна из которых даже была в развалинах². Присутствие армян в Кафе задолго до появления здесь генуэзской фактории подтверждают и армянские литографии 1047, 1211 и 1243 годов, приписанные к хачкарам³. Очевидно, что источники эти, к сожалению, не дошедшие до нас, свидетельствуют о проживании не единичных семей армян, а некой общины.

¹ См.: Даниленко В. Н. Жилые дома Херсонеса XIII–XIV вв. // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. – Киев: Наукова думка, 1988. – С. 60–62; Якобсон А. Л. Крым в средние века. – С. 87–88.

² *Imposicio Officii Gazarie // Monumenta Historiae Patriae. – Vol. II. – Tom. I (Leges Municipales).* – Torino: Augustae Taurinorum e Regio Typographeo, 1838. – Col. 407.

³ Кучук-Иоаннесов Хр. Старинные армянские надписи и старинные рукописи в пределах Юго-западной Руси и в Крыму. – С. 67–68.

В XIII веке в Крыму произошли важные события. В 1223 году полуостров подвергся нашествию татаро-монголов. Формированные последними княжества (бейлики) объединились в Крымский юрт, который стал одним из улусов Золотой Орды с местопребыванием ханского наместника в населённом пункте Сурхат (Солхат), или Крым (Кырым). Сурхат, согласно памятной записи 1347 года, приписанной к армянскому Евангелию, располагался у подножия горы Сурб Хач (Святой Крест)^{1*}, и представлял собой основанное значительно раньше армянское поселение², искажённо именовавшееся татарами «Солхат», а генуэзцами – «Солкат». Источники XIV века дают основание предполагать, что это был значительный по величине благоустроенный населённый пункт, состоявший из нескольких кварталов с внутренними улочками и тупиками. Один из кварталов именовался Վերին հողետներ (Verin hoghetner)³, что в переводе с армянского означает «Верхние земляные дома».

Запись писца Натера 1347 года.

¹ * В этом источнике говорится, что копирование Евангелия завершилось в 1347 году в стране, «что ныне зовётся Крым, в большом и великолепном городе, называемом Сурхат, в земляных жилищах верхних, у ног Святого Креста» (см.: Ереван. Матенадаран им. Месропа Маштоца. – Рукопись 7742. – Л. 251; Свод армянских памятных записей, относящихся к Крыму и сопредельным регионам (XIV–XV вв.) / Сост., перевод на русский, введение и примечания Т. Э. Саргсян. – Симферополь: Сонат, 2008. – С. 90). Что подразумевает переписчик Евангелия Натер под словосочетанием «Святой Крест», трудно сказать. В данном случае оно могло быть как названием горы, так и духовного центра (церкви или монастыря), равно как и некой святой реликвии.

² Поркшеян Х. А. Когда происходило переселение армян в Крым. – С. 115.

³ Памятные записи армянских рукописей XIV века / Сост. Л. Хачикян. – Ереван: Изд. АН Армянской ССР, 1950. – С. 368, 369–370, 457, 460, 467 (на арм. яз.).

Расположение Сурхата в центре Юго-Восточного Крыма, известного своей плодородной землёй, благоприятными климатическими условиями и густой сетью торговых путей, связывавших приморские города со степью и караванной артерией, стало основной причиной размещения в нём резиденции эмира – ханского наместника. Быстро превратившись в важный экономический и административный центр Северного Причерноморья, город получил от татар новое название – Крым (Кырым). И поскольку приобрёл широкую известность, его именем стали называть и весь полуостров^{1*}. Арабский историк и географ начала XIV века Абу-ль-Фида называл Солхат «столицей Крыма»². К середине XV века, вследствие ослабления Золотой Орды, Крымский юрт (Крымское ханство) объявил о своей независимости, но статус этот удержал недолго – до признания верховенства Османской Порты в 1478 году.

В начале своего пребывания в Крыму татары владели всей, кроме княжества Феодоро, территорией полуострова. Но с учётом заманчивых торгово-экономических перспектив, ожидаемых с формированием и развитием на полуострове итальянских торговых колоний (факторий), они отдали в аренду венецианцам и генуэзцам несколько приморских поселений здесь.

Положение крымских армян при итальянцах и татаро-монголах

С 60-х годов XIII столетия в портовых городах Юго-Восточного Крыма появились соперничавшие между собой венецианские и генуэзские торговцы. Центром черноморских факторий последних стала Кафа – нынешняя Феодосия. В тот период она представляла собой ничем не примечательное поселение в пределах основанного ещё греками города, с малочисленным смешанным населением, в основном армянами, греками, представителями западнорусских земель (Rossorum^{3*}). В актах генуэзских нотариусов Кафы, датируемых концом XIII века, упоминаются богатые местные армяне, вовлечённые в большую морскую торговлю продуктами (хлебом, рыбой)⁴. В свою очередь Устав города 1316 года свидетельствует об «издревле» существовавших в нём трёх армянских церквях, равно как и о водопроводе, проложенном епископом армян⁵.

Удобное географическое положение Кафы и активная торговля способствовали стремительному экономическому росту фактории генуэзцев, которая возглавлялась консулом, периодически назначаемым Генуэзской республикой. Закрепившись в Кафе, генуэзцы постепенно расширили территорию своей колонии, постоянно враждуя как с

¹ * Весьма спорное заявление, поскольку топоним «Крым» в качестве названия страны (земли) в источниках появляется раньше, нежели город под названием «Крым». Вероятнее всего, полуостров представлялся татаро-монголам страной, лежащей за рвом – «кырым»-ом (подразумевался Перекопский ров), откуда и возникло её название «Крым» (см.: **Домбровский О. И., Сидоренко В. А.** Солхат и Сурб Хач. – Симферополь: Таврия, 1978. – С. 18–19). Административный центр же, вполне логично, получил название страны.

² **Якобсон А. Л.** Крым в средние века. – С. 105.

³ * Документ «Certus Ordo de Caffa» от 30 августа 1316 года, свидетельствующий об издревле находившихся в Кафе церквях армян, греков и «россорум», под последними, подразумевает жителей Галицких и Киевских земель. Хронологически близкие армянские документы также именуют эти земли «страной руссов» (см.: Матенадаран им. Месропа Маштоца. – Рукопись 1527. – Л. 667 об.; Памятные записи армянских рукописей XIV века. – С. 529).

⁴ **Bratianu G. I.** Actes des notaires génois de Péra et de Caffa de la fin du treizième siècle (1281–1290). – Bucarest: Cultura Nationala, 1927. – P. 173–174, 244, 272; Армяно-итальянские связи. Генуэзские документы о крымских армянах / Сост., автор предисл. и коммент. В. А. Микаелян. – Ереван: Изд. АН Армянской ССР, 1974. – С. 21, 25–26 (на арм. яз.).

⁵ Imposicio Officii Gazarie. – Col. 380, 407.

венецианцами, так и с ордынцами и феодоритами. В 1318 году они к своим владениям присоединили Восперио (Черкио, ныне – Керчь), а в 1354 году вернули Чембало (Балаклаву), где обосновались ещё в 40-х годах XIV столетия. Но свою важнейшую победу генуэзцы одержали в 1365 году, отобрав у венецианцев Солдаю (Судак). Таким образом, к 70-м годам XIV века их крымские владения простирались почти по всему побережью: от Керчи до Балаклавы.

Переселение армян в Крым в XIV веке во многом было связано с деятельностью здесь итальянских факторий. Есть сведение, что многие из этих переселенцев были выходцами из Ани, некогда столицы Армянского царства Багратидов. Обосновавшись в столице Золотой Орды Ак-Сарае, в конце XIII века они стали испытывать притеснения со стороны ордынцев, по причине чего, используя свои связи с проживавшими в Кафе армянами, заключили соглашение с генуэзским консулом и переехали в Крым¹. Несомненно, численность армян, выразивших желание выехать из Ак-Сарая, была значительной. Видимо, это ущемляло экономические интересы ордынцев, по причине чего в 1330 году, согласно источнику, армянам пришлось с оружием в руках перебираться в Крым^{2*}.

Одновременно с переездом армян с Поволжья, в XIV веке усилился поток переселенцев из различных областей Исторической Армении, выбравших крымское направление. Спасаясь от гнёта иноземных завоевателей, последние на полуостров проникали

¹ **Бжишкян М.** Путешествие в Польшу. – С. 83–84, 337–338.

² * О переселении жителей Ани в Ак-Сарай (Сарай Бату), а затем в Крым сообщают два армянских источника. Первый из них – поэма, написанная Мартиросом Крымцем в 1672 году. Второй – колофон 1690 года, который вписан в книгу Четырёх-Миней, перенятый писцом Давидом в Кафе. Именно последний был опубликован М. Бжишкяном и лежит в основе данных О. Халпахчьяна. По утверждению Мартироса Крымца, источников, современных произошедшим событиям, не было, и он изложил «широко известную всем историю переселения жителей Ани» по устным сказаниям, передаваемым из поколения в поколение.

При критическом анализе этих двух источников, учитывающем историческую ситуацию, её развитие и социально значимые события, можно прийти к следующим выводам:

1) «Переселение жителей Ани в Ак-Сарай», произошедшее «с позволения татарского хана» (или даже «по приглашению татарского хана»), подразумевает миграцию армянского городского населения, преимущественно из Ани, из-под власти Ильханата (Хулагуидов) в Золотую Орду (к Джучидам) в 60-х годах XIII века. Миграция была обусловлена окончательным разорением ближневосточных, в том числе армянских, городов, опустошением торгового тракта и, наоборот, поднятием ордынских городов и активизацией торговли через Волгу.

2) Переселение армян из Ак-Сарая в Крым было связано с повышением роли и значения северочерноморских, в первую очередь крымских, портов в большой торговле Запад-Восток. Оно было на руку как генуэзцам, так и татаро-монголам, поэтому о серьёзном столкновении с последними речи быть не может. Согласно тем же источникам, переселенцы из Ак-Сарая обосновались как в поселениях, подконтрольных итальянцам, так и татаро-монголам. Мало того, они беспрепятственно перенесли в Крым своё имущество и вложили его в строительство жилья, церквей, инженерно-фортификационных и ремесленно-торговых сооружений. С расцветом крымских портов система международного товарообмена подчинилась новым реалиям, почему несколько вверх по течению Волги была основана новая столица Сарай Берке, куда перебрались армяне, оставшиеся в Ак-Сарае.

3) Что касается времени переселения армян из Ак-Сарая в Крым, то оно, скорее всего, началось с разведочного марш-броска в 1299 году (дата приведена в колофоне писца Давида). Это был период противостояния между Тохта-ханом и беклярбеком Ногаем, из-за чего, видимо, армянам пришлось «с оружием в руках» открыть себе путь. Однако основная часть переселенцев из Ак-Сарая в Крым перебралась во второй декаде XIV века. Об этом наглядно свидетельствует Устав Кафы 1316 года, обозначающий земли, которые консул имел право сдавать в аренду новоприбывшим. Другая статья того же устава предусматривала неприкосновенность водопровода, проведённого епископом армян. Очевидно, что водопровод был проложен недавно и проходил по землям, которые предназначались для сдачи в аренду (см.: **Саргсян Т. Э.** Из истории Армянской церкви в Крыму и в Поволжье в XIV–XV вв. // 300 лет Российской и Ново-Нахичеванской епархии Армянской Апостольской Церкви. Исторический путь и современность. 1717–2017. – Москва: Изд-во «Ключ-С», 2018. – С. 289–291).

по восточному побережью Чёрного моря – через Таманский полуостров. Расселившись в местах, как правило, издавна освоенных армянскими купцами¹, армяне-переселенцы значительно усилили существовавшие на полуострове армянские общины, объединив их в мощную и многочисленную колонию: «Тогда возмужались мы и умножились, и построили сёла и области; князья и знать, начиная от Карасубазара до Сурхата и Феодосии, горы и равнины переполнили монастырями и церквями. И построили мы домов сто тысяч и церквей тысячу, и, опасаясь [нападений] гуннов [= монголо-татар]^{2*}, крепостью огородились в городе Феодосии»^{3*}.

Численные данные приведённого источника несомненно преувеличены. Тем не менее, сохранившиеся до наших дней культовые сооружения армян позволяют определить многочисленные поселения и городские кварталы их проживания как в XIV–XV столетиях – в период наивысшего расцвета колонии, так и позднее – в XVI–XVIII веках. По определению В. А. Микаеляна, многочисленные общины армян имелись в крупных по тем временам торговых городах Крыма, таких как Кафа, Орабазар (Армянск), Черкио (Керчь), Сурхат (Крым), Сугдея (Судак), Карасубазар (Белогорск), Чембало (Балаклава) и так далее. Армянами были населены также сёла Хая, или Хаяли (маленькое село севернее Карасубазара⁴), Бахчи-Эли, Орталанк (Земляничное), Сала, Топты, Камышлык, Кишлав, Султан Сала, Шахшах, Кеок-Тепе и многие другие. Некоторые названия указывали на присутствие армян: это Армянские улицы в Симферополе, Феодосии и Евпатории, поселения Барын Армянский, Антоновка Армянская⁵ и другие.

Распределение армянского населения в Юго-Восточном Крыму после миграции XIV века
(фрагмент карты из буклета «Армяне в Крыму»).

Показательно, что в Кафе число постоянных жителей доходило до 70 тыс. человек, из которых армян в 1439 году было около 30 тыс., а в 1475 году – 46 тыс., тогда как самих генуэзцев было всего несколько тысяч⁶. Греки, которые в XIV веке численно пре-

¹ **Марр Н. Я.** Кавказский культурный мир и Армения // ЖМНП. – 57. – Петроград: Сенат. тип., 1915. – С. 323–324.

² * Разъяснения в квадратных скобках внесены в цитаты составителем.

³ * Здесь О. Х. Халпахчян приводит отрывок из колофона писца Давида 1690 года в переводе Г. Айвазовского (см.: Заметки о происхождении Новороссийских армян. – С. 552.). Но поскольку в означенном переводе этот крайне важный пассаж звучит неточно, мы заменили его своим (см.: **Саргсян Т. Э.** Из истории Армянской церкви в Крыму и в Поволжье в XIV–XV веках. – С. 291–292).

⁴ **Бжишкян М.** Путешествие в Польшу. – С. 259–260.

⁵ Нижняя Антоновка в Джанкойском районе.

⁶ [**Vigna A.**] Codice diplomatico delle colonie tauro-liguri durante la signoria dell'Ufficio di S. Giorgio (1453–1475) ordinato ed illustrato dal socio p. Amedeo Vigna (tomo secondo / 2) // Atti della Societa

восходили армян в Кафе, к середине XV века уже значительно уступали им. Приведённые сведения с учётом площади города свидетельствуют о высокой плотности его застройки. И это несмотря даже на то, что к середине XV века большая часть городских кварталов располагалась вне крепостных стен. О высокой плотности населения Кафы свидетельствует и множество находившихся в ней культовых зданий, превалирующее число которых принадлежало армянам.

До прихода генуэзцев в Кафу армяне проживали на городской территории, окружённой рвом с земляным валом, усиленным позднее деревянными стенами, которые, разрушившись после неоднократных нападений кипчаков, татар и венецианцев, были заменены каменными^{1*}. О многочисленности и зажиточности армян Кафы на рубеже XIII–XIV веков свидетельствует уже упомянутый водопровод, проложенный «епископом армян». Свидетельствовавший об этом Устав Кафы 1316 года обозначал также земли, которые консул имел право сдавать в аренду новоприбывшим поселенцам^{2*}:

Ligure di storia patria. – Vol. VII / 2. – Genova: Tipografia del R. I. De Sordo-Muti, 1879. – P. 248, 343; [Гейд В.] Извлечения из сочинения Вильгельма Гейда: «История торговли Востока в средние века» / Пер. Л. П. Колли // ИТУАК. – Симферополь: Тип. Таврического Губ. Земства, 1915. – № 52. – С. 168; Микаелян В. А. История армянской колонии в Крыму. – С. 102.

Схематический план средневековой Кафы (Феодосии) с обозначением церкви и мечетей. В основе иллюстрации лежит план Кафы 1784 года (ЗООИД. – Т. VIII. – Табл. IV).

¹ * Можно более конкретно указать армянский участок догенуэзской Кафы: он располагался севернее и северо-западнее возвышенности, на которой впоследствии расположилась цитадель генуэзцев, вокруг существующих и поныне церквей Святого Саркиса и Святых Архангелов Габриела и Микаела. Последняя возведена в 1408 году на основаниях более древней армянской церкви.

² * О. Халпахчьяна вводит в заблуждение его уверенность в том, что переселение армян с Поволжья в Крым произошло в 1330 году. На самом деле, проведение водопровода «епископом армян» и обозначение земель, подлежавших сдаче в аренду, мероприятия взаимосвязанные. Они ясно указывают на время этого переселения, близкое к 1316 году. Водопровод не имел отношения к армян-

«от дворца Садона до моря и ещё по направлению церкви Святой Марии от рва, находящегося за стенами Кафы, вплоть до старого рва»¹. Как видим, к моменту составления Устава, Кафа определённым образом была защищена как стеной, так и новым и старым рвами. Многочисленным армянам, переселившимся сюда с Поволжья, была отведена территория, расположенная к востоку и юго-востоку от цитадели, где вскоре был сформирован ограждённый каменной стеной новый армянский участок. Быстро расширившись к юго-западу, он получил название Հայոց բերդ (Hayots berd) – «Армянская крепость»². Слово բերդ («крепость») подчёркивает характер поселения, обведённого каменной стеной с башнями, защищавшей его жителей от набегов.

Богаевский К. Ф. «Феодосия», 1930 год. Запечатлена значительная территория бывшей Армянской крепости, расположенной под стенами Генуэзской цитадели.

В следующем крымском городе, Сугдее, община армян также сформировалась задолго до появления итальянцев, в данном случае – венецианцев. Здесь армян уже в 1292 году упоминает одна из заметок в греческом Синаксаре. Она сообщает, что в том году, 6 апреля армяне, «потеряв счёт», праздновали Кривую Пасху³. По справедливому наблюдению В. Микаеляна, только значительная по численности армянская община, отмечавшая Кривую Пасху, могла обратить на себя внимание и вызвать необходимость упомянуть о произошедшем в Синаксаре⁴.

Армяне Сугдеи значительно расширили территорию своего пребывания после взятия города генуэзцами в 1365 году, свидетельством чего являются оставленные ими культовые здания. Вначале они компактно селились в предместье города (видимо, один из ранних таких участков находился на месте нынешнего села Уютное, расположенного к северо-западу от главных ворот крепости), а позднее стали возводить свои строения в разных местах расширившейся городской застройки и даже на территории крепости.

Благоприятные условия, сложившиеся в Крыму в период деятельности итальянских факторий, способствовали экономическому процветанию здешней армянской

скому участку догенуэзского периода. Он был проведён недавно, чтобы обеспечить водой участок новоприбывших армян, и проходил по землям, подлежащим сдаче в аренду и застройке. Именно поэтому означенный документ отдельной статьёй предусматривал неприкосновенность направления водопровода.

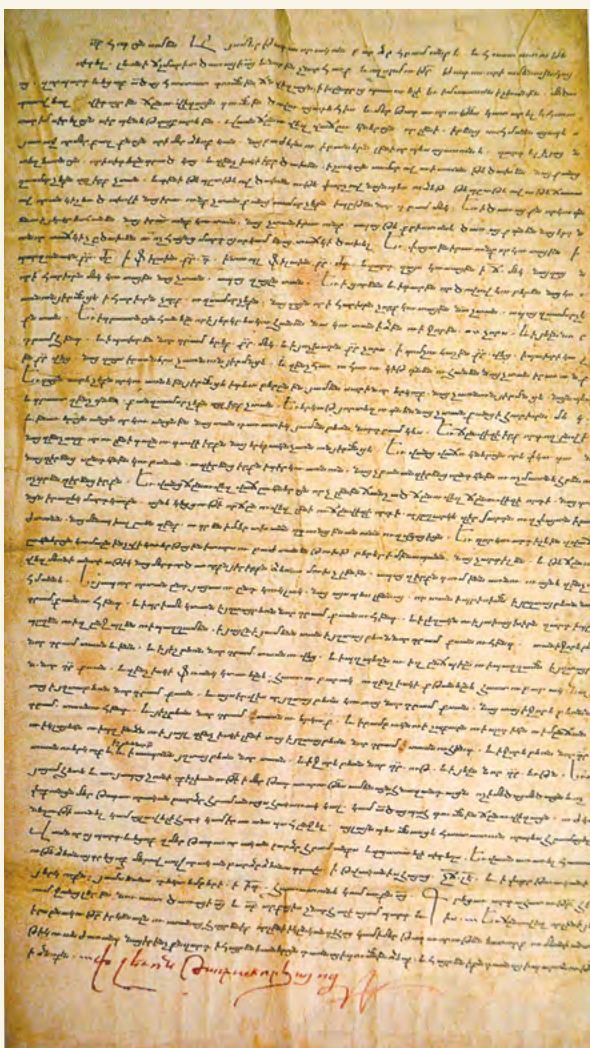
¹ *Imposicio Officii Gazarie.* – Col. 408.

² **Бжишкян М.** Путешествие в Польшу. – С. 332–333.

³ **Архимандрит Антонин.** Заметки XII–XV века, относящиеся к крымскому городу Сугдее (Судаку), приписанные на греческом Синаксаре // ЗООИД. – Т. V. – Одесса: Тип. Сод. Х. Алексомати, 1863. – С. 609 (88).

⁴ **Микаелян В. А.** История армянской колонии в Крыму. – С. 50.

колонии. Представители последней занимались не только ремесленным и сельскохозяйственным трудом, но и коммерческой деятельностью. Они налаживали торговые отношения с Генуэзской и Венецианской республиками, Королевством Польши, Священной Римской империей, странами Балканского полуострова, Русью, Турцией, Персией и так далее. Армяне Крыма ссужали итальянцев деньгами и вступали с ними в торговые отношения^{1*}, что подтверждается сохранившимися с конца XIII века нотариальными актами². С учётом присутствия в Крыму многолюдной и пёстрой в конфессиональном отношении армянской колонии, насчитывавшей около ста пятидесяти тысяч поселенцев³, её разнообразного и более чем весомого вклада в культуру и экономику полуострова, итальянцы юго-восточное побережье последнего называли «Приморской Арменией» – «Armenia Marittima», и «Большой Арменией»⁴.

Указ Киликийского короля Армении Левона II от 1288 года о предоставлении привилегий генуэзцам в портах государства (из книги Клода Мутафяна «Последнее королевство Армении, XII–XIV века». – С. 122).

¹ * Торговое сотрудничество армян с итальянцами, столь ярко проявившееся в Крыму, имело давнюю историю и достигло своего апогея в XIII–XIV веках. В Киликийской Армении специальными королевскими указами обеспечивались выгодные условия деятельности для торговых представителей Генуи и Венеции (и не только), что во многом способствовало экономическому процветанию самого королевства. Некоторые из этих документов сохранились.

² Bratianu G. I. Actes des notaires génois de Péra et de Caffa de la fin du treizième siècle (1281–1290). – P. 173–174, 244, 272; Армяно-итальянские связи. Генуэзские документы о крымских армянах. – С. 21, 25–26.

³ Рецензия / Абрамян А. Г. // ИФЖ. – № 3. – Ереван: Изд. АН Армянской ССР, 1965. – С. 283 (на арм. яз). – Рецензия на: Микаелян В. А. История армянской колонии в Крыму. – Ереван, 1964.

⁴ См.: Saint-Martin J. Analyse d'une tragédie arménienne (Sainte Ripsimé), représentée à Léopol le 9 Avril 1668 // Journal Asiatique. – Sér. I. – Vol. 2. – Paris: Chez Dondey-Dupre pere et fils,

Не исключено, что в целях упрочения своего материального благополучия некоторые из крымских армян вынуждены были примкнуть к католицизму и подчиниться армяно-католическому епископу. Однако, вопреки мнению А. Л. Якобсона, принятие католического вероисповедания не отразилось на архитектурно-художественных особенностях культовых зданий крымских армян, и его заключение о том, что некоторые постройки, например, церковь Святых Архангелов Габриела и Микаела в Кафе, «не имеют ничего общего с армянской архитектурой»¹, неверно. Исполнителями всех культовых зданий крымских армян являлись не приглашённые из-за рубежа иноземные строители, а сами армянские мастера, возводившие сооружения в формах родного им национального зодчества. Только в армяно-католических храмах, как исключение, применялись декоративные элементы, встречающиеся в католических культовых сооружениях Западной Европы^{2*}.

Падение Кафы и подчинение полуострова Оттоманской Порте

Период с начала XIV века до первой половины XV века – время стремительного расцвета факторий генуэзцев на побережье Чёрного моря. Через Кафу – их административный и торговый центр здесь – в страны Востока и Европы отправлялись не только продовольствие и изделия ремесленного производства, но и рабы. Однако усиление турок-османов к середине XV века, взятие ими в 1453 году Константинополя и проливов стали причиной постепенного ослабления позиций генуэзцев. Не спасла ситуацию и передача в 1453 году генуэзских Причерноморских факторий в ведение правления банка Святого Георгия в Генуе. Блокада Босфора и Дарданелл, нарушившая морскую связь с Средиземноморьем, и нарастающее недовольство жителей Кафы (восстания 1454, 1456, 1463, 1470 и 1471 годов) приближали крах³. В июне 1475 года, после многодневной осады, жители Кафы, окружённой с суши войсками татар, а со стороны моря – турецким флотом, капитулировали, чем и была поставлена точка в истории генуэзских торговых колоний на Чёрном море. Город Кафа получил новое название – Кефе, и вместе с остальными крымскими владениями генуэзцев, а также частью территории феодоритов отошёл туркам-османам. Турецкая администрация во главе с пашой разместилась в некогда Генуэзской цитадели, известной как Франк-хи-

---

1823. – Р. 23–24; **Кёппен П. И.** Крымский сборник. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. – С. 135.

¹ **Якобсон А. Л.** Крым в средние века. – С. 121–124.

² * Об армянах-католиках в Крыму и в частности в Кафе пишут многие армянские источники XIV–XV веков. Они сообщают также о двух-трёх армяно-католических церквях и монастырях в Кафе, в число которых, однако, известная ныне церковь Святых Архангелов никак не входила. Армянские источники дают полное основание заключить, что она никогда не была католической. Находясь на территории армянского участка догенуэзского периода, церковь Архангелов возведена в 1408 году на основаниях более древней армянской церкви (см.: **Лопушинская Е. И.** Архитектура армянской церкви Архангелов Гавриила и Михаила в Феодосии и её реставрация // «Лрабер» (ВОН). – № 9. – Ереван: Изд. АН Армянской ССР, 1982. – С. 69; **Саргсян Т. Э.** Ещё раз об армянских церквях в Феодосии XIII–XV вв. Церковь Архангелов Габриэла и Микаэла // ИФЖ. – № 2. – Ереван: Изд. НАН РА, 2002. – С. 119–120). Что касается мастеров, то они действительно были армяне, которые строили здания в духе армянской архитектуры. При этом местная мультикультурная среда, в том числе и католические строительные и декоративные предпочтения, не могли обойти стороной армянские здания. Многовековая армянская строительная культура сильнейшим образом влияла на архитектурный ландшафт региона, но и сама подвергалась влиянию местной пёстрой и колоритной среды.

³ **Балахонов В.** Феодосия. Очерк-путеводитель. – Симферополь: Крым, 1966. – С. 19–21.

сар. Что касается Крымского ханства, то оно более чем на 300 лет подпало под вассальное подчинение от Порты.

Вскоре после взятия Кафы турки устроили приём для армянских князей и старшин города, попросив их явиться без оружия. Приём был организован в бывшем дворце генуэзского консула, расположенном в цитадели у Ворот гавани (по-турецки «Искеле-капуси»). После пиршества, во время которого армяне ответили очередным отказом на предложение турок принять ислам, их всех обезглавили, а тела выбросили в море¹. После этого, не опасаясь сопротивления, турки учинили в городе резню христианского населения, отобрали имущество богатых горожан, молодых девушек и юношей усадили на корабли и отправили на невольничьи рынки, а умелых ремесленников переселили в Константинополь. Многие из оставшихся на полуострове армян, спасаясь от притеснений, вынуждены были переселиться в Галицию, Валахию и Трансильванию, пополнив ряды армянских общин там². И лишь малая часть армян Крыма осталась жить на полуострове.

Покинутые бывшими жителями различные строения, целые кварталы и даже селения, приспособлялись новыми хозяевами для своих целей. И если гражданские постройки ещё некоторое время продолжали использоваться без изменений или в перестроенном виде, то многие из армянских церквей были разрушены, а в редком случае приспособлены под мечети^{3*}. Такое положение дел продолжалось более столетия. Уже в начале XVII века армянская колония Крыма стала пополняться новыми переселенцами, а местные власти, в первую очередь татарские правители, предоставляли им свободу проживания и трудовой деятельности. В результате численность армян увеличилась настолько, что говоря об основных жителях полуострова, первыми после татар упоминались армяне⁴.

Армяне-переселенцы, обосновавшиеся в Крыму в начале XVII века, заняли бывшие армянские обезлюдившие и разрушенные городские и сельские участки, восстановив оставшиеся бесхозными культовые, жилые и общественно-производственные строения. Позднее, с увеличением численности населения и изменением экономической географии полуострова, армяне стали активно селиться и в относительно новых городах и поселениях – в Бахчисарае, ставшем местом пребывания крымских ханов, Карасубазаре и Ак-Мечети (Симферополе). Надо полагать, армянские церкви в указанных населённых пунктах были основаны именно после установления турецкого господства. Реконструкции и расширению подвергся и монастырь Сурб Хач вблизи Эски Крыма (ныне город Старый Крым). Восстанавливались и другие духовные центры в Кафе и в селе Топты^{5*}.

В скором времени армяне достигли заметного материального благополучия и завоевали доверие местных властей, что позволяло им занимать различные админи-

---

¹ Айвазовский Г. Заметки о происхождении Новороссийских армян. – С. 553–554; Мурзакевич Н. Н. История генуэзских поселений в Крыму. – Одесса: Гор. типография, 1837. – С. 81.

² Айвазовский Г. Заметки о происхождении Новороссийских армян. – С. 554.

³ * Из армянских культовых очагов опустели только монастыри и скиты, поскольку после установления турецкого владычества их деятельность была приостановлена. Только два престольных монастыря продолжили служить своей пастве: Сурб Хач близ Старого Крыма и Святой Богородицы в Кафе. В отличие от греческих и католических церквей, которые либо были разрушены, либо переделаны в мечети, армянские городские и сельские церкви всецело остались в руках армян, которые по мере своих иссякших сил пытались обеспечить их деятельность. Что касается приспособления под мечети, то история армянской колонии в Крыму знает всего три таких случая, и то относящихся ко второй половине XVIII века.

⁴ Тунманн Й. Крымское Ханство. – Симферополь: 1-я гостипография Крымполиграфтреста, 1936. – С. 30.

⁵ * Восстановление церковных зданий производилось с разрешения властей и, видимо, за отдельную плату.

стративные должности. Так, посредниками между правителями Крыма и Богданом Хмельницким были проживавшие в Бахчисарае зажиточные армянские торговцы, а князь Теван-ага занимал здесь должность управляющего ханским монетным двором, где чеканилась мелкая монета, имевшая хождение на территории Крымского ханства¹. Теван-ага был человеком весьма состоятельным, о чём свидетельствует восстановленная при его всестороннем содействии армянская церковь Святого Оксента в Карасубазаре², равно как и построенный в память о нём фонтан. Плита с армянской надписью, рассказывавшей о возведённом в память об ага-Теване фонтане, хранилась в музее Общества истории и древностей в Одессе. Хр. Кучук-Иоаннесов, опубликовавший надпись^{3*}, сообщает, что плита в музей была перевезена из Крыма⁴, полагаем – из Карасубазара. То есть, по этой версии, фонтан, посвящённый памяти ага-Тевана, находился в Крыму. По другим сведениям фонтан, построенный в память об ага-Теване, находился в Аккермане (ныне Белгород-Днестровский в Украине)⁵. Эта версия нуждается в уточнении, поскольку имя ага-Тевана в основном связывается с Крымом^{6*}.

Кафа (Кефе) продолжала оставаться главным городом на полуострове. В нём при наместнике султана (паше) находился значительный турецкий гарнизон. Здесь возводятся художественно-значимые монументальные здания – мечети^{7*}, караван-сарай, бани, одна из которых даже строится Мимаром Синаном – известным османским зодчим армянского происхождения, и другие постройки, почему город получает название «Кючук Стамбул» («Малый Стамбул»). Процветает торговля, особенно с северными странами, что, однако, не мешает татаро-турецким отрядам совершать грабительские набеги в этом направлении. Важной статьёй грабежа продолжает оставаться пленение людей с целью их продажи на невольничьих рынках. В Кефе постоянно имеется до 30 тысяч рабов, продаваемых на рынках Малой Азии⁸. Но татаро-турецкие вылазки не всегда остаются безнаказанными. В 1661 году гетман Конашевич-Сагайдачный топил на рейде Кефе турецкий флот и совершает нападение на Синоп и Трапезунд.

---

¹ Меликсет-Беков Л. М. Старинные армянские надписи в Музее Общества истории и древностей в Одессе. – Тифлис: Тип. «Эпоха», 1912. – С. 10–12.

² Бжишкян М. Путешествие в Польшу. – С. 246.

³ * В нашем переводе на русский язык надпись звучит так: «Фонтан построен в 1192 [= 1743] году, в память о сыне Саака из [рода] Воскановых из Парака – ага-Теване, и на долгоденствие его [= Тевана] сына Георка и дочерей, [а также во имя] всех членов семьи – [на благоденствие] здравствующих и в память об усопших».

⁴ Кучук-Иоаннесов Хр. Старинные армянские надписи и старинные рукописи в пределах Юго-западной Руси и в Крыму. – С. 63.

⁵ Тораманян А. Х. Из истории строительной деятельности армян в Молдавии. – Москва: Внешторгиздат, 1991. – С. 24–25.

⁶ * Внутри часовни Святого Георгия на берегу Днестровского лимана, по дороге из Аккермана в село Шабо, бил источник, именуемый «Святая криница», «Криничка», или «Прасковьевский источник» (описание источника, часовни и находящегося перед её входом армянского надгробия см.: Меликсет-Беков Л. М. Армянские древности в Аккермане (в Бессарабии). – Тифлис: Электротпечатная Н. Агаян, 1911. – 37–42). Некоторые авторы именно этот источник идентифицируют с фонтаном ага-Тевана – жителя Крыма, управляющего монетным двором Крымского ханства. В 60-х годах XX века часовня была засыпана песком (см.: Тораманян А. Х. Из истории строительной деятельности армян в Молдавии. – С. 24–25, 31).

⁷ * Большинство мечетей Кафы (Кефе) представляли собой переделанные греческие и католические церкви. Армянские городские церкви избежали этой участи (см.: Саргсян Т. Э. О численности армянских духовных центров Кафы–Феодосии // ИНК. – № 21. – Симферополь: ООО «Симферопольская городская типография», 2008. – С. 37–39).

⁸ Балахонов В. И. Феодосия. – С. 26.

Армяне Крыма в период вхождения полуострова в состав Российской империи: переселение 1778–1779 годов и последующее возрождение колонии

По Кючук-Кайнарджийскому мирному договору, подписанному по итогам русско-турецкой войны 1768–1774 годов, России удалось не только освободить от турок всё северное побережье Азовского моря, получить свободу мореплавания через Дарданеллы и Босфор, но и добиться провозглашения независимости Крымского ханства от Османской империи¹. Однако для окончательного утверждения на Чёрном море России необходимо было присоединить Крым. Опасаясь дипломатических осложнений с западноевропейскими государствами, она прибегла «к очень тонкой», по выражению Ш. М. Шагиняна, политике², пойдя по пути экономического ослабления ханства. Осуществлению этой политики призвано было служить и массовое, казалось бы – добровольное, переселение христианского населения Крыма. Оно состояло из более 31 тысячи армян, греков и других национальностей – основных налогоплательщиков ханства, в руках которых находилась большая часть ремесленного производства, земледелия и торговли. Череда интриг и заговоров, стремительный и продолжавшийся упадок в экономике, наступивший после исхода христиан, в 1783 году вынудили хана передать власть и владения императрице Екатерине II. Что касается выехавших из Крыма христиан, то те заселили степные, почти безлюдные земли Новороссийского края, подняв экономику и обороноспособность южных, недавно присоединённых к империи территорий.

Российское правительство выделило средства и телеги для переселения христиан, убедив их, что в случае возвращения турок не сможет защитить их³. Первая группа крымских армян выехала 18 августа 1778 года, вторая – 22 августа, третья – 8 и последняя – 18 сентября. Таким образом переселение армян (общей численностью 12 598 человек) было завершено в течение одного месяца⁴. В числе переселившихся были торговцы, ремесленники и промышленники из шести городов: Кефе – 5511 человек, Карасубазара – 2805, Бахчисарая – 1375, Гёзлева – 1304, Ак-Мечети – 259 и Эски Крыма – 160 (итого 11 418 человек). Было также много сельских жителей: из Орталанка – 406 человек, Салы – 224, Топты – 212, Камышлыка – 121, Мелека – 72, Султан Салы – 57, Чурук-су (Лесное) – 40, Бурундук-Отара – 38 и Топчака (Челядиново) – 10 (итого 1180 человек)⁵. Остались неизвестными данные об армянах-переселенцах из Сарабузы (Гвардейское), Судака, Алушты, Алупки и некоторых других мест. Переселение не коснулось армян, проживавших в городах и селениях Северного Крыма, вошедших в состав империи ещё в период кампании 1771 года.

Сначала армяне-переселенцы собрались вблизи русской крепости в Перекопе, недалеко от Орабазара (Армянск), после чего были направлены в земли в округе Александрова (Запорожье), в район междуречья Самары и Орели – левобережных притоков Днепра. Однако местность оказалась болотистой, климатически и географически неблагоприятной. Да и самой земли, как выяснилось, было недостаточно для столь многолюдной колонии. Пере-

¹ **Нерсисян М. Г.** Из истории русско-армянских отношений. – Книга I. – Ереван: Изд. АН Армянской ССР, 1956. – С. 99–100.

² *Доброе слово – что весенний день: из устного народного творчества донских армян / Сост., предисл. и примеч. Ш. М. Шагиняна.* – Ростов-на-Дону: Ростовское книжное изд-во, 1979. – С. 6.

³ **Микаелян В. А.** История армянской колонии в Крыму. – С. 364–366.

⁴ См.: **Богданян А. М.** Из прошлого. О переселении армян из Крыма на Дон. Краткий исторический очерк. – Ростов-на-Дону: Ростовское книжное изд-во, 1989. – С. 87; **Захарьянц Г. Н., Иноземцев Г. А., Семернин П. В.** Ростов-на-Дону (к 200-летию со дня основания). – Ростов-на-Дону: Ростиздат, 1949. – С. 37; **Фадеев А. В.** А. В. Суворов на Дону и в Приазовье. – Ростов-на-Дону: Ростиздат, 1950. – С. 18; **Микаелян В. А.** История армянских колоний в Крыму. – С. 369.

⁵ Присоединение Крыма к России. Рескрипты, письма, реляции, донесения / Сост. Н. Дубровин. – Т. 2 (1778 год). – СПб.: Тип. Императорской АН, 1885. – С. 713.

зимовав здесь ценой больших людских и имущественных потерь, бывшие крымские армяне летом 1779 года обратились к Г. А. Потёмкину с просьбой переселить их в низовья Дона. Просьба была удовлетворена грамотой Екатерины II от 14 ноября того же года, которая разрешала выехавшим из Крыма армянам селиться в Азовской губернии, возле крепости Святого Димитрия Ростовского. Таким образом, после полуторагодичных скитаний, связанных с большими трудностями, после суровой зимы 1778–1779 годов, проведённой под Александровом, численно уменьшившиеся на одну треть армяне-переселенцы получили право на постоянное жительство в низовьях Дона. Здесь ими был основан город Нахичевань, а также пять селений к северо-западу от крепости Святого Димитрия Ростовского. В Нахичевани (с 1838 года – Новый Нахичевань или Нахичевань-на-Дону), который ныне представляет собой Пролетарский район города Ростова-на-Дону, поселились бывшие жители пяти крымских городов – Кафы, Карасубазара, Бахчисарая, Ак-Мечети, Гёзлева. Ближайшее к городу селение получило название «Чалтырь» – по имени речушки, на которой оно было построено. В нём обосновались жители крымского села Орталанк (ныне Земляничное), которые ещё долго по обыкновению называли своё село «Орталанк». Выходцы из Эски Крым (Старый Крым) и села Топты (ныне Тополевка) вместе основали одно село, сохранив два названия «Топты» и «Крым» (сейчас утвердилось второе), в связи с чем в нём образовалось два церковных прихода. Выходцы из крымского села Сала в верховьях речки Темерник основали Большие Салы (Uđ Uşu, Mets Sala), а жители Султан-Сала – Малые Салы (Fırr Uşu, Poqr Sala) на реке Хавалы^{1*}. Уроженцы остальных крымских селений обосновались как в указанных сёлах, так и в самом северном селе Несвитай, около речки Тузлов. Несколько позже часть жителей Нахичевани на речке Самбек основала шестое армянское село под названием Катеринаван (Екатериновка), ныне именуемое «Самбек».

После выхода христиан из Крыма многие селения и городские кварталы опустели. По мнению П. Сумарокова, Россия, не ожидая политических изменений, поспешила с выводом из Крыма греков и армян, но через пять лет этот край предстал перед ней в крайне запущенном виде: «Она содрогнулась, найдя, что деревни претворились в развалины, сады в запущенные леса, ремёсла, промышленность – в тунядство, и уверилась, что осудила на сиротство новых своих чад ещё прежде их усыновления»². Численность крымчан особенно уменьшилась после присоединения полуострова к Российской империи, так как «конец ханства привёл к массовой эмиграции татар в Турцию»³. Для увеличения численности населения и освоения присоединённых земель 13 февраля 1798 года Екатериной II был издан манифест «Об установлении на полуострове Таврическом порто-франко на 30 лет и даровании различных выгод жителям сего острова и приезжающим туда иностранцам», дающий всем желающим право без различия звания и вероисповедания, по своему выбору обосноваться в любом месте полуострова, за исключением Севастополя как военной гавани. Переселенцы-колонисты получали в вечное пользование наделы по 60 десятин на душу, на десять лет освобождались от всех видов подушной подати, налогов и повинностей, из государственной казны им выдавались беспроцентные ссуды на обустройство, приобретение скота и сельскохозяйственного инвентаря⁴.

С провозглашением манифеста начался наплыв переселенцев в Крым. Стали возвращаться и многие из бывших крымских армян, оказавшихся в низовьях Дона. Согласно

¹ * Примечательно, что крымское село Малая Сала (Малые Салы), которое по территории и населению было значительно меньше села Сала (Грушевка), обозначалось громким определением «султан» – Султан Сала (ныне – Южное). Этот отличительный эпитет связан с тем, что село находилось неподалёку от Кафы, непосредственно на земле османов, и его жители платили подати султану. Между тем, село Сала подчинялось хану, и его жители подати платили хану.

² [Сумароков П.] Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду Павла Сумарокова. – Часть 1. – СПб.: Императорская типография, 1803. – С. 160.

³ Тыглианц П. К. Как отразились демографические особенности армянского населения Крыма на эволюции его культурных и общественных отношений в первые десятилетия Советской власти? // Крымская АССР (1927–1985). Вопросы и ответы. – Вып. 3. – Симферополь, 1990. – С. 183.

⁴ Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. – Т. XXV. – СПб.: Тип. II Отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. – С. 64–68.

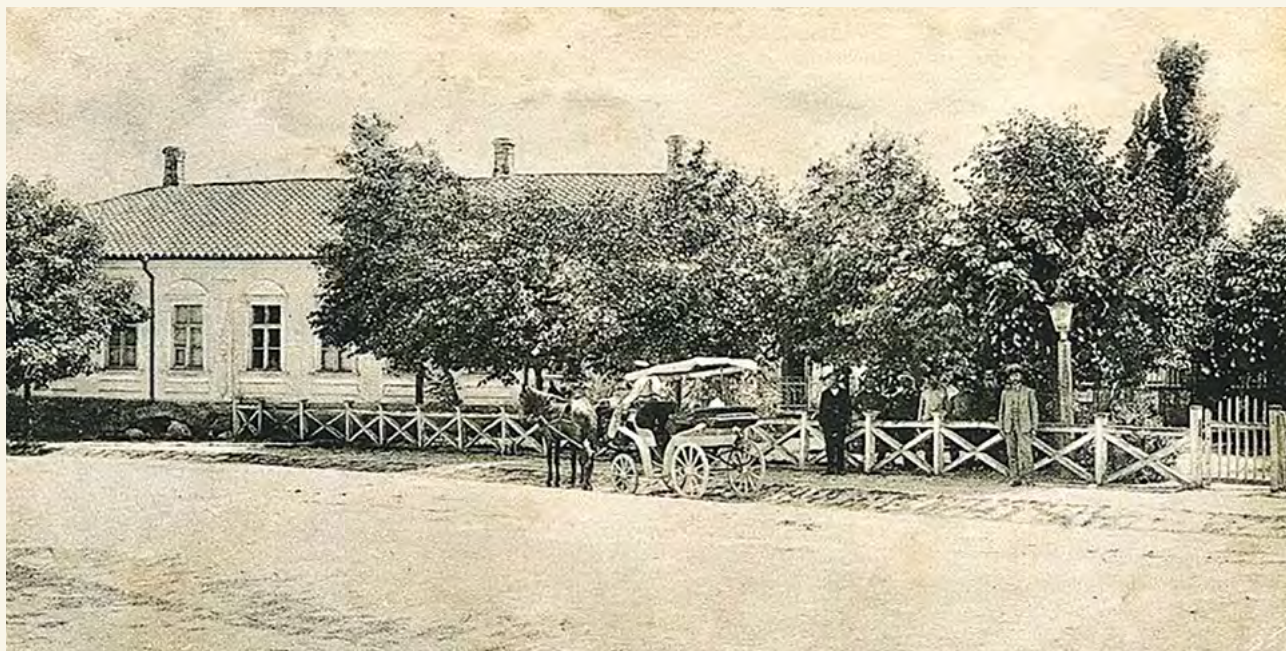
исследованию П. К. Тыглиянца, в Крыму поселялись в большинстве случаев зажиточные армяне¹. Так, 200 семей обосновались в Карасубазаре, другие – в Керчи, Феодосии, Старом Крыму, Бахчисарае, Симферополе, Евпатории, Армянском Базаре. В 1803 году из Нахичевани-на-Дону в Карасубазар возвратилось 150 человек (30 семей), а в 1811–1812 годах в Старый Крым – 600 человек. На полуостров переселялись также из армянских колоний Львова, Каменец-Подольского, Кишинёва и различных мест Балканского полуострова. Интересен численный состав армянского населения Крыма. Если в 1799 году на полуострове проживало 1043 армян (252 семьи), а по церковной описи 1863 года – 4106², то, согласно переписи 1897 года, численность их увеличилась до 8317 человек. Перепись 1926 года свидетельствует о проживавших в Крыму 10 713 армянах, а 1939 года – о 12 923. В большинстве своём это были городские жители. Сельчан было немного. Традиционными занятиями последних были садоводство, виноградарство, табаководство и шелководство.

В отличие от прошлых времён армяне, обосновавшиеся в Крыму в XIX веке, не имели возможности селиться компактными общинами. Чаще всего они оказывались в среде со смешанным составом населения и жили среди русских, греков, болгар, немцев и людей других национальностей. Исключение составляли армяне Эски Крыма (Старого Крыма) и Карасубазара (Белогорска), где на рубеже XVIII–XIX столетий российскими властями были созданы национальные городские автономии соответственно для армян григорианского (апостольского) и католического вероисповеданий^{3*}. Городские автономии просущество-

¹ Тыглиянец П. К. Как отразились демографические особенности армянского населения Крыма на эволюции его культурных и общественных отношений... – С. 183–184.

² Тер-Абраамян О. История Крыма (часть 1). – С. 104.

³ * Привилегии (в том числе и возможность иметь свою ратушу), данные армянам-католикам Крыма после их переселения в Екатеринослав 1 (ныне это окраина Днепропетровска), зафиксированы в Указе императрицы Екатерины II от 14 ноября 1779 года. Подтверждены они Указом императора Павла I от 18 апреля 1800 года уже после возвращения армян-католиков в Крым и обоснования в Карасубазаре. Привилегии данные армянам апостольского (григорианского) вероисповедания, в том числе и возможность учредить свой магистрат в Эски Крыме (Старом Крыму), зафиксированы в императорском Указе от 28 октября 1799 года. Тем не менее, магистрат открылся лишь в 1808 году (см.: Микаелян В. А. История армянской колонии в Крыму (1801–1917). – С. 14–30). Здание Армянского суда (ратуши) в Старом Крыму, неоднократно упоминаемое армянскими авторами XIX века, располагалось на центральной улице и торцевым фасадом было обращено в сторону рынка.

Здание бывшей Армянской ратуши (суда) в Старом Крыму.

Почтовая открытка начала XX века.

вали до их упразднения в 70-х годах XIX века. После этого, согласно переписи 1884 года, единственным местом компактного проживания армян в Крыму являлся хутор в Салынской волости, заселённый армянами – выходцами из Турции¹.

Энергичная деятельность армян внесла заметное оживление в торгово-экономические отношения полуострова. В начале XIX века они принимали деятельное участие в становлении промышленного производства в Крыму. Ими же совершались почти все внутренние и внешние торговые операции, особенно активно проводимые через такие города-порты Крыма как Керчь, Феодосия, Евпатория. И вполне естественно, что во время Крымской войны 1853–1856 годов именно зажиточные крымские армяне оплачивали значительную часть военных расходов осаждённого Севастополя.

Высоким качеством отличались выполненные мастерами-армянами строительные работы. Среди возведённых ими объектов были как жилые дома и культовые постройки, так и производственные и торговые сооружения. Представители высших слоёв армянского общества строили и новые типы зданий, такие как доходные дома, школы-интернаты, типографии, больницы и так далее.

В ходе Первой мировой войны и последовавшей за ней революции численность армян в Крыму сократилась на одну треть. Печальнее сказались на их судьбе события периода Второй мировой войны: в 1944 году армяне полуострова, наряду с крымскими татарами, греками, болгарями, немцами были массово депортированы в Сибирь и республики Центральной Азии.

Общественно-культурная жизнь крымских армян

Общественная жизнь многовековой армянской колонии в Крыму мало исследована. Относительно ранней её истории этот аспект вообще не изучен. Неизвестно также о внутренней организации армянских общин в Херсонесе и княжестве Феодоро, нередко управлявшихся патрициями армянского происхождения. Сравнительно немного известно о светском правлении крымских армян в средневековый период. Судя по скудным данным армянских источников XIV–XVIII веков, они объединялись в общины по месту жительства (городской участок или квартал), возглавляемые представителями знати. Как правило, это были состоятельные князья и старосты, или старшины, избираемые на определённый срок. Старшины кварталов формировали городское правление, которое представляло интересы армян всего города. Органы внутреннего самоуправления имелись как в городских общинах крымских армян (Сурхат, Кафа, Сугдея, Карасубазар), так и в сельских. Сельской общиной руководил глава, именуемый «раис». Есть основания предположить, что для соблюдения внутреннего порядка община руководствовалась Судебником (сводом законов) известного армянского правоведа Мхитара Гоша, составленным в XIII веке². Церковное правление осуществлялось архиепископами, представлявшими католикоса – верховного главу Армянской церкви.

По нашему предположению, существовали и цеховые организации (հարսրարչություններ), объединявшие ремесленников одной специализации и защищавшие их интересы.

Решающее значение в сохранении национальной культурной среды играли учебно-просветительские учреждения. Большинство их составляли приходские школы, действовавшие при городских и сельских церквях. Эти незамысловатые классы начального обучения были рассчитаны на одногодичное или двухгодичное преподавание мальчикам.

¹ Тыглиянц П. К. Как отразились демографические особенности армянского населения Крыма на эволюции его культурных и общественных отношений. – С. 184.

² Микаелян В. А. История армянской колонии в Крыму. – С. 129–132.

Кроме приходских школ армяне в Крыму имели также учебные заведения более высокого уровня – духовные семинарии. В них преподавали богословие, риторику, схоластику, естествознание, медицину, музыку. Особенно славились семинарии при монастырях Кимчак Святой Богородицы (первая половина XIV века), Сурб Хач (XIV–XVIII века) и Святого Антона (1425–1450 годы). Воспитанники последней занимались также изучением трудов Аристотеля, Порфирия, Давида Непобедимого и других мыслителей¹. Среди педагогов славились вардапет^{2*} Аветык Хотачарак (XIV век), инок Ованэс Себастици (XIV век), вардапет Саркис Кафаеци (XV век), Степанос Тохатеци и Аюп Кафаеци (XVII век). Воспитанников семинарий обучали также искусству каллиграфии и созданию миниатюр.

Евангелие, созданное в Кафе в 1420 году книжным мастером Кростосатуром
(Матенадаран им. Месропа Маштоца. – Рукопись 7686. – Л. 1об. –2).

Постижение книжного искусства подразумевало также изготовление пергамента, умение работать с бумагой. Нередко наряду с семинариями при крупных монастырях действовали скриптории, в которых переписывались и брошюровались манускрипты. Имелись также переплётные мастерские, где рукописи оборачивались в художественно украшенные кожаные переплётные или серебряные оклады.

Уважительное и даже благоговейное отношение к учебному делу и знаниям обеспечили среди крымских армян ту атмосферу, в которой творили известные поэты XIV–XV веков Состанес и Григор Кафаеци, а в XVII веке – жившие в Кафе Вардан, Вртанес, Симеон и Хаспек. Из наиболее видных учёных следует отметить календароведов

¹ См.: Памятные записи армянских рукописей XIV века. – С. 265, 348, 485–486, 503; Рецензия / Кусикян И. К. // ВВ. – Т. XII. – Москва: Изд. АН СССР, 1957. – С. 291. – Рецензия на: Памятные записи армянских рукописей XV века. Часть 1 (1401–1450). Сост. Л. С. Хачикян. – Ереван: Изд. АН Армянской ССР, 1955 (на арм. яз.). – 820 с.

² * Учёный богослов.

XIV–XV веков Акоба Крymeци и Есаи Крymeци, а также хрониста Хачатура Кафаеци (Хачгруза) и историка Мартироса Крymeци (XVII век)¹.

Евангелие, созданное в Кафе в 1684 году. Книжный мастер – Никогайос Цахкарап
(Матенадаран им. Месропа Маштоца. – Рукопись 6341. – Л. 83об. –84).

В XIV–XV веках создание рукописных книг осуществлялось в основном при армянских церквях и монастырях Сурхата и Кафы^{2*}, а позднее – Карасубазара, Бахчисарая, Ак-Мечети. Только в Матенадаране им. Месропа Маштоца – хранилище древних рукописей в Ереване – есть примерно 300 рукописей, написанных в Крыму в XIV–XIX веках, – Евангелия, Псалтири, Гимнарии, Лекционарии, в которых, кроме самих текстов и иллюстраций, имеются колофоны с важными сведениями по истории крымских армян и Крыма в целом.

Говоря о книжном наследии крымских армян, следует отдельно отметить особую ценность иллюстраций, украшающих рукописи. Они помещены как на отдельных страницах, так и на полях. Унаследовав традиции армянского изобразительного искусства, в первую очередь – книжной живописи Киликии, миниатюра крымских армян, тем не менее, сформировала своё особое направление. Из наиболее ранних армянских художников-миниатюристов, работавших в Крыму, известны Григор Сукиасанц, Симеон Бабердаци, иерей Карапет, творчество которых, бесспорно, отличается яркой индивидуальностью³. С 40-х годов XIV века в Крыму свои рукописи создаёт известный мастер книжного дела Натер, переехавший сюда из Баберда вместе с семьёй. Наследие Натера и его сыновей Аветиса и Степаноса – известных калли-

¹ Армяне в Крыму (карта-буклет).

² * Созданные на полуострове наиболее ранние образцы армянских рукописных книг относятся к 1307, 1316 и 1324 годам (см.: Свод армянских памятных записей, относящихся к Крыму и сопредельным регионам (XIV–XV вв.). – С. 57–67).

³ Сви́рин А. Н. Миниатюра Древней Армении. – М.–Л.: Искусство, 1939. – С. 96–101.

графов и миниатюристов – насчитывает несколько десятков высокохудожественных рукописей, выполненных под влиянием киликийских образцов¹.

Титульный лист из Лекционария, созданного иереем Карапетом в Кафе в 1360 году
(Матенадаран им. Месропа Маштоца. –
Рукопись 7741. – Л. 277).

Титульный лист, выполненный сыном Натера Степаносом в 1368 году в Сурхате
(Матенадаран им. Месропа Маштоца. –
Рукопись 2705. – Л. 335).

К числу выдающихся крымских писцов и художников-миниатюристов XV века принадлежат Тадэос Авраменц, Крестосатур, Оксент, XVII века – Захария и Никогайос Цахкарар по прозвищу «Меланавор» (чернильщик, писарь). Первые три мастера работали в монастыре Святого Антона близ Кафы, а последние два – в скриптории церкви Святого Саркиса в Кафе².

Традиции армянского изобразительного искусства лежали в основе не только книжной миниатюры, но и монументальной живописи крымских армян. К сожалению, памятников этой категории, конкретно – росписей, украшавших интерьеры культовых зданий, сохранилось крайне мало. Остатки наиболее древних из них ещё можно обнаружить в феодосийских храмах Святого Саркиса, Святых Архангелов Габриела и Микаела (Гавриила и Михаила), Иоанна Предтечи (Крестителя) и Святого Степаноса (Стефана). Как и в миниатюрах, тематика росписей – портреты святых, сцены и персонажи из Ветхого и Нового Заветов³.

Памятники монументальной живописи выполнялись одним или несколькими художниками. Цветовая гамма – относительно спокойная. В некоторых росписях преобладают охристые тона на общем синем фоне. Использовались и яркие оттенки – оран-

¹ Корхмазян Э. М. Об одной семье армянских миниатюристов из Крыма // ИФЖ. – № 2. – Ереван: Изд. АН Армянской ССР, 1968. – С. 184–190 (на арм. яз.); Корхмазян Э. М. Армянская миниатюра Крыма. – Ереван: Изд. АН Армянской ССР, 1978. – С. 27–29.

² Искусство крымских армян // «Коммунист» (орган ЦК КП Армении). – № 158 от 09.07.1969. – С. 4; Геворкян А. Армянский миниатюрист XVII века Никогос Цахкарар // «Лрабер» (ВОН). – № 3. – Ереван: Изд. АН Армянской ССР, 1970. – С. 89–96.

³ Корхмазян Э. М. Армянская миниатюра Крыма. – С. 97–107.

жево-красные и тёмно-зелёные. В относительно ранних памятниках монументальной живописи представленные фигуры написаны умело в характерной для восточно-христианских памятников XIV–XV веков широкой смелой манере («Деисус» в конхе церкви Святого Степаноса в Феодосии), контуры чёткие, с армянским типом лиц. Фрески XVII–XVIII веков выполнены не столь искусно и менее ценны в художественном отношении.

Роспись на своде церкви Святого Саркиса в Феодосии, изображающая евангелистов (XVIII век). Открыта и закреплена в 2016–2017 годах.

Практиковались и надписи, в основном армянские, а на памятниках, принадлежавших армянам греко-православного вероисповедания, – также и греческие. Наличие греческих надписей, приписанных к некоторым из росписей церкви Святого Степаноса (Стефана) в Феодосии, дало основание Д. Маркову отнести само сооружение к числу греческих культовых зданий города¹, что неверно². Это ошибочное мнение бытует и сегодня^{3*}.

¹ **Марков Д.** Древнегреческая церковь в феодосийском Карантине // ИТУАК. – № 48. – Симферополь: Тип. Таврического Губерн. Земства, 1912. – С. 187–195.

² **Корхмазян Э. М.** О времени постройки армянской церкви Св. Стефана в Феодосии // «Лрабер» (ВОН). – № 2. – Ереван: Изд. АН Армянской ССР, 1975. – С. 90–97.

³ * Греческие надписи совмещаются с признаками армянского присутствия как в памятниках армян греко-православного вероисповедания (армян-халкидонитов), так и в армянских памятниках, впоследствии перешедших к представителям греко-православия. В данном случае путаница возникла из-за того, что в XVIII веке в церкви Святого Степаноса (Стефана) обосновались греки и определённым образом привели её в соответствие со своим обрядом. Определяющим же фактором для атрибуции церкви, является её расположение на территории бывшей Армянской крепости в Кафе, рядом с фонтаном, на котором имелись армянские надписи строительного характера (см.: **Саргсян Т. Э.** О численности армянских духовных центров Кафы–Феодосии. – С. 37–41).

Армянские надписи, выполненные краской, в Крыму встречаются крайне редко. Как правило, это литографии – вытесанные на камне тексты, представляющие собой важные источники исторических сведений. Можно встретить как приписанные к композициям хачкаров поминальные надписи, так и отдельно скомпонованные литографии строительного содержания.

**Строительная надпись о восстановлении сооружений
монастыря Сурб Хач (Святого Креста) в 1751 году.**

Что касается самой каменной пластики крымских армян, то она представлена орнаментальной резьбой, украшающей культовые здания и фонтаны, а также хачкарами и тематическими рельефами^{1*}.

**Рельеф «Богоматерь с Младенцем» из храма Спасителя близ села Богатое.
Экспонируется в Центральном музее Тавриды. ►**

^{1*} На данный момент наиболее обстоятельно исследована каменная пластика армян Кафы (см.: Айбабина Е. А. Декоративная каменная резьба Каффы XIV–XVIII веков. – Симферополь: Сонат, 2001). Есть также публикации, посвященные тематическим рельефам храма Спасителя на окраине села Богатое (Якобсон А. Л. Армянский монастырь XIV века близ Белогорска в Крыму // ИФЖ. – № 4. – Ереван: Изд. АН Армянской ССР, 1964. – С. 230–235; Саргсян Т. Э. Храм Спасителя в Крыму и его сюжетные рельефы // Роща рождения. Сборник статей, посвященных памяти Феликса Тер-Мартirosова. – Ереван: Изд. Ереванского Гос. Университета, 2015. – С. 407–427).

После присоединения Крыма к России (1783 год) культурно-образовательные учреждения получили новое развитие. Предоставленные привилегий позволили армянам открыть не только приходские, но и светские школы во многих населённых пунктах полуострова. К числу последних относятся учебные заведения в Симферополе (1800 год) и Карасубазаре (1816 год). Особенно крупным, с пансионом, было армянское Халибовское училище в Феодосии (1858–1871 годы). При нём действовала типография, издававшая учебники и учебные пособия на армянском и русском языках, календари, художественную, историческую и переводную литературу. Здесь же печатались номера журналов «Масеац агавни» (Голубь Масиса) и «Радуга».

Титульный лист первого номера журнала «Масеац агавни» (Голубь Масиса), вышедшего в Феодосии в 1860 году.

Что касается приходских школ, то по статическим данным в 1905 году в Крыму их было восемь. Две из школ, в которых обучали армянской и русской грамоте, действовали в Симферополе, по одной – в Карасубазаре, Керчи, Евпатории, Феодосии, Старом Крыму, Орабазаре. Преподавателей было 21 человек, а учащихся – 236, обоих полов, что свидетельствует о довольно передовых взглядах крымских армян¹.

¹ **Микаелян В. А.** История армянской колонии в Крыму (1801–1917). – С. 281.

Длительное проживание армян среди разных народов Крыма отразилось на многих сторонах их жизни и деятельности. Армяне легко осваивали язык соседей (греческий, итальянский, арабский, татарский, русский), изучали их предпочтения и привычки, что определённым образом влияло на собственный быт, традиции и даже язык. В этом отношении показательна транскрипция имён и фамилий крымских армян. Среди них появились такие необычные для армян фамилии как Тикиджи, Халпахчи, Гдакчи, которые в российский период преобразовались в Тикиджиевых, Халпахчиевых и Шапошниковых. Среди крымских армян в российский период были также Генч-Оглуевы, Хазизовы, Черновы и другие.

Определённому влиянию подверглась и архитектура. Если при итальянцах в памятники зодчества крымских армян проникали западноевропейские веяния, то в период турецкого господства оно не избежало воздействия исламской архитектуры. Но как в первом, так и во втором случаях это влияние извне не носило сколько-нибудь глубокого характера. Оно было поверхностным, наносным, как правило, проявлялось в тенденциях декора и быстро исчезало с изменением ситуации.

Влияние русских строительных традиций более наглядно вырисовывается в сооружениях, возведённых армянами в Крыму. Как в Нахичевани-на-Дону, так и здесь – гораздо раньше, нежели в остальных городах юга России – появились здания в стиле южного русского классицизма. Следует отметить отражение в архитектуре армянских сооружений стилистических изменений от классицизма, господствовавшего с конца XVIII до середины XIX века, к эклектике в различных её проявлениях, далее – к псевдобарокко и модерну, а в начале XX века – к псевдоклассицизму.

ГЛАВА 2.

Планировка, застройка и благоустройство поселений крымских армян

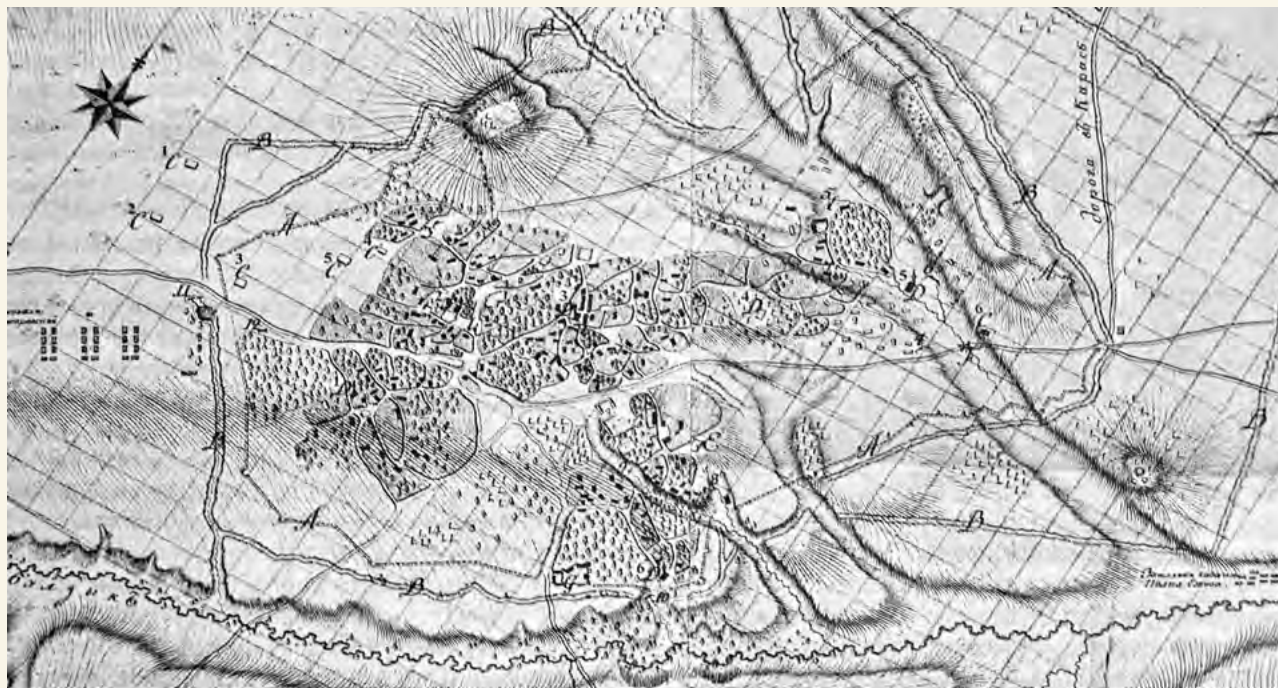
Планировку городских кварталов и поселений крымских армян можно рассматривать с начала XIV века – со времени формирования колонии, поскольку небольшие армянские общины, ранее существовавшие в различных уголках полуострова, не могли повлиять на образование градостроительной среды. Многочисленные армяне, переселившиеся в Крым в первой половине XIV века, стали возводить свои городские кварталы и поселения, используя в их планировке сложившиеся на родине градостроительные традиции. Небольшие сельские поселения, по-видимому, насчитывали не более 300–400 жителей, а более крупные городские участки, в которых проживали также ремесленники и торговцы – до тысячи и более жителей.

Планировка

Судя по обследованным нами бывшим армянским селениям на территории Крыма, таким как Сала, Султан Сала, Топты, Кышлав и другие, их планировка не была строго регламентирована. И поскольку эти сёла застра-

ивались, в основном, стихийно, многие, даже главные улицы, как и проезды, имели характерную для горных селений Армении изломанную конфигурацию¹, не всегда определявшуюся рельефом местности. Форма внешнего очертания генеральных планов – более или менее вытянутая или же компактная – зависела от расположения транзитной магистрали, русла реки или неприступного обрыва.

Фрагмент плана Эски Крыма, составленного И. Лютовым в 1780-х годах
(ЦГВИА. – Ф. ВУА. – Д. 22608). Церкви – С. Мечети – Д.

Территория небольших селений редко разделялась на районы и кварталы. Такое разделение имело место в больших поселениях – при их расположении на разных сторонах ущелья или ложбины, а также при проживании рядом многочисленных членов нескольких больших родовых общин, возглавляемых родоначальниками, а в городах – князьями и старшинами. Подобная планировка ещё сохранялась в XVIII веке в некоторых средневековых поселениях крымских армян. Наглядное подтверждение – Сурхат^{2*} (сейчас – город Старый Крым^{3*}), основанный армянами в узле тракта, ведущего из Кафы в Орабазар, а оттуда – в степь, к магистральному торговому пути. Планировка его зафиксирована в чертеже, снятом с натуры в конце XVIII века дивизионным квартирмейстером Иваном Лютовым. Параллельное расположение тракта и речки Бузлак (позднее Чурук-су) определило вытянутую вдоль них планировку поселения.

Довольно живописная уличная сеть состоит из относительно немногих широких дорог, рассчитанных на проезд колёсного транспорта, и в большинстве случаев – узких

¹ Халпахчян О. Х. Гражданское зодчество Армении (жилые и общественные здания). – Москва: Изд-во литературы по строительству, 1971. – С. 16.

² * В авторском тексте – «поселение Сурб-Хач».

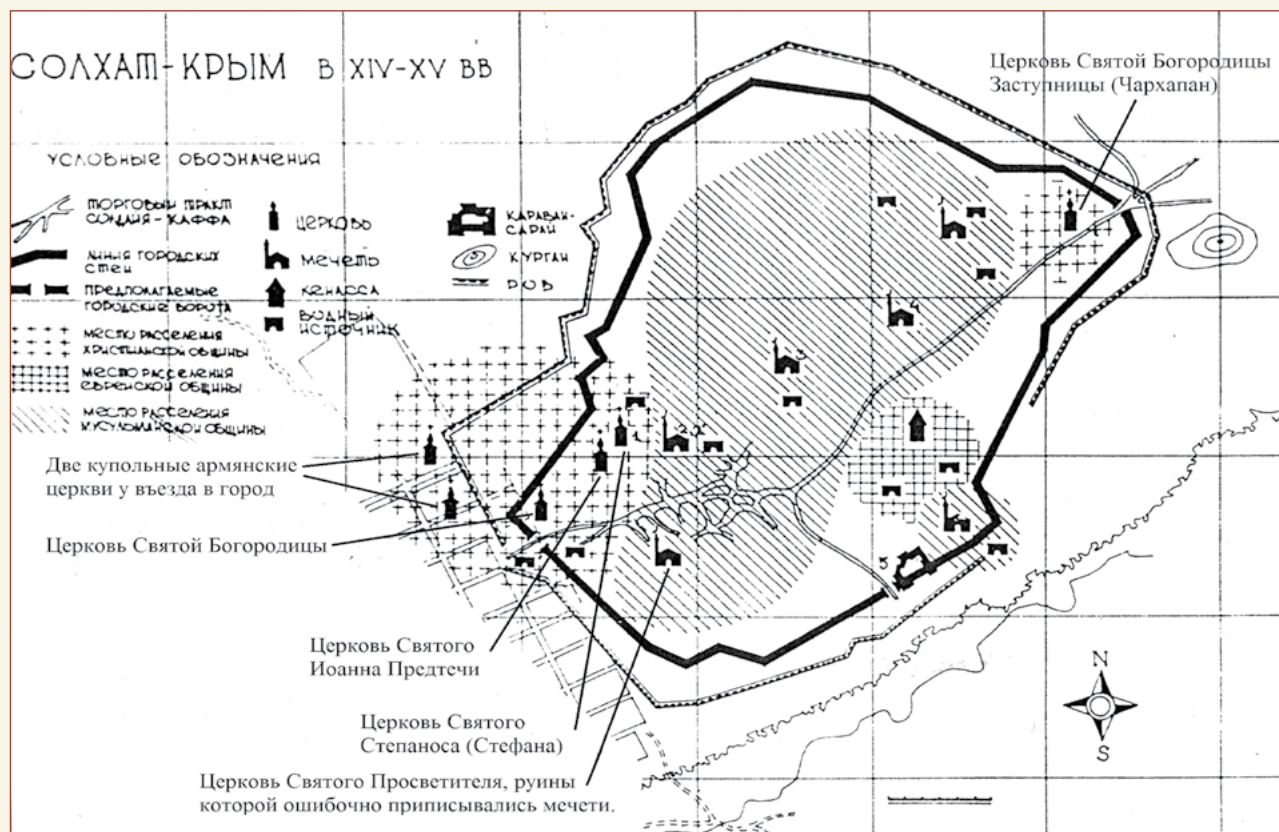
³ * Точнее было бы сказать – «часть города Старый Крым», поскольку другой частью являлся собственно административный центр «Крым». Быстрое экономическое развитие двух поселений привело к их слиянию в единый город. В источниках XIII–XIV веков он фигурирует как под названием «Сурхат», так и «Крым», включая и близкие к ним формы написания. Но со временем название «Крым», обозначавшее собой господствовавшую административную часть города, приобрело как бы официальный статус в качестве наименования всего города и выдержало испытание временем, между тем как название «Сурхат» постепенно вышло из употребления (см.: Саргсян Т. Э. Армяне средневекового Сурхата и их церкви // ИФЖ. – № 1. – Ереван: Изд. НАН РА, 2000. – С. 108–109; Свод армянских памятных записей, относящихся к Крыму и сопредельным регионам (XIV–XV вв.). – С. 85–86).

улочек, предназначенных для прохода пешеходов с вьючными животными. Редкие прямые участки улиц имеют небольшую протяжённость. Специально предусмотренных площадей не было, и таковые представляли собой простые расширения улиц, образованные на их перекрёстках. Вряд ли существовало предварительное деление площадей на торговые и административные. Они возникали стихийно, в зависимости от жизненных потребностей.

Размеры кварталов различны. Имеются мелкие кварталы, по-видимому занимаемые одной семьёй, и более крупные – для семейств большого рода. Последние снабжены как тупиковыми улочками, так и проходами на усадьбы отдельных семей. Судя по местоположению разрушенных церквей, отмеченных на плане в юго-западной части города, здесь также имела жилая застройка, видимо, ликвидированная после XV века^{1*}.

К сожалению, письменные сведения об этом в своё время крупном армянском поселении скудны как в армянских, так и иноязычных источниках. Поэтому судить о численности его населения и особенностях планировки, в частности наличии в нём оборонительных сооружений, в настоящее время сложно^{2*}.

¹ * На основании старых карт М. Г. Крамаровским составлен «План-схема Солхата–Крыма», который опубликован в его статье «Солхат–Крым: к вопросу о населении и топографии города в XIII–XIV вв.» (см.: Итоги работ археологических экспедиций Государственного Эрмитажа. – Ленинград: Государственный Эрмитаж, 1989. – С. 152).

«План-схема Солхата–Крыма в XIV–XV веках» (составитель – М. Г. Крамаровский; названия церквей обозначены Т. Э. Саргсян – в соответствии с описанием М. Бжишкяна).

² * Армянские источники XIV века, действительно, дают скудные, но очень существенные сведения о строении города Сурхат–Крым, равно как и о расположении в нём армянского квартала и армянских церквей. А колофон 1363 года – единственный источник, в котором говорится об окружении города рвом. В нём описывается, как во время строительства последнего «много домов было разрушено», особенно в армянском участке. В итоге, часть этого участка вместе с несколькими армянскими церквями оказалась на территории, окружённой рвом, а другая часть вместе с остальными армянскими церквями – вне него (см.: Британский музей. – Add. 19. – 732. – Л. 212; Саргсян Т. Э. Свод армянских памятных записей, относящихся к Крыму и сопредельным регионам

Превращение Сурхата–Крыма в местопребывание эмира – наместника золотоордынского хана, значительно повлияло на его планировку. Судя по чертежу И. Лютова, город был расширен в северо-восточном направлении и сокращён в юго-западном. Здесь, с учётом руин церквей, проживала основная часть армян. Это подтверждается и сохранявшимися ещё в конце XVIII века остатками городских укреплений. Они состояли из одного ряда оборонительных стен, которые в местах поворотов и на протяжённых участках были усилены 28 полукруглыми башнями. В наиболее ответственных местах имелись дополнительные, более мощные укрепления: одно на северо-восточной стороне, устроенное в виде крупного прямоугольного строения, другое – на юго-восточной, названное на чертеже «Ханским дворцом». Последнее представляло собой мощное здание с башнями, по плану близкое к треугольнику. Стояло оно на участке, где стена примыкала к дороге на юг, ведущей в деревню^{1*}.

Для усиления обороноспособности крепостных стен параллельно им с внешней стороны были вырыты рвы, показанные двумя рядами линий на восточной стороне. Значительное удаление наружного рва от внутреннего около крепостной стены даёт основание предполагать расположение между ними большого пригорода, по площади равного половине городской территории. Речка внутри рва, отмеченная на плане И. Лютова на западной стороне города, подтверждает заполнение рвов водой, подававшейся с окружающих возвышенностей.

Заслуживает внимания план перспективного развития Старого Крыма, составленный губернским землемером С. А. Мухиным в ноябре 1811 года (сохранилась копия, выполненная уездным землемером Чугутовым). Он представляет собой показательную для градостроительной практики России начала XIX века регулярную планировку с пересекающимися под прямым углом продольными и поперечными улицами, образующими прямоугольные кварталы с торговой площадью и гостиным двором с лавками в центре. В составленном проекте планировки 65 кварталов помечены как застроенные новыми каменными домами, а 37 – как подлежащие застройке. Судя по экспликации, сохранялись только армянская церковь «во имя Успения Пресвятой Богородицы»^{2*} и три фонтана питьевой воды в центре города. Вся остальная историческая застройка, включая и помеченные на проекте «старые, подлежащие сломке» мелкие здания и крупный комплекс, по-видимому, караван-сарай с примыкающими к нему строениями, обречены были на демонтаж. Однако не всё было уничтожено, и руины некоторых ценных сооружений, тем не менее, дошли до наших дней.

(XIV–XV вв.). – С. 152–153). Важные сведения по этому вопросу приводит также М. Бжишкян. Приобщив картографический материал к письменному блоку источников, можно выявить точное расположение армянских церквей и кварталов (см.: **Саргсян Т. Э.** Армяне средневекового Сурхата и их церкви. – 107–123).

¹ * Дорога могла вести как в селение, так и к монастырю. О «святой пустыни» Святого Григора Просветителя, находящейся «у подножия столицы Хрим», сообщает колофон 1359 года (см.: Матенадаран им. Месропа Маштоца. – Рукопись 4137. – Л. 343 об.; Свод армянских памятных записей, относящихся к Крыму и сопредельным регионам (XIV–XV вв.). – С. 141).

² * В первой четверти XIX века в самом городе ещё существовало семь армянских церковных зданий. Шесть из них, в том числе и расположенная на восточной окраине города церковь Святой Богородицы Заступницы, были в руинах. Действовала только церковь Святой Богородицы, или Успения Пресвятой Богородицы, почему, собственно, в экспликации указана именно она. Авторы прошлого, говоря «церковь» или «мечеть», как правило, подразумевали только действовавшие культовые заведения (см.: **Саргсян Т. Э.** О численности армянских духовных центров Кафы–Феодосии. – С. 35–36). Упоминания купольной церкви Святой Богородицы в Сурхат–Крыме встречаются во многих армянских источниках, начиная уже с 30-х годов XIV века. Церковь была подновлена в 1905 году.

Взорвана в 60-х годах XX века (см.: **Саргсян Т. Э.** Армяне средневекового Сурхата и их церкви. – С. 114–115). На месте бывшей армянской церкви недавно построена русская православная церковь.

Аналогичное Сурхату строение имело армянское поселение близ Судака, на месте села Уютное^{1*}. Здесь до наших дней сохранились фрагменты старой планировки с кривыми и узкими улицами, не всегда определяемой рельефом местности.

Представление о планировке крупного поселения армян в Крыму можно составить по участку в Кафе (Феодосии), основанному в первой половине XIV века армянами-

**Армянская церковь Святой Богородицы в Старом Крыму после подновления 1905 года.
Почтовая открытка начала XX века.**

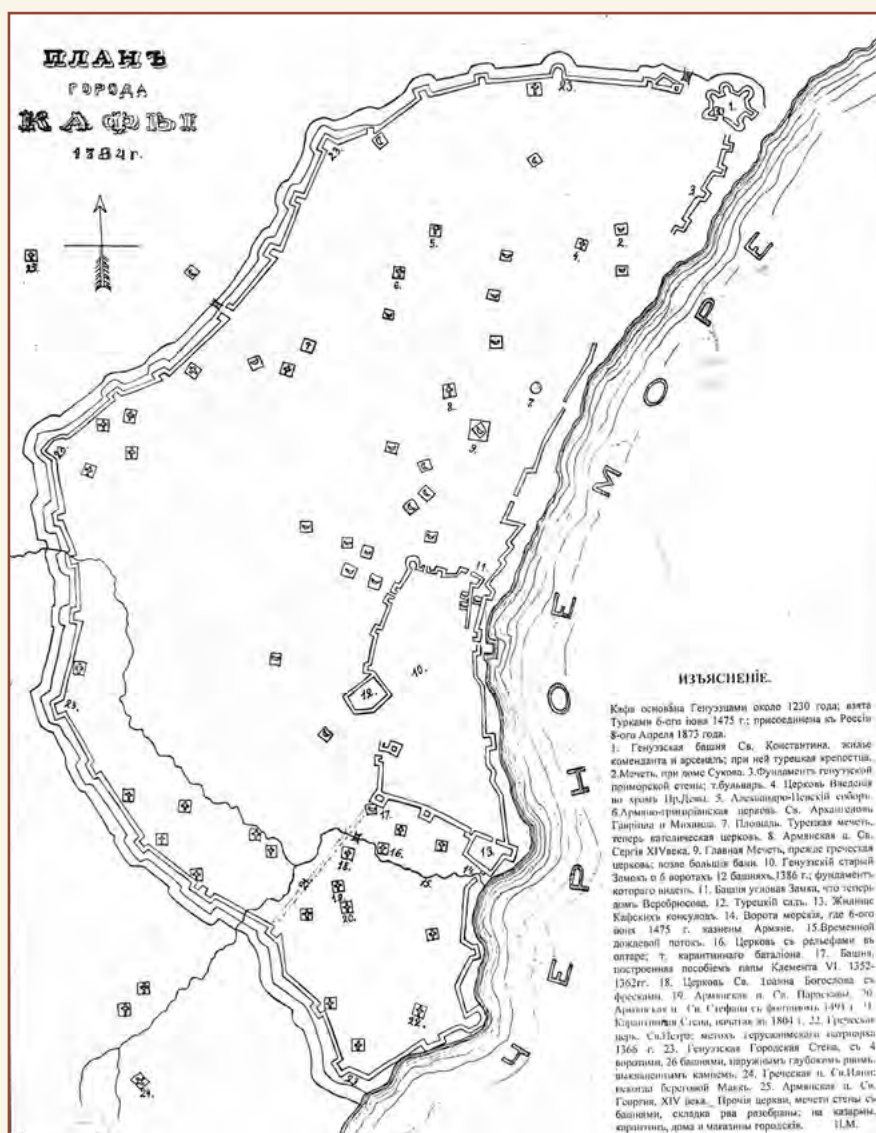

Русская православная церковь в Старом Крыму, построенная на месте армянской церкви.

¹ * Ныне – в составе города Судака.

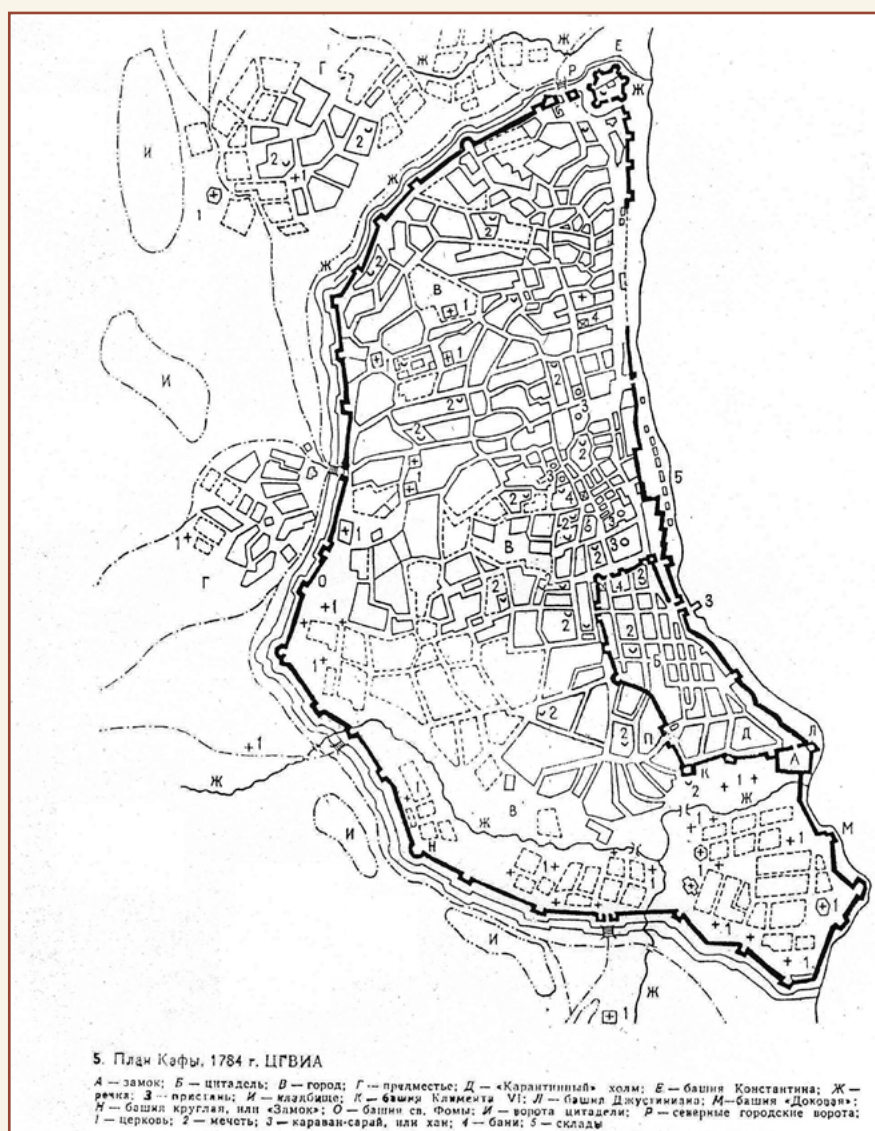
переселенцами с Поволжья. Свободная территория, которую им предоставили генуэзцы, располагалась с южной стороны возвышенности, на которой разместилась цитадель. Как отмечено в армянских источниках, для защиты от неприятельского вторжения армяне окружили свой участок крепостными стенами¹. Они показаны на всех генеральных планах города. Наиболее ранний из этих планов – первый генеральный план Кафы – был составлен ещё в период кампании 1771 года, после взятия города русскими. Съёмка плана города выполнялась также в 1774, 1784, 1788, 1817, 1853 годах, равно как и позднее². К сожалению, большинство старых планов Кафы–Феодосии страдает эскизностью и весьма условно передаёт конфигурацию города, окружённого оборонительным поясом. В связи с этим размеры и абрис находящегося внутри этого пояса протяжённого армянского участка (от Искеле-капуси до Гуле-капуси), получившего название «Армянская крепость», показаны на них различными.

План города Кафы 1784 года. Приложен к статье М. Погодина «Феодосия и Судак»
(ЗООИД. – Т. VIII. – Табл. IV).

¹ Матенадаран имени Месропа Маштоца. – Рукопись. – 7442. – Л. 281–281 об; Рукопись 1781. – Л. 65 об.

² Планировка Феодосии подробно освещена в нашей статье (см.: Халпахчян О. Х. Этапы планировки и застройки Феодосии (с древнейших времен до конца XVIII века) // АН. – № 25. – Москва: Стройиздат, 1976. – С. 35–48).

План города Кафы 1784 года (ЦГВИА. – Ф. ВУА. – Д. 22008.).

Вскоре после присоединения Крыма к России (1783 год) был построен новый порт Феодосии^{1*}, а несколько дальше – на восточной окраине бывшей Армянской крепости была организована служба карантинного досмотра. Здесь, во избежание распространения эпидемий, проводилась проверка здоровья экипажей иностранных судов, прибывавших в Феодосийский порт. Судя по изменению направления западного отрезка юго-восточной городской стены, идущего с востока на запад, до башни цитадели Криско, территория карантинной службы охватила только небольшую восточную часть Армянской крепости, с запада и юга ограниченную двумя ручьями и местоположением армянских церквей^{2*}.

¹ * По свидетельству М. Бжишкяна, весомый вклад в организацию нового порта Феодосии внёс известный купец из Трапезунда Степан Амбарян (Ампареан). Здесь им были возведены величественные постройки, фланкировавшие гавань по сторонам, высокий гостевой дом и просторные надёжные склады (см.: **Бжишкян М.** Путешествие в Польшу. – С. 345). Следует отметить, что фундаментальная монография М. Бжишкяна «Путешествие в Польшу», согласно титульному листу, также выпущена на средства С. Амбаряна.

² * Построенная в XIX века стена, примыкающая к башне Криско и обособляющая карантинный участок, наглядно показана К. Ф. Богаевским (см. здесь на с. 35).

План Феодосии 1817 года.

План Феодосии, составленный А. Ледерицем.
Опубликован в альбоме Е. Вильнева в 1853 году.

Планировка Армянской крепости и города в целом, указанная на большинстве генеральных планов Кафы XVIII века, показательна для средневековья. Она хаотична, с кривыми и узкими улицами, образующими разновеликие, случайной формы кварталы. Наглядное представление об этих кварталах даёт план 1788 года. Это один из наиболее точных генеральных планов Кафы, на котором, в отличие от других, показана не только подробная планировка, но и местоположение одинарных и двойных стен. Для полноты представления их объёмных особенностей нами изображены заимствованные из других чертежей фрагменты фасадов наиболее показательных башен и прясел.

Согласно византийскому писателю Никифору Григору, в первое время своего пребывания в Кафе генуэзцы занимали небольшой участок земли, окружённый рвом и насыпным валом. Об имевшихся укреплениях позволяет судить также Устав Кафы 1316 года, о чём говорилось выше. Примечательно, что в 1344–1347 годах город выдержал неоднократные осады со стороны татаро-монголов, что свидетельствует о защищавших его относительно серьёзных фортификационных сооружениях. Видимо, к их числу следует отнести также укрепления, которые окружили участок, заселённый армянами-переселенцами из Ак-Сарая. В 1357 году уже, по данным Й. Тунманна, город Кафа «был обведён новыми крепкими стенами»¹.

Но перед тем, как окончательно обозначить периметр укреплений, переселенцы из Ак-Сарая строят церкви^{2*}. К такому заключению приходит Е. А. Айбабина в ходе исследований остатков армянской церкви в 1982 году. Выявленный памятник расположен высоко на склоне восточного угла Армянской крепости. Основание крепостной стены проходит на расстоянии одного метра от него: очевидно, что к моменту, когда стали сооружать этот отрезок стены, церковь уже существовала.

Армяне принимали самое активное участие в возведении наружных стен Кафы, внушительная часть которых охватывала армянские кварталы. Об этом свидетельствовали высеченные на стенах армянские надписи. Посетивший Кафу в 1786 году Жильбер Ромм зафиксировал армянскую надпись, удостоверявшую возведение данного отрезка стены в 1384 году³. Колофон писца Давида от 1690 года, помещённый в армянскую Четъи-Минею свидетельствует, что знатные и состоятельные армяне оставляли на возведённых ими участках стены надписи со своими именами^{4*}. Среди таковых отмечены имена отдельных князей, священника Магакии, его родственника Петроса и других⁵. В некоторых официальных документах генуэзцы сами подтверждают активное участие армян в возведении оборонительных сооружений города^{6*}. В частности, в письме протекторов банка Святого

¹ Тунманн Й. Крымское ханство. – С. 38.

² * Примечательно, что армяне-переселенцы довольствовались небольшими церквями простой конструкции. Как правило, это были однонефные сооружения с единственной апсидой, обращённой на восток.

³ Жильбер Ромм. Путешествие в Крым в 1786 году. – Ленинград: Издание Ленинградского гос. университета, 1941. – С. 47.

⁴ * Мало того, материальное состояние армянских семей измерялось тем, сколько камня они предоставили для строительства стен и какой длины отрезок стены они возвели (см.: Бжишкян М. Путешествие в Польшу. – С. 333). Каждая из армянских литографий, помещённых на стене, обозначала границу отрезка, возведённого той или иной семьёй. По свидетельству М. Бжишкяна, все эти литографии, многие артефакты, а также большие хачкары, которые стояли возле церкви Святого Воскресения, были увезены в Санкт-Петербург и экспонировались в Императорском саду (Бжишкян М. Путешествие в Польшу. – С. 348). К большим хачкарам (в человеческий рост), увезённым в Санкт-Петербург, Бжишкян обращается и по другому поводу. Он сообщает, что на месте, у церкви Святого Воскресения по соседству с городской стеной, остались лишь их внушительного размера пьедесталы (Бжишкян М. Путешествие в Польшу. – С. 333–334). Попытки обнаружить надписи и хачкары в Санкт-Петербурге пока не увенчались успехом.

⁵ Матенадаран им. Месропа Маштоца. – Рукопись № 7442. – Л. 282 об; Айвазовский Г. Заметки о происхождении Новороссийских армян. – С. 552.

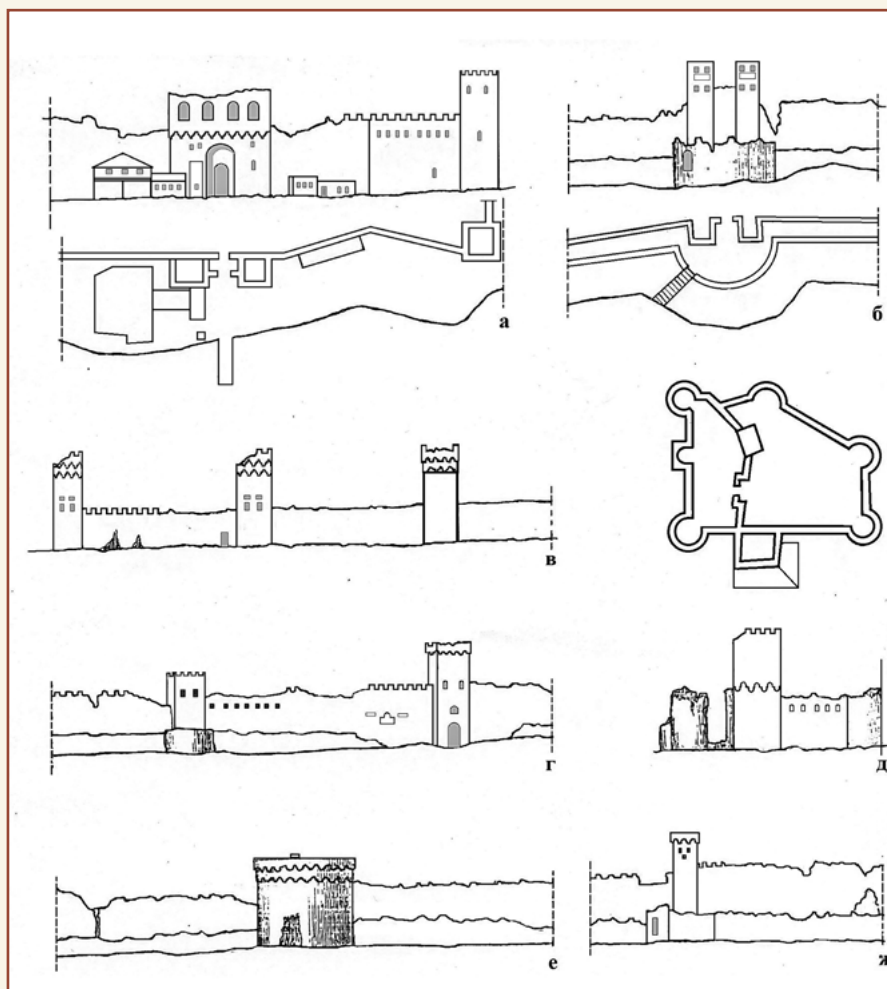
⁶ * По утверждению М. Бжишкяна, ему в Судаке встретилась армянская надпись, в которой говорилось, что после того, как армяне «усилились в Кафе», часть их была направлена в Судак «для защиты этого места» (Бжишкян М. Путешествие в Польшу... – С. 318). Не исключено, что «защита» включала в себя также участие в строительстве крепостных стен здесь, тем более что на них тоже можно встретить хачкары с армянскими надписями.

География от 31 января 1464 года, адресованном к восседавшему в Кафе армянскому архиепископу, говорится: «чем больше мы обращаем внимание на Вашу добродетель... во имя благосостояния и величия этого города, особенно в строительстве стен...»¹.

Наружный, или Большой, оборонительный пояс Кафы подробно описал М. Бжишкян в 20-х годах XIX века. Учитывая местоположение армянских надписей на крепостных стенах, он пришёл к заключению, что армянами была возведена как восточная часть пояса, окружавшая участок переселенцев из Ак-Сарая, так и тянувшаяся на север его продолжение, которое защищало разросшиеся со временем армянские кварталы. Начинаясь от ворот Искеле-капуси в северо-восточной части бухты и пролегая до ворот Гуле-капуси, он охватил как большую часть внутригородских кварталов, так и находившуюся за ними Генуэзскую цитадель, или Франк-хисар².

Наружная оборонительная стена состояла из двух линий – внешней и внутренней. По аналогии с горными крепостями Армении, расстояние между двумя линиями не превышало десяти метров. Внешняя линия была примерно в два раза ниже внутренней, что позволяло осаждённому сверху активно поражать неприятеля, овладевшего укреплениями внешней линии. Промежуток между линиями в большинстве случаев был узким, местами – до двух метров, из-за чего попавший в него неприятель не мог развернуть активных боевых действий против защитников города.

Композиции башен, ворот и куртин наружного оборонительного пояса Кафы
(из публикаций О. Х. Халпахчяна).

¹ [Vigna A.] Codice diplomatico delle colonie tauro-liguri durante la signoria dell'Ufficio di S. Giorgio (1453–1475) ordinato ed illustrato dal socio p. Amedeo Vigna (tomo secondo / 1) // Atti della Societa Ligure di storia patria. – Vol. VII / 1. – Genova: Tipografia Del R. I. De Sordo-Muti, 1871. – P. 277–278.

² Бжишкян М. Путешествие в Польшу. – С. 332.

Наружные оборонительные стены Кафы были возведены из крупных тёсаных каменных блоков и усилены 26 сторожевыми и оборонными башнями, удалёнными друг от друга на 20, 40 и 60 локтей. Во внешней линии стен полукруглых и прямоугольных башен было больше, чем во внутренней. Башни внешней линии располагались как напротив башен внутренней линии, так и посередине длинных прясел. Как правило, прясла, расположенные на ровной местности, наверху имели горизонтальное завершение, а те, которые располагались на склонах, завершались уступами или наклонным верхом.

Большинство башен обеих линий стен были круглыми. Предпочтение, которое строители укреплений Кафы отдавали таким башням, было обусловлено более эффективным, по сравнению с прямоугольными башнями, сопротивлением её формы сейсмическим ударам и действиям осадных машин.

Ворота, как правило, располагались в круглых башнях, со смещением к стыку её стены с пряслом, чем облегчалась защита. С этой же целью в двойных стенах ворота сбились с прямой оси, создавая извилистый путь со скрытыми, неожиданными поворотами. Кроме ворот, в необходимых местах имелись небольшие проёмы, устроенные для выхода воды. Такие проёмы, более характерные для Армянской крепости, пропускали идущие по её территории речки и ливнеотоки. Они перекрывались металлическими решётками и назывались «сель-капуси».

Наружные стены Кафы опоясывал глубокий, облицованный камнем ров шириной в 25 локтей. Он наполнялся с помощью скрытых в земле трубопроводов, которые были соединены с искусственными водоёмами, расположенными на ближайших возвышенностях к западу от города¹. Ров примыкал непосредственно к внешней поверхности стены, почему преодолевший водную преграду неприятель должен был атаковать укрепление не с твёрдой поверхности, а с неустойчивых средств переправы. Он служил также для сбора и стока дождевых осадков, стекавших с прилегающих возвышенностей. У западной границы города по рву протекала небольшая речка.

Поскольку южный и восточный участки наружных стен Кафы расположены высоко, значительно выше основной отметки городской территории, для поддержания необходимого уровня воды здесь внутри рва были устроены поперечные стенки. Они образовывали бассейны, расположенные соответственно рельефу местности, на разных уровнях. Вода поступала в верхние бассейны, и, наполнив их, переливалась в нижние отсеки. Далее по уклону в середине юго-западной стороны она уходила в прорезающие город речки, а на северном и южном концах города – в море.

Согласно старым планам, северо-западная береговая стена крепости ординарна^{2*}, с двумя башнями. На юго-восточном и южном же участках, защищавших армянские кварталы, стена двойная, оснащённая как угловыми и промежуточными башнями, так и рвом. Местоположение существовавшего в юго-восточной стене входа определяется только заделанной каменной кладкой арочным проёмом, шириной около трёх метров.

От укреплений Армянской крепости мало что сохранилось. Представление о башнях в юго-восточном её углу можно составить по гравюрному изображению их общего вида с востока, выполненному к середине XIX века Винсентом Руссеном³. На нём показаны руины внутренней квадратной башни, значительно возвышавшейся над примыкавшей к ней с внешней стороны полукруглой. Археологические исследования фундаментов и остатков стен, проведённые здесь в 1981–1983 годах, показали, что квадратная башня, построенная по образцу башен цитадели, имела только три стены с амбразурами в ярусах.

¹ Там же. – С. 332.

² * Как можно предположить, она защищала греческий участок города.

³ [Villeneuve]. Album historique et pittoresque de la Tauride, par E. de Villeneuve. – Paris: Kaepelin imprimeur-lithographe editeur, 1853. – Pl. 22.

Руины башен в восточной части наружного оборонительного пояса Кафы

(рисунки В. Руссена из альбома Е. Вильнева 1853 года).

На верхние ярусы поднимались по внутренней деревянной стремянке. Амбразуры первого яруса оказались заложенными после возведения внешней, более низкой башни. В ней также имелись амбразуры, только расширившиеся в наружную сторону, что позволяло иметь более широкий радиус поражения неприятеля. В местах сопряжения полукруглой башни с пряслами обнаружены остатки блиндажей с бойницами для подошвенного боя. Сообщение защитников полукруглой башни с крепостью осуществлялось дверью, устроенной в месте примыкания южного прясла к квадратной башне.

Почти ничего не сохранилось от дверного обрамления в юго-восточном прясле, перед которым имелся аналогичный по размеру, как и в восточном углу, полукруглый бастион. Сейчас это – расширенный арочный проезд в восточную часть Армянской крепости, куда попадают, минуя остатки бастиона, фундаменты которого частично виднеются рядом с полусасыпанным рвом, заросшим травой.

Находящаяся в составе прибрежной крепостной стены, у кромки воды, Доковая башня, согласно Уставу Кафы 1449 года, служила морским арсеналом¹. Сравнение современного состояния с гравюрой, опубликованной П. Сумароковым в 1805 году², показывает, что она дошла до нас с отсутствующим верхом, возможно оформленным чередой арок.

¹ Устав генуэзских колоний в Чёрном море, изданный в Генуе в 1449 году / пер. и примечания В. Н. Юргевича // ЗООИД. – Т. V. – Одесса: Городская тип. Сод. Х. Алексомати, 1863. – С. 822.

² [Сумароков П.] Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду Павла Сумарокова. – Часть 2. – СПб.: Императорская типография, 1805. – С. 160.

Руины бастиона на восточной окраине наружного оборонительного пояса Кафы.

Современный вид доковой башни.

Судя по сохранившейся нижней части, высота которой достигает около 14 м, прямоугольная в плане (10,3x13 м) Доковая башня имела значительную высоту, доминирующую над примыкавшими пряслами и расположенной за ними застройкой. Единственное предусмотренное внизу помещение имело крестовый свод на подпружных арках. Арочный вход шириной в 3,5 м устроен в южной стене. Напротив него в северной стене помещена глубокая арочная ниша, в которой находился выход к морю. Внутри, вдоль северной и западной стен, сейчас имеется приямок глубиной в два метра, в ко-

торый, по нашему предположению, помещалась лестница, позволявшая спускаться с отметки западного входа до уровня моря. Примыкавшие к башне прясла не превосходили по высоте существующего над дверным проёмом уступа.

После присоединения Крыма к России, планировка Армянской крепости, как и цитадели с прилегающими к ней предместьями, существенно изменилась. В соответствии с генеральным планом, утверждённым 8 августа 1817 года Александром I, стали максимально выпрямляться и расширяться узкие улицы, что в несколько изменённом виде получило отражение и на плане города, составленном архитектором А. Ледерцем и опубликованном Е. Вильневым в 1853 году в Париже¹. На отведённой карантинной службе территории Армянской крепости показаны только сохранявшиеся в конце XVIII века культовые здания армян, а в центре, вблизи углубления Карантинного порта, – большое административное здание и новый квартал. Последний внутренним проездом разделялся на две половины, состоявшие из двух квадратных в плане ограждённых участков, изолированных со всех сторон. Каждый из участков состоял из трёх корпусов, в которых экипажи иностранных судов проходили карантинный досмотр.

Застройка

Застройка средневековых поселений крымских армян не сохранилась. Отсутствуют также археологические данные по покинутым армянами поселениям. Относительно небольших селений многое выявили бы раскопки в окрестностях города Старый Крым. А по поводу городской застройки, думается, результативными были бы систематические раскопки на территории Армянской крепости, внушительная часть которой не затронута последующими строительными работами. А посему представление о застройке поселений крымских армян можно составить лишь по фрагментарным данным, сопоставив их с различными историческими сведениями.

Несомненно, стеснённая оборонительными стенами городская застройка крымских армян, такая как в Феодосии, Старом Крыму, Судаке и других местах, по примеру средневековых городов Армении², впрочем, как и стран Западной Европы, была весьма скупой. Различная, в большинстве примеров случайная, конфигурация плана кварталов определяла размер, геометрическую форму и планировку городских усадеб. Такое положение сохранялось многие столетия и даже в XIX веке. Показательный пример – современная застройка Армянской улицы (ныне – Кавказской) и её окрестностей в Симферополе, имеющих изломанную в плане форму с выступающими углами домов, свидетельствующими об отсутствии плановой системы градостроительства.

Чёткого деления кварталов на жилые и торгово-ремесленные не существовало. Привилегированные слои населения проживали в отдельных районах, занимавших лучшую часть города в центре, вблизи административных зданий, на связанных с выездами из города основных магистралях.

По издавна сложившейся в Армении и весьма устойчивой традиции, армяне-ремесленники одной отрасли производства селились вместе в одном квартале или на одной улице, именовавшейся, как правило, по профессиональному признаку ремесленников – «улица слесарей», «улица бондарей», «красильщиков» и других, выставлявших перед своими мастерскими изготовленные для продажи изделия³.

На территории города такие кварталы распределялись сообразно особенностям своего производства. Так, ювелиры большей частью селились вблизи центральных улиц и рынков, возле крепостных ворот. Кузнецы, обслуживавшие путников с гужевым транспортом, также устраивали свои мастерские вблизи городских ворот и на оживлённых дорогах. А связанные со зловонным и дымным производством гончары и кожевники

¹ [Villeneuve]. Album historique et pittoresque de la Tauride, par E. de Villeneuve. – Pl. 1.

² Халпахчян О. Х. Гражданское зодчество Армении. – С. 26–28.

³ Там же. – С. 27–29.

удалялись на окраины. Правда, последние выбирали место ближе к воде. Ремесленники, производившие другие виды продукции (булочники, мясники и прочие), число которых, согласно памятной записи Натера, составленной в Крыму в 1347 году, было свыше двадцати¹, а также торговцы одеждой, галантереей и иными товарами, размещались в городских кварталах, выгодных для сбыта своего товара.

Ремесленные мастерские и торговые помещения располагались вдоль улиц и вокруг площадей, а внутриквартальная территория отводилась под жилые усадьбы, куда попадали через мастерские, магазины, боковые улочки и тупички. Для максимального использования территории городских усадеб строения размещались по их периметру, вокруг небольших, лишённых озеленения внутренних дворишков, что позволяло иметь выгодную для средневекового города высокую плотность застройки, составлявшей до 70–80% городской площади.

Городские здания возводились на подвалах и, в лучшем случае, состояли из двух этажей. В домах ремесленников на втором этаже размещались хозяева, а на первом – мастерские, служившие одновременно и торговым залом. Товары хранились в подвалах, которые, по экономическим соображениям, часто устраивались не только под магазинами, но и под тротуарами улиц, как это практиковалось, например, в домах армянских купцов в Каменец-Подольском².

Застройка сельских усадеб выполнялась в более благоприятных условиях. Различного назначения постройки размещались вокруг просторного двора, свободно, в зависимости от размера усадьбы и взаимного соподчинения её обитателей. Территория озеленялась как декоративными, так и фруктовыми деревьями. Поблизости устраивались огороды.

Осуществлявшаяся после присоединения Крыма к России регулярная планировка городских и сельских поселений благоприятно отразилась на организации их застройки. Прямоугольная форма кварталов диктовала такие же очертания усадеб. Жилые строения вместе с подсобными помещениями свободно располагались вокруг просторного, в большинстве случаев благоустроенного двора с зелёными насаждениями.

БЛАГОУСТРОЙСТВО

Благоустройство поселений крымских армян определялось социокультурными условиями, инженерно-техническими возможностями, эстетическими предпочтениями и материальным состоянием. Надо полагать, что коммунальное обслуживание населённых мест находилось в ведении местных властей – городских и сельских, а в монастырях – церковных.

Водоснабжение

Вода в жизни любого народа имеет первостепенное значение, особенно в бедных поверхностными водами районах, к которым относится и юго-восточная часть Крымского полуострова, в частности район Феодосии. Поэтому естественно, что селившиеся в Крыму армяне придавали исключительно важное значение водоснабжению своих селений, монастырей и городских кварталов. Окончание постройки линии водовода и начало функционирования родника-фонтана, нередко являлось для населения большим праздником. Таким праздником, например, стало торжественное открытие построенных И. К. Айвазовским в 1888 году водопровода и фонтана, обеспечивших Феодосию водой. Завершение строительства этих сооружений было ознаменовано большим пиршеством на 300 человек³.

¹ Памятные записи армянских рукописей XIV века. – С. 359–367; Микаелян В. А. История армянской колонии в Крыму. – С. 195.

² Пламеницкая О. А. Особенности средневековой застройки центра Каменца-Подольского // АН. – № 33. – Москва: Стройиздат, 1985. – С. 54–58.

³ Айвазовский И. К. Документы и материалы / Сост. М. Г. Саргсян, Г. Г. Арутюнян, Г. М. Шатирян. Ред. З. Башинджагян. – Ереван: Айастан, 1967. – С. 353.

Многие поселения снабжались водой из одного-единственного источника с достаточным для удовлетворения нужд жителей дебитом. Крупные селения, монастыри и города имели несколько источников, расположенных в разных частях застройки. И ныне так обстоят дела в Белогорске (Карасубазаре), Судаке, Бахчисарае, монастыре Сурб Хач и так далее. В Старом Крыму также существовало много водных источников, некоторые из которых до сих пор функционируют. В средневековой Кафе армянами было построено несколько водоводных линий и больших цистерн. Одна из линий была проложена армянским епископом и имела столь важное значение для города, что неприкосновенность её направления была оговорена в одной из статей Устава 1316 года¹.

О сооружении, связанном с водой, упоминается и в армянской литографии, обнаруженной Е. А. Айбабиной в 1981 году при обследовании башни Константина в Феодосии. Башня, датируемая XV веком и находившаяся в северо-восточной части городских укреплений, ныне представляет собой одну из известнейших средневековых достопримечательностей города

Руины башни Константина в Феодосии.

---

¹ Imposicio Officii Gazarie. – Col. 380.

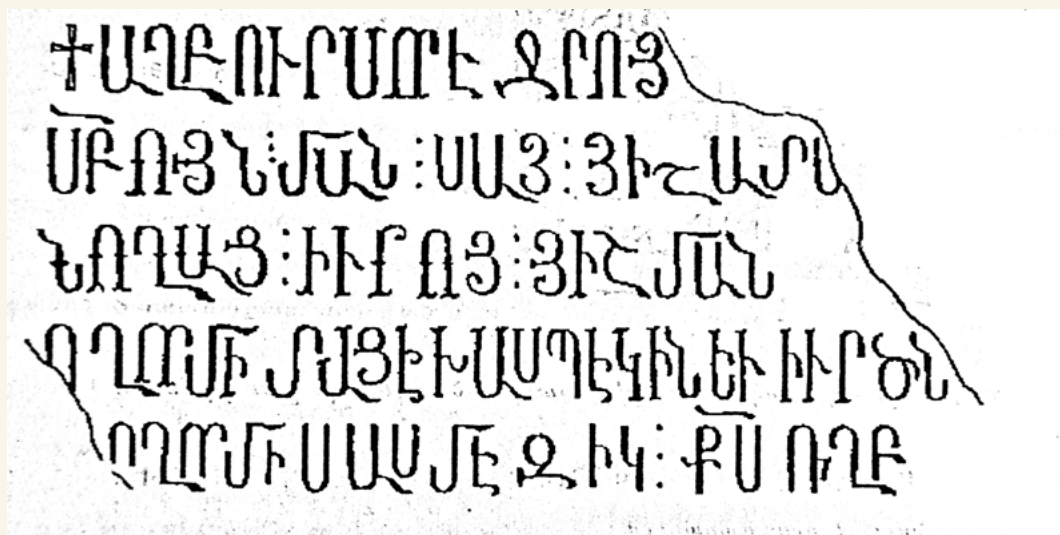
Что касается частично сохранившейся надписи, то она высечена на камне (размеры: 64x68 см), который использован в кладке северо-восточного контрфорса, пристроенного к башне в XVI веке¹. В переводе Э. М. Корхмазян надпись гласит: «Родник, который... Во имя святого, памяти... Родителей его /удостойте/ поминания. Дайте благословение Хаспеку и его... Благословением...»^{2*}. Литография размещена в нижней половине лицевой поверхности камня. Выше вытесана растительная плетёнка в сочетании с гербом Генуи справа (щит со вписанным крестом). По мнению Е. А. Айбабиной, это исключительное в каменной пластике крымских армян явление свидетельствует о большом влиянии на них генуэзских правителей города³. Видимо поэтому армянская надпись выполнена по форме, подобной генуэзской, позволяющей датировать её началом XIV века^{4*}.

При отсутствии вблизи поселений рек и водоёмов с пригодной для питья водой, их обитатели рыли колодцы необходимой глубины или же доставляли воду издалека водоводами из гончарных труб. В Судаке вода с ближайших возвышенностей, расположенных на юго-востоке, подавалась во вместительные здания-резервуары – цистерны, из которых затем распределялась по городу специальной водопроводной сетью⁵.

В средние века в Крыму, как и в Армении, водоводы составлялись из гончарных труб диаметром 12–15 и длиной 40–50 см, соединявшихся друг с другом посредством раструбов⁶. Стыки во избежание утечки воды наглухо скреплялись специальным раствором. Трубы укладывались по уклонному рельефу, обеспечивавшему нормальный пропуск самотёком, и для предохранения от повреждений закапывались в грунт, вернее – в засыпанные землёй траншеи, которые сверху и с боков обкладывались каменными плитами, как, например, в Феодосии и Судаке.

¹ Айбабина Е. А. Оборонительные сооружения Каффы (по материалам археологических раскопок) // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. – Киев: Наукова думка, 1988. – С. 76–78.

² * Ныне литография хранится в Музее древностей в Феодосии. Оригинальный текст её, датированный 1643 годом, опубликован Гр. Григоряном (см.: Свод армянских надписей. – Вып. VII (Украина, Молдова). – Ереван: Изд. НАН РА «Гитутюн», 1996. – С. 21–22).

³ Айбабина Е. А. Оборонительные сооружения Каффы. – С. 78.

⁴ * Дата надписи, 1643 год, не позволяет соглашаться ни с первым, ни со вторым заключениями. В позднем происхождении надписи убеждает и присутствующее в ней имя «Хаспек», характерное для XVII века. Таким образом, надпись была вытесана на камне, на котором уже стоял герб Генуи. Дата надписи позволяет также пересмотреть время строительства или обновления контрфорса.

⁵ Секиринский С. А., Волобуев О. В., Когонашвили К. К. Судакская крепость. – Симферополь: Таврия, 1971. – С. 32.

⁶ Халпахчян О. Х. Родники Армении // АН. – № 8. – Москва: Гос. изд. лит. по строительству и архитектуре, 1957. – С. 93.

Одна из средневековых цистерн в Судаке.

Для получения нужного количества воды строители объединяли дебит нескольких источников. Так, для снабжения водой армянского монастыря XIV–XV веков в Двужорной бухте, что к югу от Феодосии, они заключили каждую отдельную струю на склоне хребта Биюк-Янышар в гончарные трубы, которые присоединили к основному водозаборному трубопроводу. По заключению И. И. Бабкова, исследовавшего остатки этого выдающегося памятника, водопроводная система монастыря в Двужорной бухте, состоявшая из нескольких линий, двух смотровых колодцев (головного и среднего), водозаборного резервуара и, видимо, художественно оформленного родника-фонтана, представляла собой сложный гидротехнический механизм, выполненный на высоком для своего времени уровне¹.

Протяжённость водоводных магистралей была различной. В селениях Сала, Орталанк и Топты она не превышала 2–3 км, а в Феодосии местами достигала 12 км и более. При значительной длине и разных наклонах водоводной линии для обеспечения бесперебойного стока воды в наиболее ответственных местах предусматривались очистительные колодцы, имевшие в плане прямоугольную, реже круглую форму. Позднее, во второй половине XIX века, с внедрением в строительную практику металла, водоводные магистрали стали выполняться из чугунных труб. Таков водовод протяженностью в 25 км, который И. К. Айвазовский провёл в Феодосию из многоводного источника Субаш, находившегося в принадлежавшем ему имении Шах-Мамай.

В Феодосии, в связи с малым количеством выпадающих осадков (всего 340–350 мм в год) и отсутствием на прилегающей к ней территории источников с достаточным дебитом питьевой воды², по описанию Н. Барсамова и А. Полканова, практиковалось не-

¹ **Бабков И. И.** Очерки по исторической и культурной географии Крыма. Водоснабжение армянского монастыря XV века в Двужорной бухте у Феодосии // ИГГО. – Т. 71. – Вып. 9. – М.–Л.: Изд. АН СССР – 1939. – С. 1044–1046.

² **Балахонов В.** Феодосия. Историко-краеведческий очерк. – Симферополь: Таврия, 1975. – С. 110.

сколько способов её добывания¹. В первую очередь, с крыш сооружений в специальные цистерны собирали дождевую воду, а воду, сбегавшую по балкам с окружающих холмов, направляли в бассейны, образуемые перегораживавшими их плотинами. Такие бассейны, устроенные один ниже другого по уклону балки, для предохранения воды от загнивания засыпались сначала крупным, затем мелким щебнем. Далее по гончарным трубам она отсюда доставлялась в различные районы города. Использовали также дренажную систему, состоявшую из расположенных в шахматном порядке и засыпанных щебнем канав, из которых дождевая вода стекала в трубопровод. Практиковался также сбор дождевой влаги в устроенные во впадинах холмов небольшие колодцы, соединённые трубами с большим резервуаром, откуда она подавалась в места пользования.

Следует отметить также применявшийся в условиях Феодосии, как и на Таманском полуострове, оригинальный способ сбора воды. Со временем было замечено, что каменные скопления обладают свойством поглощать влагу из атмосферы и затем отдавать её земле. По описанию Н. Барсамова и А. Полканова, на обращённых к городу склонах холмов Ф. И. Зибольдом было обнаружено десять щебёночных груд подобного назначения, имевших вид усечённых конусов с воронками в вершинах и подковообразными углублениями по бокам². Поступавшие из атмосферы в эти груды водяные пары, охлаждаясь, выделяли росу, которая текла по их скальному дну в трубы и далее в городские распределители^{3*}.

В Феодосии особенно славился служивший главным водохранилищем города «Георгиевский» родник-фонтан, три каменных бассейна которого вмещали несколько тысяч кубометров воды⁴. На фасаде был помещён рельеф Святого Георгия на коне, поражающего змея. В 1799 году камеры и своды фонтана ещё находились в сохранности, однако были завалены, и воды в них не было. Руины этого сооружения по улице Горького, у морского сада, в 1945 году видел главный архитектор города Ю. Ф. Коломийченко. Также пользовались известностью родники под названием «криничка» (колодец). Таковые имелись на форштадте, или пригороде, на площади Фонтанной, на участке бывшей Армянской крепости и в других местах.

Родники-фонтаны возводились в удобных для забора воды местах, в стороне от пути массового движения. В поселениях они стояли на окраине или на одной из небольших площадей, сформированных пересечением нескольких улиц. Таким, к примеру, является фонтан Ходжа-Цатура (известен также как фонтан Кепанака, или «Кепанак чэшмеси») в Феодосии, у подножия возвышенности. Нередко фонтаны-родники устраивались во дворах знатных высокопоставленных персон. Известно, например, такое сооружение в доме крупного армянского князя в Феодосии, который позднее, в XIX веке, принадлежал господину Шепелю. Родники-фонтаны имелись также в крупных общественных сооружениях, например, в караван-сараях. А. Л. Якобсон обращает внимание на глиняный водопровод во дворе караван-сарая, находившегося в городе Старый Крым⁵, который, несомненно, должен был быть подключён к фонтану. Известны родники и на территории армянских кладбищ, как, к примеру, в Карасубазаре⁶.

Многие родники-фонтаны крымских армян расположены на территории монастырей. Здесь они строились силами и на средства монахов, а также частных лиц, пожелавших вложить своё имение в богоугодное дело. Монастырские фонтаны размещались

---

¹ Барсамов Н., Полканов А. Феодосия. Прошлое города и археологические памятники. – Феодосия: Археол. музей, 1927. – С. 45–46.

² Там же. – С. 47.

³ * Исследования И. И. Бабкова показали, что предложенный Ф. И. Зибольдом способ добывания конденсата не имеет ничего общего с действительностью (см.: Очерки по исторической и культурной географии Крыма. Водоснабжение армянского монастыря XV века в Двукорной бухте у Феодосии. – С. 1046).

⁴ Шафран В. Фонтаны Кафы, где они? // «Крымская правда» от 24. 02. 1988. – С. 4.

⁵ Якобсон А. Л. Крым в средние века. – С. 106.

⁶ Бжишкян М. Путешествие в Польшу. – С. 244.

в зависимости от местных условий и требований. Так, в имевшем три родника монастыре Сурб Хач, один находится в парадном дворе, или атриуме (не действует), а два других – в монастырском саду, расположенном с юго-запада от основных сооружений – на террасах, устроенных на косогоре.

В селениях и городских кварталах крымских армян родники-фонтаны нередко устраивались возле церкви и возводились приходской общиной или отдельными меценатами. Известны примеры их сооружения и в качестве памятников, прославлявших ктиторов – князя, купца, священника или настоятеля монастыря. Надписи на сооружениях фонтанов напоминали пользователям воды, кого следует помянуть и о ком следует молиться при утолении жажды. К примеру, согласно армянской литографии, фонтан «Кусик чэшмеси» в Феодосии был построен князем Кусиком¹. Впоследствии он был перенесён^{2*}. Аналогичная надпись на фонтане в селении Камышлык (Опытное) упоминала некоего Хачатура. Видимо, того же Хачатура упоминала армянская надпись на каменном мосту в селе Сала (Грушевка)³. А армянская литография на мраморной плите, хранившаяся в музее Общества истории и древностей в Одессе, рассказывала о возведении фонтана в 1743 году в память об известном армянском вельможе из Крыма ага-Теване и членах его семьи⁴.

Санитарно-технические мероприятия

Поддержание чистоты являлось важным показателем благоустроенности сельских и городских участков крымских армян. В сельских поселениях и усадьбах вплоть до XX века нечистоты собирались в поглощающие колодцы, которые по мере их заполнения засыпались, а вблизи выкапывались новые. Судя по обследованному нами в 1986 году в селе Топты такому сооружению, они имели относительно круглую форму диаметром около одного метра и глубиной не менее двух метров. Верх закрывался дощатым настилом с отверстием посередине. Над сооружением устраивалось небольшое деревянное (чаще всего) или же каменное строение, укрытое навесом.

В условиях скученной городской застройки, вместо поглощающих колодцев практиковались устраиваемые в отдалении от жилых помещений выгребные ямы. По форме плана они выполнялись прямоугольными, более или менее вытянутыми, глубиной в пределах трёх метров и площадью около 4–5 м². Стены выкладывались из местного, грубо колотого камня и оштукатуривались водостойким раствором. Использовались деревянные перекрытия, а в зажиточных домах – сводчатые. Выгребные ямы периодически очищались организованными в «ассенизационный обоз» людьми, именовавшимися, как и в Нахичевани-на-Дону, «золотарями»⁵.

В средневековых городах, с их характерными узкими и извилистыми улицами, рассчитанными на пешеходное движение, нечистоты эвакуировались за пределы застройки – в предназначенные специально для этого места. Вывоз осуществлялся ночью, в больших глиняных ёмкостях-карасах на вьючных животных. Позднее, примерно с начала XIX века, когда улицы стали приспособливаться для колёсного движения, вывоз фекальных вод осуществлялся с помощью бочек на двухколёсных повозках – вначале

¹ **Бжишкян М.** Путешествие в Польшу. – С. 354.

² * М. Бжишкян свидетельствует, что фонтан, построенный армянским князем Кусиком и называемый «Кусик чэшмеси», располагался неподалеку от фонтана Ходжа-Цатура (известен также как «Кепанак чэшмеси» – фонтан Кепанака). Последний сохранился и находится у подножия возвышенности в конце улицы Морской. Что касается «Кусик чэшмеси», то он был разобран в 20-х годах XIX века и заново выстроен ниже по склону (**Бжишкян М.** Путешествие в Польшу. – С. 354).

³ **Бжишкян М.** Путешествие в Польшу. – С. 263–264.

⁴ **Меликсет-Беков Л. М.** Старинные армянские надписи в музее Общества истории и древностей в Одессе. – С. 7.

⁵ **Халпахчян О. Х.** Архитектура Нахичевани-на-Дону. – Ереван: Айастан, 1988. – С. 43.

деревянных, затем железных. В частности, в Керчи последние практиковались вплоть до первых декад XX столетия. Канализация, проведённая впоследствии, как и в других городах Крыма, представляла собой хорошо организованную систему сточных каналов с выводом в общую магистраль.

В армянских монастырях устраивались как поглощающие колодцы, так и выгребные ямы. Последние практиковались в расположенных в городах культовых комплексах, к примеру, в армянском монастыре в Кафе^{1*}. Крупные монастыри, такие как Сурб Хач близ города Старый Крым и Спасителя на окраине села Бахчи-Эли имели отдельные для монахов и для многочисленных паломников санитарные узлы, располагавшиеся в соответствии с их назначением в удобных местах. Так, санитарный узел гостиницы монастыря Сурб Хач, расположенной над трапезной и предназначенной для паломников, был предусмотрен в удалённом от входа северном конце коридора, разделявшем правый и левый ряды комнат.

Освещение

Крымские поселения, в которых проживали армяне, вплоть до начала XIX века уличного освещения не имели. Поэтому для безопасности передвижения в тёмное время суток и в ненастную погоду на улицах городов и крупных селений устанавливались небольшие четырёхгранные фонари с восковой свечой. После приспособления улиц, особенно транзитных, для колёсного транспорта такие фонари устанавливались и на экипажах. Только после присоединения Крыма к России и внедрения геометрической структуры планировки поселений, площади и улицы стали освещаться сперва керосиновыми, а с начала XX века электрическими фонарями. Электрические фонари впервые были установлены в главном городе полуострова Симферополе в 1901 году по проекту армянского инженера-электрика Н. Ахвердяна.

Ширина улиц крымских городов небольшая – в пределах 6–8 м, включая и узкие тротуары размером 0,8–1 м. Такова улочка с двумя тротуарами, которая с северной стороны огибает церковь Святых Архангелов Габриела и Микаела в Феодосии^{2*}. Общая ширина её составляет 5,9 м (0,85 + 4,1 + 0,85).

На пересечении улиц устраивались специальные расширения, служившие местом разезда встречных потоков вьючных животных с поклажей. Тротуары покрывались плитняками, а полотно проезжей части – каменной вымосткой. В участках с интенсивным движением вымостка выполнялась из трудно поддающихся крошению и износу твёрдых пород камня. Пролегающая через территорию монастыря Сурб Хач дорога шириной 5,4 м вымощена разными по величине камнями твёрдого известняка^{3*}.

Озеленение

Вопрос озеленения поселений крымских армян решался в зависимости от их местонахождения, а также временного периода и условий. Ограниченные размеры стеснённых оборонительными стенами средневековых городов лишали возможности иметь в них зелёные насаждения. Только с утратой городом значения крепости и перепланировкой уличной сети стало возможным сажать вдоль тротуаров и в отдельных местах

¹ * Подразумевается монастырь Святой Богородицы, или Успения Пресвятой Богородицы, в Кафе. В начале XIX века он был переоборудован в лазарет.

² * Речь идёт об улице Армянской в Феодосии, которая сильно изменена за последние десятилетия.

³ * Указанная дорога построена в конце XIX века по инициативе настоятеля монастыря Сурб Хач Хорена Степанэ (см.: **Хорен Степанэ**. Монастырь Сурб Хач Крыма. – СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1891. – С. 26 (на арм. яз.)).

улучшающие климат декоративные деревья. Лучше обстояло дело во вновь возводимых городах, в которых озеленялись не только улицы, но и специально создавались бульвары и крупные массивы садов, очищавшие воздух города и образующие прохладу в знойное летнее время года.

Иным было положение в сельских поселениях, представлявших резкий контраст с городской застройкой. Их приусадебные жилые и хозяйственные постройки находились в окружении зелёных насаждений, среди которых превалирующее место занимали фруктовые деревья. Нередко жилые дома с широким, обвитым виноградными лозами балконом, располагались внутри озеленённого участка. Значительно улучшались климатические условия поселений также приусадебным, иногда большим по площади огородом, а позднее – сажаемыми вдоль уличной стороны усадьбы декоративными деревьями.

Должное внимание уделялось наличию водных поверхностей, смягчавших температуру воздуха внутри городской застройки, например, протекавшей через Армянскую крепость речке, некогда более многоводной, нежели сегодня. Позднее вокруг таких водных протоков как Салгир в Симферополе, Учан-Су и Дерекойка в Ялте устраивались зелёные зоны отдыха для проживавшего вблизи них населения.

Пути сообщения

Наличие и состояние путей сообщения имели важное значение для экономики Крыма, тесно связанной с торговлей. Как в Армении, так и здесь, плотно проезжей части дорог уплотнялось: в чернозёмных районах – песком с глиной, а в горных участках, пролегающих вблизи рек – с добавлением гравия или щебня из твёрдых каменных пород. Ложбины засыпались, крутые подъёмы смягчались выемками. Поперечному профилю дороги придавались уклоны к краям проезжей части, по сторонам которой устраивались небольшие кюветы для стока атмосферных осадков.

С активизацией движения в XIX веке улицы городов Феодосия, Старый Крым, Карасубазар и других стали выпрямляться и расширяться. Вновь возводимые же дороги в Симферополе, Севастополе, Керчи уже рассчитывались на двухрядное и трёхрядное движение колёсного транспорта. Аналогичное выполнялось и в сельских поселениях, особенно в тех, которые располагались на пересекающих полуостров транзитных магистралях. Последние, как правило, имели щебёночное покрытие.

Большое значение для развития Крыма сыграло его включение в железнодорожную систему юга России. Значительную часть расходов по организации и строительству крымской ветви железных дорог взяли на себя армянские коммерсанты, активно вовлечённые в товарообмен Запад–Восток. Первым в Крыму рельсовым путём сообщения стала линия «Лозовое–Севастополь», строительство которой завершилось в 1875 году. В 1892 году была сдана в эксплуатацию линия «Джанкой–Феодосия», а в 1900 году – «Владиславовка–Керчь». Это благоприятствовало увеличению численности жителей, в том числе и армян, как в перечисленных городах и поселениях, так и в населённых пунктах, примыкавших к железнодорожным станциям и полустанкам между ними.

ГЛАВА 3.

Жилые и общественные сооружения

К сожалению, из средневековых жилых, производственных и торговых сооружений, возведённых армянскими поселенцами в Крыму, практически ничего не сохранилось. Мало того, археологических данных по этим строениям также крайне не хватает, поэтому представление о них можно составить лишь по кратким историческим сообщениям, отдельным случайно обнаруженным примерам и возведённым в недалёком прошлом единичным постройкам.

Жилые дома

Представление о наиболее ранних городских жилищах армян на полуострове можно составить по результатам археологических исследований в Херсонесе, где, согласно приведённому выше материалу, присутствие армянской общины фиксируется, по крайней мере, с X века. Как и в городах средневековой Армении, усадьбы здесь огораживались глухими заборами, за которыми в глубине двора находились небольшие жилища в один или

два этажа, окружённые различного назначения постройками. Строения возводились из грубо колотого камня на земляном растворе. Верхние этажи, иногда фахверковые, – с саманным заполнением. Судя по композиции плана, такие сооружения возводились постепенно, в результате перестроек и пристройки к основному помещению дополнительных. Междуэтажные перекрытия выполнялись из дерева. Пол наземных этажей был земляной. Ввиду слабости земляного раствора толщина стен принималась значительной, что позволяло постройкам выдерживать довольно частые в Крыму сейсмические колебания¹. В зависимости от размера усадьбы строения ставились по её периметру, однако без обращённых на улицу оконных проёмов. Единственный вход с улицы более или менее украшался художественным порталом, подчёркивавшим зажиточность домовладельца. Стены строений покрывались земляным раствором, в жилых помещениях применялась также гажевая штукатурка, покрываемая яркими росписями.

С повышением численности жителей увеличивалась этажность и усложнялась планировка жилых усадеб. Обитатели с достатком возводили отдельные конюшни для верховых и вьючных животных, сараи для повозок, сена, топлива, строили подвалы для хранения продуктов питания и устраивали ёмкости для сбора и хранения питьевой воды. Первый этаж предоставлялся подсобным помещениям, во втором размещались жилые и парадные покои. Вход в усадьбу акцентировался более выразительным порталом, а перед обращёнными во двор помещениями предусматривался укрытый деревьями широкий балкон, или веранда, служивший в летнее время местом постоянного пребывания обитателей дома. Такая композиция городской усадьбы, продиктованная средневековыми условиями жизни горожан, была определена потребностью оградить хозяев от покушений неприятеля, не исключая и взбунтовавшуюся городскую чернь.

По нашему предположению, в двухэтажных особняках городской знати, жившей в Армянской крепости в Кафе, могли практиковаться нависавшие над узкими улочками эркеры на деревянных консолях. Треугольные в плане эркеры, снабжённые окнами-щелями, позволяли жильцам наблюдать за движением на улице. Дома с подобными конструкциями, имевшиеся в армянских кварталах Эрзерума XVIII–XIX веков^{2*}, придавали своеобразие архитектурному облику улиц города³. Возможно о таких именно улицах говорил армянский историк IX–X веков Товма Арцруни, когда отмечал, что в городе Востане вблизи озера Ван имелись «улицы со всевозможными украшениями и поделками, и такими чудесными, которые не поддаются описанию»⁴.

К числу заслуживающих упоминания показательных примеров относится дом № 9 на Армянской улице в Феодосии, сохранившийся до 1920-х годов⁵. Он был известен как местопребывание епископа армянской церкви Святых Архангелов Габриела и Мика-

¹ Даниленко В. Н. Жилые дома Херсонеса XIII–XIV вв. – С. 64.

² * Османский путешественник Эвлия Челеби проводит другую параллель между домами Эрзерума (ныне – город и вилайет в Турции) и армянских поселений Крыма. Описывая армянское село Топты середины XVII века, он пишет: «Стоянка Топлу-кёй. Это деревня армянских неверных, расположенная в холмистой долине, со ста домами. Все дома здесь похожи на дома Эрзурумской страны, построены из сосновых брёвен, с куполами из сосновых брёвен, подобных крыльям ласточки» (Эвлия Челеби. Книга путешествия. Крым и сопредельные области. – Симферополь: Доля, 2008. – С. 152). Из сказанного можно заключить, что дома эти, похожие на «дома Эрзурумской страны», были чем-то необычным для Крыма. По всей вероятности, они были перекрыты сводами *hazarashen* (hazarashen). Этим термином обозначаются конструкции перекрытия из замысловато сложенных брёвен, с земляным покрытием и световым отверстием по центру. Типичные для армянских жилых домов, перекрытия «азарашен» позднее были воплощены в камне и использованы в качестве сводов церковных притворов.

³ Халпахчян О. Х. Гражданское зодчество Армении. – С. 27.

⁴ Товма Арцруни. История дома Арцруни. – Тифлис: Тип. Аганян, 1917. – С. 476 (на арм. яз.).

⁵ Барсамов Н., Полканов А. Феодосия. Прошлое города и археологические памятники. – С. 50–51.

ела^{1*}. Это был двухэтажный дом на высоком цоколе, обращённый на улицу фасад которого оживлялся двумя небольшими ризалитами, расположенными по сторонам. Постройка отличалась четкостью планировки – распределением основных жилых и вспомогательных помещений – равно как и художественной отделкой фасадов и парадных залов. Среди последних особенно отличались находившиеся на втором этаже гостиная, библиотека и приёмная. Стены приёмной были покрыты ореховой обшивкой, сплошь украшенной растительно-геометрическими орнаментами, практиковавшимися в декоре хачкаров и культовых памятников крымских армян.

Городское население среднего достатка проживало в менее комфортабельных строениях, перемежавшихся с различными торговыми заведениями и мастерскими. Здания в один и два этажа возводились скученно. Дворы, как правило, отсутствовали. В двухэтажных домах, находившихся на основных улицах, жилище хозяина помещалось наверху, над его лавкой или мастерской. При устройстве помещений в середине сложного по планировке и многорядного по глубине двухэтажного здания, использовалось опосредованное, или второстепенное, освещение, а в одноэтажных домах – потолочное, через проёмы в деревянных перекрытиях.

Жившая своими особыми кварталами беднота ютилась в тесно примыкавших друг к другу жалких лачугах без удобств^{2*}.

---

¹ * Речь идёт о доме, в котором пребывал архимандрит Габриел Айвазовский. Назначенный на пост начальника Нахичевано-Бессарабской епархии Армянской церкви, он перевёл резиденцию епархиального главы из Кишинёва в родную Феодосию. Церковь Святых Архангелов Габриела и Микаела в Феодосии, также находящаяся на улице Армянской, в период правления Г. Айвазовского (1858–1865 годы) служила престольным духовным центром. И хотя пост, занимаемый Айвазовским, предполагал наличие сана епископа, он его получил лишь в 1867 году.

² * Здесь следует вспомнить о таком распространённом в Крыму типе жилья, как землянки. Армянские источники XIV века неоднократно упоминают их. Таковые существовали и в Сурхате, и в Кафе, и на территории монастыря Спасителя близ села Бахчи-Эли и, видимо, в других населённых пунктах полуострова. В Сурхате даже существовал армянский квартал, называемый Վերին հողետներ (Verin hoghetner), в буквальном переводе – «Верхние земляные дома» (см.: Памятные записи армянских рукописей XIV века. – С. 350, 369–370, 412, 456, 460, 518). «Верхним» он назывался, поскольку располагался несколько выше остальных городских кварталов, в частности мусульманских. Здесь источники локализуют шесть армянских церквей (см.: Саргсян Т. Э. Армяне средневекового Сурхата и их церкви. – С. 110–111). Что касается слова հողետներ (hoghetner), то имеется несколько вариантов его интерпретации. Это могли быть дома, построенные из земли и уходящие в землю на две трети. В таких жилищах размещались как хозяева, так и домашние животные. Отсек для последних отделялся деревянной перегородкой. Присутствие животных во многом обеспечивало тепло в зимние периоды. Термином հողետներ (hoghetner) обозначались также строения, расположенные на наклонной местности. При этом плоские земляные кровли жилищ каждого нижнего яруса служили террасами для выше расположенных (см.: Свод армянских памятных записей, относящихся к Крыму и сопредельным регионам (XIV–XV вв.). – С. 75). По свидетельству Э. Челеби и Бордье, из таких домов состояла застройка Топрах-Кале (Топраклы) – одного из пригородов Кафы (см.: Катюшин Е. А. Феодосия. Каффа. Кефе. – Феодосия: Коктебель, 1998. – С. 132, 136). Центральное место в этом рыбацком квартале, населённом армянами и татарами, занимала армянская церковь Святого Тороса, или Тэодороса (**Хачатур Кафаеци**) Летопись Хачатура Кафаеци (XVII в.) // Мелкие хроники XIII–XVIII вв. / Сост. В. Акобян. – Т. I. – Ереван: Изд. АН Армянской ССР, 1951. – С. 205–236 (на арм. яз.)). Аналогичный тип поселения и жилья в 1943 году зафиксирован немецким фотографом Г. Листом в татарском селении Кутлак (ныне Весёлое) северо-западнее Судака.

О вырытых в земле жилищах, находившихся в Кафе, сообщает памятная запись 1337 года: «И я, представитель вардапета Аветыка – иеромонах Торос, по повелению вардапета скупил эти выкопанные в земле дома для (церкви) Святой Троицы <...>» (см.: Свод армянских памятных записей, относящихся к Крыму и сопредельным регионам (XIV–XV вв.). – С. 72). То, что в средневековых поселениях крымских армян преобладали низкие, в основном земляные жилища, подтверждает небольшая высота находившихся в них церквей – архитектурных доминантов. Преобладанием скромных земляных жилищ обусловлена и возможность крымских городов вмещать большое число жителей при относительно небольших площадях. О земляных жилищах на территории монастыря Спасителя, предусмотренных для паломников, сообщает М. Бжишкян (см.: Бжишкян М. Путешествие в Польшу. – С. 260).

Жилые дома строились индивидуально по замыслу хозяев, почему говорить о каком-либо типовом проекте не приходится. Довольно часто практиковались пристройки и переделки, иногда существенно изменявшие первоначальную планировку.

Застройка сельских усадеб осуществлялась более просторной. Её основу составляла жилая ячейка, к которой примыкали подсобные помещения – кухня, кладовая, сени и так далее. Несколько в стороне от въезда в усадьбу находился скотный двор со своими строениями – хлевами для крупного и мелкого рогатого скота, птичник, сеновал, помещение или навес для сельскохозяйственных орудий. Фруктовый сад и огород располагались в зависимости от территориальных условий.

Регулярная планировка городских и сельских поселений, осуществлявшаяся после присоединения Крыма к России, положительно отразилась на застройке этих населённых пунктов. Прямоугольная форма кварталов диктовала такие же очертания усадеб. Жилые строения ставились на красной линии улицы, на которую ориентировались парадные помещения. Второстепенные комнаты и такие строения, как сарай, хлев, склады и прочее, располагались в глубине двора, иногда имевшем палисадник. Особое внимание обращалось на архитектурно-художественное убранство главного фасада, свидетельствовавшего о зажиточности домовладельца.

Расположение жилищ в татарском селении Кутлак
(фото 1943 года, автор – Г. Лист).

Близкие по размеру, планировке и объёмному решению жилища XIX века, обследованные нами в бывших армянских селениях Бахчи-Эли, Мелек, Орталанк, Сала и Топты, были рассчитаны на семью из 4–5 человек. В тот период армян в этих селениях уже не было и данное наблюдение напрямую их не касается, но есть основание предположить о возведении этих жилищ, как и в Нахичевани-на-Дону, по «образцовым проектам, составленным Комиссией строений Санкт-Петербурга и Москвы»¹. И хотя со временем дома расширялись и перестраивались, тем не менее, их единичные примеры, сохранившиеся к середине XX века без изменений, позволяют составить представление о первоначальном облике таких одноэтажных и двухэтажных строений^{2*}.

Дома в татарском селении Кутлак ▲ ►
(фото 1943 года, автор – Г. Лист).

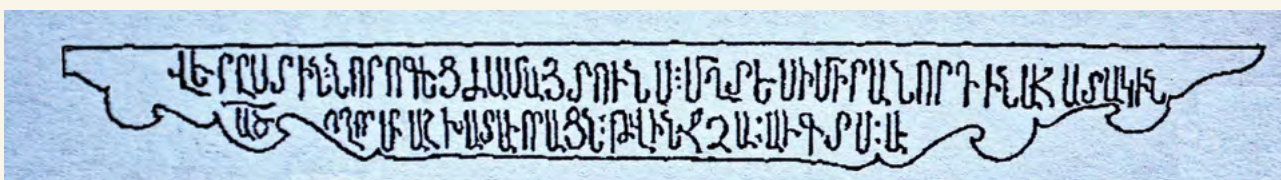
¹ **Халпахчян О. Х.** Архитектура Нахичевани-на-Дону. – С. 53.

² * Интересные сведения по строению сельских поселений и сельского жилища в Горном Крыму содержит альбом немецкого фотографа Герберта Листа. Его фотографии, относящиеся к 1943 году, зафиксировали ситуацию в татарском селении Кутлак (ныне Весёлое) северо-западнее Судака (URL: <https://www.crimeantatars.club/history/photogallery/15-fotografij-krymskotatarskogo-sela-sdelannye-gerbertom-listom>). Мы сочли возможным использовать здесь некоторые из фотографий Г. Листа, поскольку запечатлённые им типы горного поселения и жилья имели всеобщее распространение в Крыму, независимо от национальности обитателей. Это – во-первых, а во-вторых, в Судаке и его окрестностях проживало много армян, которые, безусловно, оказали существенное влияние на формирование этих типов. Свидетельством сказанного являются типологически схожие поселения и дома, сохранившиеся в Армении.

Жилые дома являлись основным архитектурным акцентом сельской усадьбы, посему им уделялось повышенное внимание. Как правило, обязательной принадлежностью обоих типов (одноэтажных и двухэтажных) были устроенные по всей длине главного фасада широкие балконы. Планировка домов была простой, обычно – двухрядной. Связь комнат между собой осуществлялась как через переднюю в средней части дома, так и по балкону. В однорядном типе жилья комнаты вместе с балконом возвышались над землёй, и на балкон поднимались по каменной лестнице, устроенной на поперечной оси здания. Перекрытие балкона было общим с основным объёмом, увенчанным четырёхскатной кровлей, покрытой желобчатой черепицей. Перекрытие балкона, оживлявшего внешний облик жилища своей открытой пространственной трактовкой, опиралось на деревянные стойки с характерными для практики Армении капителями-подбалками^{1*}. Сближенные по сторонам лестницы стойки служили также опорой для фасонных

Рисунок подбалки с надписью 1552 года (Свод армянских надписей. – Вып. VII. – С. 51).

¹ * Подбалки (деревянные капители) использовались не только в жилых и общественных зданиях, но и прицерковных строениях с деревянным перекрытием. Одна из них, из церкви Святого Саркиса в Феодосии, сохранилась и ныне экспонируется в Музее древностей в Феодосии. Армянская надпись на подбалке сообщает о восстановлении прицерковного дома в 1532 году (см.: Свод армянских надписей. – Вып. VII. – С. 51). Здесь приведён рисунок подбалки вместе с надписью: «Заново восстановил церковный дом магдуси Амира, сын Наатака. Да помилует Бог работников. Лета 981 [1532], август. Аминь».

подкосов, которые поддерживали большого выноса карниз, защищавший балкон от солнца и дождя. Вначале балкон был открыт с трёх сторон. Позднее его с северной торцевой стороны начали ограждать антовым выступом для предохранения от влияния холодного зимнего ветра. По этим же соображениям на подветренной стороне дома оконных проёмов не устраивали.

Осложнённую композицию имел двухэтажный тип. Его нижний этаж выполнялся на уровне земли, а балкон верхнего этажа перекрывался вместе с корпусом дома – черепичной кровлей. Расположение окон, дверей, а также деревянных с подбалками стоек балконов различно на каждом из этажей. В зависимости от количества и размеров комнат верхний балкон мог быть даже пятипролётным, а нижний – четырёхпролётным. Ведущая на второй этаж открытая наружная лестница располагалась с левой стороны второго пролёта. Большая высота верхнего этажа на фасаде отражалась устройством мелких окон над выходящими на балкон дверьми (нечто вроде фрамуг).

Дом с наружной печью в татарском селении Кутлак

(фото 1943 года, автор – Г. Лист).

Неотъемлемым атрибутом сельского жилища армян, в том числе и крымских армян, была специальная печь для выпечки хлеба, по-армянски – «пур». Её практиковали и другие народы Крыма¹, равно как и сельские жители армянских посе-

¹ Бернштам А. Н. Жилище Крымского предгорья // Известия ГАИМК. – Т. IX. – Вып. 6–7. – М.–Л.: Изд. ГАИМК, 1931. – С. 30.

лений в низовьях Дона. Это – покрытая черепицей невысокая каменная постройка с дверцей на фасаде. В связующий глиняный раствор добавлены примеси мелких камней и битых черепков. Размеры площади хлебопечи – в пределах одного метра в диаметре. Внутри имеется сводик или куполок с дымоходом на вершине. Для удобства пользования такая печь возвышалась над землёй, а под ней устраивался курятник^{1*}.

К числу редчайших жилых строений, выполненных не без влияния образцового проекта, следует отнести небольшую городскую усадьбу в Карасубазаре (Белогорске). Она принадлежала деду композитора Александра Спендиаряна (Спендиарова) по матери – Карпу Селину, являвшемуся двоюродным братом И. К. Айвазовского. Построенная в третьей четверти XIX века, усадьба поставлена по красной линии улицы и фасадной стороной жилого дома обращена в сторону небольшой площади^{2*}. Одноэтажный дом расположен на подвальном этаже и взят под двускатную деревянную кровлю с черепичным покрытием. Вход имеется как со стороны двора, так и из небольшого балкона, держащегося на деревянных стойках. На галерею поднимаются по каменной лестнице в восемь ступеней, устроенной с левого края. Небольшой двор, входящий в состав усадьбы, по периметру обстроен различными подсобными помещениями, а также навесом для повозок и конюшни.

Печь в трапезной монастыря Сурб Хач.

¹ * Несколько другого строения печь для приготовления хлеба сохранилась в трапезной монастыря Сурб Хач. Она встроена в северную стену северного зала трапезной, рядом с камином. Печь расположена высоко от уровня пола и в сторону зала обращена небольшим проёмом полуциркульного очертания. Внутри имеется два тонира (тандыра), а рядом – помещение (см.: **Саргсян Т. Э., Петросян М. В.** Крым. Монастырь Сурб Хач. – С. 180).

² * Дом снесён собственником в июле 2019 года. В реестре объектов культурного наследия он не состоял.

Дом деда А. А. Спендиарова в Белогорске (фото 2010 года).

Социальные условия в Крыму, изменившиеся с начала XIX века, отразились и на возводимых при культовых комплексах жилых строениях. Показательный пример – двухэтажное здание обители монахов армяно-католической конгрегации Мхитаристов, расположенное в южной части Карасубазара, рядом с армяно-католической церковью Святой Богородицы. Посаженное внутри «очаровательного сада» и обращённое на улицу центральным фасадом, здание обители отличалось наличием большого числа комнат, изысканностью приёмного зала в передней части постройки, а также роскошью богатой библиотеки и музея с редкими экспонатами. Перед зданием обители находились палисадник и фонтан с родниковой водой¹. Не сохранились ни обитель, ни церковь^{2*}.

XIX век ознаменовался очередным расцветом армянской колонии в Крыму, связанным с именами адмирала Российского флота Лазаря Серебрякова (Казар Арцатагорцян, 1797–1862 годы), известного учёного-педагога и церковного деятеля Габриэля Айвазовского (Айвазян, 1812–1880 годы), великого художника-мариниста Ивана Айвазовского (1817–1900 годы), поэта Геворга Додохяна (1830–1908 годы), музыканта Христофора (Хачатура) Кара-Мурзы (1858–1902 годы), композитора Александра Спендиарова (Спендиарян, 1871–1928 годы) и многих других. Значительный вклад в развитие экономики полуострова привнесли представители армянского торгово-экономического сообщества. Существенную помощь они оказали как во время обороны Севастополя в 1854–1855 годах, оплатив значительную часть расходов, так и при возведении различных сооружений. По инициативе и на средства семей Поповянов, Семерджянов, Чирахянов, Сеферянов, Топалянцев, Хлебникянов и других было построено множество

¹ Бжишкян М. Путешествие в Польшу. – С. 252–253.

² * Из построек крымских армян-католиков до нас дошло лишь одно здание – двухэтажный прицерковный дом, возведённый в 1911 году рядом с армяно-католической церковью Святого Спасителя в Симферополе.

жилых, общественных, торговых и культовых зданий в Симферополе, Феодосии, Керчи, Евпатории, Карасубазаре, Армянске.

Среди жилых построек, возведённых в Симферополе, следует отметить дом Эргановых (Эрганянов, Ерканянов)^{1*} по адресу: улица Пушкина, 16. Это нарядное одноэтажное здание, построенное в 1890 году в стиле модерн, поставлено на красной линии улицы. Снабжённое дворовой площадью на тыльной стороне, оно имеет чёткое обозначение двух порталов и парадных окон на фасаде^{2*}.

Богато декорированный уличный фасад, в зависимости от размеров и расположения комнат, асимметричен. Главными архитектурно-декоративными элементами являются два парадных входа, находящихся в правой половине фасада, на чуть выступающих ризалитах. Левосторонний из них, расположенный почти посередине фасада, когда-то вёл в хозяйские покои. Осложнённый двусторонними дугами фронтоном портала обогащён гирляндами, а картуш в центре сильно выступающего арочного навершия акцентирован начальной буквой фамилии владельца – «Э». В конце левого крыла фасада – декоративно менее выразительный ризалит с окнами кабинета хозяина дома, а между ним и порталом, в середине, ритмично расположены арочные окна парадного зала, подчёркивающие его протяжённость.

Бывший дом предводителя при армяно-католической церкви Святого Спасителя по ул. Горького в Симферополе. Отделка фасада второго этажа.

Донатором строительства церкви был известный предприниматель, купец 1-й гильдии Саркис Налбандян (Налбандов). Будучи родом из города Гюмушхана (недалеко от Трапезунда), он обосновался в Симферополе в 20-х годах XIX века и благодаря незаурядному уму и предприимчивости накопил солидный капитал. В 1862–1863 годах в Симферополе, на Дворянской улице, он построил церковь и дом для предстоятеля при ней. Строительство в целом обошлось Налбандяну в 60 000 рублей. В советский период церковь была демонтирована. На её месте ныне стоит Симферопольский государственный цирк им. Б. Тезикова. А прицерковный дом сохранился и находится по адресу: ул. Горького, 3а. Это прямоугольное в плане двухэтажное здание. Сейчас на первом его этаже размещён магазин, а на втором – различные конторы (см.: **Саргсян Т. Э.** Пять церквей армян Симферополя // Армяне Юга России: история, культура, общее будущее. – Вып. III. – Ростов-на-Дону: Изд-во «Ключ-С», 2018. – 163).

^{1*} Представители армянской купеческой династии Эргановых проживали как в Крыму, так и в Нахичевани-на-Дону. В Краснодаре (бывший Екатеринодар) сохранился доходный дом Гукаса Асватуровича Эрганова – известного нахичеванского купца, торговавшего азиатскими товарами. В Симферополе жил Христофор Эрганов, владевший чугунолитейным заводом.

^{2*} В советский период планировка дома Эргановых неоднократно менялась. Ныне в нём размещена большая стоматологическая клиника.

Дом Х. Эрганова в Симферополе.

Справа описанный портал соседствует с высоким проездом во двор, арочный свод которого урезан антресолю. Проезд, ныне перестроенный в остеклённое помещение, как бы делит дом на два крыла. Портал, ведущий в правое крыло, оформлен точно также, как предыдущий, только на картуше зафиксировано время строительства – «1890 год». Эта часть здания имеет меньшую протяжённость, а фасадные оконные проёмы, в отличие от окон левого крыла, прямоугольные.

Высота дома Эрганова – небольшая. По своим пропорциям он даже несколько приземист, что подчёркивается гладким низким цоколем и таким же парапетом поверх карниза большого выноса. Парапет представлен отрезками мелких балясин, размещённых между часто расставленными тумбами. Поверхность фасада, порталы, а также прямоугольной и арочной формы оконные проёмы обильно украшены лепниной – рустами, мелко профилированными обрамлениями с геометрической и растительной орнаментикой, невысокими ионическими колонками, узорочьем на антрвольтах, архивольтами, головами львов в тимпанах фриза, погрудными женскими фигурками на кронштейнах карниза, вензелями, маскаронами и так далее. Подобная перенасыщенность деталями художественного убранства фасада выделяет это здание среди других построек Симферополя, в которых в эклектической композиции фасада преобладающие черты классицизма соседствуют с деталями стиля «модерн».

Среди построек смешанного – жилого и торгово-общественного – назначения можно отметить частично сохранившийся дом армянского купца на перекрестке улиц Некрасова и Армянской (ныне Кавказской) в Симферополе. Возведённое во второй половине XIX века здание было двухэтажным, выполненным в простых архитектурных формах, свидетельствующих о скромности художественных предпочтений. В верхнем этаже располагались обширные апартаменты хозяина, а в нижнем – торговое помещение своеобразного по тем временам универсама.

Фрагмент фасада дома Эрганова в Симферополе.

Особенность здания – наличие с дворовой стороны двухэтажной прачечной, обработавшей в смену внушительный объём белья. В возведённом из камня первом этаже находились приёмная белья, сортировочная, моечная, гладильная и комната выдачи, а во втором – деревянном, со съёмными стенами, производилась сушка белья. По-видимому, это было одно из первых в Крыму производственных сооружений подобного назначения.

К числу архитектурно выразительных городских строений конца XIX – начала XX веков относится доходный дом купца Семерджиева (Семерджяна) на перекрестке улиц Пушкина и К. Маркса в Симферополе. На первом этаже этого высокого, стройного трёхэтажного углового здания, отличающегося чёткой планировкой, функционировал магазин – для своего времени значительный по площади^{1*}. На втором и третьем этажах располагались многокомнатные квартиры. Следует отметить разумное и пропор-

¹ * В одном из отделов магазина продавали табак, сигары разных фабрик, кожгалантерею, в другом – сувениры, в третьем – столовую и кухонную посуду из фаянса, фарфора, хрусталя и эмалированного металла, в четвёртом – канцелярские принадлежности и так далее. К левому крылу дома примыкала нарядно оформленная двухэтажная пристройка с надписью «Фотография». Фотоателье Семерджиева стало первым в Симферополе специализированным зданием, всецело отданным искусству фотографии. Оно сохранилось и ныне служит по первоначальному назначению.

циональное членение фасада здания по вертикали. Первый этаж с рустованными простенками между широкими окнами-витринами магазина трактован как основание здания, отделённое от верхней части карнизом большого выноса.

Дом купца Семерджиева.

Декор, использованный выше, отличается применением архитектурных деталей, подчёркивающих высоту. Лейтмотив художественного убранства – большие, на два этажа, ритмично расставленные пилястры, капители которых украшены маскаронами. Между пилястрами на уровне низкого второго этажа помещены небольшие спаренные окна прямоугольного контура. На уровне же высокого третьего этажа расположены стройные спаренные окна с арочным верхом. Вертикали посередине этих величественных двойных окон украшены полуколонной, а по сторонам – пилястрами. Наверху окна «объединены» под настенной аркой полуциркульного контура. Фронтоны арок отмечены круглым профилированным медальоном. Ниже окон размещены отрезки глухих балюстрад, создающие впечатление открытой галереи.

Высокий фриз венчающего карниза, опирающегося на кронштейны, прорезан мелкими окнами антресольного этажа.

Несколько иначе оформлен угловой фасад – поверхность, к которой примыкают правое и левое крылья здания. Он по краям подчёркнут рустовкой, как на первом этаже. Здесь на первом этаже устроен широкий парадный вход в здание. На уровне низко-

го второго этажа помещены спаренные окна прямоугольного контура, окружённые широким лепным обрамлением. На уровне высокого третьего этажа устроен дверной проём с арочным верхом, выводящий на полуциркульный в плане висячий балкон. Проём окружён богатым лепным декором, увенчанным арочным фронтоном с картушем по центру.

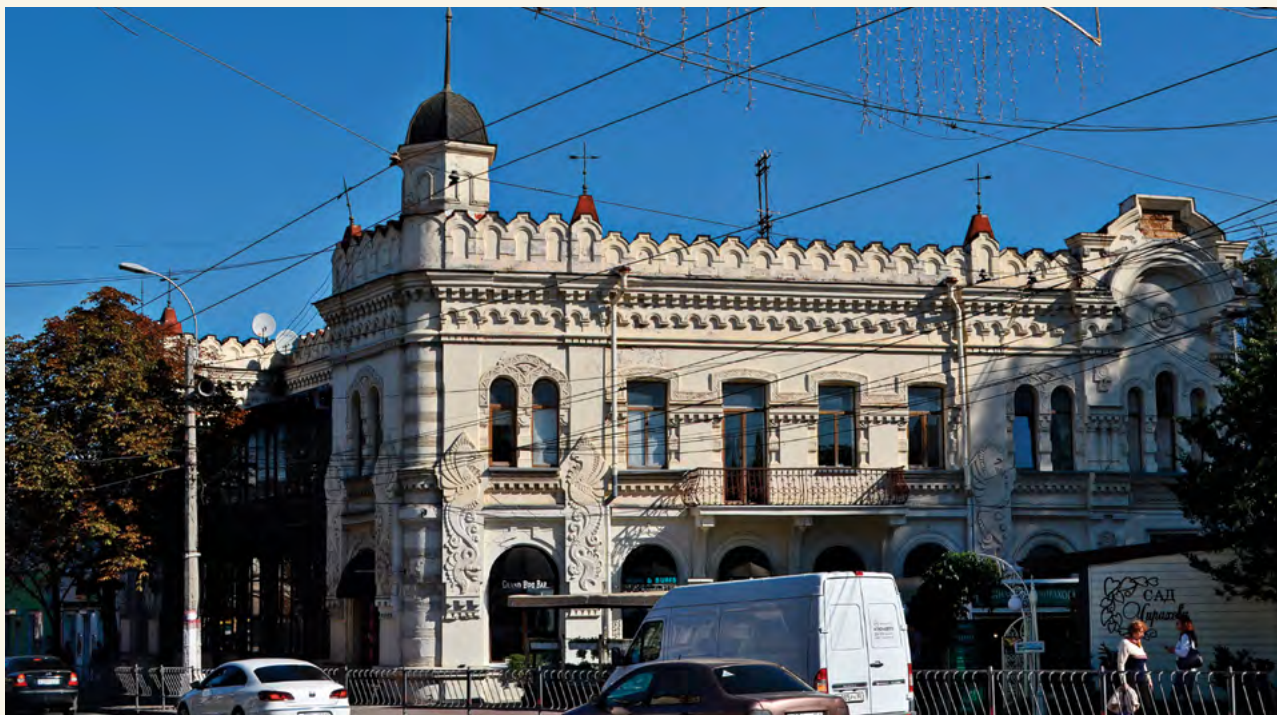
Фотоателье Семерджиева по ул. Пушкина в Симферополе.

Для акцентирования углового фасада здания, обращённого на площадь-перекресток, над ним устроен четырёхгранный шатёр. Он имеет несколько округлённое очертание и завершается профилированным карнизом. Покрытый черепицей шатёр установлен на прямоугольной тумбе, центр которой отмечен круглым слуховым окном^{1*}.

¹ * В этой части Симферополя, в так называемом «новом городе», есть ещё одно заслуживающее внимания здание, которое построено предпринимателем-армянином. Это доходный дом Чирахова, или Дом с драконами, расположенный на углу Одесской улицы и проспекта Кирова, по адресу: пр. Кирова, 21. Двухэтажный, Г-образный в плане дом построен в начале XX века по проекту архитектора Б. А. Зайончковского. Впрочем, заказчик его – Хачерес Карапетович Чирахов, подал ходатайство о строительстве торгового дома ещё в 1886 году.

Ярким примером многофункционального здания является дом И. К. Айвазовского в Феодосии, построенный в 1845–1880 годах. Он показателен не только по планировке и разнообразию назначений, но и по архитектурному оформлению. Дом включает в себя жилище художника и его семьи (у четы Айвазовских было четыре дочери), мастерскую

Дом Х. К. Чирахова в Симферополе.

Обильно и разнообразно декорированное здание выполнено в эклектическом стиле. Фасад, обращённый в сторону улицы Кирова, оживлён ажуром из чугуна. Во внешнем оформлении здания использованы рельефные изображения стилизованных драконов, из-за чего дом назвали «драконьим». Величественный главный фасад, обращённый в сторону Одесской улицы, увенчан аттиком. Он введён в состав зубчатого парапета, обтекающего верхний периметр здания. В Г-образный периметр парапета введён и изящный куполок, венчающий угловую вертикаль здания, к которой примыкают оба его крыла.

и картинную галерею с огромными выставочными залами, каких не существовало нигде в России, кроме как в Эрмитаже¹. В 1880 году здесь открылась первая периферийная галерея, которая стала третьей экспозицией в России после Эрмитажа в Петербурге (1852 год) и Румянцевского музея в Москве (1862 год).

Дом И. К. Айвазовского в Феодосии. Выставочный зал в конце XIX века.

¹ Барсамов Н. А. Иван Константинович Айвазовский. – Симферополь: Крымиздат, 1953. – С. 201.

Жилые покои семьи художника были обращены с сторону озеленённой дворовой части дома, а помещения, выходящие на фасад, были предоставлены выставочным залам и мастерской. Значительной площади выставочные залы служили не только для повседневного приёма посетителей, но и гостей. В большом выставочном зале высотой около семи метров, снабжённым верхним освещением, имелась также сцена, на которой выступали гостившие у Айвазовского музыканты А. Г. Рубинштейн, Г. И. Венявский, артисты К. А. Варламов, Н. Ф. Сазонов, великий армянский трагик Петрос Адамян. В доме была организована художественная школа-мастерская для обучения живописи. В числе её учащихся были выдающиеся художники, в том числе – А. И. Фесслер и Л. Ф. Лагорин.

Композиционно протяжённый дом Айвазовского состоит из пониженного наземного этажа и возвышающегося за ним основного здания, обращённого в сторону моря главным фасадом. Последний оживлён тремя объёмными ризалитами, расположенными на центральной оси и по краям. Между ризалитами, на уровне перекрытия наземного этажа, устроены две открытые площадки, ограниченные нарядными парапетами. Здание характеризуется весьма сдержанным архитектурно-декоративным убранством. Стены нижнего этажа гладкие, без каких-либо украшений. Декор отсутствует даже вокруг оконных проёмов, идущих чередой. Углы ризалитов второго этажа подчёркнуты пилястрами с капителями типа дорических, завершающимися карнизом с гладким фризом. Прямоугольного контура окна фасада второго яруса, обращённые в сторону площадок, имеют профилированные обрамления с горизонтальными профилированными сандриками поверху. Между пятью сандриками на левом крыле, а также на центральном из них помещены пять мраморных досок с армянскими надписями^{1*}. Здесь же центральное окно фланкировано стоящими на консолях женскими фигурами.

Прямоугольного очертания окна, расположенные на ризалитах, по сторонам дополнительно украшены пилястрами, несущими треугольный фронтон.

Обращённые в сторону правосторонней площадки гладкие боковые стены ризалитов оживлены стоящими на консолях женскими фигурами. Перед фасадом здания на простом пьедестале поставлен бронзовый памятник И. К. Айвазовскому.

Дом композитора А. А. Спендиарова в Ялте. Флигель с кариатидами. ►

Дом классика армянской музыки композитора А. А. Спендиарова в Ялте – показательный пример городской усадьбы конца XIX века. Это расположенное на красной линии улицы Екатерининской (дом № 3) одноэтажное строение с мезонином и благоустроенным садом. В последние десятилетия в нём помещался Дом культуры

---

¹ * Литографии были обнаружены Гр. Григоряном и опубликованы им в 1970 году в краткой форме (см.: **Григорян Гр.** Новые данные об армянских эпиграфических надписях Крыма и Северного Кавказа // ИФЖ. – № 3. – Ереван: Изд. АН Армянской ССР, 1970. – С. 299). Более подробно он обратился к ним в 1996 году (см.: Свод армянских надписей. – Вып. VII. – С. 80–82). Надписи упоминают родителей, братьев и сестру И. К. Айвазовского, сообщают о фонтане, построенном им в Феодосии, а также о посещении фонтана известным купцом из Нахичевани-на-Дону А. Халибяном. Представляем надписи (слева направо по очереди) в собственном переводе на русский язык: 1. «**АРУТЮН ХАЛИБЯНЦ, / ОСНОВАТЕЛЬ / ХАЛИБОВСКОГО УЧИЛИЩА, / ПОСЕТИЛ ФОНТАН / В ГОДУ ГОСПОДНЕМ / 1861**». 2. «**ГРИГОР / АЙВАЗОВСКИЙ, / НАЧАЛЬНИК МОРСКОГО ПОРТА / ФЕОДОСИИ. / ГАБРИЕЛ В[АРДАПЕТ] АЙВАЗЯН, / ПРЕДВОДИТЕЛЬ ЕПАРХИИ НАХИЧЕВАНА И БЕССАРАБИИ**». 3. «**ГЕОРГ / КОСТАНДИН ГРИГОРОВИЧ / АЙВАЗОВСКИЙ, / ОТОШЕДШИЙ КО ГОСПОДУ В ГОДУ / 1840, / РИПСИМЕ АЙВАЗОВСКАЯ – / В 75 ЛЕТ**». 4. «**ОВАНЭС АЙВАЗОВСКИЙ / ВОЗВЁЛ СЕЙ ФОНТАН СЛАДКОВОДНЫЙ / В ПАМЯТЬ О СЕБЕ И СВОЁМ СЕМЕЙСТВЕ / /// НА ДОЛГИЕ ЛЕТА: / СУПРУГЕ СВОЕЙ ЮЛИИ / И ЧЕТЫРЁХ ЧАДАХ ПРЕЛЕСТНЫХ – / ЕЛЕНЕ И МАРИИ, / АЛЕКСАНДРЕ И ИОАННЕ**». 5. «**КАТАРИНЕ МАЗЕРОВОЙ / И / СЕМИ / ЧАДАХ ЕЁ**». Открытым остается вопрос, где находился фонтан, о котором говорится в надписях. Строительство его, надо полагать, относилось к рубежу 50–60-х годов XIX века.

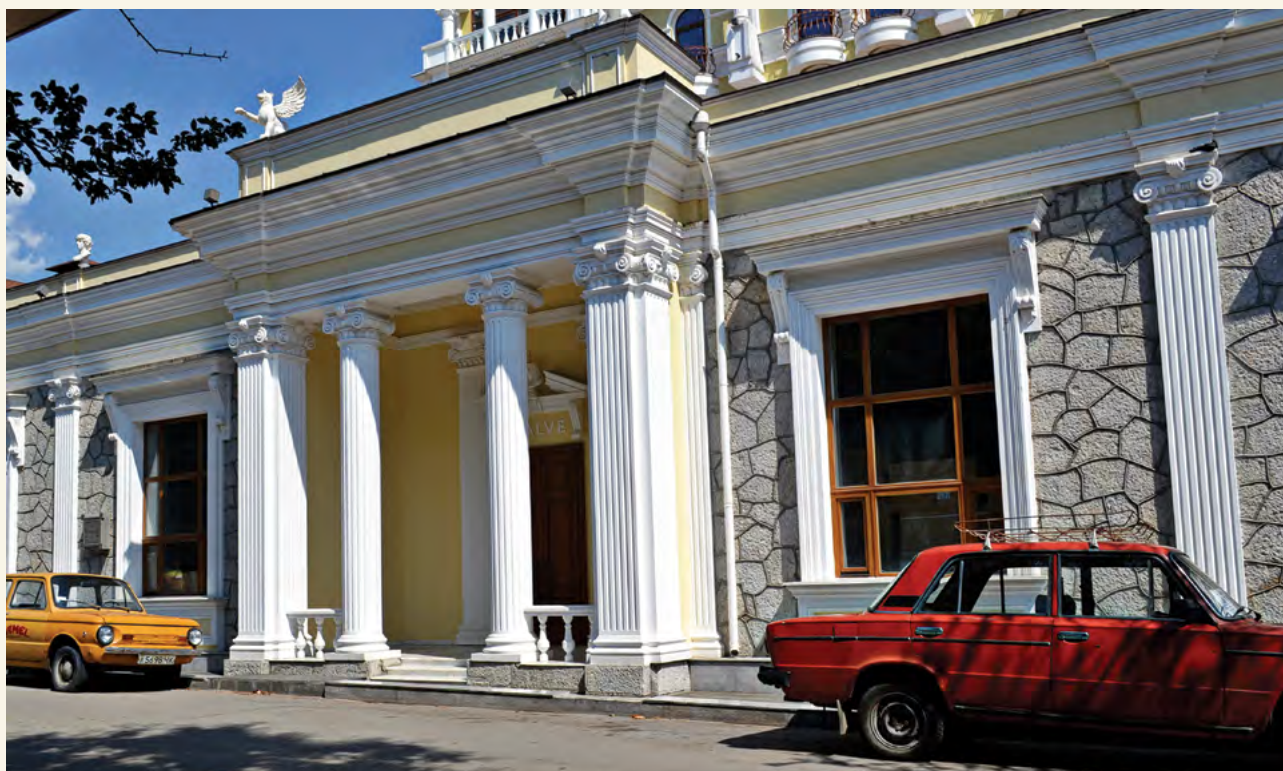
ул. ЕКАТЕРИНИНСКАЯ

3

AK 5723 CB

медработника с оперной студией¹. Здание было возведено в начале 1880-х годов П. Пучкаловым в формах древнегреческой архитектуры. В 1896 году его приобрёл известный коммерсант Афанасий Авксентьевич Спендиаров для своего сына Александра. Последний поселился в нём в 1901 году, после реконструкции здания.

Дом композитора А. А. Спендиарова в Ялте. Центральный фасад.

Памятник А. А. Спендиарову и памятная доска . ►

В результате капитальной перестройки интерьеров, продлившейся четыре года, вместо мелких помещений появились просторные апартаменты, предназначенные для занятий по вокалу и музыкальных вечеров^{2*}. Здесь выступали певец Ф. Шаляпин, композитор А. Глазунов, бывал писатель М. Горький, проводились занятия с небольшими оркестрами. Помещения отличались не только своими размерами, но и формами: близкие к квадрату, несколько вытянутые или же прямоугольные с широким эркером. На дворовом фасаде были устроены просторные лоджии и альков. В средней части дома появилась антресоль, на которую поднимались по лестнице в северо-западной части ко-

¹ Геронян А. Дом на ялтинской улочке // «Коммунист» (орган ЦК КП Армении). – № 68 от 25.03.1990. – С. 3.

^{2*} Дом был куплен отцом композитора в качестве подарка недавно женившемуся сыну. Реконструкцию и капитальный ремонт здания по заказу владельца выполнил выдающийся архитектор Н. П. Краснов. К 100-летию Александра Спендиаряна (1971 год) перед входом его дома в Ялте, ныне занятом частной коммерческой организацией, был установлен бронзовый бюст композитора. В 90-х годах XX века он был утерян и в 2017 году на его месте был поставлен новый, замечательной работы каменный бюст. На фасадной стене здания сохранилась установленная ещё в 70-х годах XX века мемориальная табличка с указанием имени бывшего знаменитого владельца. Недавно к дому сзади было пристроено высокое громоздкое гостиничное здание, не соответствующее духу этого старого ялтинского квартала (см.: Спендиаровские места в Крыму (на арм. яз.) // «Месяц агавни» (Голубь Масиса). – № 4. – Симферополь: Рескомитет АР Крым по информации, 2011. – С. 5–6). Сохранились фотографии дома Спендиарова, сделанные в 80-х годах XX века, когда в нём ещё размещался Дом культуры медработника. На них запечатлены внешний вид здания, а также интерьер наиболее интересного помещения – Мавританского зала (см.: Пештмалджян М. Г. Памятники армянских поселений. – Ереван: Айастан, 1987. – С. 74).

В ЭТОМ ДОМЕ
ЖИЛ ВЕЛИКИЙ АРХАНГЕЛЬСКИЙ
КОМПОЗИТОР
АЛЕКСАНДР СЕМЕНОВИЧ
СПЕЦИАРОВ

В ЭТОМ ДОМЕ - 1901-1916 гг.
ЖИЛ ВЕЛИКИЙ АРХАНГЕЛЬСКИЙ
КОМПОЗИТОР АЛЕКСАНДР
СЕМЕНОВИЧ
СПЕЦИАРОВ
УЗУ СУЛТА 1901-1916 ч. ч.
У АРБЕЛДИЗ УБЭ
ЧАРУМОНСАР УБЭ РИМЛЕР
УТЪВАНУЗУЛЕ

ридора. Значительно обогащена была художественная отделка интерьеров, украшенных цветными кафельно-изразцовыми стенными печами и камином в главном вестибюле. Богатством лепной отделки и красочной росписью отличался Мавританский зал, завершающийся в перекрытии световым фонарем.

С увеличением членов семьи (у Александра Спендиарова было шестеро детей), в начале XX века к существующему строению с северо-западной стороны был пристроен Г-образный в плане трёхэтажный корпус коридорной планировки. В этой половине усадьбы разместились спальни хозяев, их родителей и детей, комнаты обслуживавшего персонала, помещения для занятий и детских игр, а также столовая и подсобные помещения. Выходящий на улицу торец корпуса на втором этаже имел просторную гостиную с выступающим над тротуаром висячим балконом с металлическим ограждением. Уникальную для Ялты достопримечательность торца этого корпуса составляет терраса на третьем этаже, устроенная над гостиной. Перекрытие террасы поддерживается расположенными по её периметру шестью кариатидами.

Оригинальный по планировке, художественной отделке интерьера и внешним архитектурным деталям дом А. Спендиарова заслуженно является одним из наиболее показательных и интересных городских сооружений Ялты.

Учебно-просветительские здания

Одновременно с возведением культовых, жилых, торгово-ремесленных и общественных построек, крымские армяне уделяли должное внимание строительству школьных зданий. Судя по перенесённым из Крыма в Нахичевань-на-Дону национальным традициям, обучение мальчиков и девочек происходило раздельно. Мальчикам преподавали мужчины духовного сана, а девочкам – мужчины пожилого возраста и монахини.

В первое время пребывания армян в Крыму группы учащихся были небольшие, поэтому специальных школьных зданий не возводилось: обучение детей и юношей происходило в удобных для этих целей прицерковных и монастырских помещениях. Рост экономического благосостояния и увеличение числа учащихся обусловили сооружение отдельных строений для приходских школ и монастырских духовных семинарий. По письменным источникам известно, что приходские школы действовали при армянских церквях в Кафе (Феодосии), Сурхате (Эски Крыме, Старом Крыму), Гёзлеве (Евпатории), Орабазаре (Армянске), Бахчисарае, Карасубазаре (Белогорске). По сообщениям источников XIV–XVIII веков, духовные семинарии функционировали при расположенных неподалеку от Сурхата монастырях Кимчак (Гамчак), Гхэлташ (Кизилташ), Сурб Хач, в монастыре Святого Антона близ Кафы и других местах¹. В них преподавали видные армянские учёные, которые здесь же и писали свои труды. Несомненно, учебные заведения этих выдающихся монастырей крымских армян представляли собой специальные строения с различными по назначению помещениями. Единственным сохранившимся примером такой постройки является возведённая в 1694 году обитель монастыря Сурб Хач, в которой проживали и проводили свои занятия семинаристы.

Строительство школ и училищ получило активное развитие после присоединения Крыма к России, что подтверждается несколькими сохранившимися литографиями, обнаруженными и прочитанными Гр. Григоряном². Различные сведения о школах имеются и в трудах армянских авторов XIX века, а также в различных справочниках XIX–XX веков.

¹ Таманян Ю. А. Армянские памятники Крыма. – С. 3.

² Григорян Гр. Новые данные об армянских эпиграфических надписях Крыма и Северного Кавказа. – С. 300.

Обитель (двухэтажное Г-образное здание и малый дворик) монастыря Сурб Хач, построенная в 1694 году.

В отличие от учебных заведений предшествовавших времён школы крымских армян в XIX–XX веках строились не только при церквях, но и независимо от них. Последние являлись светскими образовательными учреждениями, рассчитанными на разное число учащихся. В таких школах, подчинённых местному управлению, кроме родного армянского языка изучали русский и иностранные языки, а также дисциплины, более расширенного, чем раньше, перечня.

Одним из известных учебных заведений означенного периода была приходская школа, действовавшая при армяно-католической церкви Сурб Аствацацин (Святой Богородицы) в Карасубазаре. В середине XIX века в ней армянской и русской грамоте обучался 51 ученик. Школьная постройка была небольшой, одноэтажной, в несколько комнат¹.

Десять светских армянских начальных школ, функционировавших в Крыму с 1903 года, были рассчитаны на четырёхгодичное обучение. Общее число учащихся было небольшим – около 100 человек, посему здания школ возводились одноэтажными, коридорного типа, с двухрядным расположением помещений. Строились также школы типа прогимназий – как с четырёхгодичным, так и с более длительным сроком обуче-

¹ Тер-Абрамян О. История Крыма (часть 2). – С. 114.

ния. Прогимназии действовали в Симферополе (1800 год), Карасубазаре (1816 год), Феодосии, Евпатории, Орабазар. Здания их представляли собой одноэтажные, реже – двухэтажные строения коридорной системы планировки. Некоторые имели подвал для хозяйственных надобностей. После депортации крымских армян в республику Центральной Азии в 1944 году, имевшиеся на полуострове армянские учебные заведения были ликвидированы, а их здания либо демонтированы, либо приспособлены для других целей.

К числу распространённых типов армянских школьных построек относится здание на углу бывшей Армянской улицы (ныне – Кавказской) и Армянского переулка (ныне Керченского) в Симферополе.

**Бывшее здание школы при армянской церкви Святой Богородицы
в Симферополе по ул. Кавказской.**

Возведённое в середине XIX века, сооружение представляет собой прямоугольную одноэтажную постройку на низком цоколе. Карниз, венчающий фасады, многосложен. Его гладкий фриз понизу украшен профилированной тягой, а поверху – чередой дентикулов и мелких кронштейнов. Последние придают особое оживление внешнему облику здания. Над карнизом имеется невысокий парапет. Кровля – двухскатная. Как и в армянской школе села Крым близ Нахичевани-на-Дону¹, коридор, расположенный на продольной оси здания, по сторонам охвачен учебными помещениями и вспомогательными комнатами, что на продольных фасадах образует ритмичный ряд стандартных прямоугольных окон. Входной проём, ведущий в вестибюль (ныне он перестроен в комнату), расположен на центральном фасаде – на поперечной оси здания, и по сторонам акцентирован полуколоннами с коринфскими капителями.

¹ Халпахчян О. Х. Архитектура Нахичевани-на-Дону. – С. 117.

Если начальные школы возводились и функционировали на пожертвованные прихожанами средства, то светские возводились меценатами (или группой меценатов) и финансировались как городским управлением из государственного бюджета, так и попечительскими советами. Известно несколько примеров субсидирования строительства и содержания школ в Крыму зажиточными армянами. Так, надпись на мраморной плите, установленной под карнизом здания армянского училища в Евпатории (сейчас в нём размещаются Дом инвалидов и Городской архив^{1*}), свидетельствует о его возведении в 1891 году на средства Овакима ага-Сеферяна (встречается также написание «Сеферянц») для детей местных армян. О возведении О. Сеферяном здания армянского училища в Евпатории говорится и в эпитафии на его надгробии. Оно установлено над его могилой на Армянском кладбище в Симферополе.

Надгробный памятник на могиле О. Сеферяна на Старо-армянском кладбище в Симферополе (1891 год, ул. Старозенитная).

Графический портрет А. Халибова из книги О. Тер-Абраамяна «История Крыма».

Составленная на армянском и русском языках, эпитафия упоминает также о строительстве Сеферяном здания для девичьего отделения приходского училища в Симферополе в 1892 году^{2*}.

Однако, наиболее крупным армянским учебным заведением в Крыму было Халибовское училище в Феодосии, действовавшее в 1858–1871 годах. Инициатором его создания был архимандрит Габриел Айвазовский, назначенный на пост начальника Нахичевано-Бессарабской епархии. Аренду здания и прочие расходы субсидировал Арутюн Халибян (Халибов) – известный представитель армянской торгово-промышленной знати Нахчивани-на-Дону. В 1862 году

¹ * В 2019 году здание школы полностью возвращено армянской церкви и общественности Евпатории.

² * Эпитафия опубликована Гр. Григоряном (см.: Свод армянских надписей. – Выпуск VII. – С. 133).

училище переехало в собственное просторное здание, построенное на средства того же Халибяна. Это было прямоугольное в плане трёхэтажное строение с учебными помещениями в нижних этажах и пансионатом – в третьем.

Здание Халибовского училища, построенное в 1862 году.

Коридорная система расположения помещений вполне соответствовала удобному размещению в них как классных, так и спальных комнат. Главный фасад был акцентирован архитектурно-выразительным парадным входом, устроенным на поперечной оси здания. Ритмичность поэтажно устроенных окон придавала чёткость горизонтальным членениям фасадов, завершённым карнизом или профилированным пояском в зависимости от назначения этажей – высоких учебных и низкого пансионного^{1*}.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ СООРУЖЕНИЯ

В армянских поселениях Крыма, расположенных на торговых дорогах, возводились также общественные постройки, предназначенные для обслуживания как местного населения, так и иноземных купцов, путешественников и странников. Время появления таких сооружений, равно как и периоды их расширения и композиционного развития совпадали с этапами подъёма торгово-экономических отношений. Разумеется, такие сооружения возводились в развитых торгово-ремесленных городах и поселениях, в значительной степени населённых армянами, таких как Кафа, Сугдея, Сурхат, Карасубазар и другие.

Караван-сарай

Своеобразными общественно-коммунальными сооружениями являлись средневековые заезжие дворы – караван-сарай. В Крыму они стали активно возводиться после резкого повышения значения полуострова в мировой торговле, в чём армяне сыграли немалую роль. Это в определённой степени отразилось на архитектуре означенных построек,

---

¹ * Айвазян Г. История армянского Халибовского училища (1858–1871). – Тифлис: Типография Ованэса Мартиросянца, 1880. – 393 с. (на арм. яз) После закрытия училища в 1871 году его великолепное здание было передано Учительскому институту, затем – различным городским учебным заведениям. Как и многие известные постройки Феодосии, оно было разрушено во время Второй мировой войны. Не дошла до нас и построенная при училище церковь Святого Воскресения. Она была заложена в 1859 году, с дворовой стороны. Неизвестно, как сложилась судьба типографии, открытой при училище в 1859 году и оснащённой передовой для своего времени техникой (см.: «Масеац агавни» (журнал «Голубь Масиса»). – Феодосия: Типография Халибовского училища, 1860. – С. 12–13) (на арм. яз).

выполнявшихся не без влияния их аналогов в Армении¹. В Крыму караван-сарай строились только в городах. Показательные для Армении придорожные – не практиковались, поскольку расстояние между населёнными пунктами на территории полуострова преодолевалась (на вьючных животных) в течение однодневного перехода.

Термин «караван-сарай» – иранского происхождения. Словом «караван» обозначается группа людей, вышедших в далёкий путь пешком или на вьючных животных с торговыми, паломническими или иными целями. Слово «сарай» означает «сооружение», а также «значительное по размерам парадное здание». «Караван-сарай» у армян именовались իջևան (ijevan), խանարար (khanapar), փանդոկ (pandok). М. Бжишкян – монах из конгрегации венецианских Мхитаристов, назначенный на службу в Крым во второй четверти XIX века, свидетельствует о существовавшем в селе Харакеоз заезжем доме для путников, обозначая его словом փանդոկ (pandok)². Практиковались также заведения, известные как հյուրանոց (hyuratun) – гостевой дом. Таковые имелись при монастырях Сурб Хач близ Сурхата (Старый Крым), Спасителя на окраине села Бахчи-Эли (Богатое), Сурб Урпат (Святой Пятницы, Святой Параскевы) на окраине села Топты (Тополевка) и служили пристанищем для путников и посещавших эти духовные центры паломников.

Основное назначение караван-сараяев – место остановки купцов со своим товаром. В этих сооружениях организовывались торговые караваны, они также служили местом купли и продажи товаров, заключения торговых и денежных сделок, биржей, влиявшей на уровень товарных цен. В праздничные дни во дворах караван-сараяев устраивались представления и гуляния.

Многообразие выполнявшихся караван-сараями функций определяло их размеры и композиционные особенности. Они возводились солидно, но компактно, были благоустроенными и нередко богато отделывались. Такой подход к возведению караван-сараяев был вполне оправдан, поскольку они служили крепостью, местом хранения денежных средств купцов и их товаров. Таким был принадлежавший армяно-григорианской общине караван-сарай Таш-хан в Карасубазаре, разобранный в 1902 году. Сохранившаяся часть западной стены вместе с воротами вошла в состав складских помещений, построенных на этом месте. Интересно сообщение обследовавших их авторов, констатировавших наличие подземных коридоров, оставшихся от прежнего сооружения – караван-сарая³.

Представление о композиционных особенностях караван-сараяев в Крыму можно составить по кратким письменным сведениям и существовавшим ещё в XIX веке единичным примерам. Они принадлежали к близким по планировке «ханапарам» (խանարար) XIII века, существовавшим в Ани. Это прямоугольной конфигурации замкнутые двухэтажные сооружения с глухими наружными стенами и обширным внутренним двором. На втором этаже располагались комнаты для постояльцев, а на первом – помещения для вьючных животных и перевозимых на них товаров. Освещение небольших, вытянутых в глубину комнат постояльцев осуществлялось с помощью наддверных окон, выходивших на наружную деревянную галерею. Расположенная по периметру здания с внутренней дворовой стороны, она держалась на каменных или деревянных устоях. В первом этаже, вблизи единственного входа, располагались комната администрации, обслуживавшей постояльцев, а также кухня, хранилище продуктов и другие вспомогательные помещения. Судя по караван-сараям в Карасубазаре, в них имелись и подземные отсеки различного назначения.

¹ **Халпахчян О. Х.** Караван-сарай Армении // АН. – № 11. – Москва: Гос. изд-во лит. по строительству, архитектуре и стройматериалам, 1958. – С. 105–132; **Халпахчян О. Х.** Гражданское зодчество Армении. – С. 185–209.

² **Бжишкян М.** Путешествие в Польшу. – С. 329.

³ Крым: путеводитель / под ред. К. Ю. Бумбера, Л. С. Вагина, Н. Н. Клепинина, В. В. Соколова. – Симферополь: Тип. Таврического Губерн. земства, 1914. – С. 634.

В Кафе караван-сарай находился в центре укреплённой стенами части города, к юго-западу от Генуэзской цитадели – на участке, граничащем с армянскими кварталами. Думается, такой же объект отмечен на плане города Старый Крым, составленном землемером С. А. Мухиным в 1811 году. Он локализован на юго-восточной окраине города, у ответвления центральной дороги и обозначен на плане как «старое строение к сломке». Изображение на плане и сохранившиеся фрагменты этого грандиозного сооружения позволяют составить представление о его композиции.

Остатки караван-сараяв в Белогорске (Таш-хан) и Старом Крыму.

По мнению А. Л. Якобсона, пятиугольной формы постройка с площадью 2500 м² имела глухие наружные стены и богато украшенный резьбой портал. Водоснабжение осуществлялось по глиняному водопроводу. Помещения для постояльцев располагались на втором этаже и выходили на легкую галерею на деревянных опорах, устроенную с внутренней дворовой стороны¹. На основании чего высказано мнение о пятиугольной конфигурации плана караван-сарая – неизвестно. Такая планировка не даёт рационального использования площади застройки, особенно для расположения комнат постояльцев. Да и в мировой практике строительства подобных сооружений пример пентагона не известен.

Анализируя изображенный землемером А. С. Мухиным план, можно констатировать его правдивость и значительную точность. А значит, корпус рассматриваемого строения представлял собой вытянутый с востока на запад прямоугольник с разрушенным северным участком. Разрушение, скорее всего, произошло после переноса столицы Крымского ханства в Бахчисарай, вследствие чего караван-сарай Сурхат–Крыма потерял своё былое назначение и не был восстановлен. Но поскольку строение продолжало использоваться для различных надобностей, с его разрушенной стороны были возведены постройки, не подчиненные изначальной идее и единой системе.

Гостиные дворы

Начиная с XIX века, с усилением российского влияния и проведением в 1870–1880 годах железнодорожных линий в Крыму, значение караванной торговли сузилось до локальных нужд, и потребность в строительстве и содержании караван-сараяв в целом отпала. На смену им пришли гостиные дворы, обслуживавшие мелких торговцев, путников и паломников.

Показательный пример такого сооружения – гостинный двор Чирахова (Чирахяна) вблизи центра Симферополя, на улице Крылова. Он занимал вытянутый по улице обширный участок, узкой стороной граничивший с тупиковой улочкой. Основные здания – одноэтажный жилой дом хозяина и одноэтажный Г-образный в плане гостиничный корпус – расположены по красной линии улицы Крылова, на которой устроен и единственный въезд на территорию двора.

Судя по архитектуре и декору, гостинный двор возведён во второй половине XIX века. Его невысокие, на низком цоколе постройки, с ритмично расположенными окнами, отличаются гармоничными соотношениями основных членений фасадов. Богаче всех строений выполнен хозяйский дом с остеклённой галереей, состоявший из десятка парадных, жилых и подсобных помещений. Нарядно убранный парадный вход обращён в сторону улицы. Туда же обращены обрамленные наличниками окна просторного зала и кабинетов по его сторонам. Наличники окон у кабинетов прямоугольные, с треугольными сандриками. В отличие от них окна зала, акцентирующие его местонахождение и богатство отделки, имеют полуциркульные верхи и отделаны аналогичного контура сандриками. Кроме этого, карниз, обозначающий протяжённость зала по фасаду, понизу украшен дентикулами.

Проще оформлен гостиничный корпус с обращёнными на улицу номерами для постояльцев.

На дворовую сторону ориентированы обслуживающие помещения, включая столовую с кухней и комнаты прислуги.

В отличие от выходящего на улицу Крылова центрального фасада здания, украшенного рустами, фасад, обращённый в сторону переулка – гладкий. Наличники окон здесь однотипные – в виде профилированного обрамления. Внизу имеется тонкий подоконный поясок. Сандрики представлены в виде украшенного замковым камнем карниза, по краям поддерживаемого кронштейнами.

¹ Якобсон А. Л. Крым в средние века. – С. 106.

Бывший дом Чирахова вместе с гостевым зданием по ул. Крылова в Симферополе.

Значительную часть площади участка занимал просторный двор для размещения нескольких десятков единиц колёсного транспорта. Вдоль задней стороны двора имелась коновязь для летнего и временного содержания животных и длинное корыто для водопоя. В настоящее время почти весь двор занят мелкими постройками.

В глубине двора, с правой стороны, расположена вмещавшая 40–50 лошадей и верблюдов конюшня – удлинённое каменное строение, сохранившееся в своём первоначальном виде. Обращённая во двор сторона конюшни имеет навес на деревянных столбах, ритмично чередующихся с большими окнами и четырьмя входами. Окна украшены коваными железными решётками геометрического узора. Широкое помещение, рассчитанное на двухрядную постановку животных, перекрыто двускатной кровлей на открытых деревянных стропилах.

Бани

Купальные здания крымских армян не имели того многофункционального назначения, какое они имели в средневековой Армении. Об этих постройках ничего не говорится в относящихся к Крыму армянских письменных источниках. Отсутствуют также археологические данные, как и фактический материал нового времени. Исходя из сказанного, можно предположить, что большая часть армян устраивала купание в домашних условиях, а летом – в ближайших к поселениям водоёмах и протекающих речках.

Безусловно в крупных крымских поселениях существовали купальни, выстроенные не без влияния подобных сооружений Востока, в том числе и Армении. Например, в списке построек архитектора армянского происхождения Синана^{1*}, под номером 5, чис-

¹ * Известный османский архитектор и инженер Мимар Синан (1489–1588 годы) является автором и строителем фортификационных сооружений, мостов, переправ, акведуков, мечетей и училищ. Он спроектировал знаменитые бани Роксоланы и её мавзолей, воспитал целую плеяду выдающихся архитекторов. Большая часть исследователей считает, что Синан, выходец из Кесарии, родился в армянской семье, но есть и предположения о его греческом происхождении.

лится возведённая им в Кафе «баня султана Сулеймана»¹. Об имевшихся в Кафе банях сообщают и другие письменные источники^{2*}.

Большое значение для определения типа практиковавшихся в Крыму купален имеют остатки бани IX–X веков, открытые в Херсонесе в 1910–1911 годах. Как уже говорилось, форма и декор обнаруженных здесь некоторых керамических сосудов указанного периода, равно как и сама баня, косвенно свидетельствуют о наличии в городе армянской общины. По планировке, методу кладки и устройству подпольной отопительной системы баня Херсонеса почти не отличается от аналогичных сооружений Армении того же времени, открытых в Ани и Амберде. Показательна также схожесть артефактов. К примеру, ступка с ручкой в виде бычьей головы, найденная в бане Херсонеса в 1903 году, почти в точности повторяет композицию ступки, обнаруженной в бане Амберда³.

Можно предположить, что крымские бани, в том числе и у армян, были одинарные – рассчитывались на пользование лиц одного пола. По композиции они представ-

¹ Джалал Эссад. Константинополь от Византии до Стамбула. – Москва: Издание М. и С. Сабашниковых, 1919. – С. 308.

² * К примеру, М. Бжишкян описывает старую баню в Феодосии – ту же самую «баню султана Сулеймана». Он указывает, что рядом с главной мечетью города (мечеть Сулеймана, или Бююк-Джами, представлявшую собой перестроенный генуэзский храм) стояла крупная постройка, как полагали – здание генуэзского училища, с рельефным изображением Святого Агнца на западной стороне наверху. Удлиненное прямоугольное здание состояло из двух больших купольных залов. Диаметр купола составлял 30 футов. Залы имели отдельные двери на восточной стороне и по два окна на каждой из сторон. Согласно автору, это великолепное строение османы переделали в баню, добавив к нему 12 небольших помещений, увенчанных куполами. Видимо, именно перестройка описанного здания и связывается с архитектором Синаном. В привязке с присутствием бани расположенные поблизости ворота цитадели назывались «Татлы хамам капуси», то есть «Ворота усладительного хамама» (см.: Бжишкян М. Путешествие в Польшу. – С. 332, 345–346). Планировка бани, действовавшей вплоть до 20-х годов XX века, частично известна (см.: Памятники градостроительства и архитектуры Украинской ССР. – Т. 2. – Киев: Будівельник, 1983. – С. 283). С гравюры 1833 года известен и её внешний облик. Согласно старым планам Кафы, в городе существовали и другие бани, менее известные. Одна из них находилась неподалёку от предыдущей, только вне цитадели, – по направлению выхода через «Татлы хамам капуси».

³ Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес. – С. 81, 105, 117, 119.

Гравюра 1833 года, изображающая баню султана Сулеймана рядом с мечетью Бююк-Джами.

ляли собой небольшие постройки, состоявшие из раздевальни, моечной (в средневековый период, возможно, даже практиковались моечные с разной температурой воды), рядом с которыми располагалась топочная с котлом для подогрева воды^{1*}.

В XIX веке, надо полагать, вместо старых купален стали возводиться сооружения, выполненные по типу русских бань.

Торгово-ремесленные постройки

С развитием ремесленного производства и торговли в Крыму, с оживлением городской жизни, обусловленных повышением роли полуострова в мировом товарообмене, повсеместно стали возводиться различные мастерские и торговые постройки. Источники утверждают, что крымские армяне были активно вовлечены не только в большую и локальную торговлю, но и в ремесленное производство. Эти свидетельства, впрочем, как и памятники материальной культуры, дают основание заключить о занятости крымских армян в более двадцати видах ремёсел, не считая их многочисленных отраслей. В основном, распространённые и в самой Армении, эти ремёсла снабжали товарами как международный, так и локальный рынки².

Расположенные непосредственно в городе мастерские и магазины, как правило, занимали нижние этажи домов – первый и подвальный, между тем как их владельцы вместе с семьями проживали на верхнем этаже. Магазины состояли из связанного с улицей торгового зала и примыкавшей к нему с дворовой стороны подсобной комнаты. Таковыми были булочные, торговавшие молочными, мясными и овощными продуктами лавки, а магазины галантереи и готовой одежды иногда имели также небольшие склады. Оборудование торгового зала было довольно простое: вдоль задней и боковых стен располагались стеллажи, а перед ними – прилавки для показа товара и его отпуска покупателю.

**Магазин Бенклиева (Бенклянца) на центральной улице в Старом Крыму.
Почтовая открытка начала XX века.**

¹ * Примеры небольших средневековых бань, более позднего периода (XIV века) и более простой архитектуры, известны в Судаке (см.: **Майко В. В., Джанов А. В.** Археологические памятники Судакского региона Республики Крым. – Симферополь: Изд-во Типография «АРИАЛ», 2015. – С. 188–189, 190).

² **Абрамян В. А.** Ремёсла в Армении в IV–XVIII вв. – Ереван: Изд. АН Армянской ССР, 1956. – С. 263 (на арм. яз.); **Аракелян Б. Н.** Города и ремёсла Армении в IX–XIII вв. – Т. 1. – Ереван: Изд. АН Армянской ССР, 1958. – С. 349–351 (на арм. яз.).

В XIX веке появились магазины с большими торговыми залами. К примеру, в упомянутом выше доме армянского купца, расположенном на углу улиц Армянской (Кавказской) и Некрасова в Симферополе, он достигал 100 м². Торговый зал дома Семеджиева на перекрестке улиц Пушкина и К. Маркса в Симферополе занимал почти весь первый этаж и был рассчитан на одновременное обслуживание более двух десятков покупателей. Он был оборудован не только стеллажами и прилавками, но имел также кабины для примерки верхней одежды, обращённый во двор кабинет заведующего, помещение для продавцов, а в подвальном этаже – кладовую товаров.

Сельские магазины стояли отдельно. В редких случаях их пристраивали к какому-нибудь сооружению усадьбы. Это были небольшие постройки площадью в 40–60 м², поставленные по красной линии поселковой улицы.

Ремесленные мастерские располагались в зависимости от производимой продукции. Мастерские ювелиров, к примеру, устраивались вблизи рынков, караван-сараяв и других оживлённых торговых мест. Например, в Судакe они стояли вблизи крепостных ворот цитадели. Состав помещений ограничивался рабочей комнатой и небольшой подсобкой. Первая имела дверь, выходящую на улицу, и окно, перед которым работал мастер.

Миниатюра художника Маркоса, изображающая работу в кузнице (1686 год).

Мастерские кузнецов, находившиеся возле городских ворот, строились либо отдельным сооружением, либо – впритык к какому-нибудь существовавшему строению. Они состояли из одного обширного помещения, разделённого горном на две разновеликие части: большую часть занимало рабочее пространство, а меньшую – склад топлива и сырья. В зависимости от числа работников (мастер, помощник, ученики) устанавливались одна большая и несколько маленьких наковален. Одна из миниатюр рукописной Библии, созданная художником Маркосом в 1686 году в Эчмиадзине, представляет процесс обработки детали кузнецом¹. Возле пылающего горна, изображённого в виде высокой печи с усечённым шатровым верхом, сидит мастер. Он клещами держит на наковальне раскалённую деталь, а стоящие полукругом трое молотобойцев обрабатыва-

¹ Матенадаран им. Месропа Маштоца. – Рукопись 349. – Л. 343 об.; Геворгян А. Ремёсла и быт в армянских миниатюрах. – Ереван: Айастан, 1978 (на арм. яз.). – Табл. 15. Иллюстрация, а также сведения о ее точном местонахождении любезно предоставлены сотрудниками Матенадарана им. Месропа Маштоца Седой Манукян и Геворком Тер-Варданяном.

ют её. Иногда снаружи, под навесом или внутри кузницы, устраивались специальные станки для помещения в них животных во время ковки. Необходимая принадлежность кузницы – просторный двор или площадка для ремонта повозок и привязки подковываемых животных.

Мастерские медников устраивались среди рядовой застройки. Они состояли из одного, реже двух или трёх помещений. Большое из помещений служило основным местом работы, остальные – хранилищем сырья и готовой продукции. Последнюю выставляли на продажу сразу после изготовления – возле двери и под окнами. Её размещали под навесом, защищавшим от атмосферных осадков и солнечных лучей.

Мастерские кожевников и меховщиков, ввиду дымного и зловонного производства, устраивались на окраине города, у воды. Они состояли из нескольких помещений, оборудованных чанами для мочения и мойки кожи, а также станками для обезжиривания мездры, расправки шкуры и консервирования пушнины. Для сушки готовой продукции имелась площадка с навесом, а для её хранения – склад.

Гончарные мастерские располагались вблизи глиняных карьеров. Глиняный раствор приготавливался на площадке под навесом. Рядом находилась однокомнатная или двухкомнатная мастерская, оснащённая водопроводной и водоотводной линиями труб. В двухкомнатных мастерских рабочая зона с гончарным станком для выделки посуды и складское помещение располагались отдельно, а в однокомнатных – совмещались^{1*}. Кирпичи и желобчатая черепица изготавливались путём прессования глины руками или ногами в специальных деревянных формах. После воздушной сушки керамические изделия обжигались в специальных временных или постоянных печах округлой, реже прямоугольной формы. Две печи подобной круглой формы, датируемые XI–XII веками, были обнаружены в 1940 году при раскопках Херсонеса². Поливные изразцы после нанесения поливы подвергались вторичному обжигу.

Для производства извести и алебастра (гипса) применялись аналогичные по типу обжигательные печи, возводившиеся не только в городах, деревнях, но и возле крупных строек. При разгрузке печи после обжига известковых камней она часто разрушалась, посему и забрасывалась. Размеры печей были небольшие: диаметр 1,5–2 м, высота 4–5 м.

К числу развитых и распространённых среди крымских армян ремёсел относилось столярное дело. Цехи мастеров по дереву различались по роду выпускаемой продукции: деревянные конструкции и отделочные элементы для различных построек, перевозочные средства, сельскохозяйственные инструменты, мебель и так далее. Работа выполнялась на открытом воздухе или в помещении. Надо полагать, имелись специальные навесы, возможно и камеры, для воздушной сушки древесины, отдельные помещения для грубой её обработки, а также специальные мастерские для выполнения окончательной отделки и тонкой резьбы.

Фонтаны

Среди многочисленных и различных по назначению произведений малых архитектурных форм, созданных крымскими армянами, особый интерес вызывают родники-фонтаны – небольшие, художественно оформленные постройки над водными источниками. Существовавшие во всех армянских поселениях и монастырях Крыма и частично дошедшие до наших времён, они не утратили своей архитектурной ценности, а некоторые и практического значения.

---

¹ * Интересные примеры средневековых гончарных комплексов и ремесленных мастерских, состоящих из расположенных в ряд нескольких небольших прямоугольных помещений, обнаружены в Судаке (см.: Майко В. В., Джанов А. В. Археологические памятники Судакского региона Республики Крым. – С. 189–190, 194).

² Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес (XII–XIV вв.). – С. 163.

Остатки фонтана (справа) церкви Святого Саркиса в Феодосии.

Большая часть крымских родников-фонтанов (не только армянских), не сохранилась. Из источников известно, что в Бахчисарае в XVII–XVIII веках их было 63, в Кафе в начале XVIII века по сведениям П. И. Сумарокова – около 100, по плану той же Каффы-Феодосии 1784 года – 33, а по плану 1830 года – только пять. О некоторых фонтанах, например, в селе Камышлык, известно только по публикациям XIX столетия¹. Армянская резная надпись на мраморной плите (размером 21x41 см), хранившейся в музее Общества истории и древностей в Одессе, упоминала ещё об одном фонтане в Крыму², предположительно в Карасубазаре.

Разрушение этих памятников продолжается и в наше время. Так, например, в 1986 году не стало одного из родников-фонтанов в Старом Крыму. В руинном состоянии находятся родники монастыря Сурб Хач^{3*} и фонтан Ходжа-Цатура («Кепанак чэшмеси») в Феодосии^{4*}. А от уникального по своей архитектуре родника-фонтана, находящегося на территории монастыря Спасителя на окраине села Богатое (Бахчи-Эли), сейчас не осталось ничего. И это при том, что ещё в 1956 году памятник имел хорошую сохранность. Тем не менее, существующие сооружения, письменные и графические материалы позволяют составить определённое представление об архитектурно-художественных особенностях этих произведений зодчества крымских армян.

¹ **Бжишкян М.** Путешествие в Польшу. – С. 354; **Тер-Абрамян О.** История Крыма (часть 2). – С. 128.

² **Меликсет-Беков Л. М.** Старинные армянские надписи в музее Общества истории и древностей в Одессе. – С. 7, 12; **Кучук-Иоаннесов Хр.** Старинные армянские надписи и старинные рукописи в пределах Юго-западной Руси и в Крыму. – С. 63.

³ * Верхний фонтан монастыря Сурб Хач был восстановлен в 80-х годах XX века по проекту Е. Лопушинской, а его окружение и примыкавшие подпорные стены – в 1995 году, под руководством М. Петросяна. Нижний фонтан восстановлен в 2000–2001 годах по проекту и под руководством М. Петросяна (см.: **Саргсян Т. Э., Петросян М. В.** Крым. Монастырь Сурб Хач. – Симферополь: ГАУ РК «Медиацентр им. И Гаспринского», 2017. – С. 198, 222, 227–229).

⁴ * Фонтан Ходжа-Цатура, или Кепанак («Кепанак чэшмеси»), расположен неподалёку от церкви Святого Саркиса в Феодосии, в конце улицы Морской. Памятник и сохранившаяся на нём армянская надпись ныне находятся в удовлетворительном состоянии.

Армянские родники Крыма делятся на два типа – встроенные и отдельно стоящие. Первые практиковались редко, не имели определённой архитектурной формы и, в известных случаях, располагались в толще стен имевшихся строений. В церкви Святого Саркиса в Феодосии резервуар для сбора воды устроен в южной стене притвора, демонтированного в конце XIX века. Это небольшая, на высоте метра от пола ниша типа купели размером в плане 25x40 см. Излишек поступавшей по трубопроводу воды сливался по отводной линии под полом за пределы церковной территории. Естественно, что назначение этого водного источника было весьма ограниченным: им пользовались лишь служители церкви и прихожане во время своего посещения.

Родник-фонтан в парадном дворе (атриуме) монастыря Сурб Хач помещён под каменной лестницей, ведущей на второй этаж к кельям, а позднее (после реконструкции) и к помещениям гостевого дома над трапезной^{1*}. Композиционно памятник представляет собой глубокую арочную нишу полуциркульного очертания, устроенную внутри каменной кладки, несущей лестницу. Ниша до середины закрыта большой орнаментированной плитой, образующей верхнее корыто для воды. Из пробитых в плите отверстий, ближе к её верху и внизу, вода стекала в располагавшееся перед нишей нижнее каменное корыто, из которого по скрытому под плитами двора (атриума) водостоку попадала в колодец, откуда по гончарным трубам шла дальше на поливку устроенных на нижних террасах сада и огорода².

---

¹ * Правильна обратная последовательность: лестница изначально вела в надстройку, расположенную над трапезной. К кельям второго яруса вела другая каменная лестница, находившаяся в малом дворике.

Впоследствии она была демонтирована, и лестница в атриуме стала использоваться также для прохода к кельям второго яруса (см.: **Саргсян Т. Э., Петросян М. В.** Крым. Монастырь Сурб Хач. – С. 143–147).

² **Домбровский О. И., Сидоренко В. А.** Солхат и Сурб-Хач. – С. 83.

Лестница в малом дворике монастыря Сурб Хач с предполагаемым фонтаном под ней.

Фонтан в парадном дворе монастыря Сурб Хач (70-е годы XX века).

По нашему исследованию, кельи, лестница и родник-фонтан были построены не в три этапа, как об этом пишут О. И. Домбровский и В. А. Сидоренко, а в два. Сначала появились двухэтажный братский корпус и лестница, связывающая его верхний этаж с парадным двором и примыкавшими к нему сооружениями, а затем уже родник, что даёт основание датировать его XIV–XV веками^{1*}. Правильность этой даты подтверждается отсутствием на территории укрепленного монастыря другого родника, которым могли пользоваться его обитатели в случае вынужденного пребывания в нём во время нападения неприятеля^{2*}.

Назначение родника-фонтана также недостаточно точно определено указанными авторами, поскольку он не служил «для мытья рук и босых ног» прежде чем войти в храм. Такие процедуры отсутствуют в канонах Армянской церкви. Родник предназначался, в первую очередь, для обеспечения водой обитателей монастыря Сурб Хач, а затем уже паломников – многочисленных в праздничные дни. Художественным акцентом родника служила орнаментальная резьба лицевой поверхности плиты, украшенной двумя крупными медальонами с розетками, обрамлёнными прямоугольной рамкой из так называемой «сельджукской цепи». Учитывая длину плиты, меньшую, нежели пролет аркосолия, и грубую, нарушившую цельность её рамки сколку боковых граней,

¹ *На самом деле обитель (тот же братский корпус, или келийный корпус), состоящая из здания келий и малого дворика – возведена в 1694 году. На второй этаж здания келий, как уже говорилось, поднимались по другой лестнице, устроенной в восточной части малого дворика. Она не сохранилась в изначальном виде и в 2000–2001 годах заменена новой. Так что лестница в парадном дворе (атриуме) изначально не имела отношения к обители. Она появилась на рубеже XVIII–XIX веков, после устройства надстройки над трапезной. Что касается фонтана под этой лестницей, то он был возведён в 1836 году госпожой Мариам – супругой Агаджанова (см.: **Саргсян Т. Э., Петросян М. В.** Крым. Монастырь Сурб Хач. – С. 119, 143–148).

² * Родник был. Он находился под лестницей в малом дворе и был демонтирован или разрушен вместе с ней, видимо, также на рубеже XVIII–XIX веков.

О. И. Домбровский и В. А. Сидоренко полагают, что она «взята из какого-то ограждения, состоявшего из нескольких подобных плит»¹. Рассматривая рельефный узор, авторы отмечают наличие его аналогов в западноевропейской и русской каменной пластике XII–XIII веков. Однако откуда плита привезена сюда, трудно сказать. Судя по орнаментике и характеру резьбы, ясно одно – она выполнена армянскими мастерами-резчиками^{2*}.

Из встроенных родников-фонтанов следует отметить также памятник, находившийся в юго-западном углу ограды Георгиевского монастыря в Феодосии³. Это был небольшой резервуар с проточной водой, мраморная облицовка которого из четырёх крупных плит была украшена розетками и стилизованными цветами.

Орнаментированное надгробие, входившее в композицию внутреннего фонтана монастыря Сурб Хач.

Нижний фонтан монастыря Сурб Хач (фрагмент декора). ►

Уникальным было водоснабжение монастыря Сурб Степанос (XIII–XIV века), расположенного недалеко от монастыря Сурб Хач. Окружённая лесом обитель снабжалась водой из источника, находящегося к северо-западу, на поляне⁴. Вода отсюда по гончарным трубам поступала в колодец, вырытый в центре гавита (притвора), аналогично тому, как это было устроено в храме Звартноц (641–661 годы) близ Эчмиадзина в Армении. Колодец глубокий, в плане квадратный (примерно 60х60 см), с двумя узкими ступенями с южной стороны для облегчения доступа к воде. По-видимому, в прошлом, во избежание загрязнения, он закрывался крышкой, которой служила найденная здесь каменная плита из известняка.

Отдельно стоящие родники-фонтаны, как правило, строились у подножия небольших возвышенностей – косогоров. В этом отношении показательны верхний и нижний фонтаны того же монастыря Сурб Хач близ Старого Крыма и фонтан монастыря Спасителя близ села Богатое (Бахчи-Эли). Такими являются также феодосийские фонтаны:

¹ Домбровский О. И., Сидоренко В. А. Солхат и Сурб-Хач. – С. 81.

² * Ныне плита, представляющая собой богато декорированное резьбой надгробие, несомненно, некогда лежавшее над одной из монастырских могил, снята со своего места и хранится в гавите (притворе) монастыря.

³ Барсамов Н., Полканов А. Феодосия. Прошлое города и археологические памятники. – С. 49.

⁴ См.: Бжишкян М. Путешествие в Польшу. – С. 328; Тер-Абраамян О. История Крыма (часть 2). – С. 156.

Κ ΑΦΒΗ

у церкви Святого Степаноса (Стефана) на территории бывшей Армянской крепости и Ходжа-Цатура в самом конце улицы Морской.

Сохранившиеся памятники этой категории представляют собой относительно небольшие сооружения, состоящие из заглублённого в косогор водного резервуара и пристроенной к нему тумбы с водомётом на главном фасаде. Попадали в резервуар (для его чистки, устранения неполадок, укрепления стен) через отверстие, устроенное либо сверху, либо с одной из торцовых сторон. Родники-фонтаны этого типа различались своими размерами и архитектурно-художественным оформлением фасада. Резервуары их также отличались друг от друга. Они имели разную ёмкость (в фонтане Ходжа-Цатура – 25,6 м³, а в фонтане близ церкви Святого Степаноса (Стефана) в Армянской крепости – 5,8 м³) и разную конструкцию. Помимо прямоугольных в плане резервуаров со сводами полуциркульного или стрельчатого очертания, встречаются также круглые. Таковыми являются, например, резервуары нижнего и верхнего фонтанов монастыря Сурб Хач, напоминающие обложенные камнем колодцы с объёмом около 3,5 м³.

Нижний фонтан монастыря Сурб Хач.

Нижний и верхний фонтаны монастыря Сурб Хач, соответственно расположенные на нижней и верхней террасах монастырского сада, предназначались в первую очередь для паломников, что обусловило их небольшие размеры. Оба снабжались из одного источника, имели общий водовод, идущий к более позднему верхнему фонтану, затем – к относительно древнему нижнему^{1*}, которые сообщались между собой широкой лестницей в пять маршей.

Архитектурные детали фасада нижнего фонтана объединяют сталактитовую нишу в стрельчатой арке, пояса и обрамления из сложного профиля. Декор дополняет оригинального содержания резьба по белому известняку, из которого построен родник. Учитывая многообразие убранства, некоторую архаичность рисунка и характер отдельных деталей, показательных для крымских сооружений XIII–XIV веков, О. И. Домбровский

¹ * Более поздние обследования показали, что верхний и нижний фонтаны монастыря Сурб Хач питаются из разных источников и имеют отличное друг от друга водоснабжение.

и В. А. Сидоренко полагают, что некоторые декоративные составляющие этого фонтана были использованы вторично, почему датируют его не ранее второй половины XIX века¹. Та же дата указана авторами книги «Памятники градостроительства и архитектуры Украинской ССР»².

Внимательное изучение сооружения фонтана и публикации XIX столетия позволяют констатировать наличие в нём не менее двух строительных периодов. Вначале фасад был оформлен в виде гладкой стены с небольшим профилированным карнизом поверху. В центре, ниже середины, над пояском из вала и полочки, располагалась маленькая, завершённая трёхлопастной арочкой ниша с отверстием для выпуска воды. Над нишей – вырезанные в камне рельефы двух херувимов, геометрическая розетка и два высоких кипариса с птицами (по одной) на ветвях. Несколько в стороне от них – крупные розетки, а выше – опирающийся на постамент равноконечный крест с расширяющимися и процветшими крыльями. Эти изображения, встречающиеся как в книжной миниатюре, так и культовых постройках крымских армян XIV–XV веков, дают основание датировать первый этап истории фонтана указанным временем – периодом, когда появились наиболее значимые сооружения монастыря^{3*}.

Второй период следует отнести к 1749 году, зафиксированному в одной армянской надписи на мраморной плите, некогда помещённой по правую сторону от фонтана^{4*}. Текст литографии повествовал о восстановлении фонтана в 1749 году неким Микаелом из Бахчисарая⁵. В ходе этого восстановления к памятнику пристроили новую, более высокую стену и увеличили высоту фасада фонтана за счёт большой, чуть стрельчатой арки. Внутри арки поместили полуколонну из цельного камня, украшенный сталактитовой резьбой. Таким образом, центральная композиция с процветшим крестом оказалась в средней части фасада, под карнизом.

Подтверждением позднего появления этой стены служит нижняя розетка слева, оказавшаяся частично прикрытой криволинейным вырезом выступа, поддерживающего сталактитовую нишу. Видимо, эти вырезы были специально предусмотрены, чтобы не закрывать розетки, что, однако, удалось не полностью. Сомнительно, чтобы детали нового фасада были заимствованы из каких-то других, разрушенных в это время сооружений. Солярные знаки и профили, вертикально тянущиеся по сторонам сталактитовой ниши, очень близки к деталям начального фасада, а вместе они имеют много аналогов в коллекции орнаментальных элементов крымских армян.

Декоративная композиция верхнего фонтана проще, нежели нижнего. На фасаде высокой прямоугольной тумбы располагается неглубокая килевидная арка-ниша на низком цоколе. Она чётко выделяется на фоне рядовой кладки, выложенной из тёсаных и плотно подогнанных друг к другу известковых блоков. По оси фасада, над карнизом цоколя, находятся три маленькие ниши с фигурными завершениями. Кроме художественного значения они имеют также практическое применение: в них удобно ставить посуду для питья.

¹ Домбровский О. И., Сидоренко В. А. Солхат и Сурб-Хач. – С. 75.

² Памятники градостроительства и архитектуры Украинской ССР. – Т. 2. – С. 332.

³ * Действительно, сложно представить армянский монастырь без источника воды. Тем не менее, известные наиболее ранние упоминания о двух родниках-фонтанах, находившихся на территории монастыря Сурб Хач, относятся к XVII веку (см.: Саргсян Т. Э., Петросян М. В. Крым. Монастырь Сурб Хач. – С. 107–108, 123–125, 196–203). В целом допуская возможность предложенного О. Халпахчяном первоначального строения фонтана, следует отметить, что декор средней его части, а именно композиция с процветшим крестом, относится к более позднему времени – к XVIII веку. Важно добавить также, что в ходе реставрации памятника в 2000–2001 годах выявились подробности, которые ещё больше усложнили выяснение его первоначального вида.

⁴ * Плита была увезена в Феодосию и хранится в местном Музее древностей (см.: Свод армянских надписей. – Вып. VII. – С. 72).

⁵ См.: Бжишкян М. Путешествие в Польшу. – С. 326; Тер-Абраамян О. История Крыма (часть 2). – С. 152.

Верхний фонтан монастыря Сурб Хач.

Над пиком арки, под горизонтальным карнизом, в прямоугольной нише некогда была помещена скульптурная композиция мелкого рельефа (ныне утрачена). В центре композиции располагался исходящий из священного сосуда крест с удлинённой нижней ветвью. Сосуд с крестом были установлены на шлемовидном пьедестале. Два ангела в профиль, изображённые по сторонам, возносили крест. Под ногами ангелов были стилизованные мотивы облаков. Согласно О. И. Домбровскому и В. А. Сидоренко, на пьедестале имелась армянская монограмма, содержание которой, возможно дата, осталось неопубликованным¹.

Перед тумбой фонтана в полу имеется круглое в плане небольшое углубление с четырьмя полукружиями вокруг, предназначенное для сбора вытекающей из родника воды^{2*}.

Ввиду непрочного, подверженного оползням основания, позднее с восточной стороны фонтана была возведена подпорная стена, нарушившая симметричность фасада. Сильные оползни, в направлении с юго-востока на северо-запад произошли и летом 1988 года. Вследствие этого нижний фонтан оказался полностью разрушенным, а верхний сильно пострадавшим, что, однако, не помешало реставраторам под руководством Е. И. Лопушинской восстановить последний. В процессе работ были открыты древняя вымостка вокруг верхнего фонтана и три вытянутых каменных корыта, несомненно предназначавшиеся для водопоя животных. На тыльной стороне плит имелись однострочная и трёхстрочная армянские надписи, дата и содержание которых, к сожалению, не поддались расшифровке^{3*}.

¹ Домбровский О. И., Сидоренко В. А. Солхат и Сурб-Хач. – С. 73.

² * Это своеобразное корыто было отодвинуто с места в период реставрации 80-х годов XX века. В 90-е годы оно перенесено внутрь монастыря и ныне находится справа от входа в гавит.

³ * Весьма важное сообщение, тем более, что О. Халпахчян снабдил его иллюстрацией: фотографией или графическим изображением, неизвестно. К сожалению, иллюстрация утрачена, а корыта

Фонтан на территории Армянской крепости в Феодосии находится в удалении восьми метров от северной стены церкви Святого Степаноса (Стефана). Он расположен у подножия возвышенности и южной стороной упирается в косогор. С севера, перед фонтаном есть небольшое уширение, поскольку им пользовались проживавшие вокруг церкви прихожане.

Фонтан у церкви Святого Степаноса (Стефана) в Феодосии.

На фасаде читались две армянские надписи – о возведении фонтана и о его восстановлении: «Сей фонтан суть память о Вардэресе и его супруге Нур-Мелик. Лета 940 [= 1491 год]». Следующая: «Вновь восстановлен фонтан магдуси Аюбом лета 1192 [= 1643 году]»¹. Дата строительства фонтана указана также в экспликации «Плана города Кафы 1784 г.» – в пункте 20, в котором фонтан фигурирует вместе с «армянской церковью Святого Стефана»^{2*}.

Наличие крутого рельефа и городской улицы определили удлинённую с запада на восток форму прямоугольного резервуара (размеры: 1,25x3,56 м) фонтана, перекрытого повышенным стрельчатым сводом. Малые размеры помещения продиктовали и толщину стен: продольных 0,77 м и поперечных 0,72 м. Небольшой входной проём (57x112 см) на западной стороне (ныне заложен) перекрыт каменным архитравом. В отличие от задней и торцовых стенок, сложенных из грубо колотого известняка, фасад фонтана выполнен из равновеликих тёсаных блоков. Основной архитектурный акцент фаса-

---

прочно устроены на своих местах, поэтому исследование этих надписей откладывается на неопределённый срок.

¹ **Бжишкян М.** Путешествие в Польшу. – С. 355.

² * План приложен к статье М. Погодина «Феодосия и Судак» (см.: ЗООИД. – Т. VIII. – Табл. IV). Что касается армянских надписей, то они, равно как и фронтон памятника, были утрачены в период Второй мировой войны. К счастью, сохранилось несколько публикаций этих надписей.

да – большая ниша с луковичного очертания завершением, опирающимся на консоли в форме гуська. Особенность выполнения ниши в том, что её верхний фигурный контур сложен не из клинчатых камней, а ввиду небольшой глубины – регулярной кладкой, под стать стене^{1*}. Ниша по сторонам фланкирована пилястрами шириной 52 см. Между ними наверху фасада пролегает профилированный карниз, по сторонам отмеченный консолями.

Сооружение не сохранило своего первоначального облика. Оно восстановлено не менее трёх раз. Первое восстановление, согласно приведённой выше литографии, было произведено в 1643 году, однако в чём оно заключалось, остается неизвестным. Фотография, сделанная на рубеже XIX–XX веков, свидетельствует, что фасад завершался фронтоном (это впервые отметила Э. М. Корхмазян²), от которого к тому времени уцелели лишь горизонтальный карниз нижней части и камни кладки гладкого тимпана. Можно заключить, что существовавшее наверху было двухскатным. Пологие скаты были покрыты желобчатой черепицей, распространённой в Крыму. Такое завершение придавало своеобразие художественному облику фонтана церкви Святого Стефана и отличало его от возведённых крымскими армянами других построек подобного назначения. Остатки фронтона были удалены во время ремонта 1970-х годов. Сооружение получило ровное горизонтальное завершение.

Фонтан Ходжа-Цатура (Кепанак) в Феодосии и строительная надпись 1588 года.

К тому же типу относится родник Ходжа-Цатура в Феодосии, известный среди горожан как «фонтан у родительского дома Айвазовского». Он находится у подножия возвышенности рядом с домом, известным как «дом, где родился Айвазовский». Армянская литография на мраморной плите, помещённой в центре фасада под аркой,

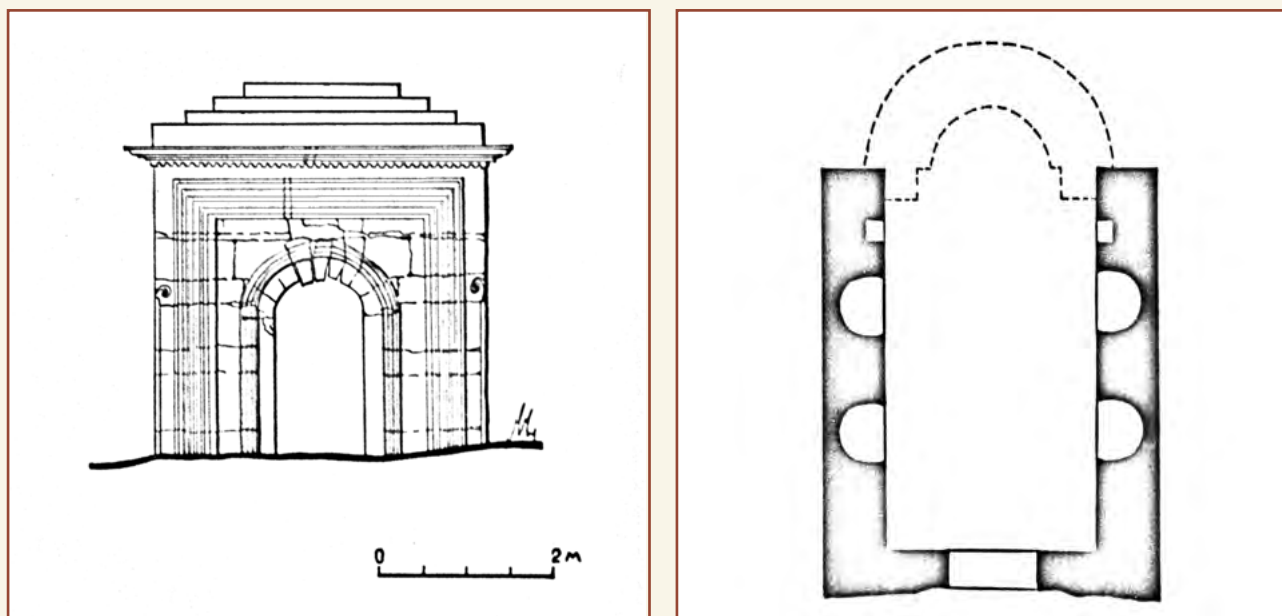
¹ * Примечательно, что на гравюре В. Руссена из альбома Е. Вильнева фасад фонтана имеет несколько иную композицию.

² Корхмазян Э. М. Армянская миниатюра Крыма. – С. 106.

впервые была опубликована М. Бжишкяном¹: «Фонтан суть память о Ходжа-Цатуре и его супруге Пикачае, и его чадах Мариам-хатун и Улупикае, и его родителях Пиатае и Майрай-хатун, и его деде Кепанаке, его наставнике-мастере Астуацатуре. Лета 1037 [= 1588]»^{2*}. В отличие от фонтана у церкви Святого Степаноса (Стефана), фонтан Ходжа-Цатура построен в форме куба и из более крупных блоков известняка. Размеры резервуара – 2,7х4,1 м, перекрытие сводчатое, полуциркульного очертания. Богаче выполнено архитектурное убранство. Прямоугольной формы фасад, обращённый на восток, по контуру обрамлён профилированной рамой сложного сечения. Центр фасада акцентирован глубокой стрельчатой аркой, опирающейся на мощные импосты, украшенные тем же профилем, что и рама. Гладкое поле вокруг арки украшено тремя розетками геометрического рисунка. Одна из них расположена на оси фасада, над аркой, а две остальные – по её сторонам. Судя по низко расположенному в настоящее время водомёту, отметка прилегающей к роднику площадки повышена наносным грунтом и обвалившимися камнями, почему сооружение выглядит приземистым по сравнению со своим первоначальным видом.

Родник монастыря Спасителя близ села Богатое (Бахчи-Эли) находился с западной стороны храма, на расстоянии 45 м к западу от входных ворот. М. Бжишкян зафиксировал его наличие уже в 20-х годах XIX столетия³, что даёт основание считать дату строительства памятника ранее этого времени. По нашему предположению, он был основан в XIV веке, единовременно с монастырём. Сейчас это сооружение, как и ряд других построек комплекса, не существует, и представление о его строении можно составить по выполненному в ноябре 1956 года обмеру. Последний представляет план и западный фасад памятника с ошибочно проставленной датой строительства – 1837 год.

Центральный фасад и план-схема фонтана монастыря Святого Спасителя.

Изображённый на чертеже фонтан – оригинальное произведение, не имеющее аналогов в Крыму. Композиционно это небольшая, вытянутая с юго-востока на северо-запад крытая постройка, в которой водомёты находились не с внешней стороны, а внутри. Четыре водомёта выступали из полукруглых ниш, попарно расположенных в продоль-

¹ Бжишкян М. Путешествие в Польшу. – С. 354.

² * Есть несколько переводов надписи на русский язык. Здесь приведён авторский перевод научного редактора – Т. Э. Саргсян.

³ Бжишкян М. Путешествие в Польшу. – С. 260.

ных стенах. Благодаря этому пользоваться фонтаном могли одновременно несколько человек. Назначение полуциркулярной апсиды, обозначенной на плане пунктиром и замыкавшей интерьер с юга, остается невыясненным. Нарядным архитектурным убранством отличался обращенный на север фасад, на котором находился единственный вход. Арочный входной проём обрамлялся спаренными тонкими полувалями, которые присутствовали и в заполнявшем значительную поверхность фасада прямоугольном широком обрамлении. Подчёркнутый тонкими тягами венчающий карниз с дентикулами завершался ступенчатым парапетом, усиливавшим центричность фасада.

Фонтан и часовня Святой Анны на восточной окраине Старого Крыма.

Примечательны архитектурные формы родников-фонтанов в Старом Крыму, наглядно отражающие традиции времени их возведения. Памятник, расположенный по адресу: ул. Ленина, 13, ныне находится в руинах. Он был выполнен наподобие родников монастыря Сурб Хач – в виде художественно оформленной стенки, установленной перед каменным резервуаром. Время возведения, по всей вероятности, конец XVII и начало XVIII веков. Композиция прямоугольного фасада представлена плоской нишей с высоким арочным завершением. В центре ниши – большой хачкар из белого камня, являвшийся основным художественным акцентом памятника. Импосты в нижней части отделялись от арки полочками различного оформления. Левый украшен растительным узором, правый – профилированной тягой, повторяющей мотив карниза, венчающего фасад.

Форма креста – основного элемента, входившего в композицию хачкара – армянская, с чуть удлиненной верхней и ещё более вытянутой нижней ветвями. Расширенные окончания ветвей украшены бутонами, а поверхности – маленькими равноконечными крестами. Композиция обрамлена прямоугольной рамой со стрельчатым верхом. Внутреннее поле хачкара декорировано одноплановым, симметричным относительно центральной оси растительным орнаментом, состоящим из переплетавшихся побегов, листьев, цветов и бутонов^{1*}.

¹ * С учётом указанного местоположения фонтана – по улице Ленина, у дома 13 – можно заключить, что он находился на окраине города. Тем не менее выявить памятник не удалось. Относящийся к нему

Композиционно подобен разрушенному фонтану фасад второго памятника, также находящегося на улице Ленина. Судя по заключённой в углублённую рамку надписи на русском, в которой читается только слово «сооруженьъ» (с «ъ» в конце), фонтан возведён после присоединения Крыма к России, полагаем – в середине XIX века. Пропорции фасада более повышенные. В нижней части сохранилось отверстие водомёта. В арочном верхе ниши есть небольшое углубление, в котором возможно помещался хачкар или надпись. Высокий парапет с большим прямоугольным углублением в середине, расположенный над венчающим карнизом, имеет изогнутое завершение. В композиции и декоре фонтана ощущается влияние мусульманского зодчества и мотивов^{1*}.

иллюстративный материал утрачен, что делает составленное О. Х. Халпахчяном описание ещё более важным и уникальным свидетельством. В этой местности известен ещё один армянский фонтан. Он находился при выезде из города в сторону Феодосии, рядом с часовней Святой Анны. Ни фонтан, ни часовня не сохранились и известны лишь по источникам и изображению на почтовой открытке.

Исследования показали, что часовня Святой Анны, располагавшаяся на земле Анны Айвазовской, пришла на смену полуразрушенной армянской церкви Святой Богородицы Чархапан (Заступницы). Последняя, в свою очередь, являлась центральным сооружением особо почитаемого в средневековье армянского монастыря Святой Богородицы Кимчак. История этого монастыря тесно связана с именем учёного-богослова Аветыка Хотачарака, которого упоминают и армянские источники XIV века, и арабский путешественник XIV века Ибн-Баттута. Как фонтан, так и находившийся рядом мост, в XVIII–XX веках обозначались прозвищем церкви – Чархапан (см.: **Саргсян Т. Э.** Об Аветике Хотачараке и монастыре Кимчак Св. Богородицы // ИФЖ. – № 1. – Ереван: Изд. НАН РА, 2001. – С. 130–144 (на арм. яз.); Свод армянских памятных записей, относящихся к Крыму и сопредельным регионам (XIV–XV вв.). – С. 51, 57–59). Судя по фотографии, расположенная перед резервуаром тумба фонтана имела прямоугольную, вертикально удлинённую конфигурацию.

^{1*} Возможно, что О. Халпахчян имеет в виду так называемый Екатерининский фонтан на улице Ленина. Считается, что он был сооружён (или возобновлён) в конце XVIII века к прибытию Екатерины II. К середине XX века памятник был ещё в удовлетворительном состоянии. Ныне большей частью разрушен.

Так называемый Екатерининский фонтан по улице Ленина в Старом Крыму. Превенний и современный виды.

«Павильон с фонтаном в Старом Крыму, где императрица Екатерина II останавливалась во время путешествия в Крым» (1858 год, автор – Айвазовский И. К.).

Своеобразна композиция фонтана на территории санатория «Утёс» близ Алушты, в которой использована вертикально установленная беломраморная надгробная плита с армянской надписью. Плита составляет декоративную основу памятника. Верхняя часть её покрыта крупным растительным узором из образующих окружности листьев и бутонов. Ниже помещён овальный медальон с фруктовой вазой внутри. По сторонам медальона, в рамках изображены цветы в вазах. Верх нижней половины плиты занимает пятистрочная армянская надпись с построчно разделёнными выпуклыми буквами, как это часто практиковалось в армянских литографиях¹. Нижняя часть решена в виде аркатуры на колонках, состоящей из двух пролётов. В месте сопряжения арок помещён водомёт. Вода сливается в вытянутое по фасаду овальное каменное корыто, откуда удаляется скрытым водостоком по уклону местности^{2*}.

В Старом Крыму существовал ещё один фонтан, возведение (или возобновление) которого связывалось с приездом Екатерины II. О нём сообщает А. Маркевич. Он пишет, что одной из выдающихся достопримечательностей Старого Крыма был «так называемый Екатерининский фонтан». В 1888 году он ещё был в сохранности, но при посещении города в 1892 году А. Маркевич его уже не нашёл: памятник был «почему-то уничтожен и от него не осталось и следа» (см.: **Маркевич А.** Старо-крымские древности. – С. 127). По всей видимости, этот фонтан можно идентифицировать с выдающимся гидротехническим сооружением в Старом Крыму, запечатлённым на рисунке И. К. Айвазовского 1858 года. В литературе он известен как «Павильон с фонтаном в Старом Крыму, где императрица Екатерина II останавливалась во время путешествия в Крым». Он находился у въезда в город со стороны Феодосии.

На центральной улице города (ныне – улица Ленина), некогда входившей в состав активного торгового тракта, находился ещё один фонтан. Армянские источники связывают его строительство (скорее, реконструкцию) с именем военачальника Антона де Шица и локализуют возле рыночной площади, граничившей с армянским участком города (см.: **Бжишкян М.** Путешествие в Польшу. – С. 322; **Тер-Абрамян О.** История Крыма (часть 2). – С. 158).

¹ К примеру, см.: **Халпахчян О. Х.** Надписи в произведениях армянского зодчества // «Эчмиадзин». – № 2. – Эчмиадзин: Изд. Первопрестольного Эчмиадзина, 1959. – С. 49, 51 (на арм. яз.).

² * Надпись, являющаяся эпитафией, упоминает некую «благоразумную Анапике – дочь магдуси Карапета и супругу Ованэса». Исходя из художественного оформления, надгробие можно датировать третьей четвертью XVIII века (см.: Свод армянских надписей. – Вып. VII. – С. 151).

Оригинальные архитектурно-художественные формы, отличные от тех, что практиковались крымскими армянами в средневековых родниках-фонтанах, характеризуют

Армянское надгробие, использованное в композиции фонтана в Алуште.

построен с использованием элементов восточного стиля. В своём письме к Г. А. Эзову И. К. Айвазовский восхищённо отзывается о его художественных достоинствах: «...Я не знаю [другого] такого удачного, особенно в пропорциях»⁷.

Это квадратная в плане высокая башня, которая завершается большим ровным горизонтальным деревянным навесом, крытым железом. На навесе установлены пять маленьких куполов – один центральный и четыре угловых.

¹ Памятники градостроительства и архитектуры Украинской ССР. – Т. 2. – С. 280.

² Григорян Гр. Новые данные об армянских эпиграфических надписях Крыма и Северного Кавказа. – С. 299.

³ * Целостный текст надписи, как уже говорилось, опубликован и в VII выпуске Свода армянских надписей (см. здесь, сноску 1* на с. 90).

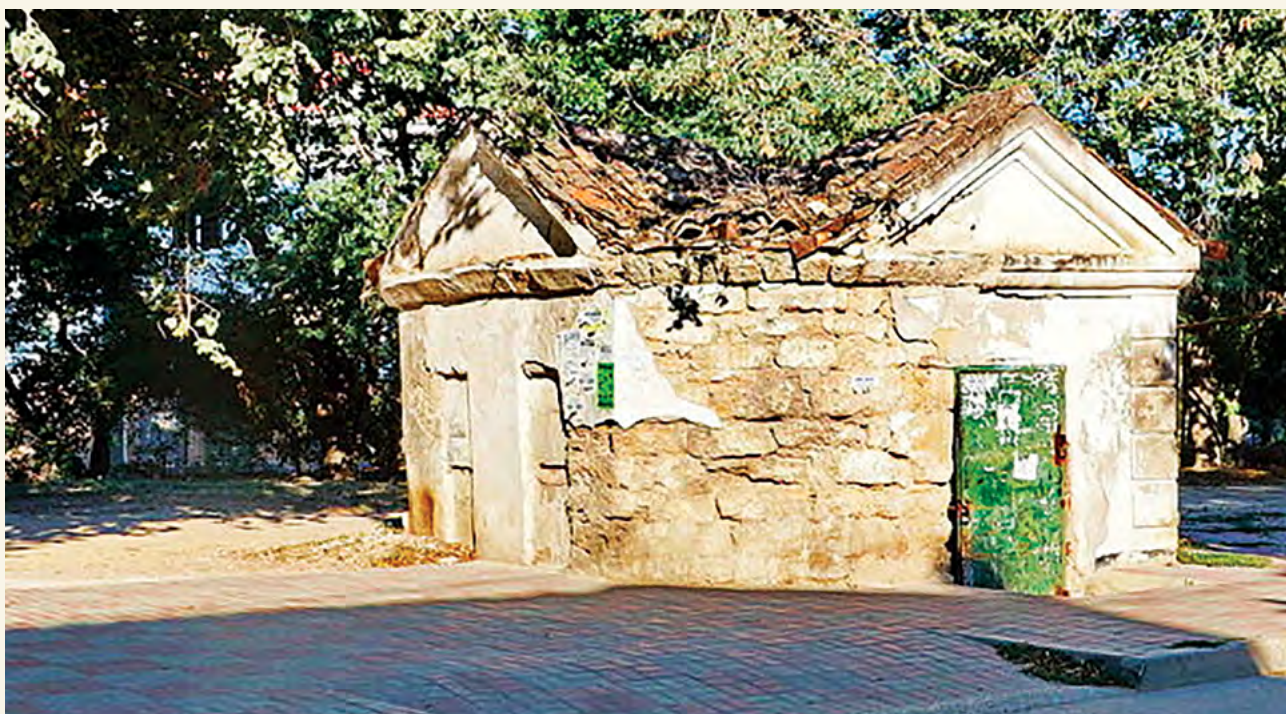
⁴ * Сооружение это находилось на Бульварной горке (в прошлом – Сарыгольевская возвышенность). В 1888 году в этой местности, известной также как «Гора водопроводного бассейна», был устроен бассейн Субашско-Феодосийского водопровода объёмом в 50 тысяч вёдер. Отсюда субашская вода поступала в водоразборные будки-фонтаны города, некоторые из которых сохранились по сей день, и далее – в городские фонтаны.

⁵ Вагнер Л. Повесть о художнике Айвазовском. – Москва: Изд-во детск. литературы, 1958. – С. 256.

⁶ * Фонтан не сохранился. В начале 2000-х годов по его мотивам в Феодосии был создан другой фонтан «Доброму гению».

⁷ Айвазовский И. К. Документы и материалы. – С. 353 (№ 193).

Водоразборная будка-фонтан в Феодосии, построенная в конце XIX века.

Фонтан Айвазовского в Феодосии, построенный в 1888 году.

Фигурный по очертанию плана деревянный навес, окаймлённый широким деревянным висячим карнизом с подзором, составляет самую колоритную составляющую сооружения.

Северный, западный и южный фасады башни оштукатурены и оживлены арочными нишами и чашами под водомётами. Полностью мраморный восточный фасад сочетает белый и тёмно-серый цвета. Он является главным и с обеих сторон украшен изящными колонками. По оси фасада расположена нарядная резная ниша прямоугольной конфигурации. Внутри находятся водомёт и чаша. Выше ниши пролегает многорядный сталактитовый пояс под стрельчатым тимпаном. Тимпан с надписью «Фонтан И. К. Айвазовского» обрамлён широкой стрельчатой рамой. Антрвольты по обе стороны рамы украшены орнаментальной резьбой. Ещё выше, под венчающим башню навесом, имеется арочное углубление с датой завершения строительства – «18 IX 88». Слева и справа от углубления – по два медальона.

В правой половине южного фасада имелась дверь, заложенная при реставрации памятника в 1959 году. Она вела в крытое сводами помещение, где находилось оборудование, распределявшее воду по фасадам башни. По своеобразию объёмных масс и декоративному убранству фонтан Айвазовского продолжает оставаться одним из интереснейших архитектурных сооружений Феодосии.

Кроме городских и монастырских родников-фонтанов крымскими армянами возводились и сельские^{1*}. Они выглядели скромнее, состояли из резервуара для забора воды, незатейливого фасада (часто отделанного арочной нишей) с водомётом, каменного корыта для водопоя домашних животных, и походили на аналогичные сельские сооружения Армении XII–XIII веков².

¹ * К таковым можно отнести упомянутый армянскими авторами XIX столетия «Геавур чэшмеси» (Фонтан неверного), который находился по дороге из Старого Крыма в Феодосию, у села Кашка-Чокрак (Отважное) близ каменного моста «Еаралы кеопюр» (см.: **Бжишкян М.** Путешествие в Польшу. – С. 330; **Тер-Абраамян О.** История Крыма (часть 2). – С. 160). Интересен старый фонтан на окраине села Тамгаджи (Изюмовка), действующий и поныне.

Старый фонтан на окраине села Изюмовка.

В перечень незамысловатых сельских гидросооружений следует включить также фонтан в бывшем армянском селе Грушевка (Сала), который по строению и оформлению близок к аналогичным армянским памятникам Феодосии и монастыря Сурб Хач. Хотя неряшливо выполненная врезная надпись на русском языке, которая помещена на фасаде фонтана, имеет датировку «1890 год», очевидно, что у него значительно более древняя история. Уникальный пример спаренного фонтана известен в татарском селении Кутлак.

² **Халпахчян О. Х.** Родники Армении. – С. 95.

Старый фонтан в бывшем армянском селе Грушевка.

Родники крымских армян – памятники, имевшие не только утилитарное, но и художественное значение, являются оригинальными произведениями зодчества, свидетельствующими о высокой строительной культуре их создателей.

Старый фонтан в селе Кутлак (фото Г. Листа 1943 год).

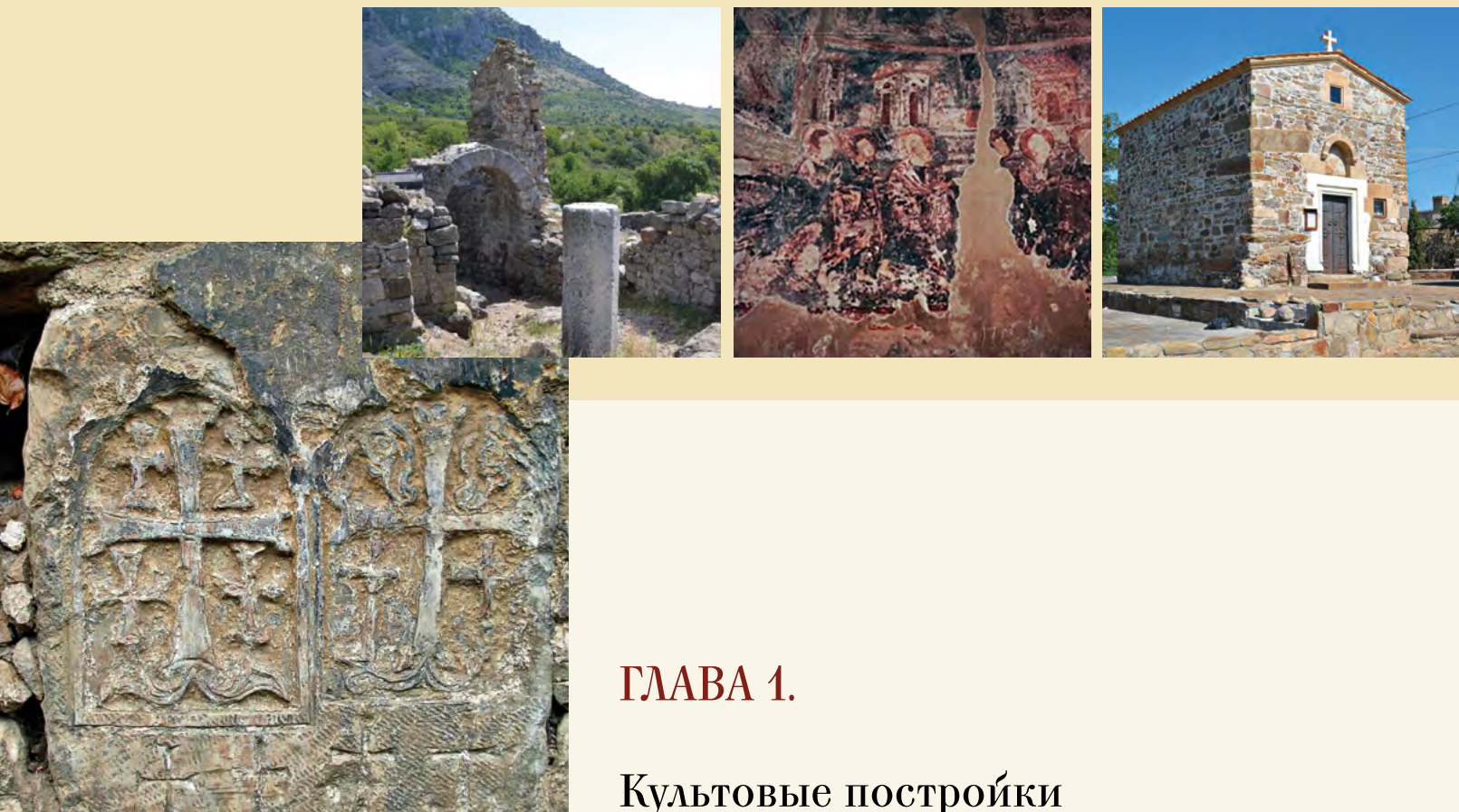

АРХИТЕКТУРА КРЫМСКИХ АРМЯН

ЧАСТЬ II

ГЛАВА 1.

Культовые постройки

Общий обзор

Время появления первых армянских культовых сооружений на территории Крымского полуострова, надо полагать, совпадает со временем формирования здесь первых армянских общин, включая и торговые. Вначале это могли быть как спешно возведённые деревянные постройки, так и приспособленные для богослужения готовые помещения. По экономическим соображениям последний вариант практиковался постоянно, вплоть до новейших времён, что подтверждается письменными источниками и сохранившимися сооружениями. По свидетельству М. Бжишкяна, в связи с отсутствием у одесских армян своей церкви, с начала XIX века они совершали богослужение в домовых молельнях¹. Спустя несколько десятилетий дополненная пристройками молельня была превращена в церковь Святого Григория Просветителя². Как следует из армянской надписи, помещённой над западным входом, в 1884 году

¹ Бжишкян М. Путешествие в Польшу. – С. 223–224.

² Меликсет-Беков Л. М. Из материалов для истории армян на юге России. – Одесса: Типография «Эсперанто», 1911. – С. 8–9.

к церкви была пристроена колокольня. Ярким примером приспособления готового здания к богослужебным целям является церковь в Керчи, используемая армянами с середины XIX века.

Сколько было армянских церквей в Крыму, неизвестно. И хотя по словам писца Давида, усилившейся армянской колонией только «от Карасубазара до Сурхата и Феодосии» было возведено «сто тысяч домов и тысяча церквей», это не подтверждается не только численностью сохранившихся культовых построек, но и сведениями разноязычных источников. По нашим подсчётам, общее число разновремененно построенных армянских культовых сооружений на полуострове – деревянных и каменных, временных и постоянных – не превышало двух сотен.

Исторические документы и сохранившиеся в том или ином виде культовые памятники свидетельствуют о единовременном функционировании в крупных поселениях крымских армян двух (Бахчисарай, село Топты), трёх (Орталанк), семи (Сурхат) и более церквей. Особо следует отметить Кафу, где по сведениям армянских источников к середине XV века – в период наивысшего расцвета армянского переселенческого очага в Крыму – насчитывалось 45 армянских церквей (29 внутри крепостных стен и 16 за их пределами)¹. Со временем численность армянских церквей в Кафе уменьшилась: в 1634 году, по данным Дортелли д'Асколи, их было 28², по Ш. Пейссонелю – 24³. Именно эти 24 церкви перечислены в составленном в конце XVIII века стихотворении, с указанием их названий, отличительных признаков и местоположения в городе⁴.

Судя по экспликации Генерального плана Феодосии 1784 года, большинство армянских церквей лежало в руинах⁵. Стремительное развитие города, начавшееся с первых десятилетий XIX столетия, сопровождалось передачей некоторых армянских церковных зданий русским православным приходам (Святого Иоанна Предтечи и Святого Тороса), использованием их в качестве складов и магазинов (Святого Иоанна Богослова (Евангелиста), Святого Стефана и Святой Пятницы), разбором обветшалых церковных зданий и использованием добытого таким образом камня под стройматериал. Лишь восемь из некогда существовавших в Кафе–Феодосии армянских церквей сохранились до настоящего времени (одна в виде памятника археологии).

Тот же процесс характерен и для церквей в других армянских поселениях Крыма. Как отмечено выше, в середине XIX столетия церковь в селе Сала была приспособлена для православного богослужения, в 1920-х годах была разрушена средневековая церковь в Бахчисарае (крестовая снаружи и внутри), были демонтированы две церкви в Симферополе и две в Карасубазаре, в 60-х годах XX века взорвана церковь Святой Богородицы в Старом Крыму (первые упоминания относятся к 30-м годам XIV века), а в 1986 году – церковь XIII–XIV веков в Арпате. Были разобраны руины монастырей XIII века на Кара-Даге и XIV века на склоне горы Сююрю-Кая близ Коктебеля. Известны примеры использования церквей не по назначению. Например, здание церкви Святого Никогайоса в Евпатории долгие десятилетия использовалось как склад, Святого Саркиса в селе Топты – как хлев для мелкого домашнего скота, а керченской – в качестве детского кинотеатра «Пионер».

¹ Тер-Абраамян О. История Крыма (часть 2). – С. 69; Кушнерян Хр. История армянских переселенцев Крыма. – С. 141; Айвазовский Г. Заметка о происхождении новороссийских армян. – С. 554.

² [Дортелли д'Асколи]. Описание Чёрного моря и Татарии, составленное доминиканцем Дортелли д'Асколи, префектом Каффы, Татарии и проч. 1634 г. / Пер. Н. Н. Пименова, прим. А. Л. Бертъе-Делагарда // ЗООИД. – Т. XXIV. – Ч. II. – Одесса: «Экономическая» типография и литография, 1902. – С. 118.

³ Кёпшен П. Крымский сборник. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. – С. 28–29; Об остатках древних армянских церквей в Феодосии. – С. 172.

⁴ Кушнерян Хр. История армянских переселенцев Крыма. – С. 139–141.

⁵ ЦГВИА. – Ф. ВУА, д. 22008.

В настоящей работе рассматриваются только сохранившиеся полностью или в руинах 17 армянских церквей и 10 монастырей. Кроме них по письменным источникам, частично опубликованным в буклете «Армяне в Крыму», известно ещё 19 церквей и 9 монастырей. Но и это не охватывает всей общности построенных армянами в Крыму культовых сооружений. Даже из 45 феодосийских церквей известны названия далеко не всех. В этом вопросе документальную ценность представляют генеральные планы города конца XVIII века. К примеру, ориентируясь планом 1788 года, только на территории заповедного участка «Карантин», или восточного участка бывшей Армянской крепости, кроме известных пяти церквей, можно определить местоположение ещё восьми, из которых две имели притвор. Несомненно, будущие археологические исследования позволят выявить планировочные особенности данных церквей, а также других.

Восточный участок Армянской крепости (Карантин), освоенный первыми поселенцами из Ак-Сарая. В центре церковь Иоанна Предтечи, справа – церковь Иоанна Богослова, а слева – церковь Святой Пятницы.

Наиболее ранние упоминания о церквях крымских армян относятся к началу XIV века. Сообщается об их существовании, строительстве, сделанных им подношениях. В работах XIX столетия уже приводятся краткие данные об их строительно-технических особенностях. Тем не менее, только в современных исследованиях, как правило, отечественных авторов, содержатся объективный архитектурный анализ и подробная характеристика культовых зданий. При этом есть памятники, которые вообще не освещены в публикациях, отсутствует также их классификация и история формирования.

Существующие в природе памятники и исторические сведения, в том числе и сообщения старожилов-очевидцев, констатируют многообразие практиковавшихся типов армянских культовых сооружений на территории Крымского полуострова. Культовые здания различаются своими размерами, архитектурным строением, особенностями облика, подчас свидетельствующими о незаурядных дарованиях их создателей. Большое значение при выборе архитектурного типа зданий имели численность прихожан и их финансовые возможности, окружающая природная среда, а также культурное общение с непосредственно соседствующими народами.

Крепость Фуна близ села Лучистое. Своды, поддерживавшие надвратную церковь.

Письменных и фактических сведений о типах церквей армян-халкидонитов и армян-католиков сохранилось мало. Мало известно также о характерных для католического культа трёхнефных базиликах. Судя по описанию М. Броневского¹, относящемуся к 1575 году, среди величественных руин Кафы, изобилующих латинскими надписями и резными гербами генуэзцев, таковые могли существовать, разрушенные турками после взятия города в 1475 году. Были ли трёхнефные базилики среди малочисленных церквей армян-католиков также неизвестно. Скорее всего, армяне-униаты и армяне традиционного апостольского (григорианского) толка пользовались церквями одних и тех же типов, преобладающее большинство которых составляли однонефные залы.

Анализ архитектурных особенностей средневековых церквей крымских армян выявляет в них не только традиции национального зодчества, но и порождённые влиянием извне детали художественного убранства. Армянские церкви возводились, как правило, по заказу представителей светских и духовных правителей, а также группами прихожан – «благочестивыми мужами и жёнами», которые, например, в 1751 году восстановили монастырь Сурб Хач. Работы выполнялись армянскими мастерами, нередко имевшими опыт строительства культовых зданий в переселенческих очагах. Здесь уместно вспомнить прослеженное Ф. Анри, Ю. Бальтрушайтисом, И. Стржиговским и другими исследователями влияние армянского зодчества на архитектуру западноевропейских памятников². Поэтому неубедительным представляется мнение тех исследователей, в частности А. Л. Якобсона, которые считают, что церкви армян-католиков в Крыму выстроены под сильным влиянием западноевропейского зодчества³ и отдалены от армянских традиций^{4*}.

¹ [Броневский М.] Описание Крыма Мартина Броневского // ЗООИД. – Т. VI. – Одесса: Городская тип. Сод. Х. Алексомати, 1867. – С. 348.

² См.: Халпахчян О. Х. Средневековое зодчество Армении и его значение в истории мировой архитектуры // ИФЖ. – № 4. – Ереван: Изд. АН Армянской ССР, 1963. – С. 56–57.

³ Якобсон А. Л. Армянская средневековая архитектура в Крыму. – С. 190; Якобсон А. Л. Крым в средние века. – С. 121–124.

^{4*} К сожалению, в Крыму не сохранилось ни одной церкви армян-католиков и судить об их архитектурных и декоративных особенностях невозможно. Что касается церквей с некоторым отклонением

Какой архитектурно-художественный облик имели первые церкви крымских армян, неизвестно. Учитывая малочисленность ранних общин, надо полагать, что вначале строились широко распространённые в Армении и в средневековых армянских колониях экономически выгодные и простые по планировке и выполнению небольшие зальные церкви с полуциркульным или стрельчатым сводом и двускатным покрытием. Со временем их размеры увеличивались, композиция усложнялась, восточная часть из одноапсидной превращалась в трёхапсидную. Увеличение площади молитвенного зала вынуждало устройство в интерьере опор, поддерживающих перекрытие с куполом, что в общем итоге значительно обогащало внешний и внутренний облик сооружения. Создавались оригинальные объёмно-пространственные композиции. В художественном убранстве церквей использовались рельефы и фресковая роспись, придававшие однотипным примерам зданий своеобразие и индивидуальность.

Рельеф «Богоматерь с Младенцем» (1487 год) из церкви Святого Саркиса в Феодосии.

от армянских архитектурно-декоративных традиций, то их прошлое требует более углублённого изучения. К примеру, подобное исследование церкви Святых Архангелов в Феодосии, ошибочно связываемой с армянами-католиками, показывает, что она возведена в 1408 году на территории сформированного в догенуэзский период армянского участка, на основаниях старой армянской церкви и никак не являлась католической. Застройка внутри этого квартала не регулировалась положениями Устава 1316 года, следовательно, вопрос о том, как некатолическая церковь появилась в центре города в 1408 году, снят (см.: **Саргсян Т. Э.** Церковь Архангелов Габриэла и Микаэла в Феодосии // Сурб-Хач (журнал Крымского армянского общества). – Симферополь, 1996. – № 3. – С. 6–8; **Саргсян Т. Э.** Ещё раз об армянских церквях в Феодосии XIII–XV вв. Церковь Архангелов Габриэла и Микаэла // ИФЖ. – № 2. – Ереван: Изд. НАН РА, 2002. – С. 112–130).

Ориентация армянских церквей, по общепринятому для христианских культовых сооружений принципу, выдерживалась в направлении восток-запад. Однако, в зависимости от местных условий, как то рельефа территории, привязки храма к градостроительной ситуации, она могла измениться на несколько градусов в сторону севера или юга, что допускалось церковными канонами. Не исключена возможность закладки храма в день его патрона или соответствующего праздника с ориентацией на восход солнца в тот конкретный день. Так, несколько на север отклонена апсида церкви Святого Саркиса в селе Топты, а апсиды большинства армянских церквей на территории бывшей Армянской крепости в Феодосии имеют отклонение на юг¹.

Для более подробного освещения культовых памятников крымских армян, как существующих в натуре, так и известных по историческим описаниям и архивным документам, корпус их разделён на две основные группы – церкви (сельские и городские) и монастыри. Классификация церквей произведена в зависимости от их планировки и хронологической последовательности, что в определённой степени позволит проследить этапы развития различных типов, время появления новых композиций и элементов художественного убранства.

Что касается монастырей крымских армян, то в XIV–XV веках они в большинстве своём устраивались внутри жилой застройки или вблизи неё, как например, в городе Кафе, в сёлах Топты и Бахчи-Эли. Возводились также уединённые монастыри – вдали от населённых мест, в различных природных условиях, например, у морского берега в Двужорной бухте, на каменистых склонах горы Кара-Даг, в лесистой глуши близ Старого Крыма.

Монастыри крымских армян, как правило, имели одну церковь^{2*}, к которой в отдельных случаях с запада примыкал гавит (притвор). Изредка в состав монастыря кроме церкви входила и небольшая часовня. Вокруг культовых зданий размещались кельи монахов, трапезная, гостевой дом для паломников, подсобные помещения и родники-фонтаны. Должное внимание уделялось необходимой в условиях средневековья безопасности монастырей, чем и продиктованы компактность их расположения и отгороженность территории высокими стенами.

Большинство монастырей крымских армян не дошло до наших времён. Некоторые утрачены полностью и представление о них можно составить только по сведениям письменных источников и случайно сохранившимся у частных лиц изображениям (фотоснимки, рисунки, акварели и так далее). Другие в лучшем случае, существуют в виде памятников археологии – как выявленных, так и пока неизвестных. Именно поэтому освещаемые в данной работе комплексы представлены в разной степени подробности, определяемой существующим натурным и архивным материалом. Для систематизированного изложения развития монастырских комплексов поочерёдность их рассмотрения подчинена архитектурному типу и времени сооружения главной постройки – церкви. Сначала приводятся монастыри с одноапсидными, затем – трёхапсидными церквями. В завершение рассматриваются монастыри с купольными церквями^{3*}.

¹ Барсамов Н., Полканов А. Феодосия. Прошлое города и археологические памятники. – С. 36.

² * Источники называют лишь один армянский монастырь в Крыму, в котором было две церкви – монастырь Святого Антона близ Кафы. На основании армянских источников XV века и исследований И. И. Бабкова он был идентифицирован с армянским монастырём в Двужорной бухте (см.: см. Саргсян Т. Э. Монастырь Святого Антона близ Кафы // ВМ. – № 24. – Ереван: Наири, 2017. – С. 85–111 (на арм. яз.)).

³ * В корпус культовых памятников крымских армян следует включить также пещерные церкви. По этому поводу интересно сообщение Мартироса Крымца от 1672 года. Он пишет, что армяне, которые обосновались на полуострове в XIV веке, «переполнили церквями все места», построив «великолепные монастыри и скиты, святилища в пещерах и горах (см.: Мартиросян А. А. Мартирос Крымца. – Ереван: Изд. АН Армянской ССР, 1958. – С. 146 (на арм. яз.); Армянские поэты Крыма XV–XX вв. – Симферополь – Ереван: ЧП «Предприятие Феникс», 2008. – С. 145 (на арм. и русс. яз.)).

Расколовшиеся фрагменты армянской пещерной церкви в Бахчисарае.

Надгробия с армянскими надписями и остатки армянской церкви в Бахчисарае.

Одна из пещерных церквей находилась в Бахчисарае. Скала, в которой она была устроена, откололась и упала наземь, разбившись на несколько глыб. На внутренних поверхностях последних заметны следы вытесанных крестов и армянских надписей. Рядом с упавшими глыбами археологом В. А. Петровским обнаружены руины церкви с гавитом (притвором), выложенных бутовой кладкой.

К числу наиболее значимых артефактов, найденных здесь, относятся надгробие с армянской эпитафией 1736 года и металлический крест с армянской надписью 1683 года. Согласно эпитафии, выполненное из хрупкого светлого известняка надгробие лежало на могиле Азревард – супруги Лусехена и дочери священника Георта.

Надпись же на кресте, некогда украшавшем кожаный оклад рукописной книги, свидетельствует, что он был преподнесён в дар церкви Святого Пророка неким Джанибеком и является памятью о нём (см.: **Саргсян Т. Э.** Об армянских духовно-культурных центрах Бахчисарая (XVII–XIX вв.) // VI Таврические научные чтения, г. Симферополь, 27 мая 2005 г. Сборник научных статей. – Симферополь: Крымский респуб. краеведческий музей, 2006. – С. 136–142; **Днепровский Н. В.** Пещерный комплекс в историческом центре Бахчисарая и его возможная этно-конфессиональная атрибуция // Исследования по арменистике в Украине. – Вып. 1. – Симферополь: ЧП «Предприятие Феникс», 2008. – С. 25–31).

Следующая значимая пещерная церковь в Крыму, имеющая отношение к армянам, точнее – к армянам-халкидонитам, так же, как и предыдущая, расположена в Юго-Восточном Крыму. Речь идёт о храме Трёх всадников в Эски-Кермене, получившем свое название в связи с росписью внутри, изображающей трёх святых воинов-всадников, «движущихся» один за другим. Внизу росписи помещена надпись на греческом языке, датирующаяся XIII веком. Сама церковь устроена внутри небольшой каменной глыбы, которая откололась от скалы, упала наземь и покатила по склону.

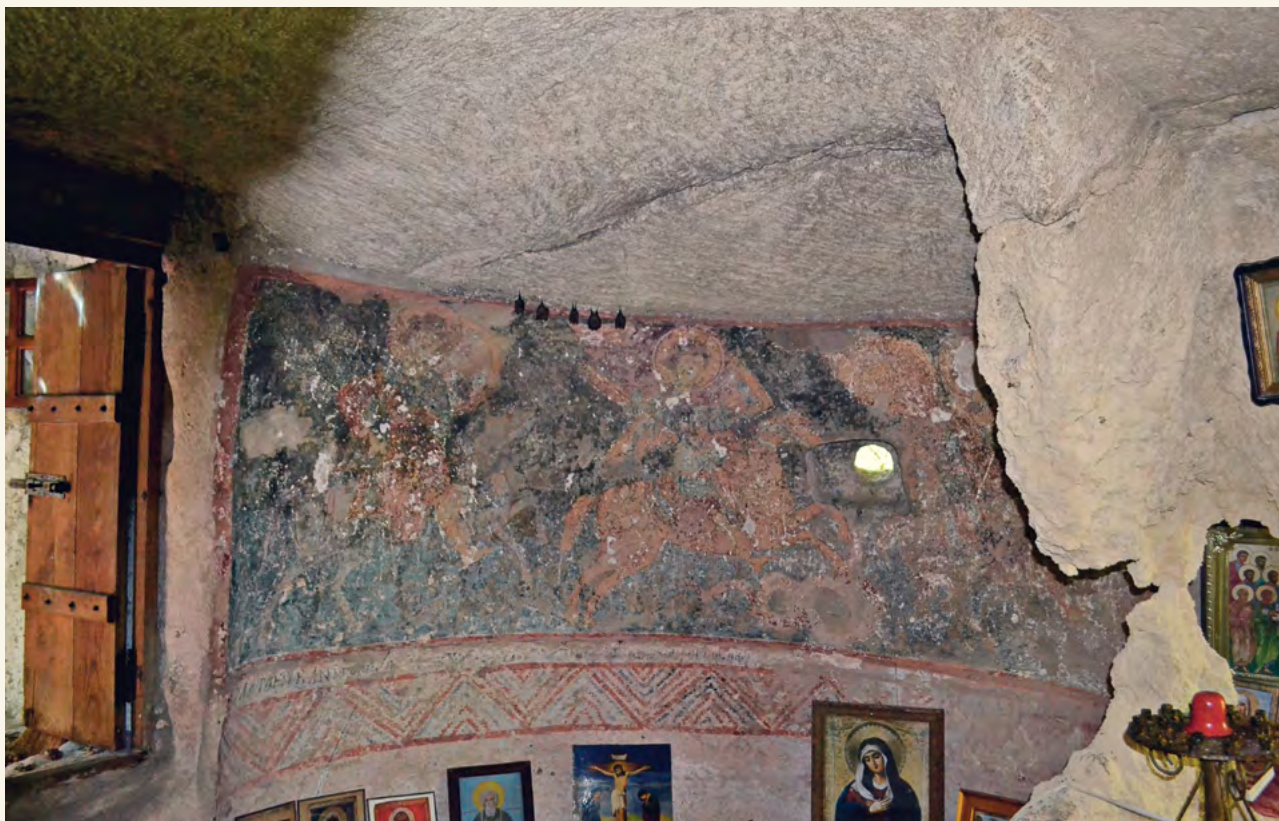
Храм Трёх всадников в Эски Кермене.

Внутри, на восточной стороне тесного помещения вырыта алтарная апсида с двумя простенками по сторонам. В верхней половине левого (северного) простенка устроен сквозной проём, в сторону которого и обращена кавалькада. Как в окружении церкви, так и внутри неё имеются захоронения.

Хотя роспись изучается давно, нет единого мнения по поводу присутствующих в ней подчёркнуто разных персонажей. Наиболее обстоятельное и всестороннее исследование проведено Н. В. Днепровским (см.: **Днепровский Н. В.** К вопросу о каноническом смысле росписи пещерного храма «Трёх всадников» // МАИАСК. – Вып. V. – Севастополь–Тюмень: Севастопольский филиал МГУ; ТюмГУ, 2013. – С. 115). Армянский же след в росписи впервые замечен Э. М. Корхмазян (см.: **Корхмазян Э. М.** Новые данные о фреске храма Трёх всадников в Эски-Кермене // ИФЖ. – № 3. – Ереван: Изд. НАН РА, 1998. – С. 143–147). Именно она связала памятник с армянами-халкидонитами, в церковном и культурном отношении занимавшими промежуточное положение между греками и армянами (в лимитрофных зонах с Грузией – между грузинами и армянами). При этом, предложенная ею идентификация всадников так же не убедительна. Думается, для разрешения данного вопроса следует обратить внимание на расположение персонажей по старшинству, а также на масти их скакунов. С позиции традиций армянской иконографии это выглядит так: впереди (крайний

правый) изображён наиболее почитаемый Армянской церковью святой воин – военачальник Святой Саркис на белом коне. Маленький персонаж на крупе коня – его сын. Вторым следует угрожающий змию Святой Теодорос на красном скакуне. Третьим идёт самый молодой в группе – Святой Георгий на сине-сером коне. Именно в такой очередности и на скакунах тех же мастей изображены святые воины в рукописи 6305 из Матенадарана им. Месропа Маштоца. Предполагается, что рукопись относится к школе монастыря Татэв (на юге Армении) и выполнена в XIV–XV веках. Святые воины – а их четверо, поскольку в цикл включён также Святой Меркуриос на чёрном коне – изображены раздельно, каждый на всю страницу, вместе с разъяснительными надписями (см.: Матенадаран им. Месропа Маштоца. – Рукопись 6305. – Л. 281 об., 282, 283 об., 284; **Мирзоян А. С.** Иконография святых воинов рукописи № 6305 Матенадарана и восстановление их имён // Лрабер (ВОН).– № 5. – Ереван: Изд. АН Армянской ССР, 1970. – С. 77–83 (на арм. яз.)).

Роспись внутри храма Трёх всадников и его реконструкция, сделанная О. И. Домбровским.

Как уже говорилось, святые воины из храма Трёх всадников обращены в сторону проёма в северном простенке алтарной апсиды. В нём, надо полагать, при совершении обряда крещения ставилась святая купель. Традиции Армянской церкви соответствует место, где происходило крещение – севернее алтаря. При этом встроенной каменной раковины здесь нет. Следовательно, обряд совершался в некоем отдельном сосуде, что уже соответствует традиции Греческой церкви. Это вполне в духе армян-халкидонитов, основополагающей идеей общественного сознания которых являлось сближение и объединение христианских церквей, при воплощении которой они отводили себе роль посредников (см.: **Арутюнова-Фиданян В. А.** Армяно-византийская контактная зона (X–XI вв.). Результаты взаимодействия культур. – Москва: Наука, 1994. – С. 66, 92, 78).

Третья церковь находится вблизи селения Курское (в прошлом Кышлав), в урочище Бор-Кая. Она устроена в огромной отколовшейся от скалы каменной глыбе. По общему своему виду глыба напоминает иррегулярный четырёхугольник под двускатной кровлей. На лицевом западном фасаде видны следы подтёски и даже элементы убранства. Вход также устроен с запада. Об армянском прошлом церкви (возможно, монастырской) свидетельствует обнаруженный здесь фрагмент хачкара. Немаловажно и её расположение в местности, некогда густонаселённой армянами (см.: **Байбуртский. А. М.** Новые данные по истории средневековой армянской общины в Кишлавской котловине. Поселения Бор-Кая и Сала // МАИАСК. – Т. 1. – Симферополь: Филиал МГУ в Севастополе, 2008. – С. 76–88).

Пещерная церковь в урочище Бор-Кая близ села Курское.

Фрагмент хачкара, обнаруженный на территории пещерной церкви в Бор-Кая.

А. ОДНОАПСИДНЫЕ ЗАЛЫ

Церковь в селе Арпат

Церковь находилась в живописной долине небольшой речки на окраине села Арпат^{1*} (ныне Зеленогорье), в северной части Судакского района. Геометрически чёткий объёмный силуэт её, увенчанный двухскатной кровлей, возвышался над строениями небольшого, некогда армянского поселения как величественная архитектурная доминанта. Здание церкви находилось в хорошей сохранности, но в сентябре 1986 года оно было разрушено местными властями с целью использования его камня в строительстве различных хозяйственных построек.

В литературе сведения об этом памятнике, как ни странно, отсутствуют. Нет не только какого-либо описания, но и упоминания о нём, не говоря о графических изображениях. Тем не менее обследование руин церкви, проведённое месяц спустя после её разрушения, выявили остатки стен (максимальная высота сохранившихся фрагментов около 2 м) и находившихся возле них каменных обломков, что позволило одновременно с выполнением обмера плана и фотоснимков^{2*} составить представление об архитектурно-художественных особенностях этого произведения зодчества крымских армян.

Церковь показательна своими индивидуальными чертами, отличавшими её от близких по типу армянских церквей Крыма. По композиции она принадлежала к зальным сооружениям, сводчатое перекрытие которого поддерживалось пятью подпружными арками. Аналогичное решение редко практиковалось крымскими армянами и кроме церкви в Арпате его находим лишь в церкви Святого Саркиса в селе Топты, датируемой XIII–XIV веками. Однако, в отличие от неё, полуциркулярная алтарная апсида церкви в Арпате не выступала на восточном фасаде в виде цилиндрического объёма. Она была вписана во внешне прямоугольный контур здания, которое в этом отношении представляло собой пока единственный случай в строительной практике крымских армян.

Сейчас трудно определить, какие изменения претерпела постройка в течение своего многовекового существования. Тем не менее, пригодное для эксплуатации техническое состояние её перед разрушением свидетельствует о высоком качестве строительства. Как и все церкви крымских армян, она была выполнена из колотого и грубо тёсаного известняка. Пилястры, арки, своды, карнизы, капители и обрамления проёмов были сделаны из тёсаных и тщательно подогнанных друг к другу блоков известняка. Здание неоднократно оштукатуривалось как снаружи, так и изнутри, поэтому существовали ли на стенах интерьера какие-либо граффити, различные по форме и орнаментации кресты или надписи, сказать затруднительно.

В связи с относительно небольшими размерами сооружения стены имели толщину в пределах 80–85 см, ширина пилястр составляла 80 см, пролёт подпружных арок – 4,2 м. Ширина алтарной апсиды в 3,3 м продиктована её размещением в арочном проёме, равновеликом с шириной подпружных арок. Завал помещения обломками перекрытия не позволил определить, какой была солея. Судя по сохранившимся следам, она незна-

---

¹ * Топоним имеет несколько объяснений, в том числе и армянское. Есть мнение, что слово «Арпат» является искажением от армянского «Урпат», или «Урбат» (Пятница, Параскева). Следовательно, есть большая вероятность, что действовавшая в селе церковь была посвящена Святой Урпат – Святой Параскеве.

² * Обнаружить составленный автором иллюстративный материал не удалось. Пока не удалось также восстановить его по другим публикациям и архивным документам. В связи с этим приведённое О. Х. Халпахчьяном описание памятника является крайне важным источником.

чительно возвышалась над полом молитвенного зала, то есть была опущена. Это подтверждается и небольшим повышением приалтарных ниш и профилированного пояска, обегавшего низ алтарной конхи^{1*}. Площадь молитвенного зала в 50 м², думается, в достаточной степени обеспечивала присутствие немногочисленных прихожан села Арпат.

Для удобного заполнения молитвенного зала и быстрой эвакуации из него посетителей церковь имела две двери. Основная дверь располагалась традиционно – по центральной оси западного фасада. Второстепенная дверь была обращена на юг – в сторону ведущей в поселение дороги, по которой проходили молящиеся. Церковь освещалась двумя окнами, расположенными над западным входом и в алтарной апсиде.

Интерьер показателен чёткостью расположения низких пилястр с высокими подпружными арками. Равномерная удалённость их друг от друга, равно как и от поперечных стен, создавала при входе через западную дверь впечатление большой высоты и протяжённости молитвенного зала, завершавшегося на востоке алтарной апсидой. Впечатление это усиливалось направлением основного освещения через западное окно над дверным проёмом. Немаловажную роль играли также повышенное расположение капителей пилястр и поясков, окаймлявших алтарную нишу и верхний периметр стен. В отличие от других армянских церквей в Крыму пояски здесь не обрамляют пилястры с трёх сторон, а устроены только на обращённых к продольной оси лицевых поверхностях, чем усиливают внимание зрителя в направлении к алтарной апсиде. Одинаковые в сечении профили деталей интерьера составлены из полувалов с полочкой поверху и выкружкой внизу.

Оконные проёмы завершались вытесанными в цельном камне арочками. Полуциркульные навершия дверных проёмов состояли из пяти клиньев, выше которых располагались выступавшие с плоскости стены стрельчатые арки. Они имели повышенную высоту и опирались на профилированные консоли. Причём профиль был избран по типу поясков и капителей интерьера. Таковыми были художественно наиболее показательные детали убранства церкви.

Композиционные особенности и архитектурные элементы рассматриваемого церковного здания, аналогичные армянским памятникам Крыма рубежа XIII–XIV веков, позволяют датировать его указанным временем.

Церковь в селе Козы

Церковь в селе Козы (ныне Солнечная долина) принадлежит к оригинальным произведениям зодчества крымских армян. Это почти неизвестный памятник, поскольку о нём в существующей литературе, исключая наши краткие сообщения, нет каких-либо упоминаний². Отрывочные данные о памятнике разноречивы. В буклете «Армяне в Крыму» он назван церковью во имя «Святого Великомученика Георгия», а в реестре памятников истории и культуры – во имя Святого Ильи. Документально не установлена и дата возведения церкви. Реестр относит здание к X–XIII векам, а Ю. С. Асеев – к XIV столетию³. По нашему мнению, архитектурно-конструктивные

^{1*} В армянских церквях традиционного толка солея выше уровня пола молитвенного зала на 80–90 см. Низкая солея в армянской церкви является признаком того, что здание перешло к православному приходу (русскому, греческому или болгарскому) и было изменено в соответствии с православным обрядом. О снижении солеи наглядно свидетельствуют ниши в алтарной апсиде, оказавшиеся чрезмерно высоко. Такое явление наблюдается, например, в церкви Святой Богородицы в селе Сала (Грушевка). Низкую солею имеют также церкви армян греко-православного вероисповедания.

² Халпахчян О. Х. Культурные постройки крымских армян // АН. – № 39. – Москва: Architectura, 1992. – С. 32–33.

³ Асеев Ю. С., Лебедев Г. А. Архитектура Крыма. – Киев: Госстройиздат Украинской ССР, 1961. – С. 20–21.

характеристики постройки и в особенности техника возведения позволяют датировать её XII–XIII веками^{1*}.

Церковь расположена на свободном от застройки участке, на спокойном рельефе с небольшим уклоном к западу. По-видимому, в прошлом в её окружении существовала довольно плотная застройка, не позволившая устроить главный вход традиционно – с запада^{2*}, почему его вынужденно поместили у левого края южного фасада. Несомненно, по этой же причине пришлось ограничиваться высоко расположенными мелкими окнами на восточном и западном фасадах.

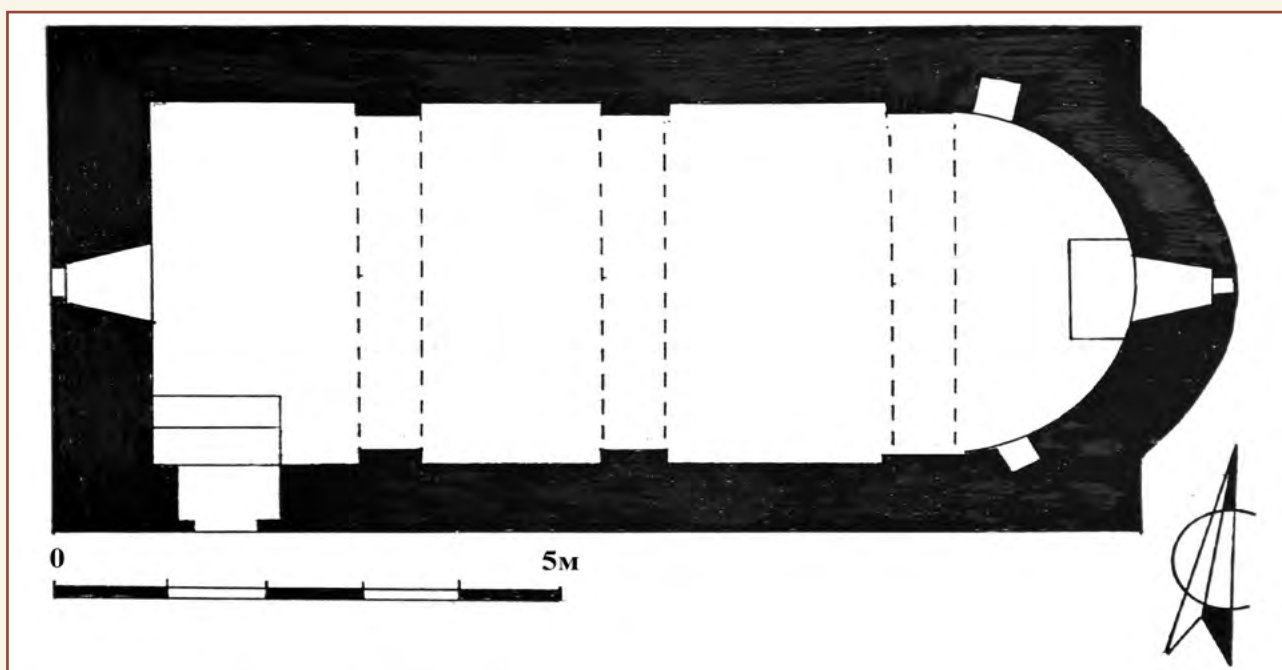
Церковь в селе Козы (Солнечная долина). Вид с юга (фото 1998 года, автор – И. С. Липунов).

Здание возведено из различных по форме и величине грубо колотых известковых камней с подтёской лицевых поверхностей, а также небольших плит, выравнивающих ряды кладки. Местами использованы более или менее правильные квадраты, которые вокруг проёмов и в углах здания выполнены с чистой подтёской лицевых поверхностей. Фасады завершаются не венчающим карнизом, а свесом кровельного покрытия из желобчатой черепицы. Штукатурка отсутствует, почему поверхность стен, особенно при солнечном освещении, получает живописность. Такое решение тем более важно, поскольку отсутствуют архитектурные детали, даже вокруг проёмов. Единственное, что бросается в глаза при обозрении сооружения, это лучковая арка дверного проёма, замыкающая большой гладкий архитрав по низу.

¹ * Материал XIII века, обнаруженный вблизи церкви, выражен фрагментами керамики и серебряными трапезундскими аспрами (см.: **Майко В. В., Джанов А. В.** Археологические памятники Судакского региона Республики Крым. – С. 130). В XVIII веке в селе обосновались греки, которым и перешла церковь. В самом начале XX века её здание было обследовано А. И. Маркевичем. Его сообщение в ТУАК содержит несколько интересных рисунков памятника (см.: **Маркевич А. И.** О древней церкви в д. Козах Феодосийского уезда // ИТУАК. – Вып. 32–33. – Симферополь: Таврическая Губернская типография, 1902. – С. 147–148). В 1871 году церковь была обмерена В. Д. Струковым (см.: **Воронин Ю.С., Сычев В. В.** Армянские памятники Крыма. Архитектура / Каталог-справочник на CD. – Симферополь, 1998. – С. 17).

² * Не совсем убедительная точка зрения, поскольку устройству входа с запада в первую очередь мешал обрывистый рельеф.

Церковь в селе Козы (Солнечная долина). Схематический план.

Церковь относится к зально-сводчатому типу с алтарной апсидой на восточной стороне. Размеры молитвенного зала, рассчитанного на присутствие 40–50 посетителей, примерно такие же, как в церкви села Арпат: ширина – 4,5 м, длина вместе с апсидой 10,4 м. Сводчатое перекрытие интерьера поддерживается тремя подпружными арками, из которых западная и средняя из-за узости помещения, опираются на консольные выступы, а приалтарная – на пилястры небольшого выноса.

Оригинальна форма алтарной апсиды. В отличие от большинства известных в Крыму армянских церквей, она выполнена в виде неполного полукруга, равного по ширине пролёту молитвенного зала. Края апсиды примыкают к приалтарным пилястрам на северной и южной стенах, что определяет её высоту на уровне сводчатого перекрытия интерьера. Таким образом алтарная конха завершает объёмную форму молитвенного зала, являясь её непосредственным продолжением на уровне свода и никак не ниже его.

Видимо, из-за небольшой глубины апсиды, алтарный стол, неподвижный по церковным канонам армян, поставлен не по центру, а у стены под восточным окном. Связанные с богослужением стенные нишки устроены по краям алтарной апсиды у пилястр.

Из-за расположения входа в западном углу южной стороны, пространство молитвенного зала воспринимается под небольшим ракурсом, что повышает художественное восприятие композиции интерьера. Этому способствует также расположение окон в центре восточного и западного фасадов, создающих достаточное освещение вдоль продольной оси интерьера.

В зависимости от внутренней формы редкое и своеобразное объёмное выражение получил и внешний вид алтарной апсиды. Она представляет промежуточное звено между апсидами, вписанными в основной объём здания и выступающими за его пределы. Будучи одной высоты с молитвенным залом апсида на восточном фасаде образует плавно очерченный, несколько меньший по ширине корпуса выступ, завершающийся конусным покрытием.

Характеристики алтарной апсиды церкви в селе Козы, неизвестные в армянских культовых сооружениях, по крайней мере, на территории Крыма, свидетельствуют об индивидуальности её зодчего, о его способности создавать уникальное по композиции архитектурное произведение.

Церковь Святого Саркиса в селе Топты

Церковь Святого Саркиса, некогда расположенная на небольшой площадке в центре средневекового села Топты (ныне Тополевка), в настоящее время находится на территории частного домовладения по адресу: ул. Озерная, 2^{1*}. Здание в полуразрушенном состоянии, отсутствует перекрытие.

Церковь Святого Саркиса в селе Тополевка. Вид с юго-востока.

Интерьер церкви Святого Саркиса в селе Тополевка. Вид на восток.

Во время обследования в 1986 году оно использовалось для летнего содержания мелкого домашнего скота.

Впервые церковь упоминается М. Бжишкяном. Из его краткого описания следует, что в начале XIX столетия здание находилось в целостном состоянии. В качестве подробности отмечается сохранность сводчатого перекрытия, поддерживавшегося пятью

^{1*} По нынешнему адресу: Шоссейная, 2.

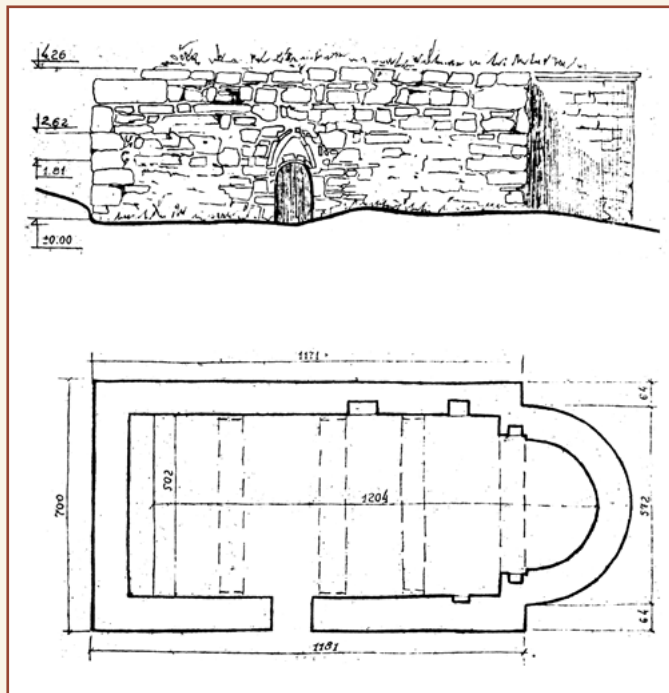

подпружными арками, а также присутствие росписей на стенах. Приводится и датированная 1387 годом надпись на хачкаре^{1*}, который вмурован в левом пролёте южной стены церкви изнутри².

В кратком описании О. Тер-Абраамяна здание церкви уже представляется как развалившееся сооружение. Факт наличия следов росписей этим автором подтверждается³.

Также кратки сведения в трудах современных авторов, в частности в перечне памятников республиканского значения⁴. Церковь возведена на левом берегу небольшой речки Мокрый Индол, протекающей через село. Она стоит параллельно руслу реки, что продиктовало ориентацию апсиды не строго на восток, а, по определению П. К. Тыглиянца, на северо-восток.

По композиции здание принадлежит к типу небольших зальных церквей со сводчатым перекрытием на пяти подпружных арках. Расстояние между арками разное. У западной торцевой стены в полу имеется ступенчатое возвышение неизвестного

Схематический план и обмер южного фасада церкви Святого Саркиса в селе Тополевка (1956 год).

Хачкар 1381 года из церкви Святого Саркиса в селе Тополевка.

^{1*} М. Бжишкян ошибся. На самом деле надпись на этом хачкаре, к счастью дошедшем до нас, датирована 1381 годом. Текст с правильной датировкой опубликован Гр. Григоряном (см.: Свод армянских надписей. – Вып. VII. – С. 117).

Недавно памятник исследован более подробно (см.: **Саргсян Т. Э.** Село Тополевка в Крыму и его армянские памятники // ВА. – № 2. – Ереван: Изд-во «Гитутюн» НАН РА, 2015. – С. 84–118; **Саргсян Т. Э.** Село Тополевка в Крыму и его армянские памятники // ИНК. – Вып. 27. – Симферополь: Антиква, 2016. – С. 48–72).

² **Бжишкян М.** Путешествие в Польшу. – С. 262.

³ **Тер-Абраамян О.** История Крыма (часть 2). – С. 126–127.

⁴ Памятники градостроительства и архитектуры Украинской ССР. – Т. 2. – С. 330.

назначения^{1*}. По-видимому, его устройство было продиктовано поднимающимся к западу скальным рельефом местности, почему единственная входная дверь помещена не традиционно – на продольной оси здания с запада, а на обращённой к речке южной стороне.

Площадь зала составляет около 50 м². В отличие от предшествующих примеров, полуциркулярная апсида полностью выступает за пределы основного прямоугольника здания, что придаёт его внешнему облику впечатление меньшей, чем в интерьере, протяжённости. Частое расположение подпружных арок на профилированных консолях создавало характерную для небольших культовых помещений интимность. Это подчёркивалось также устройством окон только на продольной оси здания: большого в западной стене, и вытянутого по высоте – в алтарной апсиде.

Хорошая освещённость интерьера несомненно благоприятствовала украшению его фигурными нишами различного назначения, хачкарами и росписями. Ниши с килевидным верхом (ширина 37 см, высота 45 см) устроены по краям алтарной апсиды визави, одна (30x38 см) в южной стене и две в северной. Ниша купели (42x85 см), завершающаяся трёхлопастным верхом, устроена в северной стене, ближе к алтарной апсиде, что соответствует традиции Армянской церкви.

Церковь Святого Саркиса в селе Тополевка. Ниша святой купели.

Хачкары различны по размерам и художественному убранству. В отрезке стены напротив входной двери помещена композиция из спаренных резных крестов. Расширяющиеся ветви крестов завершаются бутонами, а между самими ветвями изображены маленькие кресты.

---

^{1*} Следует обратить внимание на то, что в конце XIX века разрушенное здание церкви было отремонтировано собственником и превращено в амбар (См.: **Маркевич А. И.** Памятники христианства в окрестностях Бахчисарая и Карасубазара // ИТУАК. – № 29. – Симферополь: Типография Спира, 1899. – С. 109).

**Спаренный хачкар из церкви Святого Саркиса
в селе Тополевка.**

**Большой хачкар из церкви
Святого Саркиса в селе Тополевка.**

Высокая стела-хачкар (42x130 см) по левую сторону купели имеет полуциркульное изголовье. Внутри этого округления изображена розетка с равноконечным крестом. Между сильно раздвоенными концами ветвей креста помещены исходящие из центра лепестки. Внизу помещён крест простого очертания с малыми крестами по сторонам нижней ветви.

Хачкары есть и на южной стене. Два из них расположены по сторонам большой прямоугольной ниши, а скорее – вывала. Они различны по композиции, что подтверждает их разновременное происхождение. Левый (20x52 см) более прост по рисунку и элементам декора, правый (50x81 см) имеет полуразрушенную армянскую надпись, обгающую его прямоугольный периметр как своеобразная рама. Равноконечный крест, высеченный в углублении с фигурным четырёхлопастным верхом, покрыт различными мотивами – завитками и растительными побегам. По сторонам большого овала (стилизованное семя) под крестом представлена дата.

Следует отметить более сложную композицию и орнаментацию хачкаров (включая и датированный) в южной стене. Учитывая это, а также выполнение их в разное время, надо полагать о принадлежности простых по композиции хачкаров к более раннему периоду, полагаем ко второй половине XIII века, к которому следует отнести и строительство церкви.

Внешнее декоративное убранство здания весьма скромное. Основной художественный акцент рассчитывался на чёткость объёмных форм перекрытого двухскатной кровлей параллелепипеда, завершённого с восточного торца полуцилиндром с конусным покрытием. Фасады гладкие, увенчанные скошенным по низу прямоугольным карнизом. Основной архитектурный акцент – вход в церковь на южном фасаде, обведённый тёсаными блоками. Он увенчан полуциркульным верхом и помещён под нишей стрельчатого контура. Верхняя часть ниши обведена изящным архивольтом, опирающимся на фасонного профиля консоли. Тимпан внутри стрельчатого архивольта выложен кладкой и оштукатурен. Подобное решение входного проёма при солнечной погоде соз-

дает живую игру света и тени^{1*}. Судя по хронологически близким церквям аналогичного типа, оконные проёмы также имели обрамления, от которых в настоящее время ничего не сохранилось.

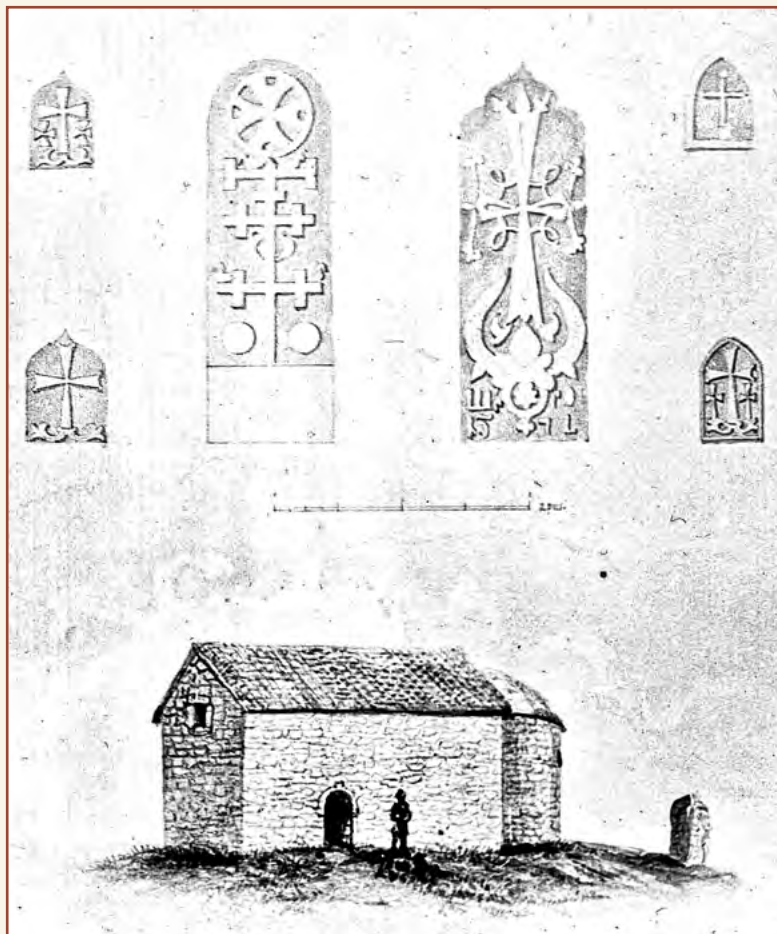
Портал церкви Святого Саркиса в селе Тополевка (фото 1998, автор – И. С. Липунов).

Из декоративных элементов убранства интерьера заслуживают внимания профилированные консоли, поддерживавшие подпружные арки, и завершающие приапсидные пилястры простые прямоугольные импосты, направляющие взгляд зрителя в сторону алтаря^{2*}.

^{1*} Следует отметить, однако, что на рисунке Д. М. Струкова, выполненном в 70-х годах XIX века, южный вход имеет другую композицию.

^{2*} Церковь Святого Саркиса в украинском реестре фигурировала как памятник национального значения. В российском реестре она имеет статус объекта культурного наследия федерального значения. Несмотря на это, церковь не восстанавливалась и активно разрушается. Неоднократные обращения к сановникам Армянской церкви также пока не дали результата.

Церковь Святого Саркиса в селе Тополевка. Рисунок Д. М. Струкова, 70-е годы XIX века.

Нововыявленная церковь в Армянской крепости в Феодосии

В 1982 году произошло примечательное событие в истории изучения средневекового зодчества крымских армян. Археологом Е. А. Айбабиной в Феодосии, на территории бывшей Армянской крепости, в крайнем восточном её углу, были обнаружены остатки церкви. Этим подтвердилось наличие в пределах крепостных стен города очередной церкви из упомянутых в источниках 29 внутригородских армянских культовых зданий¹. Открытая церковь находилась в удалении от существующих там армянских храмов, расположенных относительно компактно.

Находка вызывала большой интерес. Её изучением, кроме Е. А. Айбабиной, занялся Ю. А. Таманян, опубликовавший сообщение по архитектурной характеристике нововыявленной церкви, её обмеры и фотоснимки². Памятник фигурирует и в некоторых других работах, посвящённых армянским сооружениям Феодосии^{3*}.

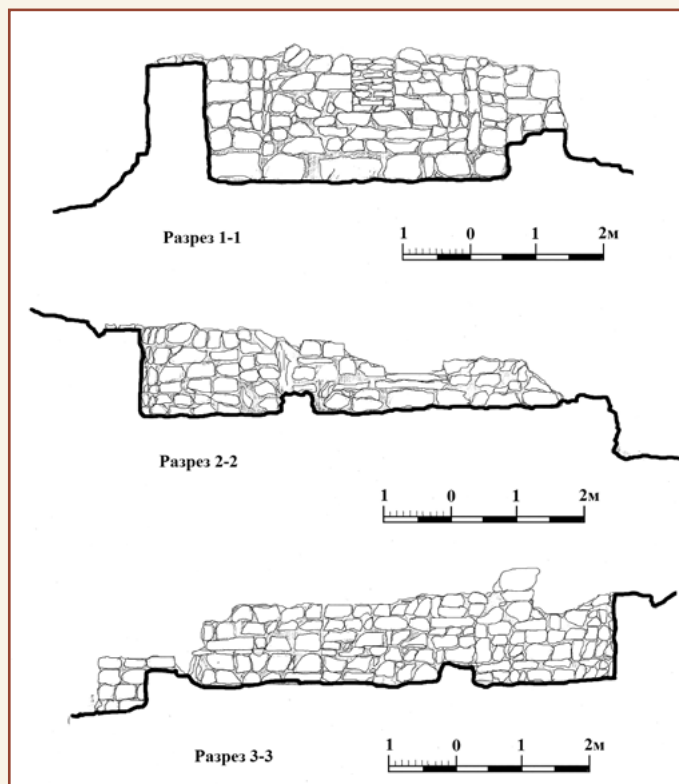
Тем не менее, описывавшие его авторы не упоминают, кому было посвящено данное культовое сооружение. Затрагивая этот вопрос, Ю. А. Таманян только отмечает, что церковь

¹ Кёппен П. О древностях южного берега Крыма и гор Таврических. – С. 28–29.

² Таманян Ю. А. Нововыявленный памятник в Феодосии. – С. 94–96.

³ * См.: **Якобсон А. Л., Таманян Ю. А.** Армянская архитектура в Крыму. – С. 40–42; **Айбабина Е. А., Бочаров С. Г.** Новые материалы по истории средневековой армянской колонии Каффы // ВВ. – Т. 57. – Москва: Индрик, 1997. – С. 211–233.

относилась к числу известных в городе¹. Некоторое разъяснение по этому вопросу можно найти в поэме, написанной в конце XVIII века, автор которой, описывая армянские церкви Кафы, конкретно указывает местоположение 24 из них, на тот момент действовавших². В ней отмечено: «[Церковь] Святой Анны на высоком месте»³. Согласно той же поэме, была и вторая церковь, стоявшая на возвышенности: «[Церковь] Святого Никогоса [Николая] – на горе»⁴. Но она упоминается в группе церквей, расположенных дальше, поэтому идентификация с ней не может быть верной. Это даёт основание предположить, что рассматриваемая церковь была посвящена Святой Анне^{5*}.

Разрезы нововыявленной церкви в Феодосии по Ю. Таманяну
(см: Нововыявленный памятник в Феодосии. – С. 96).

Датировка сооружения документально не зафиксирована. Учитывая местоположение и архитектурное построение, характерное для большинства церквей крымских армян, Ю. Таманян относит его к XIV веку⁶. Можно предположить, что после захвата полуострова турками в 1475 году и сокращения численности прихожан церковь пришла в упадок, а вследствие массового переселения крымских армян в 1778 году окончательно прекратила свою деятельность^{7*}.

В начале XIX столетия церковь находилась в запустении, почему на большей части площади её притвора было построено водохранилище, обеспечивавшее нужды карантинной службы, устроенной на территории Армянской крепости^{8*}.

В начале XIX столетия церковь находилась в запустении, почему на большей части площади её притвора было построено водохранилище, обеспечивавшее нужды карантинной службы, устроенной на территории Армянской крепости^{8*}.

¹ Таманян Ю. А. Нововыявленный памятник в Феодосии. – С. 94.

² Кушнерян Хр. История армянских переселенцев Крыма. – С. 139–141.

³ Там же. – С. 139; Григорян Гр. Новые данные об армянских эпиграфических надписях Крыма и Северного Кавказа. – С. 298.

⁴ В тех же местах.

^{5*} Сомнения О. Халпахчяна по поводу идентификации выявленной церкви с церковью Святой Анны вполне обоснованы. Последняя действительно находилась на склоне возвышенности, но вне городских укреплений. Она располагалась на окраине пригорода Кафы, известном как Քաշոտ (Qashot), недалеко от монастыря Святого Геворка (сохранилась сильно переделанная церковь по адресу: Нахимова, 32). По соседству с церковью Святой Анны (в прошлом – монастырской) находился престольный монастырь Святой Богородицы. Пребывавший в нём архиепископ правил духовными делами армян, которые проживали на здешних землях, непосредственно подвластных османам.

⁶ Таманян Ю. А. Нововыявленный памятник в Феодосии. – С. 94.

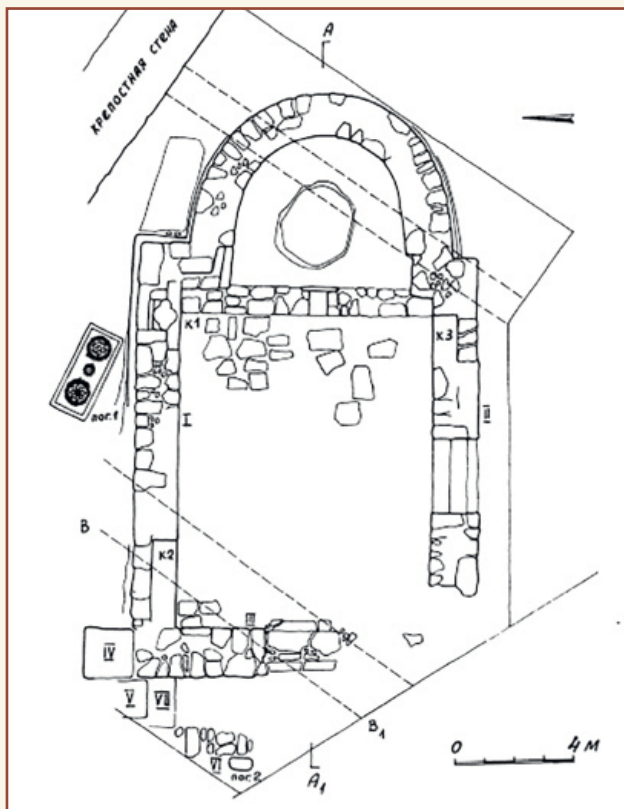
^{7*} Ю. Таманян пишет о многовековой деятельности церкви, судя по изношенности ступеней и святой купели. Он также обращает внимание на остатки стены западнее церкви, полагая, что это стена притвора. В заключении автор отмечает катастрофически плохое состояние памятника после раскопок (Таманян Ю. А. Нововыявленный памятник в Феодосии. – С. 94–96). Сегодня остатки церкви еле заметны в зарослях, под грудой обвалившихся стен.

^{8*} Резервуар, примыкающий непосредственно к руинам церкви, существует и поныне. Это огромное, уходящее в землю бетонное сооружение с двумя круглыми люками, горизонтально расположенными несколько выше дневной поверхности, и фонтаном, пристроенным к косогору.

Руины армянской церкви, выявленной в 1982 году. Современное состояние.

Схематический план нововыявленной церкви и ее окружения по Е. А. Айбабиной и С. Г. Бочарову (см: Новые материалы по истории средневековой армянской колонии Каффы». – С. 225).

Сооружение выполнено из грубо коло- того камня трахитовой породы. Основани- ем служит скальный массив, на котором почти без фундаментом поставлены отно- сительно толстые стены, имеющие неболь- шие уширения в нижних рядах кладки на восточной и северной сторонах. Отдельные места стен сложены из правильных блоков чистой тёски, образующих различ- ные по высоте ровные ряды кладки. Круп- ные квадраты применены в обрамлениях двер- ных проёмов, в купели и ступенях.

По композиции церковь принадле- жит к распространённым среди армянских культовых памятников Крыма типу не- большого сводчатого зала (4,52x8,94 м) с выступающей на восточной стороне алтарной апсидой. Как и в других, от- носящихся к XIII–XIV векам церквях крымских армян, апсида в плане полу- циркулярная, с удлинением на западе на величину толщины «плеч». В результате такого решения внешний объём сохра- нил форму полуцилиндра, а внутренний по- лучал прибавление, что усиливало впе- чатление протяжённости интерье- ра. Большие размеры апсиды (ширина 2,85 при глубине 3,35 м) и пониженная

высота молитвенного зала, способствовали их объединению. В отличие от многих культовых памятников крымских армян церковь имела солею высотой около полуметра, подъём на которую осуществлялся по трёхступенчатой каменной лестнице, устроенной у южной продольной стены, вблизи двери. В нише северной стены у алтарной апсиды сохранилась небольшая купель, а у левого края этой же стены имелась большая ниша, предназначавшаяся для церковной утвари.

Несмотря на ограниченные размеры, церковь имела две двери. Видимо, в начале существовала только южная, что подтверждается её пролётом шириной в 1,30 м. Западная дверь появилась, очевидно, после пристройки притвора. В связи с пониженной отметкой пола молитвенного зала, за обоими входами устроены ступени. Полагаем, интерьер освещался двумя окнами. Одно частично сохранилось в алтарной апсиде. Окно в западной стене, предположительно, существовало до пристройки притвора.

Размеры появившегося в середине XIV века притвора определить не представляется возможным. Можно констатировать, что он, судя по фрагменту стены, примыкающему к северо-западному углу церкви, был примерно на один метр шире молитвенного зала. Поэтому план его, показанный на чертеже реконструкции^{1*}, изображён условно, в пропорциональной зависимости от размера молитвенного зала. Несомненно, это было перекрытое сводом прямоугольное помещение с дверью на западной стороне, выше которой имелось освещавшее интерьер окно.

Нововыявленная церковь показательна чёткостью планировки и гармоничностью пропорций.

Надвратная церковь крепости Фуна

Средневековое укрепление Фуна дошло до нас в руинах. Находясь на границе между владениями генуэзцев и феодоритов и являясь форпостом последних, оно имело важное стратегическое значение на пути, ведущем из центральных районов полуострова к южному побережью.

Фуна занимает вытянутую с запада на восток небольшую возвышенность (размеры 56x106 м) у западного подножия горы Демирджи, севернее села Лучистое Алуштинского района². Обороноспособность её с юга обеспечивалась скальными обрывами, с остальных сторон – крепостными стенами толщиной от 1,6 до 2,7 м. Единственная дорога подходила к северо-восточному углу укрепления, где находились наружные ворота. За ними, несколько дальше, следовала архитектурная доминанта комплекса – корпус внутренних ворот с надстроенной церковью.

Историческое прошлое крепости Фуна, возведённой после образования княжества Феодоро – по нашему предположению, на рубеже XIII–XIV веков – таит в себе много вопросов. Изучение памятника с начала XIX столетия свидетельствует о неоднократных его восстановлениях, сопровождавшихся усилением оборонительных стен и появлением новых зданий. Постройки Фуны пострадали не только от вражеских нападений, но и от землетрясений. Катастрофическое землетрясение 1927 года стало причиной окончательной их гибели.

---

^{1*} План реконструкции не сохранился.

² Кирилко В. П. Надвратная церковь средневекового укрепления Фуны. Датировка и атрибуция // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII–XVI вв. – Ростов-на-Дону: Изд. Ростовского университета, 1989. – С. 62–73.

Фуна. Руины укрепления и надвратной церкви. Вид с северо-востока.

Княжество Феодоро представляло собой серьёзную политическую силу на полуострове и с его правителями считались не только генуэзцы, но и владевшие большей частью полуострова татары. Деловые связи были налажены и с различными странами, в частности с Московией. Учитывая армянское происхождение правителей Феодоро – князей Гаврасов-Таронитов, армяне, а точнее армяне-халкидониты, к каковым относились Гаврасы-Тарониты, имели значительное влияние на общественно-политическую жизнь княжества. Активное участие они принимали и в строительстве оборонительных сооружений, в том числе и Фуны.

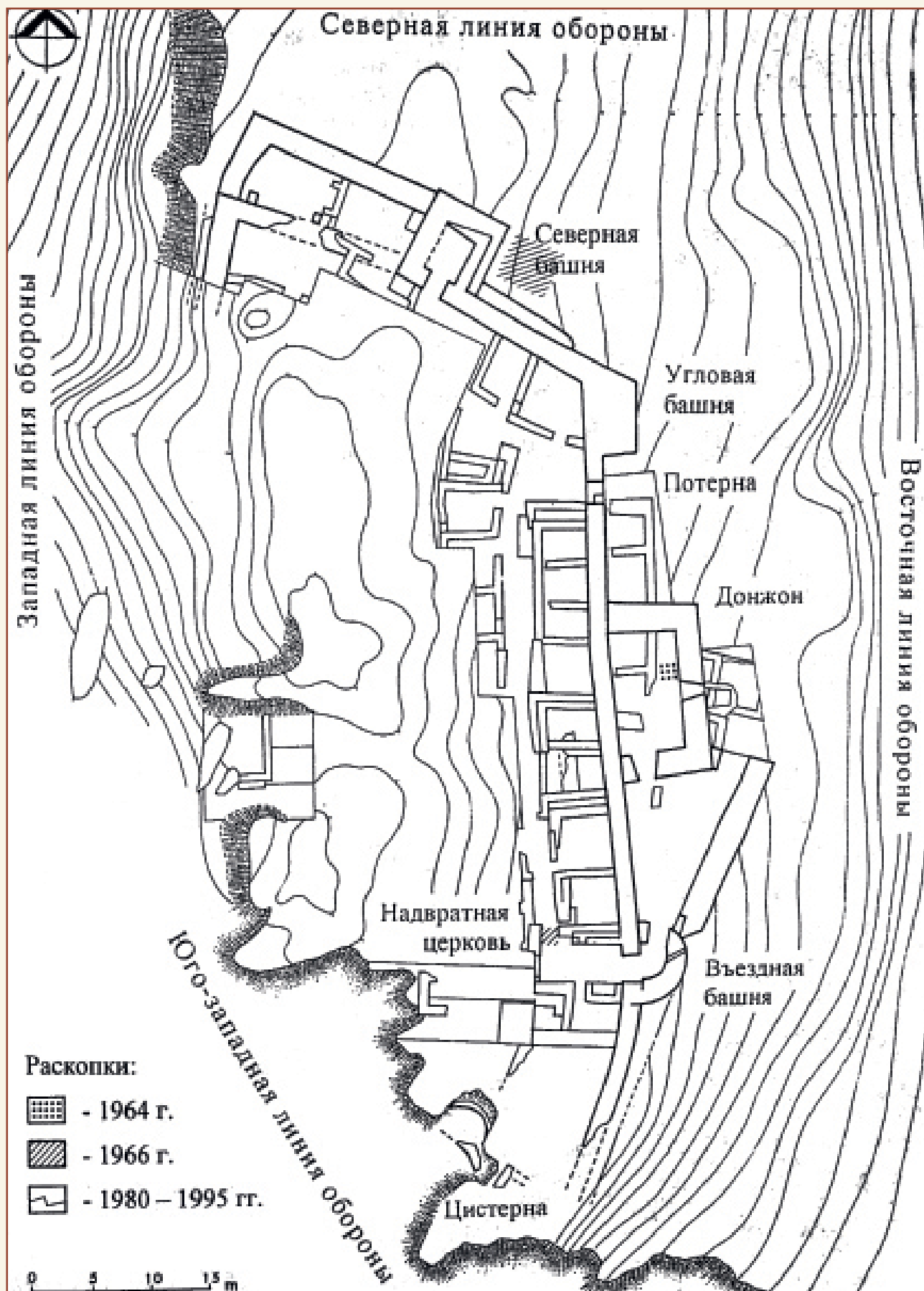
Разумеется, вначале были возведены основные крепостные постройки – стены, жилища для воинов гарнизона, склады, а затем уже надвратная церковь. Крепостные ворота в зависимости от рельефа местности находились несколько ниже отметки пола следовавшего за ними открытого коридора. Высота их минимальная, достаточная для прохода вьючных животных, что облегчало защиту.

Корпус внутренних ворот выступает за линию восточной стены укрепления в виде объёма неправильной полуциркульной формы. Он состоит из трёх арочных въездных проёмов и расположенных между ними двух помещений. Первый проём (ширина 1,5 м) стоит напротив наружных ворот, а второй – под углом к первому. Оба имеют значительную глубину (более 1 м) и выложенное кладкой арочное завершение. Напротив второго проёма, несколько дальше по коридору, располагался третий проём, который выводил во двор укрепления. Дуга, обводящая стрельчатую арку этого проёма, была собрана из тёсаных клиновидных блоков и опиралась на колонны. Составляющие корпуса внутренних ворот некогда были «объединены» под деревянной кровлей.

Время появления надвратной церкви точно не известно. По мнению В. П. Кирилко, датой её возведения следует считать 1459 год, указанный в высеченной на закладной плите четырёхстрочной греческой надписи. Учёный связывает эту посвятельную надпись как со строительством донжона и одновременными с ним восстановительными работами, так и с возведением надвратной церкви¹.

---

¹ Кирилко В. П. Надвратная церковь средневекового укрепления Фуны. Датировка и атрибуция. – С. 66 и 72.

Фуна. План укрепления (заимствован из книги В. П. Кирилко «Крепостной ансамбль Фуны (1423–1475 гг.)». – С. 31).

Фуна. Внутренние ворота укрепления.

Учитывая архитектурно-художественные особенности и тип церкви, её следует отнести к концу XIII – началу XIV веков, когда стало возрастать могущество Феодоро, требовавшее укрепления оборонительных рубежей княжества. В связи с важным стратегическим значением Фуны, должное внимание было уделено повышению её обороноспособности. Максимально усилилась и застроилась небольшая (всего в 0,5 га) площадь укрепления, а церковь была помещена над корпусом внутренних ворот, чего вполне допускали размеры этого строения и, особенно, полуциркулярная на восточной стороне, пригодная для апсиды форма плана.

Двухъярусная композиция с надвратной церковью – исключительное явление в истории культового зодчества Крыма. Нахождение церкви над корпусом внутренних ворот не нарушало функционального назначения последних. Сохранялся основной вход в укрепление и назначение бойницы в полукруглой стене для его защиты. С целью повышения обороноспособности этого участка, позднее с севера и с юга были возведены дополнительные стены, контрфорсы, утолщены основания, устроены откосы для отбрасывания рикошетом камней, сбрасываемых защитниками.

Церковь Фуны нельзя отнести к числу двухэтажных храмов с усыпальницей на первом и молитвенным залом на втором этажах. Таковые не известны в Крыму, но практиковались в Армении, на Кавказе и в странах Балканского полуострова. Основываясь на том, что у внутреннего корпуса ворот был обнаружен аркосолий с погребальной камерой, в которой, тем не менее, не сохранилось, а возможно и не имелось захоронения, В. П. Кирилко отнёс надвратную церковь к разряду поминальных¹. Однако во всех известных двухэтажных церквях-усыпальницах нижний этаж никогда не был проходным. Он имел единственное поминальное назначение, чего в данном случае не наблюдаем. Поэтому, думается, правильнее отнести памятник к типу чисто надвратных церк-

¹ Кирилко В. П. Надвратная церковь средневекового укрепления Фуны. Датировка и атрибуция. – С. 67.

вей, какой является весьма показательная церковь XI века Сурб Аствацацин (Святой Богородицы) над восточным входом в монастырь Татэва¹.

Надвратная церковь Фуны постоянно действовала, почему и находилась в неплохой сохранности. С учётом довольно обширной площади молитвенного зала (около 50 м²), можно заключить, что ею пользовались не только воины гарнизона крепости, но и жители близ расположенных небольших селений, не имевшие своего храма. После переселения христиан из Крыма в 1778 году здание церкви стало разрушаться, а землетрясение 1927 года превратило её в руину, растаскиваемую населением ближайших сёл на стройматериал.

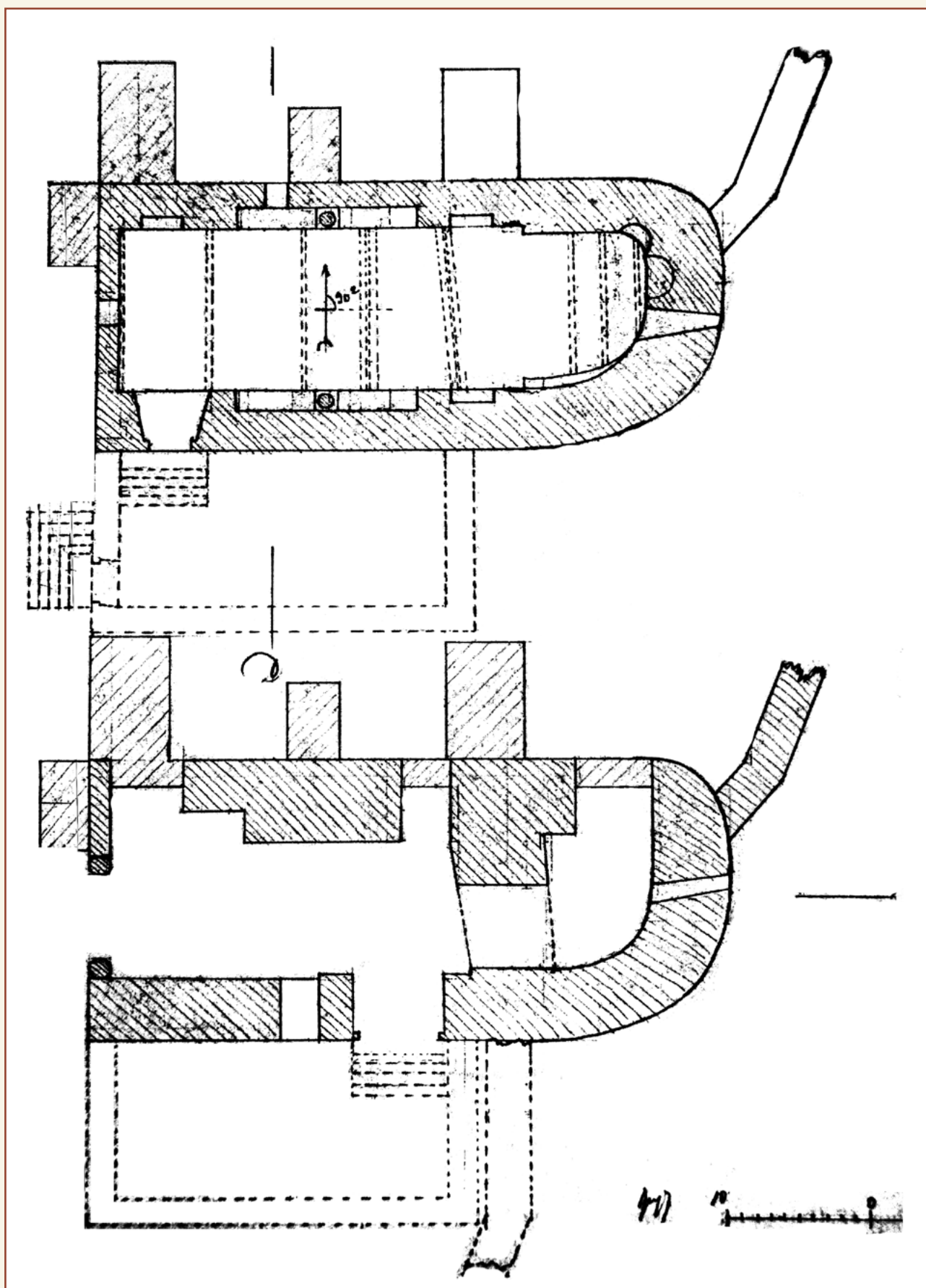
Фуна. Внутренние ворота укрепления. Вид с северо-запада.

Крепость Фуны, в основном корпус её внутренних ворот с надстроенной церковью, освещалась в публикациях многих авторов. Как справедливо отмечает В. П. Кирилко, ранние сведения, например, у Ф. Дюбуа де Монпере, отличаются краткостью описания, схематичностью и неточностью изображений, с указанием принадлежности памятника грекам из-за недостаточной его изученности. Более достоверные данные приведены в работах А. Л. Бертье-Делагарда, Е. В. Веймарна, К. К. Когонашвили и О. А. Махневой. Наиболее же подробной, резюмирующей все предшествующие публикации является упомянутая выше работа В. П. Кирилко^{2*}.

¹ **Халпахчян О. Х.** Архитектурные ансамбли Армении. – Москва: Искусство, 1980. – С. 160, 167.

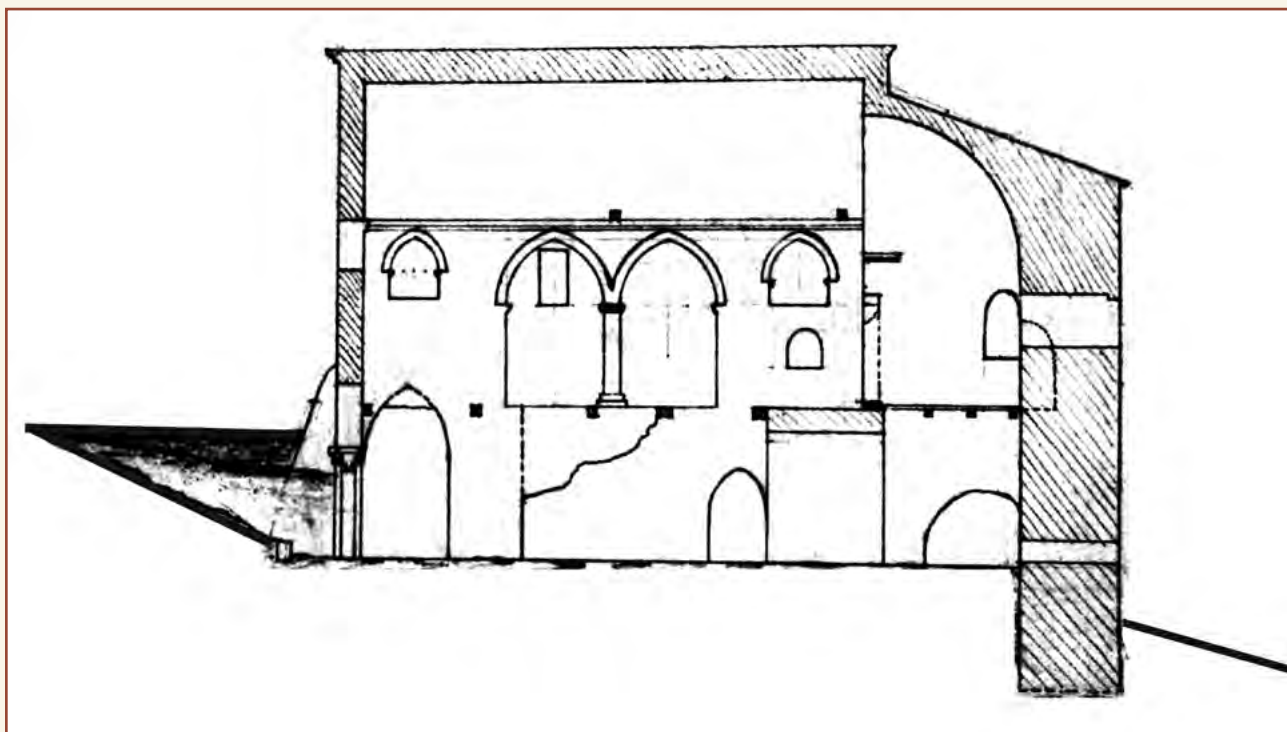
^{2*} Итоги последних по времени исследований, которые В. П. Кирилко обобщил в отдельной монографии, показывают, что укрепление построено весной-летом 1423 года. К концу того же года оно разрушается вследствие мощного землетрясения, в 1425 году восстанавливается, но вскоре вновь погибает из-за пожара. Основательная реконструкция ансамбля Фуны и превращение его в замок происходит в 1459 году. К этому году относится и возведение надвратной церкви. (см.: **Кирилко В. П.** Крепостной ансамбль Фуны 1423–1475 гг.). – Киев: Изд. дом «Стилос», 2005. – С. 238).

Фуна. Обмер внутренних ворот и надвратной церкви,
выполненный А. Л. Бертье-Делагардом в 1889 году (заимствован из книги В. П. Кирилко
«Крепостной ансамбль Фуны (1423–1475гг.)». – С. 23).

Участие армян в строительстве Фуны и её надвратной церкви впервые отметил А. Л. Бертье-Делагард, обследовавший комплекс с выполнением обмеров и фотофиксации в 1889 году. Основываясь на геноузских данных XV века, он фиксирует ведущую роль в строительстве крепости феодала армянского происхождения Дербиберда (в расшифровке Тер-бей-Бедрос), указывая также на «турецко-армянский» характер декора на перемычке, венчавшей вход в надвратную церковь, и «явно армянский стиль» сооружения самой надвратной церкви¹. О. И. Домбровский, усматривая в памятнике наличие «армяно-малоазийских и восточно-византийских элементов», считает Фуну укреплённым монастырём².

Фуна. Продольный разрез внутренних ворот и надвратной церкви, составленный А. Л. Бертье-Делагардом в 1889 году (заимствован из книги В. П. Кирилко «Крепостной ансамбль Фуны (1423–1475 гг.)». – С. 24).

К. К. Когонашвили и О. А. Махнева, основываясь на археологических данных и анализе исторических сведений, датируют церковь концом XIII века, подчёркивая существенные её изменения в XVII–XVIII веках³. В отличие от них, А. Л. Яacobсон относит памятник к XVII веку, утверждая, что в этом здании и в его декоре нет «абсолютно ничего армянского и византийского»⁴. Значительные работы по изучению Фуны проводятся Горно-Крымской экспедицией ОАК ИА АН УССР под руководством В. Л. Мыца. В про-

¹ **Бертье-Делагард А. Л.** Каламита и Феодоро // ИТУАК. – № 55. – Симферополь: Тип. Таврич. Губернск. Земства, 1918. – С. 25–26; **Бертье-Делагард А. Л.** Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // ИТУАК. – № 57. – Симферополь: Тип. Таврич. Губернск. Земства, 1920. – С. 1–135.

² **Домбровский О. И.** Средневековые поселения и «исары» Крымского побережья // Феодальная Таврика. Материалы по истории и археологии Крыма. – Киев: Наукова думка, 1974. – С. 44.

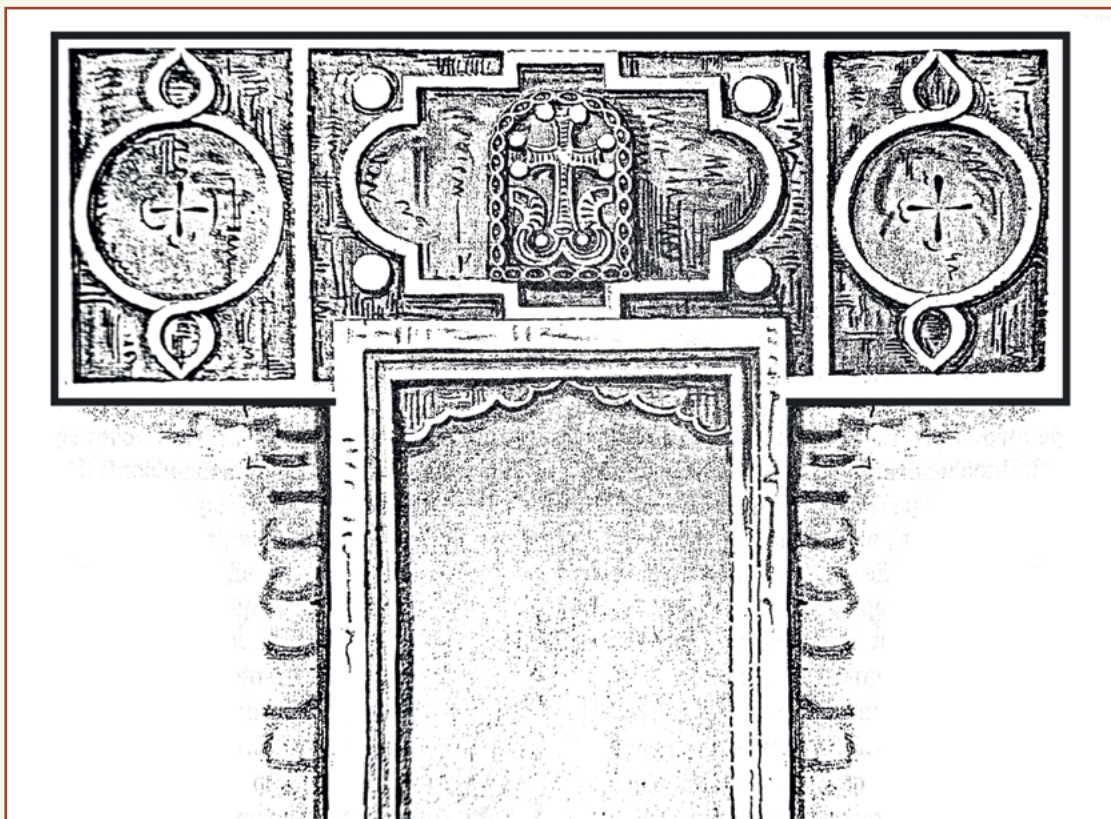
³ **Когонашвили К. К., Махнева О. А.** Алустон и Фуна. – Симферополь: Крым, 1971. – С. 82; **Когонашвили К. К., Махнева О. А.** Средневековая Фуна // Феодальная Таврика. Материалы по истории и археологии Крыма. – Киев: Наукова думка, 1974. – С. 116–118.

⁴ Рецензия / **Яacobсон А. Л.** // ВВ. – Том. 38. – Москва: Изд. Акад. Наук СССР, 1977. – С. 198. – Рецензия на книгу: Феодальная Таврика. Материалы по истории и археологии Крыма. – Киев, 1974. – 216 с.

цессе этих работ выявляются ценные сведения о фортификации, архитектурно-художественных и конструктивных особенностях крепостных построек, определяющих историческую ценность памятника¹.

Письменных сведений о возведении церкви, по-видимому, не существует (о ней не указывается в упомянутой греческой надписи 1459 года), почему судить о времени её строительства и строителях можно только на основании анализа архитектурно-художественных особенностей. Несомненно, надвратная церковь принадлежала к распространённым на территории Крыма однонефно-сводчатым сооружениям с полуциркулярной алтарной апсидой на восточной стороне. Судя по обмерам, составленным А. Л. Бертье-Делагардом, чётко выстроенный внешний объём здания имел гладкие стены, выложенные из тёсаного камня, и акцентированный резной орнаментированной перемычкой портал на южной стороне. Небольшие окна фактически не имели украшений.

Фуна. Рисунок южного портала надвратной церкви, опубликованный Дюбуа де Монпере в 1843 году (заимствован из книги В. П. Кирилко «Крепостной ансамбль Фуны (1423–1475 гг.)». – С. 19).

Показательны характеристики здания: переменчивая ширина как молитвенного зала, так и алтарной апсиды, отсутствие «плеч» по сторонам последней, отсутствие системы подпружных арок, поддерживавших стрельчатый свод, что придавало интерьеру определённое художественное своеобразие. Этому в значительной степени способствовали и спаренные стрельчатые ниши с колонкой посередине, устроенные в северной и южной стенах визави. Это уникальный приём, позволивший расширить среднюю, обычно многолюдную, часть молитвенного зала на один метр. Не исключена возможность выполнения ниши под влиянием схожего элемента из монастыря Арич в Ар-

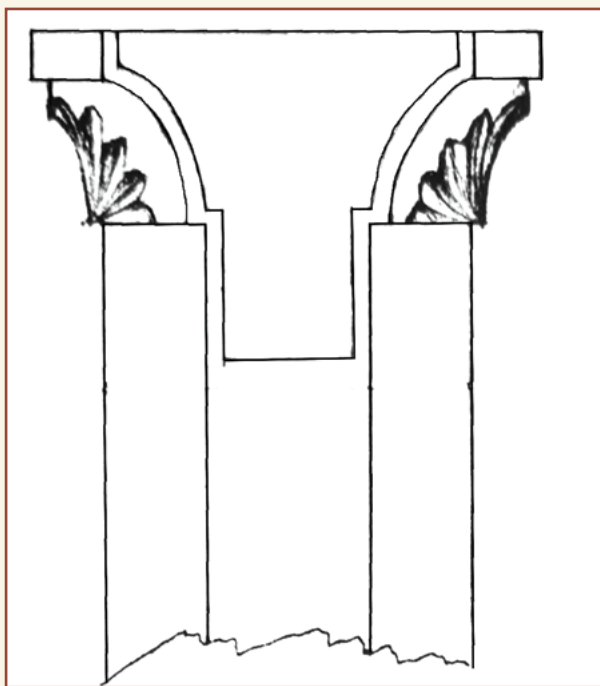
¹ Кирилко В. П. Надвратная церковь средневекового укрепления Фуны. Датировка и атрибуция. – С. 64, 66; Мыц В. Л. Укрепления Таврики X–XV вв. – Киев: Наукова думка, 1991. – С. 38–42, 150–151.

мении. Подразумеваются аркатуры западных приделов второго этажа монастырской церкви, относящейся к концу XII – началу XIII веков¹.

По глубине алтарная апсида соответствовала полукруглому объёму корпуса внутренних ворот, выступающему с поверхности восточной крепостной стены. Но поскольку канон Армянской церкви предписывает выполнение богослужения исключительно на неподвижном алтаре, то апсида была несколько выдвинута вперёд, в результате чего появилась возможность поместить святой алтарь на широкой второй арке корпуса внутренних ворот. В северной стене церкви, ближе к алтарю, имелась небольшая ниша с арочным верхом – возможно святая купель.

Освещение интерьера было ограниченным, но вполне достаточным. Свет поступал из небольших окон на западной и восточной сторонах, расположенных, соответственно, под щипцом и в апсиде. Третье окно, как исключение, располагалось в северной стене – в нише. Единственная входная дверь в церковь, шириной в 85 см, в зависимости от нахождения здания устроена на втором этаже. Она расположена у левого края южного фасада, что, тем не менее, вполне обеспечивало заполнение внутреннего пространства и эвакуацию посетителей. Такой приём не является исключением в практике крымских армян. Он известен по церкви в селе Козы, находящегося на юго-восточном побережье, севернее Судака.

Заслуживает внимания декоративно-орнаментальное убранство сооружений укрепления. Как уже говорилось, широкий западный въездной проём, выводящий во двор

Фуна. Капитель, украшавшая арочный проем на западном фасаде внутренних ворот. Обмерен А. Л. Бертъе-Делагардом в 1889 году (рисунок заимствован из книги В. П. Кирилко «Крепостной ансамбль Фуны (1423–1475 гг.)». – С. 26).

крепости, завершался аркой, опиравшейся на колонны. Восьмигранные колонны были поставлены в толще стены, что даёт основание предполагать об отсутствии здесь заполнения – дверных полотен. Фусты колонн были выполнены из цельных каменных блоков, на одном из которых, на обращённой к стене грани, виднелся знак выполнившего его мастера. Это вторая буква армянского алфавита «Բ» (Б), свидетельствующая о национальной принадлежности исполнителя. Можно предположить, что ею начиналось имя или прозвище строителя. Буква довольно большая – 11,5x4,5 см. Выполнена она треугольным углублением в 3 мм, острым металлическим инструментом, как это делалось мастерами средневековой Армении. Показательно, что буква изображена перевёрнутой, что даёт основание предположить о вторичном использовании фуста в обратном положении^{2*}.

Не меньший интерес представляет капитель колонны, существовавшая в начале XIX столетия. Временами она считалась

утраченной, потом дважды обнаруживалась, а в настоящее время от неё остались только небольшие фрагменты³. По словам В. П. Кирилко, её впервые зарисовал художник

¹ Халпахчян О. Х. Архитектурные ансамбли Армении. – С. 266, Илл. 8–9.

^{2*} Возможно также, что это была буква «Ե» (Е) в зеркальном расположении.

³ Веймарн Е. В. Дневник археологических работ Бахчисарайского горного отряда Тавро-Скифской экспедиции ИИМА АН СССР и ГМИИ им. А. С. Пушкина, 1947 год // Архив ОАК ИА АН УССР. – Шифр А № 1/3. – 1957. – С. 21–22 (фото № 170–172); Когонашвили К. К., Махнева О. А. Алустон и Фуна. – С. 80.

Паскаль в 1821 году, а в 1889 году обмерил А. Л. Бертье-Делагард. Считая этот обмер неточным, В. П. Кирилко реконструировал капитель по изученным остаткам. Предложенный им вариант несколько отличается от обмера 1889 года.

По нашему мнению, произошло недоразумение. Исследователи обмеряли не одну и ту же капитель, а две разные, но однотипные. Одна из них, видимо, украшала западные ворота, выводящие во двор укрепления, а другая – одну из композиций со спаренными нишами в молитвенном зале. Колонны, поддерживавшие их, имели примерно одинаковую высоту.

По своей форме капители довольно просты. Они представлены в виде каменного объёма высотой в полуметра. Верхняя, квадратная в срезе часть переходит в нижнюю восьмигранную. «Связывающие» их дуговидные переходы украшены стилизованными акантами. Подобные угловые срезы, или сталактиты, часто практиковались как в средневековых памятниках Крыма, так и Армении, почему причисление О. А. Махневой капителей Фуны к «типичному и широко распространённому поздневизантийскому варианту коринфской капители»¹ не имеет достаточно оснований.

В отличие от западного входа корпуса внутренних ворот, ведущий непосредственно в церковь южный вход, ввиду его нахождения в стороне от основного пути движения обитателей укрепления, выполнен значительно проще. Единственным его украшением является резная перемычка, или архитравный блок.

Фуна. Хачкар, вставленный в южный портал надвратной церкви. Рисунок Дюбуа де Монпере, опубликованный в 1843 году (рисунок заимствован из книги В. П. Кирилко «Крепостной ансамбль Фуны (1423–1475 гг.)». – С. 19).

Единственным его украшением является резная перемычка, или архитравный блок.

Как полагают некоторые учёные, архитрав относится ко времени возобновления церкви, что, по-видимому, соответствует действительности. А. Л. Бертье-Делагард, изучивший резьбу на нём, считает её армянской. Поверхность плиты разделена на три части. Соответствующая ширине входного проёма средняя часть содержит прямоугольное поле с полукружиями по сторонам (видимо предназначавшаяся для надписи) и расположенные в углах небольшие розетки. Узкие боковые части также заполнены розетками с лепестками по верху и низу. Орнаментация розеток различная – растительная и геометрическая. При этом, и композиция, и мотивы свидетельствуют о декорировании архитрава армянским резчиком.

Особый интерес представляют довольно часто встречающиеся в Крыму небольшие армянские хачкары. На территории крепости Фуна они известны по рисункам Ф. Дюбуа де Монпере и Д. М. Струкова. По сохранившимся в архиве ЛОИА АН СССР^{2*}

полевым записям последнего, увиденный им хачкар помещался в «нише оградной стены храма»³. Судя по рисункам, в центре располагался относительно простой по форме процветший крест на пальметочном основании. Периметр плиты был обведён плетё-

¹ Когонашвили К. К., Махнева О. А. Алустон и Фуна. – С. 60.

² * В 1991 году на основе Ленинградского отделения Института археологии АН СССР (ЛОИА) образован Институт истории материальной культуры Российской Академии наук.

³ Струков Д. М. Отчёт о поездке в Крым в 1871 году. – Архив ЛОИА АН СССР. – Ф. 35 (1872). – Л. 12.

ными жгутами. Интерес представляет верхнее очертание плиты. В одном случае оно показано полукруглым, в другом прямоугольным, что вместе с разной формой жгутов и пальметочных оснований, позволяет предполагать о существовании двух хачкаров¹.

Фуна. Хачкар. Рисунок Д. М. Струкова, выполненный в 70-х годах XIX века (рисунок заимствован из книги В. П. Кирилко «Крепостной ансамбль Фуны (1423–1475 гг.)». – С. 20).

Заслуживает упоминания особенность кровельного покрытия церкви. Найденные при раскопках каменные фрагменты подтверждают, что покрытие было сделано не из черепицы, а из каменных плит, практиковавшихся в армянских культовых постройках не только средневековой Армении, но и Крыма. Учитывая высокое качество таких покрытий, генуэзское начальство советовало своим соотечественникам применять их при сооружении цистерн в Кафе².

Церковь крепости Фуна – единственный пример надвратного культового сооружения на территории Крыма. Показательны неизвестные в практике крымских армян объёмно-пространственная композиция и архитектурные детали, которые придают памятнику индивидуальность. Надо надеяться, что последующие археологические исследования обнаружат новые интересные данные о прошлом этого уникального архитектурного комплекса.

Церковь крепости Фуна – единственный пример надвратного культового сооружения на территории Крыма. Показательны неизвестные в практике крымских армян объёмно-пространственная композиция и архитектурные детали, которые придают памятнику индивидуальность. Надо надеяться, что последующие археологические исследования обнаружат новые интересные данные о прошлом этого уникального архитектурного комплекса.

Макет крепости Фуна, демонстрирующийся на территории памятника.

¹* Хачкар, изображённый Дюбуа де Монпере, очевидно, является фрагментом, украшавшим резной архитрав над входом в церковь. Изображённый Д. М. Струковым хачкар отличается от предыдущего как по конфигурации, так и по стилизации креста и символического дерева жизни. Несомненно, хачкары разные, но выполнивший их мастер, скорее всего, один и тот же.

² **Колли Л. П.** Каффа в период владения ею Банком св. Георгия (1454–1475) // ИТУАК. – № 47. – Симферополь: Тип. Таврич. Губернск. Земства, 1912. – С. 82.

Армянские церкви в Судак

Время появления армян в Судак документально не установлено, почему одни историки относят возведённые ими здесь церкви к X веку, другие к более позднему времени¹. В русских летописях, отмечающих Судак под названием «Сурож», неоднократно упоминаются «гости-сурожане» или «сурожские купцы», которыми, как показывает исследование Л. С. Хачикяна, являлись крымские армяне². Наиболее раннее из этих упоминаний, содержащееся в Ипатьевской летописи, относится к 1288 году и свидетельствует о пребывании «сурожцев» во Владимире-Волынском³. Веским подтверждением присутствия в Судак многолюдной армянской общины в конце XIII века является приписка в греческом синаксаре о праздновании армянами кривой пасхи, датированная 1292 годом⁴. Армяне принимали самое активное участие в коммерческих операциях турок-сельджуков с половцами и русскими через Сурож–Судак, служивший одним из важных перевалочных пунктов торгового пути из Малой Азии в половецкие степи, Русь, Булгары и далее на восток^{5*}. Сказанное фиксирует существование здесь в XIII веке экономически развитой армянской торговой общины, имевшей связи с сопредельными с полуостровом странами. И хотя время возникновения этой общины, а также численный её состав ещё предстоит определить, понятно, что, по крайней мере, в XIII веке армянская церковь здесь уже должна была существовать.

С утверждением генуэзцев в Судак в 1364 году и постройкой мощной крепости армянское население значительно расширило своё пребывание, возведя новые жилые, общественно-производственные и культовые сооружения^{6*}. Вначале оно расселялось компактно в своих кварталах, находившихся в предместье. Наиболее ранний из таких кварталов, видимо, располагался к северо-западу от главных ворот крепости, на территории посёлка Уютное, где сохранилась одна армянская церковь. Позднее армяне стали возводить свои кварталы в разных местах расширившейся городской застройки и даже на территории крепости. М. Бжишкян поимённо упоминает о существовавших в Судак трёх армянских духовных центрах: монастырской церкви Святого Геворка с разрушенным сводом, церкви Святой Богородицы в армянском селе, земля и сад которой продолжали оставаться в принадлежности армян, и церковь Святого Степано-са. Все они располагались у побережья, в направлении «холма Кеок Таш»⁷.

¹ Памятники градостроительства и архитектуры Украинской ССР. – Т. 2. – С. 298; Армяне в Крыму (карта-буклет).

² Хачикян Л. С. Армяне в древней Москве и на путях, ведущих в Москву. – С. 62–69.

³ Полное собрание русских летописей. – Т. 2. – III. Ипатьевская летопись. – СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1843. – С. 220.

⁴ Архимандрит Антонин. Заметки XII–XV века, относящиеся к крымскому городу Сугдее (Судак), приписанные на греческом Синаксаре. – С. 609 (№ 88).

⁵ * Марко Поло, хорошо знавший Судак (Soldadia) второй половины XIII века, вообще называет его «портовым городом Армении» (см.: [Bergeron P.] Voyages faits principalement en Asie dans les XIIe, XIIIe, XIVe et XVe siècles, par Benjamin de Tudèle, F.-J. du Plan Carpin, F. Ascelin, Guillaume de Rubruquis, Marc-Paul Vénitien, Haiton, Jean de Mandeville et Ambroise Conlarini: accompagnés de l'histoire des Sarrasins et des Tartares, et précédés d'une introduction concernant les voyages et les nouvelles découvertes des principaux voyageurs, par Pierre Bergeron. – Т. I. – la Haye: Chez Jean Neaulme, 1735. – L. 1. – Ch. 1. – Col. 9–12). В контексте ранней истории армян Судака следует вспомнить также о присутствии «Жития Стефана Сурожского» в армянских агиографических сборниках, составленных в Крыму. Известный наиболее ранний список этого жития, нехарактерного для армянского Айсмавурка (Минологии), относится к 1316 году (см.: Bozoyan A. La vie Arménienne de saint Étienne de Sougdaia // La Crimée entre Byzance et le Khaganat Khazar / Ed. C. Zuckerman. – Paris: Centre de recherche d'Histoire et Civilisation de Byzance, 2006. – P. 87–108).

⁶ * Основываясь на одной армянской литографии, М. Бжишкян утверждает, что для обеспечения обороноспособности Судака генуэзцы переселили сюда часть армян Кафы, уже достигших определённого могущества (см.: Бжишкян М. Путешествие в Польшу. – С. 318).

⁷ Бжишкян М. Путешествие в Польшу. – С. 318. Халпахчян О. Х. Памятники крымских армян в Судак // Архитектура мира. Материалы научной конференции «Проблемы истории архитектур». – Вып. I. – Москва: ВНИИТАГ, 1992. – С. 21–23.

Одна из армянских церквей, находящаяся в посёлке Уютном, в своде «Памятники градостроительства и архитектуры Украинской ССР» названа именем Святой Параскевы¹. Она расположена позади клуба, занявшего здание лютеранской кирхи^{2*}. Это небольшое здание с площадью молитвенного зала около 20 м² претерпело неоднократные (включая и коренные) перестройки, о чём свидетельствует несовпадение основных стен с фундаментами, выступающими по всему внешнему периметру сооружения.

Церковь в Судаке, на территории бывшего села Уютное (фото 1997, автор – И. С. Липунов).

Исследованием А. И. Полканова, выполненным в середине XX столетия, установлено наличие следов различных по времени кладок. По его мнению, первоначально был возведён «греко-византийский» храм, впоследствии разрушенный татарами в период правления хана Узбека. Он полагает, что на фундаментах этого храма армяне построили свою церковь, которая неоднократно восстанавливалась и «как бы отражает всю историю Судака, подвергавшегося многочисленным нападениям и разрушениям»³.

¹ Памятники градостроительства и архитектуры Украинской ССР. – Т. 2. – С. 298.

² *Посёлок ныне входит в состав города Судака. Что касается названия «Святой Параскевы», которым церковь именована в своде, то оно перенято у архиепископа Гавриила (см.: **Гавриил, архиепископ Херсонский и Таврический**. Остатки христианских древностей в Крыму. Уезд феодосийский // ЗООИД. – Т. I. – Одесса: Городская типография, 1844. – С. 326). М. Бжишкян в поселении лютеран упоминает две небольшие заброшенные церкви, не называя имён и не связывая их с армянами (см.: **Бжишкян М.** Путешествие в Польшу. – С. 317). Тем не менее, рассматриваемый памятник имеет ярко выраженные армянские черты. К их числу относятся наличие крестильной купели (несколько изменена) в северной стене ближе к алтарю, следы алтарного возвышения, резные орнаменты на восточном фасаде. Примечательны также керамические сосуды, уложенные между сводом и черепичной кровлей (см.: **Майко В. В., Джанов А. В.** Археологические памятники Судацкого региона Республики Крым. – С. 187). Этот широко распространённый в средневековой архитектуре приём улучшал акустику внутри здания и уменьшал тяжесть свода. В культовой архитектуре крымских армян он на данный момент зафиксирован также в церквях Спасителя близ села Богатое и Святого Саркиса в Феодосии.

³ **Полканов А. И.** Судака. Историко-краеведческий очерк. – Симферополь: Крымиздат, 1957. – С. 130.

Церковь в Судакe, на территории бывшего села Уютное. Вид с северо-востока.

Современное состояние здания удовлетворительное. Оно принадлежит к типу чуть расширенных к востоку зальных церквей с полукруглой алтарной апсидой, выступающей на восточном фасаде пятигранным объёмом. Повышенное сводчатое перекрытие усилено двумя подпружными арками, опирающимися не на показательные для подавляющего большинства церквей крымских армян пилястры, а на мелкие, тонкого профиля консоли. Подобный композиционный приём был продиктован необходимостью максимально использовать площадь узкого, в среднем менее 3 м, интерьера.

Своеобразно решено навершие алтарной апсиды. Конха апсиды не полуциркулярная, как в плане, а несколько приплюснутая. Со стороны интерьера она подчёркнута чуть стрельчатой аркой, западающей внутрь конструкции перекрытия, что усиливает направленность объёмной формы свода от единственного западного входа к главной части храма – алтарю. Эта направленность подчёркивается и способом освещения помещения. Основным источником света является квадратное окно, устроенное на продольной оси здания, выше входного проёма, под перекрытием. Второстепенным источником является маленький оконный проём в апсиде^{1*}. Позднее в южной стене, где имелась высокая ниша, возможно предназначавшаяся для хачкара, было прорублено третье, ныне заложённое окно, усиливавшее освещение восточной части интерьера.

Архитектурное убранство сооружения скромное. Стены выполнены из подтёсанного с лицевой стороны бута и оштукатурены. Используются мелкого и среднего размера песчаник и известняк. Конструктивно-ответственные участки – углы стен, обрамления проёмов – сложены из тёсаных блоков известняка. Кровля основного объёма двускатная, апсида – изнутри полукруглая, снаружи пятигранная с шатровым верхом. Покрытие кровли – черепичное.

Западный фасад оживлён расположенными на его центральной оси прямоугольными проёмами – оконным и дверным, носящими следы переделки. Над скромным дверным проёмом помещена арочной конфигурации ниша, полуциркулярный верх которой

^{1*} Наличник окна в апсиде выполнен из цельного блока. Оконный проём имеет арочное завершение, а верхние углы блока украшены кружочками (по одному). Грани апсиды, чуть выше окна, обрабатаны небольшими резными розетками. В круглые по очертанию розетки вписаны семиконечные звёздочки. Эти милые составляющие декора обнаружены при ремонте церкви в 2008 году.

обведён такого же контура выступающей бровкой, прямоугольной в сечении. Внутри ниши, по-видимому, находилась роспись или надпись. Справа от двери имеется небольшая ниша со стрельчатым завершением. Назначение её не установлено^{1*}.

Церковь в Судакe, на территории бывшего села Уютное. Современный вид.

◀ **Церковь в Судакe, на территории бывшего села Уютное. Окно на апсиде.**

Вторая армянская церковь в Судакe – так называемая церковь Святых Двенадцати апостолов – находится напротив западного угла крепости, с внешней стороны, в нескольких метрах юго-восточнее портовой башни Фредерико Астагуэрро. Название дано церкви в конце XIX века, стихийно, из-за имевшихся в ней росписей, изображавших в том числе и двенадцать апостолов. Следы этой росписи просматриваются и в настоящее время^{2*}. Учитывая сложность рельефа местоположения церкви, удалённость её от городской жилой застройки, наличие рядом портовой башни и остатков ещё не исследованных вблизи стен, можно предположить, что здесь находился монастырь Святого Георга, упомянутый М. Бжишкяном в 1820-х годах^{3*}.

Церковь расположена на рельефе, потребовавшем возведения с восточной стороны субоснования (местами высотой более 1,5 м), отличающегося по конфигурации плана

---

¹ * Церковь была отремонтирована в 2008 году. Помимо поддерживающих конструкцию работ открыто заложено окно (ещё раньше – ниша) в южной стене, полностью убрана штукатурка с внешней поверхности здания. Входной проём обведён широкой прямоугольной рамой из белого известняка, обработанной крупным профилем. Ниша со стрельчатым верхом справа от входного проёма (скорее всего, место надписи или хачкара) превращена в окошко с ровным горизонтальным верхом.

² * Интерьер церкви недавно был заново расписан.

³ * Церковь у башни Астагуэрро М. Бжишкян упоминает отдельно и никак не связывает с монастырём Святого Геворка (см.: **Бжишкян М.** Путешествие в Польшу. – С. 317).

от внешнего абриса плана церкви. Различие между кладками субоснования и нижней части стен также указывает на разновременность их происхождения, почему многие исследователи, в частности А. И. Полканов, считали современное здание построенным на фундаментах более раннего византийского храма¹.

Судак. Церковь у портовой башни Фредерико Астагуэрро. Вид с юго-запада (фото 1997, автор – И. С. Липунов).

Судак. Церковь у портовой башни Фредерико Астагуэрро. Современный вид с юго-востока. ►

Время возведения церкви Двенадцати апостолов документально не установлено. Сравнение её архитектурно-художественных особенностей с аналогичными произведениями крымских армян позволяет датировать современное состояние памятника XIV–XV веками. Можно предполагать о возведении церкви на месте более раннего, полагаем XIII века, армянского памятника.

Композиция здания – однонефно-зальная, с полуциркулярной алтарной апсидой, выступающей на восточном фасаде пятигранным объёмом. Состояние – удовлетворительное, за исключением сводчатого перекрытия на четырёх подпружных арках стрельчатого очертания (две непосредственно у торцовых стен). От арок сохранились только пятовые камни, почему здание в настоящее время перекрыто деревянной двускатной кровлей с черепичным покрытием^{2*}.

Как и в церкви в селе Уютном, площадь молитвенного зала небольшая – 18 м². Зал чуть расширен у алтарной апсиды. Для максимального использования помещения подпружные арки опирались не на пилястры, а на мелко профилированные консоли. Равное расстояние между арками придавало чёткую ритмичность объёмным частям

¹ Полканов А. И. Судак. Историко-краеведческий очерк. – С. 132; Секиринский С. А., Волобуев О. В., Когонашвили К. К. Судакская крепость. – С. 55.

^{2*} Здание церкви отремонтировано в первой декаде 2000-х годов и перекрыто каменным сводом с черепичным покрытием.

интерьера. Единственный вход устроен с западной стороны, на продольной оси. Заслуживает внимания наличие единственного небольшого окна в здании, открытого в алтарной апсиде.

Художественную выразительность интерьера значительно повышали фресковые росписи, выполненные, по утверждению А. И. Полканова, армянскими живописцами¹. В тематике росписей видное место занимали фигуры двенадцати апостолов. По-видимому, фрески располагались по всей высоте стен до основания сводчатого перекрытия. Ныне остатки их прослеживаются в нишах северной стены, а также на штукатурке слева от западной двери^{2*}.

Судак. Церковь у портовой башни Фредерико Астагуэрро. Интерьер
(фото 1999, автор – Т. Э. Саргсян).

Судак. Церковь у портовой башни Фредерико Астагуэрро. Современный вид с запада. ►

Внешний облик здания отличается чёткостью объёмной формы. Западный и продольные фасады гладкие, выложенные из грубо колотых плит серо-бежевого известняка. Даже входной проём не имеет декоративного обрамления^{3*}. Углы основного объёма выполнены из относительно небольших, тёсаных блоков. Архитектурно более выразителен восточный фасад, обращённый в сторону крепости и ведущей от неё дороги. Он представляет собой выполненный из тёсаных блоков пятигранный объём, охватывающий алтарное полукружие. Каждая из граней наверху украшена крупной резной розеткой геометрического рисунка.

¹ Полканов А. И. Судак. Историко-краеведческий очерк. – С. 132.

² * М. Бжишкян же, кроме «изображений святых», отмечает композицию «Благовещение» на южной стене церкви (см.: Бжишкян М. Путешествие в Польшу. – С. 317). Что касается ниши в северной стене, то она находится близко к апсиде, как раз там, где по традиции Армянской церкви располагается святая купель. О том, что церковь возведена армянами свидетельствуют также следы алтарной преграды, впоследствии удалённой.

³ * После недавнего ремонта церкви входной проём взят в широкую прямоугольную раму из белого известняка, обработанную валиком.

СВЯТА
12 АПОСТОЛИ
13 АПОСТОЛИ

СВЯТА
12 АПОСТОЛИ
13 АПОСТОЛИ

СВЯТА
12 АПОСТОЛИ
13 АПОСТОЛИ

Судак. Церковь у портовой башни Фредерико Астагуэрро. Апсида.

Башня Фредерико Астагуэрро и бывшая армянская церковь рядом. ►

Хачкары, вставленные в стены рядом стоящей башни Астагуэрро, свидетельствуют об участии армян в её строительстве^{1*}. Хачкар обнаружен и внутри крепости, в её северо-восточной части, возле остатков небольшой зальной церкви. Исходя из стилистических особенностей, его можно датировать XIII–XIV веками. Верхняя грань камня закруглена, размеры: 0,4x0,7 м. Периметр лицевой поверхности обведён рамкой прямоугольного сечения. Внутреннее поле занимает равноконечный крест с крылами, расширяющимися к окончаниям. Крест утверждён на подножии, состоящем из вертикального стержня и фланкирующих его растительных мотивов. Наличие хачкара даёт основание предполагать о связи этой церкви с армянам, проживавшим в непосредственной близости от неё^{2*}.

С 1883 по 1926 годы на территории Судакской крепости действовала армянская капелла. Об открытии её свидетельствует датированное 2 октября 1883 года разрешение

^{1*} Расположение резных крестов на башне подробно обозначено В. Майко и А. Джановым. ими представлен ещё один хачкар, который использовался как перекрытие для могилы, также находящейся в портовой части города (Майко В. В., Джанов А. В. Археологические памятники Судакского региона Республики Крым. – Рис. 129–130, 133). Сейчас памятник экспонируется в музее крепости.

^{2*} В Судаке обнаружено ещё несколько интересных хачкаров, которые экспонируются в музее крепости. Некоторые из этих памятников, а также тот, что сохранился на своём месте на башне слева от входа в крепость, имеют армянские надписи. Исследованием их занимались Гр. Григорян, Г. Тер-Варданян, П. Тонапетян (см.: Свод армянских надписей. – Вып. VII. – С. 145; Тер-Варданян Г. Новая интерпретация надписи армянского хачкара из Судака // ИФЖ. – № 3. – Ереван: Изд. АН Армянской ССР, 1998. – С.149–154; Donabédian P. Can we call «khachkar» the Sudak cross-stones? Reminder on the type of small mural khachkars, in the general typology of khachkars // Сугдейський збірник. – Вып. 1 (VII). – Київ: Изд. «Горобець», 2018. – С. 304–323).

Хачкар, обнаруженный вблизи башни Астагуэрро. Экспонируется в музее крепости.

Судак. Хачкар, украшающий левую башню входа в крепость.

за подписью епископа Хр. Кушнаряна на право открытия в Судак армянской капеллы во имя Святой Девы Марии. Документ заверен печатью с изображением в центре купольного здания и надписью вокруг него настоятеля Феодосийской епархии. Под капеллу было приспособлено пустовавшее на тот момент небольшое купольное здание в северо-восточной части крепости^{1*}. Известное как «Храм с аркадой», оно после ухода генуэзцев использовалось как мечеть. Исследования, проведённые И. А. Барановым, показали, что ориентированное с севера на юг здание с портиком на восточной стороне не имело культового назначения². Было констатировано также его возведение после 1409 года, точнее – в 1423 году, и принадлежность к числу общественных сооружений крепости^{3*}.

Судак. Генуэзская крепость. Храм с аркадой. Вид с северо-востока.

Интерьер здания был расписан фресками, ныне сильно повреждёнными. На сохранившихся фрагментах просматриваются длиннородый святой в клобуке, рисованные полихромные гербы Генуи, Кафы и Солдайи. Заслуживает внимания богато украшенный наличник южного портала, растительная орнаментика которой находит прямые аналоги в мотивах декора дверного обрамления армянской церкви Святого Иоанна Крестителя в Феодосии^{4*}. Стилистическая близость оформления этих двух проёмов

^{1*} Ныне в этом здании действует музей крепости.

² **Баранов И. А.** Судакская «капелла». Датировка и атрибуция // V республиканская научная конференция по проблемам культуры и искусства Армении. Тезисы докладов. – Ереван: АН Армянской ССР, 1982. – С. 275–276.

^{3*} На основании нововыявленных данных датировка памятника была пересмотрена и определена третьей четвертью XIV века. Выражено также мнение об изначальном предназначении здания для мечети (см.: **Джанов А. В.** «Храм с аркадой» в Судак // Сугдейский сборник. – Вып. II. – Киев-Судак: Академперіодика, 2005. – С. 654–664).

^{4*} В «южном портале» размещён михраб. По мнению ряда исследователей, он занял место входного проёма. Однако это мнение в последние годы оспаривается в пользу того, что михраб здесь был изначальным.

Музей

позволила И. А. Баранову констатировать, что резчиками здания в Судакской крепости были «армянские мастера, работавшие по заказу генуэзской администрации Судака»¹.

Рука и художественное мышление армянских мастеров чувствуется и в устройстве аркады внутри здания, а также в оформлении капителей колонн этой аркады, формирующей небольшую галерею в северной части интерьера. Возможно, связь армян с этим зданием была исторически ещё более тесной, что и дало им основание выбрать именно его для размещения своей капеллы.

Судак. Храм с аркадой. Интерьер.

◀ **Судак. Храм с аркадой. Портик на западной стороне.**

Судя по фотоснимку интерьера здания, относящемуся к рубежу XIX–XX веков, алтарный стол помещался с южной стороны. Он стоял перед нишей, использовавшейся в прошлом как михраб. Пространство для священнослужителей отделялось от места для молящихся ажурным металлическим барьером с дверью напротив алтарного стола. Во многих местах стояли подставки для свечей, церковные сосуды и хоругви. На стенах висели изображения святых. Учитывая солидную площадь молитвенного зала – около 90 м² – можно заключить, что капеллу посещало значительное число католиков, и в первую очередь армян-католиков, проживавших в Судаке и его окрестностях на рубеже XIX–XX веков.

¹ Баранов И. А. Судакская «капелла». Датировка и атрибуция. – С. 275–276.

Церковь Святых Гавриила и Михаила в селе Шуры (Кудрино)

Село Шуры (ныне Кудрино) расположено к востоку от Бахчисарая, на территории бывших владений князей-феодоритов. Что касается церкви Святых Гавриила и Михаила, то она находится посреди сельского кладбища, окружённого оградой. Состояние памятника – аварийное. Сохранились стены до высоты карниза.

Село Кудрино. Вид разрушенной церкви Святых Архангелов с северо-запада.

На внутренних и наружных поверхностях стен сохранились простейшие линейные кресты и греческие надписи-граффити. Но более всего известна двуязычная литография, которая вытесана на сглаженном зубчатом теслом каменном блоке, некогда помещавшемся под карнизом южного фасада. Левую часть литографии занимает четырёхстрочная греческая надпись. Справа от неё – более мелкая пятистрочная армянская надпись. В настоящее время блок с надписями хранится в Археологическом отделе Бахчисарайского историко-архитектурного музея^{1*}.

Содержание греческой надписи таково: «Возобновлён храм Божий архангелов Гавриила и Михаила 7102, месяца апреля [1594 год]»². Н. И. Репников, привлекая материалы Д. И. Струкова и А. Л. Бертъе-Делагарда, отмечает о заметном месте этой церкви в сношениях Московии с Крымом. Это не лишено основания, поскольку правители княжества Феодоро имели дружественные связи с Московским государством³. Одновременно,

^{1*} Ныне – Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник.

² Репников Н. И. Материалы к археологической карте юго-западного нагорья Крыма // Архив ЛОИА. – Ф. 10. – Оп. 1. – Д. 10 (1939–1942); Латышев В. В. Заметки к христианским надписям из Крыма (по сообщениям А. Л. Бертъе-Делагарда) // ЗООИД. – Т. XX. – Одесса: «Экономическая» типография и литография, 1897. – С. 155–156). Цитируется по любезно предоставленному Ю. С. Ворониным материалу.

³ Репников Н. И. Материалы к археологической карте юго-западного нагорья Крыма. – С. 7.

Н. И. Репников считает малоубедительной аргументацию А. И. Маркевича относительно строительства церкви в 1328 году¹.

Расположение армянской надписи свидетельствует о более позднем её происхождении, нежели греческой. Плохо сохранившаяся, перечёркнутая, видимо умышленно, наклонными линиями надпись ещё не исследована. Она, видимо, высекалась наспех, почему допущены неточности, а именно, непараллельность строк при разной высоте букв и их удалении друг от друга. В нашем прочтении текст таков: «Я ... сына Аствацатур [написал] в лето...»^{2*}.

Село Кудрино. Вид разрушенной церкви с юго-востока.

Греческие надписи выполнялись и в церквях армян греко-православного вероисповедания, поэтому не могут категорически свидетельствовать о принадлежности церкви грекам. Таковые, например, есть в церкви Святого Степаноса (Стефана), находящейся на территории бывшей Армянской крепости в Феодосии. Тем более, что церковь в селе Шуры имеет некоторые особенности, показательные именно для армянских культовых памятников и не характерные для греческих. К их числу относится наличие купельной ниши в северной стене, близко к алтарной апсиде^{3*}. В самой греческой надписи также есть такая особенность. Это крест, проставленный перед началом текста.

¹ **Маркевич А. Н.** Памятники христианства в окрестностях Бахчисарая и Карасубазара. – С. 104–105.

^{2*} Надпись опубликована Гр. Григоряном и звучит следующим образом: «Я, сын Манука, иерей Асватур, лета 1142 [= 1693]» (см.: Свод армянских надписей. – Вып. VII. – С. 148). В публикации памятник характеризуется как «тимпан».

^{3*} Примечательно, что в крестильной нише отсутствует встроенная каменная раковина – купель. Она могла быть удалена впоследствии, но её могло и не быть в нише изначально. Встроенную раковину мог заменить сосуд. Важно отметить также крайне своеобразную композицию солей единственной в данном случае апсиды. На ней, заполняющей исключительно углубление маленькой апсиды, мог разместиться только алтарь. Священник же, скорее всего, стоял внизу. Такие промежуточные решения в выполнении церковного обряда, которые нашли отражение в архитектуре, характерны для армян-халкидонитов.

Село Кудрино. Разрушенная церковь. Алтарная апсида и крестильная купель.

Интерьер разрушенной церкви в Кудрино.

Время возведения церкви, ввиду отсутствия документальных данных точно не установлено. С учётом архитектурно-художественных и исторических данных, её можно отнести к XIV веку, что соответствует определению А. И. Маркевича¹. Что касается посвящения церкви двум святым, то такие примеры известны не только в Армении, но и в Крыму. В частности, как и церковь в селе Шуры, Святым Гавриилу и Михаилу (Святым Габриелу и Микаелу) посвящён храм 1408 года в Феодосии.

Церковь в селе Шуры представляет собой распространённый в культовом зодчестве Крыма тип прямоугольного зально-сводчатого сооружения с алтарной апсидой на восточной стороне. Она выстроена из хорошо тёсанных, почти регулярных блоков, уложенных на известковом растворе правильными рядами. Небольшие размеры молитвенного зала (4,5x5,8 м, без апсиды) дают основание предполагать о малочисленности прихожан и самого селения.

Характерная особенность композиции – маленькие размеры неполной полуциркулярной в плане алтарной апсиды, составляющей по ширине две пятых от поперечного размера помещения. Внешний облик здания отличался чёткостью прямоугольного с двухскатным покрытием объёма, акцентированного на восточном фасаде низким пятигранным выступом.

Интерьер разрушенной церкви в Кудрино. Вид на запад.

Такую же чёткость формы имел воспринимаемый с единственного западного входа интерьер, увенчанный сводом на двух равномерно удалённых друг от друга подпружных арках. Позднее, при восстановительных работах, сводчатое перекрытие, видимо разрушенное, было заменено деревянным, в два ската. Над входной дверью со стороны молитвенного зала был проложен брус, а в алтарной апсиде устроен деревянный иконостас, что значительно изменило художественный облик помещения. Освещение осуществлялось с помощью четырёх окон, размещённых в апсиде (одно) и южной стене^{2*}.

¹ Маркевич А. Н. Памятники христианства в окрестностях Бахчисарая и Карасубазара. – С. 104–105.

^{2*} Ещё один оконный проём устроен в северной стене. Он обращён в сторону несохранившегося сооружения, пристроенного к церкви с севера.

Декоративное убранство здания весьма скромное, рассчитанное на определённую монументальность внешнего облика. Дверной проём по верху ограничен пологой аркой, вырезанной в большом архитраве (0,72x1,8 м) с интересно скомпонованными резными греческими надписями. Стены церкви увенчивались скошенными в нижней части плитами.

Церковь в Старом Крыму

Существующие в документах сведения кому была посвящена церковь разноречивы. В плане реконструкции города Старый Крым, выполненном в 1811 году губернским землемером С. А. Мухиным, она названа именем Успения Пресвятой Богородицы, у М. Бжишкяна – «Лусаворич», то есть Просветителя¹, в книге «Памятники градостроительства и архитектуры Украинской ССР» – «древняя церковь (руины)»², а в буклете «Армяне в Крыму» – Святого Геворга. Судя по расположению церкви в XIX веке возле рынка в центре города (по настоящему адресу: ул. Полины Осипенко, 2), она была основным храмом армян этого поселения, почему и носила имя Святого Просветителя^{3*}.

Руинированное состояние здания не позволяет в достаточной степени определить его архитектурно-художественные особенности. Отсутствуют перекрытие, большая часть западной и северной стен. Сохранившиеся остатки закреплены в 1970-х годах.

Для характеристики памятника значительную ценность представляют археологические исследования 1985–1986 годов, проведённые М. Г. Крамаровским в составе Золотоордынской (Старокрымской) экспедиции Эрмитажа совместно с отрядом ГИМ под

---

¹ Бжишкян М. Путешествие в Польшу. – С. 323.

² Памятники градостроительства и архитектуры Украинской ССР. – Т. 2. – С. 330.

^{3*} Следует внести несколько исправлений. На плане Старого Крыма 1811 года указана армянская церковь Успения Пресвятой Богородицы, или просто – Святой Богородицы, которая была единственно действовавшей на тот момент церковью в городе. Неиспользуемые по назначению культовые здания на большинстве планов не указывались даже при хорошей их сохранности. Как уже говорилось, церковь Святой Богородицы была взорвана в 60-х годах XX века и не дошла до нас. На её месте недавно построена русская православная церковь.

Перейдем к рассматриваемой О. Х. Халпахчяном церкви. Она находится на территории средневекового армянского участка города Сурхат–Крым. На той же обширной территории находились взорванная церковь и ещё четыре других армянских церкви. Все они упоминаются в средневековых армянских источниках, равно как и в описании Минаса Бжишкяна. Сопоставив письменные сведения со старыми планами города, мы идентифицировали все церковные здания, из которых сохранилось лишь описываемое – в разрушенном состоянии. Оно было определено как церковь Святого Иоанна Предтечи, или Иоанна Крестителя (см.: Саргсян Т. Э. Армяне средневекового Сурхата и их церкви. – С. 109–122). Позднее попытку идентифицировать армянские церкви Сурхата–Крыма предпринял В. П. Кирилко (см.: Кирилко В. П. Памятники армянской архитектуры Солхата // Исследования по арменистике в Украине. – Вып. 1. – Симферополь: ЧП «Предприятие Феникс», 2008. – С. 37–43). Указанные две работы в целом не противоречат друг другу. Некоторые несоответствия связаны с выбором направления движения отца Минаса. В. П. Кирилко предполагает, что последний вошёл (или въехал) в Старый Крым с востока, то есть по дороге, ведущей из Карасубазара, где, собственно, находилась его резиденция. На самом же деле Бжишкян увидел город с запада, откуда и начал свое описание.

Идентификация рассматриваемой церкви с церковью Святого Просветителя также не может быть верной. По определению М. Бжишкяна, последняя была самой крупной среди бывших на армянском участке церковных зданий (размеры: 23x10 локтей; приблизительно: 12x5 м) и находилась на окраине пустыря, вблизи рынка. Среди её руин были остатки колонн, баз, хачкаров и армянских надписей (см.: Бжишкян М. Путешествие в Польшу. – С. 323). Во многих старых планах и описаниях руины церкви Просветителя ошибочно рассматриваются как остатки мечети. Что касается рынка, то в прошлом он находился в непосредственном соседстве с трактом, значительно дальше того места, где находится сегодняшний рынок, а, следовательно, и описываемое О. Халпахчяном церковное здание. Не подходит также значительно меньшая длина последнего, равно как и присутствие притвора.

Разрушенная церковь в Старом Крыму. Вид с юго-востока.

Разрушенная церковь в Старом Крыму. Вид с юго-запада.

руководством Л. Л. Савченкова¹. Раскопки обнаружили 52 захоронения (из них часть в каменных ящиках) как внутри церкви, так и под её стенами, с ориентацией покойников головой на запад. Найденный инвентарь позволил датировать могильники концом XIII – первой половиной XIV веков. На основании этого М. Г. Крамаровский счёл возможным отнести возведение храма ко второй половине XIV – началу XV веков, чем опровергаются датировки VI и X–XII веками, определённые книгой «Памятники градостроительства и архитектуры Украинской ССР» и буклетом «Армяне в Крыму». Учитывая, что наибольшее развитие поселений крымских армян происходило в XIV веке, по-видимому, «предварительно определённую» М. Г. Крамаровским дату строительства церкви следует уточнить, считая её второй половиной XIV века.

Разрушенная церковь в Старом Крыму. Вид с северо-запада.

Рассматриваемое сооружение небольшое, зального типа, с выступающей на восточной стороне апсидой, рассчитанное на 60–70 прихожан. Полуциркулярная апсида по ширине несколько меньше ширины молитвенного зала и на восточном фасаде имеет форму неполного полуцилиндра.

Перекрытие помещения было сводчатым, основанным на двух подпружных арках, которые опирались на тонкие пристенные полуколонны – исключительное явление в строительной практике крымских армян. Прямоугольные в сечении арки имели стрельчатое очертание. Судя по сохранившимся нижним частям алтарной арки, она, по примеру подпружных арок перекрытия, имела приподнятое по высоте интерьера стрельчатое завершение, чем создавалось единство покрытия свода, гармоничного по

---

¹ Крамаровский М. Г. Исследование трёх архитектурных объектов на территории средневекового Солхата // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. Тезисы докладов. Суздаль, 1987 год. – Москва: Наука, 1987. – С. 132.

пропорциям^{1*}. Здание имело два входа: традиционный с запада и обращённый на рыночную площадь с юга. Основные окна находились на продольной оси здания – в алтарной апсиде и над западным входным проёмом.

Разрушенная церковь в Старом Крыму. Вид на алтарную апсиду.

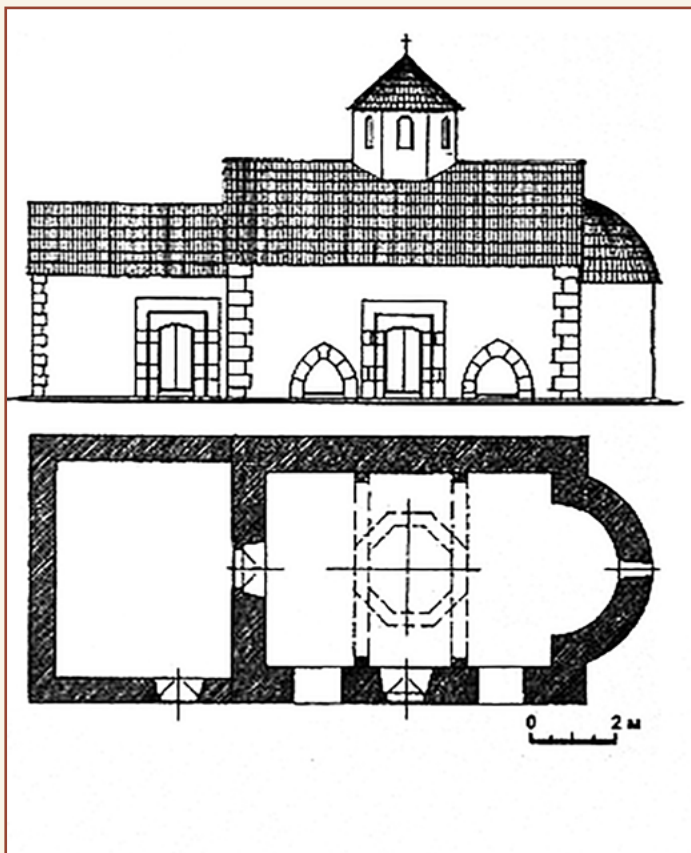
^{1*} М. Г. Крамаровский предполагает также наличие каменного восьмигранного купола, причём с довольно необычной и хрупкой опорной конструкцией. По этой конструкции купол возвышался на одной паре подпружных арок север-юг направленности, которые были перекинуты на фланкирующие южный выход пристенные колонны и их визави на северной стороне (см.: **Крамаровский М. Г.** Средневековая базилика на городище Солхата // *Византия в контексте мировой истории.* – СПб.: Государственный Эрмитаж, 2004. – С. 68–76).

В этой связи ещё раз обратимся к описанию Старого Крыма, составленному М. Бжишкяном. Начав своё повествование, он упоминает руины двух мечетей и двух больших купольных армянских церквей у въезда в город. Далее он пишет о здании «Армянского суда» и школе при нём, а также о действовавшей армянской церкви Святой Богородицы, стоявшей «в поле». В одном конце этого «поля», вблизи рынка, находились руины церкви Святого Провосветителя (их часто приписывали мечети), в другом – остатки двух других армянских церквей. Верхняя была во имя Святого Предтечи, а нижняя – Святого Степаноса: «от них остались только стены, лишённые всякого украшения». Заметим, никаких колонн Бжишкян здесь не упоминает. Далее автор переходит к старому мосту и церкви Богородицы Чархапан на восточной окраине города (**Бжишкян М.** Путешествие в Польшу. – С. 322–323). Таким образом, дошедшие до нас руины принадлежат церкви Святого Иоанна Предтечи. Расположенная несколько ниже по склону церковь Святого Степаноса не сохранилась. Свод, кровля и декор отсутствовали у обоих зданий. И если в случае с церквями, находившимися у въезда в город, Бжишкян увидел на них остатки куполов, то здесь об этом он ничего не пишет. В этом и нет необходимости. Строение церкви, дошедшей до нас в руинах, ясно выявляет её изначально однонефно-сводчатую конструкцию, распространённую в культовой архитектуре крымских армян XIV–XV веков. В то же время очевидны неоднократные перестройки здания. По сведениям местных старожилов, в нём в начале XX века, а возможно и с 70-х годов XIX века (то есть после упразднения городской автономии и прекращения деятельности Армянской ратуши), размещалась греческая церковь, и она была купольной. Значит, были сооружены свод и купол, а для поддержания этой конструкции – две пары колонн с перекинутыми на них двумя подпружными арками. Более вероятно, что нововозведённые свод и купол, которые не дошли до нас, были деревянными.

Разрушенная церковь в Старом Крыму. Южный вход снаружи.

Церковь в Старом Крыму.

План и вид южного фасада по М. Г. Крамаровскому.

В отличие от большинства церквей крымских армян, по сторонам южного входа предусмотрено было по одному низко посаженному окну, которые в результате подъёма культурного слоя на высоту более одного метра находятся сейчас на уровне современной отметки земли. Погребальные камеры с захоронениями, обнаруженные М. Г. Крамаровским в этих проёмах, на глубине подошвы фундамента, следует отнести к более позднему времени, чем строительство церкви. Если бы эти камеры существовали до её возведения, строители соорудили бы для них аркосолии. Здесь же имеются обычные окна, которые как с внутренней, так и с фасадной стороны обрамлены кладкой из тёсаных блоков известняка. После размещения захоронений в этих проёмах, лицевые стороны их, выходящие на южный фасад, были заложены штучным камнем.

Архитектурный облик здания показательен кладкой из мелкого извест-

няка с тщательной затиркой швов. Внешние углы стен, обрамления и откосы проёмов, венчающие карнизы, полуколонны и подпружные арки выполнены из блоков чистой тёски. Полуциркульный верх южной двери вытесан из крупного монолита (размеры: 2,5x5,5 м). Оживляющими интерьер элементами являются профилированные капители полуколонн и арочное завершение южного портала. Возможно, так же была оформлена и западная дверь. По М. Бжишкяну, на здании имелись несохранившиеся хачкар и армянские надписи.

Церковь Святого Иоанна Богослова в Феодосии

Памятник находится в восточной части Армянской крепости, некогда отличавшейся плотной застройкой, как раз там, где поселились первые многочисленные группы переселившихся с Поволжья армян.

Восточный участок Армянской крепости по плану Кафы 1784 года.

Судя по выступающим в интерьере конструкциям основания, на месте нынешней церкви существовало другое сооружение, выполненное из мелких камней грубой кладки. Видимо, это была наспех построенная часовня, которую вскоре заменили приходской церковью во имя Святого Иоанна Богослова, или Иоанна Евангелиста (размеры: 11x6,5 м). Прежнее сооружение подверглось коренной перестройке: на 1,5 м была увеличена ширина молитвенного зала, а пол понижен на 0,5 м, вследствие чего и открылись фундаменты старого здания, образовавшие вдоль продольных стен интерьера каменные скамьи.

История памятника мало известна. Возможно, он пострадал в 1475 году, во время завоевания города турками. После переселения армян в 1778 году в низовья Дона, церковь находилась в запустении, что привело к разрушению примыкавшего к нему притвора^{1*}. На гравюре В. Руссена, опубликованной в альбоме Е. Вильнева в 1853 году, по-

^{1*} В этой связи следует вспомнить характеристику памятника в «Поэме о 24 церквях Кафы»: «[Церковь] Святого Иоанна внизу стены, / Четырёхсторонним ограждением она обнесена»

следний изображён без перекрытия¹. От окружавших памятник строений оставались незначительные руины: нижняя часть стены, примыкавшей к левому краю северного фасада церкви, а также остатки подвального помещения перед притвором. Сохранившиеся три стены этого помещения, выложенные из грубо колотых камней, углублены были в косогор.

**Феодосия. Восточный участок Армянской крепости (Карантин).
Церковь Святого Иоанна Богослова. Вид с юго-запада**
(фото 1997 года, автор – И. С. Липунов).

В литературе сведения о церкви известны с конца XVIII века^{2*}. На плане Кафы, составленном русскими картографами в 1784 году, она фигурирует под номером 18, а в экспликации – как «Церковь Св. Иоанна Богослова с фресками»³. В одной заметке 60-х годов XIX века говорится об использовании церковного здания в качестве магазина, а также о продолжавшемся разрушении притвора⁴. В 10-х годах XX века, как и в других церквях бывшей Армянской крепости, для укрепления сводов в верхней части продольных стен были устроены две поперечные стальные затяжки.

(Кушнерян Хр. История армянских переселенцев Крыма. – С. 142). Итак, то, что мы сегодня называем «притвором», ещё в конце XVIII века воспринималось как некое ограждение перед церковью и о бытности этого ограждения разрушенным нет сведений.

¹ [Villeneuve]. Album historique et pittoresque de la Tauride, par E. de Villeneuve. – Paris, 1853. – Pl. 20.

² * В армянских источниках сохранились более ранние упоминания, датированные первой половиной XVII века (см.: Памятные записи армянских рукописей XVII века. – Т. 2 (1621–1640 гг.) / Сост. В. Акобян, А. Иоанисян. – Ереван, 1978. – С. 772–773).

³ ЗООИД. – Т. VIII. – Табл. IV.

⁴ Об остатках древних армянских церквей в Феодосии // «Радуга» (журнал учёно-литературный и политический, издаваемый в Феодосии, при армянском Халибовском училище). – Феодосия, 1860. – С. 174.

**Гравюра церкви Иоанна Богослова (Евангелиста),
опубликованная Е. Вильневым (автор – В. Руссен).**

В своих трудах к церкви Святого Иоанна Богослова обращались Н. Барсамов и А. Полканов¹, Ю. С. Асеев и Г. А. Лебедев², а также издания энциклопедического характера³. В основном это краткие характеристики, дающие представление об архитектурно-художественных особенностях памятника. Церковь и её притвор впервые были обследованы археологами в 70-х годах XX века. Параллельно их изысканиям сотрудниками Укрпроектреставрации велись обмерные работы. С 1976 года под руководством Е. И. Лопушинской выполнялись восстановительные работы, как то заполнение утраченных участков кладки, реставрация каменных скамей, устройство кровельного покрытия и отмостки.

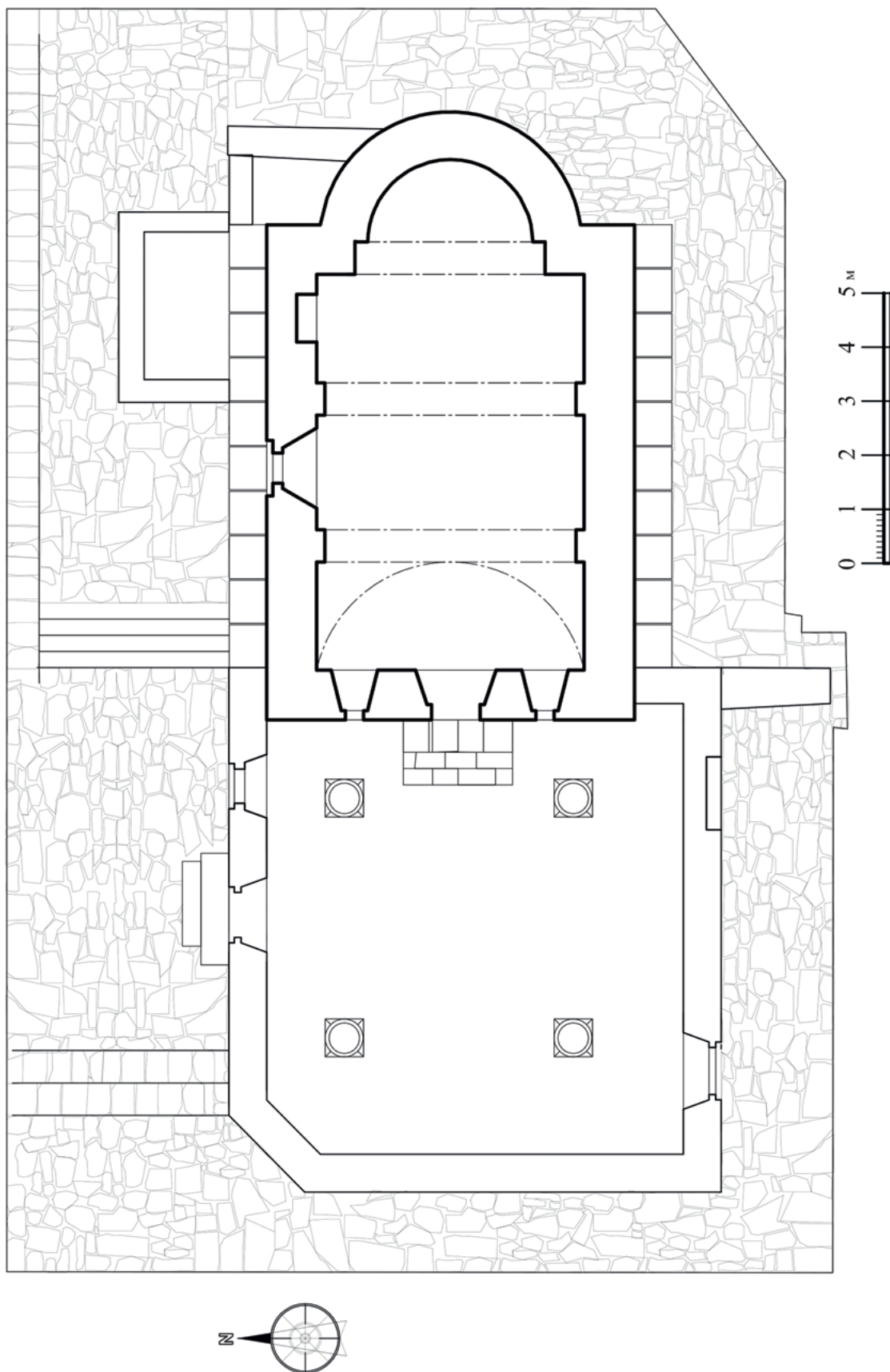
Церковь Святого Иоанна Богослова принадлежит к распространённому в культовой архитектуре крымских армян прямоугольному зально-сводчатому типу сооружений с выступающей на восточной стороне апсидой, получившей в зависимости от фундаментов бывшего здесь предыдущего здания неточное полуциркульное очертание. Помещение перекрыто стрельчатого очертания сводом, который усилен двумя подпружными арками, опирающимися на пилястры. Расстояния между стрельчатого контура арками, западной стеной и апсидной аркой равные.

Стены церкви сложены из относительно правильных квадров бута. Пилястры, арки, своды и оконные обрамления выполнены из тёсаного известняка. Порталы украшены профилированными наличниками. Стены оштукатурены, местами повторно. Например, внешняя поверхность алтарной апсиды покрыта тремя одновременными слоями штукатурки: одна – жёлтого цвета, другая – красного, с толчёным кирпичом, третья – затирка слегка розового цвета.

¹ Барсамов Н., Полканов А. Феодосия. Прошлое города и археологические памятники. – С. 36.

² Асеев Ю. С., Лебедев Г. А. Архитектура Крыма. – С. 20.

³ Памятники градостроительства и архитектуры Украинской ССР. – Т. 2. – С. 281–282.

План церкви Святого Иоанна Богослова, составленный М. В. Петросяном.

Церковь Иоанна Богослова в Феодосии. Вид с юго-востока.

Высота алтарного возвышения относительно пола молитвенного зала составляет 0,7 м, в зависимости от наличия фундамента предыдущего здания. Основное освещение поступало с западной стороны, из трёх почти квадратных окон. Одно устроено на уровне основания свода, а два других – по сторонам двери. Есть также маленький оконный проём на восточной стороне. Он устроен не как у большинства церквей, в алтарной апсиде, а выше арки – под шельгой свода. Две двери церкви, с запада и севера, обеспечивали заполнение внутреннего помещения и эвакуацию посетителей.

Интерьер молитвенного зала отличается скромностью декоративного убранства. Пилястры завершены простыми тягами, в центре апсиды вместо окна – небольшое декоративное пятно, а в среднем пролёте северной стены, ближе к алтарной апсиде, – арочная ниша с купелью. Такое оформление связано было не только с необходимостью подчеркнуть стройность пропорций и изящество объёмных форм интерьера, но и с целью привлечь внимание посетителей на покрывавшие стены фрески, от которых сохранились незначительные фрагменты. Они имеются в конхе алтарной апсиды и на стрельчатой арке апсиды (с лицевой стороны), по сторонам западного окна и местами – в нижних частях сводов на южной и северной сторонах. Интерес представляет маленький хачкар (20x35 см), вставленный в бутовую кладку левого пролёта южной стены, выше венчающего пилястру профиля.

Внешний вид церкви довольно прост. Прямоугольный сводчатый объём взят под двухскатную кровлю. На востоке, над полуцилиндром апсиды она имеет форму полконуса. Гладкие стены из разновеликих камней с тщательно затёртыми швами завершаются тонким карнизом. Особое внимание уделено оформлению однотипных порталов – главных архитектурно-художественных элементов внешнего убранства здания. Дверные проёмы обрамлены профилированными наличниками, причём профиль западного проёма более сложен. Нижняя часть архитравов украшена орнаментальной резьбой в виде сплошного ряда мелких изящных процветших крестов. На западном портале кресты высечены также с левой стороны профиля.

Церковь Иоанна Богослова в Феодосии. Вид с северо-востока.

Западный вход в церковь Иоанна Богослова и его декор.

Выше наличников устроены стрельчатые ниши, практиковавшиеся во многих порталах культовых сооружений крымских армян. Каждая из ниш обрамлена выступающим с плоскости стены стрельчатым ободом, «ножки» которого опираются на консоли. В таких нишах, оштукатуренных внутри, как правило, помещались изображения святых, поэтому можно предположить, что в нише западного портала некогда была роспись, изображавшая Святого Иоанна Богослова.

Притвор, возведённый вскоре после церкви – в XIV веке, относится к четырёхколонному типу. В настоящее время здание отреставрировано на высоту внешних стен без внутренних опор и перекрытия, которые в середине XIX столетия уже не существовали.

Ширина притвора больше ширины церкви, а форма плана несколько необычная, иррегулярно-пятигранная, скошенная в северо-западной части. Несомненно, это было продиктовано существовавшей до возведения притвора окружающей застройкой. По этой же причине дверные проёмы были устроены не по традиции с западной стороны, а иначе. Один из них размещён в северной стене, два других – в южной. Причём вначале появился проём в восточной половине южной стены, а позднее – в западной. Юго-восточный угол притвора поддерживается контрфорсом.

Другая композиционная особенность притвора – его пониженное относительно церкви расположение, продиктованное крутым уклоном участка в западную сторону. Как в аналогичных случаях в Армении, например, в Ахпате и Нор-Гетике¹, в притворе, перед западным входом в церковь, устроена многоступенчатая лестница, подчёркивающая величие портала.

Перекрытие притвора – традиционное, из трёх параллельно расположенных в продольном направлении стрельчатых сводов, незначительные следы примыкания которых удалось проследить на западном фасаде церкви.

В 1976 году при раскопках притвора были обнаружены следы четырёх внутренних опор^{2*}. Выяснилось не только местоположение опор, но и архитектурная форма стоявших на них баз. Последние состояли из квадратного в плане низа, переходящего в восьмигранный верх. Фусты и капители не сохранились. На них, очевидно, опирались подпружные арки, поддерживавшие сводчатые перекрытия нефов. По ширине нефы разные: боковые более узкие, нежели средний, который в зависимости от своего местоположения имел повышенную стрельчатую форму^{3*}.

На гравюре, опубликованной в альбоме Е. Вильнева, базы не показаны, а капители заменены профилированными тягами. Консоли же подпружных арок, полагаем, были простыми, как это показано на проекте реконструкции притвора^{4*}. Интерес представляют шесть больших плит, обнаруженных в полу притвора возле северного и юго-восточного дверных проёмов. Из них три по периметру обрамлены профилированными

¹ Халпахчян О. Х. Архитектурные ансамбли Армении. – С. 219, 368.

^{2*} В каталоге Ю. С. Воронина и В. В. Сычева «Армянские памятники Крыма. Архитектура» говорится, что в ходе реставрационных археологических исследований, проведённых в 1974 и 1976 годах, были обнаружены основания для четырёх опор, на одном из которых стояла база. Отчёт археологов утрачен, но есть публикация тезисов их доклада (см.: Айбабина Е. А., Айбабин А. И. Раскопки средневековой армянской церкви Иоанна Богослова в Феодосии // Тезисы IV Республиканской научной конференции по проблемам культуры и искусства Армении. – Ереван, 1979).

^{3*} Ряд исследователей придерживается иной точки зрения, считая, что отсутствие пристенных пилонов, соответствующих колоннам, и небольшой размер баз свидетельствуют о деревянном перекрытии притвора (см.: Айбабина Е. А., Айбабин А. И. Раскопки средневековой армянской церкви Иоанна Богослова в Феодосии; Якобсон А. Л., Таманян Ю. А. Армянская архитектура в Крыму. – С. 38). Тем не менее, О. Х. Халпахчян предполагает каменное перекрытие, которое держалось на подпружных арках, перекинутых на колонны и соответствующие им консоли в стенах.

^{4*} К сожалению, другой гравюры из альбома Е. Вильнева, кроме как представленной здесь, не удалось обнаружить. Вопрос с этим важным источником в пользу каменного перекрытия притвора остаётся открытым. Что касается материала по реконструкции свода притвора, подготовленного О. Х. Халпахчяном, то он утерян.

рамами и на лицевой поверхности имеют по два круга. Надписи отсутствуют и назначение плит ещё никем не определялось. По нашему мнению, это надгробия захоронений представителей церковной и светской знати. Подобные захоронения часто практиковались в притворах Армении и в данном случае могут служить показателем значимости церкви Святого Иоанна Богослова в жизни средневековой армянской колонии Кафы.

Декор северного входа в церковь Иоанна Богослова.

В связи с захоронениями притвор отличался ещё одной особенностью. В его юго-восточном углу располагался киворий, от которого к 1987 году сохранилась оригинальная капитель колонки, расположенная с внутренней стороны южной стены. Промежуток от капители до угла помещения занимала четырёхлопастная арочка с фестонами. Наличие этих деталей позволяет схематически восстановить архитектурную форму кивория, служившего для проведения различных церковных обрядов, в их числе и панихид по усопшим.

Киворий был сооружён в процессе строительства притвора. Это подтверждается включением части пристенной капители в каменную кладку южной стены и наличием

в восточной стене небольшой ниши. Киворий состоял из двух высоких колонок – угловой и пристенной, прикрытых, как и в кивории церкви Святых Архангелов Габриела и Микаела в Феодосии, четырёхскатным покрытием с крестом на пике. Пол был выше пола притвора на две ступени, а за алтарным столом помещалась неглубокая арочная ниша с выступавшим замковым камнем. Интересна художественная форма капители, состоящей из объединённых поверху стрельчатых нишек, выступающих на треугольных консолях. Подобные детали практиковались не только в армянских сооружениях Крыма, но и в произведениях крымских татар.

В процессе выполнения ремонтных работ в конце 1980-х годов допущены существенные искажения: был понижен пол в западной части помещения и, что более печально, уничтожены стенная ниша и капитель кивория в юго-восточном углу. Таким образом, были ликвидированы формировавшие архитектурную ситуацию этого участка важнейшие элементы, необходимые для его научной реставрации.

Церковь Святого Иоанна Богослова в Феодосии. Интерьер притвора.

Как освещался притвор, неизвестно. Учитывая отсутствие следов оконных проёмов на стенах ниже основания перекрытия, можно предположить об их расположении на западной стороне. Источником дополнительного освещения служило небольшое окно в северной стене.

Декоративное убранство притвора скромное. Надо полагать, интерьер украшали резные капителями и консоли, а также киворий с художественно выразительным венчающим покрытием. В наружном декоре основной акцент сосредоточен на порталах. Северный представлен углублённым в стену прямоугольным обрамлением. В отличие от него южный портал, по аналогии с порталами церкви, имеет прямоугольный, выступающий из стены профилированный наличник. Венчает его стрельчатой конфигурации ниша, обведённая прямоугольным в срезе ободом. Ножки обода, имеющего аналогичный стрельчатый контур, «основаны» на консолях.

Внешний облик притвора показателен для армянских памятников подобного назначения. Невысокие гладкие стены, завершённые тонким карнизом, и пологая двускатная кровля подчёркивали приземистость здания, которое, будучи расположенным на крутом рельефе, усиливало её доминирующее значение^{1*}.

^{1*} Согласно археологическим данным, притвор многократно изменялся. В ходе перестроек были поочерёдно заложены два входа в южной стене и сделан вход в северной (см.: Айбабина Е. А., Айбабин А. И. Раскопки средневековой армянской церкви Иоанна Богослова в Феодосии). Нет

Церковь Иоанна Богослова в Феодосии. Вид с северо-запада.

◀ Церковь Иоанна Богослова в Феодосии. Юго-западный вход, ведущий в притвор.

Индивидуальные особенности церкви Святого Иоанна Богослова и его притвора свидетельствуют о творческих способностях их строителей, об их стремлении придавать своим произведениям архитектурно-композиционные своеобразия, отличить их от других аналогичных памятников.

Церковь Святого Геворка (Георгия) в Армянской крепости в Феодосии

Памятник расположен на территории Армянской крепости, восточнее цитадели, северо-восточнее церкви Святого Иоанна Предтечи. С учётом местоположения, архитектурно-художественных и конструктивных особенностей его можно датировать XIV веком. Будучи небольшим и сейсмически устойчивым, здание церкви Святого Геворка^{1*}

сомнений, что перестройки были связаны не только с изменениями окружающей градостроительной ситуации, но и с изменениями назначения самого притвора.

^{1*} Относительно названия церкви О. Х. Халпахчян, по всей видимости, ориентировался каталогом «Памятники градостроительства и архитектуры Украинской ССР» (см.: Т. 2. – С. 282). В литературе она фигурирует также под названием «Святого Григора Просветителя» (см.: **Якобсон А. Л., Таманян Ю. А.** Армянская архитектура в Крыму. – С. 43–44). Как название «Святого Георгия», так и название «Святого Григора» ошибочны. На самом деле церковь посвящена Святой Урпат (Святой Пятнице, Святой Параскеве). Под этим названием она фигурирует на плане Кафы 1784 года («Армянская церковь Святой Параскевы»; номер на плане ошибочно поставлен не под тем символом), у М. Бжишкяна, в статье «Об остатках древних армянских церквей в Феодосии» и многих

продолжительное время находилось в хорошем состоянии, что позволило с начала XIX века использовать его в качестве хранилища архивных документов^{1*}. Техническое состояние памятника ухудшилось к началу XX века, и он был отреставрирован^{2*}. В 60-х годах того же столетия обрушилась большая часть западного фасада здания с прилегающим перекрытием, на продольных стенах появились широкие вертикальные трещины. Восстановительные мероприятия были предприняты с 1968 года³. При проведении повторных обмерных работ сотрудниками Укрпроектреставрации в 1972 году на месте не оказалось многих выпавших из кладки камней. Реставрация была завершена в 1980 году крымскими специалистами^{4*}.

Памятник выполнен по типу трапециевидного зала с выступающей на восточной стороне полукруглой апсидой и несколько расширяющейся западной частью. Перекрытие сводчатое, полуциркульного очертания, усиленное двумя опирающимися на консоли подпружными арками, равномерно удалёнными друг от друга и поперечных стен. Кладка стен выполнена из бутового камня на известковом растворе. Сводчатое перекрытие, арки и обрамления проёмов осуществлены из тёсаного известняка. Полукруглая алтарная апсида немного утоплена в объём здания, почему не полностью выступает на восточном фасаде.

**Феодосия. Восточный участок бывшей Армянской крепости (Карантин).
Церковь Святой Пятницы (ошибочно именуется «Святого Георгия», «Святого Григора»).**

колофонах армянских рукописей. М. Бжишкян отмечает также, что до переселения христиан в 1778 году некоторые церкви Армянской крепости использовались греками, в том числе и церковь Святой Пятницы (Бжишкян М. Путешествие в Польшу. – С. 355).

^{1*} Об этом сказано в каталоге «Памятники градостроительства и архитектуры Украинской ССР» (см.: Т. 2. – С. 282). В статье же «Об остатках древних армянских церквей в Феодосии» (см.: С. 174) говорится, что в здании церкви был склад «различных вещей».

^{2*} Восстановление церкви было осуществлено в 1910–1912 годах во многом благодаря стараниям А. Л. Бертье-Делагарда.

³ Памятники градостроительства и архитектуры Украинской ССР. – Т. 2. – С. 282.

^{4*} В 1998 году здание церкви передано православному приходу города, после чего, в начале 2000-х, здесь были осуществлены небольшие ремонтные работы.

Три окна – одно в апсиде и два в западной стене (под перекрытием и слева от входа) обеспечивают освещение молитвенного зала. Интерес представляет нижнее окно, расположенное на уровне человеческого роста, как видно, служившее не столько для освещения, сколько для продажи мелких предметов церковного ритуала^{1*}.

Оригинально расположен световой проём в восточной половине церкви. Он устроен не как в подавляющем большинстве христианских храмов – в алтарной апсиде, а, по аналогии с церковью Святого Иоанна Богослова в Феодосии, над её конхой. По-видимому, это было продиктовано желанием получить эффектное освещение молитвенного зала – максимальное сверху и полутёмное внизу. Такой подход вполне оправдывался организацией интерьера, где нижний регистр стен оштукатурен, а верхний представлен кладкой из тёсаных квадров с несколько округлой поверхностью.

Гладкие стены, завершённые тонким карнизом-полочкой, и пологая черепичная кровля в два ската, придают внешнему облику здания подчёркнутую строгость, характерную также для его интерьера, лишённого орнаментального убранства и росписей. Основной художественный акцент сосредоточен на западном фасаде. Как в большинстве армянских церквей этого периода, входной проём украшен профилированной рамкой, выше которой расположена стрельчатая ниша. Она обрамлена той же конфигурации ободом (прямоугольным в сечении), выступающим с плоскости фасада. Особое внимание уделено дверным полотнам, покрытым резным геометрическим орнаментом с ритмично расположенными шестигранными головками гвоздей^{2*}.

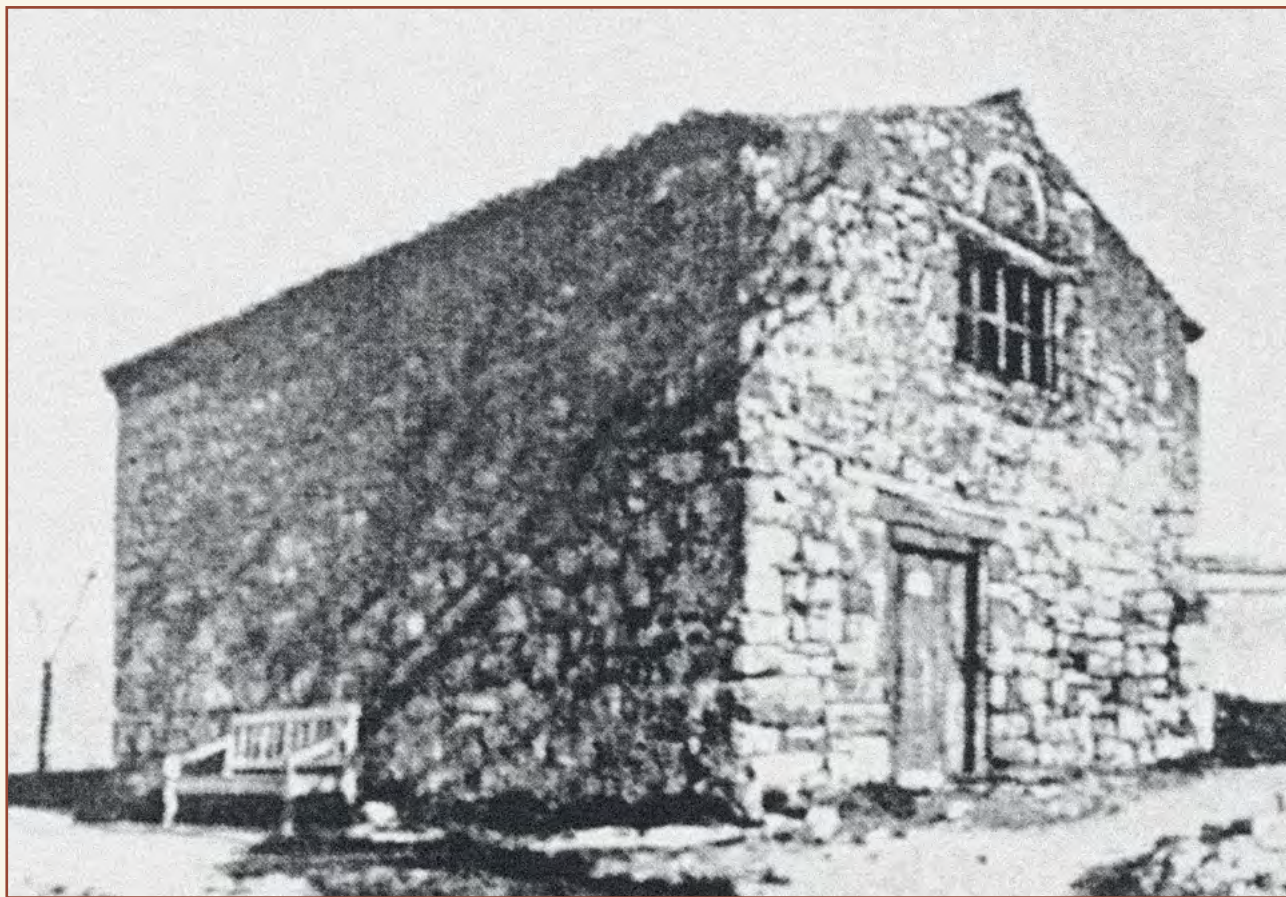
Гравюра церкви Святой Пятницы из альбома Е. Вильнева 1853 года (автор – В. Руссен).

Гравюра В. Руссена, представляет иное, весьма своеобразное строение западного фасада церкви. Дверной проём несколько сдвинут влево от центра и лишён всякого

^{1*} На старых изображениях окошко слева от входного проёма отсутствует. Оно появилось лишь в XX веке, что было связано с приспособлением бывшего церковного здания под различные нужды.

^{2*} Ныне этих дверей на месте нет.

убранства. На фотографии же начала XX века видна узкая перемычка над дверью, выполненная из тёсаного блока. Под щипцом – большое широкое окно. Полукруглая ниша над окном, в щипце, заложена, но обод, не выступающий с поверхности стены, чётко вырисовывается.

Феодосия. Церковь Святой Пятницы в восточном участке бывшей Армянской крепости. Фото начала XX века.

Церковь стояла на высокой платформе, на которую вела, ограждённая с боков каменная лестница. Учитывая окружающий здание пейзаж, изображённый на гравюре, и пониженное расположение одноэтажных построек с левой стороны, платформа представляла собой спланированную вершину местной возвышенности, ограждённую с юга высоким забором, поставленным по краю обрыва^{1*}.

Церковь Святого Степаноса (Стефана) в Армянской крепости в Феодосии

Рассматриваемый памятник расположен на вершине небольшой возвышенности. Судя по сохранившимся в армянских источниках сведениям, это была почитаемая, широко известная церковь. Как справедливо отмечает Э. М. Корхмазян, наиболее

---

^{1*} Внизу, в стене, примыкшей к церкви, располагался камень, на котором в 60-х годах XIX века ещё сохранялась полустёртая армянская надпись 1586 года. Она упоминала священника церкви и церковного старосту (см.: Об остатках древних армянских церквей в Феодосии. – 174).

достоверные данные о ней приведены в армянских источниках, в частности – в одном рукописном Евангелии, переписанном в Кафе¹. В главном колофоне рукописи, датированном 1456 годом, говорится, что она неким господином Аветыком преподнесена в дар церкви Святого Степаноса в Кафе, которая построена священником Хачатуром, сыном господина Григориса².

Наличие греческих надписей, которые сопутствуют росписи, украшающие интерьер, а также недоступность армянских письменных источников послужили основанием для некоторых дореволюционных (архиепископ Гавриил, Д. Марков) и современных (Ю. С. Асеев, А. Л. Якобсон и другие) авторов называть церковь греческой, то есть построенной, расписанной и посещаемой греками³. Однако детальное изучение материалов на армянском языке позволило Э. М. Корхмазян справедливо опровергнуть это ошибочное мнение, утвердившееся с начала XX века⁴.

Феодосия. Восточный участок Армянской крепости (Карантин). Церковь Святого Степаноса, или Стефана (фото 1997 года, автор – И. С. Липунов).

Время возведения церкви Святого Стефана точно не установлено. Местонахождение на территории Армянской крепости подтверждает факт её постройки после утвержде-

¹ **Корхмазян Э. М.** О времени постройки армянской церкви св. Стефана в Феодосии. – С. 90. См. также: Матенадаран им. Месропа Маштоца. – Рукопись 7831. – Л. 294–294 об; Памятные записи армянских рукописей XV века. – Ч. 2 (1451–1480 гг.) / Сост. Л. Хачикян. – Ереван, 1958. – С. 77–78.

² Матенадаран им. Месропа Маштоца. – Рукопись 7831. – Л. 294; Памятные записи армянских рукописей XV века. – Ч. 2. – С. 77.

³ **Марков Д.** Древнегреческая церковь в Феодосийском карантине. – С. 186–191; Памятники градостроительства и архитектуры Украинской ССР. – Т. 2. – С. 282; **Якобсон А. Л.** Крым в средние века. – С. 124.

⁴ **Корхмазян Э. М.** О времени постройки армянской церкви св. Стефана в Феодосии. – С. 96.

ния Устава 1316 года Комитета Хазарии Генуэзской республики. Для определения датировки церкви существенное значение имеет послание армян Кафы к католикосу от 1438 года, в котором они сообщают о своём намерении принять участие в соборе, созываемом во Флоренции. Среди лиц, подписавших послание, есть и некий священник Симеон – представитель церкви Святого Степаноса (Стефана)¹. Таким образом можно констатировать время возведения этого сооружения – конец XIV или же начало XV века.

Несомненно, вокруг церкви Святого Стефана существовали различные жилые и иного назначения постройки, составлявшие единый архитектурный комплекс. Из этого комплекса сохранился лишь фонтан с чистой родниковой водой, который действует и поныне. Он расположен с северной стороны холма, на котором находится церковь, у его подножия. Лицевой фасад обращён в сторону небольшой площадки, оставшейся ещё с прошлых времён, когда водой фонтана пользовались жители расположенных вблизи домов. По прочитанной М. Бжишкяном армянской надписи, имевшейся на фронтоне фонтана, он построен в 1491 году «в память о Вардэrese и его супруге Нур-Мелик»². Несомненно, церковь функционировала не одно столетие, поскольку вторая надпись свидетельствует о восстановлении фонтана «магдуси Акобом» в 1643 году³.

Феодосия. Церковь Святого Степаноса (Стефана). Вид с юго-запада.

Церковь очевидно была действующей до переселения крымских христиан в Азовскую губернию в 1778 году. Она упоминается в «Поэме о 24 армянских церквях Кафы», составленной в конце XVIII века: «Святой Степанос – первосвидетель / Это – малень-

---

¹ Палчьян А. История католической миссии среди армян в унии их с римской церковью на Флорентийском соборе. – Вена, 1878. – С. 299 (на арм. яз.); Армяно-итальянские связи. Генуэзские документы о крымских армянах. – С. 32.

² Бжишкян М. Путешествие в Польшу. – С. 355.

³ Там же.

кая часовня»¹. По письменным источникам середины XIX века, церковь не функционировала², что пагубно отразилось на её состоянии. Но памятник пострадал не только от запустения, но и от неграмотного восстановления. В частности, в начале XX века для предохранения сводчатого перекрытия от разрушения в верхнюю часть северной и южной стен были установлены металлические затяжки. В 50-х годах XX века была произ-

**Церковь Святого Степаноса в Феодосии.
Основание подпружной арки.**

ведена заделка трещин на западном фасаде, обновление черепичной кровли, каменного пола, а также покрытие интерьера штукатуркой, что привело к частичной утере фресок. С северной и восточной сторон здания были устроены приямки, а по периметру – отмостки^{3*}.

Здание церкви Святого Стефана принадлежит к типу одноапсидных зально-сводчатых сооружений. Оно выполнено из бутового камня на известковом растворе. В зависимости от рельефа местности ориентация апсиды юго-восточная. Размеры относительно небольшие. Площадь молитвенного зала, близкого по пропорциям к квадрату, составляет около 54 м². Высота молитвенного зала почти равна его ширине, что придаёт интерьеру впечатление просторности. Толщина стен – 0,72 м. Сводчатое перекрытие поддерживается двумя близко расположенными стрельчатыми арками, которые опираются на консоли, выложенные из тёсаных каменных блоков. Средний

пролёт несколько меньше крайних, чем акцентируется внимание на центральной части перекрытия.

Полуциркулярная в плане алтарная апсида с низкой солеёй в 20 см по ширине меньше ширины молитвенного зала. Она завершается стрельчатого контура конхой, гармонирующей с очертанием подпружных арок. Этим создается единство внутренних объёмов – алтарной апсиды и молитвенного зала.

Единственный вход, устроенный с западной стороны, несколько сдвинут от продольной оси здания на север. Это позволяет воспринимать интерьер в небольшом ракурсе, впечатляющем своеобразием. К XIX веку следует отнести пробивку узкого проёма на правом краю северного фасада. Думается, проём, заложенный в процессе одной из реставраций памятника, был открыт в связи с использованием здания в хозяйственных целях.

Свет, по аналогии с небольшими однотипными средневековыми церквями крымских армян, поступал через маленькие окна, расположенные на продольной оси здания – в алтарной апсиде и в западном щипце. Позднее, возможно в XVII веке, когда ремонти-

¹ Кушнерян Хр. История армянских переселенцев Крыма. – С. 141.

² Об остатках древних армянских церквей в Феодосии. – С. 172.

³ * В 1998 году здание церкви передано русскому православному приходу города. Последнее обновление его организовано в начале 2000-х годов.

ровался фонтан, появились ныне заложенные широкие окна: одно справа от западной двери, другое – на южном фасаде. Вместе со светом от многочисленных горящих свечей они обеспечивали не только видимость, но и впечатляющее восприятие фресковых росписей интерьера. Остальные три окна в северной стене, которые также заложены, появились в XIX веке, очевидно в связи с приспособлением церковного здания для использования в хозяйственных целях.

Феодосия. Церковь Святого Степаноса (Стефана). Вид с северо-востока.

Внешний облик здания довольно чёток в своём построении. Он состоит из основного прямоугольного объёма, перекрытого двухскатной кровлей, и примыкающего к нему с востока полуцилиндра с коническим покрытием. Стены выложены из бутового камня, выделяющего фактуру кладки. Швы тщательно обработаны затиркой. Стены по верху обведены тонким карнизом из скошенных в нижней части плит.

Художественный акцент западного фасада – дверной проём, несколько сдвинутый с продольной оси здания на север. Он увенчан показательной для памятников крымских армян небольшой стрельчатой нишей, охваченной такого же контура ободом на консолях. Как правило, внутренняя поверхность этих ниш украшалась росписью^{1*}. Назначение ныне заложенного прямоугольного окна, расположенного низко, справа от двери, точно не установлено. По Д. Маркову оттуда прихожанам выдавали свечи и порфиру².

Важным составляющим художественного убранства интерьера церкви являются частично сохранившиеся росписи. Помимо персонажей из Ветхого и Нового заветов в композицию сцен включены изображения общих видов и фрагментов различных монументальных купольных зданий, включая и культовые. Использована также растительная и геометрическая орнаментация, в частности – на подпружных арках. К сожалению,

¹ * Западный фасад памятника, наблюдаемый сегодня, имеет мало общего с его прежним видом. Составить относительно целостное представление о былом фасаде можно с помощью гравюры В. Руссена из альбома Е. Вильнева.

² **Марков Д.** Древнегреческая церковь в Феодосийском карантине. – С. 188.

до нашего времени сохранились лишь небольшие фрагменты росписей на поверхности западной стены и в алтарной апсиде. Гибель фресок продолжается, и то, что ещё в 1945 году существовало, в настоящее время уже частично утрачено. Представление о динамике состояния росписей в течение XX века можно составить по описаниям, изложенным в работах Д. Маркова¹, Н. Барсамова и А. Полканова², О. И. Домбровского³, Н. Б. Салько⁴ и Э. М. Корхмазян⁵.

Гравюра из альбома Е. Вильнева с изображением церкви Святого Степаноса.

Ввиду давности выполнения, красочный слой фресок сильно поблёк, местами даже ничего не просматривается. Тем не менее, можно установить преобладание в колорите охристых тонов на общем синем фоне. Показательно сочетание тёмных и светлых оттенков, приобретших со временем сероватый цвет. По мнению Д. Маркова, содержание росписей в алтарной апсиде заменяло собой иконостас, в соответствии с чем, по-видимому, были определены и сюжеты изображённых сцен.

Вышеперечисленные специалисты, изучавшие росписи, пришли к общему заключению о довольно ощутимой разнице в стилях их выполнения и об участии, как минимум, двух мастеров. Э. М. Корхмазян связывает это явление с перестройками, имевшими место в хронологически удалённых друг от друга периодах и замене попорченных росписей новыми, выполненными менее квалифицированными мастерами.

В конхе апсиды изображена сцена «Деисус» с сидящим на троне Христом (сохранилась только нижняя часть персонажа). Слева стоит Богоматерь, справа – Иоанн Креститель. По определению Э. М. Корхмазян роспись выполнена «в так называемой

¹ Марков Д. Древнегреческая церковь в Феодосийском карантине. – С. 189.

² Барсамов Н., Полканов А. Феодосия. Прошлое города и археологические памятники. – С. 37–38.

³ Домбровский О. И. Фрески средневекового Крыма. – Киев: Изд. АН УССР, 1966. – С. 61–68.

⁴ Салько Н. Унікальна пам'ятка живопису XIV століття // Образотворче мистецтво. – № 1. – Київ: Спілка радянських худож. та скульпт. України, 1973. – С. 25–30 (на укр. яз.).

⁵ Корхмазян Э. М. Армянская миниатюра Крыма. – С. 104–106.

греческой манере, характерной для многих восточно-христианских и славянских памятников XIV века. Несколько вытянутые стройные фигуры Христа, Богородицы и Иоанна Крестителя написаны умелым, талантливым мастером в широкой смелой манере. Легко и свободно ниспадают вниз складки их одеяний. Очертания голов и особенно изящного рисунка выразительных рук – характерны для лучших произведений живописи XIV–XV веков¹. По мнению исследовательницы, по сторонам апсиды был изображён «Ряд пророков». Наверху слева сохранился образ пророка Аввакума, который держит в левой руке свиток. К этому персонажу приписана греческая надпись^{2*}.

Церковь Святого Степаноса. Остатки росписей в апсиде. Современный вид.

Ниже «Деисуса», во втором ярусе, посредине апсиды, изображена сцена «Богородица с Младенцем»^{3*} с надписью на греческом. Ещё ниже, по сторонам последней, представлена «Тайная вечеря», или «Евхаристия», в диптихе: слева – причащение вином, справа – хлебом. «Евхаристия» написана иначе. По заключению Э. М. Корхмазян, манера художника «более плоскостная, фигуры приземисты, лики близки по типам к восточным образцам. Больше уделено внимания линиям и контурам. Сравнительно с живописно трактованными фигурами «Деисуса», эти выполнены в более графической манере»⁴. На откосах окна, открытого в апсиде, сохранились изображения архангелов. Фрески нижнего регистра имеют подписи на греческом языке. По мнению Э. М. Корхмазян, они являются свидетельством того, что росписи выполнялись либо при участии греческого мастера, либо по греческим образцам^{5*}.

¹ Корхмазян Э. М. Армянская миниатюра Крыма. – С. 105.

^{2*} Наверху справа (южнее) от апсиды был изображён пророк Иона, к которому также была приписана греческая надпись. Об этом пишет архиепископ Гавриил, который, кстати, называет церковь именем «Святого Благовещения» (см.: Гавриил, архиепископ Херсонский и Таврический. Остатки христианских древностей в Крыму. Уезд Феодосийский. – С. 322).

^{3*} Точнее – Икона Знамения Пресвятой Богородицы (Одигитрия).

⁴ Корхмазян Э. М. Армянская миниатюра Крыма. – С. 106.

^{5*} Более вероятно появление греческих надписей в церкви Святого Стефана после того, как она была сдана в аренду грекам. Здесь следует ещё раз подчеркнуть, что высказывания по поводу греческого происхождения церкви Святого Степаноса (Стефана) беспочвенны. Она находилась в средне-

На западной стене хорошо просматривалось изображение «Страшного суда»: справа от входной двери были Сатана, Иуда и группа грешников, слева – райские врата с фигурами Серафима, Благоразумного разбойника и Богоматери. До недавнего времени были заметны фрагменты некоего персонажа на коне – круп лошади, задние ноги которой попирали поверженного человека в кольчуге и плаще. Просматривалась и верхняя часть туловища всадника, который сдерживал коня уздой, зажатой в руке. По стилю выполнения живопись «Страшного суда» принадлежит менее опытному художнику, что может быть объяснено более поздним её происхождением и расположением в менее значимой части интерьера.

Остатки росписи «Страшный суд» на западной стене церкви Святого Степаноса.

вековом армянском участке города, рядом с армянским фонтаном, и, будучи пустующей, на вполне законных основаниях армянским архиепископом была сдана в аренду грекам, скорее всего, в середине XVIII века. После этого в ней и появились росписи с греческими надписями (Саргсян Т. Э. О численности армянских духовных центров Кафы–Феодосии. – С. 37–41).

Есть два важных упоминания церкви Святого Степаноса в армянских источниках третьей четверти XVIII века. Первая из них – «Поэма о 24 армянских церквях Кафы», в которой она характеризуется как «маленькая часовня» (см.: Кушнерян Хр. История армянских переселенцев Крыма. – С. 141). Речь идёт не о размерах церкви (остальные не больше этой), а о крайней малочисленности её прихода. Определение «часовня» констатирует, что на тот момент армянского священника здесь уже не было. Второй источник – свидетельство о ежегодно выплачиваемых армянскими церквями Кафы налогах в казну султана (Матенадаран им. Месропа Маштоца. – Рукопись 2939. – Л. 471). Деньги передавались через константинопольского армянского патриарха. Согласно этому документу, церковь Святого Степаноса платила пять флоринов. Таким образом, сообщения приведённых двух источников показывают, что церковь Святого Степаноса, малозначимая в материальном отношении, продолжала оставаться в ведении армянского архиепископа. И тем не менее, греческое духовенство предприняло определённые изменения в интерьере арендуемой церкви: была заложена святая купель в северной стене, удалено алтарное возвышение, расписаны стены. Всё это говорит о том, что новые пользователи твёрдо обосновались в церкви и без опасений относительно её возвращения вложили средства на различные мероприятия.

Интерьер церкви Святого Степаноса (автор гравюры – В. Руссен, 1850-е годы).

Фрагмент «Евхаристии» из церкви Святого Степаноса в Феодосии
(фото – И. С. Липунова, 90-е годы XX века).

Армянская церковь в Керчи

Очевидно, армяне поселились в Керчи после утверждения Александром II генерального плана города в 1821 году. Вначале, будучи немногочисленными, они выполняли свои церковные нужды в домовый молельне, которую к середине XIX века заменили приспособленным под церковь отдельным зданием. В архивных документах такое здание впервые отмечено на генеральном плане города 1880 года, под литером 25, по адресу: Театральная улица, дом 14¹.

Краткое упоминание армянской церкви появилось в письменных источниках в конце XIX века^{2*}. Видимо наиболее ранней работой является книга Х. Зенковича, в которой наряду с другими культовыми зданиями Керчи, говорится об армянской церкви, существовавшей с 1856 года³.

Армянская церковь Святых Архангелов в Керчи. Центральный фасад.

Сведения об этом памятнике кратки и в городских справочниках, издававшихся с начала XX века. В них упоминаются не только «армяно-григорианская церковь» города, её настоятель, ктитор и два псаломщика, но и действовавшая при церкви начальная школа⁴. Интерес представляют приводимые в этих справочниках данные о численности армян в Керчи: в 1902 году – 505, а в 1907 году – 539 человек, что свидетельствует о медленном росте армянского населения города⁵.

¹ ЦГИА СССР. Керчь. Генеральный план 1880 года.

^{2*} В армянских источниках об армянской церкви в Керчи говорится значительно раньше – в 1864 году. По имеющимся сведениям, до 1-го декабря 1864 года армяне Керчи проводили богослужение в молельном доме. В 1863 году совместным решением община покупает дом немца Шумахера на центральной улице города за 5000 рублей. После проведения некоторых изменений и ремонта, церковь освящается во имя Святых Архангелов (см.: «Масеац агавни» (журнал «Голубь Масиса»). – Феодосия, 1864. – С. 353).

³ Зенкович Х. Х. Керчь в прошедшем и настоящем. Историко-археологический и географический очерк. – Керчь, 1894. – С. 93, 99.

⁴ Памятная книжка Керчь-Еникальского градоначальства на 1904 год. – Керчь, 1904. – С. 30, 100; Памятная книжка Керчь-Еникальского градоначальства на 1907 год. – Керчь, 1907. – С. 10, 28.

⁵ Там же, соответственно С. 65 и С. 61.

Армянская церковь Святых Архангелов в Керчи. Вход в подвальный этаж.

После закрытия церкви в 1920-х годах её здание было приспособлено под детский кинотеатр «Пионер», функционирующий до настоящего времени^{1*}. Он находится в центральной части Керчи, на пересечении улиц Володи Дубинина и 23-го мая 1919 года².

Поставленное на красных линиях смежных улиц здание представляет собой одноэтажное строение, возможно, жилой дом зажиточного горожанина. Доказательством этого служит роскошный подвал под всем зданием. Он освещается выходящими на улицу крупными окнами: в армянских церквях вообще, а в крымских в частности, хорошо освещённые подвалы не практиковались.

Церковь имеет вытянутый с севера на юг прямоугольный объём, округлённый в юго-западном углу, в связи с пересечением здесь улиц под тупым углом. Планировка интерьера в период деятельности в здании церкви неизвестна. Существовала ли алтарная апсида и где она находилась можно только предполагать. Направление продольной оси здания даёт основание считать местом устройства алтаря южный торец зала. Здесь находится округлённая часть здания с дверью, которая, полагаем, вела в небольшую прихожую, откуда попадали в алтарную часть. Аналогичная дверь на продольном фасаде обеспечивала заполнение прихожанами молитвенного зала, равномерно освещавшегося четырьмя большими окнами.

Внешнее художественное убранство церкви выполнено в архитектурных формах, практиковавшихся в России к середине XIX века. С помощью четырёх пилястров с тосканскими капителями угловой отсек здания разделён на три части. В центральной из них помещён главный вход, а по сторонам – высокие ниши с арочным верхом (заложён-

^{1*} В 2015 году здание бывшей армянской церкви в Керчи возвращено армянской общине города.

² Крым. Атлас туриста. – Москва, 1985. – С. 94, 95.

ные окна). Под правосторонней нишей устроен вход в подвальный этаж. Далее вправо следует ещё одна пилястра, а после неё – ничем не примечательный дверной проём.

В левом крыле имеются две ниши с прямоугольным верхом (заложённые окна), а между ними – дверной проём. Замыкают крыло две пилястры с арочной нишей (заложённое окно) между ними. Подобная трактовка композиции фасада очевидно продиктована изначальной планировкой здания, состоявшей из обращённого на улицу большого зала и фланкировавших его небольших комнат.

Окна и двери украшены прямоугольными в сечении простыми рамами и однотипными сандриками. Последние состоят из профилированного отрезка с консолями по сторонам, который пролегает под стилизованным двускатным фронтоном. В случае с проёмами прямоугольного контура, между консолями помещены прямоугольные углубления. Если проём арочный, то он заполняет это пространство своим верхом. Отсутствие арочной конфигурации у дверного проёма на левом крыле даёт основание считать её переделанной из окна, после приспособления здания под церковь.

Церковь в селе Грушевка. Вид с юго-востока.

Ввиду повышенной в связи с наслоением культурного слоя отметки тротуара, здание получило приземистый облик, чему способствует завершающий её карниз из профилированных тяг^{1*}.

^{1*} В культовой архитектуре крымских армян есть ещё две очень интересные одноапсидные церкви, которые остались вне поля зрения О. Х. Халпахчяна. Первая из них церковь Святой Богородицы, которая находится в селе Грушевка (в прошлом Сала) Белогорского района. В XIX веке она перешла к русскому православному приходу и была переделана. От средневековой церкви сохранилась лишь восточная часть, в состав которой входят алтарная апсида и фланкирующие её приделы. Последние заполняют апсидное полукружие по сторонам, вследствие чего оно не выступает снаружи. Приделы от апсиды разделены мощными пилонами. За счёт перекинутой на них широкой килевидной арки

Мраморный фрагмент декора с армянской надписью 1443 года. Обнаружен в селе Грушевка.

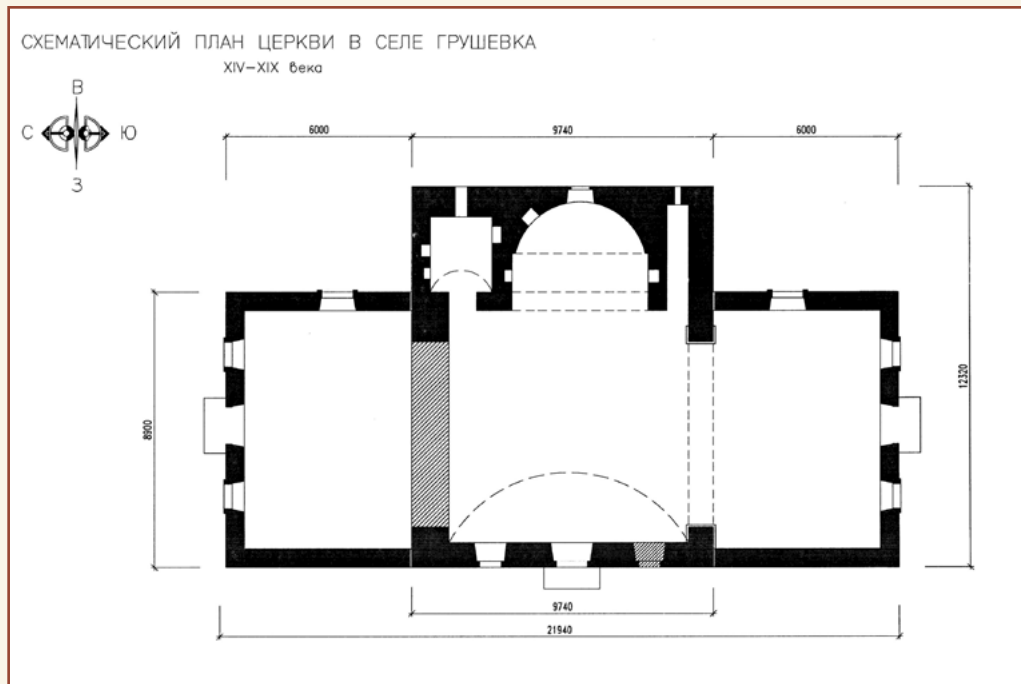
Церковь в селе Грушевка. Орнаментированные резные кресты в приалтаре.

апсида получает значительное углубление. Приделы асимметричны. Южный – узкое удлиненное помещение (ширина 70 см) с единственным окном на восточной стороне. Он перекрыт деревянными балками, расположенными поперечно. Северный придел, который также освещается одним окном в восточной стене, в плане имеет форму прямоугольника (245x200 см) и перекрыт полусферическим сводом из бутового камня. Разница в ширине приделов определила асимметричное расположение здания относительно продольной оси. Церковь в 2007–2010 годах была отремонтирована. Росписи

с армянскими надписями остались под штукатуркой. Алтарное возвышение удалено. В апсиде и примыкающих к ней участках сохранились орнаментированные резные кресты. Жители села Сала относились к традиционной Армянской церкви (во всяком случае, в XVII–XVIII веках), о чём свидетельствует несколько источников. Известен также обнаруженный на территории села мраморный фрагмент декора с орнаментированным резным крестом и армянской надписью 1443 года (см.: **Байбуртский А. М.** Хачкары и росписи позднесредневековой армянской церкви в селе Грушевка (Сала) // Исследования по арменистике в Украине. – Вып. 1. – Симферополь: ЧП «Предприятие Феникс», 2008. – С. 13–20).

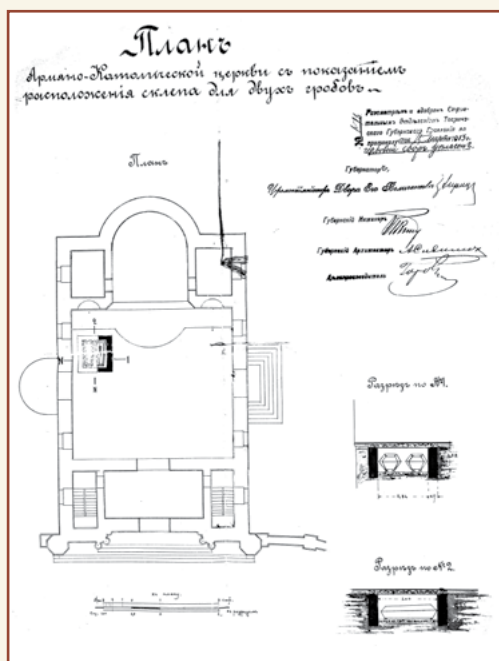
Схематический план церкви в селе Грушевка, выполненный М. В. Петросяном.

Вторая церковь находилась в Симферополе, на Дворянской улице (ныне – улица Горького), и принадлежала армянам-католикам. Она была построена в 1863 году на средства купца 1-й гильдии Саркиса Налбандяна (Сергей Налбандов) и освящена во имя Святого Спасителя. Налбандян родом был из города Гюмушхана (недалеко от Трапезунда). Он обосновался в Симферополе в 20-х годах XIX века и благодаря незаурядной предприимчивости накопил солидное состояние. В строительство церкви донатор вложил 60 000 рублей из собственных средств. В 1864 году он умер в возрасте 66 лет и был похоронен у стены новопостроенной церкви. Спустя время рядом с ним была похоронена супруга – София Михайловна Налбандян.

В 1913 году армяне-католики Симферополя праздновали 50-летие церкви Спасителя. В связи с этим они обратились к властям с прошением перезахоронить останки донатора и его супруги в склепе, устроенном внутри церкви (см.: ГАРК. – Ф. 27. – Оп. 13. – Д. 4724). К прошению был приложен план, указывающий место склепа. Согласно последнему, церковь представляла собой прямоугольную однонефную постройку с единственной апсидой на востоке. Глухая полуциркульная апсида выступала из общего объема здания, оставляя по сторонам широкие «плечи». Прямоугольной конфигурации ризницы заполняли внутренние углы по обе стороны апсиды, вследствие чего та приобретала большую глубину. В ризницы входили из алтаря – через широкие дверные проёмы.

Молитвенный зал имел три входа: с южной, северной и западной сторон. С запада к нему примыкал небольшой прямоугольный объём, по ширине равный основной постройке. Он делился на три самостоятельные части. Центральную занимал прямоугольной формы притвор, боковые – лестничные отсеки, ведущие на хоры.

Центральный вход в церковь находился на западной стороне и выходил на улицу Дворянскую. Перед ним располагалась парадная лестница с широкими каменными ступенями. Сохранившиеся фотографии свидетельствуют, что вход этот был украшен высоким величественным порталом: шесть колонн в три четверти, перспективно расположенные по три с каждой стороны, поддерживали полуциркульный профилированный архивольт. Капители колонн были декорированы резными орнаментами. Резные пояса, тянущиеся по всей ширине западного фасада переходили также на

План и западный фасад армяно-католической церкви Святого Спасителя в Симферополе.

Портреты Саркиса Налбандяна (Сергея Налбандова) и его супруги Софии Налбандян – донаторов церкви Святого Спасителя в Симферополе.

фусты, украшая их. А замыкали фасад высокие боковые башенки, увенчанные барочными луковичами. Здание перекрывалось двускатной кровлей. Щипец западного фасада украшал небольшой элемент: рама в виде профилированного пятигранника, внутри которой размещалась роспись, по всей вероятности изображавшая лик Христа.

Церковь была демонтирована в середине XX века. Её место заняло здание Симферопольского государственного цирка им. Б. Тезикова (улица Горького, 3). Предводительская, построенная рядом с церковью в 1911 году, сохранилась и находится по адресу: ул. Горького, 3а (см.: **Саргсян Т. Э.** Пять церквей армян Симферополя. – С. 163–164).

Б. ТРЁХАПСИДНЫЕ ЗАЛЫ

Церковь Святого Саркиса в Феодосии

Церковь Святого Саркиса (Сергия) – известный памятник зодчества крымских армян, расположенный в прибрежной части южной излучины Феодосийского залива. Окружавший церковь квартал, носивший название своей святыни – Святого Саркиса, в прошлом представлял собой характерную для средневековья плотную застройку. Но уже в XIX веке почти ничего не сохранилось из построек этого квартала. М. Бжишкян пишет, что церковь Святого Саркиса стояла на большой площади. Рядом находились небольшой дом священника и училище для мальчиков и девочек¹. Через полвека М. Погодин подтверждает расположение церкви на пустыре, что зафиксировано также на гравюре В. Руссена, опубликованной Е. Вильневым в 1853 году².

В настоящее время памятник располагается на свободном от застройки многоугольном участке, ограниченном улицами Ленина и Тимирязева, а также переулками Морским и Айвазовского. Справа от ворот, ведущих на территорию церкви, находится могила (точнее – склеп) И. К. Айвазовского и его супруги Анны Саркисовой.

Могила И. К. Айвазовского во дворе церкви Святого Саркиса.

История и архитектурно-художественное построение церкви Святого Саркиса вызывают неуклонный интерес исследователей. Время её возведения неизвестно и указывается по-разному: В. А. Микаелян настаивает на XI–XII веках³, Ю. А. Таманян также придерживается ранней датировки – до XIII века⁴, в книге «Памятники градостроительства и архитектуры Украинской ССР» приводится датировка XIV–XV веками⁵, А. Л. Якобсон и С. К. Килессо относят церковь к XV столетию⁶, а Е. И. Лопушинская временем её основания считает 1363 год⁷.

¹ Бжишкян М. Путешествие в Польшу. – С. 349–350.

² Погодин М. Феодосия и Судак. – С. 305; [Villeneuve]. Album historique et pittoresque de la Tauride, par E. de Villeneuve. – Pl. 4.

³ Микаелян В. А. История армянской колонии в Крыму. – С. 47, 64–66, 324; Микаелян В. А. История крымских армян. – С. 187–188.

⁴ Таманян Ю. А. Архитектура церкви Святого Саркиса в Крыму. – С. 40.

⁵ Памятники градостроительства и архитектуры Украинской ССР. – Т. 2. – С. 286.

⁶ Якобсон А. Л. Армянская средневековая архитектура в Крыму. – С. 170; Килессо С. К. Архитектура Крыма. – Киев: Будівельник, 1983. – С. 13.

⁷ Лопушинская Е. И. Армянская церковь св. Саркиса (Сергия) в Феодосии // «Лрабер» (ВОН). – № 5. – Ереван: Изд. АН Армянской ССР, 1984. – С. 58.

Церковь Святого Саркиса в Феодосии. Гравюра В. Руссена из альбома Е. Вильнева.

Расположение церкви Святого Саркиса в центре города, вне участка, предусмотренного Уставом 1316 года для сдачи в аренду, подтверждает её существование до выхода Устава и даже до прихода генуэзцев, то есть до 60-х годов XIII века. А если вспомнить статью из того же Устава, которая узаконивала неприкосновенность «издревле» находившихся в городе армянских церквей и их земель, то Сурб Саркис можно будет датировать как минимум XII веком, что в целом соответствует определению В. Микаеляна^{1*}.

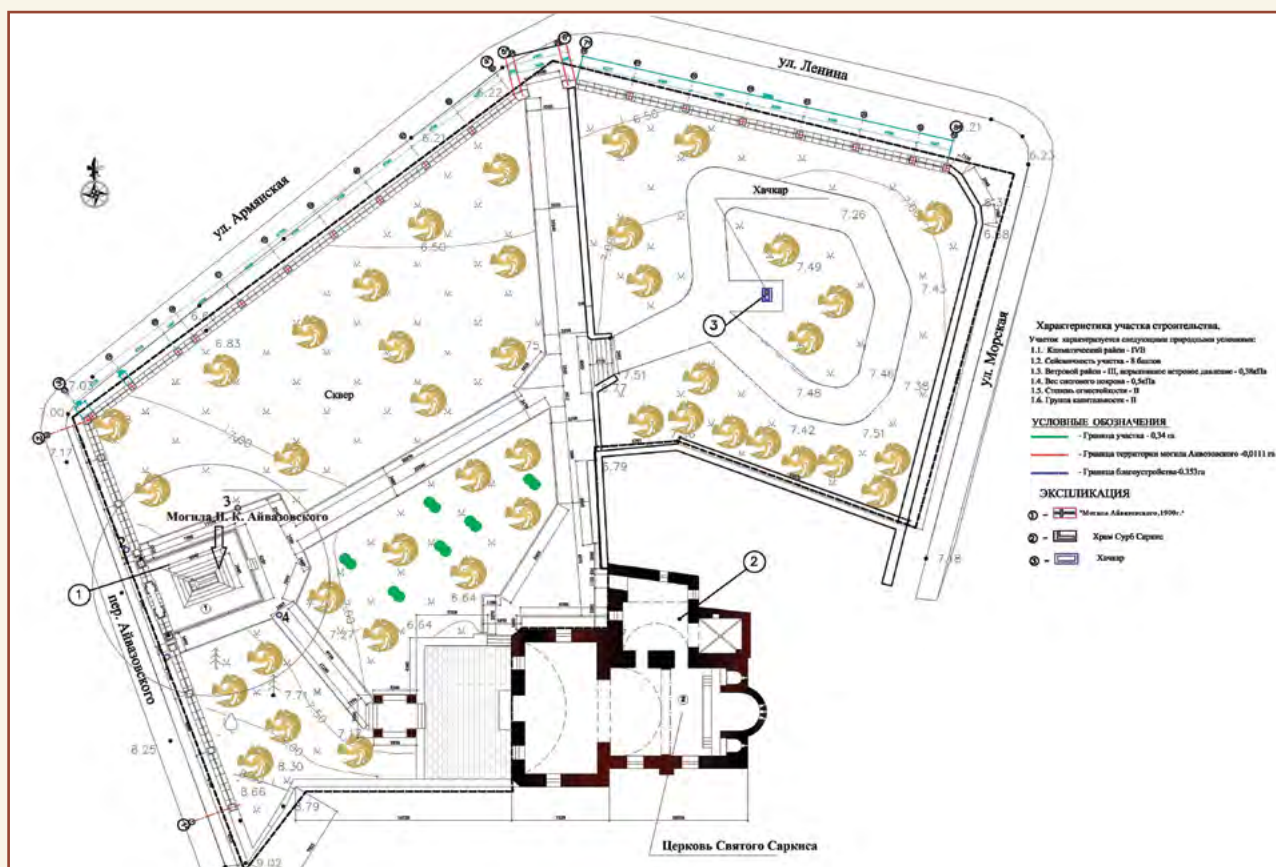
Согласно архивным документам и письменным источникам, церковь Святого Саркиса за время своего многовекового существования претерпела неоднократные и значительные изменения, связанные с появлением пристроек – различных по величине. Сообщения о некоторых из проведённых строительных работ зафиксированы как в печатных источниках, так и в литографиях, вставленных в стены церкви. Тем не менее, древнейшая и основная составляющая памятника, а именно церковь, и в первую очередь алтарная её часть, дошла до наших дней без капитальных перестроек.

Композиционная особенность церкви Святого Саркиса, отличающая её от остальных однефных культовых строений крымских армян, – наличие трёх апсид, выстроенных в ряд на восточной стороне. Причём, согласно М. Бжишкяну, центральная апсида посвящена Святому Саркису, чьим именем названа церковь, а боковые – Святому Петру и Святому Павлу².

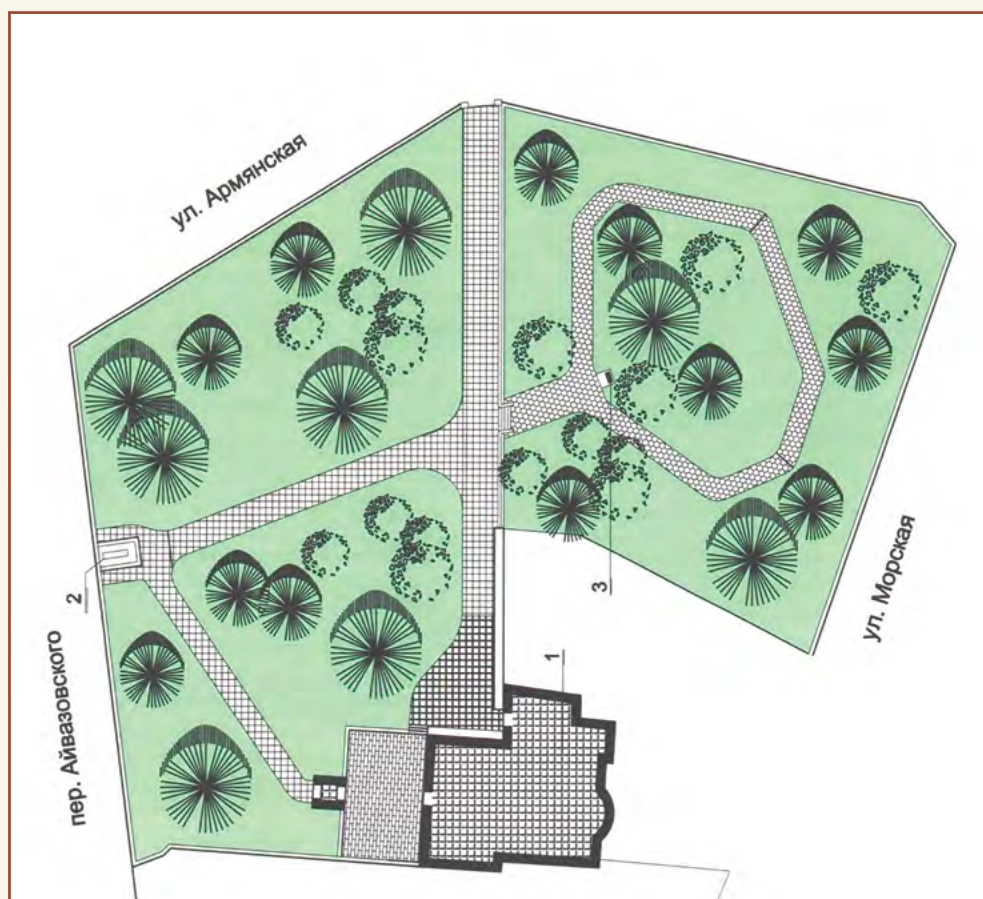
^{1*} Церковь Святого Саркиса является сохранившейся древнейшей постройкой, основанной армянами в Кафе–Феодосии. Она находится на территории армянского квартала догенуэзского периода, где существовало ещё несколько армянских церквей. После вхождения Крыма в состав России именно этот участок был возвращён армянам Феодосии с именованием его «Армянской слободой». Между тем как новый армянский участок, основанный в XIV веке армянами-переселенцами с Поволжья, был предоставлен распоряжению карантинной службы. В течение долгих веков церковь Святого Саркиса являлась главной городской святыней армян Кафы. Первое письменное упоминание о ней встречается в 1361 году (см.: Матенадаран им. Месропа Маштоца. – Рукопись 7408. – Л. 524 об.; Свод армянских памятных записей, относящихся к Крыму и сопредельным регионам (XIV–XV вв.). – С. 148–149).

² Бжишкян М. Путешествие в Польшу. – С. 349.

Церковь Святого Саркиса в Феодосии. Ситуационные планы и план церкви
(автор – М. В. Петросян, 2017 год).

Церковь Святого Саркиса в Феодосии. Интерьер. Вид на восток.

Здание представляет собой почти квадратный однефный зал (размеры: 8,1x8,5 м) с тремя полуциркульной формы апсидами на востоке. Центральная апсида, которая больше и выше боковых, выступает на восточном фасаде небольшим полуциркульным объёмом. Обязательная для армянских церквей солея имеет высоту в 0,8 м. На неё поднимаются по двусторонним каменным лестницам, состоящим из четырёх ступеней.

Интерьер перекрыт полуциркульным сводом, усиленным расположенной по его середине подпружной аркой, опирающейся на пилястры. Такая конструкция свода, взятого под двускатную черепичную кровлю, – уникальный случай в строительной практике крымских армян. Центральный вход, вначале, очевидно, единственный, находился на западной стороне. Выше предполагаемого места входного проёма, под отметкой шельги свода, сохранилось небольшое окно – основной источник освещения молитвенного зала до имевших место впоследствии перестроек. Не показательные для ранних церквей крымских армян большие арочные окна на южной стене, надо считать, имеют более позднее происхождение. Дополнительным источником света являются узкие окна в апсидах. В центральной апсиде их три, а в боковых – по одному, устроенных по примеру окон храмов Армении, в частности – купольной базилики в Мрене 635–640 годов.

Убранство церкви весьма скромное. Основание арочного свода разграничено от стен тонкой тягой, состоящей из полочки и валика по низу. Видимо такое решение связано с необходимостью акцентировать внимание на украшавшие стены росписи, которых, согласно М. Погдину, видевшему их в 1871 году, в церкви было предостаточно. Впоследствии их заменили монументальные полотна, написанные И. К. Айвазовским¹.

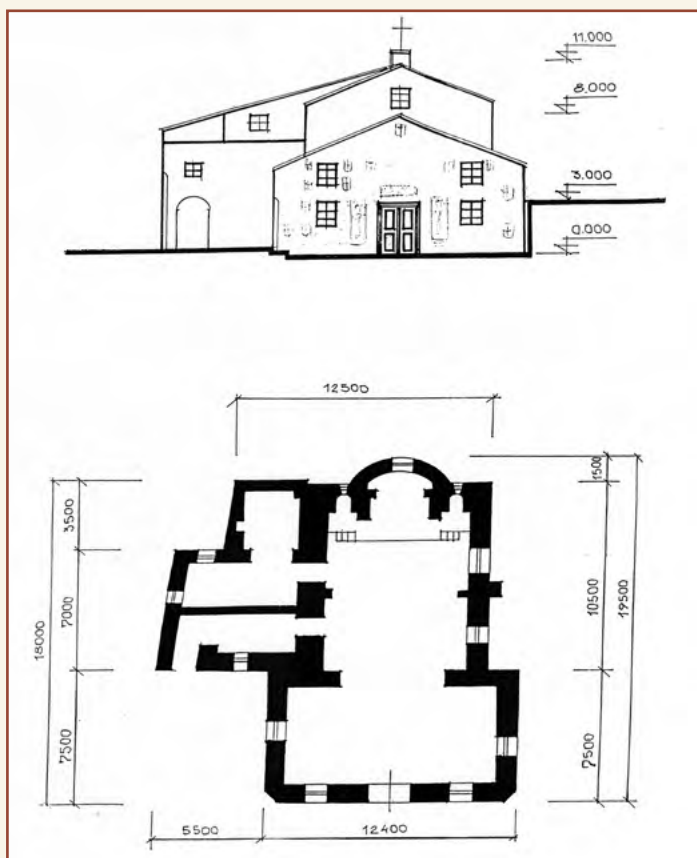
---

¹ Барсамов Н., Полканов А. Феодосия. Прошлое города и археологические памятники. – С. 41–42.

Церковь Святого Саркиса в Феодосии. Вид с северо-запада.

Церковь Святого Саркиса в Феодосии. Схематический план комплекса и западный фасад
(автор – И. П. Шмольсон, 1955 год).

Когда впервые появились примыкавшие к церкви пристройки, точно не установлено. Полагаем, их возведение началось с массовым переселением армян в Крым в первой половине XIV века и обоснованием солидной их части в Кафе. В подавляющем большинстве своём они заселились в расположенном южнее цитадели новом армянском квартале, с которого началось формирование Армянской крепости. Но нельзя исключать, что были и те, кои поселились в старом армянском квартале города. И поскольку имевшиеся здесь церкви не вмещали возросшее число прихожан, площадь их со временем увеличивали с помощью пристроек. В первую очередь это произошло с церковью Святого Саркиса, увеличенной вначале с помощью западной пристройки.

В существующей литературе сведения о пристройке на западной стороне церкви крайне ограничены. Впервые она упоминается М. Бжишкяном, видевшим её в натуре в 20-х годах XIX века. По его описанию, это было ка-

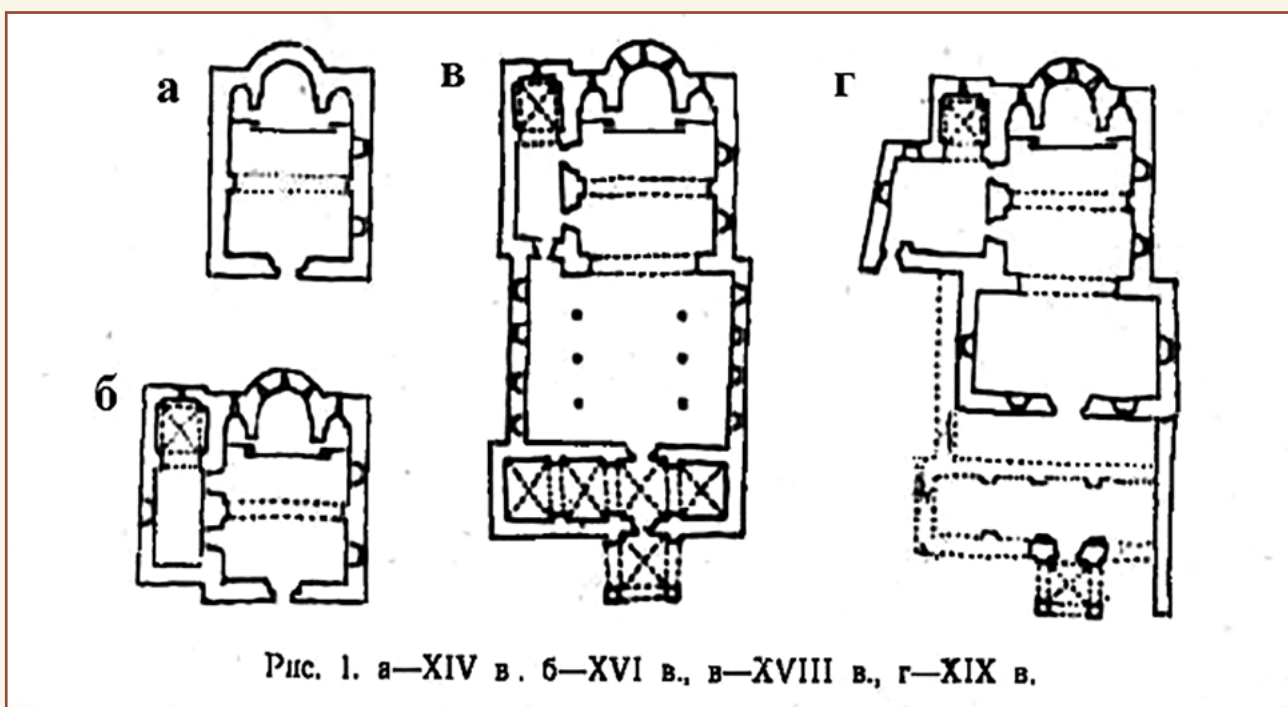

менное сооружение из двух частей, или двух притворов, западный из которых имел два придела и верхний этаж для женщин¹. Такая характеристика подтверждается гравюрой из альбома Е. Вильнева, изображающей вид комплекса в начале 50-х годов XIX века.

Так же кратки сведения о пристройке в работах современных авторов. Ю. С. Асеев, Э. М. Корхмазян, В. А. Микаелян и другие только упоминают о ней. Н. Барсамов и А. Полканов рассматривают её как часть интерьера церкви. О пристройке сказано и в нашей работе, в которой она охарактеризована как притвор, «состоящий из двух разных по высоте объёмов»². Что касается датировки, то А. Л. Яacobсон и Ю. А. Таманян предполагают значительно позднее происхождение пристройки в XVIII веке³.

Помещения в северной стороне церкви – северный притвор и крестильня – появились позже. По мнению Е. Лопушинской, они находились в составе вытянутого с запада на восток единого прямоугольного помещения, которое было разделено на два неравных отделения, перекрытых полуциркульным и крестчатым сводами. Основываясь на ренессансных формах декора этих отделений, исследовательница относит их к XV–XVI векам. Однако на чертеже комплекса сооружений церкви Святого Саркиса, датированном ею же XIX веком, северный притвор в плане показан с косо поставленной северной стеной⁴. К сожалению, автор не обосновывает своё мнение о существовавшем вначале прямоугольном северном притворе, позднее осложнённом в плане: то ли остатками фундаментов, обнаруженных при археологическом исследовании территории, то ли исключительно гравюрой из альбома Е. Вильнева.

Архитектурное развитие церкви Святого Саркиса по Е. И. Лопушинской.

◀ Церковь Святого Саркиса в Феодосии. Крестильня, пристроенная к церкви с северо-востока.

¹ Бжишкян М. Путешествие в Польшу. – С. 349.

² Халпахчян О. Х. Армяно-русские культурные отношения и их отражение в архитектуре. – С. 22.

³ Барсамов Н., Полканов А. Феодосия. Прошлое города и археологические памятники. – С. 33; Яacobсон А. Л. Армянская средневековая архитектура в Крыму. – С. 170; Таманян Ю. А. Архитектура церкви Святого Саркиса в Крыму. – С. 40.

⁴ Лопушинская Е. И. Армянская церковь св. Саркиса (Сергия) в Феодосии. – С. 58–59.

Видимо появление северных пристроек также было обусловлено активизацией деятельности церкви и необходимостью иметь вторую, отдельно стоящую крестильню. Так, если богато орнаментированная святая купель церкви расположена традиционно – в северной стене, ближе к алтарю, то вторая крестильня устроена в отдельном небольшом помещении, примыкающем к церкви с севера. Она расположена восточнее северного притвора, откуда и устроен вход в неё. Для устройства северных помещений, в зависимости от существовавшего по соседству строения, пришлось, как об этом зафиксировано на эскизном чертеже 1955 года архитектора И. П. Шмольсона, придать северному притвору косоугольную форму плана. Косоугольное помещение, или северный притвор, поперечной, ныне не существующей стеной разделялось на две изолированные части. Каждая из этих частей имела отдельный вход из церкви, открытый в её северной стене. Кроме этого северный притвор имеет отдельный внешний вход с западной стороны.

Е. И. Лопушинская, в отличие от остальных упомянутых авторов, уделила большее внимание церкви Святого Саркиса и её пристройкам. Анализируя композиционные особенности комплекса, она усмотрела в нём наличие четырёх строительных периодов. По её мнению, в XIV веке появилась зально-сводчатая церковь с тремя апсидами. В XV–XVI веках к ней с северной стороны были пристроены северный притвор и крещальня. В XVIII веке возведены западные пристройки – два чередующихся притвора (а точнее – притвор и галерея) и портик на четырёх столпах. Таким образом, повторяя точку зрения А. Л. Якобсона и Ю. А. Таманяна, Е. И. Лопушинская предполагает значительно более позднее происхождение западных пристроек. Во второй половине XIX столетия разрушенные западный притвор и галерея были демонтированы, а их место заняло небольшое дополнение, объединённое с церковью широким арочным проёмом. В результате этого «портик оторвался от основного объёма»¹.

В представленном в статье плане третьего строительного периода, датированного автором XVIII веком, западнее церкви показаны притвор, объединённый с молитвенным залом широким арочным проёмом, четырёхпролётная галерея и портик. Упомянутое же в тексте изменение формы северного притвора на плане не отмечено. Одновременное появление арочного проёма с притвором сомнительно. Обычно в Крыму, как и в средневековой Армении, притворы представляли собой изолированное от церкви помещение, а не служили продолжением молитвенного зала.

Неизвестно почему в интерьере притвора показано шесть опор, которые, судя по их размерам, не каменные, а деревянные, и огромное, более 140 м², перекрытие. Так ли это было в действительности? Учитывая размеры притвора и сравнивая его с аналогичными примерами на территории Крыма, надо полагать, что перекрытие было каменным сводчатым. Косвенным доказательством может служить многопролётное сводчатое перекрытие примыкавшей к притвору галереи.

Вызывает сомнение правильность расположения северной стены северного притвора на плане третьего строительного периода и иное, на этот раз уже исправленное её расположение на плане четвёртого периода. Вышеизложенное даёт основание считать, что высказанные Е. И. Лопушинской суждения о строительных периодах, датах и формах помещений, примыкавших к церкви, нуждаются в корректировке. Обследование современного состояния строений церкви Святого Саркиса, изучение гравюры из альбома Е. Вильнева, а также архивных фотографий позволяют констатировать нижеследующее: точно фиксируется место примыкания западной стены северного притвора и северной стены западного притвора; констатируется сдвинутое влево положение последнего по отношению к продольной оси церкви. Подобное смещение практиковалось и в комплексах Армении XIII века, в частности в Аричаванке и Ованаванке².

¹ Там же. – С. 58–59.

² Халпахчян О. Х. Архитектурные ансамбли Армении. – С. 262, 382.

Церковь Святого Саркиса в Феодосии в начале XX века.

Ритмичное изображение окон на северном фасаде, полагаем также и на южном, подтверждает чёткость планировки интерьера. По аналогии с притвором церкви Иоанна Богослова в Феодосии, притвор церкви Святого Саркиса имел четыре внутренние каменные опоры, симметрично расположенные относительно продольной и поперечной осей интерьера. Местоположение опор чётко согласовывалось с оконными простенками на продольных стенах. Устои соединялись между собой и с периметральными стенами стрельчатыми арками, усиливавшими идущие с запада на восток своды. С учётом наличия двускатной кровли, средний свод возвышался над боковыми.

С запада к притвору примыкала высокая и довольно узкая по ширине галерея. Судя по расположению окон на рисунке В. Руссена и описанию М. Бжишкяна, она была двухэтажной, с верхним ярусом для женщин. Консольные опоры и пяты подпружных арок, сохранившиеся по сторонам входного проёма, ведущего из портика в галерею, свидетельствуют, что междуэтажное перекрытие было деревянным, а верхнее – многопролётным крестчатым. Лестница на второй этаж, по-видимому, располагалась в юго-западном углу помещения. Как освещался верхний этаж галереи показано на рисунке из альбома Е. Вильнева. Источник освещения нижнего этажа не известен. Остаётся предполагать, что он был второстепенным.

На чертеже Е. И. Лопушинской галерея показана тёмной, без окон. Она разделена подпружными арками на четыре секции равной величины, каждая из которых перекрыта отдельным крестчатым сводом. Однако это заключение не подтверждается конструктивными деталями, сохранившимися на остатке западной стены.

К западному фасаду галереи примыкал небольшой каменный портик, перекрытый крестчатым сводом. Сооружение его относится к XVIII веку. Квадратный в плане портик представлен четырьмя массивными столбами, наверху соединёнными стрельчатыми арками. На гравюре В. Руссена, портик имеет одинаковую с галереей высоту и завершается четырёхскатной черепичной кровлей, к сожалению, плохо согласован-

ной с четырёхскатным черепичным покрытием галереи. По нашему мнению, четырёхскатная кровля портика появилась после ликвидации его верхнего яруса, служившего звонницей. Подобные портики известны в строительной практике Армении, где они пристраивались в качестве колоколен как к церквям, так и к притворам, например, в Аричаванке, Ахтамаре, Эчмиадзине, церкви Святого Карапета в Муше и так далее.

◀ Церковь Святого Саркиса в Феодосии. Портик и фрагменты его декора.

Полагаем, что таковым был и портик церкви Святого Саркиса в Феодосии, поскольку в конце XIX столетия над его нижним каменным ярусом, сохранившимся и поныне, уже имелась увенчанная шатровой кровлей деревянная надстройка-колокольня – своего рода имитация прежней звонницы.

Гладкие формы портика завершаются карнизом на часто расположенных кронштейнах, что свидетельствует о монументальности утраченной верхней части. Поверхности вокруг арок украшены фрагментарно сохранившейся резьбой по камню. Орнаментальные мотивы выполнены в виде разнообразных по рисунку тяг и фризов, связанных в пояс розеток и волют. Богатая орнаментальная резьба портика напоминает резьбу армянских памятников XIV века, в частности церкви Святой Богородицы в Егварде.

Выполненное из руин притвора новое строение явилось продолжением молитвенного зала^{1*}, не вмещавшего прихожан. Исключительно этим следует объяснить появление в западной стене церкви большого арочного проёма, объединившего интерьер церкви с интерьером новой пристройки. Последняя представляет собой прямоугольный объём, симметрично расположенный относительно продольной оси церкви. Для придания интерьеру пристройки большей связи с молитвенным залом она перекрыта деревянной конструкцией, имитирующей пологий свод в поперечном направлении.

Западный фасад церкви регулярен по композиции. Для лучшего внутреннего освещения окна, фланкирующие западный дверной проём, устроены в два яруса. Пологие кровельные скаты церкви и расположенные параллельно им покрытия пристроек придают единство общему облику комплекса. Важнейшим составляющим художественного оформления как экстерьера, так и интерьера здания, являются вмурованные в стены хачкары. Они различны по декору, размеру и материалу.

Между хачкарами интерьера с трудом просматривается резное изображение «Богоматери с Младенцем Христом». Образ Богоматери отличается мягкостью линий. Красивые глаза отражают скорбь, тонкие пальцы рук показательны изяществом. Приписанная к изображению надпись 1487 года упоминает заказчика – торговца Улубека из Судака².

Как упоминалось выше, интерьер церкви Святого Саркиса был украшен росписями. По этому поводу М. Погодин в 1871 году писал: «Ещё более фресок сохранилось в армянской церкви Св. Сергия, оставленной к стыду армян в совершенном небрежении,

¹ * С 60-х годов XIX века западный притвор и галерея стали активно разрушаться, в связи с чем деятельность церкви была приостановлена (см.: Об остатках древних армянских церквей в Феодосии. – С. 173; **Тер-Абраамян О.** История Крыма (часть 2). – С. 70). С учётом этого факта, следует признать сомнительным мнение О. Х. Халпахчьяна о присутствии в притворе двух пар каменных колонн и держащейся на них каменной конструкции из трёх параллельно идущих сводов. Очевидно, права Е. Лопушинская, и перекрытие притвора действительно было деревянным, а само здание обветшалым. Ремонт церкви Святого Саркиса был проведён в 1888 году при содействии И. К. Айвазовского, архимандрита Хорена Степанэ и армянской общечности Крыма (см.: Свод армянских надписей. – Вып. VII. – С. 47). Именно в это время на месте разрушенных притвора и галереи появилось существующее ныне дополнение к молитвенному залу, связанное с ним с помощью большого арочного проёма. К этому дополнению с запада примыкала небольшая прихожая под навесом. Отделившийся от церкви портик был дополнен вторым ярусом из дерева и превращён в колокольню. На уцелевшем фрагменте западного фасада галереи, примыкавшем к портику с севера, была устроена каменная лестница, ведущая вверх в колокольню.

² **Корхмазян Э. М.** Армянская миниатюра Крыма. – С. 97–99.

хотя эта есть древнейшая их церковь в Феодосии¹. После дальнейших реставраций росписи церкви Святого Саркиса были скрыты под свежим слоем штукатурки и покраски.

Исследовавшие росписи специалисты определили наличие трёх разновременных слоёв, связываемых с имевшими место реставрационно-восстановительными работами, в процессе которых обновлялись и росписи. Под верхним слоем свода – тёмно-зелёным с выпуклыми шестиконечными звёздами – сотрудники Укрпроектреставрации выявили фрагменты орнаментированных медальонов, напоминающих медальоны росписей кафедрального собора в Эчмиадзине. Внутри медальонов помещены изображения евангелистов^{2*}.

Обнаруженные в конхе апсиды следы росписей, очевидно относились к XIV–XV векам – времени господства гетуэзцев в городе.

В конце XIX века интерьер церкви был украшен монументальными полотнами. Семь картин, принадлежавших кисти И. К. Айвазовского, в том числе «Моление о чаше» и «Хождение по водам», были подарены церкви автором после её обновления в 1888 году. Из церковного инвентаря того периода особый интерес представляли также два мраморных подсвечника, покрытых резными растительными орнаментами.

Художественное оформление церкви дополняли деревянные детали. Интересна резная капитель из орехового дерева, которая ныне хранится в Краеведческом музее Феодосии^{3*}. Она некогда входила в состав деревянной перегородки, разделявшей церковь от притвора. Армянская надпись на капители сообщает о восстановлении церкви в 1532 году^{4*}. Ещё более замечательны двухстворчатые двери из орехового дерева, покрытые тонкой ажурной резьбой. Древнейшая из них, с резными армянскими надписями 1330, 1366 годов и XVII века, экспонируется в музее Феодосии. По преданию, дверь была привезена переселенцами из Ани, однако, как показали Н. Барсамов и А. Полканов, это не подтверждается имеющимися на ней датами⁵.

◀ Двери церкви Святого Саркиса 1330 года в Феодосийском музее древностей.

Обе створки двери симметрично украшены пышным растительным орнаментом, заполняющим череду равноконечных крестов и восьмиконечных звёзд. Э. М. Корхмазян, имея в виду занятость армянских мастеров в создании произведений вне своей родины, пишет: «данный орнамент принадлежит к числу наиболее распространённых в архитектурных памятниках Закавказья, Малой Азии и Ирана начиная с XII века. Отдельные элементы его растительных узоров встречаются в Крыму и на стенах мечетей (возводившихся нередко армянскими мастерами)»⁶.

Как следует из надписи 1330 года, дверь специально была изготовлена для церкви Святого Саркиса в Кафе, почему, действительно, идентификация её с привезённой из Ани дверью проблематична. При этом, изучив конструкцию дверных полотен, А. Ш. Мнацакян констатировал наличие в них двух слоёв – нижней гладкой основы и верхнего орехового пласта с резными орнаментами. Среди этих элементов им были обнаружены более ранние фрагменты, оставшиеся, по его мнению, от привезённой из Ани двери⁷.

¹ **Погодин М.** Феодосия и Судак. – С. 306.

² * Очистка и закрепление росписей церкви Святого Саркиса, в том числе и медальонов с изображениями евангелистов, были произведены в 2016–2017 годах группой специалистов из Армении под руководством Аржаника Ованнисяна.

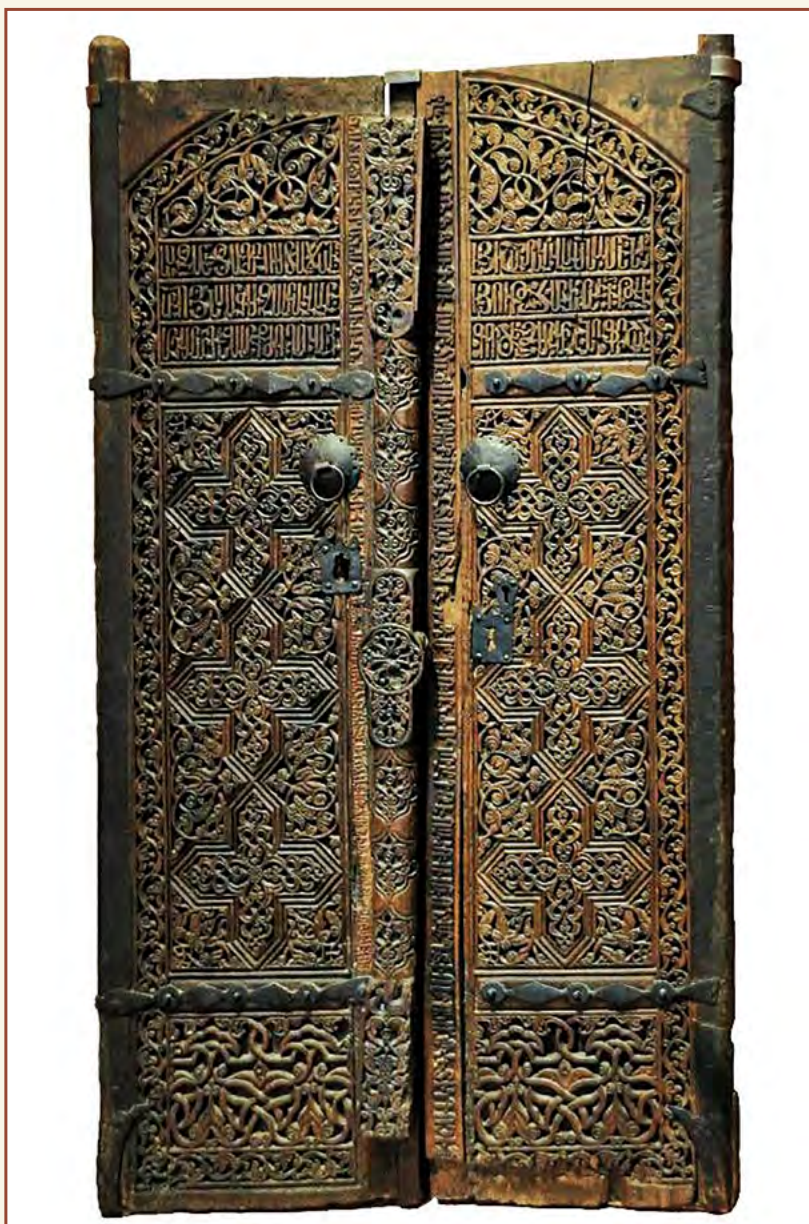
³ * Ныне – Феодосийский музей древностей.

⁴ * Надпись опубликована Гр. Григорьяном (см.: Свод армянских надписей. – Вып. VII. – С. 51).

⁵ **Барсамов Н., Полканов А.** Феодосия. Прошлое города и археологические памятники. – С. 41.

⁶ **Корхмазян Э. М.** Армянская миниатюра Крыма. – С. 109.

⁷ **Мнацакян Ас.** Незабываемые памятники // «Гракан терт» (Литературная газета) от 15.11.1968. – С. 3–4 (на арм. яз.).

**Двери церкви Святого Саркиса 1371 года.
Экспонируются в Эрмитаже.**

Аналогичную резную орнаментацию имеет вторая двухстворчатая дверь церкви Святого Саркиса, которая согласно армянской надписи выполнена резчиком Шнофоршахом в 1371 году. Позднее она была перенесена в церковь Святых Архангелов Габриела и Микаела в Феодосии, а ныне находится в экспозиции Эрмитажа.

Анализируя орнаментальную резьбу второй двери, в частности тип растительных узоров из завитков с бутонами, Э. М. Корхмазян отмечает её художественное влияние не только на третью дверь, относящейся уже к XVI–XVII векам и также экспонирующейся в Краеведческом музее Феодосии, но и на портале церкви Иоанна Крестителя (Предтечи) в Феодосии и на оформлении хоранов армянских рукописей, созданных в Крыму. Она пишет: «Отголоски этого орнамента А. Л. Якобсон заметил и на ряде русских памятников» – на царских воротах Свято-Пафнутьева Боровского и Кирилло-Белозерского монастырей¹.

В процессе выполнения ремонтно-реставрационных работ в церкви Святого Саркиса в 1965–1970 годах были исправлены каменные полы, приведены в порядок перекрытия и черепичные кровли, а также расчищен фрагмент росписи на своде^{2*}.

¹ Корхмазян Э. М. Армянская миниатюра Крыма. – С. 110.

^{2*} В 1993 году церковь Святого Саркиса возвращена религиозной общине Армянской церкви в Феодосии. Сюда был направлен священнослужитель. С начала 90-х годов XX века и по сей день в церкви проводится богослужение. Предпринимаются также различного рода строительно-восстановительные работы (расшивка кладки в интерьере в 1997–1998 годах, замена кровельного покрытия в начале 2000-х, расчистка и укрепление росписей в 2016–2017 годах, установление резных деревянных дверей в 2019 году), не всегда безупречные, но тем не менее важные. Как и прежде основной проблемой многовекового сооружения является невозможность проведения основательной дренажной системы из-за пристроенных к нему частных домовладений. Вследствие этого памятник несколько раз в году затапливается (высота водного покрова на полу порой достигает 10–20 см).

В. КУПОЛЬНЫЕ ЦЕРКВИ

Церковь Святого Иоанна Крестителя (Предтечи) в Феодосии

Этот уникальный памятник зодчества крымских армян находится на территории бывшей Армянской крепости. Он расположен восточнее цитадели, в северном направлении от церкви Святого Иоанна Богослова. Несколько низинный участок, на котором почти рядом стоят упомянутые две церкви, явился тем градостроительным ядром, вокруг которого сформировались и расширились восточные и юго-восточные армянские кварталы Кафы, заселённые в первую очередь переселенцами с Поволжья.

Церковь Иоанна Крестителя (Предтечи) в Феодосии. Вид с юго-востока
(фото – И. С. Липунова, 1997 год).

В литературе строительство церкви относится к 1348 году¹, что безусловно связывает её с армянами-переселенцами из Ак-Сарая. В связи с тем, что на участке, выделенном им, строились и другие культовые здания, площадь молитвенного зала церкви Святого Иоанна Предтечи была рассчитана на 30 м². Небольшие размеры её были обусловлены также материальными возможностями заказчиков, стремившихся хотя бы в минимальном объёме удовлетворить свои духовные потребности. И в ознаменование мирного и созидательного будущего на новом месте, они назвали церковь во имя одного из главных святых Христианской церкви – Иоанна Крестителя, выбрав для неё композицию, близкую по типу к практиковавшимся исключительно в армянской архитектуре купольным залам².

¹ **Якобсон А. Л.** Армянская средневековая архитектура в Крыму. – С. 181.

² **Халпахчян О. Х.** Архитектура Армении // ВИА. – Т. 3. – М.–Л.: Изд-во литературы по строительству, 1966. – С. 208, 213.

Быстрый рост численности прихожан требовал увеличения вместимости церкви Святого Иоанна Крестителя, что было осуществлено с помощью западного притвора – в данном случае одного из ранних на полуострове, пристроенного к церкви в середине XIV века. Примечательно, что нескончаемые исторические потрясения и разрушительные землетрясения не отразились на сохранности церкви и её притвора, которые дошли до нашего времени в своём первоизданном состоянии.

Церковь Иоанна Крестителя (Предтечи) в Феодосии. Вид с северо-запада
(фото – И. С. Липунова, 1997 год).

Церковь Иоанна Предтечи в Феодосии упоминается многими авторами. Некоторые из них приводят достаточно объективный анализ её архитектуры и художественного убранства, другие делают необоснованные заявления, нуждающиеся в кардинальном пересмотре.

Наиболее раннее упоминание храма Иоанна Предтечи в армянских источниках относится к 1438 году¹. Колофон 1641 года рассказывает о создании армянской рукописной книги под сенью церкви Святого Иоанна Предтечи в Кафе², а колофон 1657 года – об обновлении Евангелия, принадлежавшей той же церкви³. Известна также армянская литография в церкви, в которой говорилось о подновлении храма Иоанна Предтечи в 1661 году господином Тер-Баба, сыном ходжа-Мсера⁴.

Церковь действовала до 1778 года, то есть вплоть до переселения христиан Крыма^{5*}. После устройства карантинной службы в южной части Армянской крепости, она

¹ Армяно-итальянские связи. Генуэзские документы о крымских армянах. – С. 32.

² **Бжишкян М.** Путешествие в Польшу. – С. 355.

³ Памятные записи армянских рукописей XVII века. – Т. 3 (1641–1660 гг.) / Сост. В. Акобян. – Ереван: Изд. АН Армянской ССР, 1984. – С. 771–772.

⁴ **Бжишкян М.** Путешествие в Польшу. – С. 355.

⁵ * Известно, что в третьей четверти XVIII столетия церковь Иоанна Предтечи ежегодно платила в турецкую казну 10 флоринов (см.: Матенадаран им. Месропа Маштоца. – Рукопись 2939. – Л. 471).

долгое время не использовалась по назначению, служила магазином, а в 1857 году была обращена в православную церковь во имя Иверской Божьей Матери, обслуживавшую карантинных служащих и воспитанников Феодосийского учительского института¹. В этом назначении церковь функционировала до середины 20-х годов XX века^{2*}.

Церковь Иоанна Предтечи на гравюре В. Руссена (из альбома Е. Вильнева, 1853 год).

По мнению М. Бжишкяна, при храме некогда существовал отдельный церковный дом³. Возможно, именно он изображён на гравюре В. Руссена, с северной стороны церкви и притвора. Это одноэтажная постройка внутри ограждённого двора, в который попадали через широкие двухстворчатые ворота на западной стороне. Строения внутри ограждения в той или иной реконструкции, полагаем, существовали и в период использования здания в качестве православного храма. В этом отношении важны хранящиеся в ЛОИА обмерные чертежи В. В. Сулова, зафиксировавшие вид памятника в 1909 году. Хотя они несколько схематичны, тем не менее дают представление об изменениях, произошедших с церковным зданием в период пользования им русским православным приходом. К числу внешних изменений относятся появление деревянного тамбура и каменной пономарни. Первый пристроен к западному входу притвора, вторая – к северному фасаду церкви.

¹ Об остатках древних армянских церквей в Феодосии. – С. 173; **Кучук-Иоаннесов Хр.** Старинные армянские надписи и старинные рукописи в пределах Юго-Западной Руси и в Крыму. – С. 35; **Марков Д.** Древнегреческая церковь в феодосийском Карантине. – С. 184.

² * В 1998 году по постановлению Совета министров Автономной Республики Крым бывшая армянская церковь Святого Иоанна Предтечи в Феодосии была возвращена русскому православному приходу и вторично освящена в честь иконы Иверской Божьей Матери. В ходе её подновления были утрачены некоторые из остатков армянских надписей и резных крестов.

³ **Бжишкян М.** Путешествие в Польшу. – С. 355.

Более существенные переделки произведены в интерьере. Площадь молитвенного зала была недостаточной для прихожан, поэтому притвор превратили в молитвенный

Церковь Иоанна Предтечи в Феодосии. Интерьер притвора по гравюре В. Руссена
(из альбома Е. Вильнева, 1853 год).

зал, а под куполом церкви устроили деревянный иконостас. Для лучшего объединения молитвенного зала с алтарной частью по сторонам западного входа в церковь прорубили высокие арочные проёмы. Далее, поскольку высота западного входа в церковь была небольшая, из-за чего во многом скрывалась алтарная часть, то его повысили, заменив горизонтальный верх проёма арочным, позволявшим видеть священнодействие в алтаре. Первоначальная архитектурная ситуация зафиксирована на гравюре В. Руссена.

В грани иконостаса были вписаны полуциркульные высокие арки. Внутри левосторонней арки помещалась роспись, изображавшая стоящую фигуру Богородицы с младенцем Христом на руках. Правостороннюю арку заполнял мужской образ, возможно, Иоанна Крестителя. Центральная грань была предоставлена двухстворчатым арочным воротам, украшенным растительными орнаментами с погрудными изображениями святых в медальонах.

После ликвидации церкви здание её постепенно пришло в упадок. Разрушились отдельные части интерьера

и фасада, в частности – портал притвора, устроенный с запада и изображённый на гравюре В. Руссена.

В 1927 году памятник был исследован экспедицией Государственных реставрационных мастерских под руководством И. Грабаря, целью которой был розыск росписей Феофана Грека. Обнаружить их в церкви Иоанна Предтечи не удалось, зато под толстым слоем зелёно-охристой краски был открыт небольшой фрагмент росписи. На нём виднелись складки одеяний трёх стоящих фигур¹. Изучение фрагмента, в особенности одежды и ног стоящего между колоннами святого, свидетельствовало о выполнении росписи опытным мастером. Поражало хорошее состояние живописи, показательной богатством оттенков и красотой сочетания ярко-красного и синего цветов².

В 1978–1979 годах группой архитекторов из Укрпроектреставрации (руководитель Е. И. Лопушинская) выполнялись обмеры церкви Иоанна Предтечи. Примерно тогда же, в 1979–1980 годах, Е. А. Айбабиной проводились реставрационные археологические исследования памятника по линии Отдела археологии Крыма Института архе-

¹ Барсамов Н., Полканов А. Феодосия. Прошлое города и археологические памятники. – С. 34; Корхмазян Э. М. Армянская миниатюра Крыма. – С. 101.

² Архив Феодосийского краеведческого музея. – Паспорт № 351.

ологии АН УССР¹. Частичное восстановление памятника было осуществлено в 1980-х годах.

Возведённая армянскими зодчими, церковь Святого Иоанна Крестителя представляет собой упрощённый вариант известных в Армении купольных залов, в отличие от которых вписанная в прямоугольный внешний контур алтарная апсида не имеет приделов по сторонам. Внешне здание представляет организованный в форме крестово-купольной базилики нерасчленённый прямоугольный объём, удлинённый в направлении восток-запад. Высокие стройные формы миниатюрной церкви (размеры: 9,35x7 м) увенчивает расположенный по центру восьмигранный купол. Памятник возведён из грубо колотого камня на известковом растворе. В конструктивно ответственных участках использованы тёсанные блоки. Стены изнутри и снаружи были оштукатурены. Наружный облик здания весьма аскетичен: стены гладкие, без каких-либо украшений. Только резной портал западного входа и восьмигранный купол несколько оживляют суровость его форм.

Из-за западных подкупольных опор пространство молитвенного зала (27,6 м²) визуальнo сужается к востоку, что зрительно увеличивает его протяжённость по продольной оси. Прямоугольные в сечении опоры (высота – 12,5 м, ширина – 0,75 м, вынос – 0,8 м) имеют скосы на углах, которые как бы объединяют боковые уширения, увеличивающие площадь молитвенного зала. Поддерживающие купол восточные пристенные пилоны отсутствуют. Их заменяют стенные массивы по сторонам алтарной апсиды. Подпружные арки, на которых покоится купол, имеют стрельчатое очертание.

Ширина апсиды составляет 2,95 м, а глубина – 1,93 м. Она удалена от подкупольного квадрата на глубину боковых ниш, что определяет расположение купола в центре здания, на пересечении продольной и поперечной осей. На гравюре из альбома Е. Вильнева солея в алтарной апсиде не показана, а сама апсида имеет несколько подковообразную форму.

Интерьер церкви отличается подчёркнутыми по высоте пропорциями, чему способствуют стрельчатые формы арок и сводчатых перекрытий, а также повышенный объём восьмигранного купола со сферическим покрытием^{2*}.

**Интерьер церкви Иоанна Предтечи
по гравюре В. Руссена**

(из альбома Е. Вильнева, 1853 год).

¹ Айбабина Е. А. Плиты с рельефами из раскопок церкви Иоанна Предтечи в Феодосии // «Лрабер» (ВОН). – № 6. – Ереван: Изд. АН Арм. ССР, 1981. – С. 86–92.

^{2*} Несколько приплюснутый сферический шатёр был установлен над куполом в XIX веке. Ныне он заменён повышенным по высоте блестящим металлическим колпаком, не гармонирующим с формами здания.

Церковь Иоанна Предтечи. Современный вид.

Два дверных проёма, с запада и севера, обеспечивают^{1*} заполнение церкви прихожанами, а также их эвакуацию. Освещение осуществляется с помощью больших одиночных арочных окон на трёх (кроме северной) сторонах, равно как и четырёх высоких узких прямоугольных окон купола. На гравюре В. Руссена окна показаны на всех восьми гранях барабана купола, что даёт основание предполагать о заделке диагонально расположенных окон во второй половине XIX века. В настоящее время места этих окон снаружи оформлены нишами. По такому количеству окон в куполе церковь Иоанна Крестителя представляет единственный пример в строительной практике крымских армян.

---

^{1*} Северный ныне не используется.

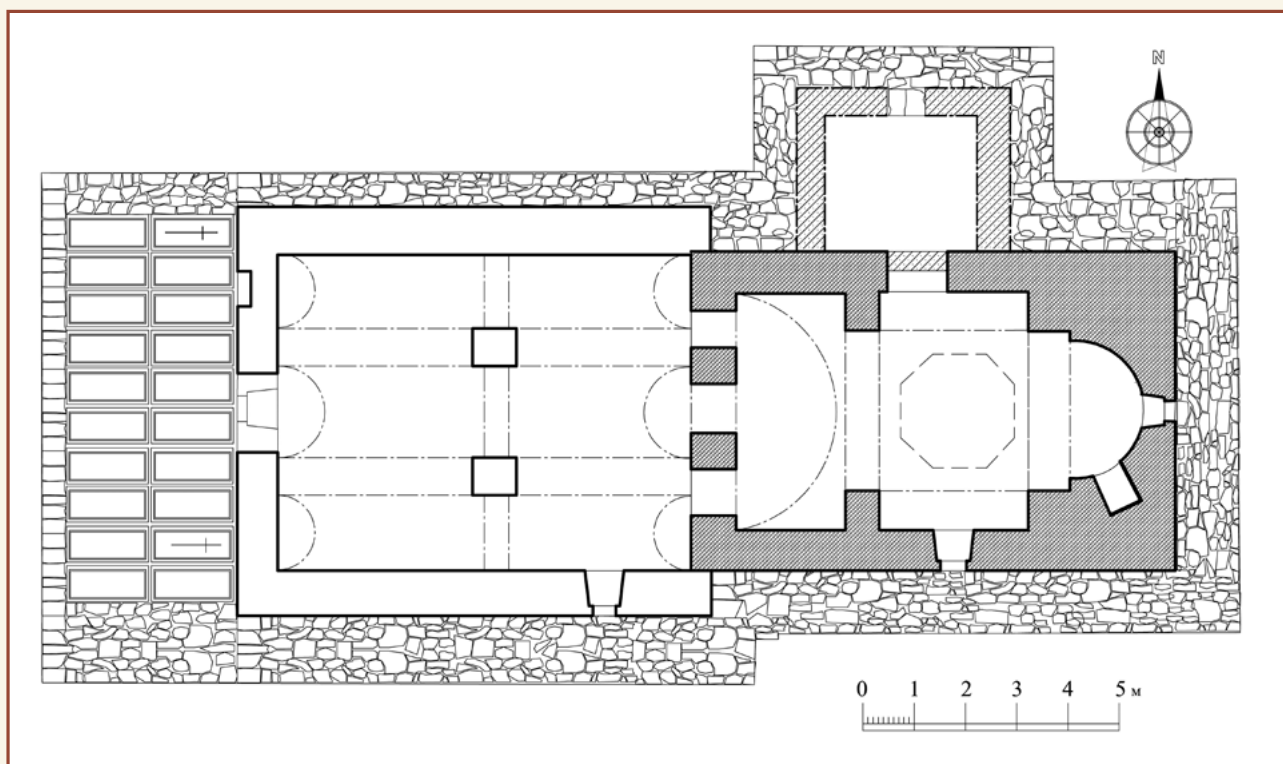

Уникально художественное убранство апсиды с хорошо сохранившимися антропоморфными фигурами, выполненными в технике высокого рельефа. Они не приставлены к стенам, а высечены на камнях кладки, что свидетельствует об одновременном их выполнении вместе с зданием.

Церковь Иоанна Предтечи. Апостольский ряд на апсиде.

Под конхой, на уровне верха окна, помещена сцена «Причащение» (Евхаристия), образующая своеобразный фриз внутри апсиды, обведённый по низу полочкой. В центре, по оси окна, расположена погрудная фигура центрального персонажа – Христа. По сторонам от Христа – изображения обращённых к нему 12 апостолов (по шесть с каждой стороны). Фигуры апостолов чуть ниже и несколько меньше фигуры центрального персонажа. Различны их одежда, положение сложенных на груди рук, повороты украшенных нимбами голов, формы причёсок и бород, что придаёт каждому из них индивидуальные черты.

Церковь Иоанна Предтечи. Схематический план.

В интерьере церкви есть и два больших рельефа святых, стоящих в полный рост. Предположительно, это изображения Иоанна Крестителя и Григора Просветителя, хотя мнения по этому поводу разнятся. Они помещены по краям алтарной апсиды, на карнизных выступах. Фигуры отличаются позой, облачениями, положением рук. Персонаж на южном простенке левой рукой, расположенной на груди, держит книгу. У персонажа на северном простенке правая рука лежит на груди, а согнутая в локте левая держит небольшой сосуд. Внизу, по краям апсиды расположены две небольшие купели с трёхлопастным верхом, украшенные орнаментом в виде полупальметок и растительных побегов. В северной стороне ниша значительно больших размеров.

Церковь Иоанна Предтечи.
Рельеф святого на южном простенке апсиды
(автор – М. В. Петросян).

Подобное убранство алтарной апсиды не известно в других памятниках крымских армян. Как правильно отмечает А. Л. Якобсон, оно не характерно для католических и греческих храмов и, очевидно, является результатом влияния украшенных рельефами храмов Армении XII–XIV веков, таких как Спитакавор, Нораванк¹ и другие^{2*}.

Еще один рельеф находится в центре купола. Это изображение Богоматери Оранты³. Есть также сведения о рельефе с изображением Георгия Победоносца, расположенном под сильно разру-

Церковь Иоанна Предтечи. Рельеф Иоанна Предтечи на северном простенке апсиды
(автор – М. В. Петросян).

¹ Якобсон А. Л. Крым в средние века. – С. 119; Халпахчян О. Х. Архитектурные ансамбли Армении. – С. 386, 442, 443.

^{2*} Во главе этого списка, очевидно, следовало бы поставить рельефы монастыря Ахджоц (Святого Степаноса). Что касается уникальности оформления апсиды церкви Иоанна Предтечи рельефами, то в армянской архитектуре Крыма известен ещё один такой пример – апсида церкви Спасителя на окраине села Бахчи-Эли. И хотя рельефы этих двух церквей отличаются по композиции и расположению, они довольно близки по технике исполнения. Исключение составляет фриз в виде апостольского ряда в церкви Иоанна Предтечи, выполненный на значительно более высоком уровне.

³ Айбабина Е. А. Плиты с рельефами из раскопок церкви Иоанна Предтечи в Феодосии. – С. 86.

шенной армянской надписью¹. Он находился в северной стене притвора, но не сохранился^{2*}.

Заслуживает внимания и орнаментальная резьба церкви. Карнизы подкупольных устоев и пояс в основании купола украшены рядами трилистников и мелких сталактитов. Немаловажную сторону декора интерьера составляют резные кресты и различной композиции небольшие хачкары, оставленные паломниками на стенах.

**Церковь Иоанна Предтечи.
Рельеф Бога-Отца в центре купола.**

Крупным декоративным пятном выделяется ведущий в церковь западный портал, резная орнаментальная композиция которого скомпонована из двух прямоугольных рам. Внешняя рама насыщена тонкими, изящными растительными мотивами и снаружи ограничена узкой профилированной тягой. Внутренняя рама обработана двумя обвитыми жгутами, образующими крупные звенья (так называемая «сельджукская цепь»). Такое сочетание типично для средневековых ар-

хитектурных памятников Крыма, не только армянских, но и генуэзских, греческих, татарских и даже иудейских.

Перемычка северного входа в церковь Иоанна Предтечи.

Выше входного проёма расположена поддерживаемая профилированными консолями средняя часть портала, прорезанная стрельчатой нишей. По верху она украшена крестом, а по сторонам – двумя херувимами. Судя по аналогии с другими порталами

¹ Об остатках древних армянских церквей в Феодосии. – С. 174; **Марков Д.** Древнегреческая церковь в Феодосийском карантине. – С. 184.

^{2*} Ещё один несохранившийся рельеф изображал сцену «Усекновения главы Иоанна Предтечи». Он украшал западный портал церкви и был снят при его перестройке в 50-х годах XIX века (см.: Об остатках древних армянских церквей в Феодосии. – С. 173). Также следует уточнить, что в центре купола помещена не Богоматерь Оранта, а изображение святого, скорее всего, Бога-Отца, с хорошо просматриваемой бородой.

памятников крымских армян, внутренняя поверхность ниши, по-видимому, была заполнена изображением Богоматери с младенцем. Ещё выше находится верхняя часть портала, представленная стрельчатой конфигурации люнетом.

Архитравная плита (размеры: 2,1x0,62 м), некогда венчавшая северный входной проём в церковь, была обнаружена во время раскопок 1979–1980 годов. С лицевой стороны она украшена 15 маленькими хачкарами и фигурой святого (размеры: 12x30 см)¹. Последний изображён молодым, без бороды, стоящим в повороте в три четверти. Окружённая нимбом голова обращена к зрителю. Волосы короткие. В левой руке держит пиксиду – небольшой округлый сосуд, а в правой – кадилник. По мнению исследовавшей архитрав Е. А. Айбабиной, образ этот напоминает Святого Стефана, изображённого в миниатюрах рукописей 7402, 7474, 3046 из ереванского Матенадарана².

Притвор церкви Святого Иоанна Крестителя, построенный почти одновременно с притвором церкви Святого Знамения монастыря Сурб Хач близ Старого Крыма, видимо, выполнен по композиции последнего^{3*}. Он двухстолпного типа, симметричный относительно продольной оси церкви и её объёмно-пространственной композиции. На рисунке В. Руссена, притвор взят под двускатную кровлю с черепичным покрытием. Он значительно ниже церкви, чем подчёркивается его подчинённое значение.

Чёткое расположение двух квадратных в плане внутренних опор придаёт строгость объёмным членениям интерьера. Стрельчатые арки, переброшенные с внутренних устоев на поперечные стены, разделяют интерьер на три продольных, разных по ширине нефа. Более широкий средний неф выше боковых, чем подчёркивается его главенствующее значение в интерьере. Подпружные арки продольных сводов опираются на консоли, которые, в отличие от подобных деталей других притворов крымских армян, обработаны более выразительно. Они украшены полочками и валиками, а по середине скошенной нижней части – трёхлопастной арочкой.

Основным элементом художественного убранства интерьера притвора является обращённый в него западный портал церкви. Расположенный на продольной оси комплекса, он, как уже говорилось, украшен изысканной орнаментальной резьбой. Не исключена возможность некоторого изменения формы портала в процессе строительства притвора.

Широкие окна, расположенные высоко в южном и западном стенах, обеспечивают достаточную освещённость интерьера. Интерес представляет небольшое окно, расположенное с левой стороны главного входа. Полагаем, оно предназначалось для продажи свечей и мелких изделий культового назначения. Имевшаяся на южном фасаде вторая дверь, ныне заложённая и значительно засыпанная культурным слоем, облегчала как заполнение внутреннего помещения посетителями, так и их эвакуацию отсюда. Ещё одна ныне не существующая дверь показана на гравюре В. Руссена. Она расположена на западном фасаде притвора, левее (севернее) центральной. Невысокий арочный проём её обведён клинчатými плитами.

Внешний облик притвора, как и церкви, скромный. Оконные и дверные проёмы своими размерами подчёркивают масштаб здания. Основной архитектурный акцент сосредоточен на западном портале, увенчанном приподнятой арочной нишей. В прошлом он был обведён резным наличником и увенчан полуциркулярной формы нишей. Последнюю, видимо, некогда заполняла резьба или живопись.

¹ Айбабина Е. А. Плиты с рельефами из раскопок церкви Иоанна Предтечи в Феодосии. – С. 87–91.

² Там же. – С. 90.

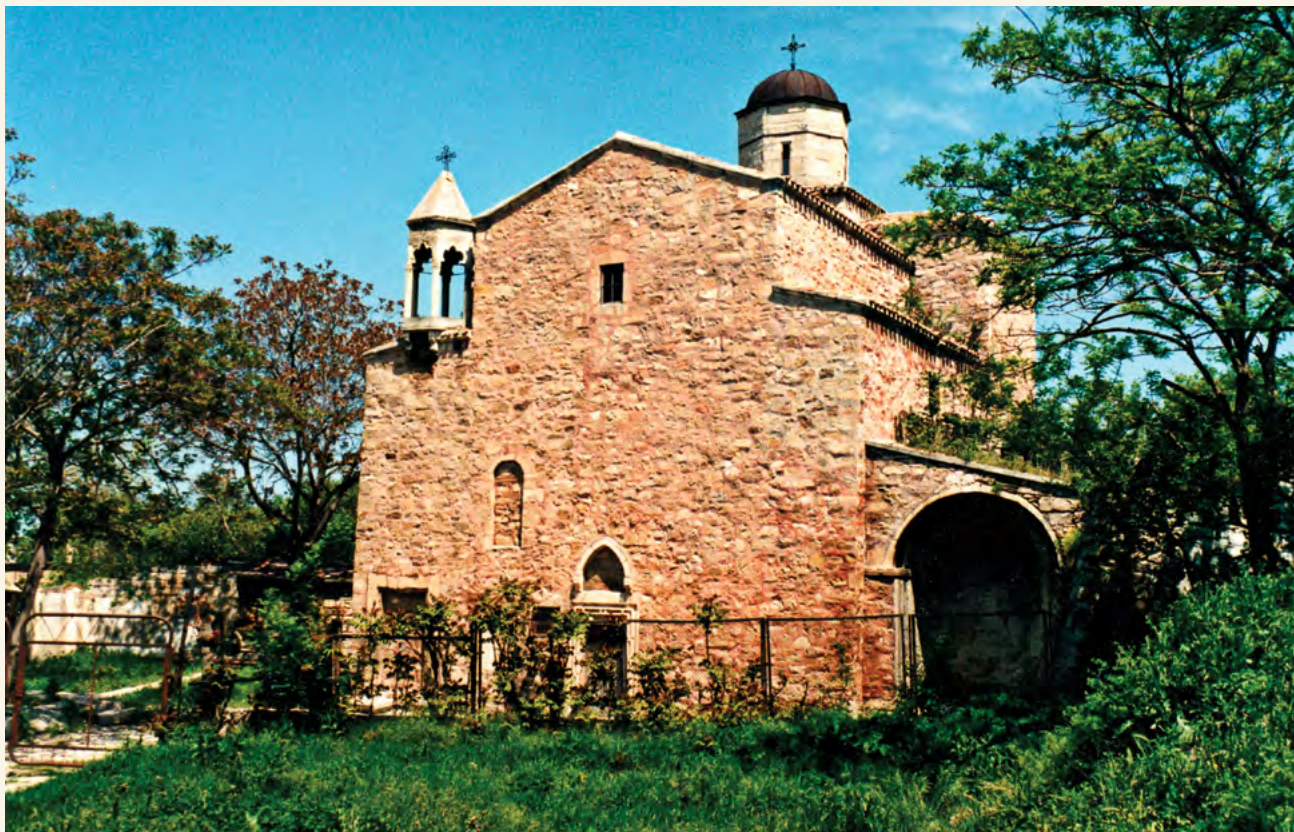
³ * Притвор церкви Святого Знамения монастыря Сурб Хач построен в последней четверти XIV века. Наиболее ранние надписи в нём датированы 1401 и 1406 годами (см.: Саргсян Т. Э., Петросян М. В. Крым. Монастырь Сурб Хач. – С. 169). В той же конструкции возведены два зала трапезной монастыря Сурб Хач, что позволяет датировать её началом XV века. По мнению, Ю. Таманяна, распространённые в архитектуре крымских армян XIV–XV веков трёхнефные сводчатые залы с двумя устоями в центре, сформировали новый тип конструкции, разработанный теми же крымскими армянами (см. Таманян Ю. А. Монастырь Сурб Хач Крыма. – С. 63).

Церковь Святого Иоанна Крестителя, равно как и её притвор, относятся к числу относительно ранних культовых сооружений восточного участка Армянской крепости, отличающихся яркими национальными особенностями, которые отразились и в последующих произведениях армян в Крыму.

Церковь Святых Архангелов Габриела и Микаела в Феодосии

Оригинальна композиция церкви Святых Архангелов Габриела и Микаела (Гавриила и Михаила) в Феодосии, выдающейся по художественному облику, отличной от всех известных армянских памятников Крыма. В прошлом расположение её определялось внутри крепостных стен города, среди плотной застройки, сейчас – по улице Армянской. Согласно строительной надписи, церковь построена в 1408 году «во имя небесных воинов Габриела и Микаела» на праведные средства Аствацатура, его супруги Ахут-Хатун, его родителей Садата и Хатун, детей Хачатура, Левона, Ованэса, магдуси Мелика¹. Хорошо сохранившаяся надпись вытесана на тимпане, который ныне хранится в городском музее.

Церковь Святых Архангелов в Феодосии. Вид с запада (фото – И. С. Липунова, 1997 год).

Вскоре после возведения здание получило сильные повреждения, полагаем, из-за землетрясения, по причине чего потребовалось проведение капитальных строительных работ. Свидетельством сказанного является недавно найденная литография, вытесанная под тремя крестами. Она опубликована Гр. Григоряном в переводе на русский язык: «Божественные святые [*крестные*] знамения и святой храм возведены во имя

¹ **Кучук-Иоаннесов Хр.** Старинные армянские надписи и старинные рукописи в пределах Юго-западной Руси и в Крыму. – С. 37.

Микаела и Габриела и всех небесных воинов в память о господине Аваке, его родителях – господине Саркисе и Гаране, Нор-Пароне, Мехридере, Улухатуне, Авак-тыкин, Иакобе, Тумане, и священнике Саркисе, и сестре Мелик. Лета 804 [= 1425], августа 15»¹. Имена заказчиков, упомянутых во второй надписи, полностью отличаются от упомянутых в первой, что свидетельствует о появившемся в истории церкви новом поколении попечителей во главе с господином Аваком^{2*}.

Около двух столетий архитектурно-художественные особенности церкви Святых Архангелов привлекают внимание. Наиболее ранние сведения о ней приводит М. Бжишкян, составленное которым описание даёт представление об общем виде и состоянии памятника в 20-х годах XIX века³. Документальную ценность имеют гравюры В. Руссена из альбома Е. Вильнева, зафиксировавшие внешний и внутренний вид церкви в середине XIX столетия⁴, равно как и выполненные В. В. Сусловым в 1906–1908 годах обмеры памятника, хранящиеся в архиве ЛОИА АН СССР.

Церковь Святых Архангелов на гравюре В. Руссена (из альбома Е. Вильнева).

¹ Григорян Г. Новые данные об армянских эпиграфических надписях Крыма и Северного Кавказа. – С. 299.

² * Имена ктиторов, перечисленных в первой надписи, приводятся также в колофоне одной рукописи, написанной в Кафе в 1420 году. Они выступают в качестве заказчиков рукописи (см.: Памятные записи армянских рукописей XV века. – Ч. 1 (1401–1450 гг.) / Сост. Л. Хачикян. – Ереван, 1955. – С. 245). Получается, что, по крайней мере, в 1420 году Аствацатур, его супруга Ахут-Хатун (или Еахут-Хатун) и их дети были живы. В таком случае возникает вопрос: почему церковь, построенная (перестроенная) ими в память о себе, перестраивается совершенно другими ктиторами спустя всего 17 лет. По всей вероятности, в литографиях говорится о двух разных церквях, названных во имя Святых Архангелов.

³ Бжишкян М. Путешествие в Польшу. – С. 350–351.

⁴ [Villeneuve]. Album historique et pittoresque de la Tauride, par E. de Villeneuve. – Pl. 7–8.

Краткие сведения о церкви Святых Архангелов в Феодосии встречаются в различных работах¹. Относительно углублённое же её исследование проведено А. Л. Якобсоном и Е. И. Лопушинской². Работа последней написана на основании археологических изысканий и материалов, выявленных в ходе восстановления памятника после разрушения в 1962 году.

Изучение архитектурных и конструктивных особенностей церкви Святых Архангелов показало, что за длительное время, около 600 лет, своего существования она претерпела значительные изменения. По нашему исследованию, в результате коренных перестроек и дополнения новых помещений памятник не менее семи раз менял свой первоначальный облик. В некоторых случаях изменения явились следствием высокой сейсмичности полуострова и исторических потрясений, настигших крымских армян.

Через несколько лет после катастрофы 1962 года, когда обрушилась правая часть западного фасада с примыкающим к ней сводом и южной боковой аркой, начались восстановительные работы под руководством Е. И. Лопушинской. У подножия трещины на том же западном фасаде, имевшейся с прошлого столетия, был заложен шурф, который обнаружил остатки фундамента, «перпендикулярно уходившего вглубь кладки под стеной» церкви Архангелов: «из-за небрежного стыкования старой и новой кладок образовался зазор, над которым стена просела и потянула за собой боковую арку и свод»³. Выявление старого фундамента дало исследовательнице основание считать, что современное здание возведено на месте более древнего сооружения, существовавшего до утверждения генуэзцев в Феодосии. Учитывая, что Уставом 1316 года новоприбывшие армяне, греки и другие христиане могли обосноваться только за пределами городской застройки того времени, первоначальное сооружение можно датировать временем не позднее XIII века.

По-видимому, ранняя церковь принадлежала к зально-сводчатому архитектурному типу с тремя апсидами на востоке, от которой сохранилась только восточная часть. В таком виде она просуществовала до 1408 года, когда в связи с усилением католической прослойки крымских армян, генуэзцы разрешили превратить его в кафедральный собор армяно-католического епископа^{4*}, двухэтажная резиденция которого находилась

Интерьер церкви Святых Архангелов по гравюре В. Руссена.

¹ Барсамов Н., Полканов А. Феодосия. Прошлое города и археологические памятники. – С. 12; Асеев Ю. С., Лебедев Г. А. Архитектура Крыма. – С. 20; Микаелян В. А. На Крымской земле. – С. 127–128.

² Якобсон А. Л. Армянская средневековая архитектура в Крыму. – С. 185–190; Лопушинская Е. И. Архитектура армянской церкви Архангелов Гавриила и Михаила в Феодосии и её реставрация // «Лрабер» (ВОН). – № 9. – Ереван: Изд. АН Арм. ССР, 1982. – С. 64–72.

³ Лопушинская Е. И. Архитектура армянской церкви Архангелов Гавриила и Михаила в Феодосии и её реставрация. – С. 69.

^{4*} В 1351 году в Кафе предстоятель армян-католиков епископ Тадэос на свои средства начинает строительство «храма имени Святого Архангела Микаела» (см.: Свод армянских памятных записей, относящихся к Крыму и сопредельным регионам (XIV–XV вв.). – С. 112). Но это никак не связано с

рядом – на улице, проходившей с северо-западной стороны церкви^{1*}. Несомненно, это связано было также с потребностью гегуэзцев иметь подчинявшегося себе духовного главу армян-католиков. Приспособление армяно-григорианских церковных зданий к требованиям церквей других вероисповеданий не является исключением и известно на ряде примеров, в частности церквей Святого Стефана, Святого Геворка^{2*} и Святого Иоанна Предтечи в Феодосии.

По архитектурно-композиционным особенностям церковь Святых Архангелов отличается от распространённых в Крыму зальных церквей, даже от трёхапсидной церкви Святого Саркиса в Феодосии. Несомненно, при её возведении на месте предшествующего здания, строители не придерживались простоты и ясности форм национального зодчества и, сохранив только восточную часть с апсидами, придали новому сооружению индивидуальные особенности.

В западноевропейской архитектуре аналогов церкви Святых Архангелов, которые могли бы повлиять на решение её архитектурного облика, не существует. Это подлинное произведение зодчих крымских армян, отразивших в своём здании синтез национальных строительных традиций с крымскими, что придавало ему архитектурно-художественную уникальность.

Площадь молитвенного зала церкви Святых Архангелов почти одинакова с размерами интерьеров церкви Святого Саркиса в Феодосии. Ширина в среднем составляет около 9,9 м, глубина вместе с центральной апсидой 13,8 м. Близка и вместимость этих храмов. Тем не менее, объёмно-пространственное построение интерьеров существенно отличается, свидетельствуя о творческих поисках создавших их зодчих.

В новом здании церкви Святых Архангелов использованы некоторые части старого, определившие перекошенную геометрическую форму его плана. Важнейшей из них является трёхапсидное завершение молитвенного зала, сохранившее без изменения свои объёмные формы. Боковые апсиды шире и глубже, чем в большинстве трёхапсидных церквей крымских армян, в частности церкви Святого Саркиса в Феодосии, почему центральная апсида на восточном фасаде образует плавно очерченный выступ. Обращает внимание дробность членений этого фасада и наличие скосов наружных углов, выполненных в целях экономии каменной кладки – исключительный случай в строительной практике крымских армян. Особенность композиции трёхапсидной части – устрой-

---

рассматриваемой церковью. Заключение о принадлежности последней к числу армяно-католических – распространённое заблуждение (см.: **Якобсон А. Л.** Армянская средневековая архитектура в Крыму. – С. 190; **Якобсон А. Л., Таманян Ю. А.** Армянская архитектура в Крыму. – С. 26–27; **Микаелян В. А.** История армянской колонии в Крыму. – С. 323–324; **Корхмазян Э. М.** Армянская миниатюра в Крыму. – С. 96–97), не имеющее под собой основания. Церковь находится на территории армянского квартала Кафы догегуэзского периода, который не имел отношения к армяно-католикам. Она находилась в окружении других армянских церквей традиционного толка, из которых сохранилась только рассмотренная выше церковь Святого Саркиса. О принадлежности церкви Святых Архангелов к числу армяно-апостольских (григорианских) свидетельствуют также её строительная надпись и упоминающие её армянские источники XV–XVII веков. В них нет тех словарных особенностей, которые встречаются в текстах армян-католиков и, самое главное, даты приводятся исключительно по Армянскому летоисчислению, которое не характерно для армян-католиков. Заказчики церкви Святых Архангелов при её строительстве (перестройке) не нуждались в разрешении гегуэзцев, поскольку церковь возводилась на территории старого армянского квартала, на месте более древней армянской церкви. Другой вопрос, что объёмное здание, неоднократно перестроенное, претерпело влияние гегуэзских сооружений (см.: **Саргсян Т. Э.** Церковь Архангелов Габриэла и Микаэла в Феодосии. – С. 6–8; **Саргсян Т. Э.** Ещё раз об армянских церквях в Феодосии XIII–XV вв. Церковь архангелов Габриэла и Микаэла. – С. 112–130).

^{1*} Двухэтажная резиденция епархиального главы Габриэла Айвазовского была построена в 50-х годах XIX века, после того как он утвердил епархиальный престол в церкви Святых Архангелов в Феодосии.

^{2*} Подразумевается церковь Святой Урпат (Пятницы) северо-восточнее церкви Иоанна Предтечи на территории Армянской крепости.

ство, по примеру церкви Святого Саркиса, высокой солеи с широкими шестиступенчатыми лестницами по сторонам.

Оригинальность церкви Святых Архангелов – в сочетании основной композиции трёх-апсидных сооружений, встречающихся в строительной практике крымских армян (к примеру, неподалёку находящаяся церковь Святого Саркиса), и, как правильно замечает Е. И. Лопушинская, архитектуры купольных залов раннесредневековой Армении¹.

С помощью поперечной стены с большим арочным проёмом интерьер делится на две примерно равные по площади половины. Западная половина, аналогично купольным

**Церковь Святых Архангелов в начале XX века.
Вид с юго-запада.**

залам Армении, решена в виде перекрытого сводами прямоугольного объёма. Высокая, опирающаяся на две подпружные арки средняя её часть взята под двускатную кровлю, а пониженные боковые – под односкатную.

Сохранившие свою изначальную форму апсиды, выступающие из общего прямоугольного объёма здания, перекрыты значительно ниже, даже ниже скатов боковых крыльев в западной половине здания. Этим, внешне существенно отличаясь от крестово-купольных базилик не только Армении, но и Западной Европы, объёмно-пространственные формы сооружения подтверждают своё местное происхождение.

Пространство между апсидами и западной частью образует высокий поперечный неф, трансепт,

над которым, на пересечении с продольной осью здания, возвышается небольшой восьмигранный купол с шлемовидным покрытием. Расположенные по сторонам купола рюкава поперечного нефа перекрыты крестчатými сводами на гуртах. В армянской архитектуре гурты, или нервюры, известны со времён VI–VII веков, например, в храмах Святой Рипсиме в Вагаршапате (Эчмиадзине), Святого Иоанна Крестителя в Мастаре, в церкви монастыря Таркманчац в Айгешате и других. Гурты осуществлены и на внутренней сферической поверхности купола, выполненного по аналогии с армянскими церквями VII века, например, Кармрава в Аштараке^{2*}.

С армянской архитектурой церковь Святых Архангелов роднит и постановка над северо-западным углом здания звонницы-ротонды. Она выполнена не без влияния подобных и аналогично расположенных составляющих храмов Армении, например, купольной базилики в Одзуне, где звонницами-ротондами увенчаны два внешних вос-

¹ Лопушинская Е. И. Архитектура армянской церкви Архангелов Гавриила и Михаила в Феодосии и её реставрация. – С. 64–65.

^{2*} Примеры именно скрещивающихся гуртов можно найти в притворах и трапезных армянских монастырях XII–XIII веков. Однако крестово-вспарушенные своды на скрещивающихся гуртах, наличествующие в церкви Святых Архангелов, безусловно, выполнены под влиянием присутствовавших в Крыму западноевропейских образцов. В армянских памятниках полуострова эта конструкция встречается также в крестильне церкви Святого Саркиса, в храме Спасителя на окраине села Богатое и в келье настоятеля в монастыре Сурб Хач близ Старого Крыма.

точных угла¹. В обоих случаях это круглые в плане, шестиколонные объёмы с высокими арочными проёмами и шатровыми покрытиями, возвышающиеся над одним (церковь Святых Архангелов) или двумя (храм в Одзуне) внешними углами зданий.

Церковь Святых Архангелов. Ротонда в северо-западном углу.

Иного мнения придерживается А. Л. Якобсон, с которым, по-видимому, согласен В. А. Микаелян. Учитывая только результаты поверхностного осмотра церкви Святых Архангелов, на основании недостаточно проанализированных архитектурно-конструктивных объёмов её широкого нефа и трансепта, отражающих форму латинского креста с куполом на средокрестии, А. Л. Якобсон считает, что здание выстроено под сильным влиянием западноевропейского, в основном итальянского, зодчества и что в нём нет «ничего общего с собственно армянской архитектурой»². Его характеристика церкви Святых Архангелов как упрощённого варианта культовых зданий Западной Европы представляется весьма неубедительной, опровергаемой выявленными в последние годы и изложенными выше архитектурно-художественными особенностями здания.

В зависимости от своего расположения в углу двух смежных стен, кивории в церкви Архангелов получили упрощённую архитектурную композицию, состоящую из одной шестигранной колонки с наклонными бороздками и трёх профилированных консолей, поддерживавших четырёхскатное покрытие. Арочная кривая проёмов украшена фестонами, а центр покрытия увенчан шестигранной шейкой с крестом на шаре. Следует отметить правильность реконструкции кивориев, выполненной Е. И. Лопушинской на основании сохранившихся архитектурных фрагментов. Размеры кивориев небольшие, в пределах 1,2x1,2 м, что позволяет помещаться в них по одному человеку. Пол приподнят на высоту одной ступеньки. Наличие в продольной стене небольшой стрельчатой нишки позволяет предполагать об использовании кивориев для выполнения несложных церковных ритуалов – отпущения грехов, поминовения усопших и тому по-

¹ Шахкян Г. С. Одзун. – Ереван: Советакан грох, 1983. – С. 34, 36–38 и др.

² Якобсон А. Л. Армянская средневековая архитектура в Крыму. – С. 190; Якобсон А. Л. Крым в средние века. – С. 121–124; Микаелян В. А. На Крымской земле. – С. 127–128.

добное. Этим данные элементы существенно отличались от аналогов в Армении и на католическом Западе^{1*}.

Организация интерьера производит впечатление оригинальности и уюта. Поражает гармоничное сочетание возвышающихся над гладкими стенами различных по очертанию, размеру и расположению арок и сводов, чем он значительно отличается от интерьеров зально-сводчатых церквей крымских армян. Определённое художественное оживление внутренней атмосфере придают убранство алтарных апсид и орнаментированные кивории. Не меньшее значение играют расположенные в различных участках стен композиции хачкаров и оформления стенных ниш, некоторые с рисунком так называемой «сельджукской цепи». Купель в северной стене трансепта, обрамлённая прямоугольным наличником, увенчана трёхарочным лучковым верхом. Консоли подпружных арок сводчатого перекрытия украшены сухариками, объединёнными трёхлопастными арочками. Опорное кольцо барабана купола обработано почти тем же мотивом, но с более крупными элементами, с учётом пролёта.

Художественное убранство интерьера дополняла фресковая живопись, покрашенная неумелыми реставраторами белой краской. Э. М. Корхмазян, увидевшая её до закрашки, определила два слоя росписей. От раннего, поэтому плохо сохранившегося слоя на выступах алтарных апсид слабо просматривались два медальона овальной формы с изображениями архангелов внутри. Притом на правой фигуре различимы были фрагменты оранжевого хитона. Живопись второго слоя, датируемого не ранее XVII веком, просматривалась в конхах апсид. Видны были крылатые головки ангелов и переплетённые лентами гирлянды цветов².

Следует отметить своеобразие внешних объёмно-пространственных форм здания. В основном гладкие поверхности стен фасадов отличались лаконичностью декоративного убранства с простой карнизной тягой по верху. Оконные проёмы, выложенные из крупных тёсаных камней, не имеют декоративных деталей. Основным художественным акцентом является портал на западном фасаде, который по примеру церкви Святого Иоанна Крестителя в Феодосии, имеет прямоугольное обрамление, обогащённое «сельджукским» орнаментом³. Заполнение дверного проёма было деревянным, двухстворчатым, вначале, видимо, простым филенчатым, без декоративной резьбы. Выше проёма – заострённая стрельчатая ниша, тимпан внутри которой некогда заполнялся живописью.

По утверждению Э. М. Корхмазян, декоративное убранство портала завершала резная композиция «Благовещение», представленная погрудными рельефами Девы Марии и Архангела Гавриила по сторонам изголовья входного проёма и медальоном с изображением Святого Агнца над нишей. Однако во время реставрации церкви в 1968 году эти детали были вставлены в западный фасад вразброс, без всякой системы. Ныне рельеф с изображением Девы Марии (поворот головы влево в три четверти), некогда располагавшийся с правой стороны портала, вставлен слева от входного проёма, а рельефный медальон со Святым Агнцем, или Агнцем с лабарумом, – высоко под щипцом⁴. Предполагаемый рельеф с изображением Архангела Гавриила (с поворотом головы вправо) пока не обнаружен.

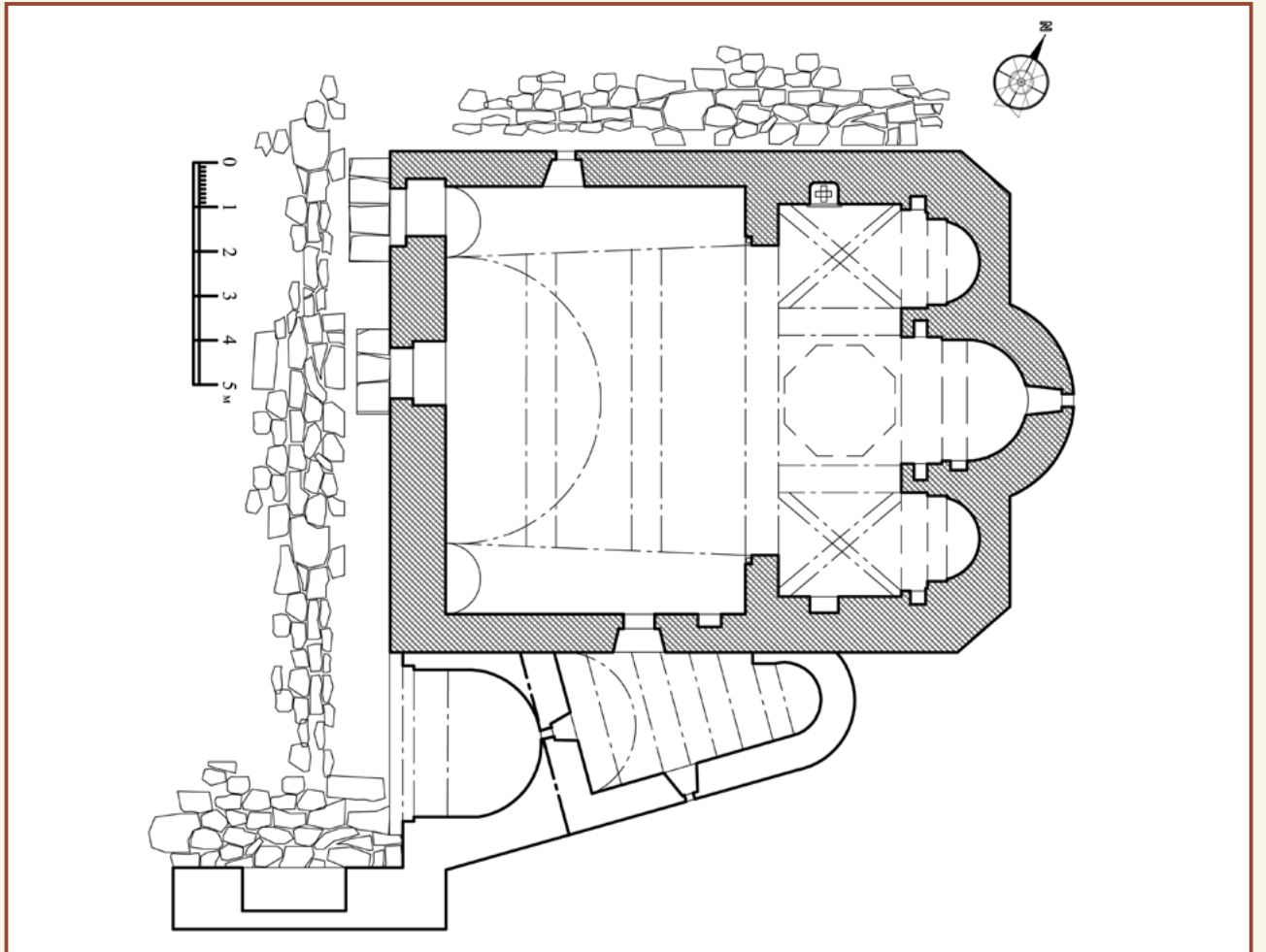
Полагаем, в течение веков в церкви неоднократно производились текущие ремонты и различные перестройки, включая и существенные, особенно после очередного подъёма армянской колонии Крыма в XVII веке. С одной из таких переделок связана замена

¹ * По всей вероятности, кивории в церкви Святых Архангелов появились после утверждения в ней епархиального престола в 1858 году.

² Корхмазян Э. М. Армянская миниатюра Крыма. – С. 99.

³ Лопушинская Е. И. Архитектура армянской церкви Святых архангелов Гавриила и Михаила в Феодосии и её реставрация. – С. 67.

⁴ Корхмазян Э. М. Армянская миниатюра Крыма. – С. 99–101.

заполнения главного входа более дорогими дверьми из орехового дерева, покрытыми растительно-геометрической резьбой и армянскими надписями. Согласно содержанию надписи, помещённой в верхних частях обеих створок, двери были изготовлены в 1371 году для церкви Святого Саркиса в Кафе. В связи с коренной реконструкцией последней двери были переданы церкви Святых Архангелов, о чём свидетельствует другая армянская надпись, выполненная на вертикальных брусках обвязки: «Вновь возобновлена дверь святого собора во имя Святых Архангелов, трудами народа, руками Семеона мастера»¹. Ныне эта двухстворчатая дверь экспонируется в Отделе армянского искусства в Эрмитаже.

◀ **Церковь Святых Архангелов. План-схема** (автор – М. В. Петросян) **и западный портал.**

К документальным источникам, зафиксировавшим вид церкви Святых Архангелов в середине XIX века, относится гравюра из альбома Е. Вильнева с изображениями её внешнего вида и интерьера. Последний показан в несколько повышенных, не соответствующих натуре пропорциях. В отличие от них солея показана несколько ниже, а кивории отсутствуют. Вторая гравюра свидетельствует о существовании в середине XIX века ряда низких пристроек на южной и западной сторонах церкви, от которых в настоящее время сохранились только небольшая алтарная апсида, примыкающая к юго-западному углу здания.

Согласно изображению, с запада к церкви пристроен служивший притвором довольно приземистый объём с характерным односкатным уклоном кровельного покрытия. Время его возведения точно не устанавливается. Учитывая, что из существовавших при генуэзцах 45 армянских церквей Кафы к середине XVIII века осталось только 24, логично предположить, что при очередном росте армянского населения города в начале XVII века экономичнее было бы строить не церкви, а расширяющие площадь молитвенного зала притворы и приделы. Поэтому возведение притвора церкви Святых Архангелов можно вполне обоснованно отнести к XVII или, самое позднее, к XVIII веку.

В отличие от традиционно расположенных армянских притворов (как правило, симметрично относительно продольной оси церкви), рассматриваемая пристройка сдвинута в южном направлении, почему лишь частично прикрывает западный фасад церкви. По нашему мнению, на северной стороне был устроен отдельный вход, подчёркнутый на фасаде выступом стены со звонницей по верху, которые ясно видны на гравюре из альбома Е. Вильнева. Поэтому высказанное Е. И. Лопушинской мнение об устройстве этого входа в конце XIX века, для прохода в церковь, минуя позднее появившийся притвор², считаем неубедительным.

Судя по гравюре, глубина притвора превышает размер церкви от западного фасада до подкупольного квадрата, что даёт основание считать форму его плана близкой к квадрату. Несомненно, что на гравюре изображён внешний вид притвора четырёхколонного типа, принятого в строительстве крымских армян. Пологий уклон кровель подтверждает как большую ширину притвора, так и высоту его среднего нефа в сравнении с боковыми, перекрытых стрельчатыми сводами на подпружных арках^{3*}.

Кроме отмеченного сдвига, следует зафиксировать и отсутствие на западном фасаде притвора традиционного для Армении дверного проёма, служившего прямой связью с интерьером церкви. Поэтому в данном случае вход располагался на северной стороне притвора. Он открывался из озеленённого двора, в который попадали с площади, через указанные на гравюре двери.

¹ Лопушинская Е. И. Архитектура армянской церкви Святых Архангелов Гавриила и Михаила в Феодосии. – С. 67.

² Там же. – С. 69.

^{3*} Заключение нуждается в дополнительных подтверждениях.

Основным архитектурным акцентом неширокого, лишённого обрамления арочного входа «с плечиками» была навесная бойница, из которой охрана вела наблюдение за входящими, а возможно и отражала нападения злоумышленников. Слева от входа находилось помещение привратников, перекрытое возвышающейся над оградой четырёхскатной кровлей, над которой под навесом висел колокол, оповещавший прихожан о начале богослужения.

На южной стороне притвора находилась вторая дверь, выходящая в небольшой садик, имевший, как показано на гравюре, самостоятельный вход с площади. В садике, надо полагать, размещались подсобные церковные строения, в их числе упомянутые М. Бжишкяном родник и жилище сторожа, частично виднеющиеся на рисунке Хр. Кучук-Иоаннесова. Освещался притвор ритмично располагавшимися на северном и южном фасадах окнами.

Для определения конструктивно-композиционных особенностей притвора внимания заслуживает результат обследования западного фасада церкви, проведённого Е. И. Лопушинской¹. Обнаруженные ею на поверхности штукатурки следы примыкания двухскатной кровли, различаемые также и на фото 1947 года, свидетельствуют о позднем происхождении притвора.

Еле заметный на гравюре прямоугольный объём с шатровой кровлей, расположенный в северо-восточном углу притвора и примыкавший к западному фасаду церкви, подтверждает, что одновременно с его возведением некоторое изменение претерпела и западная часть интерьера церкви. Здесь появились хоры, названные М. Бжишкяном «мансардой для женщин», на которые поднимались по крутой лестнице и проходили через ныне заложённый арочный проём, виднеющийся выше западного портала, слева.

Церковь Святых Архангелов. Заложённые входные проёмы на западном фасаде.

Композиционной особенностью плана притвора является устроенная в его юго-восточном углу полуциркулярная апсида с небольшим окном, которая выступает с южной стороны церкви. Судя по конструктивным деталям, здесь было не изолированное по-

¹ Лопушинская Е. И. Архитектура армянской церкви Святых Архангелов Гавриила и Михаила в Феодосии и её реставрация. – С. 65–69.

мещение типа небольшого придела, как в монастырских комплексах Армении – Гошаванке, Макараванке, Хоранашате и других, а только апсида, перед которой в интерьере притвора стояли прихожане – уникальное явление в строительной практике армян. В апсиде, как в кивориях церкви, совершались некоторые церковные ритуалы.

Наличие конструктивного шва между южной стеной церкви и северной стеной апсиды свидетельствует о позднем происхождении последней. Другая особенность – непараллельность продольных стен апсиды, почему её план получил суживавшуюся к востоку форму. По нашему определению это произошло не случайно. Такое решение определилось разумным по экономическим соображениям использованием существовавшего здесь фундамента более раннего строения. В зависимости от этого юго-восточная секция притвора, в отличие от остальных квадратных в плане, получила косоугольную форму.

Примерно на середине южной стороны церкви Святых Архангелов находится придел с площадью около 15 м², сообщающийся с ней дверью. Наличие строительных швов в местах примыкания с соседними строениями подтверждает более позднее, чем притвора, происхождение придела, датирующегося XVIII веком.

Придел приземист. Западная часть его перекрыта односкатным покрытием, а восточная – пониженным конусным шатром. Продольные стены не параллельны, а расположены под углом, поскольку южная стена, составляющая продолжение стены алтарной апсиды притвора, основана на старом фундаменте. Вход один – из церкви, освещение – через квадратное окно на южном фасаде.

**Церковь Святых Архангелов в начале XX века.
Вид с юго-востока.**

Небольшая апсида придела, выступающая на восточном фасаде полуцилиндром, имеет солею высотой в 60 см и лестницу на продольной оси интерьера. Сужавшееся к востоку сводчатое перекрытие опиралось на подпружные арки: две по середине, а третья у стены алтарной апсиды притвора. Подобное композиционное решение придало этому приделу не только художественную выразительность, но и оригинальность, не известную в других произведениях крымских армян.

Представление о художественном убранстве восточной части интерьера церкви Святых Архангелов в конце XIX века можно составить по фотоснимку Хр. Кучук-Иоаннесова. В соответствии с русской традицией, алтарные апсиды украшены деревянными иконостасами. Один из них, по описанию Н. Барсамова и А. Полканова, имевший интересные художественные формы, сохранялся в правой (южной) апсиде вплоть до середины 1930-х годов¹. Раскрашенные рельефы заполняли кессоны конхи средней алтарной апсиды, а фигуры святых и растительно-геометрические узоры – внутренние поверхности алтарных арок. Над боковыми апсидами, на восточной стене трансепта, находились фресковые панно с библейскими сюжетами. Общее убранство дополняли золочёные многолучевые диски с различными рельефами в центре и высокие подсвечники.

Выполненные В. В. Суловым в 1906–1908 годах обмеры церкви Святых Архангелов свидетельствуют о значительном изменении архитектурно-пространственной формы

¹ Барсамов Н., Полканов А. Феодосия. Прошлое города и археологические памятники. – С. 42.

притвора. Новый, ныне не существующий притвор, появившийся на рубеже XIX–XX столетий, представлял собой вытянутую вдоль всего западного фасада церкви узкую галерею, в которой от предшествовавшего сооружения сохранилась только апсида. Видимо к этому времени следует отнести и демонтаж выступа под звонницей в левой части западного фасада, поскольку в обмере В. В. Сулова он не зафиксирован.

Указанная на чертеже В. В. Сулова лестница в северо-западном углу, по описанию Е. И. Лопушинской «вела на хоры, имевшие вид балкона на столбах»¹. В связи с этим изменения претерпел западный фасад церкви. Главный вход сместился вправо от продольной оси здания, по бокам его появились дополнительные арочные проёмы. Наличие в тот период четырёх проёмов на этом фасаде позволяет предполагать, что они служили не только для объединения молитвенного зала с притвором, но и для повышения освещённости церкви, используя семь широких проёмов (шесть оконных и один дверной) галереи.

После Крымского землетрясения 1927 года притвор более не восстанавливался, поскольку надобности в нём не было. В 1962 году обвалилась правая половина западного фасада церкви с примыкавшими к ней частями перекрытий. Восстановление памятника было организовано в 1967–1970-х годах по проекту Е. И. Лопушинской, при участии Л. Мамаенко и П. Ткач. Одновременно произведена инъекция трещин, заменены оконные и дверные переплёты и черепичное покрытие кровли^{2*}.

Церковь Святого Никогайоса в Евпатории

Церковь Святого Никогайоса (Святого Николая) расположена в восточной части современной Евпатории, в далёком прошлом – Керкинитиды, а с конца XV и до начала XIX веков – Гёзлева. Она находится по адресу: Интернациональная, 44^{3*}. Церковь возведена на просторном участке, на котором впоследствии были построены церковный дом и приходская школа, ныне занятые корпусами городской богадельни^{4*}. Сохранность памятника удовлетворительная. Хотя здание временами ремонтировалось, тем не менее, отсутствуют купол и портики перед входными проёмами. О последних ныне напоминают следы примыканий^{5*}.

Наиболее раннее описание церкви Святого Никогайоса встречаем у М. Бжишкяна. Оно относится к 20-м годам XIX века. В середине того же столетия в своей монографии к ней обращается О. Тер-Абрамян. Из авторов новейшего периода исследованием памятника занимался архитектор Ю. А. Таманян⁶.

В Евпатории армяне поселились, по-видимому, в XVI–XVII веках. Численный состав общины непрерывно возрастал, поскольку, согласно колофонам написанных здесь рукописей, в XVII веке в городе уже имелась каменная армянская церковь во имя Святого Никогайоса. Она была сожжена во время ханских междоусобиц в 1765–1766 годах. В начале XIX века рядом с сожжённой церковью была построена деревянная, а в 1817 году на месте прежней церкви была основана нынешняя каменная. Некоторое время

---

¹ Лопушинская Е. И. Архитектура армянской церкви Святых Архангелов Гавриила и Михаила в Феодосии и её реставрация. – С. 69.

² * Несмотря на относительно недавнее восстановление, церковь Святых Архангелов сегодня находится в аварийном состоянии. В 1993 году постановлением Совета министров Автономной Республики Крым она передана религиозной общине Армянской церкви в Феодосии в безвозмездное пользование, но из-за ветхости не принимала прихожан.

³ * Ныне – ул. Поворотная, 50.

⁴ * Все постройки возвращены местной религиозной общине Армянской церкви.

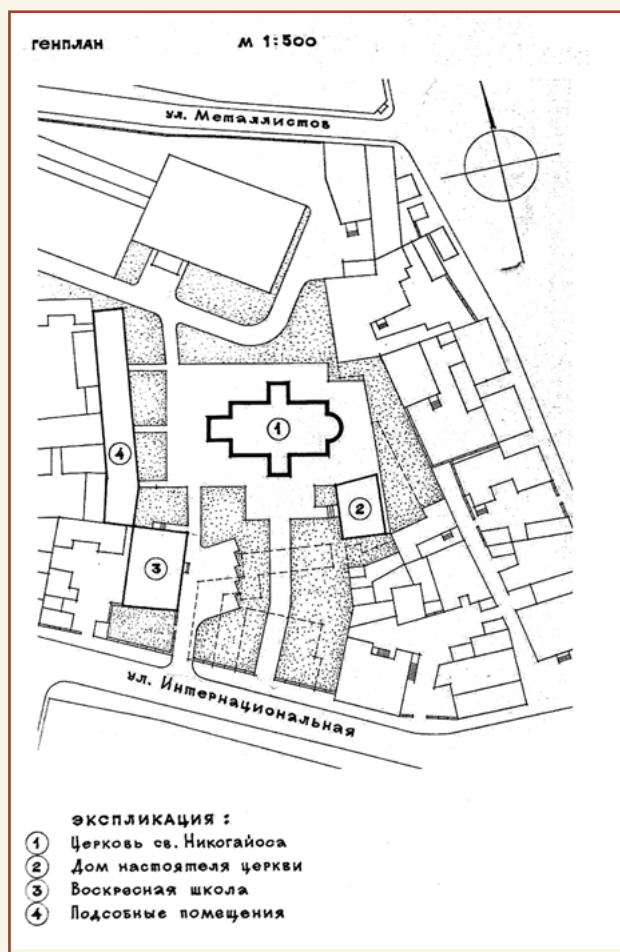
⁵ * Церковь отремонтирована и дополнена новым куполом и портиками.

⁶ Бжишкян М. Путешествие в Польшу. – С. 287; Тер-Абрамян О. История Крыма (часть 2). – С. 134–136; Таманян Ю. А. Армянская церковь в Евпатории // «Эчмиадзин». – № 11–12. – Эчмиадзин: Изд. Первопрестольного Эчмиадзина, 1987. – С. 102–106 (на арм. яз.).

она стояла без перекрытия, по причине чего армяне города проводили богослужение в часовне¹.

Значительно возросшая численность армян Евпатории позволяла иметь не только вместительный храм, площадью более 170 м², но и благотворительные учреждения, включая и школу. Если к 30-м годам XIX века в городе проживало 90 армянских семей – около 400 человек, занимавшихся в основном торговлей², то к концу того же столетия, согласно переписи 1897 года, их численность составила уже чуть менее 800 человек.

Церковь Святого Никогайоса в Евпатории.
Ситуационный план

Только в 1837–1842 годах приходы и расходы церкви Святого Никогайоса составили соответственно 18 075 руб. 68 коп. и 16 052 руб. 59 коп. Эти значительные, по мнению В. А. Микаеляна, суммы связаны с продолжавшимся долгие годы строительством³. Скорее всего достраивалась церковь и возводились относившиеся к ней другие сооружения.

Церковь Святого Никогайоса – единственный в Крыму пример армянской купольной базилики, в композиции которой полностью воспроизведён тип церкви в Мрене (639–640 годы). Это удлинённый в направлении запад-восток прямоугольный объём с центральным куполом, выполненный из тёсаных блоков мраморовидного камня. Как и в ранних армянских базиликах, ориентированная на восток полуциркулярная апсида евпаторийской церкви вынесена за пределы внешнего прямоугольника здания. В интерьере апсида удлинена за счёт пилонов, отделяющих

её от приделов. В северном из пилонов устроена святая купель. Высота солеи составляет 1,1 м. На неё поднимаются по широким боковым лесенкам.

По сторонам апсиды устроены квадратные в плане помещения в два этажа. Нижние из них, освещаемые окнами, служили дьяконником и ризницей, а верхние, на которые вели лесенки в восемь ступеней, видимо, имели подсобное назначение и служили хранилищем церковного инвентаря. Верхние помещения не имеют окон, и свет поступает из интерьера молитвенного зала через широкие арочные проёмы, позднее заложенные. Существует мнение, что помещение с южной стороны алтарной апсиды предназначалось для церковного хора, сопровождавшего богослужения пением. Верхние помещения возведены единовременно с церковью. Доказательством этого служит расположение перемычек лестничных проёмов выше пят полуциркулярной части алтарной апсиды, что потребовало устройства в них распалубок.

¹ Бжишкян М. Путешествие в Польшу. – С. 287.

² Там же.

³ Микаелян В. А. История армянской колонии в Крыму (1801–1917). – С. 151; Микаелян В. А. На Крымской земле. – С. 310.

Церковь Святого Никогайоса в Евпатории. Вид с юга.

Интерьер молитвенного зала показателен изяществом архитектурно-художественных форм. Боковые нефы имеют сводчатое, а центральный – зеркально-сводчатое перекрытия. Здесь нет мощных прямоугольных устоев в центре и пристенных выступов, объединённых по верху соответствующими их размерам подпружными арками. Опоры в данном случае выполнены небольшого сечения. В центре стройные колонны, на стенах пилястры, форма которых, вместе с опирающимися на них лёгкими арками (полагаясь, железобетонными), придают интерьеру изящество. Картину дополняют круглого и полуциркульного очертания оконные проёмы, ритмично расположенные на стенах и гармонично согласованные с арочными формами перекрытий.

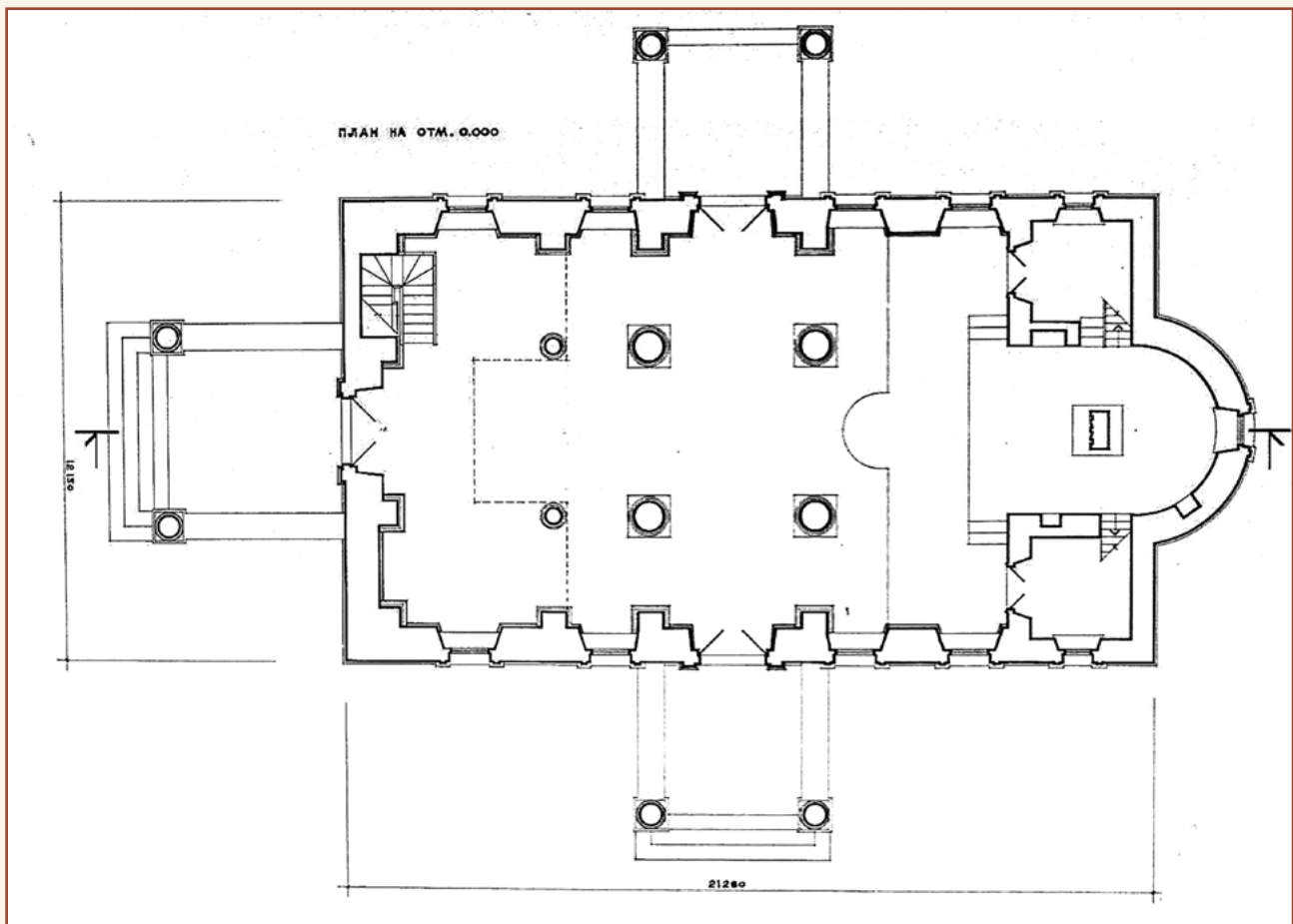
Колонны гладкие, без канелюр, с простыми базами и капителями, составленными из сочетания полочек и полувалов, весьма распространённых в строительной практике крымских армян. Для повышения прочности колонн и их большей связи с периметральными стенами, по верху квадратных абак проложены металлические связи.

Центральная секция среднего нефа завершалась восьмигранным куполом. Конструктивный переход от квадрата основания к многограннику барабана осуществлён посредством наклонных плоскостей (парусов), украшенных овальными рамками, в которых помещались декоративные рельефы с изображением святых. В настоящее время интерьер оштукатурен, и был ли он расписан в прошлом, сказать затруднительно.

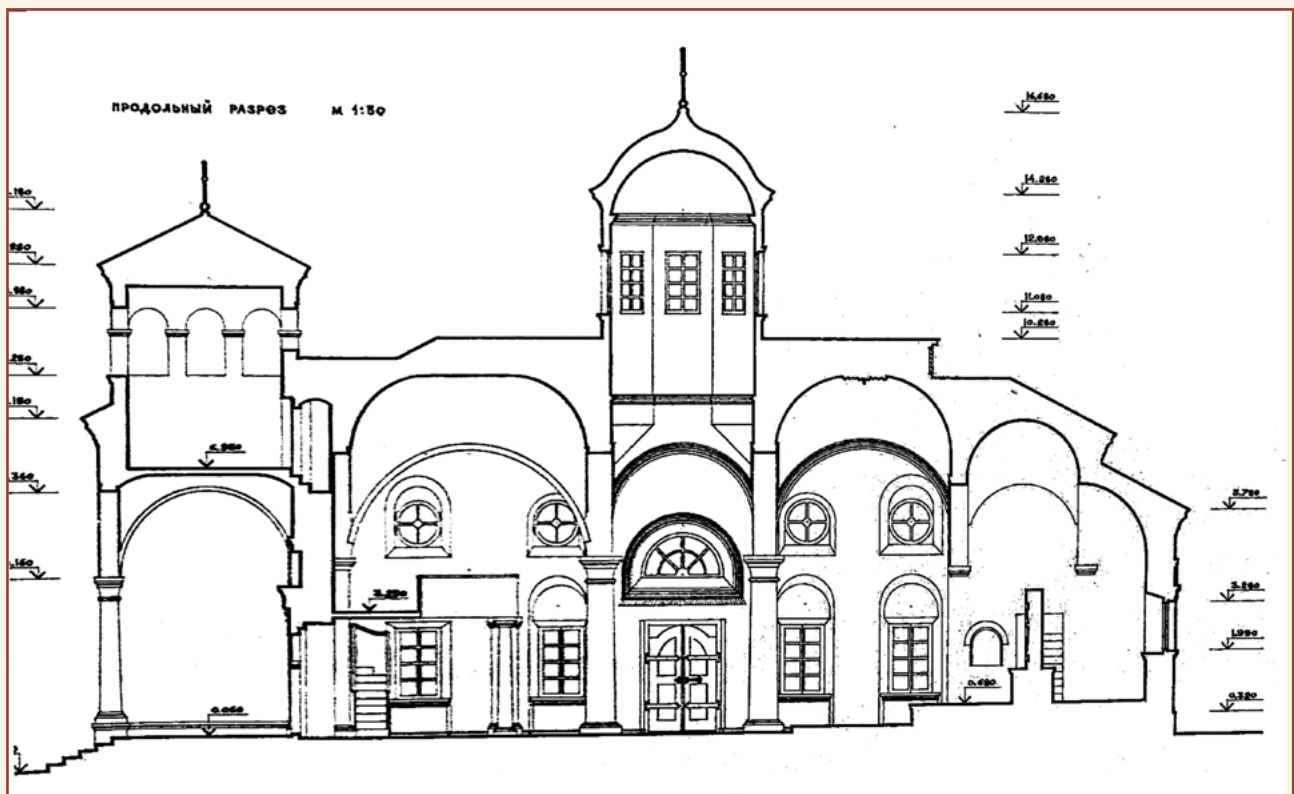
Судя по фотографии начала XX века, высокий барабан купола имел окна на всех гранях. Вместе с оконными проёмами, расположенными в два яруса на периметральных стенах, он обеспечивал хорошее освещение интерьера.

Здание имеет три входа: главный открыт с запада, второстепенные – с юга и севера. Последние для лучшего использования располагаются на проходящей через купол

План церкви Святого Никогайоса в Евпатории.

Церковь Святого Никогайоса в Евпатории. Продольный разрез.

поперечной оси здания. Таким образом, попадавшие в молитвенный зал посетители сразу входили в наиболее освещённую его часть. Двери достаточно широкие – 1,7 м, двустворчатые с тамбуром в интерьере, что обеспечивало сохранность тепла в холодные времена года.

В северо-западном углу интерьера, в толще стены, устроена ведущая в чердачное перекрытие узкая служебная лестница, освещаемая высоко расположенными окнами на западном фасаде. Ею пользовались и для поднятия на колокольню, представлявшую собой шестигранную ротонду, завершавшую западный портик. Свидетельствует

**Церковь Святого Никогайоса в Евпатории.
Западный фасад.**

об этом следующее обстоятельство: примерно на оси западного фасада, под современным простым карнизом, расположенным выше опоясывающего здание изначального, сохранился арочный проём, служивший выходом на отметку площадки колокольного звона. По мнению О. Тер-Абраамяна, при церкви существовал также притвор, местонахождение и композиционные особенности которого остаются неизвестными¹.

Внешний облик значительной по величине церкви достаточно впечатлителен. Геометрически правильные объёмы завершены высоким карнизом с двумя ряда-

ми дентикулов с полувалом по низу, активизирующих игру света и тени. Лаконичность внешней формы и градация частей здания по высоте, вместе с расположением и размерами оконных проёмов, позволяют иметь представление о величине и соотношениях объёмных форм в интерьере.

Наиболее значительную часть здания составляет молитвенный зал. Согласно старым чертежам в центре его двускатной кровли возвышался восьмигранный купол со шлемовидным покрытием, подобным тем, что существуют в армянских церквях Феодосии – Святого Иоанна Крестителя, Святых Архангелов Габриела и Микаела. Разбивка граней купола профилированными поясками на уровне верха и низа прямоугольных оконных

**Церковь Святого Никогайоса в Евпатории.
Южный портал.**

¹ Тер-Абраамян О. История Крыма (часть 2). – С. 136.

проёмов, повышала его художественную выразительность, гармонирующую с декоративными решениями фасадов.

Формы и ритмичное расположение оконных проёмов обогащают внешний облик здания. Прямоугольные окна нижнего ряда обрамлены наличниками со стрельчатыми тимпанами, сходными с подобным убранством проёмов зданий крымских армян зрелого средневековья. Оставались ли внутренние поверхности тимпанов гладкими или же имели украшения, неизвестно. Только в тимпан окна на алтарной апсиде вмонтирован маленький хачкар с простой орнаментацией. Расположенные над нижними окнами южного и северного фасадов круглые проёмы окаймлены прямоугольного сечения профилями. Подобные окна не известны в культовых произведениях крымских армян, почему их следует отнести к числу оригинальных деталей церкви Святого Никогайоса.

Перед арочной формы входными проёмами, обрамлёнными наличниками с выступающим замковым камнем, имелись квадратные в плане портики, перекрытые крестчатыми сводами. Их арочные проёмы опирались на тонкие колонны и консольные выступы на фасадах. Портики имели равную с фасадами здания высоту, что позволило завершить верхний периметр единым карнизом. В состав порталов церкви входят небольшие люнеты, показательные для декора входных проёмов ряда армянских памятников Крыма. В люнете западного портала сохранилась прямоугольная ниша, полагаем, предназначавшаяся для помещения в ней декоративной резьбы, возможно, надписи с указанием ктиторов церкви и даты её возведения.

Церковь Святого Никогайоса в Евпатории – оригинальное произведение крымских армян, в котором нашли отражение как архитектурные традиции средневековой Армении и характерные особенности ранних армянских памятников Крыма, так и строительные предпочтения периода её возведения.

Церковь Покрова Божьей Матери в Нижней Ореанде

Церковь во имя Покрова в Нижней Ореанде не имеет отношения к крымским армянам, но по своим архитектурно-художественным качествам имеет прямое отношение к армянскому средневековому зодчеству точно так же, как и храм Святой Нины в имении «Харакс» (посёлок Гаспра), построенный в 1906–1912 годах известным архитектором Н. П. Красновым¹.

Сведения о церкви в Нижней Ореанде весьма ограничены. Известно, что она построена по заказу Великого Князя Константина Николаевича Романова в 1885 году. Проект составлен русским архитектором А. А. Авдеевым, академиком архитектуры (с 1871 года), автором нескольких сооружений, реализованных в Крыму².

Обмеры церкви впервые произведены в 1957 году под руководством Е. И. Пламеницкой. В краткой аннотации памятника, опубликованной в 1985 году, отмечается принадлежность к числу памятников республиканского значения³. Более подробные сведения приведены в наших работах, посвящённых армянской архитектуре в Крыму⁴.

¹* Это был период, когда в Ялте и её окрестностях шло активное строительство дворцов, особняков, вилл, культовых и общественных зданий, и лучшие российские зодчие состязались между собой, возрождая архитектурные идеи и оригинальные конструкции прошлого. Тогда же интерес к ещё непознанному средневековому зодчеству Армении и Грузии возрос настолько, что отголоски той далёкой строительной эпохи нашли своё отражение в возводящихся на юге Крыма церковных постройках (см.: **Саргсян Т. Э.** Храм Святой Рипсиме в Ялте. – Симферополь, 2015. – С. 9).

² **Кондаков С. Н.** Юбилейный справочник Императорской Академии художеств, 1764–1914 гг. – Т. 2. – СПб., Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1915.

³ Памятники градостроительства и архитектуры Украинской ССР. – Т. 2. – С. 307.

⁴ **Халпахчян О. Х.** Культовые постройки крымских армян // АН. – № 39. – Москва: Architectura, 1992. – С. 32–45.

Церковь Покрова в Нижней Ореанде. Вид с северо-запада.

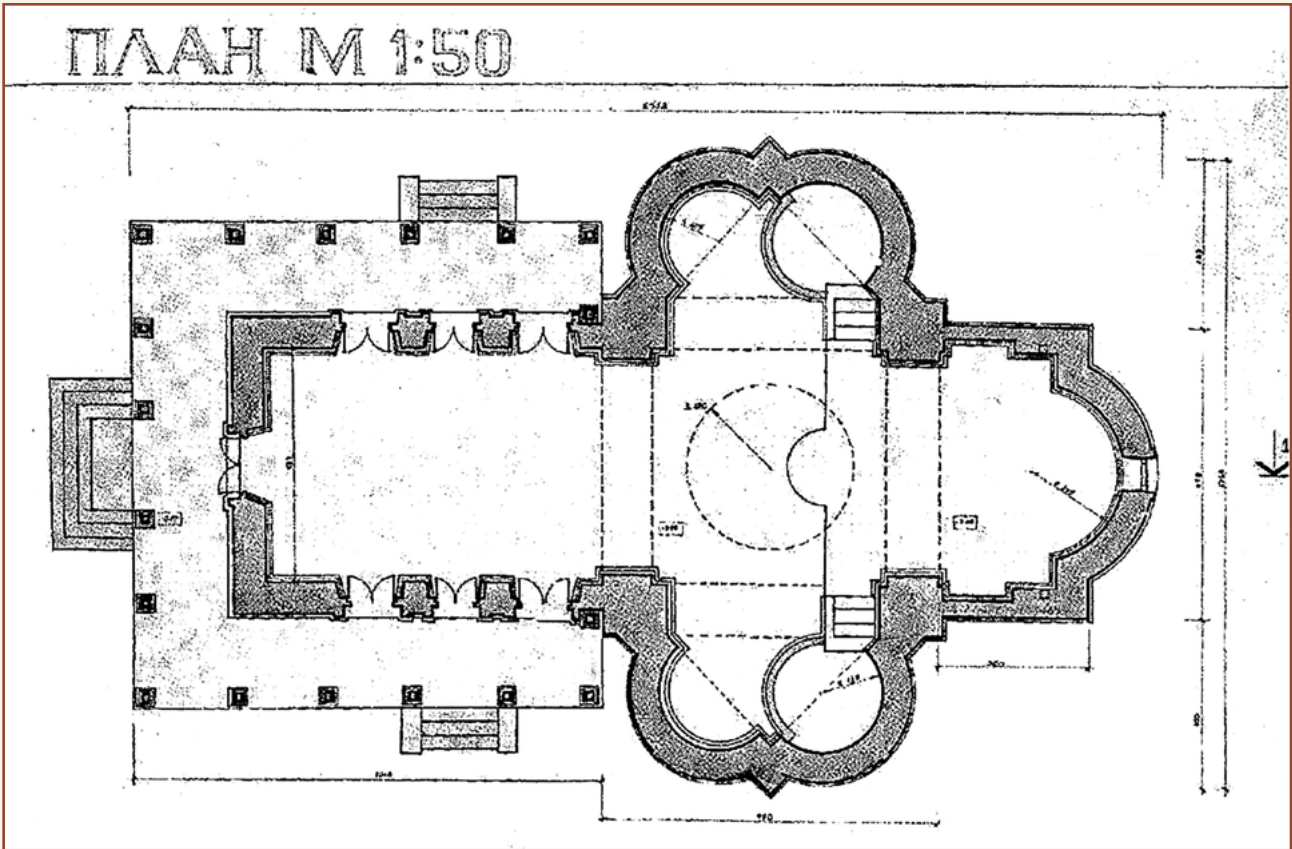
Видная издалека, особенно со стороны моря, церковь возвышается среди окружающих строений небольшого курортного поселения на южном побережье Крыма, к югу от Ялты. Её расположение параллельно спускающемуся к морю склону местной возвышенности определило направленность продольной оси с юго-запада на северо-восток, а, следовательно, и ориентацию алтарной апсиды с некоторым отклонением от канонического правила в северную сторону.

Оригинальна объёмно-пространственная композиция здания – крестового в плане как внешне, так и внутренне. Она представляет собой синтетический образец церковной постройки, совмещающий армянскую архитектурную основу с византийскими, грузинскими и русскими формами, своеобразную интерпретацию распространённого в Закавказье многоапсидного типа культового здания, каковые практиковались в Армении с IV по XIII века и в Грузии в X–XI веках.

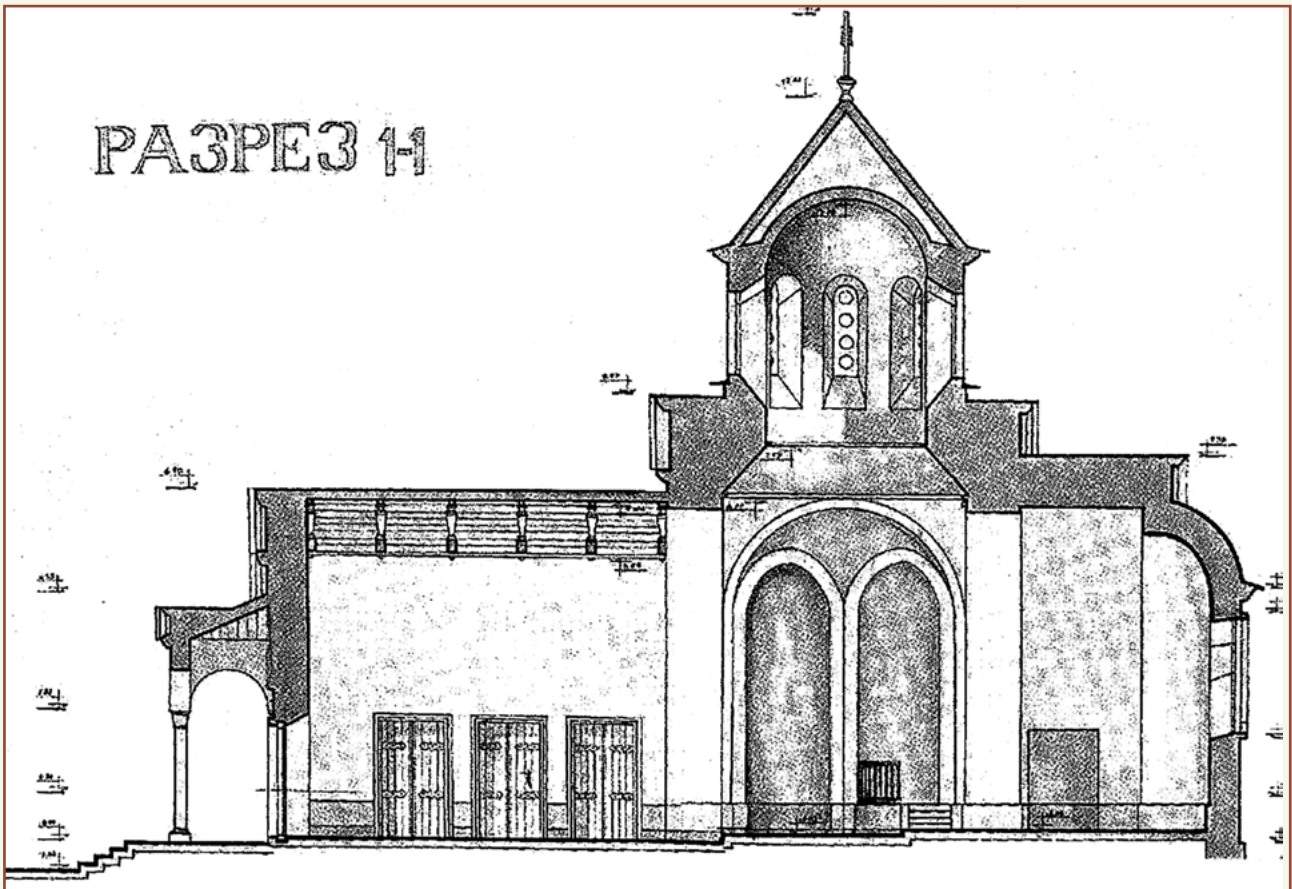
Как и в центрических памятниках Армении раннего средневековья, например, в Джрарате (VI век), Бужакане (VII век) и других, поперечные ветви короче продольных. Восточная выполнена в виде выступающего прямоугольного объёма, содержащего в себе алтарную апсиду, однако не полуциркульного, а лучкового очертания и без приделов по сторонам. Западная ветвь значительно удлинена, как в грузинских и русских храмах, но в отличие от них перекрыта не сводом, а открытыми в интерьере фермами из дуба, и внешне с трёх сторон обведена галереей с наружной аркадой.

Живописная форма придана боковым ветвям креста, составленным не из одной, а из двух полукруглых апсид, поставленных под прямым углом. Они не включены в общий, внешне прямоугольный периметр здания, а выступают в виде спаренных полуци-

Церковь Покрова в Нижней Ореанде. План.

Церковь Покрова в Нижней Ореанде. Продольный разрез.

линдрических объёмов, что придаёт своеобразию архитектурно-художественному облику здания как снаружи, так и изнутри. Особенность этих апсид заключается в том, что, обращённые к северо-востоку и юго-востоку, они использовались в качестве алтарных ниш, на что указывают круглые в плане, приподнятые солеи с четырёхступенчатыми лестницами, устроенными возле восточных купольных устоев. В отличие от боковых алтарных ниш, солея алтарной апсиды возвышается над полом молитвенного зала только на 25 см и имеет полуциркульный выступ на продольной оси здания под куполом. Алтарная апсида и апсиды поперечных ветвей завершены конхами.

Центральную часть интерьера венчает основанный на парусных переходах высокий 16-гранный купол с чередующимися на гранях узкими окнами и полуциркульными нишами.

Здание выполнено из начисто тёсаных блоков известняка, взятого из развалин местного дворца. Кровли над четырьмя крылами основного кубического объёма, а также над западной удлинённой ветвью – двускатные, покрытые красной черепицей. Восточный и поперечные ветви, как и заостренный шатёр купола покрыты оцинкованным железом, что придаёт внешнему облику сооружения особый колорит.

Своеобразно освещение интерьера. Западная его часть обеспечена обилием света, который поступает из шести широких оконных проёмов. Подкуполье и даже барабан купола отличаются умеренным, а алтарная апсида и поперечные ветви – ещё меньшим освещением, чем как бы подчёркивается таинство выполнявшегося в церкви богослужения.

Заслуживают внимания элементы убранства памятника. В украшенных валиками и полочками капителях и базах колонн наружной галереи, а также венчающих карнизах из скошенных по низу плит отчётливо чувствуется влияние армянских декоративных традиций. Одновременно с этим устройство над сферическими конхами боковых апсид арочных завершений явно осуществлено под влиянием закомар на фасадах русских церквей.

Интересны и уникальны формы окон на апсидах, равно как и обрамляющих их наличников. Обведённые простым профилем, они выполнены не в форме прямоугольного проёма, а в виде креста с удлинённой нижней ветвью.

Внешний облик церкви показателен гармоничной согласованностью прямоугольных и сферических объёмов. Большое художественное значение имеет повышающая игру света и тени открытая внешняя галерея, которая с трёх сторон обегает западное крыло здания. Повышенные пропорции проёмов (высота превосходит ширину более двух раз), подковообразная форма арочных завершений и стройность поддерживающих их колонн создают впечатление изящности. Акцентирующий местоположение единственного входа арочный проём не только выше и шире рядовых, но и на фасаде выделен щипцом, по оси которого помещён медальон с бюстом святого.

Художественной особенностью церкви является убранство её интерьера мозаичным декором. В разработке интерьера и выборе церковной утвари участвовал известный своими работами в области живописи князь Гагарин. Мозаики изготовлены в Венеции известным художником второй половины XIX века Л. Сальвиати, почему в них и нашло отражение влияние средневекового итальянского искусства. Тематика изображений – сцены из Священного Писания и светской жизни, образы святых. Реалистично представлены персонажи, над которыми в ряде случаев помещены их имена. Антропоморфные фигуры мозаик отличаются стройностью осанок, благородной посадкой голов, тонко изображёнными чертами, лёгкостью облачений, богатством украшений и доспехов. К сожалению, значительная часть мозаик утрачена в 1941–1945 годах, почему иметь полное представление об их содержании пока невозможно.

За прошедшее время существенно пострадала и сама церковь, используемая продолжительное время как склад. Большинство окон купола и апсид заложено. На северном фасаде появилась деревянная пристройка, соединённая с превращённой в хранилище северной галереей. В связи с этим закрылись арочные проёмы на северном и частично на западном фасадах, что исказило внешний архитектурный облик памятника^{1*}.

^{1*} В 1992 году храм возвращён верующим. В нём проводятся богослужения. Постройка и мозаичный декор большей частью уже восстановлены.

Церковь Святой Рипсиме в Ялте

Церковный ансамбль Святой Рипсиме в Ялте возведён по заказу крупного бакинского нефтепромышленника П. О. Гукасяна^{1*} в память о скончавшейся в юношеском возрасте дочери – Рипсиме Гукасян. В её честь для церкви было выбрано имя Святой Рипсиме, а также архитектурные формы одноимённого храма в Эчмиадзине (618 год)^{2*}.

Ансамбль Святой Рипсиме в Ялте. Вид с юга.

Тогда же, в начале XX века, известным в Закавказье архитектором Г. М. Тер-Микеляном (1874–1949 годы) был составлен проект комплекса и начато его строительство, завершённое в 1912 году³. Росписи, украшающие интерьер церкви, были выполнены известным художником В. А. Суренянцем (1860–1921 годы) и помогавшим ему Тара-

^{1*} Здесь, как и в работах многих других авторов, заказчик ялтинского ансамбля фигурирует под фамилией «Тер-Гукасян», или «Тер-Гукасов», что неверно. По свидетельству источников, фамилия его была «Гукасян», или «Гукасов» (см.: **Бадалян В.** Вардгес Суренянц (1860–1921). Графика. – Ереван: Изд. Нац. галереи Армении, 2010. – С. 38 (на арм. яз.); **Саргсян Т. Э.** Храм Святой Рипсиме в Ялте. – С. 14–15).

^{2*} Последние исследования показывают, что П. Гукасов ещё с 1898 года намеревался построить в Ялте фамильную усыпальницу с церковью над ней. С этой целью он даже скупил землю и заказал роскошный проект, в котором уже тогда чувствовалось стремление заказчика и архитектора построить церковь, близкую по формам к храму Святой Рипсиме в Эчмиадзине. Кончина дочери в 1901 году, останки которой были временно похоронены на православном кладбище в Ялте, заставила П. Гукасова вплотную заняться строительством комплекса. Вопрос, касающийся названия церкви, также нуждается в ревизии. Дело в том, что ялтинская церковь изначально была названа в честь Святого Саркиса, но внешняя схожесть её с эчмиадзинским храмом, а также имя рано ушедшей из жизни дочери заказчика настолько крепко приписали ей имя Святой Рипсиме, что при освящении в 1993 году именно оно и было дано церкви (см.: **Саргсян Т. Э.** Храм Святой Рипсиме в Ялте. – С. 16–37).

³ **Маркосян С.** Григорианская церковь Ялты // «Коммунист» (орган ЦК КП Армении). – № 149 от 08.07.1990. – С. 3.

гросом (Т. С. Тер-Вартанян, 1878–1953 годы). Орнаментальная резьба по камню осуществлялась скульптором С. Д. Меркуровым (1881–1952 годы)^{1*}.

Письменные сведения о памятнике немногочисленны. В публикациях Е. Крикуна², С. Килессо³, С. Карапетяна⁴, М. Пештмалджяна⁵ и других авторов приводятся лишь краткие данные в основном о том, когда и почему была возведена церковь, а также об отражении в её внешнем архитектурном облике композиции одноимённой церкви 618 года в Эчмиадзине. Относительно подробно архитектурные особенности ялтинской церкви проанализированы в посвящённой творчеству Г. М. Тер-Микеляна монографии Э. А. Тиграняна⁶, а также в нашей специальной публикации⁷.

Выполненная Г. М. Тер-Микеляном графическая документация рассматриваемого здания не сохранилась, почему Э. А. Тиграняну пришлось включить в монографию об этом зодчем только эскизный чертёж плана^{8*}, составленный архитектором Ю. А. Таманяном. Подробные обмеры церкви впервые были осуществлены в процессе реставрационных работ в 1974 году, а позднее – группой архитекторов Укрпроектреставрации под руководством Е. И. Лопушинской. Часть этих работ помещена в настоящей работе. Выполненные различными авторами фотографии церкви, изображающие её за последние десятилетия, изредка печатались в научной и популярной литературе. Следует отметить, что включение церкви Святой Рипсиме в туристические маршруты по Ялте как «памятника архитектуры XX века» способствует ознакомлению с ней многочисленных экскурсантов, её популяризации как произведения высоких художественных достоинств.

Церковь, будучи не освящённой, никогда не функционировала как культовое здание^{9*}. После национализации в конце 1920-х годов она была передана Ялтинской кинофабрике и использовалась как склад, а с 1960-х годов принадлежала Ялтинскому историческому музею. В 80-х годах XX века на территории ансамбля производились комплексные реставрационные работы¹⁰.

---

¹ * На самом деле строительство ансамбля начато в 1904 году с разрешения императора Николая II и завершено в 1917 году. В. Суренянц приступил к работе в 1917 году и успел завершить лишь расписывание купола (см.: **Саргсян Т. Э.** Храм Святой Рипсиме в Ялте. – С. 17, 31–32, 34).

² **Крикун Е. В.** Архитектурные памятники Крыма. – Симферополь: Таврия, 1977. – С. 47.

³ **Килессо С. К.** Архитектура Крыма. – С. 32.

⁴ **Карапетян С.** Армянская церковь в Ялте // «Эчмиадзин». – № 4. – Эчмиадзин: Изд. Первопрестольного Эчмиадзина, 1984. – С. 59–60 (на арм. яз.).

⁵ **Пештмалджян М. Г.** Памятники армянских поселений. – Ереван: Айастан, 1987. – С. 70–73.

⁶ **Тигранян Э. А.** Габриел Тер-Микелян. – Ереван: Советакан грох, 1981. – С. 29–31 (на арм. яз.).

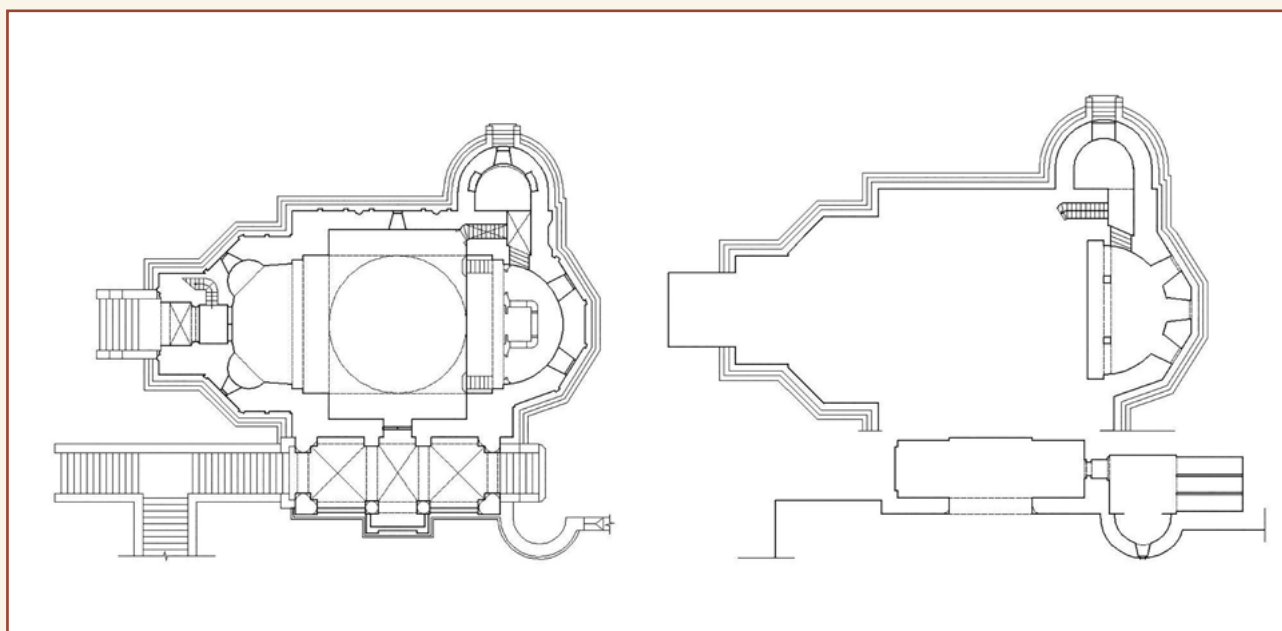
⁷ **Халпахчян О. Х.** Церковь Святой Рипсиме в Ялте // Вопросы истории архитектуры. Сборник научных трудов / Под общ. редакцией А. А. Воронова. – Москва: ВНИИТАГ, 1990. – С. 139–155.

⁸ * В ходе подготовки совместной выставки архивных документов, организованной в Симферополе в 2012 году (16–19 октября) Государственной архивной службой Украины, Национальным архивом Армении и Государственным архивом в Автономной Республике Крым, был выявлен небольшой комплект чертежей, который, по нашему мнению, составлен Г. М. Тер-Микеляном (Тер-Микеловым) и представляет собой первичный вариант проекта ялтинской церкви. Имя автора и дата выполнения на чертежах отсутствуют. Комплект приобщён к датированному 1898 годом прошению армян Ялты о постройке армянской церкви в городе (см.: Национальный архив Армении. – Ф. 56. – Оп. 1. – Д. 9492. – Л. 31–37.), и, надо полагать, выполнен тогда же, в 1897–1898 годах. Этот материал включён в нашу монографию, посвящённую армянской церкви в Ялте, которая вышла в свет в 2015 году (см.: **Саргсян Т. Э.** Храм Святой Рипсиме в Ялте. – С. 24–30).

⁹ * Вопрос спорный. Что касается закреплённого за церковью изначального названия в честь Святого Саркиса, то оно могло быть дано уже при её закладке и не зависеть от освящения. В то же время церковь могла быть освящена во имя Святого Саркиса перед тем, как В. Суренянц начал расписывание её интерьера. Старожилы свидетельствуют, что в 20-х годах XX века в церкви был священник и при ней действовала приходская школа.

¹⁰ **Маркосян С.** Григорианская церковь Ялты // «Коммунист» (орган ЦК КП Армении). – № 149 от 08.07.1990. – С. 3; **Карапетян С.** Армянская церковь в Ялте. – С. 59.

Ансамбль Святой Рипсимае в Ялте. Схематические планы церкви, усыпальницы и крипты
(автор – О. Х. Халпахчян).

Принимая решение по будущему строительству П. О. Гукасян руководствовался не только своим желанием иметь фамильную усыпальницу, но и стремлением армян Ялты иметь в городе собственную церковь, о чём свидетельствуют их неоднократные обращения в Синод по этому поводу. Он решил совместить эти две инициативы и соорудить здание наподобие практиковавшихся в средневековой Армении двухэтажных церквей-усыпальниц, таких как князя Буртела Орбеляна в Нораванке 1339 года и в монастыре Ованэса Карапета XIV века¹. Однако рельеф участка продиктовал иное композиционное решение, ещё более повысившее архитектурно-художественный уровень возводимого комплекса.

Церковь Святой Рипсимае построена к северу от центральной части Ялты, на возвышенном склоне, что придаёт её живописному силуэту доминирующее положение над примыкающей городской застройкой. Хорошая обзорность, особенно с дальних точек и со стороны моря, несомненно сыграли значение при определении художественных форм и объёмных масс здания. В отличие от упомянутых церквей-усыпальниц, ялтинская оригинальна по своей планировке и объёмно-пространственной композиции.

Здание находится по адресу: Загородная, 3. Оно помещено на гребне относительно прямоугольного наклонного участка, вытянутого примерно с юго-запада на северо-восток (размеры: 60x125 м). Участок занимает среднюю часть длинного квартала, расположенного между улицами Загородной (внизу) и Ореховой (наверху). До освоения он представлял собой поросший травой каменный склон с разницей отметок в 30 м. Для удобной эксплуатации строений церковного комплекса были образованы (возведением поперёк участка подпорной стенки и террасированием насыпным грунтом) две, соединённые лестницами площадки: верхняя – для церкви и дома смотрителя с покойницей, а нижняя – для усыпальницы. Свободная от строений наклонная территория площадью около 2000 м² была озеленена декоративными и фруктовыми деревьями, между которыми серпантинном проложили пешеходную дорожку, ведущую с верхней площадки к главным воротам внизу.

Главный вход на территорию церкви устроен с улицы Загородной. Композиционно он решён в виде ажурных металлических ворот между двумя устоями. Квадратные в

¹ Халпахчян О. Х. Архитектурные ансамбли Армении. – С. 443–444, 453–457.

плане устои имитируют часовни, увенчанные ложными восьмигранными куполами с шатровым верхом, а грани «корпусов» завершаются щипцами. Со стороны улицы устои украшены рельефами из профилированных тяг, которые, начинаясь у цоколя, чуть выше образуют пару диагонально поставленных квадратов, переходящих в стоящий на круге крест. Подобное убранство, несомненно, было выполнено под влиянием декоративных мотивов монастырей Армении XII–XIII веков, таких как в Ованаванке, Ахтале, Ахпате, Кобайре, а также церкви Святого Карапета (Предтечи, 1875–1881 годы) в Нахичевани-на-Дону¹.

Центральный вход на территорию ансамбля Святой Рипсиме.

Непосредственно от входа начинается ведущая к церкви, точнее на площадку перед усыпальницей, величественная парадная лестница. Состоящая из 100 ступеней, разделённых на четыре марша, она пролегает через парковую зону церкви. Парадная лестница, обсаженная с двух сторон стройными кипарисами, не только обеспечивает легкий подъём к усыпальнице и церкви, но и композиционно объединяется с комплексом, подчёркивая его величие и господство над окружением.

Расположение при культовом строении подобной большой лестницы – редкое явление в истории армянского зодчества. Можно отметить ещё один пример – пятимаршевую лестницу в 86 ступеней в монастыре Сурб Хач в Нахичевани-на-Дону, возведённую в 1862 году бывшими крымскими армянами². Однако, в отличие от последней, основным предназначением лестницы ялтинского комплекса является собственно не подход к церкви, а акцентирование движения к фамильной усыпальнице Гукасянов, что в определённой степени обусловило и архитектурные формы южного фасада комплекса, объединившего две основные составляющие – усыпальницу внизу и храм наверху.

¹ Халпахчян О. Х. Архитектурные ансамбли Армении. – С. 386, С. 398; Халпахчян О. Х. Архитектура Нахичевани-на-Дону. – С. 88–91.

² Халпахчян О. Х. Архитектура Нахичевани-на-Дону. – С. 91–92.

В церкви Святой Рипсиме захоронения помещены не под молитвенным залом, как это практиковалось в средневековых двухэтажных церквях-усыпальницах Армении, а с её продольной стороны, на бровке косого ра, ниже пола церкви на 10 м, а крипты на 8 м. Усыпальница небольшая, в плане квадратная (3x3 м), с полуциркульным эркером на южной стороне, внутри которого устроена каменная скамья. Эркер, выступающий на площадку перед усыпальницей, подчёркивает её местонахождение на фасаде здания. Восточная стена траурного зала облицована мрамором и разделена на ячейки, за которыми располагаются камеры для саркофагов¹. К траурному залу ведёт длинный прямоугольный вестибюль, который открывается на площадку широким и нарядно украшенным арочным проёмом, доминирующим над остальными архитектурными элементами нижнего яруса. Своим местоположением на фоне гладкой каменной стены, арочный проём не только фиксирует своё важное значение в художественном оформлении южного фасада, но и акцентирует вход в усыпальницу.

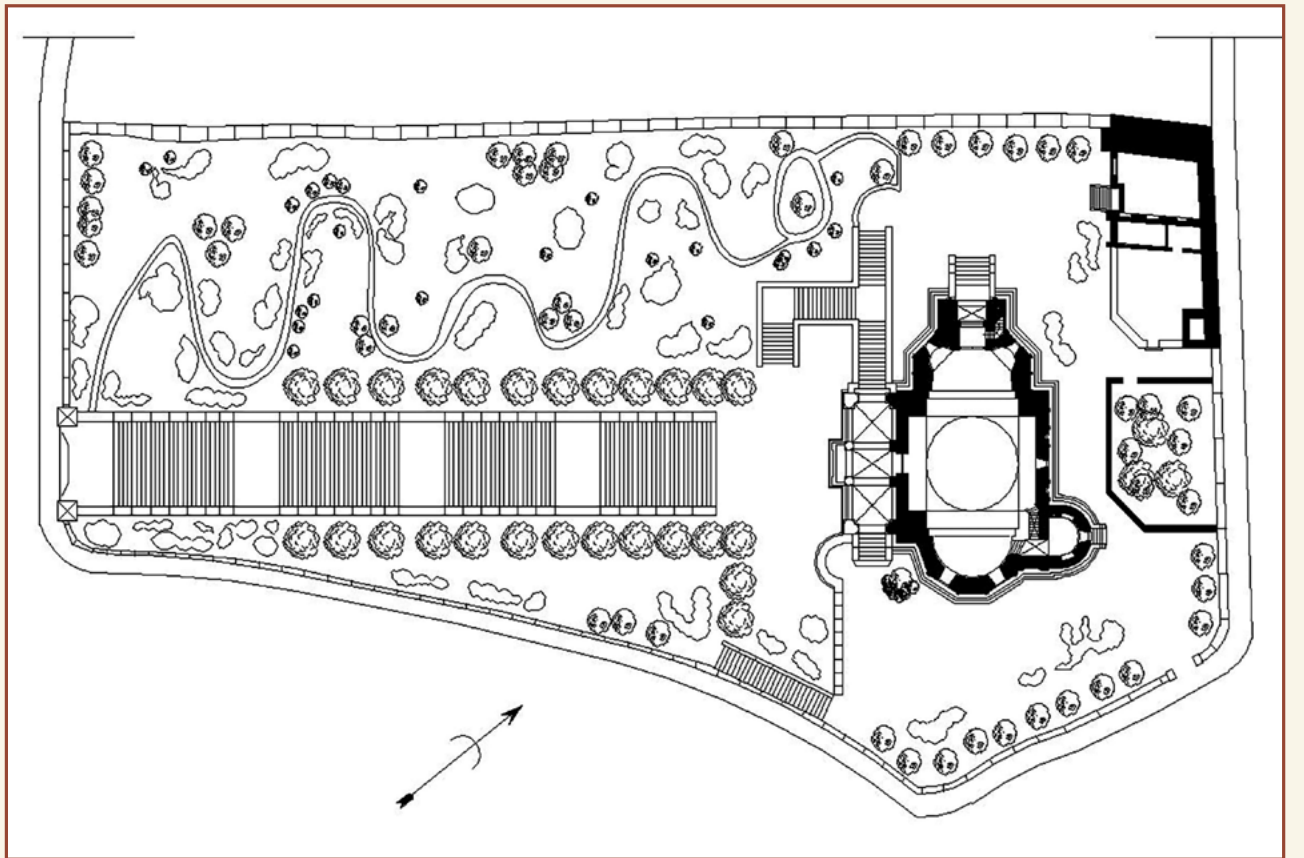
Ансамбль Святой Рипсиме в Ялте. Нижняя площадка.

Не безынтересно отметить, что художественно выразительная арка фигурирует в сценах нескольких кинофильмов, снятых в начале 1930-х годов. Среди них большим успехом пользовались картины «Мисс Менд» (по роману М. С. Шагинян), «Овод» и «Праздник Святого Йоргена».

К находящейся на верхней площадке церкви можно пройти как справа – по узкой каменной лестнице вдоль глухой восточной ограды, так и слева – по широкой нарядной лестнице в три марша. Верхний левосторонний марш последней ведёт к главному входу церкви на западной стороне, а правосторонний – в трёхарочную галерею перед южным её входом. Галерея, расположенная прямо над вестибюлем усыпальницы, в среднем своём пролёте имеет небольшой балкон на консолях, откуда хорошо обозреваются нижняя площадка, парадная лестница, часть городской застройки и морские дали.

¹ Следует отметить, что не все камеры заняты саркофагами. Что касается непосредственно заказчика, то после революции он эмигрировал в Европу и похоронен во Франции.

Церковь помещена в середине верхней площадки, имеющей небольшое понижение на восток. Именно поэтому дом смотрителя церкви поставлен в северо-западном углу площадки, а въездные ворота – в северо-восточном. Последние, а также частично озеленённая, в основном утрамбованная площадь вокруг церкви (ширина местами 20 м) допускали не только прибытие прихожан и паломников пешим ходом, но и на колёсном транспорте.

Здание церкви имеет вытянутую форму с алтарной апсидой, обращённой (в зависимости от рельефа местности) не строго на восток, а с некоторым отклонением на юг. Подобное нарушение ориентации допускалось в практике строительства армянских церквей. В качестве примеров можно назвать церкви князя Буртела в Нораванке (в Армении) и Святого Саркиса в селе Топты в Крыму.

Оригинален план церкви Святой Рипсиме типа купольного зала с апсидами на восточной и западной сторонах, близкий по композиции интерьера к армянской церкви Вознесения 1825 года на Ваганьковском кладбище в Москве¹. Это значительно отличает её от храма Святой Рипсиме в Эчмиадзине, план которого совмещает четыре полуциркульные апсиды (плановый крест), четыре трёхчетвертные округлые ниши (в углах средокрестия) и четыре прямоугольных придела по углам.

◀ Церковь Святой Рипсиме в Ялте. Интерьер и ситуационный план (автор – О. Х. Халпахчян).

Примыкающие к основному подкупольному квадрату (7,2x7,2 м) узкие боковые части значительно увеличивают внутреннее пространство, а апсиды подчёркивают его протяжённость по продольной оси. Внутри полуциркульная, а снаружи пятигранная алтарная апсида по ширине меньше стороны подкупольного квадрата, а по высоте ниже опорного кольца барабана купола, что придаёт ей подчинённое значение в интерьере церкви. Аналогично решена перекрытая конхой западная апсида: в плане пятигранная, расширенная двумя небольшими полукруглыми нишами (эскедрами) с окнами внутри. Широкий купол, венчающий центральную часть молитвенного зала, утверждён на четырёх подпружных арках, которые опираются на массивные угловые пилоны, образующие квадратный план и кубический объём основы здания. Переход осуществлён при помощи сферических парусов.

Выразительна объёмно-пространственная организация интерьера, состоящего из плавно сочетающихся четырёх поверхностей стен со сводчатыми и сферическими покрытиями. Высокие и узкие боковые части и удалённость апсид от подкупольного квадрата придают внутреннему пространству подчёркнутую по протяжённости и высоте величественность. Художественную выразительность интерьера повышает расположенный на высоте 13 метров широкий купол на низком барабане, плавно переходящем в полусферическую поверхность. Показательно нарастание объёмных форм интерьера от пониженных периметральных к парящей в высоте сфере купола.

Разумно продумано освещение внутреннего пространства: ограниченное внизу и обильное наверху – в куполе, прорезанном 12-ю высокими окнами, что при наличии ярких солнечных дней в Крыму создает впечатление его невесомости. Этим интерьер церкви Святой Рипсиме в Ялте отличается от интерьеров церквей Армении, которым свойственен загадочный полумрак.

Алтарной апсиде придано оригинальное архитектурное решение, неизвестное не только в средневековом зодчестве Армении, но и Крыма. Её возвышение над полом молитвенного зала более одного метра потребовало устройства по краям лестниц из семи ступеней. Вместо традиционного святого престола (алтаря), состоящего из плиты и каменного постамента, здесь устроен высокий мраморный, инкрустированный узорочьями балдахин со святым престолом внутри. Алтарный стол представляет собой трёхступенчатое возвышение, необходимое для помещения на нём предметов церковного инвентаря, используемого

¹ Халпахчян О. Х. Архитектурные памятники армянских колоний Москвы и Петербурга // АН. – № 37. – Москва: Стройиздат, 1990. – С. 255–256.

при богослужении. Балдахин на четырёх опорах с арочными проёмами по сторонам завершается восьмигранной ротондой с шатровым покрытием. Аналогичные ротонды, только более вытянутых пропорций, помещены над дверными проёмами по сторонам, которые ведут в заалтарную часть апсиды.

Великолепный балдахин из белого каррарского мрамора, выполненный скульптором С. Д. Меркуровым по заказу П. О. Гукасяна, по своей орнаментальной насыщенности является наиболее показательной частью декоративного убранства интерьера. Декор его сочетает богатство мелкой орнаментальной резьбы, в основном растительных мотивов, с яркой майоликой. Для сосредоточения внимания на алтарном столе, возвышающаяся над ним надстройка балдахина выполнена богаче, нежели примыкающие к нему стенки с дверными проходами. Арка на лицевом фасаде по сторонам украшена тонкими витыми колонками, а тыльная арка – мраморным крестом на двух арочках. Центральная ротонда прорезана трёхлопастными арками со стрельчатым верхом. В отличие от них проёмы мелких ротонд выполнены в виде высоких полуциркульных арок. Относительно проще решены и прямоугольные

**Церковь Святой Рипсима в Ялте.
Мраморный святой престол.**

дверные проёмы, помещённые в мраморных полуциркульных нишах с тимпаном наверху. Обводка ниш и наличники проёмов обработаны резной плетёнкой, а тимпаны крупными растительными мотивами.

Устройство алтарной солеи по всей глубине апсиды, на одной линии с восточной стороной подкупольного квадрата, позволило иметь под ней просторную, хорошо освещённую крипту, полностью возвышающуюся над скальным основанием участка, – редкое явление в строительной практике армян. Подоб-

ные помещения имели только ранние христианские храмы Армении, например, кафедральный собор в Эчмиадзине (IV век), храм Святой Рипсима (618 год) там же и храм Звартноц (641–661 годы), находящийся неподалеку от предыдущих. Полукруглая в плане крипта, с прямоугольным уширением на западной стороне, сообщается с молитвенным залом с помощью лестницы. Последняя устроена в толще северо-восточного устоя, поддерживающего купол. Крипта имеет также наружный вход, который устроен под округлой формы приделом, пристроенным к церкви с севера.

Верхний этаж этой пристройки предназначался для придела, в котором должны были храниться церковный инвентарь и облачения священнослужителей. Однако, в отличие от общепринятого в армянском церковностроении порядка устраивать подобные помещения рядом с алтарной апсидой, в ялтинской церкви оно устроено в удалении от неё. Поэтому форма её плана не прямоугольная с апсидой на восточной стороне, а почти полукруглая, ориентированная дугой на север. Внешнее оформление пристройки одинаково с убранством эркера усыпальницы: стены гладкие, карниз зубчатый. По обе стороны объёмной профилированной бровки, обводящей арочное окно, помещены объёмные шишки.

Церковь Святой Рипсима. Вид с северо-запада.

Главный западный вход в церковь, откуда в продольном направлении всецело воспринимается архитектурно-художественное величие интерьера, устроен между двумя массивными пилонами. Внешняя парадная дверь открывается в небольшой тамбур-шлюз, расположенный перед непосредственным входом в молитвенный зал. Из шлюза попадают также на узкую лестницу с забежными ступенями, которая устроена в северном пилоне и ведёт на колокольню.

Композиция колокольни также уникальна. Нижний ярус её предоставлен означенной лестнице, средний – отсеку звона, помещённому за удлинённым арочным окном внизу щипца. Колокольню венчает звонница – небольшая восьмигранная ротонда с шатровым покрытием. По армянской традиции она поставлена значительно ниже купола церкви, чем усиливается доминирующее значение последнего во внешнем облике памятника.

Второй вход находится на поперечной оси здания, в продольной южной стене, внутри трёхарочной галереи. Мнение Э. Тиграняна и С. Карапетяна о том, что этот вход является главным¹, не соответствует действительности. При наличии нескольких входов в церковь, западный, по армянской традиции, всегда считался главным. Кроме того, южный вход ялтинской церкви находится в месте, отдалённом от направления движения посетителя (по пути от восточного входа), почему и получил менее выразительное оформление, нежели западный. Южный вход в основном предназначался для выхода из заполненного в праздничные дни молитвенного зала на галерею, прохождения на нижнюю площадку перед усыпальницей и далее, по главной лестнице к воротам на Загородную улицу.

---

¹ **Тигранян** Э. А. Габриел Тер-Микелян. – С. 29; **Карапетян** С. Армянская церковь в Ялте. – С. 59.

Церковь Святой Рипсиме. Галерея на южной стороне.

Церковь Святой Рипсиме. Купол, расписанный В. Суренянцем. ►

Пристройка к армянским храмам арочных галерей не является новшеством, осуществлённым в ялтинской церкви. В Армении подобные галереи имеют храмы Святой Гаяне в Эчмиадзине (630 год), Святой Богородицы в Ахтале (XIII век), Святой Богородицы в Варавганке (XVII век), Святого Геворка в Мугни (1669 год) и так далее. Из культовых зданий армянских колоний галерею имеет армянский собор во Львове (пристроена в 1437 году). В отличие от них галерея церкви Святой Рипсиме в Ялте показательна своей индивидуальностью. Она трёхарочная, с тремя расположенными в ряд остроконечными фронтонами, напоминающими западный фасад усыпальницы (нахагавита, 1211 год) монастыря Санаин¹. Интерьер галереи, в соответствии с членениями фасада также подразделяется на три, одинаковые по форме части, перекрытые крестовыми сводами. По своей объёмно-пространственной композиции и роскошному декору галерея, обозреваемая в различных ракурсах, представляет собой один из значительных архитектурных элементов, придающих масштабность и величие южному фасаду церкви.

Убранство ялтинской церкви выполнено в соответствии с художественными традициями памятников Армении различных времён. В выборе композиций и элементов декора, использованных как в украшающих интерьер росписях, так и фрагментах каменной пластики, которыми усыпаны экстерьер и интерьер ялтинской церкви, активное участие принимал В. А. Суренянц, проявивший незаурядный художественный вкус². Подготовленные им эскизные варианты росписей хранятся в Художественной галерее Еревана^{3*} и

¹ Халпахчян О. Х. Санаин. – Москва: Искусство, 1973. – С. 49–51, табл. 71, 72.

² Карапетян С. Армянская церковь в Ялте. – С. 60.

^{3*} Ныне – Национальная галерея Армении.

свидетельствуют о влиянии росписей кафедрального собора в Эчмиадзине на некоторых из них. После завершения строительства церкви В. Суренянц обосновался в Ялте и приступил к расписыванию купола. Однако в связи с его болезнью заметную часть работы пришлось выполнить художнику Тарагросу (Т. С. Тер-Вартанян). Он руководствовался эскизами и непосредственными советами Суренянца, а после того как 6 апреля 1921 года не стало последнего, он не стал продолжать работу. В. Суренянц похоронен на нижней площадке ялтинской церкви, с левой стороны от арочного входа в усыпальницу^{1*}.

Композиционно росписи на куполе близки к росписям кафедрального собора в Эчмиадзине. В них сочетаются различные геометрические фигуры и растительные мотивы, в числе которых кипарисы, подобные тем, что присутствуют в миниатюрах титульных листов и хоранов армянских рукописей. По контрасту цветов и плотности размещения изображений наиболее насыщен переход вертикальной части барабана к сфере купола. Плафон же последнего выполнен в светлых тонах, с устремлёнными к центру облегчёнными формами растительного орнамента. В соответствии с общим колоритом сине-белых и охра-зелёных росписей подобрана и цветовая гамма майолики, украшающей купол балдахина.

Церковь Святой Рипсима. Купол.

Характерная для интерьера церкви лаконичность, подчёркивающая единство и центричность основной части, достаточно ясно отражена и в её внешнем облике. При наружном осмотре церкви показательное нарастание объёмов от крупных внизу до более мелких по высоте. К завершённым щипцами сторонам кубического объёма примыкают пониженного объёма апсиды, перекрытые пирамидальными кровлями. Здание увенчивает соразмерный основному объёму купол, величина и пропорции которого наглядно выявляют его доминирующее значение. По четырём сторонам 16-гранного барабана купола поставлены четыре круглые башенки, которые имеют не только художественное, но и конструктивное назначение. Находясь на угловых участках выступающего от средокрестия прямоугольного объёма, башенки укрепляют наиболее слабые места купола, передавая возникающее от него напряжение на основные устои здания. Кроме этого, они зрительно увязывают мно-

^{1*} В 2010–2013 годах украшение интерьера росписями было продолжено и завершено.

гогранную форму купола с прямоугольным нижним объёмом. Подчёркивая создаваемый отдельными частями фасада ритм вертикальных членений и облегчая здание кверху, башенки также выявляют его масштабность. Гармонично согласованные и строго увязанные между собой отдельные части придают церкви Святой Рипсиме монументальность и величие. Подобное завершение здания, в точности повторившее завершение церкви Святой Рипсиме в Эчмиадзине, послужило основанием для многих исследователей считать ялтинскую церковь повторением эчмиадзинской, что, однако, неверно.

Заслуживает внимания разнообразие и тщательность выполнения в камне архитектурных деталей, получивших в зависимости от своего расположения соответствующую художественную форму и необходимую масштабность. Например, лицевая поверхность балдахина и фланкирующих его дверных обрамлений, в связи с их нахождением в интерьере, на близком расстоянии от зрителя, имеют мелкую профилировку элементов и изящность рисунка растительно-геометрической орнаментации. В отличие от них, к примеру, райские птицы в верхней части поддерживающих купол устоев, расположенные на высоте, выполнены крупнее.

**Церковь Святой Рипсиме.
Центральная грань восточной апсиды.**

Церковь Святой Рипсиме в Ялте поставлена на трёхступенчатый цоколь, имитирующий стилобат, что повышает монументальность её внешнего облика. Художественное убранство композиционно различных решений фасадов объединяет основной лейтмотив – изящная аркатура на тонких спаренных и стройных полуколоннах, имевших широкое распространение в средневековом армянском зодчестве, особенно в XI–XIV веках. Своими стройными пропорциями аркатура придаёт изящество выложенным из каменных квадратов фасадным плоскостям.

На восточном фасаде значительным архитектурным акцентом служит орнаментальное убранство центрального пролёта аркатуры, композиция и элементы декора которого заимствованы у выдающихся памятников Армении, таких как Ованаванк, Ахтала, Ахпат, Кобайр. Оконный проём здесь заменён изгибами рельефных тяг, которые внизу образуют диагонально поставленные квадраты с резьбой внутри, а затем изображают крест в виде

четырёхлистников по сторонам вертикальной основы, взятый в рамку. Плоскости стен над аркатурами украшены по аналогии с куполом церкви Тиграна Оненца в Ани¹ – поясами геометрического орнамента, которые, дополняя художественное оформление апсид ялтинской церкви, одновременно смягчают переход от арок к горизонтали венчающего карниза.

На северном фасаде, в зависимости от конфигурации его верхней части, средний пролёт аркатуры сделан широким и высоким. Центр арки акцентирован крупной розеткой, а основания её дуги – орнаментированными плитами. Стройность аркатуры подчёркивается узким и высоким окном на центральной оси фасада и соразмерными с ним по ширине треугольными нишами в соседних пролётах.

Западный фасад выполнен гладким, выделяющимся в большей своей части роскошным порталом с окном поверху и венчающей колокольной ротондой над щипцом. Тем не менее, украшенные аркатурой внешние грани западной апсиды, связывают этот фасад с восточным и северным.

¹ Халпахчян О. Х. Архитектура Армении. – С. 256–257.

Церковь Святой Рипсиме. Вид с северо-востока.

Южный вход в церковь Святой Рипсиме. ►

Иначе скомпонован южный фасад. Вместо аркатуры его центр занимает большой орнаментированный крест в профилированной рамке, к которому вплотную, с нижней стороны, примыкают обрамлённые наличниками большие окна, составляющие вместе единую художественную композицию. Подобное изображение креста имеется на западном фасаде колокольни монастыря Санаин, построенной в начале XIII века¹.

Нижнюю часть фасада закрывает трёхарочная галерея, образующая своими формами контраст с гладкой поверхностью наверху. Пропорции галереи несколько приземисты, чем как бы подчёркивается её подчинённое значение в художественном облике фасада. Интерес представляют колонны галереи. Своими невысокими пропорциями, архитектурными формами капителей и баз они полностью воспроизводят тип колонн галереи книгохранилища в Санаине (конец XII – начало XIII веков)². Отсюда же заимствованы и формы пристенных полуколонн и поддерживаемых ими арочных проёмов. Хотя в ялтинской церкви им придано несколько стрельчатое очертание, тем не менее они также выполнены с уступами, создающими игру света и тени в переходе от освещённой глади стены к затенённому проёму.

Иную, оригинальную форму имеют пристенные колонны по сторонам южного портала церкви. Их сложного сечения фусты состоят из двух гладких полуколонн и приставленной

¹ Халпахчян О. Х. Санаин. – С. 45.

² Там же. – С. 41.

ԱՄՆ ՅԻՇԱՏՈՒԻ ԲԱՐԵՐԱՐԻ, ԵՎԵԹՅԱՆՅԱՆ ՊՈՂՈՍՅ ՅԵՐ. ԿՈՎՈՆՅԱՆԻ
ՈՐ ԿԱՌԱՅՑ ՇՐՈՇԱԿՆԵՐՑ ՏԱՃԱՐԿ ՅԱՆՈՒՆ, ԿԱՂԱՏԵՆՈՒԿ ԴԱՏԵՐ ԻՐՈՅ
ՀՈՒՓԱՆԵԱՅ Ի ԹՈՒՆ ԴՅՁ. ԴՅԻ. ԿՅՁԻ. (1909-1917)

к ним третьей, покрытой геометрической плетёнкой. В соответствии с фустами необычную композицию получили их капители и базы. Крупные плоскостные членения капителей позволили опереть на них как подпружные арки сложного перекрытия галереи, так и обрамляющие дверной портал. Эти колонны также не являются нововведением, а заимствованы уже из интерьера книгохранилища того же монастыря в Санаине, построенного в 1063 году¹.

Ансамбль Святой Рипсима. Нижняя площадка.

Более сложное сочетание придано крайним пристенным опорам галереи. Гладкие круглые в сечении фусты, обведённые тягами круглые базы-валики на низком пьедестале, такие же капители с абакой, скошенной в углах трилистниками – таковы характеристики крайних пристенных опор, поддерживающих входные арки в галерею. Пристенные опоры же, которые приставлены к ним изнутри галереи и поддерживают в том числе и торцевую арку, состоят из поставленных под углом двух четвертных колонн. Капители их отделаны геометрической плетёнкой, по образцу той, что украшает капители колонн, расположенных по сторонам южного портала. Убранство этого устоя можно рассматривать как промежуточное звено между богатой резьбой опор по сторонам портала и скромно отделанными устоями, несущими входные арки в галерею.

Проще решён арочный проём, ведущий в усыпальницу. Приземистые пропорции (высота менее ширины), широкий архивольт с большими розетками по сторонам, который опирается на низко расположенные опоры с крупными резными импостами, подчёркивают важность следующей за аркой постройки – семейной усыпальницы заказчика комплекса. Оригинальна орнаментальная резьба импостов. Основу её составляет пояс с чередой крупных акантов, обведённых растительными побегам. Сверху пояс замыкают кручёный валик и жгутовая плетёнка.

Различная архитектурно-художественная форма придана входным проёмам. Богаче и импозантнее композиция главного портала. Она представлена широкой арочной нишей, помещённой в прямоугольную раму со ступенчатым верхом. Ниша обрамлена перспек-

¹ Халпахчян О. Х. Санаин. – С. 45, С. 51.

тивно расположенными колоннами, несущими многоуровневый архивольт, а сам входной проём увенчан удивительной красоты резным тимпаном. Форма рамки портала, возможно навеянная аналогичными деталями убранства фасадов армянских храмов XIII–XIV веков, в частности церкви Катогике в Кечарисе (в Армении), позволила автору ялтинской церкви создать оригинальный образец архитектурного оформления портала.

Более простое убранство придано южному portalу в связи с его нахождением в затенённом месте. В нём интересна композиция тимпана, состоящая из окружённой растительными побегами прямоугольной пустующей рамки, возможно предназначенной для росписи, резного орнамента, или (скорее всего) – надписи^{1*}.

Ансамбль Святой Рипсима. Оформление лоджии.

Архитектурный декор церкви Святой Рипсима в Ялте, по аналогии с храмом Святого Креста на острове Ахтамар, показателен своим расположением в наиболее выгодных частях внешних объёмных масс здания. На фасадах он выполнен на многих участках и деталях в виде отдельных живописных пятен. Своеобразны растительные и геометрические узоры на сухариках карнизов эркера усыпальницы, северного полукруглого придела и угловых башенок купола.

Различно решены жгутовые переплетения. На карнизе парапета, расположенного над эркером усыпальницы, оно обрамляет череду виноградных кистей, в наличниках окон купола – четырёхлепестковые овальные розетки, а на карнизе фронтона трёхарочной галереи – аканты-семилистники.

Интересна резьба на парапете галереи. Она выполнена в виде ковра из расположенных в два ряда рельефных восьмиконечных звёзд, поверху обведённых плетёным пояском. Иначе украшен парапет балкона. По краям его высечены богато орнаментированные композиции с процветшим крестом, наподобие хачкаров. Они фланкируют четырёхарочную аркатуру, внутри пролётов которой помещены простые кресты на ступенчатом постаменте. Своеобразен орнамент боковых сторон консолей, поддерживающих балкон: под чередой дентикулов помещено плетёное полотно. Лицевую сторону консолей украшают концентрические круги, ниже которых пролегают гладкие ленты, обведённые рамами.

^{1*} Ныне внутри рамки – орнаментированная композиция с крестом.

Рельефы, композиционно напоминающие хачкары, помещены также в верхних углах западного фасада. Похожий рельеф имеется и левее трёхарочной галереи, на лицевой стороне ограждения примыкающей лестницы. Однако, здесь показан не крест, а букет.

Ансамбль Святой Рипсима. Дом священника и покойницкая.

Интересно оформление окна на эркере усыпальницы. Декор представлен профилированной бровкой, на горизонтальных крыльях которой помещены два рельефных ворона в профиль. Они обращены друг к другу поникшими, выражающими скорбь головами. Между воронами изображён равноконечный крест, поставленный диагонально. Подобный декоративный элемент находим в Санаине – на фронте усыпальницы (нахагавита), расположенной с северной стороны притвора¹.

Подсобное сооружение при церкви имело двойное назначение, что определило его планировку и этажность. Располагавшееся внизу помещение (2,8х3,1 м) служило покойницкой, куда накануне, перед отпеванием в церкви и затем погребением, приносили на одну ночь тело усопшего. Для сохранения необходимой температуры помещения, оно сделано полуподвальным, с небольшими арочными окнами на восточной стороне. Верхний этаж состоит из двух смежных комнат, обращённых проёмами на веранду, выходящую в огороженный двор.

Архитектура здания определена в соответствии с общим художественным оформлением церкви. Обращённый в сторону последней главный фасад представляет вытянутую по ширине глухую стену, посередине акцентированную резным порталом. Прямоугольный входной проём устроен внутри ниши со стрельчатой верхов. Тимпан ниши по центру украшен большой плетёной розеткой, а антральты – небольшими розетками цветочного мотива. Над профилированной прямоугольной рамой, охватывающей нишу, помещён небольшой хачкар.

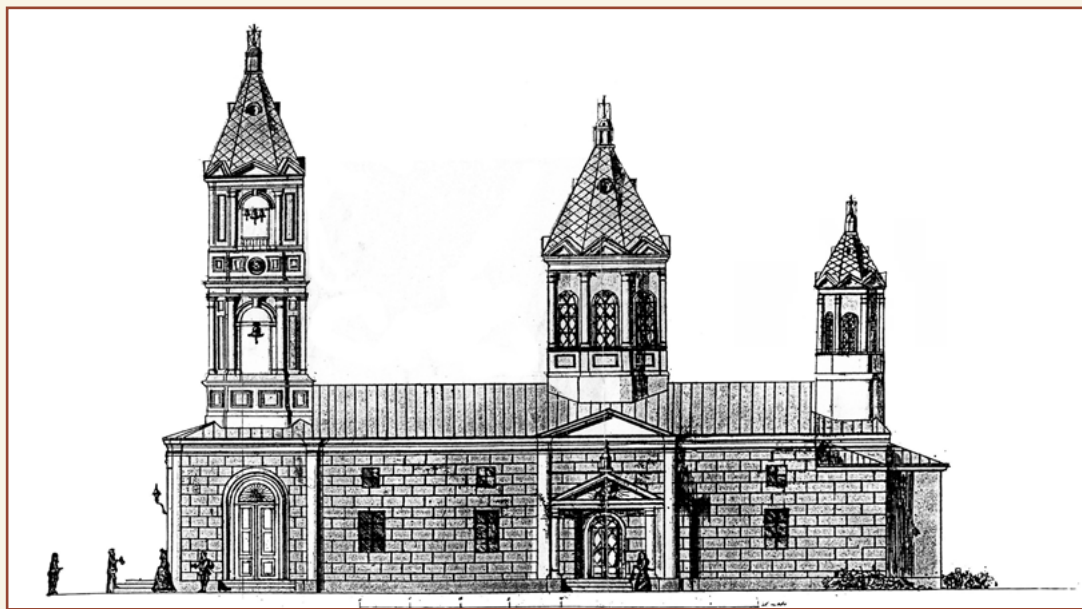
Церковь Святой Рипсима в Ялте – последнее произведение культовой архитектуры армян на территории Крымского полуострова^{2*}. Приглашённые с Закавказья специалисты во главе с зодчим хотя и придали своему произведению определённую чёткость объёмных

¹ Халпахчян О. Х. Санаин. – С. 45, С. 51, рис. 60, 72.

² * В 1997 году на территории Старого армянского кладбища в Симферополе завершено строительство последней по времени армянской церкви в Крыму. Это небольшое купольное сооружение с обращённой на восток апсидой, освящённое в честь Святого Аюба (Иакова). Построено оно на средства Александра Аматауни и Сурена Амирханяна.

масс и монументальность, тем не менее здание показательно перегружено художественными элементами различных эпох, что не свойственно традициям армянского зодчества^{1*}.

Церковь Святой Богородицы в Симферополе (рисунок 1865 года).

^{1*} История зодчества крымских армян знает ещё пять купольных церквей. Об одной из них уже говорилось. Это церковь Святой Богородицы в Старом Крыму, наиболее ранние упоминания которой относятся к первой половине XIV века. Восстановленная в 1905 году, она была взорвана в 60-х годах XX века (см.: **Саргсян Т. Э.** Армяне средневекового Сурхата и их церкви. – С. 114–115). На её месте недавно построена русская православная церковь.

О второй церкви тоже говорилось. Это часовня Святой Анны, в недавнем прошлом – церковь Святой Богородицы Чархапан, а ещё раньше – церковь Святой Богородицы монастыря Кимчак. Купол над церковью был построен вардапетом Аветыком Хотачаракком в начале XIV века. Остатки древности в 30-40-х годах XX века были ещё видны (см.: **Саргсян Т. Э.** Об Аветике Хотачаракке и монастыре Кимчак Св. Богородицы. – С. 133–138).

Третья церковь находилась в Орабазаре – нынешнем Армянске. Она была возведена на месте старой невзрачной армянской церкви, основанной в 1806 году. Строительство, попечителями которого были члены прихода во главе с ага-Арутюном Арапяном, длилось два года и обошлось в 16 тыс. рублей. В ноябре 1863 года епархиальным главой Габриелом Айвазовским церковь была освящена во имя Святой Богородицы. Она имела крестово-купольную композицию с высокой изящной звонницей на западной стороне. В церковь вели три входа с железными дверями, открытые в западной, северной и южной стенах. В северную стену были встроены три армянских надписи, две из которых остались от предыдущей церкви. Купол держался на четырёх основательных устоях. Переходы к основанию купола были украшены росписями, изображавшими четырёх евангелистов. Просторная алтарная апсида с обеих сторон была фланкирована меньшего габарита апсидами (см.: **Тер-Абраамян О.** История Крыма (часть 2). – С. 130–131).

Четвёртая церковь, также посвящённая Пресвятой Богородице, находилась в Симферополе. Это было купольное каменное строение, возведённое в 20-х годах XIX века. В 60-х годах того же столетия она была реконструирована. Сохранилось описание проведённых работ и графическое изображение южного фасада, исполненное в 1865 году – после завершения подновления. Строительство велось на средства Меркериоса Момчьяна. Колокол же весом в 53 пуда и 9 фунтов был подарен тем же Арутюном Арапяном из Орабазара. Церковь простояла до середины XX века на пересечении улицы Кавказской и переулка Керченский (см.: **Саргсян Т. Э.** Пять церквей армян Симферополя. – С. 162–163).

И, наконец, пятая церковь – Святого Геворга. Она располагалась на северо-восточной окраине Армянского кладбища в Симферополе по ул. Старозенитной. Построена в 1889 году на средства известного мецената Аветыка Хлебникяна. Сохранилось его прошение от 1888 года, адресованное Эчмиадзинскому синоду. Освящение церкви состоялось в сентябре 1890 года.

Согласно архивным документам церковь Святого Геворга была каменной постройкой с площадью 15 саж.2 (68,3 м2). Это был прямоугольный зал с обращённой на восток апсидой и маленькой звонницей на макушке (см.: **Саргсян Т. Э.** Пять церквей армян Симферополя. – С. 164).

ГЛАВА 2.

Монастырские комплексы. А. Комплексы с одноапсидной церковью

Монастырь на горном массиве Кара-Даг

Памятник не сохранился. О нём и об армянских надписях, имевшихся на стенах его строений, неоднократно упоминает П. Кёппен¹. Представление же об этой интереснейшей средневековой древности можно составить на основании краткой аннотации и гравюры, опубликованных в альбоме Е. Вильнева. На гравюре, автором которой является В. Руссен, изображена преклонившаяся церковь на грани полного обрушения². Она обращена к зрителю своей угловой юго-восточной стороной и, надо полагать, была единственной на тот момент относительно сохранившейся монастырской постройкой здесь. Таким образом, уже в середине XIX века армянская церковь на Кара-Даге находилась в сильно руинированном состоянии. Возвышались только полуразрушенные внешние стены, которые изображены расколовшимися, в расхождении и наклонном положении

¹ Кёппен П. Крымский сборник. О древностях южного берега Крыма и гор Таврических. – С. 17, 20, 27, 80.

² [Villeneuve]. Album historique et pittoresque de la Tauride, par E. de Villeneuve. – Pl. 37.

(в северо-восточной части), что свидетельствует о гибели здания от землетрясения. По-видимому, церковь была главным сооружением довольно просторного монастыря, поскольку в нескольких сотнях шагов к востоку от неё Е. Вильневым были зафиксированы руины маленькой часовни. Занимая вершину небольшого холма, церковь, несомненно, доминировала над остальными монастырскими зданиями и прилегающей местностью.

Армянская церковь на Кара-Даге (гравюра В. Руссена из альбома Вильнева 1853 года).

Судя по армянской надписи, прочитанной Е. Вильневым на камне стеной кладки, слева от входа, церковь была построена архимандритом Аветыком. Позднее, в 1401 году, её восстанавливал архимандрит Степанос при содействии нескольких попечителей. Это даёт основание предполагать о сооружении церкви примерно в середине XIV века^{1*}.

^{1*} О. Халпахчян пришёл к верному заключению. Церковь построена вардапетом (учёным богословом) Аветыком (Аветысом) Хотачаракком – настоятелем монастыря Святой Богородицы Кимчака, находившегося на восточной окраине города Сурхат–Крым (см.: **Саргсян Т. Э.** Об Аветике Хотачаракке и монастыре Кимчак Св. Богородицы. – С. 130–142). В 1346 году Хотачарак оставил свой монастырь и переехал на побережье. По этому поводу житель Сурхата писец Натер, закончивший копирование Евангелия, в колофоне пишет: «В нынешний год [1346] построен [храм] Святой Богородицы близ монастыря Святого Авксента, руками рабуна Аветыса Хотачарака и иерея Абраама, кто [= иерей Абраам] к двум милостям был причастен: [написанию сего] святого Евангелия и [воздвижению] святого храма, что во имя Святой Богоматери построен, и в нынешний год оскорблённый Хотачарак [Аветыс] ушёл отсюда (см.: Ереван. Матенадаран им. Месропа Маштоца. – Рукопись 7636. – Л. 275 об.; Свод армянских памятных записей, относящихся к Крыму и сопредельным регионам (XIV–XV вв.). – С. 80). Значит, строительство храма, скорее всего, монастырского, поскольку Хотачарак тяготел к монастырской жизни, и уход Хотачарак взаимосвязаны. Причём, он ушёл в новопостроенный монастырь Святой Богородицы, который находился вблизи другого армянского монастыря, названного в честь Святого Авксента (Оксента, Оксентия).

Литография, приведённая Е. Вильневым, фактически состояла из двух разных надписей. Первая сообщала о строительстве церкви, вторая – о её восстановлении. Те же надписи опубликованы М. Бжишкяном (см.: Путешествие в Польшу. – С. 320), переведены Г. Айвазовским (см.: Армянские надписи, находящиеся на юге России. – С. 330–331) и графически зафиксированы П. Кёппеном как копия армянской надписи «иссечённой на трёх камнях внутри руин бывшей армянской церкви, расположенной в горах между Коктебелем и Отузом». Кроме этих двух надписей П. Кёппен приводит зарисовку ещё одной армянской надписи из этой церкви (см.: **Тункина И. В.** Открытие Феодосии. 1771–1871. – Киев: Болеро, 2011. – С. 73). Читать её невозможно, видимо, она была сильно вы-

Подробности изображения руин позволяют определить архитектуру здания как прямоугольного в плане величественного одностолбчатого зала, ориентированная на восток полуциркулярная алтарная апсида которого выступала из общего объёма.

Монастырь в Двужкорной бухте

Рассматриваемый архитектурный комплекс находится в 12 км к юго-востоку от Феодосии, в Двужкорной бухте, у подножия северного склона хребта Биюк-Янышар, между мысом Святого Ильи и полуостровом Киик-Атлама. По-видимому, в начале XIX века памятник пребывал в запущенном состоянии, поскольку обследовавший его в 1830-х годах П. Кёппен^{1*}, видел строения в сильно повреждённом состоянии². Ныне древность представляет собой руину, памятник археологии, часть которого напрочь уничтожена, а часть находится под землей^{3*}.

ветрившейся, но дата выведена вполне отчётливо и читается как «1327 год». Очевидно, литография, более ранняя нежели сама церковь, была вставлена в её стену во время строительства. Известна ещё одна надпись из этой церкви, датированная уже 1487 годом (см.: Армянские надписи, находящиеся на юге России. – С. 331). Таким образом, прав П. П. Семёнов-Тян-Шанский, когда, основываясь на сведениях исследователей-предшественников, пишет, что на восточном скате Кара-Дага «находятся остатки старинной армянской церкви, и в них камни с надписями» (см.: Географическо-статистический словарь Российской империи. – Т. II. – СПб., 1865. – С. 494).

Как строительная надпись церкви, так и упоминающая Хотачарака одна памятная запись 1417 года (см.: Свод армянских памятных записей, относящихся к Крыму и сопредельным регионам (XIV–XV вв.). – С. 208) свидетельствуют, что новопостроенный монастырь находился у побережья. Сопоставление имеющихся источников не оставляет сомнений по поводу идентификации памятника: «Первого строителя [= основателя] храма вардапета Аветыка Хотачарака помяните во Христе». Вторая надпись, как верно прочёл Е. Вильнев, сообщала о восстановлении храма в 1401 году вардапетом Степаносом.

В конце 1990-х годов археологические исследования здесь проводил В. Тур, которым были обнаружены фундаменты средневековых сооружений, остатки водопроводной и водоотводной систем, колодцы и другое – всё то, что характерно для монастырей крымских армян. И несмотря на приведённый выше источниковый материал, исследователь атрибутирует памятник довольно неопределённо, характеризуя его историческое прошлое и архитектуру, как византийские (Тур В. Г. Археологические исследования средневекового христианского храма на горе Сюрюю-Кая (Карадаг) // Археологічні відкриття в Україні. 1998–1999. – Київ, 1999. – С. 47–51). Впрочем, если учесть, что солидную часть населения Византийской империи составляли именно армяне, можно допустить и столь обширное определение. Что касается монастыря Святого Авксента, то его следует идентифицировать с монастырём, остатки которого ещё в 60-х годах XX века были видны на склоне того же Сюрюю-Кая (отрог Кара-Дага), только ближе к Коктебелю, в 1 км от него (см. далее «Монастырь в Коктебеле»).

¹ * П. Кёппен даже зафиксировал план-абрис главных построек монастыря и привёл сведения по их использованию, которые не вошли в его монографию. Аннотирован этот материал следующим образом: «Глазомерный план руин армянской церкви у Двужкорного кордона в нижней части залива Текие. Окна готические, алтарное углубление 2 арш. От В до С, от С до D стены обвалились. Стена от 17–18 арш. Место Е служит конюшнею для казацкого кордона. В F хранится кизик (топливо, навоз). G – столбы, поддерживающие своды. Толщина стены сей, весьма прочной церкви есть до 7 четвертей. 1833 г.» (см.: Тункина И. В. Открытие Феодосии. 1771–1871. – С. 66). Основываясь на сведениях исследователей-предшественников, П. П. Семёнов-Тян-Шанский пишет, что Двужкорный кордон замечателен «остатками древней армянской церкви с армянскими надписями в стене подле алтаря» (см.: Географическо-статистический словарь Российской империи. – Т. II. – СПб., 1865. – С. 27).

² Кёппен П. О древностях южного берега Крыма и гор Таврических. – С. 17, 20, 27, 80.

³ * В 1998 и 2000 годах памятник частично исследовался археологами Е. А. Айбабиной и С. Г. Бочаровым. Открыты были церковь, примыкающий к ней с запада притвор, и двор, окружающий последний с юга и запада (глубина культурного слоя – 3 м, обследованная площадь – 20,1x10 м). Главная постройка монастыря – церковь, имела небольшие размеры (8,2x 6,4 м). Она представляла собой одностолбчатое сооружение со вписанной во внешний прямоугольник единственной апсидой. Устроенный с запада единственный вход был обрамлён тёсаными блоками и обработан линейным орнаментом.

По описаниям И. И. Бабкова, основанных на изучении ещё сохранявшихся в 1920-х годах руин комплекса, церковь являлась главной постройкой богатой обители, окружённой остатками гидротехнических сооружений, каменного ограждения, строений различного назначения, в том числе и культового. Внутри монастыря имелись колодезь и фонтан, подача воды в который осуществлялась при помощи водовода, состоящего из закопанных в грунт гончарных труб и двух смотровых колодезев¹. Наличие перечисленных сооружений свидетельствовало не только о былой многочисленности обитателей монастыря, но и его значении как одного из выдающихся культовых очагов ближайшей округи.

**Остатки армянского монастыря в Двукорной бухте в период раскопок 1998 года.
Вид на юго-восток.**

Стены сохранились высотой в 3 м, ширина их – 0,9 м. Прямоугольный в плане притвор (открыта площадь размером 11,4х9 м) с двумя центральными, прямоугольными в сечении устоями делился на три нефа, несомненно, перекрытых каменными сводами. Угловые части его были оформлены в виде приделов. Восточные из них имели полуциркульное завершение наподобие апсид. Пол был вымощен крупными плитами. Притвор, северная часть которого уничтожена террасированием местности, имел два входа – с запада и юга. Западный был обрамлён рамой, обработанной рельефным орнаментом (см.: **Айбабина Е. А., Бочаров С. Г.**, Отчёт об археологических исследованиях в окрестностях Каффы в 1998 и 2000 годах. Симферополь, 2001 // Институт археологии Крыма. Инвентарная книга № 4, инв. № 619, папка № 1018). К большому сожалению, консервация памятника не производилась должным образом. Камни из стен и конструкций и без того уязвимой руины были растасканы местными жителями.

Недалеко от разрушенного монастыря, по другую сторону небольшого полуострова Киик-Атлама, расположена бухта Провато (та же Посидима, или Поффедима). Исследованием последней занимался В. В. Майко. О бывших здесь армянах он не упоминает, но в самом конце своей работы приводит изображение обнаруженного здесь хачкара (**Майко В. В.** Средневековая Посидима. Штрихи к археологическому портрету // Сугдейский сборник. – Вып. 3. – Киев–Судак, 2008. – С. 480).

¹ **Бабков И. И.** Очерки по исторической и культурной географии Крыма. Водоснабжение армянского монастыря XV века в Двукорной бухте у Феодосии. – С. 1043–1049.

Притвор армянского монастыря в Двукорной бухте в период раскопок 1998 года.

Руины монастыря в Двукорной бухте в 2014 году.

Руины монастыря в Двужорной бухте в 2014 году.

История монастыря мало известна^{1*}. Надо полагать о его разрушении во время захвата турками Кафы в 1475 году и запустении вследствие переселения армян из Крыма в Турцию^{2*}. Важнейшим источником, позволяющим ориентировочно датировать памятник, является надпись на древнеармянском языке, опубликованная И. И. Бабковым. Она находилась слева от алтарной апсиды, на северном устое, поддерживающем апсидную арку. Состоящая из семи строк и помещённая на фасадной стороне двух блоков (верхний длиннее нижнего в два раза), она занимала поверхность под сталактитовым карнизом устоя – сверху и справа от прямоугольной ниши. Судя по иллюстрации, надпись по высоте располагалась на уровне глаз взрослого человека, что обеспечивало хорошую видимость для её прочтения. Поверхность между карнизом и надписью заполнена тремя расположенными в ряд почти квадратными щитками с изображениями плохо сохранившихся процветших крестов внутри. Двойной ряд по пять крестовых композиций в каждом находился почти у пола на этой же стороне устоя. Что касается ниши слева от надписи, то по нашему предположению, она когда-то была занята хачкаром, почему надпись высек-

---

^{1*} Монастырь в Двужорной бухте – единственная из известных армянских обителей в Крыму, в которой существовало две церкви. Это обстоятельство, а также наличие колодца, каменного ограждения с башнями, ветряной мельницы, построек учебного и хозяйственного назначения дали основание идентифицировать памятник с известным армянским монастырём Святого Антона, находящимся вблизи Кафы. Последний пережил пик своего расцвета во второй четверти XV столетия при настоятеле вардапете Саркисе. В монастыре действовала семинария, в которой наряду с другими предметами студенты изучали схоластику. Здесь функционировал также скрипторий, где свои рукописные книги создавали известные писцы Тадеос Авраменц, Крестосатур, Оксэнт и другие. Вардапет Саркис был известной личностью своего времени и возглавил армянскую делегацию на Ферраро-Флорентийском соборе 1438–1439 годов (см: **Саргсян Т. Э.** Монастырь Святого Антона близ Кафы // Вестник Матенадарана. – № 24. – Ереван, 2017. – С. 85–111 (на арм. яз.)).

^{2*} После турецкого завоевания христианские монастыри за незначительными исключениями прекратили свою деятельность.

ли на свободной поверхности. Датированная 1405 годом, она имеет вотивное содержание: заступничеством крестных знамений просится помянуть инока Саркиса и его покойных братьев Григора и Нерсэса^{1*}. Надпись позволяет отнести основание монастыря к периоду не позднее XIV века, а не к XV веку, как об этом пишет И. И. Бабков².

По утверждению П. Кёппена монастырские сооружения были выполнены на очень высоком уровне. Главная постройка – церковь, имела массивные каменные стены толщиной около метра. Легко поддающийся обработке малозернистый камень позволял выполнять сложные орнаментации на гладких поверхностях³.

Анализ фрагмента интерьера, изображённого на рисунке, и сведения П. Кёппена, содержащие отрывочное описание планировки восточной части здания, позволяют смоделировать его объёмно-пространственную композицию. Очевидно, что она представляла собой прямоугольный объём с ориентированной на восток единственной апсидой, вписанной во внешний прямоугольный периметр. Сводчатое перекрытие опиралось на подпружные арки, поддерживавшиеся массивными пристенными устоями, которые, будучи связанные между собой также идущими в продольном направлении арками, образовывали глубокие стенные ниши.

Художественное убранство состояло из декоративных элементов, практиковавшихся в армянских памятниках Крыма XIII–XV веков. Стены были украшены композициями резных орнаментированных крестов^{4*}, стенные ниши с трёхлопастным завершением обрамлялись внешней прямоугольной рамкой. Пристенные устои наверху замыкались нарядными карнизами-капителями, составленными из расположенных в два ряда мелких стрельчатых нишек (сталактитов)^{5*}.

Монастырь Святой Урпат в селе Топты (Тополёвка)

Остатки монастыря расположены на юго-востоке окраине села Топты, справа от шоссе, ведущего из Симферополя в Феодосию. Церковь монастыря, находясь на вершине возвышенности, заметна издали и является архитектурной доминантой окружающего ландшафта.

Сведения о монастыре Святой Урпат (Параскевы, Пятницы) известны в литературе с начала XIX века. Краткая характеристика его церкви приведена в работах М. Бжишкяна и О. Тер-Абраамяна⁶. Согласно путеводителям по Крыму, с начала XIX века неподалеку от бывшего армянского монастыря сформировалась женская обитель, в которой имелись

---

¹ * Под крестными знаменами могут подразумеваться резные композиции с процветшим крестом, изображённые на устое, и не иметь отношения к предполагаемому хачкару. Следовательно, заполненность ниши хачкаром или каким-либо другим артефактом не обязательна.

² **Бабков И. И.** Очерки по исторической и культурной географии Крыма. Водоснабжение армянского монастыря XV века в Двужкорной бухте у Феодосии. – С. 1042.

³ **Кёппен П.** Крымский сборник. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. – С. 20.

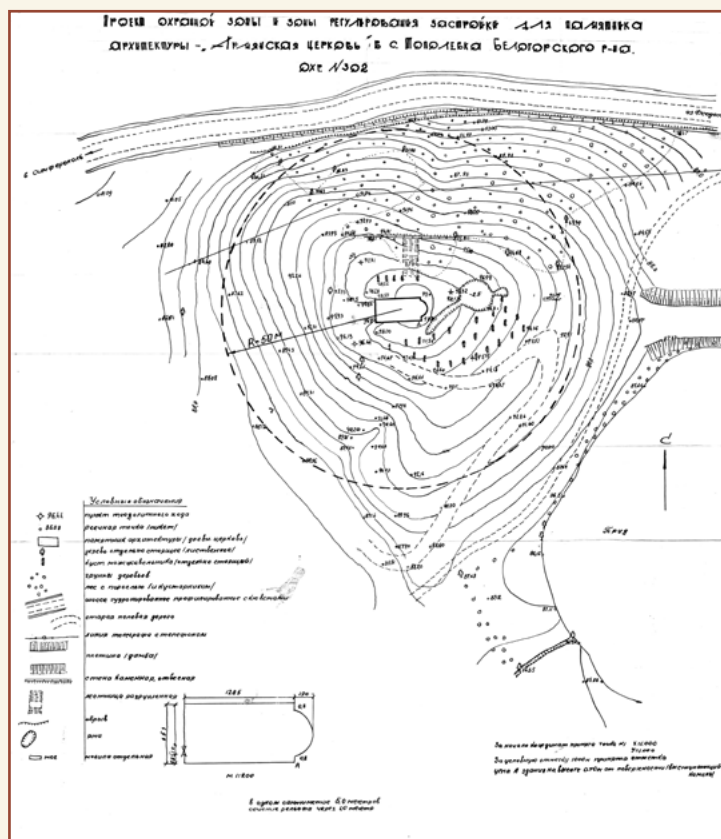
⁴ * К концу XX века большая часть резных крестов и армянских надписей на стенах этого памятника была преднамеренно выскреблена.

⁵ * Важны также сведения И. И. Бабкова о церкви, расположенной неподалеку от Двужкорной бухты – на мысе Святого Ильи: «Церковь (часовня) на мысе Ильи, видная отсюда, считается издавна греческой, но я обнаружил вблизи неё, у часовни на бывшем православном кладбище, большую плиту со следами армянской надписи и семиугольной розеткой. По видимому, и эта церковь была армянской, около армянского же кладбища, и православная церковь Ильи построена на развалинах бывшей при кладбище армянской церкви» (см.: **Бабков И. И.** Очерки по исторической и культурной географии Крыма. Водоснабжение армянского монастыря XV века в Двужкорной бухте у Феодосии. – С. 1047).

⁶ **Бжишкян М.** Путешествие в Польшу. – С. 263; **Тер-Абраамян О.** История Крыма (часть 2). – С. 127.

гостиница и целебный источник¹. Не исключено, что обитель заняла место другого, давно разрушенного армянского монастыря, каковых вокруг этого бывшего армянского села было несколько. На месте, где она возникла, ранее были замечены следы фундаментов, которые архиепископ Херсонский и Таврический Гавриил связывал с греками².

**Церковь Святой Пятницы в селе Тополевка.
Ситуационный план.**

анского населения монастырь пришёл в запустение, и только с начала XVII века, когда численность армян возросла за счёт новых эмигрантов, церковь возобновила свою деятельность^{4*}.

Осуществлённые в начале XVIII века строительные работы очевидно включали в себя не только подновление здания церкви, но и постройку других сооружений. Судя по фотографии, сделанной в конце XIX века и помещённой в работе Хр. Кучук-Иоаннесова под номером 16, таковые располагались у подножия холма с западной стороны церкви, где в настоящее время имеются остатки каменного строения. Со стороны южного подножия холма протекала обеспечивавшая водоснабжение монастыря речка Мокрый Индол, образовавшая здесь небольшое озеро.

¹ Крым: путеводитель / под ред. К. Ю. Бумберга и др. – С. 632.

² **Гавриил, архиепископ Херсонский и Таврический.** Остатки христианских древностей в Крыму. Уезд Феодосийский. – С. 325.

³ * Исправленное и переосмысленное прочтение надписи, равно как и подробное исследование памятника, его надписей и декора см: **Саргсян Т. Э.** Село Тополевка в Крыму и его армянские памятники // ВА. – № 2. – Ереван, 2015. – С. 84–118; **Саргсян Т. Э.** Село Тополевка в Крыму и его армянские памятники // ИНК. – Вып. 27. – Симферополь, 1916. – С. 48–72.

⁴ * Армянские монастыри, не уединённые в глуши, а расположенные на окраинах населённых пунктов, точнее – на тракте, существовали также в Кафе и Сурхате, а возможно и в других местах на полуострове. После установления турецкого господства они либо полностью прекратили свою деятельность, либо стали служить как приходские духовные центры.

Церковь Святой Пятницы в селе Тополевка. Западный фасад. Современное состояние.

На северо-западном склоне холма, на относительно пологом скате, пролежала каменная лестница в 80 ступеней, которая подводила к церкви. Располагающиеся вокруг лестницы погребения с каменными нетёсаными надгробиями свидетельствуют о бывшей численности обитателей монастыря.

Здание церкви Святой Урпат своей восточной половиной врезано в косогор. Именно поэтому алтарная апсида, расположенная на высшей отметке холма, с внешней стороны частично погружена в грунт¹. По примеру церкви Святого Саркиса в том же селе Топты, церковь Святой Урпат принадлежит к типу небольших зальных строений с основной площадью молитвенного зала в 48,42 м². Сводчатое перекрытие держится на четырёх подпружных арках стрельчатого очертания. Расположенные на равном удалении друг от друга арки подчёркивают ритмичность членения интерьера. Алтарная апсида полуциркулярная, чётко выделяющаяся своей формой во внешнем облике памятника.

В оформлении интерьера показательна гармоничная согласованность завершённых профилированными тягами стройных пилястр с опирающимися на них заострёнными арками, выгодному восприятию которой способствует устройство основных источников освещения на продольной оси здания. Этому благоприятствует также нахождение единственного входного проёма с правого края западного фасада, отчего зритель воспринимает молитвенный зал в ракурсном расположении его вертикальных и криволинейных членений.

---

¹ * Контраст между внешними преземистыми и внутренними стройными пропорциями церкви заставляет думать, что нижняя её половина преднамеренно внешне засыпана землей, чтобы не привлечь внимания. Этот приём характерен для содержания христианских культовых построек в турецкий период.

Церковь Святой Пятницы в селе Тополевка. Фасад (70-е годы XIX века) и вид с юга востока.

Пять небольших, нарядно убранных стенных ниш различного назначения, устроенных в восточной части интерьера, не нарушают чёткости его общего объёмного восприятия. Такое построение интерьера несомненно было связано с его украшением росписями. В частности, в середине XIX века ещё просматривались фрагменты сцены «Благовещение» с Девой Марией и Архангелом Гавриилом соответственно справа и слева от алтарной апсиды¹.

Художественное убранство интерьера дополняли своеобразные медальоны. Это круги, в которые вписаны равноконечные с расширяющимися концами кресты с четырьмя лепестками между ветвями креста. По свидетельству П. К. Тыглиянца, такие медальоны в сочетании с росписью были обнаружены Е. В. Веймарном и Ю. В. Кухарским в 1950–1951 годах при раскопках небольшой часовни (размеры: 3,8x4,45 м) у подножия Алуштинского холма, рядом с могильником X–XVIII веков.

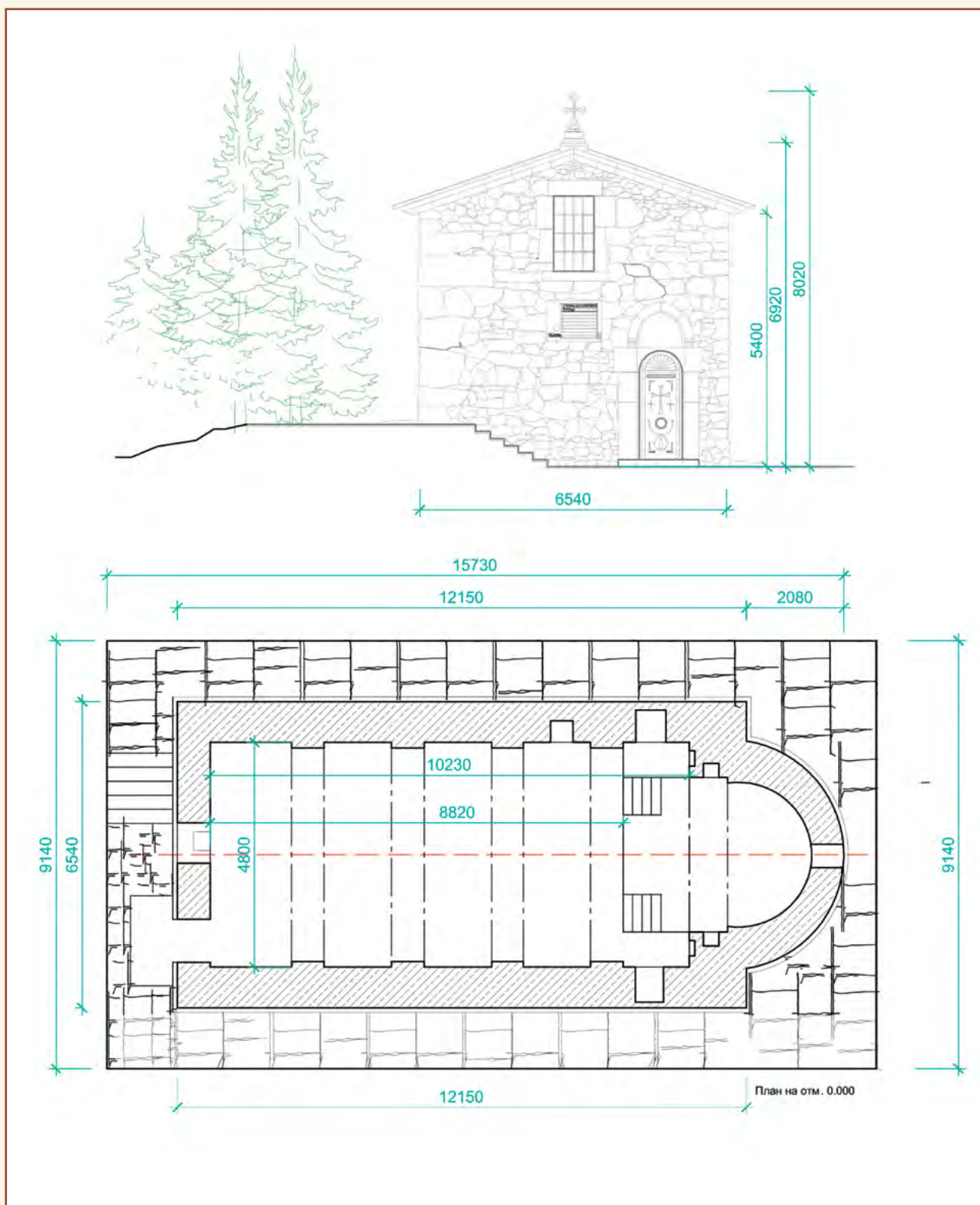
Чёткость построения архитектурной композиции очевидна и во внешнем облике здания. Выложенные из мелких камней гладкие продольные фасады, завершённые повсеместно распространённым в Армении карнизом из скошенных по низу прямоугольных плит, акцентированы крупными блоками известняка. Из таких же камней осуществлена средняя часть внешней поверхности алтарной апсиды, что образовало широкий своеобразный пояс, выделяющий эту часть здания от боковых фасадов.

Богаче решён западный фасад. Расположение элементов убранства асимметрично. Центральная ось подчёркнута высоким прямоугольным окном, обрамлённым крупными камнями. Такое же обрамление находим на входном проёме с полуциркульным верхом. Выше проёма выступает стрельчатая арка на профилированных консолях. Обод её в сечении прямоуглоен. Тимпан внутри арки некогда украшала роспись с изображением Богоматери с младенцем^{2*}, о которой есть упоминания в источниках³.

¹ Гавриил, архиепископ Херсонский и Таврический. Остатки христианских древностей в Крыму. Уезд Феодосийский. – С. 325.

^{2*} Необходимо отметить, что декор западного фасада церкви Святой Урпат претерпел значительные изменения. Относительно раннюю его композицию можно увидеть на рисунке, сделанном не ранее 70-х годов XIX века.

³ Гавриил, архиепископ Херсонский и Таврический. Остатки христианских древностей в Крыму. Уезд Феодосийский. – С. 325.

Западный фасад и план церкви Святой Пятницы в (автор – М. В. Петросян).

Выразительным художественным элементом фасада является строительная надпись, высеченная на прямоугольном каменном блоке тёмного цвета. Тёсанная поверхность блока выделяет место надписи на фасаде, окружённое грубо обработанным мелким камнем. Текст несколько сдвинут к правому краю прямоугольной плиты. Поскольку он не уместился на предусмотренной площади, дату написания высекли на широком левом бортике, а окончание на правом – узком.

Церковь Святой Пятницы в селе Тополевка. Вид на апсиду.

Надпись выполнена выпуклыми буквами. Строки отделены друг от друга небольшой полоской, выступающей на уровень букв. Используются совмещения, вязи и криптограммы. Слова поставлены друг за другом без промежутков, что позволило иметь сплошную поверхность, имитирующую своеобразный орнамент^{1*}.

---

^{1*} В 2004 году обвалилась восточная часть свода церкви и потянула за собой центральную. Западный и северный фасады изрезаны широкими вертикальными трещинами. Церковь Святой Урпат имеет высший статус государственной охраны. В украинском реестре она фигурировала как памятник национального значения, а в российском – как объект культурного наследия федерального значения. И, несмотря на это, вот уже несколько десятилетий у памятника нет балансодержателя. Он бесхозный и продолжает активно разрушаться. Неоднократные обращения в епархии Армянской церкви также пока не дали результата.

Монастырь Спасителя в селе Бахчи-Эли (Богатое)

Монастырский комплекс Аменапкич, или Всеспасителя, известный в литературе также как Святого Спасителя и Святого Ильи, расположен на южной окраине села Бахчи-Эли (сейчас – Богатое), в 15 км к востоку от Карасубазара (Белогорска). Время его основания точно не установлено. Предположительно, в XIII–XIV веках армяне имели здесь небольшое культовое здание, которое после реконструкции в XIV–XV веках стало главной постройкой сформированного вокруг благоустроенного монастыря.

В литературе монастырь известен с начала XIX века. Его краткую характеристику приводит М. Бжишкян. Из авторов XIX–XX веков к этой святыне обращаются О. Тер-Абрамян, В. Смирнов, А. Маркевич, Гр. Григорян, Э. Корхмазян и другие. Относительно подробное описание можно найти в публикациях А. Л. Якобсона и Ю. А. Таманяна, специально посвящённых этому памятнику, а также в наших работах¹.

Монастырь Святого Спасителя на окраине села Бахчи-Эли. Фото конца XIX века.

Со времени своего основания вплоть до 1920-х годов монастырь Спасителя пользовался большой популярностью среди крымских армян, не только как святая обитель, но и как место оздоровления, что было обусловлено наличием в нём святого источника с целебной водой. Активное посещение паломников благоприятно отражалось на деятельности монастыря, позволяло увеличить число обитателей, улучшить жилищные и хозяйственные условия, благоустроить территорию. Это подтверждается как историческими данными, так и сохранявшимися ещё в середине XX века постройками. Запущенное состояние па-

¹ Якобсон А. Л. Армянский монастырь XIV века близ Белогорска в Крыму // ИФЖ. – № 4. – Ереван, 1964. – С. 230–236; Таманян Ю. А. Архитектура армянского монастыря Спасителя в Крыму // ИФЖ. – № 1. – Ереван, 1990. – С. 234–237 (на арм. яз.); Якобсон А. Л., Таманян Ю. А. Армянская архитектура в Крыму. – С. 27–31; Халпахчян О. Х. Армянский монастырь Аменапкич в селе Бахчи-Эли // Архитектура мира. Материалы научной конференции «Проблемы истории архитектуры». – Вып. 1. – Москва, 1992. – С. 24–29; Халпахчян О. Х. Стилистические особенности армянских памятников Крыма // АН. – Вып. 41. – 1996. – С. 27.

мятника в последние десятилетия привело к утрате всех его строений и к катастрофически быстрому разрушению уникального в зодчестве Крыма церковного здания.

Занятая монастырём относительно прямоугольная, располагавшаяся на скате возвышенности территория на востоке замыкается лесистым склоном, а на западе – простирающейся вниз к подножию равниной. Ограниченное по размеру подворье было обнесено высокими основательными каменными стенами на известковом растворе, что придавало комплексу вид небольшого укрепления. Главные ворота находились на западной, обращённой к подъездной дороге стороне. Перед ними, с внутренней и внешней сторон имелись площадки для гужевого транспорта приезжавших паломников. На проходящей через ворота оси участка, в удалении к востоку, стояла церковь, вблизи которой находились кухня-трапезная (на южной стороне), маленький монастырский фонтан, хозяйственные и жилые помещения.

Храм Святого Спасителя. Вид с юго-запада. Современное состояние.

Вне ограждения, юго-западнее от ворот, располагался большой монастырский фонтан¹. Он был представлен оригинальной крытой постройкой (разобрана в 1950-х годах), в которой имелось четыре водомёта, рассчитанных на одновременное пользование водой нескольких человек – ещё одно свидетельство, подтверждающее активное посещение монастыря многочисленными паломниками².

По свидетельству М. Бжишкяна в 20-х годах XIX века над западным отрезком каменного ограждения, по обе стороны от ворот, были построены жилые каменные строения. В начале XX века в заглублённом в кособор первом ярусе этих строений находились столовая с кухней и различного рода кладовые помещения. Верхний ярус занимала функционировавшая вплоть до 30-х годов XX века гостиница «с 20-ю удобными номерами»³.

¹ Бжишкян М. Путешествие в Польшу. – С. 260.

² Халпахчян О. Х. Архитектура родников крымских армян. – С. 240.

³ Крым: путеводитель / под ред. К. Ю. Бумбера и др. – С. 634.

Храм Святого Спасителя. Интерьер. Вид на запад.

Церковь – главное сооружение монастырского комплекса – до наших дней сохранила первоначальный архитектурно-художественный облик со следами нескольких перестроек. Согласно армянской надписи на южном входе (не сохранилась), последний по времени ремонт имевшейся здесь двери завершился 16 января 1810 года. Другая надпись, помещённая рядом с аркой западной двери, повествовала о подновлении храма, но дата в ней не читалась¹.

Датируемая по основным архитектурно-конструктивным особенностям серединой XIV века, церковь Спасителя композиционно отлична от всех памятников крымских армян, что вызывает повышенный к ней интерес. Интерьер прямоугольного в плане удлинённого в направлении восток-запад здания с востока завершается глубокой алтарной апсидой с небольшими арочными нишами по сторонам. Апсида, в зависимости от рельефа местности, имеет высокую, около 90 см, солею с лестницей на продольной оси здания. В апсиде нет окон, она освещается за счёт молитвенного зала.

Уникальна для армянских культовых памятников планировка окружающих апсиду помещений, вписанных в прямоугольный периметр сооружения. Так, с восточной стороны апсиду огибает, связанный с ней низкой арочной дверью узкий коридор (ширина от 0,8 до 0,9 м). Дугообразно изогнутый в плане и перекрытый наклонными плитами коридор соединяет небольшие двухъярусные помещения (1,1x1,5 м) по обе стороны апсиды. Помещения не имеют окон, за исключением нижнего с южной стороны, обращённого в сторону

¹ Бжишкян М. Путешествие в Польшу. – С. 261.

апсиды щелевидным проёмом. Следовательно, будучи тёмными, эти помещения не могли служить дьяконником и жертвенником, как полагает А. Л. Якобсон¹, а скорее всего предназначались для хранения церковного инвентаря. Это тем более вероятно, поскольку во все четыре помещения проходили не из молитвенного зала или алтарной апсиды, а из огибающего апсиду с востока узкого и тёмного коридора, что не показательно для культовых памятников армянского зодчества. Лестница в северо-восточном углу здания вела на верхний ярус и покрытую каменными плитами двускатную кровлю.

Храм Святого Спасителя. Южный портал.

В коридор, который, возможно, также был двухъярусным (этот участок сильно разрушен), попадали снаружи, через располагавшуюся по оси восточного фасада служебного назначения дверь. Согласно обмеру, выполненному в конце 1950-х, ширина входного проёма составляла 90 см. В настоящее время сзади него – завал. А. Л. Якобсон и Ю. А. Таманян, обследовавшие следы остатков стен на восточном конце южного фасада, полагают, что к юго-востоному углу церкви примыкала постройка, по-видимому – служебного назначения².

Оригинальна композиция молитвенного зала, представляющего собой помещение, перекрытое различными по форме сводами. Однако архитектурное сочетание этих сводов неизвестно не только в армянских церквях Крыма, Армении и армянских колониях, но и в христианских памятниках других стран. Помещение расчленено на три, разделённые подпружными арками, части. Узкие восточная и западная части, перекрытые стрельчатыми сводами, фланкируют квадратную среднюю часть, завершённую крестовым сводом на скрещивающихся гуртах. Этим подчёркивается её главенствующее значение в интерьере, воспринимаемого целно из всех трёх входов. Видимо, по замыслу зодчего, перекрытие

¹ Якобсон А. Л. Армянский монастырь XIV века близ Белогорска в Крыму. – С. 232.

² Там же; Таманян Ю. А. Архитектура армянского монастыря Аменапркич в Крыму. – С. 23.

центральной части имело значение купола, воздвигнутого над наиболее торжественной частью молитвенного зала. Это в определённой степени нашло отражение в кровельном покрытии сооружения, выполненного по форме шатрового с небольшими уклонами.

Расположение оконных проёмов, обеспечивающих достаточное освещение молитвенного зала и алтарной апсиды, отличается рациональностью, продиктованной объёмно-пространственной композицией интерьера. Низко поставленные широкие прямоугольные окна со стрельчатыми завершениями на внутренней стороне, сохранили следы переделок. К одной из таких переделок относится закладка крайнего южного окна на востоке, визави с которым в северной стене находится святая купель. В связи с этим примыкающее к алтарной апсиде отделение интерьера освещалось прямым светом из большого окна над западным входом и второстепенными источниками из ближайших окон в центральной части.

Три входа в западной половине здания обеспечивали быстрое заполнение молитвенного зала и эвакуацию посетителей на окружающую церковь просторную территорию.

Храм Святого Спасителя. Северный портал.

Своеобразен внешний облик церкви, уникальный по своей архитектуре в строительной практике армян. Снаружи она представляет собой прямоугольный объём с расположенными в восточной части контрфорсами, поддерживающими слабые участки стены. Конструктивно ту же функцию выполняют высокие объёмные порталы на южной и северной сторонах.

Верх основной части здания завершается тонким карнизом с высоким парапетом на редко расположенных консолях, скрывающих различные формы кровельных покрытий. Парапет западного фасада украшен повторяющим уклоны бывшей кровли фронтоном, имеющим также художественное значение; возможно, то же было выполнено и на восточном фасаде. Устройство таких парапетов неизвестно в армянском зодчестве, поэтому можно предположить его заимствование из зарубежной практики.

Объёмные порталы – редкий случай в строительной традиции крымских армян, обычно оформлявших входные проёмы своих культовых зданий плоскими орнаментирован-

ными наличниками и люнетами без просвета. Здесь же порталы решены в виде глубоких стрельчатых ниш между двумя широкими пилонами, наподобие памятников Армении, таких как в базилике Ереруйка (V век), храме Звартноц (640–650 годы), кафедральном соборе Ани (989–1001 годы) и других. Эта очевидная связь опровергает мнение некоторых авторов о заимствовании данной формы порталов от мусульманских пештаков¹.

Находившиеся в 1920-х годах в хорошем состоянии порталы, в настоящее время сильно повреждены и продолжают катастрофически гибнуть. Западный из них уже полностью уничтожен, на северном отсутствует двускатное покрытие и часть фасадной облицовки, а от южного остался только низ левого устоя и правый устой с частью опиравшегося на него свода. Тем не менее, фотоснимки последних лет, сохранившиеся на месте остатки и лежащие на земле возле памятника обрушившиеся детали позволяют восстановить общий облик порталов.

Как показали обмеры и иллюстрации прошлых лет, порталы были выполнены по единому типу и одинаковых размеров с разницей в орнаментальном убранстве. В отличие от кладки стен из мелких камней на непрочном известковом растворе, потребовавшей прокладки деревянных лежней, обрамления входных проёмов, как и внешних углов здания, сложены из тёсаных крупных блоков.

Дверные перемычки состоят из поставленных на ребро каменных плит, за которыми помещены воспринимающие тяжесть верхней части стен арочные проёмы. С фасадной стороны перемычки завершены образующими люнеты стрельчатыми арками. Массивы выступающих устоев облегчены обращёнными визави нишами. Профилированные тяги, валики, полочки, ниши с трёхлопастными и пятилопастными завершениями придают разнообразие декоративному убранству портиков. Двускатные завершения их подчёркивают гармоничную согласованность с общим обликом церкви.

Особенно богато украшен был западный портал, что подчёркивало его главенствующее значение над боковыми. Входной проём был обрамлён профилированной рамой с валиком и полочкой. Над рамой высечены три круглые, различного рисунка розетки, подобные которым украшают и верхние углы проёма. По сторонам крайних розеток, в прямоугольных углублениях изображены распространённые в быту армян одноручные глиняные кувшины с высокими горлышками.

В южном портале, а не в западном, как пишет А. Л. Якобсон, лицевая сторона арки люнета украшена «сельджукской цепью», часто практиковавшейся в Армении и в зодчестве народов Крыма – в так называемой крымско-сельджукской архитектуре XIV–XV веков. В северном портале «сельджукская цепь» заменена архивольтом из валика с полочкой.

Храм Спасителя показателен также наличием многочисленных рельефов различного содержания. Посвящённые евангельским сюжетам, они размещены по сторонам алтарной апсиды в нишах и над ними, а также в северной стене. Своим расположением и размерами рельефы согласованы с центральной осью апсиды, чем подчёркивалась симметричность композиции убранства алтарной части интерьера.

Хотя рельефы сильно забелены, тем не менее можно различить их довольно разнообразную тематику. С левой стороны апсиды в нишах находились: в большой нижней – не сохранившаяся плита со сценой Воскресения Христа^{2*}, а в маленькой стрельчатой верхней – плохо просматриваемый рельеф с изображением фигуры святого в фас^{3*}. Рядом, у

¹ Памятники градостроительства и архитектуры Украинской ССР. – Т. 2. – С. 380.

² * Судьба рельефа не известна. Его фотография и зарисовка опубликованы А. Л. Якобсоном (см.: Армянский монастырь XIV века близ Белогорска в Крыму. – С. 234; Якобсон А. Л., Таманян Ю. А. Армянская архитектура в Крыму. – Илл. 25). Подробное описание и исследование см.: Саргсян Т. Э. Храм Спасителя в Крыму и его сюжетные рельефы. – С. 412–413.

³ * Предположительно, это сцена «Вознесение». Плита, сильно уменьшенная и срубленная снизу, ныне хранится в церкви Святого Саркиса в Феодосии (см.: Айбабина Е. А. Рельефы и архитектурные орнаменты средневековых армянских храмов Крыма // ИНК. – Симферополь, 2004. – № 5. – С. 9–10; Саргсян Т. Э. Храм Спасителя в Крыму и его сюжетные рельефы. – С. 413).

низа алтарной арки – выступающий из стеной поверхности уникальный по содержанию крупный горельеф крылатой фигуры. Он в богатом одеянии с ниспадающими складками и согнутыми в локтях руками. Приподнятой кверху правой рукой он держит жезл, а левой – возможно, скипетр. Не исключено, что на этом рельефе изображён обожествлённый местный правитель^{1*}.

Рельеф «Архангел Гавриил» из диптиха «Благовещение» (фото – И. С. Липунова, 1997 год).

Рельеф «Дева Мария» из диптиха «Благовещение» (фото – И. С. Липунова, 1997 год).

Фигура помещена в стилизованном проёме, образуемом гранёными колонками. Они, украшенные нехарактерными для армянского зодчества акантами и мелкими волютами, поддерживают плиту с тремя куполами, форма которых также не армянская. Довольно широкий средний, по-видимому, представляет завершение удлинённого общественного здания со сферической кровлей, а боковые – луковичные главки на прорезанных окнами тонких шейках.

С правой стороны алтарной апсиды большая нижняя ниша занята плитой со сценой Распятия – с Христом на кресте и двумя фигурами по сторонам внизу^{2*}. Выше, в малень-

^{1*} Речь идёт о рельефе, изображавшем Архангела Гавриила с лилией в руке. В качестве фона автор постарался воспроизвести атмосферу древнего Назарета с купольными постройками. Судьба памятника не известна. Он являлся частью диптиха «Благовещение» в верхней части алтарной апсиды (см.: **Саргсян Т. Э.** Храм Спасителя в Крыму и его сюжетные рельефы. – С. 413; описание см. также: **Айбабина Е. А.** Рельефы и архитектурные орнаменты средневековых армянских храмов Крыма. – С. 12).

^{2*} Два больших фрагмента плиты случайно обнаружены в завале внутри церкви в 2017 году. Зарисовка и фотография памятника опубликованы А. Л. Якобсоном (см: Армянский монастырь XIV века близ Белогорска в Крыму. – С. 234; **Якобсон А. Л., Таманян Ю. А.** Армянская архитектура в Крыму. – Илл. 26). Подробное описание см.: **Саргсян Т. Э.** Храм Спасителя в Крыму и его сюжетные рельефы. – С. 416–417.

кой нише помещён рельеф, изображающий Богоматерь с Младенцем на коленях^{1*}. Поверхность между этой нишей и алтарной аркой, идентично левой стороне с крылатой фигурой, занята стоящей на полушаре фигурой святого в рост, однако в более простой, суженной кверху рамке^{2*}.

Как правильно отмечает А. Л. Якобсон, эти рельефы, заменяющие в определённой степени живопись, не свойственны западноевропейскому зодчеству³. И хотя в содержании некоторых из них, в частности в рельефе с крылатой фигурой, просматривается иноземное влияние, однако нет сомнения, что они были выполнены по аналогии с убранством памятников Армении XIII–XIV веков, в частности Нораванка, Ованаванка, Сурб Степаноса близ Гегарда и других. А это, в свою очередь, подтверждает хорошую осведомлённость исполнивших рельефы армянских мастеров о художественных традициях каменной пластики на родине.

Заслуживает внимания выполненный на большом камне рельеф, вставленный в северную стену интерьера над святой купелью. Он состоит из одного цельного круга и двух его половинок, оставляющих впечатление части какого-то фриза, возможно помещённого позднее, после одного из ремонтов. А. Л. Якобсон сконцентрировал внимание на изображённых в рельефе херувимах (крылатые головки), а Ю. А. Таманян – на основной теме «Крещения» с фигурами Христа и Иоанна Крестителя⁴.

Следует отметить также резные медальоны с изображением Святого Агнца, или Агнца с лабарумом (агнец, поддерживающий знамя с крестом на длинном древке), каковых в храме два: на пересечении гуртов в центре перекрытия и в конхе алтарной апсиды. Отмечая отказ Восточно-христианской церкви от символизирующего Христа образа Святого Агнца, и, наоборот, удержание его латинским Западом, А. Л. Якобсон констатирует наличие этого символа на многих генуэзских и армянских памятниках Крыма⁵. Ю. А. Таманян, усматривает в символе Святого Агнца, равно как и в крестовом своде перекрытия, влияние западной, в частности романской культуры⁶. С учётом высказанных мнений, можно предположить о былой принадлежности храма Спасителя армянам-католикам⁷, с вытекающим отсюда обозначением пути проникновения западного влияния в его архитектуру и декор.

Художественное убранство интерьера храма дополняют многочисленные и разнообразные резные орнаменты с использованием геометрических и крестовых мотивов. Консоли подпружных арок и остроконечные окончания гуртов, часть карнизов алтарной апсиды, навершия алтарных ниш и святой купели покрыты рядами мелких трилистников, образующих сталактитовый узор. Различное оформление имеют изображения резных крестов. К примеру, в группе из четырёх, высеченной под консолью левой подпружной арки на се-

^{1*} Сломанный посередине рельеф ныне экспонируется в Центральном музее Тавриды. Подробное описание памятника см.: **Айбабина Е. А.** Рельефы и архитектурные орнаменты средневековых армянских храмов Крыма. – С. 8–9; **Саргсян Т. Э.** Храм Спасителя в Крыму и его сюжетные рельефы. – С. 415–416.

^{2*} Наши исследования показали, что находящийся на грани полного уничтожения рельеф представляет уникальную в каменной пластике Крыма сцену «Дева Мария с пряжей» – правую половину диптиха «Благовещение». Когда-то его отличала мастерская резьба (см.: **Саргсян Т. Э.** Храм Спасителя в Крыму и его сюжетные рельефы. – С. 413–415).

³ **Якобсон А. Л.** Армянский монастырь XIV века близ Белогорска в Крыму. – С. 233.

⁴ Там же; **Таманян Ю. А.** Архитектура армянского монастыря Аменапркич в Крыму. – С. 236.

⁵ **Якобсон А. Л.** Армянская средневековая архитектура в Крыму. – С. 178; **Таманян Ю. А.** Армянская архитектура в Крыму. – С. 16.

⁶ **Таманян Ю. А.** Архитектура армянского монастыря Спасителя в Крыму. – С. 236.

^{7*} Возможно, но вовсе необязательно. Медальоны со Святым Агнцем находим и в церкви престольного монастыря Сурб Хач (Святого Креста, близ Старого Крыма), не имеющего отношения к католичеству. Использование этого символа как в Киликийском королевстве Армении, так и крымскими армянами, скорее всего, следует обусловить тяготением киликийского двора к католичеству. Двора, верховенство которого признавалось всеми армянами, независимо от места проживания.

Фрагмент рельефа «Распятие». Обнаружен в завале внутри церкви в 2017 году.

Крестильная купель и рельеф «Крещение» в церкви Святого Спасителя.

Рельеф «Агнец с лабарумом» в конхе апсиды.

Рельеф «Агнец с лабарумом» в центре свода, на пересечении гуртов.

верной стене, они выполнены в нехарактерной для армянской традиции равноконечной форме. Видимо, подобному кресту, присутствовавшему также на квадратном камне с левой стороны купели, придавалось особое значение, почему он помещён между двумя пятигранными пилястрами, которые завершены капителями из трилистников.

Церковь Спасителя, или Всеспасителя, – оригинальный, высокохудожественный памятник, свидетельствующий о высоком профессионализме крымских армянских строителей, воплотивших в своём сооружении лучшие традиции армянского зодчества и каменной пластики^{1*}. По справедливому замечанию А. Л. Якобсона, она занимает «промежуточное положение между собственно армянской и европеизирующей архитектурой»².

Б. КОМПЛЕКСЫ С ТРЁХАПСИДНОЙ ЦЕРКОВЬЮ

Монастырь в Коктебеле

Армянский монастырь на северо-восточном склоне Сюрю-Кая, на окраине Коктебеля в середине XIX столетия находился в значительно разрушенном состоянии. Отсутствовали даже следы построек, окружавших монастырскую церковь. В 60-х годах XX века остатки церкви, представлявшие её юго-восточную угловую часть, были разобраны для постройки на этом месте Дома отдыха районной администрации.

Письменные сведения о памятнике, исключая наше краткое упоминание³, отсутствуют. Неизвестно его название, нет зафиксированных объёмно-пространственные формы зарисовок, почему представление об этом историко-архитектурном произведении крымских армян можно составить только на основании снятых в 1957 году фотографий^{4*}. Существовала ли бывшая церковь как отдельная святыня или же являлась частью монастырского комплекса, также неизвестно. Учитывая природный ландшафт местности и удалённость от средневековых поселений, Ю. С. Асеев считает её монастырской⁵, что без сомнения соответствует действительности. Сохранившаяся южная половина апсиды в юго-восточной части здания, размеры каменных блоков кладки, обрамления арочного проёма и примыкавшей к нему угловой пилястры свидетельствуют, что здесь находился не церковный придел в виде закрытого помещения, примыкающего к алтарной апсиде, а открытая по всей ширине небольшая экседра. Она завершалась полуциркульной конхой, сложенной из мелких клинчатых камней. В южной стене имелась маленькая, квадратная нишка. Высокое узкое окно завершалось полуциркульным верхом, высеченным в цельном каменном блоке. Такие помещения в углах здания, по сторонам центральной апсиды, имеются в церкви Святого Саркиса в Феодосии. Однако, в отличие от неё, в Коктебеле апсиде-экседре не предшествовало углублявшее её прямоугольное пространство. Мало того, её проём

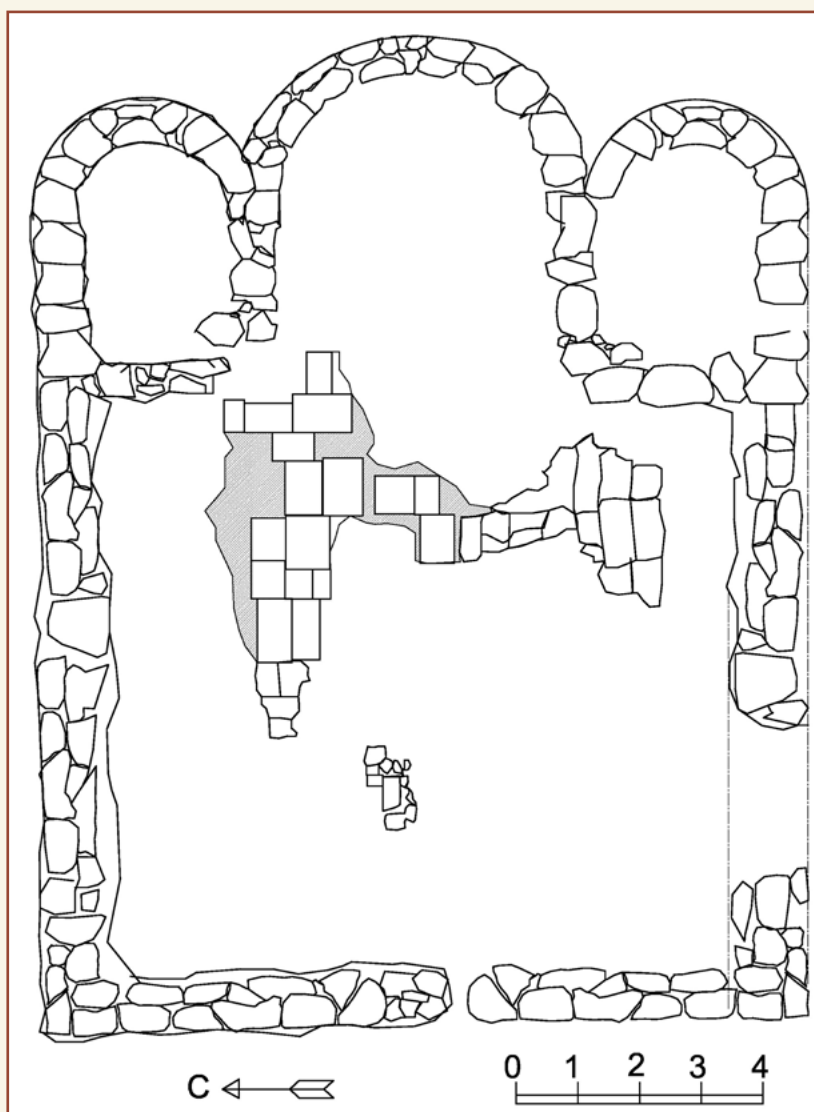
^{1*} Примечательно, что центральный неф армянской церкви Святых Петра и Павла (1837 год) в городке Томараза (в 40 км южнее Кесарии в Турции) имеет схожую композицию перекрытия – с совмещением крестового и полуциркульных сводов.

² Таманян Ю. А. Армянская архитектура в Крыму. – С. 27.

³ Халпахчян О. Х. Культовые постройки крымских армян. – С. 32.

^{4*} Упомянутые фотографии не удалось обнаружить. Но есть небольшое исследование Н. С. Барсамова, вышедшее в свет отдельным сообщением в 1932 году в Феодосии (см: Барсамов Н. С. Сообщение об археологических раскопках средневекового городища в Коктебеле в 1929–1931 гг. с 14-мя литографированными таблицами. – Феодосия, 1932). В нём автор описывает проведённые исследования, обнаруженные артефакты и приводит схематический план разрушенной церкви, который доказывает правильность заключения О. Халпахчяна относительно того, что восточная часть её была трёхапсидной.

⁵ Асеев Ю. С., Лебедев Г. А. Архитектура Крыма. – С. 20–21.

План разрушенной армянской церкви в Коктебеле (по Н. С. Барсамову).

юго-восточном углу интерьера. Судя по его очертаниям и размерам, подпружные арки имели прямоугольное сечение и были достаточно мощными для придания сооружению необходимой устойчивости.

О художественном убранстве здания можно судить по капители пилона. Она состояла из двух равных по высоте полочек с выкружками по низу. Поверхности полочек были орнаментированы мотивами, практиковавшимися в убранстве армянских церквей Крыма: нижней – трилистниками, а верхней – пятилистниками.

Хотя от армянской церкви в Коктебеле осталось лишь воспоминание, однако композиция её плана, характер декора и архитектурные детали позволяют датировать её, а вместе с ней и монастырь, XIV веком^{1*}.

^{1*} П. Кёпшен в окружении мыса Киик-Атлама упоминает три армянских монастыря, на стенах которых ещё сохранялись армянские надписи: в Двужорном кордоне, на Кара-Даге и в долине Текие (см.: **Кёпшен П.** Крымский сборник. О древностях южного берега Крыма и гор Таврических. – С. 79–80). Столько же упоминают средневековые армянские источники. Монастырь в Двужорной бухте идентифицируется с прославленной обителью вардапета Саркиса – монастырём Святого Антона. Монастырь на Кара-Даге идентифицируется с монастырём Святой Богородицы, основанным вардапетом Аветыком Хотачараком в 1346 году вблизи монастыря Святого Авксента. В таком случае, остатки монастыря на окраине Коктебеля следует идентифицировать с последним – монастырём Святого Авксента (Оксента), что, в свою очередь, свидетельствует о его формировании

был сужен по ширине небольшими выступающими выступами, подпиравшими арочное обрамление. В обоих памятниках показательная близкая к одному метру ширина апсид.

В целом схожее решение и расположение угловых помещений даёт основание утверждать, что церковь в Коктебеле, по примеру церкви Святого Саркиса в Феодосии, имела три апсиды, завершавшие восточную сторону интерьера. Очевидно, её центральная апсида по размеру была такой же, как у церкви Святого Саркиса, а по форме плана – полуциркулярной с увеличенной глубиной, в зависимости от чего выступала цилиндрическим объёмом на восточном фасаде.

От молитвенного зала в 1960-х годах почти ничего не сохранилось. Несомненно, по своей архитектуре он походил на молитвенный зал церкви Святого Саркиса в Феодосии: помещение, близкое в плане к квадрату, очевидно, перекрывалось сводом на трёх подпружных арках, опиравшихся на пилоны. Из них сохранялся лишь один, находившийся в

Монастырь Святого Геворка в Феодосии

Памятник, именуемый некоторыми историками как армянский Георгиевский монастырь, возведён на склоне возвышенности, за пределами средневековых городских укреплений Феодосии, в 650 м к западу от ворот, именованных Гуле-капу, или Гуле-капуси. Монастырь пользовался большой популярностью среди крымских армян, постоянно посещался паломниками, особенно многочисленными на ежегодных праздниках дня Святого Геворка (Святого Георгия), что способствовало росту его благосостояния и расширению застройки. За время своего 600-летнего существования монастырь неоднократно разрушался, почему от различных былых строений в настоящее время сохранилась только одна церковь, претерпевшая существенные изменения. По письменным данным в 20-х годах XIX века в Феодосии функционировали только четыре армянских духовных центра: церкви Святых Архангелов, Святого Саркиса, Святого Фёдора и монастырь Святого Геворка. Последний был перестроен в 1858 году вместе с церковью Святых Иоакима и Анны¹.

Схематическая планировка монастыря зафиксирована на двух генеральных планах Феодосии. В наиболее раннем из них, датированном апрелем 1784 года, его территория показана в виде вытянутого с юга на север прямоугольника с вырезом в юго-восточном углу (здесь находились въездные ворота со стороны города) и крупным пятном основных строений посередине².

На плане из альбома Е. Вильнева, опубликованного в 1853 году, монастырь изображён сдвинутым к северу и ближе к городской стене, что не соответствует положению церкви в современной городской среде. Конфигурация плана участка показана пятиугольной с разными по длине сторонами, а форма плана, объединённых в общий объём основных строений не прямоугольная, а с выступами на западной и южной сторонах.

В настоящее время никакой ограды и подсобных строений не существует^{3*}. И поскольку археологического исследования территории памятника не производилось, иметь представление о его былой форме, наличии и размерах строений невозможно. Учитывая письменные сведения середины XIX века о занимаемом комплексе Святого Геворка большом участке и его различных постройках, следует предположить, что план 1784 года более близок к действительности, чем последующий – 1853 года. Что же касается отдельных строений, судить об их архитектурных особенностях можно только по приводимым ниже кратким сведениям.

до середины XIV века. Сохранившиеся в армянских письменных источниках упоминания монастыря, а точнее – скита Святого Авксента относятся к 1346, 1352, 1401, 1438 годам. Последние фрагменты монастырской церкви видел Ю. Таманян в 1968 году. Это были два тёсаных блока: один – криволинейный от свода, другой – в виде квадратной карнизной плиты со сталактитовым орнаментом (Якобсон А. Л., Таманян Ю. А. Армянская архитектура в Крыму. – С. 50–51).

¹ Об остатках древних армянских церквей в Феодосии. – С. 172–173.

² ЦГВИА. – Ф. ВУА. – Д. 22008.

^{3*} Монастырь находился в населённом армянами пригороде Кафы, называвшемся «Кашот», почему его и часто называли «Святой Геворк Кашота». Жители пригорода поддерживали активные торговые связи с Кашотом, или Касохом (Косохия, Черкесия), привозя оттуда различные товары, в том числе и засоленную икру в деревянных бочках. Это именно те армяне, которых встретил Ла Мотре в Кафе (см.: *Voyages du Sr. A. De La Motraye, en Europe, Asie & Afrique. – A la Haye, M.DCC. XXVII. – Vol. II. – Ch. III. – P. 53.*). Вокруг церкви простиралось кладбище XV–XX веков, которое ныне разорено. Уцелело лишь одно захоронение 1905 года с высоким надгробием, облицованным чёрным гранитом. Несмотря на утвержденную охранную зону в пределах ближайших улиц, окружающие домовладения постепенно захватывают кладбищенскую землю и приближаются к церкви. Последняя в 2003 году передана местной религиозной общине Армянской Апостольской церкви, но не действует. В 2016–2017 годах силами общины был восстановлен купол церкви.

По описаниям М. Бжишкяна и Е. Вильнева, церковь располагалась в середине большой территории¹. Как отмечено на карте 1784 года, вход в монастырь находился на восточной, обращённой к городу стороне. Внутри ограды у юго-восточного угла был устроен фонтан-родник, обеспечивавший водой обитателей монастыря и паломников. Вода подавалась по ветке магистрали, проложенной от ближайшей с запада вершины в сторону города. Архитектурная форма родника – арочная ниша, облицованная известковыми плитами, среди которых было четыре мраморных, украшенных растительным орнаментом, типичным для строительной практики крымских армян². По нашему мнению, на фонтане когда-то существовала и армянская надпись.

По Е. Вильневу, восточные ворота специальным коридором были связаны с основной группой монастырских строений – редкое явление в композиции армянских монастырей Крыма. Через этот коридор попадали и «в церковь, и в помещение для женщин, с востока разделённое стеной»³. Из примыкавших к церкви пристроек упоминается небольшая часовня, вернее усыпальница, в которой было обнаружено захоронение. Говорится и о второй пристройке, которую М. Бжишкян называет «притвором». По площади она была значительно больше, чем церковь, и слабо освещалась квадратным окном с амбразурами. Указание о том, что на северной стороне одного из устоев этого помещения имелись большой крест и надпись, свидетельствует о его принадлежности к типу прямоугольных зданий с внутренними опорами и, очевидно, с двускатным покрытием.

Стены притвора украшали армянские надписи, кресты и хачкары, из которых один, на арке, имел дату «1686 год». Часть надписей также содержала даты – 1442, 1479, 1499, 1587 и 1771 годы⁴, подтверждающие о нахождении монастыря в указанные времена в хорошем состоянии. Особую ценность представляет наиболее ранняя из надписей, вытесанная на северной стене притвора: «Святые [*крестные*] знамения заступитесь за погибших иноков Гхазара и Татэвоса. Лета 891 [= 1442]»⁵. Она даёт право считать, что притвор построен до этой даты, а церковь – ещё раньше, по-видимому – в конце XIV века. В современной литературе церковь считают возведённой в 1385 году⁶.

Восточная часть интерьера состоит из трёх апсид, центральная из которых выступает за внешний контур здания. Она, как и полагается, больше боковых. Алтарная солея возвышается над полом молитвенного зала на 0,7 м. На неё поднимаются по каменным лестницам с забежными ступенями, устроенным у продольных стен.

По письменным данным М. Бжишкяна и Е. Вильнева, во второй четверти XIX века церковь Святого Геворка представляла собой небольшое невзрачное здание со сводчатым перекрытием. Оно освещалось двумя основными окнами – квадратным в южной стене и

---

¹ Бжишкян М. Путешествие в Польшу. – С. 351; [Villeneuve]. Album historique et pittoresque de la Tauride, par E. de Villeneuve. – P. 13.

² Барсамов Н., Полканов А. Феодосия. Прошлое города и археологические памятники. – С. 39.

³ [Villeneuve]. Album historique et pittoresque de la Tauride, par E. de Villeneuve. – P. 13.

⁴ Бжишкян М. Путешествие в Польшу. – С. 351–352.

⁵ Там же.

⁶ * Эта дата указана в реестре, в который памятник включён в 1963 году под номером 970 (постановление Совета министров Украинской ССР от 24.08.1963 г.). Есть и другие мнения. Архиепископ Херсонский и Таврический Гавриил, к примеру, постройку монастыря Святого Геворка (у него – монастырь Святого Великомученика Георгия) относил к 1452 году (см.: Остатки христианских древностей в Крыму. Уезд Феодосийский. – С. 321). С учётом того, что «иерей Вардан из [монастыря] Святого Геворка» упоминается в послании армян Кафы к католику от 1438 года, в котором те просили разрешения, а по сути излагали своё решение, принять участие в предстоящем Флорентийском соборе (см.: Армяно-итальянские связи. Генуэзские документы о крымских армянах. – С. 32), указанную последнюю дату следует считать ошибочной.

повышенной высоты в западной¹. Надо, полагать, ещё по одному окну было в апсидах. Они сегодня присутствуют и имеют арочную форму, расширяющуюся под углом.

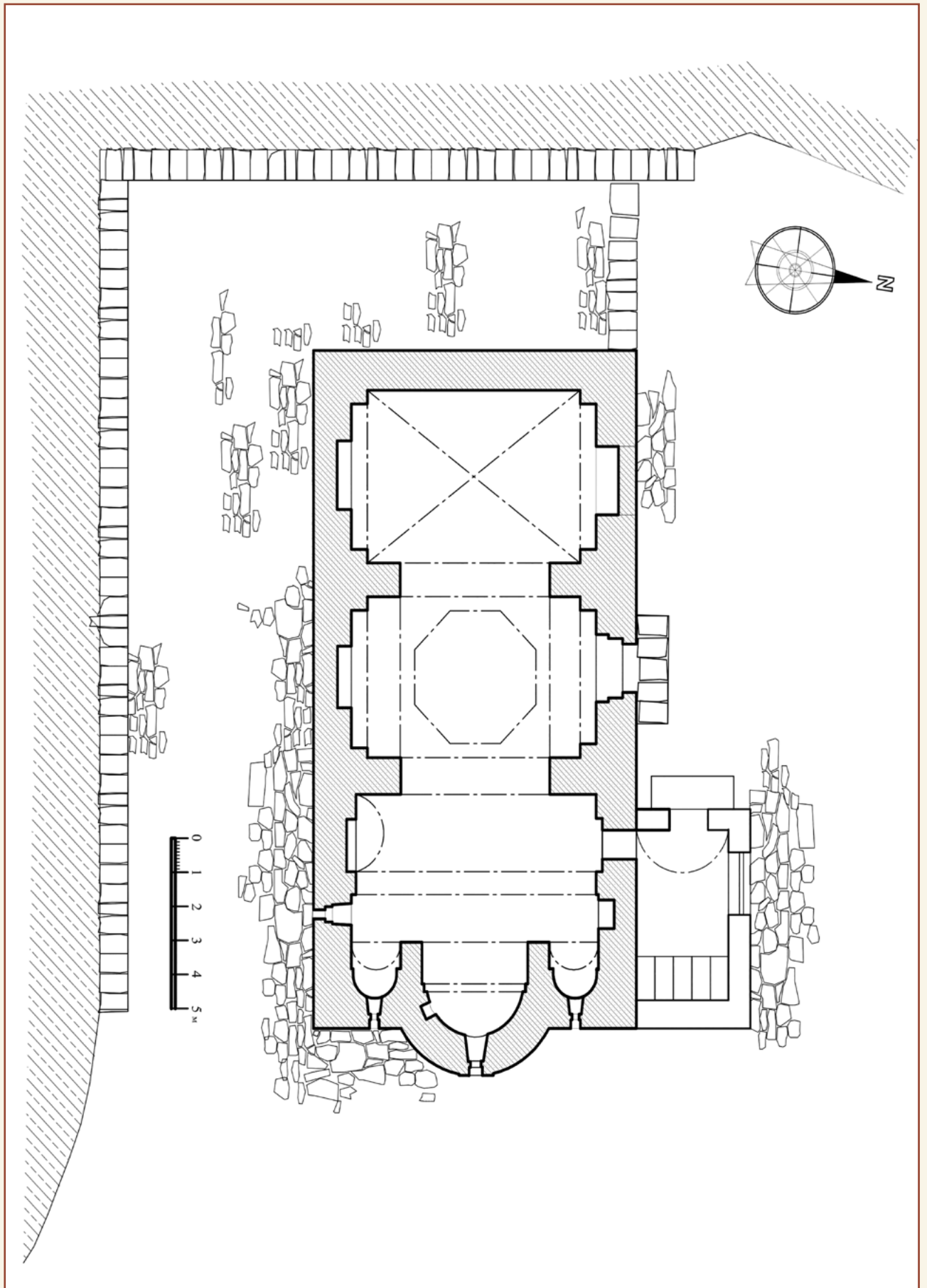
Замечания историков о сводчатом перекрытии молитвенного зала, которое по Е. Вильневу было «усилено двумя арками, опирающимися на четыре пилястры», позволяет выполнить реконструкцию его композиции, существовавшую в середине XIX века. Итак, значительное по площади (7,83x16,15 м) прямоугольное помещение, выложенное из мелкого бута на известковом растворе, перекрывалось сводом, который поддерживался двумя подпружными арками, опирающимися на пилястры. Торцовые фасады завершались щипцами, которые широко практиковались в зальных церквях крымских армян. Покрытие двускатное, очевидно, черепичное.

Церковь Святого Геворка в Феодосии (фото 2010 года).

Присоединение Крыма к Российской империи в 1783 году отразилось на стилевых особенностях церкви Святого Геворка. Видимо, в середине XIX века здание её находилось в сильно руинированном состоянии, что и послужило причиной коренной перестройки в 1858 году по инициативе Г. Айвазовского. Превращение молитвенного зала из зально-сводчатого в купольный, существенно изменило его архитектурный облик. Восстановленные части стен были выполнены из геометрически более правильной формы камней, а наружные поверхности апсиды и купола – из тёсаных блоков известняка. Перекрытие было повышено, что нашло отражение в нескольких уровнях венчающего карниза на восточной стороне.

¹ **Бжишкян М.** Путешествие в Польшу. – С. 357; [Villeneuve]. Album historique et pittoresque de la Tauride, par E. de Villeneuve. – P. 14.

План церкви Святого Геворка в Феодосии (автор М. В. Петросян).

Для улучшения освещения интерьера в южном и северном фасадах были устроены большие оконные проёмы, с внешней стороны оформленные стрельчатыми обрамлениями на узких пилястрах. Западная часть интерьера была перекрыта крестовым сводом, а центральная – поставленным на мощные пристенные устои восьмигранным куполом, архитектурная форма которого, как и оформление восстановленной части молитвенного зала, выполнены под влиянием русского зодчества XIX века. Прорезанные высокими стрельчатыми окнами грани барабана купола в местах стыка украшены спаренными полуколоннами, завершёнными единой прямоугольной капителью. Карниз купола выполнен в соответствии с карнизом основного объёма – из дентикулов. Зонтичной формы остроконечный 16-гранный шатёр^{1*} внизу завершён треугольными кокошниками.

Одновременно с куполом на восточном фасаде появился семигранный выступ, равный по ширине алтарной апсиде^{2*}. Он выполнен в виде полукруглого цилиндра, перекрытого зонтичной кровлей наподобие куполов армянских церквей XI–XIV веков, что в определённой степени связывает его с декоративным убранством купола. Кровля над западной половиной здания осуществлена с помощью двух пологих скатов, а над восточной половиной она почти ровная.

К середине XIX века следует отнести и появление с северной стороны церкви небольшого подсобного помещения, служившего просфирней. По высоте оно ниже молитвенного зала и перекрыто односкатной по деревянным стропилам кровлей. Для придания единства восточным фасадам основного здания и северной пристройки, последняя завершена высоким парапетом, аналогичным тому, что устроен над восточным фасадом основного здания.

Ущерб, нанесённый зданию войной 1941–1945 годов, как то – порча кровельного покрытия, разрушение северной пристройки и изъяны в стенах, восстановлены. Исключением составляют заложённые проёмы на южном и северном фасадах.

В. КОМПЛЕКСЫ С КУПОЛЬНОЙ ЦЕРКОВЬЮ

Армянский монастырь в Кафе (Феодосии)

Армянский монастырь в Кафе (Феодосии) не сохранился. Отсутствуют также его графические изображения. Тем не менее изыскания последних десятилетий, выявившие новые материалы, особенно археографические, позволяют составить представление об этом памятнике. К подобным относится обнаруженный нами в ЦГВИА «Чертёж... Армянского монастыря в городе Кафе». Он выполнен на бумаге (60х90 см) тушью и красной краской, кондуктором 1-го класса Николаем Евсеевым и утверждён инженер-майором Новгородцевым³. На чертеже слева показан генеральный план монастыря. Справа наверху имеется надпись: «План полковому обозному сараю под № 60, исправленному починкою в 1800 году в городе Кафе». Ниже представлены разрезы и фасады имевшихся в монастыре строений светского характера. Номер чертежа в правом верхнем углу над рамкой «лист 11» и указанные на плане буквенные обозначения помещений дают основание полагать о существовании и других чертежей, разыскать которые не удалось. Надо думать, что тако-

^{1*} Ныне он восьмигранный.

^{2*} Он и есть выступающая апсида, вернее, внешнее её оформление.

³ ЦГВИА. – Ф. 349. – Оп. 40. – Ед. хр. 4644, 1880 г.

вые содержали не только выкопировку из генерального плана Феодосии с указанием местонахождения монастыря, подробную экспликацию, фасады и разрезы самой церковной постройки, но и иных сохранявшихся в городе сооружений, приспособленных для нужд военной части^{1*}.

Рассматриваемый чертёж ценен тем, что констатирует наличие в городе армянского монастыря, сооружения которого на рубеже XVIII–XIX веков находились в хорошем состоянии. Генеральный план даёт представление о планировке этого комплекса, составе и назначении его сооружений, равно как и их композиционных особенностях.

В Кафе, где в период наивысшего расцвета армянской колонии действовало около 45 армянских церквей и монастырей, к моменту присоединения Крыма к России насчитывалось только 24 церкви². Судя по экспликации снятого русскими военными инженерами в 1784 году генерального плана Кафы, большинство этих строений лежало в руинах³. Начавшееся же в конце XVIII века развитие города сопровождалось разбором не только разрушенных, но и находившихся в запустении и неиспользуемых армянских культовых зданий Феодосии, в связи с чем сейчас здесь их сохранилось только семь.

Надпись на чертеже «План полковому лазарету под № 1, переделанному из армянского монастыря в 1800 году в городе Кафе» не отмечает, какому святому был посвящён монастырь. Сравнение планов изображённого на анализируемом чертеже и сохранившихся в городе армянских церквей – Святого Саркиса, Святого Иоанна Богослова, Святого Геворка, Святого Стефана, Святого Иоанна Крестителя, Святых Архангелов Габриела и Михаила – показывает их существенное различие и, увы, подтверждает факт полного исчезновения рассматриваемого произведения средневекового зодчества.

Незнание названия монастыря лишает возможности определить его точное местонахождение в городе по дошедшим до нас более десяти старым генеральным планам, составленным русскими военными инженерами, начиная с 1771 года⁴. Эти планы выполнены в мелком масштабе, с условным обозначением всех христианских и мусульманских культовых сооружений в виде прямоугольника с крестом или полумесяцем внутри, не позволяющим хотя бы условно определить конфигурацию церквей с пристроенными к ним зданиями⁵.

^{1*} Рассматриваемой теме О. Халпахчян посвятил отдельную статью, в которой изображённый на чертежах монастырь идентифицировал с «монастырём Святого Ованнеса», или Святого Иоанна (см.: **Халпахчян О. Х.** Данные о неизвестном армянском монастыре в Кафе // ИФЖ. – № 2. – Ереван, 1978. – С. 175–181). В Кафе существовало три армянских церкви, посвящённых Святому Иоанну – Святого Иоанна Предтечи (или Крестителя), Святого Иоанна Богослова (или Евангелиста) и ещё одна, конкретное название которой не известно. Но армянского монастыря с таким названием в Кафе не было. Что касается комплекта чертежей, то эта ценнейшая находка О. Халпахчяна изображает армянский монастырь Святой Богородицы (Святоуспенский) в Кафе, в котором восседал архиепископ. Его духовной власти подчинялись армяне-григориане, проживавшие в южных и юго-восточных прибрежных землях Крыма, находившихся под непосредственным контролем османов. Монастырь располагался вне городских укреплений, восточнее монастыря Святого Геворка, церковь которого сохранилась по адресу: ул. Нахимова, 32. Примечательно, что отдельной статьёй императорской грамоты от 28 октября 1799 года армянам Феодосии были возвращены старые приходские церкви Святого Саркиса со старым гостиным двором Аджам-хан, Святых Архангелов, «загородный монастырь» Святого Геворка, а также Святоуспенский монастырь с землёй. Возвращалось и «селение древнее Армянское» в окружении указанных церквей, «именуя селение то слободою Армянскою» (см.: Городские поселения в Российской империи. – Т. 4. – СПб., 1864. – С. 743). Однако, как свидетельствует обнаруженный О. Халпахчяном чертёж, в следующем же году монастырь был отобран у армян.

² **Кушнерян Хр.** История армянских переселенцев Крыма. – С. 139–141; **Кёппен П.** Крымский сборник. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. – С. 29.

³ ЦГВИА. – Ф. ВУА. – Д. 22008; ЗООИД. – Т. VIII. – Табл. IV.

⁴ ЦГВИА. – Ф. ВУА. – Д. 22006, 22007, 22008, 22727, 22723, 22731 и др.

⁵ Генеральные планы Феодосии см.: **Халпахчян О. Х.** Этапы планировки и застройки Феодосии. – С. 35–49.

В конце XVIII века, после переселения армянского населения Кафы в Подонье, их церкви и монастыри были заброшены, что и дало возможность новым властям использовать их здания по своему усмотрению, в данном случае – перестроить в полковой лазарет. Выбор Армянского монастыря был не случайным, поскольку он имел удобный для въезда санитарных повозок большой двор (2700 м²), вместительные подсобные сооружения (общей площадью около 1300 м²), которые при небольших затратах можно было быстро переоборудовать под больничные и иного назначения палаты. Отмеченные на чертеже красным цветом незначительные перестройки (открытие новых окон на дворовых фасадах, переделка плоских кровель в двускатные) и частичные подновления внешней ограды свидетельствуют о достаточно хорошем состоянии монастыря в конце XVIII века. Церковь и примыкавшие к ней сооружения, по-видимому, остались без изменений.

Своеобразно изломанный периметр территории монастыря даёт основание предполагать о его нахождении среди характерной для средневековых городов плотной застройки. Видимо, такая форма двора образовалась в итоге нескольких расширений, связанных с повышением значения монастыря, а отсюда и ростом его благосостояния, подтверждаемым вместительными дворовыми корпусами жилого и хозяйственного назначения.

Анализ конфигурации двора позволяет установить три строительных периода формирования комплекса. Первоначально существовала западная половина двора площадью примерно 1400 м² и въездными воротами в северной стене каменной ограды. В центре двора возвышалась небольшая церковь, к западу от которой, в 10 м, располагался хозяйственный, частично двухэтажный корпус. Его нижний этаж занимали хлев на четыре стойла и перекрытый сводом на подпружных арках склад продуктов (или хранилище имущества). Верхний этаж, на который поднимались по наружной лестнице, был занят продолговатой, возможно, жилой комнатой площадью в 21 м².

Расширение монастыря произошло в восточную сторону, где, как полагаем, была менее плотная, чем на южной и западной сторонах городская застройка. На новой территории был организован вытянутый с севера на юг просторный двор площадью около 1150 м², вмещавший многочисленный колёсный транспорт богомольцев. Двор имел также хозяйственное назначение, поскольку его с востока, юга и запада окружали корпуса, имевшие со стороны соседних владений глухие стены.

Восточный корпус – единое помещение с протяжённостью 43 м служил хлевом, в котором хранился также корм для скота. Кроме обозначенного на плане входа с южного конца дворового фасада, вероятно, было ещё два других, в северном конце и посередине здания. Южный корпус каменными стенами делился на четыре части. Большое среднее помещение со входом на поперечной оси было трапезной, к которой с востока примыкала слабо освещаемая кладовая, а с запада – служебная комната. Западный корпус был жилым. Он подразделялся на большую комнату площадью в 105 м², с просторными сенями для ночлега паломников, и комнату поменьше, около 30 м², с прихожей, для более высокопоставленных персон.

Новые строения появились и около церкви. Северная пристройка предназначалась для хранения церковного имущества, а западная служила притвором. Последняя занимала весь промежуток между церковью и расположенным здесь ранним хозяйственным корпусом, почему ведшая на её второй этаж наружная лестница была заключена в каменные стены.

Последним расширением монастыря надо считать появление у южного угла хозяйственного двора, с его юго-западной стороны, нового изолированного участка, площадью 130 м², со зданием, состоящим из комнаты, входных сеней и чулана. Для кого предназначалось это сооружение, трудно определить. Возможно, здесь пребывал настоятель обители, наслаждавшийся покоем в окружавшем его жилище саду.

Корпуса северо-западнее церкви, надо полагать, появились после приспособления монастыря под лазарет. Примыкавшее к ограде здание под четырёхскатной кровлей, судя

по указанному на плане и на поперечном разрезе оборудованию, служило госпитальной баней, что, видимо, и определило устройство перед ней обособленного дворика. А постройка, находившаяся в удалении, за пределами ограды, видимо, служила помещением для проживания руководящего медицинского персонала.

Демонтаж строений монастыря и отсутствие сведений лишают возможности установить время его строительства. Тем не менее, эту дату приблизительно можно определить. Отправным пунктом в этом вопросе послужат композиционные особенности культового сооружения.

Чёткость объёма прямоугольной в плане церкви характерна для многих сохранившихся на территории Крыма однозальных построек. Соотношение внешних размеров здания, то есть ширины к длине как 3:4, можно видеть в феодосийских церквях Святого Иоанна Крестителя и Святого Иоанна Богослова. Что касается внешне полуциркулярной апсиды, выступающей за пределы основного прямоугольного объёма здания, то она характерна для большинства церквей крымских армян. Обозначенные пунктиром две подпружные арки поддерживали каменный свод, взятый, очевидно, под двускатную черепичную кровлю.

Вход в церковь был устроен с западной стороны, на продольной оси здания. Ещё один был открыт в северной стене, напротив широких (около 3,5 м) монастырских ворот, устроенных в каменной ограде. Интерьер освещался одиночными окнами, открытыми в алтаре и в южной стене, а также двумя окнами на западной стороне.

Перечисленные особенности композиции здания, показательные для ряда церквей крымских армян, позволяют датировать его концом XIV – началом XV века. В это время монастырь имел небольшой двор и ограниченное число строений.

Расцвет монастыря пришёлся на середину XV века, когда армянское население города имело большую численность. Этим временем следует датировать расширение его территории к востоку, возведение хозяйственного двора со служебными корпусами, пристройку к церкви северного помещения и притвора. Из сооружений второго периода определённый интерес представляет притвор. Он, как и притворы феодосийских церквей Святого Иоанна Крестителя, Святого Иоанна Богослова, а также старокрымского монастыря Сурб Хач, шире и по площади больше церкви. Ввиду наличия небольшого хозяйственного корпуса вход в притвор устроен не с западной, а с северной стороны, обращённой в сторону главных ворот монастыря. В зависимости от этого интерьер притвора при входе воспринимался не симметрично относительно продольной оси, а с середины северной стороны, показывая многообразие сочетания вертикальных членений помещения с арочными и сводчатыми поверхностями. Форма плана притвора не квадратная или близкая к ней, а прямоугольная, вытянутая с запада на восток, с соотношением сторон 2:3 и вырезом для лестницы в северо-западном углу.

Заслуживает внимания оригинальное расположение оконных проёмов на продольных стенах притвора, что, по нашему предположению, сделано не случайно, а с учётом конструктивных особенностей перекрытия. Вначале, до натурального ознакомления с памятниками крымских армян, в опубликованной нами в 1978 году статье, написанной только на основании архивного чертежа генерального плана Армянского монастыря, мы предполагали, что притвор имел деревянное перекрытие¹. Однако это не нашло подтверждения в наших изысканиях последних лет по строительной технике армянских сооружений в Крыму. Сопоставление размеров данного притвора с сохранившимися подобными зданиями даёт основание утверждать о наличии в нём каменного перекрытия. Оно состояло из трёх, параллельно расположенных сводов (среднего несколько шире и выше боковых), поддерживавшихся посредством подпружных арок на четырёх свободно стоявших устоях. Их местоположение, как и подпружных арок, точно согласовывается с указанными на

---

¹ Халпахчян О. Х. Данные о неизвестном армянском монастыре в Кафе // ИФЖ. – № 2. – Ереван, 1978. – С. 175–181.

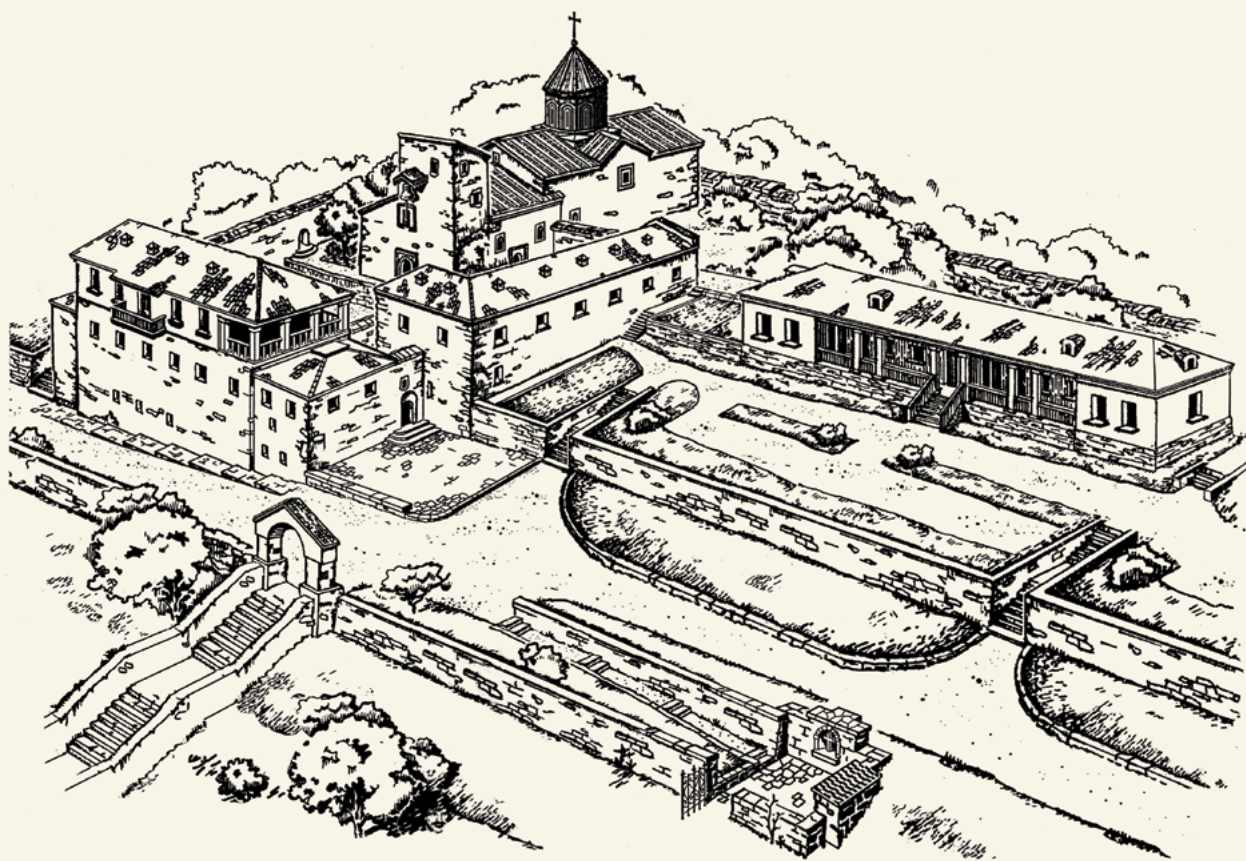

архивном чертеже оконными и дверными проёмами, что свидетельствует о правильности определения конструктивной формы перекрытия притвора церкви^{1*}.

Изучение «плана Армянского монастыря в Кафе» даёт сведения о многовековом существовании в городе значительного культового комплекса крымских армян. Так же, как и аналогичные комплексы Армении, он имел несколько строительных периодов. Расширялась территория, возводились новые здания, в подавляющем большинстве своём хозяйственного значения. Переселение армян Крыма в конце XVIII века в низовья реки Дон привело к запустению монастыря, переоборудованию его в военный госпиталь, а после ликвидации последнего – к постепенному сносу всех его строений.

Монастырь Сурб Хач (Святого Креста) близ города Старый Крым

Монастырский комплекс Сурб Хач – крупнейший культурно-просветительный центр крымских армян – расположен в 4 км к юго-западу от города Старый Крым. И хотя на протяжении нескольких столетий его постройки подвергались различным бедствиям – землетрясения, разорения, переоборудования, «набеги» кладочискателей, тем не менее, восстановительными работами были сохранены основные строения комплекса в их почти первоначальном облике.

Монастырь Сурб Хач (реконструкция – М. В. Петросяна и Ю. С. Воронина).

^{1*} Указанная конструкция предполагает наличие устоев и соответствующих им пилястр, чего здесь не видим. Кроме того, она даже при двух устоях прочна и долговечна и при наличии пользователя без особых проблем выдерживает «историческую нагрузку» в шесть-семь веков. Между тем, здесь по материалу 1800 года её уже давно нет. Поэтому, предыдущее заключение автора о деревянном перекрытии притвора представляется более вероятным.

Благодаря архитектурно-художественным достоинствам и своей значимости в культурной жизни крымских армян Сурб Хач, начиная со дня своего основания, неоднократно упоминается в исторических документах – литографиях, вставленных в стены различных строений комплекса, колофонах и летописях, а также описаниях и исследованиях авторов последних двух столетий.

Эпиграфика монастыря Сурб Хач содержит ценные для его истории данные, подтверждающие время строительства и восстановления основных построек, сведения о возводивших их ктиторах, хранит перечисление городов и селений Крыма, подчинённых церковной власти постоянно пребывавшего в монастыре епархиального епископа крымских армян, сведения о различных подношениях и интересных случаях, связанных с жизнью обители.

◀ Монастырь Сурб Хач. Купол церкви Святого Знамени (фото И. С. Липунова, 1997 год).

Заслуживает внимания художественное выполнение надписей, в частности, на барабане купола церкви в стиле «цахкагир». Другая надпись, помещённая в профилированной рамке слева от входа, ведущего из парадного двора в малый с кельями, становится уже важным элементом декоративного убранства комплекса.

Начиная с 30-х годов XIX века и по сей день надписи полностью или частично публиковались и уточнялись как на армянском языке, так и в переводе на русский язык^{1*}. В этом направлении известны работы М. Бжишкяна, О. Тер-Абраамяна, Хорена Степанэ, Хр. Кучук-Иоаннесова, Гр. Григоряна, С. Сагумяна и А. Енгояна². Сведения о монастыре Сурб Хач приведены в колофонах армянских рукописей, написанных в Крыму – в 1368 году Степаносом, сыном Натера^{3*}, в 1375 году фра Акобом^{4*}, в конце XVII века настоятелем монастыря Акобом⁵. Краткие, обзорного и справочного характера сведения о монастыре Сурб Хач имеются в работах П. Кёппена, Н. А. Головкинского, Ю. С. Асеева и Г. А. Лебедева, П. К. Тыглиянца⁶.

Кроме указанных работ следует отметить более подробные исследования памятника, в которых описываются его основные постройки и их декоративное убранство, характе-

¹ * Последняя по времени публикация корпуса надписей монастыря Сурб Хач (оригиналов и их перевода на русский язык) осуществлена нами в 2017 году (см.: **Саргсян Т. Э., Петросян М. В.** Крым. Монастырь Сурб Хач. – С. 243–278).

² **Бжишкян М.** Путешествие в Польшу. – С. 324–326; **Тер-Абраамян О.** История Крыма (часть 2). – С. 151–157; **Хорен Степанэ.** Монастырь Сурб Хач в Крыму; **Кучук-Иоаннесов Хр.** Старинные армянские надписи и старинные рукописи в пределах Юго-западной Руси и в Крыму. – С. 40–42; **Григорян Гр.** Новые данные об армянских эпиграфических надписях Крыма и Северного Кавказа. – С. 298–299; **Сагумян С. Г., Енгоян А. М.** Эпиграфические уточнения памятников Сурб Хача Крыма и Феодосии // «Лрабер» (ВОН). – № 11. – Ереван: Изд. АН Армянской ССР, 1973. – С. 74–75 (на арм. яз.).

³ * Речь идёт о важнейшем для истории монастыря Сурб Хач колофоне писца Степаноса, помещённом в рукописную Библию, которая хранится в Матенадаране им. Месропа Маштоца в Ереване под номером 2705 (см.: Свод армянских памятных записей, относящихся к Крыму и сопредельным регионам (XIV–XV вв.). – С. 161–163). Примечательно, что упоминая этот источник, О. Халпахчян при этом никак не использует его.

⁴ * Фра (брат) Акоб служил в армяно-католическом монастыре Святого Николаеса в Кафе. Он не имел отношения к монастырю Сурб Хач, и оставленный им колофон 1377 года упоминает не монастырь, а сентябрьский праздник Сурб Хач – день Воздвижения Святого Креста (см.: Свод армянских памятных записей, относящихся к Крыму и сопредельным регионам (XIV–XV вв.). – С. 76–77).

⁵ Памятные записи армянских рукописей XIV века. – С. 485–487, 517; **Тыглиянец П. К.** Армянские церкви и монастыри Крыма (рукопись). – Л. 10;

⁶ **Кёппен П.** Крымский сборник. О древностях южного берега Крыма и гор Таврических. – С. 79–80; [**Головкинский Н. А.**] Путеводитель по Крыму Н. Головкинского (издание 6-е). – Одесса: В. А. Иванов, тип. Спиро, 1894. – С. 416; **Асеев Ю. С., Лебедев Г. А.** Архитектура Крыма. – С. 20–21; **Тыглиянец П. К.** Армянские церкви и монастыри Крыма (рукопись). – С. 10.

ризуются композиционные приёмы, приводятся даты возведения, размеры, надписи, рассказывающие о произведённых строительных и восстановительных работах. Такие исследования опубликованы А. Л. Якобсоном, О. И. Домбровским и В. А. Сидоренко, Ю. А. Таманяном, авторами двухтомника «Памятники градостроительства и архитектуры Украинской ССР», Х. А. Поркшеяном, а также нами¹. Фрески монастыря Сурб Хач рассмотрены в работах О. И. Домбровского и Э. М. Корхмазян².

Монастырь Сурб Хач. Армянская надпись 1694 года о построении обители.

Историческая жизнь монастыря Сурб Хач относительно известна. Построенный в первой половине XIV века как резиденция архиепископа армян «григорианского вероисповедания», о чём упомянуто в надписи 1751 года, благоустроенный и обеспеченный, он слу-

¹ **Якобсон А. Л.** Армянская средневековая архитектура в Крыму. – С. 173–181; **Якобсон А. Л., Таманян Ю. А.** Армянская архитектура в Крыму. – С. 12–19; **Домбровский О., Сидоренко В.** Солхат и Сурб Хач. – С. 53–108; **Таманян Ю. А.** Монастырь Сурб Хач в Крыму // «Эчмиадзин». – № 7–8. – Эчмиадзин: Изд. Первопрестольного Святого Эчмиадзина, 1969. – С. 59–65 (на арм. яз.); **Памятники градостроительства и архитектуры Украинской ССР.** – Т. 2. – С. 381–383; **Поркшеян Х. А.** Памятники брата (Сурб Хач Крыма и Нахичевани) // «Литературная Армения». – № 1. – Ереван, 1971. – С. 73–76; **Халпахчян О. Х.** Армяно-русские культурные отношения и их отражение в архитектуре. – С. 21–22; **Халпахчян О. Х.** Архитектурный ансамбль Сурб-Хач в Крыму // «Сурб-Хач» (журнал Крымского армянского общества). – № 1. – Симферополь: Изд. КАО, 1996. – С. 5–12 и 38–44. Продолжение: Сурб-Хач. – № 2. – Симферополь, 1996. – С. 11–16.

² **Домбровский О. И.** Фрески средневекового Крыма. – С. 74–77 и 95–96; **Корхмазян Э. М.** Армянская миниатюра Крыма. – С. 107.

жил одним из основных духовных очагов армянских поселенцев полуострова^{1*} и сыграл важную роль в их общественно-культурной жизни.

Этому немало способствовала деятельность открытой в монастыре школы, в которой преподавали известные учёные своего времени, в том числе знаменитые поэты XVII века Аюб Кафаеци и Степанос Тохатеци². После переселения крымских армян в Азовскую губернию в 1778 году, монастырь пришёл в запустение, что и заставило архиепископа российских армян Овсэпа Аргутяна (Иосиф Аргутинский) предпринять действенные меры по его возрождению. Примечательно, что в некоторых русскоязычных документах и описаниях XVIII–XIX веков монастырь фигурирует под названием Святого Георгия.

Монастырь Сурб Хач. Вид с юго-востока (фото 2007 года).

Сурб Хач расположен на покрытом девственным буково-дубовым лесом верховье восточного склона «монастырского оврага»³, спускающегося к северу с поворотом на юг, в направлении к городу Старый Крым. Постройки комплекса размещены в середине принадлежащей ему основной территории, площадь которой, «По всемилостивейшему пожалованию»

^{1*} В золотоордынский период крымским архиепископам подчинялись как армяне полуострова, так и Приазовья. В период же Крымского ханства духовному правлению владык монастыря Сурб Хач подчинялись армяне, проживавшие на территории всего ханства, вплоть до Южной Бессарабии. Армяне Крыма, проживавшие в прибрежной зоне, находившейся под непосредственным контролем османов, как уже говорилось, имели своего архиепископа, резиденция которого находилась в Кафе, в монастыре Святой Богородицы.

² **Микаелян В. А.** История армянской колонии в Крыму. – С. 293–294.

³ Армянские древности Таврического полуострова. – С. 447; **Тыглиянц П. К.** Армянские церкви и монастыри Крыма (рукопись). – С. 10.

от 1795 года, определялась в 2288 десятин. Утверждённый российским правительством огромный земельный надел, которым, по нашему мнению, монастырь владел ещё в XIV–XVIII веках, свидетельствует о его материальной обеспеченности и возможностях местных правителей не только возводить различные строения, но и возделывать эти земли.

Монастырь Сурб Хач в начале XX века.

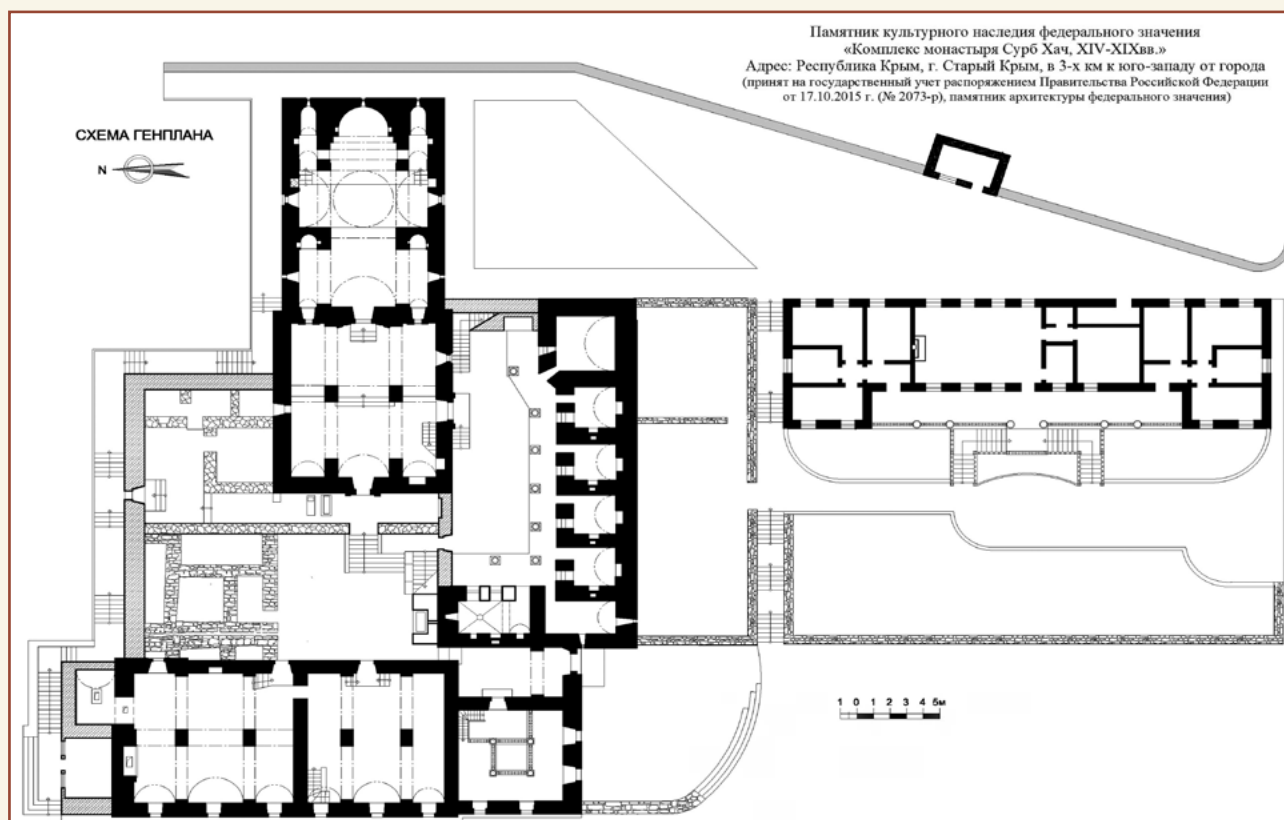
Окружавшие комплекс крутые склоны оврага с его западной стороны были спланированы террасами, укреплёнными подпорными стенами из бута (сохранились частично). Сообщение между террасами, занятыми фруктовыми деревьями и огородами, осуществлялось с помощью каменных лестниц. Расположенная с южной стороны комплекса площадка с относительно небольшим наклоном предназначалась для размещения гужевого транспорта богомольцев и паломников.

Полотно подъездной дороги, ведущей в Сурб Хач, было выровнено и уплотнено, а в пределах от въездных ворот до сооружений комплекса – вымощено с применением мелкой щебёнки и булыжного камня. В необходимых местах, по обеим сторонам дороги, были проложены водоотводные каналы. Водоснабжение монастыря Сурб Хач, как и было принято у крымских армян, осуществлялось гончарным трубопроводом, и в настоящее время подающим воду с горной вершины, расположенной с юго-восточной стороны монастыря.

Образующие компактную группу основные постройки монастыря Сурб Хач возведены на протяжении второй половины XIV века. Они сконцентрированы вокруг двух внутренних дворов. Высокие глухие периметральные стены придают общему облику комплекса вид мощного укрепления, рассчитанного на долговременную оборону. Несомненно, по этим же соображениям, единственный вход устроен в юго-западном углу внешнего периметра монастыря, видимого только при непосредственном к нему приближении. Впечатление неприступности усиливает возвышающаяся почти в центре построек башня типа сторожевой.

Церковь с притвором поставлены на продольной оси комплекса и замыкают парадный двор с востока. С западной стороны его ограничивает двухзальная трапезная, а северной – высокая каменная стена, различные подсобные помещения, ныне разрушенные. В

Общий план монастыря Сурб Хач (автор – М. В. Петросян).

Монастырь Сурб Хач. Гавит (притвор) с дозорной башней.
Вид из парадного дворика (атриума).

связи со значительным уклоном местности на запад (разница между нулевыми отметками восточного фасада церкви и западного фасада трапезной составляет чуть более 8 м), полы помещений не только устроены на разных уровнях, но и выполнены с понижающимися к западу ступенями. Второй двор, расположенный в южной части монастыря, ограничен двухэтажным зданием монашеских келий. С юго-западной стороны основных сооружений, на территории сада, возведены два фонтана с питьевой водой, а к югу от корпуса келий – одноэтажный гостевой дом.

Храм Сурб Ншан (Святого Знамени) в 2005 году. Вид с юго-востока.

Главное сооружение монастыря Сурб Хач – церковь Сурб Ншан (Святого Знамени) – возведено из грубо колотого камня. Обрамления проёмов и внешние поверхности барабана купола сложены из тёсаных блоков серо-пепельного известняка. Огибающая верх барабана купола стихотворная надпись содержит не только имена ктиторов «... Ованэса инока и родных братьев его...», но и дату возведения церкви – 1358 год¹.

Архитектурно-планировочная композиция церкви – крестово-купольного типа с четырьмя маленькими апсидами-приделами в углах – близка к средневековым культовым сооружениям Армении. И хотя Ю. А. Таманян считает, что это здание напоминает армянские купольные базилики, такие как Святой Гаяне в Эчмиадзине, Святого Креста в Мрене и даже Святых Погоса и Петроса в Татэве², она сильно отличается от них своими деталями. Восточная половина здесь организована по аналогии с трёхапсидными зальными церквями крымских армян, в отличие от которых все апсиды имеют значительные прямоугольные удлинения в сторону молитвенного зала. Это решение нашло отражение и в Армянском соборе 1363 года во Львове³, что весьма примечательно^{4*}. Боковые апсиды

¹ Сагумян С. Т., Енгоян А. М. Эпиграфические уточнения. – С. 74.

² Таманян Ю. А. Монастырь Сурб Хач в Крыму. – С. 61.

³ Там же. – С. 63; Халпахчян О. Х. Сооружения армянской колонии во Львове в XII – начале XX вв. // АН. – № 27. – Москва: Стройиздат, 1979. – С. 64–65.

^{4*} Композиционное сходство церкви монастыря Сурб Хач и львовской церкви Пресвятой Богородицы отмечено и последующими авторами (см.: Chruszczewski J. Kościoły Ormian Polski-

не изолированы от интерьера молитвенного зала наподобие приделов, а объединены с ним широкими проёмами с арочными завершениями выше купольных устоев. Восточные опоры купола представляют собой отдельно стоящие пилоны, связанные в верхней своей половине с продольными стенами алтарной апсиды. В отличие от них, западные опоры по всей высоте объединены с продольными стенами здания короткими отрезками, в которых, как и в церкви Святого Знамени в Ахпате (991 год), устроены неглубокие закруглённые алтарные ниши. Такое композиционное решение апсид свидетельствует о стремлении автора придать интерьеру оригинальность художественного облика, неизвестного в других армянских памятниках крестово-купольного типа.

Храм Сурб Ншан. Интерьер. Подкуполье.

ch. – Warszawa, 2001. – S. 60; **Казарян А. Ю.** Архитектура армянского собора во Львове. Истоки композиции и декора первоначального храма // Художественная культура армянских общин на землях Речи Посполитой: материалы международной научной конференции. – Минск: Арт Дизайн, 2013. – С. 116–126). Следует отметить, что крымские армяне тесными и разнообразными узами (родственными, торговыми, церковными, культурными) были связаны со своими соотечественниками, проживавшими в странах Восточной и Юго-Восточной Европы, в частности – в Королевстве Польском. Они приняли активное участие в учреждении здесь епископата Армянской церкви в 1364 году, в связи с чем, скорее всего, и финансировали строительство церкви Пресвятой Богородицы во Львове. Об этом свидетельствует происхождение главного ктитора строительства – Акоба Шахншаха из Кафы. Но интересно то, что и в дальнейшем крымские армяне проявляли особое отношение к этой церкви. К примеру, строительство высокой и основательной церковной башни-колокольни также финансировано крымским армянином – Андреасом Кафаеци, или Андреасом из Кафы. Известно, что оно было начато в 1562 и завершено в 1571 году (см.: **Саргсян Т. Э.** Минас Бжишкян и его сведения об армянах Львова // Международная научно-практическая конференция «Армяно-белорусские историко-культурные отношения. Традиции и современность». Минск, 21–22 мая 2015 г. – Москва: «Ключ-С», 2019. – С. 70–75; публикацию соответствующих документов см.: **Бжишкян М.** Путешествие в Польшу. – С. 104–105). По всей видимости, вокруг церкви Пресвятой Богородицы во Львове располагался участок армян, прибывавших из Крыма (торговцы, паломники, священнослужители). Источники свидетельствуют о существовании таких участков в Иерусалиме и Константинополе (в Галатии).

В отличие от многих церквей крымских армян, алтарная солея, по примеру памятников Армении, довольно высокая – 0,95 м. На неё поднимаются по пятиступенчатым каменным лесенкам, устроенным у продольных стен. Алтарные столы по требованию обряда Армянской церкви покоятся на квадратного сечения каменных опорах, установленных в середине апсид с расчётом на возможность кругового их обхода священнослужителем, совершавшим литургию. В апсидах и в продольных стенах предусмотрены небольшие ниши для мелкого церковного инвентаря, используемого при богослужении и исполнении различных церковных обрядов.

Средний неф в три раза шире боковых, чем подчёркнуто его доминирующее значение в интерьере. Венчающий средокрестие купол поддерживается опирающимися на устои стрельчатыми арками с парусными переходами между ними. Внешне 12-гранный, а внутри – круглый барабан, плавно переходящий в полусферическое покрытие, имеет равную с шириной высоту, что способствует восприятию объёмных форм интерьера полностью, включая сферу купола, непосредственно от единственного западного входа. Уместно расположенные окна, подавая свет в направлении протяжённости отдельных частей интерьера, обеспечивают вполне нормальное освещение.

Чётко выявленная крестово-купольная композиция внутреннего пространства показательна сочетанием вертикальных членений со стрельчато-сводчатыми покрытиями. Капители устоев и пилястр, обрамления больших ниш и проёмов, а также опорный пояс барабана купола украшены тонко профилированными тягами с резным сталактитовым орнаментом по низу. Стены покрыты штукатуркой, по которой в алтарной апсиде выполнена обогащающая главную часть интерьера колоритная фреска. По мнению О. И. Домбровского, она осуществлена на первоначальной штукатурке, что позволяет отнести её ко времени строительства церкви¹.

Тематика росписи – Деисус, с восседавшим на троне Христом и стоящими по сторонам Богоматерью и Иоанном Крестителем. Мария изображена слева, в молитвенной позе, с протянутыми ко Христу руками. Иоанн Креститель, в персонаже которого, однако, О. Домбровский увидел апостола Петра, стоит справа, со скрещёнными на груди руками. Христос изображён на фоне выполненного золотистой охрой и коричневой краской «сияния». По сторонам трона – символические изображения евангелистов. Над правым плечом Христа – ангел, а над левым – голубь. Внизу слева – лев, а справа – бык. Краски мягкие и нежные, как и сами персонажи, запечатлённые в несколько скованных движениях. Преобладают жёлто-оливковые и коричнево-красные тона, контрастирующие с сине-голубым общим фоном фрески. По определению О. И. Домбровского, живопись эта «по колориту и линейно-плоскостной манере письма» напоминает миниатюры и мелкие иконы сирийского происхождения.

Аналогичную характеристику он даёт и «попорченной шелушением от старости и копоти» фреске на тимпане западного портала. Подчёркивая стилистическую чистоту и художественную строгость образа «Богоматери с младенцем на руках и двумя неявными фигурами по сторонам», автор отмечает в них «арменоидный тип лица, пестроту и яркость красок», присущих не только малоазийским эмалевым иконкам, но и армянским миниатюрам XIV–XV веков². Приведённые данные вместе с тематикой содержания дают основание датировать эту фреску также серединой XIV века^{3*}.

---

¹ Домбровский О. И. Фрески средневекового Крыма. – С. 74–75.

² Там же. – С. 75–76.

^{3*} Роспись «Деисус» не упоминается ни в одном из источников XIX века, не говоря уже о более ранних. Это даёт основание отнести её к началу XX столетия. Такая датировка подтверждается и технологически неверным выполнением живописи, что привело к её быстрому шелушению и разрушению. Роспись «Богоматерь с младенцем Христом» имеет более давнюю историю. Наиболее ранние её упоминания относятся к началу XIX века (см.: Саргсян Т. Э., Петросян М. В. Крым. Монастырь Сурб Хач. – С. 234–238).

Храм Сурб Ншан. Интерьер.

Несохранившаяся роспись «Деисус» в 60-х годах XX века.

Внешний облик здания довольно строг и лаконичен. Живописная фактура стен из грубо колотых блоков акцентирована выполненными из тёсанных блоков обрамлениями оконных проёмов и тонкими венчающими карнизами. Двускатные рукава кровли, первоначально черепичные, позднее получили покрытие из каменных плит.

Главный художественный акцент внешнего облика здания церкви Сурб Ншан – архитектурное убранство купола, имевшего на рубеже XIX–XX веков шатровое покрытие из металлических листов. В отличие от почти лишённых декора фасадов, он украшен ступенчато расположенными арочными нишами, которые обрамлены бровкой из валика, опирающейся на тонкие колонки на стыках граней барабана. Оконные проёмы устроены только в тех нишах на барабане, которые ориентированы по сторонам света. Выше череды ниш и окон пролегает обегаящая барабан стихотворная надпись, высеченная выпуклыми заглавными буквами на крупных каменных блоках. Многогранная форма барабана, узкие и высокие окна, равно как и арочные ниши создают богатую игру света и тени, оживляющую венчающий церковь купол¹.

Портал церкви Сурб Ншан (Святого Знамения).

Не менее выразительным художественным акцентом внешнего убранства церкви является её западный портал, претерпевший существенные изменения в ходе своего многовекового существования. По-видимому, наиболее значительное из них связано со стро-

¹ Таманян Ю. А. Монастырь Сурб Хач в Крыму. – С. 62.

ительными работами, предпринятыми в монастыре в 1751 году, о которых упоминает надпись, вставленная в ограду слева от входа в малый дворик. Обнаруженные остатки резных капителей и следы перекладки камней позволили В. А. Сидоренко проанализировать развитие декора портала¹. По композиции он весьма близок к порталам других церквей крымских армян XIV века, но имеет более насыщенное исполнение. Входной проём обрамлён прямоугольным профилированным наличником, увенчанным стрельчатого контура нишей. Последняя сверху обведена слегка выступающей аркой, опирающейся на консоли. Арка, аналогично такой же арке в южном портале церкви Спасителя, украшена скрученным орнаментом из двух валиков («сельджукской цепью»), а тимпан внутри ниши – вышеупомянутой росписью «Богоматерь с Младенцем». Над нишей помещено изображение Святого Агнца с лабарумом в круглом медальоне. Медальоны с таким же изображением имеются на замковом камне купола и в конхе алтарной апсиды. Образ Святого Агнца присутствует также в храме Спасителя близ села Бахчи-Эли – на пересечении гуртов центрального свода и в конхе алтарной апсиды.

Обрамление проёма не выступает из плоскости стены, как в пиштаках мусульманских памятников Крыма, и в отличие от них, выполнено более искусно. Оригинальна лучковая перемычка входного проёма, составленная из клинчатых камней. Соприкасающиеся стороны их имеют выступы полукруглого очертания, входящие в соответствующей формы углубления на соседних камнях.

Фрагмент портала.

¹ Сидоренко В. А. Исследование архитектурных стилей памятников юго-восточного Крыма // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. – Киев: Наукова думка, 1988. – С. 122–123.

Во время строительных работ 1751 года композиция портала была изменена. По сторонам прямоугольного обрамления проёма появились тонкие колонки с непропорционально большими капителями, украшенными растительным узором. Простого профиля консоли арочного обрамления стрельчатой ниши, само обрамление, оформленное резной «сельджукской цепью», были усложнены по форме и убранству, напоминая аналогичные решения в церкви близ села Бахчи-Эли. Подновлена была и роспись в нише. Вся эта композиция была охвачена новым широким и высоким профилированным обрамлением со стрельчатым завершением. Художественная форма нового портала роднит его не только с армянскими, но и с мусульманскими памятниками полуострова, в частности, как правильно отмечает А. Л. Якобсон, мечетью хана Узбека в городе Старый Крым¹. Это подтверждает применение проживавшими на территории Крыма народами художественно родственных по стилю архитектурных элементов.

Архитектурно-декоративные особенности церкви Сурб Ншан свидетельствуют о наличии в ней уникальных объёмно-пространственных и художественных форм, не известных в более ранних армянских церквях Крыма^{2*}.

¹ Якобсон А. Л. Крым в средние века. – С. 107–108.

^{2*} Архитектурная композиция церкви Сурб Ншан, или Святого Знамения, неоднократно встречающаяся в зодчестве Армении X–XIII веков (церкви монастырей в Санаине, Ахпате, Хоракетре и др.), уникальна для средневекового культурного наследия Крыма. Речь идёт не просто о сооружении с куполом на четырёх опорах, а о внутренних пропорциях, об устоях по возможности отдалённых от центра. В этом смысле церковь Сурб Ншан до недавнего времени считалась единственной в своём роде здесь. Однако близкий по композиции и конструкции монастырский храм недавно обнаружен северо-восточнее Судака, у дороги, ведущей в селение Солнечная Долина. В отличие от церкви Сурб Ншан, довольно внушительного пролёта купол здесь держался на четырёх свободно расположенных устоях, максимально отодвинутых от центра. В северной стене, ближе к алтарю, сохранилась крестильная ниша.

Каменная раковина внутри отсутствует, но судя по характерному отверстию, сохранившемуся на задней стенке ниши, она была. Об армянском прошлом памятника свидетельствует также демонтированное алтарное возвышение.

Нововыявленный храм близ Судака (фото – В. В. Майко, 2017 год).

Притвор – второе крупное сооружение монастыря Сурб Хач. Он пристроен к западному фасаду церкви и вместе с ней составляет единый архитектурный организм, симметричный относительно общей продольной оси. Притвор возведён из того же камня и в той же манере, что и церковь: показатели, которые свидетельствуют об их близком по времени строительстве^{1*}.

В существующей литературе сведения о притворе ограничены простым упоминанием, в лучшем случае – кратким описанием². Он несколько шире церкви и вытянут с запада на восток. Двумя свободно стоящими устоями и соответствующими им пилонами, примыкающими к западной стене, интерьер делится на три нефа, перекрытых сводами (центральный – стрельчатый, боковые – полуциркульные) на подпружных арках. Этот новый тип притвора получил широкое распространение в строительной практике крымских армян.

Из-за уклона рельефа к западу пол интерьера притвора устроен в двух уровнях, соединённых между собой ступенями. Такое же соединение, с узкой площадкой на гребне ступеней, устроено перед входом в церковь, стоящую ещё выше.

Особенностью композиции здания является и устройство над его юго-западным углом небольшой башни, называемой М. Бжишкяном, Ю. А. Таманяном и некоторыми другими авторами «колокольной». Сомнительно, чтобы данное закрытое помещение с наклоном скатного покрытия в восточную сторону имело бы подобное назначение, поскольку для лучшего распространения колокольного звона практиковались многоколонные ротонды.

Судя по фотографиям конца XIX века, в монастыре Сурб Хач имелись два небольших колокола. Они висели под двускатным металлическим козырьком над окном выше западного входа в притвор, на отметке конька кровельного покрытия основного объёма. Наличие выше этого козырька значительно выступающей с плоскости фасада консоли с углублением на верхней поверхности даёт основание считать, что она со времени возведения притвора служила для крепления поддерживавшей колокол верёвки или конца цепи. Поскольку при ударе в колокол неизбежным было раскачивание консоли, то для её прочности с северной стороны было устроено два ступенчато расположенных выступа, ныне не существующих.

Учитывая нахождение монастыря в лесистом овраге, в удалении от населённых мест, надо полагать, что указанное размещение колоколов вначале на консоли, затем под металлическим козырьком, вполне обеспечивало слышимость звона для приезжавших в праздничные дни паломников, располагавшихся вместе со своим транспортом на юго-западной стороне обители.

По мнению Ю. А. Таманяна, «башня служила также наблюдательным пунктом, имеющим оборонное значение»³, что, без сомнения, более достоверно, поскольку она была задумана именно для этой цели. Её верхний этаж состоял из маленькой комнаты площадью около 6 м², с окнами на север, юг и запад, в которой помещался дежурный наблюдатель, поднимавшийся в неё по крутой лестнице. Небольшая дверь, устроенная в восточной стене помещения, предназначалась для входа на покрытую каменными плитами почти плоскую кровлю притвора, используемую также для обозрения ближайших подступов к монастырю^{4*}.

¹ * Как уже говорилось, наиболее ранние надписи в притворе монастыря Сурб Хач датированы 1401 и 1406 годами (см.: **Саргсян Т. Э., Петросян М. В.** Крым. Монастырь Сурб Хач. – С. 169) и подтверждают мнение О. Халпахчьяна.

² **Бжишкян М.** Путешествие в Польшу. – С. 325; **Тер-Абрамян О.** История Крыма (часть 2). – С. 154; **Асеев Ю. С., Лебедев Г. А.** Архитектура Крыма. – С. 21; **Халпахчьян О. Х.** Армяно-русские культурные отношения и их отражение в архитектуре. – С. 22; **Таманян Ю. А.** Монастырь Сурб Хач в Крыму. – С. 63.

³ **Таманян Ю. А.** Монастырь Сурб Хач в Крыму. – С. 63.

⁴ * Очевидно, изначально на башню возлагались и сторожевые функции, но строительство в дальнейшем трапезной и обители (в сегодняшнем понимании) значительно ограничило видимость её непосредственного окружения.

Подъём на башню осуществляется по узкой, основанной на арках и сводах каменной лестнице с забежными ступенями, устроенной в юго-западном углу интерьера притвора. По ней проходили также на деревянный балкон, опиравшийся на западные пристенные пилоны. Он имел более позднее происхождение, ибо для его устройства в пилонах, на соответствующей высоте, было прорублено два узких арочных проёма. Устройство балкона в торцах среднего и северного нефов, несомненно было связано с необходимостью расширения площади притвора, так как увеличившаяся численность молящихся не позволяла в большие праздничные дни разместить их в церкви и примыкающем к ней помещении^{1*}.

◀ **Монастырь Сурб Хач. Гавит (притвор). Вид на юго-запад.**

Притвор имеет три входа. Восточный соединяет его с церковью, южный – с внутренним двориком келий, а западный – с парадным двориком^{2*}. Внутри помещения полумрак, поскольку трёх относительно небольших окон (одно над западным входом и два в южной стене) недостаточно для яркого освещения. Несомненно, это было задумано специально для усиления впечатления от интерьера церкви, в которую из слабо освещённого помещения попадал посетитель.

Характерный плавными пропорциями интерьер притвора воспринимается непосредственно от западного входа, чему способствует и широкий, как в молитвенном зале, средний неф. Декоративное убранство применено весьма скупо. Это профилированные тяги из полочки и валика, пролегающие по верху пилонов и консолей подпружных арок. Выделяются хорошо освещённые западные поверхности внутренних свободно стоящих устоев и восточных пилястров, покрытые многострочными надписями и различными по форме и резному декору процветшими крестами в рамках. Среди каменных плит пола заслуживают внимания два мраморных надгробия без надписей, приписываемые некоторыми авторами захоронениям монахов Ованэса и Геворка^{3*}, инициаторам строительства монастырской церкви.

Фасады притвора, по примеру церкви выложены из грубо колотого камня, придающего им живописность. Акцентированы лишь обрамления оконных и дверных проёмов, выложенные из тёсаных блоков различного оформления. Мелкие окна обрамлены гладко тёсанными блоками, более крупные украшены углублёнными в толщу стены профилированными рамками, которым в дверных проёмах придана форма прямоугольных порталов. Из тёсаных блоков выполнены и конструктивно-ответственные составляющие.

Трапезная монастыря Сурб Хач – единственно сохранившееся из многочисленных аналогичного назначения монастырских сооружений крымских армян – даёт представление о месте и композиции этих построек в общем ансамбле⁴. Время её строительства точно зафиксировано в колофоне рукописи XIV века: она возведена в 1375 году, спустя 17 лет после церкви⁵, что опровергает мнение некоторых исследователей, датирующих её XVI–XVIII веками^{6*}.

¹* Как правило, на балконе устраивались женщины.

²* Есть ещё и северный низкий дверной проём, который обеспечивал сообщение с помещениями, расположенными севернее притвора.

³* Братьями инока Ованэса были священнослужитель Казар и купец Акоб (см.: **Саргсян Т. Э., Петросян М. В.** Крым. Монастырь Сурб Хач. – С. 49–52). В данном случае подразумевается Казар.

⁴ Памятники градостроительства и архитектуры Украинской ССР. – Т. 2. – С. 333.

⁵ Памятные записи армянских рукописей XIV века. – С. 517.

⁶* Вновь речь идёт о памятной записи фра Акоба, в которой он упоминает о строительстве трапезной и спального корпуса при армяно-католическом монастыре Святого Николаеса в Кафе. Строительные работы были завершены к сентябрьскому празднику Воздвижения Святого Креста (см.: Свод армянских памятных записей, относящихся к Крыму и сопредельным регионам (XIV–XV вв.). – С. 176–177). В своё время запись была осмыслена неверно, и эта ошибочная интерпретация проникла во многие работы, в том числе и в эту.

Теперь по поводу датировки здания трапезной. Письменных сведений о его строительстве нет, но внушительные габариты и конструкция залов, распространённая в армянской архитектуре Крыма

Vertical column of text in an ancient script, likely Pahlavi or Sogdian, located to the left of the central panel.

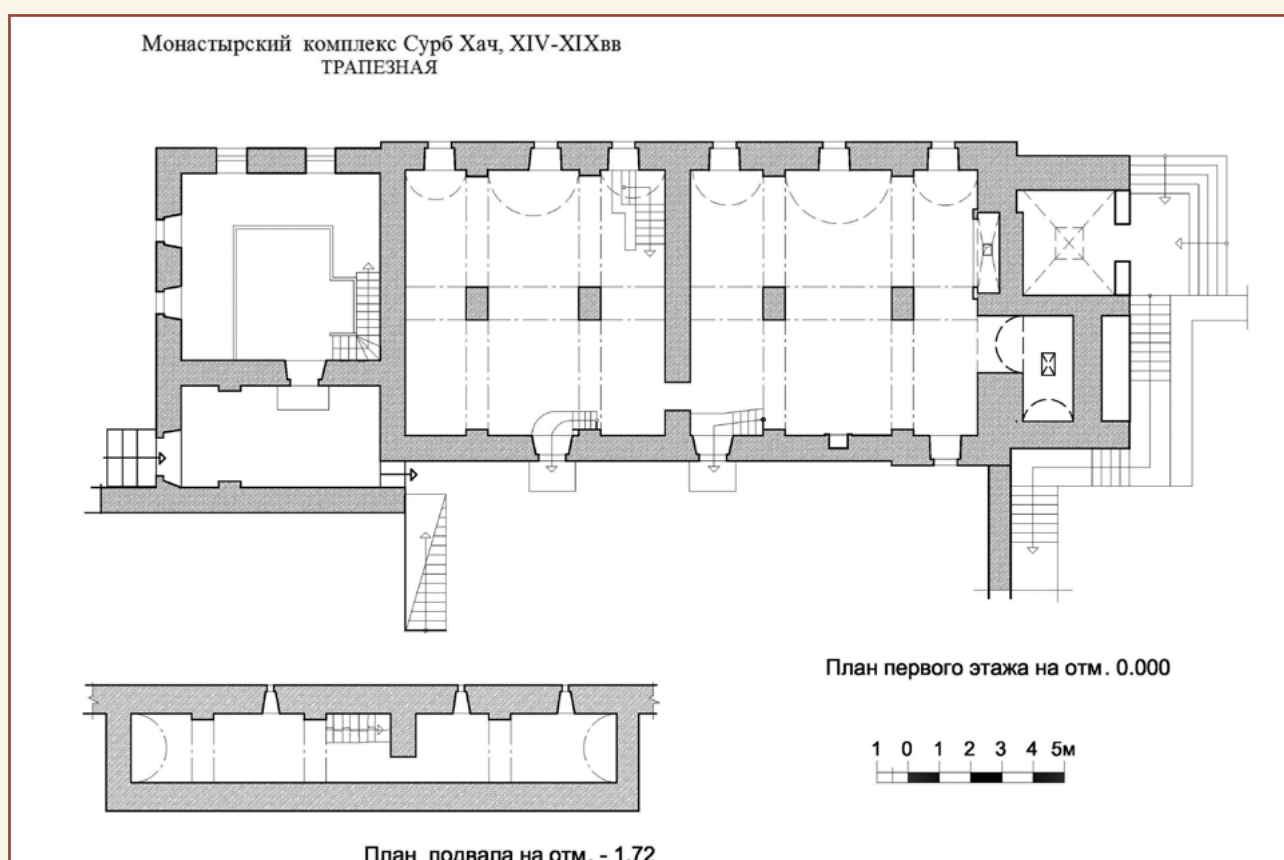
Horizontal line of text in an ancient script, likely Pahlavi or Sogdian, located below the central panel.

Horizontal line of text in an ancient script, likely Pahlavi or Sogdian, located below the first line of text.

Трапезная построена из бутового камня на известковом растворе, как и предыдущие сооружения. Она представляет собой вытянутое с севера на юг прямоугольное здание, которое ограничивает парадный двор с запада. Южнее трапезной находится вход в монастырь¹. С северо-запада к трапезной примыкают три мощных контрфорса для поддержания высокого северо-западного угла здания. С запада пролегает дорога, ведущая из Старого Крыма к монастырю. Из-за особенностей рельефа уровень пола трапезной ниже уровня двора и значительно выше (на 3,5 м) уровня означенной дороги. Это позволило построить вдоль западного фасада здания сводчатое помещение, использовавшееся для хранения продуктов. По словам Ю. А. Таманяна, устные сказания местных жителей связывали это помещение с потайным выходом к роднику, находившемуся в ближайшем ущелье².

Трапезная – самое крупное здание монастырского комплекса. Площадь её составляет около 150 м², что более чем в 1,5 раза превышает площадь молитвенного зала церкви. Она способна вмещать более 50 человек, что свидетельствует о важной роли и большом значении в жизни крымских армян.

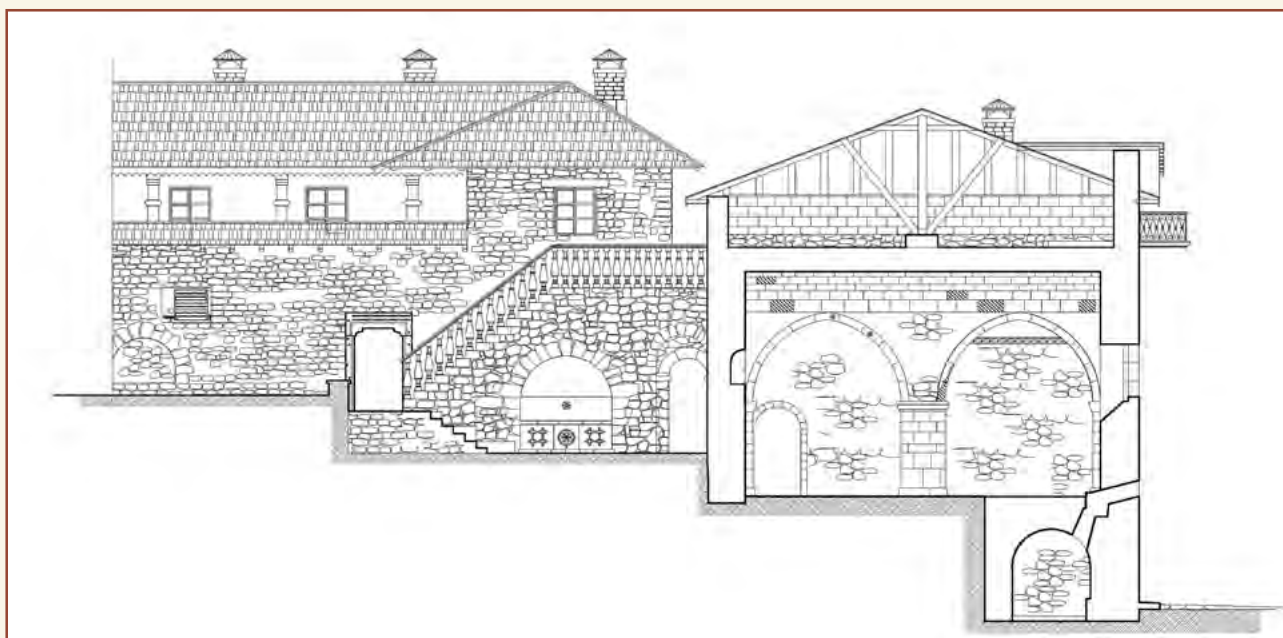
План трапезной монастыря Сурб Хач (автор – М. В. Петросян).

◀ Монастырь Сурб Хач. Притвор. Армянские надписи и резные орнаментированные кресты на юго-восточной пилястре.

XIV–XV веков, свидетельствуют о серьезных материальных вложениях и возможности свободно осуществлять строительную деятельность. Следовательно, трапезная монастыря Сурб Хач была возведена в период расцвета армянской колонии в Крыму, вслед за церковью и притвором – очевидно, в начале XV века (см.: **Саргсян Т. Э., Петросян М. В.** Крым. Монастырь Сурб Хач. – С. 181).

¹ Краткую характеристику трапезной см.: **Домбровский О. И., Сидоренко В. А.** Солхат и Сурб-Хач. – С. 84–85.

² **Таманян Ю. А.** Монастырь Сурб Хач в Крыму. – С. 64.

Парадный дворик и поперечный разрез трапезной (реконструкция – М. В. Петросяна).

Поперечной стеной трапезная Сурб Хач делится на две почти равные по площади части, имеющие независимые входы со двора¹. Вход в первое помещение (северный зал) устроен рядом с поперечной стеной, или перегородкой, а во второе (южный зал) – примерно посередине его восточной стены. От входов в трапезную спускаются четырёхступенчатые каменные лестницы, так как отметка двора расположена выше пола помещений на 80 см. Восточные фасады обоих залов выступают единой гладкой стеной без архитектурного убранства. Единственные акценты на ней – входные проёмы в залы, а также маленькое окошко над южным входом.

Первое помещение (северный зал) или кухня-столовая, служило местом повседневного приёма монахами пищи. Для её приготовления использовали камин и печь, которые располагаются в северной торцевой стене. Камин, фасад которого украшен арочным с полочкой наличником, мог вмещать большие котлы. Размеры его топочной – 2,5 м в ширину и 0,9 м в глубину.

Расположенная справа от камина печь по своим размерам значительно больше. Это она на северном фасаде выступает крупным прямоугольным объёмом между средним и восточным контрфорсами². Печь предназначалась для варки пищи, выпечки хлеба и копчения. По мнению некоторых исследователей, она, имея размеры 1,8 на 3,1 м, могла использоваться также для купания в качестве паровой бани.

Каменное перекрытие кухни-столовой составлено подпружными арками и сводами, опирающимися на внутренние прямоугольные пилоны и пилястры. Пространственное сочетание низких поперечных и высоких продольных арок (средняя полуциркулярная арка шире стрельчатых боковых) позволило перекрыть помещение тремя параллельно расположенными, идущими поперёк здания сводами, придающими своеобразие всему интерьеру.

Иное конструктивное решение имеет южное помещение, функциональное назначение которого не столь очевидно³. По нашему мнению, при малой посещаемости монастыря в начале его существования оно служило хранилищем продуктов. Одним из подтвержде-

¹ Халпахчян О. Х. Архитектура армянских трапезных // АН. – № 3. – Москва: НИИ истории и теории архитектуры Академии архитектуры СССР, 1953. – С. 130–131.

² Домбровский О. И., Сидоренко В. А. Солхат и Сурб-Хач. – С. 85; Памятники градостроительства и архитектуры Украинской ССР. – Т. 2. – С. 333.

³ Там же, соответственно: С. 84 и 332.

ний этого является расположенная там лестница, ведущая вниз – в упомянутый выше погреб, а также наличие возле неё выходящей на дорогу двери (ныне заложена)^{1*}, через которую могли поставляться продукты. Позднее, с увеличением численности паломников, второе помещение, по всей видимости, также использовалось как столовая. Интересное решение имеет его перекрытие. Судя по строительному материалу и технике кладки, это решение было реализовано при капитальном ремонте монастырских строений в середине XVIII века. Помещение разделено на два отделения двумя арками, опирающимися на Т-образный в плане низкий пилон и пилястры периметральных стен. Первое – южное узкое отделение – перекрыто коробчатым сводом на подпружной арке, а второе – широкое – двумя прямоугольными, параллельно расположенными плинфовыми сводами в виде четырёхгранных пирамидальных колпаков.

Трапезная монастыря Сурб Хач. Северный зал.

Трапезная освещалась семью окнами – одним над южной дверью, обращённым на восток, в сторону большого двора, и шестью (по три в каждом зале), выходящими на запад. Последние некогда были представлены узкими прямоугольными проёмами с наличниками из светлого известняка. При восстановительных работах в XIX веке одновременно с изменением свода^{2*} были изменены и окна на западной стороне: они получили несколько иное расположение и большие размеры.

¹ * Обозначенная прямоугольной орнаментированной рамой неглубокая ниша на западном фасаде трапезной слишком мала, чтобы быть дверным проёмом и налаживать сообщение. Да и устройство лишнего проёма противоречило бы явному желанию обитателей монастыря обеспечить его компактность, закрытость и защиту. Скорее всего, внутри означенной рамы, на поверхности кладки, была закреплена строительная надпись трапезной, не дошедшая до нас (см.: **Саргсян Т. Э., Петросян М. В.** Крым. Монастырь Сурб Хач. – С. 132–134).

² * Очевидно было, что южный зал трапезной имел такую же конструкцию, что и северный – трёхнефную сводчатую, основанную на двух центральных устоях и пилястрах. Северный устой по каким-то причинам был убран, после чего и появились плинфовые колпаки. Шурф, сделанный на предполагаемом месте, в 1994 году выявил остатки устоя. И поскольку плинфовые колпаки были большей частью разрушены, решено было восстановить первоначальную трёхнефную конструкцию южного зала. Мнение же Ф. Бабаян о том, что трапезная «первоначально представляла собой один большой зал, свод которого опирался на четыре равноотстоящие друг от друга колонны» (см. **Бабаян Ф., Корхмазян Э.** Монастырь Сурб Хач как центр армянской культуры в Крыму. – Ереван-Симферополь, 2008. – С. 26), безосновательно и не подлежит обсуждению.

Трапезная монастыря Сурб Хач. Южный зал. Один из плинфовых колпаков (1993 год).

По аналогии с восточным фасадом, западный фасад трапезной также имеет довольно скромный вид, ничем не отличающий его, разве что только монументальностью. Гладкие стены, выложенные кладкой из бутового камня, не имеют декоративного убранства и завершаются плитой небольшого выноса. Некоторое оживление фасаду придают со временем значительно расширенные верхние оконные проёмы и похожие на бойницы мелкие световые проёмы погреба. Цветовое разнообразие создают укрепляющие бутовую кладку полосы из кирпича – плинфы красного цвета, проложенные по верху и низу световых проёмов. В целом трапезная монастыря Сурб Хач – оригинальное по композиции архитектурное произведение армянских зодчих Крыма. Некоторое изменение её внешнего облика произошло, по-видимому, в середине XVIII века – до переселения крымских христиан. Об этом свидетельствует гравюра начала XIX века, на которой изображён общий вид монастыря Сурб Хач с северо-западной стороны¹. Передний план здесь занимает трапезная, на которой размещена открытая терраса, ограждённая по периметру решётчатым парапетом. Терраса, видимо, служила для вечернего отдыха, а также для хозяйственных нужд (сушки фруктов, солнечной выдержки вина и так далее).

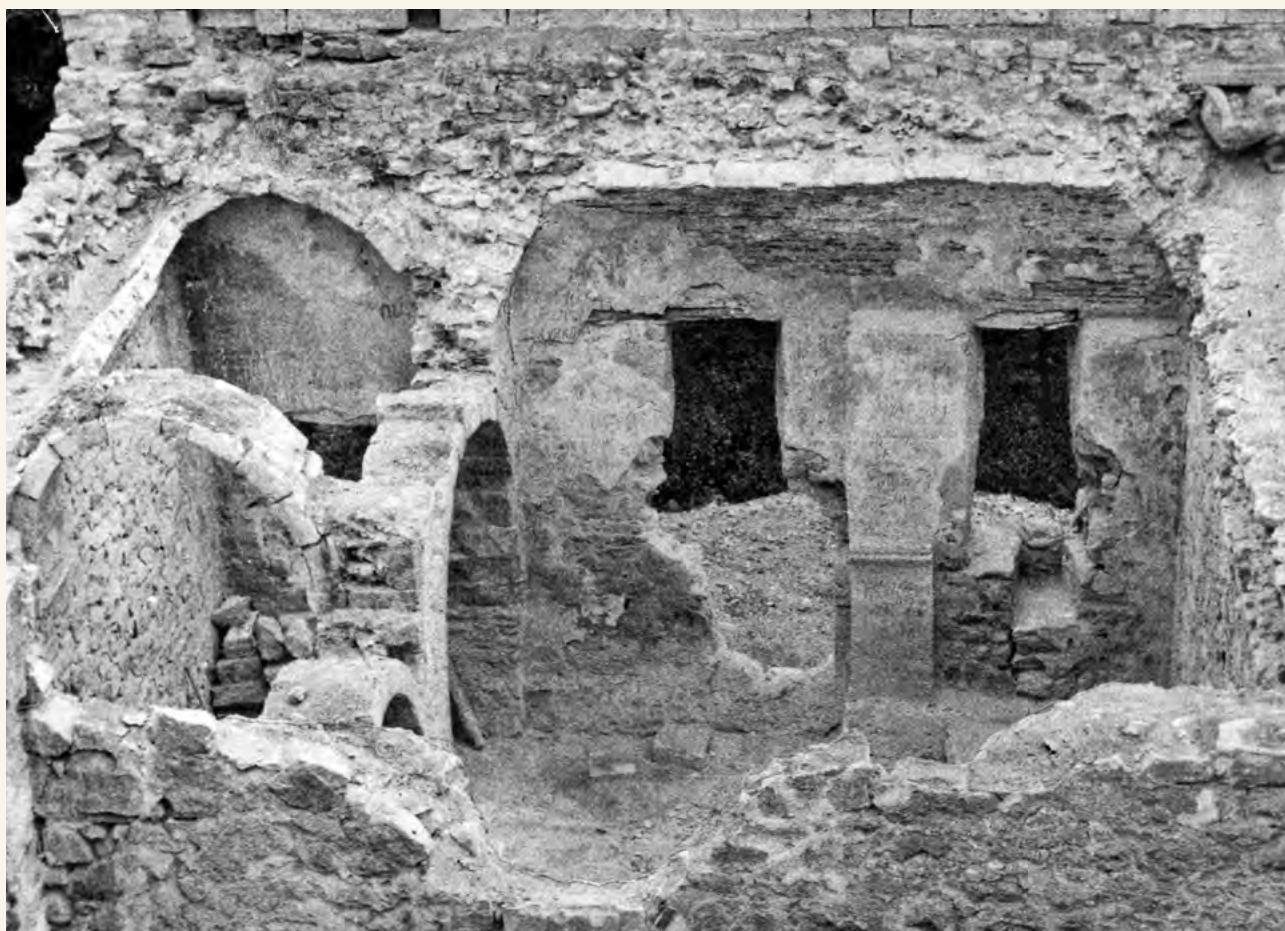
По описанию О. И. Домбровского и В. А. Сидоренко, над трапезной существовала какая-то ранняя надстройка, которая в связи с её обветшанием и неказистостью в 1860-х годах была заменена монастырской гостиницей, построенной из пиленых каменных блоков². Но на фотоснимке конца XIX века, изображающем Сурб Хач во время церковного праздника, у южного края плоского перекрытия трапезной располагается группа паломников, что свидетельствует об отсутствии гостиницы над трапезной. Дату возведения гостиницы правильнее отнести к концу XIX века. На рисунке Н. И. Калинина, изображающем общий вид комплекса с юго-запада в 1885 году, здание трапезной завершено надстройкой с широкой деревянной верандой на южной стороне^{3*}.

¹ Домбровский О. И., Сидоренко В. А. Солхат и Сурб Хач. – С. 71; Памятники градостроительства и архитектуры Украинской ССР. – Т. 2. – С. 332.

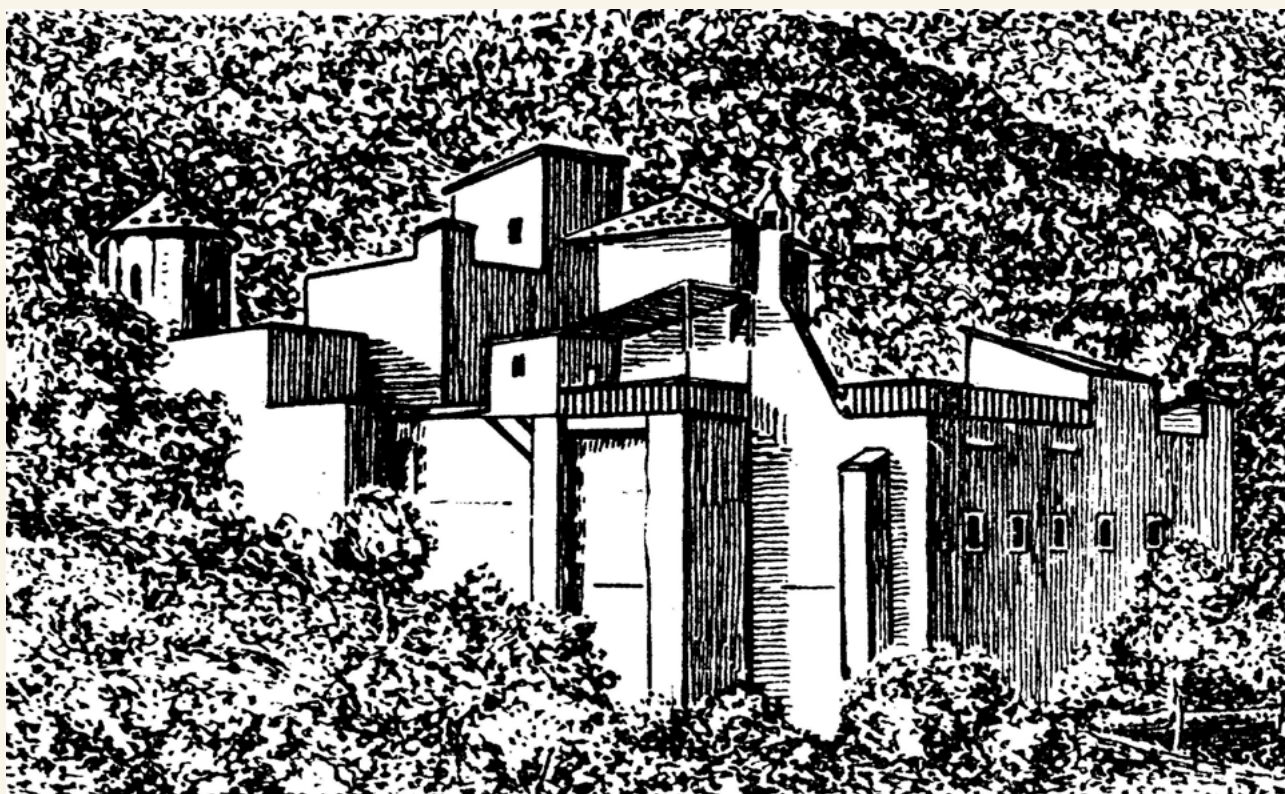
² Домбровский О. И., Сидоренко В. А. Солхат и Сурб Хач. – С. 71.

³ * Надстройка трапезной с множеством комнат (возможно, двадцати) существовала ещё до переселения армян 1778 года. На смену ей пришла открытая терраса, просуществовавшая до 1860-х годов. Её заменили покои предводителя и комнаты, предназначенные для паломников. Этот корпус

Южный зал трапезной после демонтажа плинфowych сводов (1994 год).

Монастырь Сурб Хач на гравюре начала XIX века
(из книги О. И. Домбровского и В. А. Сидоренко «Солхат и Сурб-Хач». – С. 70).

По остаткам строений, зафиксированным обмерами 1970 года, надстройка состояла из расположенных по сторонам коридора просторных комнат, отделённых друг от друга каменными перегородками. С продольными стенами перегородки соединялись техникой пазов. На западном и северном фасадах имелись балконы с металлическими ограждениями, откуда паломникам открывался прекрасный вид.

В надстройку поднимались по открытой каменной лестнице, которая возведена над глубокой арочной нишей внутреннего фонтана и проёмом, ведущим в парадный двор. Она прилегает к ограждению, разделяющему дворики. По этой же лестнице проходили и на деревянный балкон второго этажа братского корпуса.

Входная часть монастыря, расположенная южнее трапезной, состоит из коридора и примыкающей к нему с запада привратницкой. Хотя ширина коридора 3,5 м, проёмы его неширокие: наружный – 1,5 м, а ведущий в парадный двор – 1 м. Поэтому ни гужевой транспорт, ни выючные животные сюда пройти не могли. Просторная привратницкая (36 м²) была рассчитана на круглосуточное пребывание в ней охраны. Возможно поэтому, в отличие от слабо освещавшегося узким оконным проёмом (выше входной двери) коридора, она имела три высоко расположенных квадратных окна. Кровли обоих помещений односкатные деревянные с пологим наклоном в южную сторону.

Здание келий. Внутренний (северный) фасад, обращенный в сторону малого дворика
(реконструкция – М. В. Петросяна).

Монастырь Сурб Хач. Келья настоятеля. ►

Разделённый на кельи Г-образный двухэтажный братский корпус, охватив малый дворик по наружному периметру, с юга примыкает к притвору и парадному дворику. Вход в эту часть монастыря устроен в каменном ограждении, разделяющем дворики. Корпус здания возведён из бутового камня на известковом растворе. Кельи первого этажа перекрывались полуциркульными сводами, второго – плоскими деревянными покрытиями, взятыми под общую двускатную кровлю из черепицы. Только северо-западная келья первого этажа, вероятно, принадлежавшая настоятелю монас-

с юга имел широкий деревянный балкон. В начале XX века, видимо в первой его декаде, старая надстройка демонтируется и вместо неё строится новая, из пиленых каменных блоков, с каменным балконом на основательных устоях (см.: **Саргсян Т. Э., Петросян М. В.** Крым. Монастырь Сурб Хач. – С. 143–155).

тыря, в большей своей части перекрыта крестовым сводом на скрещивающихся гуртах. Место пересечения гуртов отмечено крупным круглым замковым камнем, украшенным резьбой.

Келья второго этажа, расположенная над этим помещением, в XIX веке, (видимо, во второй половине), была укорочена с северной стороны из-за необходимости устроить проход с лестницы в сторону балкона братского корпуса. Лестница вела, как уже говорилось, также в надстройку трапезной.

Почти квадратные в плане кельи, площадью около 9 м², были оборудованы каминами с дымоходами в толще стены и небольшими нишами, на месте которых на втором этаже располагались дополнительные окна. Входы в кельи второго этажа располагались по идущему вдоль всего корпуса узкому деревянному балкону. На балкон поднимались с двух сторон – сначала по лестнице с восточного края двора, а позднее – с лестницы, ведущей в надстройку трапезной.

Фасад братского корпуса со стороны малого двора напоминает фасады двухэтажных жилых домов Армении, открывающихся в сторону двора. Он показателен наружным деревянным балконом с ритмичным расположением деревянных столбов с ажурными решётками между ними.

Раскопки в северо-восточном углу парадного двора выявили фундаменты неоднократно перестроенных помещений и фрагменты поливной керамики XIII–XIV веков¹. По-видимому, к XIII–XIV векам следует отнести и обнаруженные в конце 1980-х годов остатки помещения, примыкавшего к северной стене угловой юго-восточной кельи первого этажа братского корпуса^{2*}.

На рубеже XIX–XX веков в связи с оживлением духовно-просветительской деятельности монастыря Сурб Хач и резким увеличением притока богомольцев, для паломников было построено отдельно стоящее строение. Оно было поставлено к югу от стен комплекса и состояло из одноэтажного здания прямоугольной формы с семью просторными комнатами вдоль обращённой на запад веранды. Из-за крутого рельефа местности перед зданием была сооружена подпорная стена. Внизу, под ней, располагалась просторная площадка для гужевого транспорта богомольцев, а наверху перед верандой – озеленённый дворик с беседкой.

Во время войны 1941–1945 годов здания гостиницы и братского корпуса были разрушены. В середине 1970-х, в связи с намерением приспособить монастырь под туристическую базу, были осуществлены археологические исследования занимаемой комплексом территории. Всем исчезнувшим и пострадавшим сооружениям предполагалось придать их первоначальный облик. С 1978 года было начато восстановление некоторых утраченных частей братского корпуса. К середине 1980-х годов осуществлены работы по укреплению церкви и притвора, продолжено восстановление братского корпуса^{3*}.

---

¹ Археологические исследования проводились по заданию Отдела по делам строительства и архитектуры Крымоблисполкома, сотрудниками Крымского отдела Института археологии АН УССР в 1973–1976 годах (см.: **Домбровский О. И., Сидоренко В. А.** Солхат и Сурб-Хач. – С. 96–99).

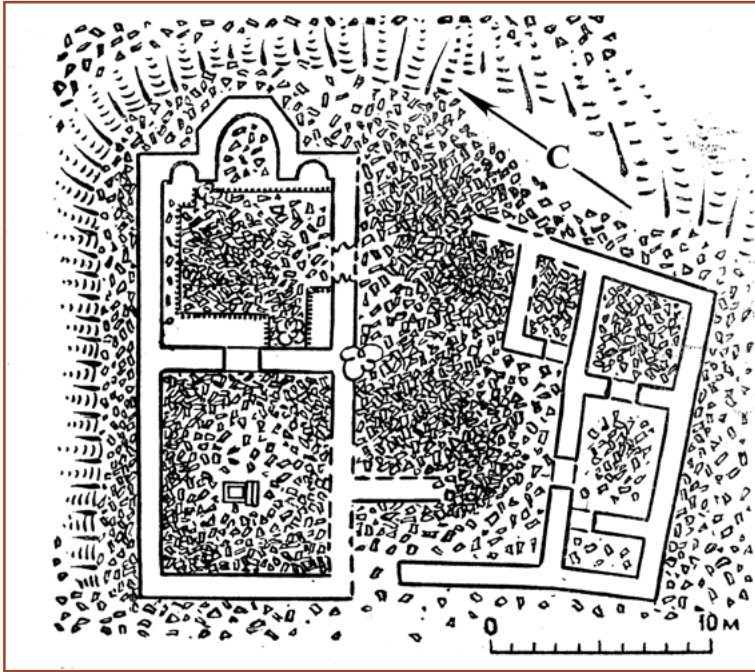
² * Здесь были обнаружены остатки лестницы, ведущей к кельям второго яруса, и фонтана под лестницей, которые относятся к концу XVII столетия.

³ * Полномасштабное и систематическое восстановление монастыря Сурб Хач проводилось в 1992–2001 годах под руководством М. В. Петросяна. С декабря 2009 года здесь действует Крымский викариат Украинской, а ныне Российской епархии Армянской Апостольской церкви. Отдельные строительные мероприятия предпринимались в 2008, 2009–2010, 2016–2017 годах.

Монастырь Святого Степаноса

Монастырь Святого Степаноса – одна из древнейших армянских обителей на Крымском полуострове – находится в трёх километрах к югу от монастыря Сурб Хач. Ближайший населённый пункт, городок Старый Крым, расположен в семи километрах северо-восточнее.

План монастыря Святого Степаноса по О. И. Домбровскому и В. А. Сидоренко
(из книги «Солхат и Сурб-Хач». – С. 110).

небольшой церкви, свод которой держался на четырёх арках, квадратной формы колодец «внутри храма» и рядом хачкар, остатки каменной ограды, семи жилых помещений, фонтана² и так далее. Следующим к монастырю Святого Степаноса обратился П. Кёппен в 30-х годах XIX века. В своём описании древностей Южного берега Крыма он отмечает разрушенное состояние бывшей святыни и считает её построенной ранее монастыря Сурб Хач³.

Только в 70-х годах XX века Крымское отделение Института Археологии АН Украинской ССР обратило внимание на этот памятник. В 1973 и 1976 годах было осуществлено археологическое изучение его территории, на которой местами виднелись остатки полуразрушенных стен⁴. Расчистка площади более 600 м² от каменных завалов высотой до трёх метров выявила руины монастырских ворот, что позволило археологам О. И. Домбровскому и В. А. Сидоренко составить представление о планировке и композиционных особенностях бывшего монастыря⁵. К сожалению, неизвестно, почему они назвали его «Георгиевским», что отмечено также и в документах раскопок. Анализируя описанные авторами руины, можно сделать некоторые выводы.

Судя по закладке западного входа церкви и другим строительным подробностям планировки, за время своего существования комплекс претерпел различные изменения. Оче-

Прошлое монастыря Святого Степаноса почти неизвестно. Существует предположение о его разрушении в XIV веке из-за землетрясения, что и стало причиной для основания вблизи него новой обители – монастыря Сурб Хач. Необитаемый многие столетия, никем не посещаемый, скрытый под завалами обрушившихся стен и перекрытий, бурно разросшийся зеленью, особенно буковыми деревьями, монастырь Сурб Степанос мало кому был известен. Очевидно поэтому он не показан на карте земель пожалованных монастырю Сурб Хач в 1795 году, которая составлена чертёжной конторой Таврической губернии¹.

В литературе монастырь Святого Степаноса впервые упоминается М. Бжишкяном. Он видел стены

¹ ГАКО (*ныне – Государственный архив Республики Крым). – Ф. 377. – Оп. II. – Д. 817.

² Бжишкян М. Путешествие в Польшу. – С. 328.

³ Кёппен П. Крымский сборник. О древностях южного берега Крыма и гор Таврических. – С. 79–80.

⁴ Отчёт об археологических исследованиях в средневековом монастыре Сурб Хач и его окрестностях в 1973 и 1976 гг. Архив Крымского отделения Института археологии АН УССР.

⁵ Домбровский О. И., Сидоренко В. А. Солхат и Сурб-Хач. – С. 109–113.

видно делались попытки восстановить монастырь после его гибели, для чего в храме были собраны уложенные орнаментированными сторонами книзу резные камни. Изучая технические особенности кладки различных частей комплекса, в частности «вторичного использования камней покрытий», стало очевидно, что он перестраивался довольно примитивным способом и не один раз, что даёт основание утверждать о нескольких строительных периодах, имевших место даже после катастрофического разрушения^{1*}.

Монастырь Святого Степаноса состоял из двух основных сооружений, представленных церковью и примыкавшим к ней с запада помещением, а также более мелких второстепенных жилых строений и служб, расположенных к югу от первых, по другую сторону монастырского двора.

Монастырь Святого Степаноса. Остатки притвора (1995 год).

Монастырь Святого Степаноса. Одна из двух баз внутри бывшей церкви (1995 год). ►

Церковь ориентирована не строго на восток, а в связи с особенностями рельефа, с небольшим отклонением на север, что допускается в строительстве армянских культовых сооружений. По архитектурному типу она принадлежит к трёхнефным залам с тремя апсидами на восточной стороне. Большая центральная апсида выступала за пределы прямоугольной конфигурации здания пятигранным объёмом. Боковые апсиды, вписанные в основной прямоугольный периметр, имели небольшие размеры.

^{1*} И действительно, увиденное М. Бжишкяном и П. Кёппеном позволяет заключить, что окончательное разрушение монастыря произошло не ранее XVIII века. Расположенный на горной дороге, ведущей в сторону побережья, он мог и после турецкого вторжения использоваться торговцами и путниками в качестве приюта.

Солидные внутренние габариты (8,4x9,6 м) и найденный в завале «камень от кровли восьмигранного барабана» дали основание О. И. Домбровскому и В. А. Сидоренко считать церковь Святого Степаноса крестово-купольной¹, что вполне правдоподобно. Однако они ничего не сообщают о подкупольных устоях – сколько их было и как они располагались в интерьере церкви. По нашему мнению, купол покоился на четырёх свободно стоящих опорах, соединённых между собой подпружными арками. Со стенами опоры были соединены меньшего пролёта подпружными арками, на которые уже лежали периметральные своды.

Анализируя характер орнаментированных деталей (профилей карнизов, наличников оконных арочек, так называемую «сельджукскую» плетёнку, вытесанные на камнях кресты), равно как и обработку каменных плит кровельных покрытий, О. И. Домбровский и В. А. Сидоренко, датируют их XIII – началом XIV века и считают, что к этому времени надо отнести и строительство монастыря, начиная с его церкви². Однако учитывая, что эти детали имеют сходство с элементами более ранних архитектурных произведений крымских армян, в частности церкви Святого Саркиса в Феодосии, правильнее будет отнести возведение церкви Святого Степаноса к концу XII – началу XIII веков.

Заслуживает внимания ограждённое стенами прямоугольное пространство (размеры: 8,4x10,2 м), примыкающее к церкви с запада. В середине его, ближе к западной стене, находится квадратный в плане колодец, вода в который поступала по гончарным трубам (они обнаружены как возле колодца, так и снаружи западной стены) из родника Каптали-чопан, расположенного западнее монастыря, на южном склоне горы Джади-кая.

О. И. Домбровский и В. А. Сидоренко не высказали о нём определённого суждения: то ли это внутренний дворик, то ли церковный притвор. Если предположить, что это был дворик, то для удобства его эксплуатации не только обитателями монастыря, но и паломниками, колодец поместили бы не в середине, а возле западной стены, откуда подавалась вода.

По нашему мнению, здесь мог находиться показательный только для армянского зодчества притвор. Это было сооружение со свободно стоящими опорами, как при церквях Святого Иоанна Богослова и Святого Иоанна Крестителя в Феодосии, перекрытое продольными сводами на подпружных арках. Средний свод, в зависимости от покрытия здания двумя пологими скатами, незначительно возвышался над боковыми. Высокие узкие окна на западном фасаде обеспечивали достаточное освещение длинных нефов.

Сохранившиеся остатки относительно небольших четырёхугольных в плане жилых и хозяйственных помещений свидетельствуют, что они неоднократно перестраивались, почему судить об их первичной форме и конкретном назначении не представляется возможным.

Главные ворота у юго-западного угла притвора открывались в небольшое помещение с проёмом в южной стене, чем образовывался изгиб пути, осложнявший прохождение в монастырский двор. По мнению О. И. Домбровского и В. А. Сидоренко, над входной комнатой находилась «прямоугольная башня», имевшая оборонительное предназначение. Однако данных для такого предположения не имеется. Возможно в связи с этим мнением, они усматривали три помещения вдоль южной границы комплекса, не имеющие изолированных входов, как «общие спальни казарменно-

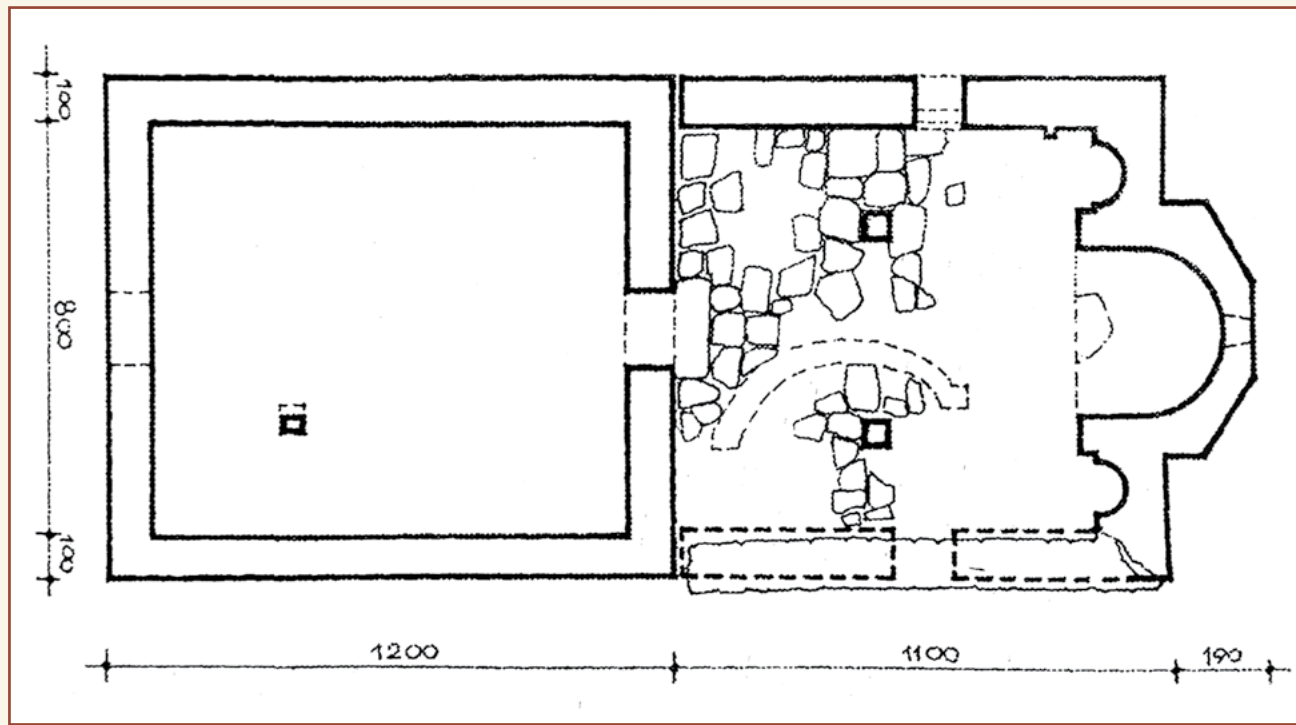
---

¹ Домбровский О. И., Сидоренко В. А. Солхат и Сурб-Хач. – С. 110–113.

² Там же.

го типа... характерные для резиденции светских феодалов»¹. Нужно отметить, что находившиеся вдали от поселений средневековые монастыри всегда представляли собой укрепленные резиденции, в данном случае уже не светских, а духовных феодалов. Таким был и монастырь Святого Степаноса^{2*}.

План монастыря Святого Степаноса по Ф. Бабаян (из книги: Бабаян Ф., Корхмазян Э. Монастырь Сурб Хач как центр армянской культуры в Крыму).

¹ Домбровский О. И., Сидоренко В. А. Солхат и Сурб-Хач. – С. 113.

^{2*} В 1993 и 1994 годах археологическим исследованием территории монастыря Святого Степаноса занималась Фрина Бабаян, которая обобщила результаты в нескольких работах, выпущенных в соавторстве с Эммой Корхмазян. Она сообщает об обнаруженных здесь двух хачкарах с армянскими надписями 1331 и 1381 годов, керамических сосудах, монетах и так далее. Ею были открыты также вымощенный каменными плитами пол церкви, две базы в центре её интерьера и прямоугольная в сечении колонна высотой 1,8 м, вытесанная из цельного блока. Наличие купола ей представляется сомнительным (см.: Бабаян Ф. С., Корхмазян Э. М. Археологические изыскания монастырей Сурб Хач и Сурб Степанос близ города Старый Крым // ИФЖ. – № 1. – Ереван: Изд. НАН РА, 1999. – С. 288–289; Бабаян Ф., Корхмазян Э. Армянские монастыри Сурб Хач и Св. Степаноса близ города Старый Крым. – Ереван: «Гитутюн», 2000; Бабаян Ф., Корхмазян Э. Монастырь Сурб Хач как центр армянской культуры в Крыму).

ГЛАВА 3.

Мемориальные сооружения

Своеобразными памятниками под открытым небом являются некрополи, появившиеся вскоре после обоснования армян на Крымском полуострове. В ранние времена таковые располагались возле армянских культовых сооружений, а позднее, в связи со значительным увеличением численности поселенцев, основывались в удалении от жилой застройки на специально отведённых для них местах. В качестве примера можно привести старое армянское кладбище в Бахчисарае, находящееся в конце улиц Пушкина и Базарной, а также старое армянское кладбище в Симферополе, которое расположено в окружении жилой застройки южной части города (на углу улиц Козлова и Русской) и расширено Братским кладбищем погибших в период войны 1941–1945 годов. Как правило, такие некрополи имели небольшие церкви, в которых отпевали усопших перед захоронением.

Некрополи, действовавшие при сельских церквях и внегородских монастырях, в большинстве случаев, устраивались в стороне от пути движения прихожан. Небольшое кладбище в селе Арпат, на котором захоронения производились до 1930-х годов, находилось с восточной стороны церкви, а при церкви Святого Саркиса в селе Топты – с северной и восточной сторон. В монастыре Святой Урпат в селе Топты погребения располагались также и с южной стороны, а в селе Шуры – со всех сторон церкви Святых Архангелов Гавриила и Михаила, кроме южной.

По описаниям М. Бжишкяна значительная часть огороженной высокими стенами территории загородного монастыря Святого Геворка в Феодосии была занята кладбищем¹. Многовековое прошлое этого некрополя подтвердилось исследованиями Н. Барсамова и А. Полканова, которые в 1920-х годах зафиксировали наличие в нём каменных надгробий крымских армян, показательных для средневекового периода².

**Надгробные плиты перед входом в церковь Иоанна Предтечи в Феодосии.
Армянская эпитафия 1560 года на одной из плит.**

В целях экономии площади захоронения располагались близко друг к другу и отмечались, как в Армении, надгробиями, имевшими форму лежащей прямоугольной плиты или саркофага. Плиты имели разную толщину, а иногда и ступенчатое основание. Поверхность их часто по периметру окаймлялась резной профилированной рамкой. Практиковались и рельефные геометрические фигуры, реже – армянские надписи вместе с изображением креста на лицевой поверхности. К древнейшим образцам относится надгробие с армянской надписью, выполненное из мраморного блока и экспонировавшееся в Отделе археологии Краеведческого музея в Феодосии³.

Богаче оформлялись памятники типа саркофага. Показательный пример – надгробие из некрополя города Старый Крым, имеющее форму завершённого полуциркульным верхом параллелепипеда из светло-охристого известняка. Это уникальный пример по своему декору. Продольные стороны украшены углублённого профиля фигурами хищников, обращённых к кресту в круге. Один торец акцентирован розеткой, другой – плетёнкой из растительных побегов. Выразительность изображений дополнялась местами сохранившейся красно-коричневой раскраской. Анализируя содержание армянской надписи, высеченной на полуциркульном верхе камня, А. Я. Каковкин отмечает, что она не только «моложе» других армянских надписей Крыма, но и ценна указанием в ней как года, так и месяца и числа: «Это место упокоения Георга, который / в отроческом возрасте представился ко Христу / в году 811 [= 1362], октября 12 <...>»⁴.

¹ Бжишкян М. Путешествие в Польшу. – С. 350.

² Барсамов Н., Полканов А. Феодосия. Прошлое города и археологические памятники. – С. 39.

³ Барсамов Н., Заболоцкий П. Путеводитель по Феодосийскому музею. – Феодосия, 1927. – С. 16.

⁴ Каковкин А. Я. Новый памятник армянской эпиграфики из Крыма // ИФЖ. – № 1. – Ереван: Изд. АН Армянской ССР, 1983. – С. 233.

Объёмная форма, близкая к саркофагу, придавалась и памятникам, воздвигавшимся над небольшими склепами, обнаруженными нами в 1986 году с восточной стороны церкви в селе Арпат. Принадлежавший, по-видимому, привилегированной особе склеп представлял собой выложенную из кирпича, заглублённую в землю сводчатую камеру, рассчитанную на одно захоронение. Западная сторона камеры, после помещения в неё гроба с телом усопшего, была замурована.

Мраморный хачкар 1698 года, изготовленный в память о писце и миниатюристе Никогайосе Цахкараре.

В ряду средневековых мемориальных памятников крымских армян широкое распространение имели хачкары – вертикально поставленные плиты с резным изображением процветшего креста на лицевой поверхности, не имеющие аналогов в мировом искусстве. В основном, хачкары посвящались памяти усопших, однако воздвигались и в ознаменование различных событий в жизни армян, например – по случаю постройки храма или иного сооружения, в память благотворительной деятельности и так далее.

Высекались почитательные надписи, в которых, в зависимости от назначения хачкара, упоминались усопшие, их здравствовавшие родственники, ктиторы, священники, строители, резчики и другие. Вокруг основного креста часто располагались более мелкие. Свободные участки плиты покрывались орнаментальной резьбой, в которой использовались мотивы средневековых армянских узорожий. Применялись геометрические плетёнки, стилизованные растительные узоры (виноградная лоза с гроздьями, гранат), а также изображения святых.

Сейчас трудно сказать, практиковалась ли поставка хачкаров в Крыму, как в Армении, отдельно от каких-либо сооружений, на более или менее высоких пьедесталах^{1*}. Сохранившиеся примеры свидетельствуют, что они, как правило, вставлялись на внутренних и внешних поверхностях стен различных культовых сооружений. Известны также случаи, когда хачкары вставлялись в крепостные стены на большой

высоте. Таковые существуют на стенах Судакской крепости. Существовали они и на внешних стенах Кафы. Так, М. Бжишкян, в начале XIX века обследовавший крепостные стены Армянской крепости в Кафе, зафиксировал наличие вмурованных в них хачкаров, надписи которых с датами 1413 и 1472 годов свидетельствовали о возведении отдельных участков стены на средства князей, священника Магакии, его родственника Петроса и других².

Но подавляющее большинство сохранившихся средневековых хачкаров вмонтировано в стены церквей, из которых следует упомянуть находящиеся в Феодосии церкви Святого Саркиса, Святого Иоанна Крестителя, Святого Геворка, Святых Архангелов Габриела и Микаела, расположенную в селе Топты церковь Святого Саркиса, находящийся в селе Бахчи-Эли храм Всеспасителя, надвратную церковь укрепления Фуны и так далее.

^{1*} По свидетельству М. Бжишкяна, большие хачкары (в человеческий рост) стояли у церкви Святого Воскресения, по соседству с оборонительной стеной. Бжишкян увидел лишь оставшиеся от них внушительного размера пьедесталы. Сами же хачкары были увезены в Санкт-Петербург и экспонировались «в Императорском саду» (Бжишкян М. Путешествие в Польшу. – С. 333–334, 348). Как уже говорилось, попытки обнаружить их в Санкт-Петербурге пока не увенчались успехом.

² Бжишкян М. Путешествие в Польшу. – С. 352–353.

Из перечисленных сооружений особенно показательна церковь Святого Саркиса в Феодосии, одной из достопримечательностей которой является наличие в ней, больше, чем в других церквях, хачкаров. Это послужило основанием для открытия здесь (11 сентября 1971 года) лапидария – филиала Краеведческого музея Феодосии. Общее число хачкаров, включая и перевезённые из музея, около 100 (40 из которых – на наружных стенах). Выполнены они в большинстве своём на мраморных или известняковых плитах. Датировка различная: с середины XIV века и до конца XVIII века.

Большинство хачкаров посвящено памяти скончавшихся родственников и духовных персон¹. Имеются хачкары со строительными надписями, например, представляющий особый интерес памятник, посвящённый строительству церкви Святых Архангелов в 1425 году. Здесь в верхней части плиты изображено три орнаментированных креста, а в нижней – семистрочная армянская надпись. В надписи небольшого, квадратного по форме (24x24 см) мраморного хачкара от 1439 года упоминается строитель храма «священник Саак, по прозвищу Пгхиндз [медник]», а также его родители Ширин и Мелик. Надпись на самом большом хачкаре (75x210 см), вытесанном из известняковой плиты, упоминает каменщика Азизбея, его детей и родителей. Хачкары выполнялись также на иных по форме камнях. В зависимости от декоративного предназначения встречаются трапециевидные плиты, а также плиты с закруглённым, стрельчатым или килевидным верхом.

Резьба хачкаров двухуровневая и трёхуровневая. Высота рельефа в пределах 8–10 мм. В большинстве сохранившихся примеров представлены проросшие рельефные кресты различной формы и размера – одиночные, парные или тройные – совмещённые с мелкими крестами, розетками, растительными побегам. В отличающемся чёткостью рисунка орнаментальном убранстве наиболее часто употребляемыми были распространённые в Армении плетёные жгуты, шестиконечные и восьмиконечные звёзды, розетки, растительные мотивы и так далее.

Интересен хачкар, посвящённый памяти известного художника-миниатюриста Никогайоса Цахкарара. Он вставлен в стену церкви Святого Саркиса в Феодосии изнутри. По сторонам креста изображены кипарисы и шестиконечные звёзды в кругах, выше стрельчатой арки – ангелы (лики и крылья, или крылатые головки), а по периметру плиты размещена надпись о выполнении хачкара «руками плодотворного Аветыка, по заказу Хани-

Хачкар слева от входа в церковь Святого Саркиса в Феодосии.

¹ **Кучук-Иоаннесов Хр.** Старинные армянские надписи и старинные рукописи в пределах Юго-западной Руси и в Крыму. – С. 35–37; **Гаврилова А. Н.** Хачкары из фондов Феодосийского краеведческого музея // Тезисы II Международного симпозиума по армянскому искусству. – Ереван: Изд. АН Армянской ССР, 1978. – С. 7–11.

пике»¹. Никогайос умер в 1693 году², а работа над хачкаром была завершена в 1698 году³. Надпись другого хачкара, аналогичной композиции и датировки (1698 год), кроме самого Никогайоса упоминает также членов его семьи, умерших во время эпидемии в 1686 году: супругу Зумрут, сыновей Минаса, Вардэреса, Петроса⁴. Только здесь надпись трёхстрочная, помещённая под крестом, и отсутствуют изображения ангелов, а периметр плиты по лицевой стороне обведён рельефным резным орнаментом.

Интересна композиция двух больших хачкаров, расположенных по сторонам от центрального входа в ту же церковь Святого Саркиса в Феодосии. Они выполнены из известняка и, в отличие от предшествующих, имеют глубокий рельеф. Выделяются роскошно орнаментированные большие кресты в центре композиции, многолопастные арки, охватывающие их верхние крылья, резные полушария на антрвольтах и так далее.

В стены церкви ставились также мемориальные плиты с различного рода сообщениями. Показательный пример – датированная 1888 годом литография о реконструкции церкви Святого Саркиса в Феодосии «стараниями верховного вардапета Хорена Степанэ, которому способствовали армянин профессор художеств Ованэс Айвазовский, подаривший [церкви] великолепные полотна и благочестивый армянский народ Феодосии». В надписи 1892 года вместе с Айвазовским упомянуты также жители Феодосии Л. Серебряков и Н. Берберян⁵.

**Старо-армянское кладбище в Симферополе.
Усыпальница Сеферянов (Сеферовых).**

Присоединение Крыма к России и распространение русского влияния существенным образом изменили художественную форму мемориальных памятников крымских армян. Вместо хачкаров стали практиковаться, особенно со второй половины XIX века, надгробия на ступенчатом основании, каковые сохранились на Армянском кладбище в Симферополе.

Надгробия П. И. Тополянца (1888 год) и Дж. М. Поповян (1894 год) выполнены в виде крестов на высоких, квадратных в плане постаментах со сложной профилировкой по низу и по

верху. В декоре постамента первого использованы сильно выступающие на каждой стороне трёхлопастные арочки, а в декоре второго – полукруглые углубления к низу. Верхнее и горизонтальные крылья креста на надгробии П. И. Тополянца имеют разветвления. У

¹ Гаврилова А. Н. Хачкары из фондов Феодосийского краеведческого музея. – С. 7–8.

² Геворкян А. Армянский миниатюрист XVII века Никогос Цахкарар. – С. 89, 91–92.

³ Гаврилова А. Н. Хачкары из фондов Феодосийского краеведческого музея. – С. 7–8.

⁴ Там же.

⁵ Григорян Гр. Новые данные об армянских эпиграфических надписях Крыма и Северного Кавказа. – С. 289.

надгробия Дж. Поповян крест не сохранился. Армянские эпитафии высечены на западных гранях постаментов. Такую же концепцию, но несколько иное исполнение имеют надгробные памятники Мазлумовых (Мазлумянов) на том же кладбище в Симферополе.

Иная композиция придана надгробиям братьев Овакима (1891 год) и Бедроса (1897) Сеферянов. Один решён в виде высокой тумбы, увенчанной бюстом покойного. Другой, видимо также некогда увенчанный бюстом, с двух противоположных сторон украшен полуциркульными арочными нишами с венком на тимпане. Надписи на армянском и русском языках содержат не только сведения о погребённых, но и о постройке на средства Овакима Сеферяна училища в Евпатории для девочек местных армян.

Надгробие (1898 года) Анны Егоровны Тавчиановой выполнено из белого мрамора в виде стоящей на

Старо-армянское кладбище в Симферополе. Надгробие Нуне Тер-Хачатурян-Тапанцян.

типа поминальных часовен. Хотя они и принадлежат к небольшим, квадратным в плане сооружениям, тем не менее композиционные особенности объёмов и орнаментально-го убранства придают им индивидуальные отличия. Судя по архитектурным деталям,

Старо-армянское кладбище в Симферополе. Надгробие Анны Тавчиановой.

полушарии женской фигуры, полагаем, изображающей усопшую. Покрытые накидкой длинные волосы и ниспадающее складками просторное одеяние подчёркивают её стройность и изящество. Пропорционально фигуре решён высокий, сложно профилированный пьедестал с арочками по верху. В отличие от других надгробий, надпись памятника выполнена только на русском языке.

К единичным примерам относятся мемориальные памятники

более ранней следует считать покрытую сферическим куполом безымянную часовню с единственным арочным входом, устроенным с юга. Остальные стороны акцентированы наличниками без оконных проёмов. Гладкие стены внизу имеют трёхступенчатое оформление, а наверху завершены тонким карнизом с сухариками. Он отделяет несколько громоздкий низ сооружения от сферического покрытия. Треугольные возвышения над карнизом, имитирующие фронтоны, с крестом поверху, акцентируют поперечные оси памятника.

Более изящные формы приданы мемориальному сооружению над погребением Нуне Тер-Хачатурян–Тапанцян, возведённому в 1898 году. Оно выполнено по типу четырёхстороннего балдахина. Дверной проём (с запада) и оконные проёмы (на остальных сторонах) завершаются спаренными арочками. Покрытие шатровое с фронтоном над входом, в центре которого помещён погрудный рельеф усопшей. Внешние углы устоев акцентированы мелкими, попарно расположенными по высоте колоннами разных стилей, разделёнными антаблементами и карнизами, что придаёт дробность внешнему убранству памятника.

Поминальная часовня Спендиаровых на Старо-армянском кладбище в Симферополе.

Оригинальна своей строгостью композиция некрополя рода Спендиаровых, построенного во второй половине XIX века. Она состоит из выложенной известковыми плитами платформы (10x5 м, при высоте 60 см), с восточной стороны которой поставлена невысокая каменная стена. На поперечной оси платформы расположена идущая от главной аллеи трёхступенчатая лестница, подводящая к четырёхстолпному на двухступенчатом возвышении балдахину – основному архитектурному акценту некрополя. Это относительно невысокое строение с тремя стрельчатыми проёмами, завершёнными поверху тонкими пологими карнизами кровельных скатов. Центр сооружения увенчивает низкий без проёмов 8-гранный барабан с шатровым покрытием. Восточную стену интерьера украшает покры-

тый тонкой двухплановой резьбой хачкар. С ним художественно согласована геометрическая резьба на импостах устоев, переходящая в завершающие стены орнаментированные ленты, архивольты проёмов и аналогичные обрамления под карнизом купола. Места пяти захоронений отмечены на платформе полукрытыми дёрном прямоугольниками, а сведения об усопших высечены углублённым шрифтом на поверхности стены.

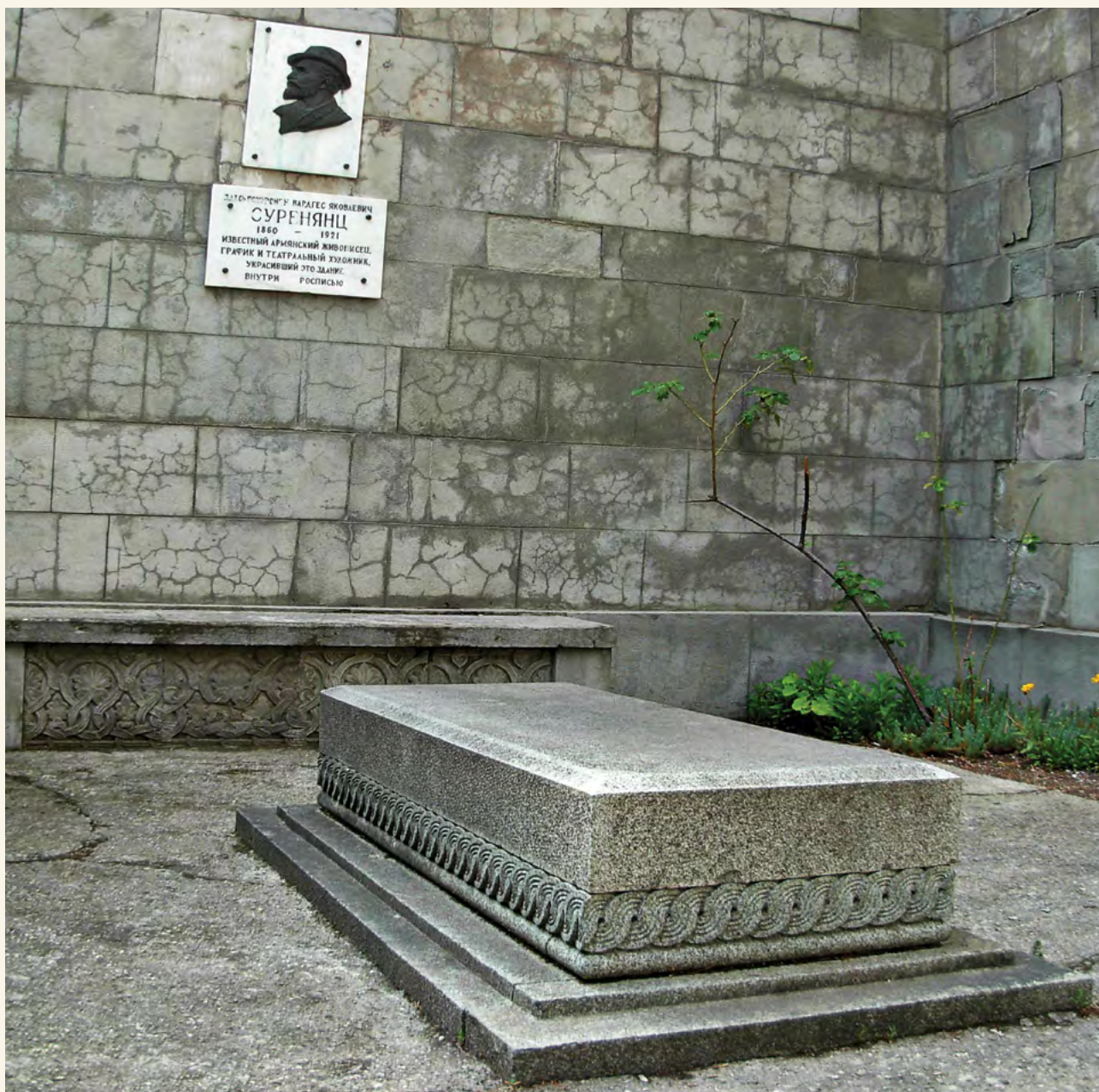

Надгробие на могиле И. К. Айвазовского в Феодосии.

Заслуживает внимания мемориальный памятник художника-мариниста И. К. Айвазовского из белого мрамора, выполненный в 1910 году итальянским скульптором Биоджолли. Он расположен на территории армянской церкви Святого Саркиса в Феодосии. Останки усопшего помещены в подземную камеру, над которой устроено трёхступенчатое возвышение, завершённое высоким каменным блоком с наклоном верхней поверхности к востоку. С западной стороны могилы, по границе с переулком Морским, поставлена архитектурно оформленная стена. Композиционно она состоит из трёх пролётов – среднего глухого с треугольным фронтоном и боковых с колоннами дорического ордера. Армянские и русские надписи высечены как на каменном блоке, так и на мраморных досках, установленных в центре стены.

Поскольку надгробие И. К. Айвазовского не имело изображения художника, городские власти Феодосии воздвигли ему бронзовый памятник перед его собственным домом, ныне – картинной галереей. Надпись на нём гласит: «Феодосия – Айвазовскому». Работа выполнена скульптором И. М. Гинцбургом в 1915 году, но памятник установлен в 1930 году. Автор изобразил живописца в рабочем халате и любимой им позе: сидящим перед мольбертом с очередной картиной. Работа завершена, о чём свидетельствует нахождение кисти в левой, держащей палитру руке. Откиннутая в сторону правая рука и улыбка на лице художника свидетельствуют о его большом удовлетворении очередным своим шедевром.

Надгробие на могиле В. Я. Суренянца в Ялте.

Более скромное оформление придано месту упокоения выдающегося армянского живописца Вардгеса Яковлевича Суренянца (1860–1921 годы). Он погребён на территории церкви Святой Рипсиме в Ялте, слева от входа в усыпальницу семьи Гукасян. Местоположение могилы определило его архитектурное решение. Над местом захоронения поставлена скромная прямоугольная плита с характерным армянским орнаментом понизу. У стены с запада имеется каменная скамья, а выше, на стене – две мраморные доски. На одной – бронзовый барельеф художника в профиль, а на другой – эпитафия на русском языке.

Таковы в кратком изложении основные художественные особенности практиковавшихся крымскими армянами мемориальных памятников, традиции периодов возведения которых нашли отражение в архитектурных формах и композициях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Победоносное завершение Советским Союзом Великой Отечественной войны 1941–1945 годов крымские армяне встретили в ссылке – в Сибири и союзных республиках Средней Азии. Вскоре к депортированному в 1944 году мирному населению присоединился и вернувшийся с фронта мужской контингент. В очередной раз свидетельствами былого присутствия армян на Крымском полуострове остались лишь возведённые ими культовые, жилые, производственные, инженерно-фортификационные сооружения. Часть их приобрела новых хозяев, другие, разрушившись, стёрлись из виду. Интерес к многовековым, самобытным и значимым постройкам крымских армян возрос с 60-х годов XX века. Их изучением и реставрацией стали заниматься сотрудники Укрпроектреставрации при участии специалистов из Армении. Совместная работа специалистов способствовала сохранению и популяризации выдающихся средневековых армянских произведений зодчества. Тем же целям служит и настоящая работа. В ней впервые сделана попытка максимально обобщить, классифицировать, объективно и комплексно рассмотреть архитектурно-строительное наследие крымских армян в свете выявленного за последние десятилетия архивного и полевого материала.

Многовековой процесс формирования культурного наследия армян в Крыму протекал в сложных исторических условиях. Многочисленные в XIV–XV веках, однако не стремившиеся к политическому господству, они благополучно уживались с титульными народами – татаро-монголами и итальянцами. До этого поддерживали добрососедские отношения с греками, а в позднейшей своей истории – с турками, татарами, русскими, а также проживавшими по соседству болгарами, немцами, караимами и другими. Крымские армяне стремились к мирной и созидательной жизни, но часто оказывались на арене военных действий, подвергались набегам, погромам и выселениям.

В армянских общинах Крыма эпохи средневековья большое развитие получили почти все основные виды ремёсел того времени, представители которых объединялись в цеховые организации. Значительную роль в жизни поселян играли строительные союзы. Как показывают дошедшие до нашего времени многочисленные культовые и фортификационные сооружения, армяне-каменщики в Крыму не утратили богатых навыков мастерства своих предшественников, которые веками складывались на родине. В новой для себя среде, живя рядом с народами различного культурного уровня и направления, они сохраняли высокий профессионализм прославленных зодчих прошлого, создавая в то же время новые архитектурные формы и конструкции, которые учитывали условия времени и запросы общины на данный конкретный момент. Показательным достижением является создание трёхнефных залов полусветского и светского назначения (притворы, залы трапезной) с арочно-сводчатым перекрытием и двумя свободно стоящими в центре устоями. Примечательно также, что во многих однонефных и крестово-купольных постройках культового назначения предпочтение отдавалось трёхапсидной композиции на восточной стороне.

Крымские армяне внесли весомый вклад в культуру народов полуострова. По нашему глубокому убеждению, именно благодаря им водоснабжение местных городов и сёл поднялось на совершенно иной уровень инженерного развития. Известен водовод, построенный армянским епископом в Кафе в начале XIV века. Наглядным же примером таких сооружений являются уникальные водоводные магистрали, которые обеспечивали питьевой водой армянские монастыри Крыма. Близкие к аналогичным сооружениям средневековой Армении, они включали в себя водоводную линию из глиняных труб, смотровые колодцы, родниковый павильон или фонтан. Еще более уникальны водотводные системы, строители которых стремились использовать каждую каплю воды,

исходящей из бассейна фонтана (санитарные нужды, обеспечение животных водой, полив садов и огородов).

Следует вспомнить также караван-сарай. По мнению А. Л. Якобсона форма и композиционные особенности грандиозного караван-сарая в Старом Крыму, фрагменты которого дошли до наших времён, были выработаны в Армении и широко распространены там. Видимо, не случайно караван-сарай Таш-хан в Карасубазаре в XIX веке принадлежал армянам, о чём сообщает путеводитель Бумбера. Скорее всего, они имели определённые права на это сооружение. Очевидно, такие постройки, глухие снаружи и «активизированные» в сторону внутреннего двора (с комнатами постояльцев, выходящими на деревянный балкон вокруг внутреннего двора), существовали также в Кафе и Судаке.

Генуэзцы высоко ценили мастерство армян как в возведении фортификационных сооружений, так и жилых и культовых построек. В частности, как уже говорилось, они считали целесообразным перенять опыт армян по исполнению кровельных покрытий из каменных плит. Сотрудничество крымских армян со сменявшимися генуэзцев турками и татарами в XVI–XVIII веках проявилось в назначении их на различные административные должности, например, на пост директора ханского монетного двора, посыльными султана в Москву и европейские страны.

Исследованиями А. Л. Якобсона, О. И. Домбровского и В. А. Сидоренко показано влияние армянского средневекового зодчества на мусульманские постройки Крыма. Особенно наглядно прослеживается это влияние в декоративном убранстве мусульманских зданий, куда оно проникло как прямым, так и опосредованным путём. Так, часто применяемая в армянской средневековой каменной пластике плетёнка из двух скрученных жгутов, развитая в различного типа узорочья, получила широкое распространение в мусульманских памятниках Малой Азии, зодчими которых чаще всего были мастера-армяне¹. Несколько укрупнившись, она оттуда проникла в средневековое зодчество Крыма, получив название «сельджукская цепь». То же самое можно сказать о таком распространённом и формообразующем мотиве как стилизованный трилистник. Широко применяемый в армянской архитектуре и декоративной пластике, он, несколько изменив концепцию назначения, проник в мусульманскую, в том числе крымскую архитектуру как «сталактитовый узор». Из растительных мотивов следует вспомнить также аканты и пальметты. Сплетённые между собой, окружённые пышной листвой и растительными побегами, они в весьма близкой трактовке использованы в резных порталах армянской церкви Иоанна Крестителя в Феодосии и мечети хана Узбека (1314 год) в Старом Крыму.

Присоединение Крыма к России направило развитие зодчества крымских армян в общее русло господствовавших в империи архитектурных направлений. Стилевые особенности русского классицизма и модерна, имевшие широкое распространение в городах центральной России, находили быстрый отклик в сооружениях армян на территории Крыма. Развитие и укрепление культурных связей армян с русскими влияли на строительство в целом – планировку, застройку, благоустройство, типологию и декор (орнамент, роспись). В архитектуре жилых, общественных и культовых зданий стали преобладать стилевые особенности течений, распространённых в России в XIX – начале XX веков. Примерами служат зажиточные дома армян Симферополя и Феодосии, церковь Святого Никогайоса в Евпатории, реконструированная церковь Святого Геворка в Феодосии, здания школ в Феодосии и Симферополе, надгробия армянского некрополя в Симферополе и так далее. Вместе с тем в этих постройках зримо проступают чер-

---

¹ Орбели И. А. Проблема сельджукского искусства // Иранское искусство и археология. Материалы III Международного конгресса по иранскому искусству и археологии. – М.-Л.: Изд. АН СССР, 1939. – С. 150–156.

ты национальной архитектурной школы. Переплетение традиций зодчества коренной Армении и армянских поселений в Крыму с русским классицизмом в его различных фазах и вариантах придаёт своеобразие произведениям крымских армян и архитектурному ландшафту Крыма в целом.

Памятники зодчества крымских армян – наглядное доказательство высокого мастерства народных строителей, сумевших выработать созвучные условиям эпохи композиционные и декоративные приёмы, основанные на многовековых традициях армянской культуры. Самостоятельные пути развития, прослеживаемые в объёмно-пространственных композициях рассмотренных зданий, в их деталях и архитектурном декоре, подтверждают способность армянского народа к самобытному мышлению в рамках заданных условий, в очередной раз подчёркивают стремление сохранять, приумножать и предъявлять в новом свете свои строительные и художественные возможности. Архитектурные памятники, введённые в научный оборот настоящей работой, расширяя представление об армянском зодчестве, составляют часть того вклада, который армянский народ внёс в общую сокровищницу мировой культуры.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Строительные традиции крымских армян

Армяне-поселенцы Крыма, как и других армянских переселенческих очагов, на первое время осуществляли свою строительную деятельность в соответствии с практиковавшимся в Армении опытом. Опыт, который сложился в течение веков и передавался из поколения в поколение. Вместе с тем им приходилось учитывать местные природные и климатические условия, особенности стройматериала, его количество и доступность. Это в определённой степени приближало сформированные вдали национальные строительные традиции к местным. Со временем этот процесс углублялся, отражая уже влияние культурного общения с проживавшими рядом народами, что проявлялось в архитектурных, конструктивных и художественных деталях.

Территория Крыма богата разнообразными строительными материалами, такими как осадочные породы, древесина, вяжущие и инертные породы. Вулканических пород, характерных для Армянского нагорья, здесь мало, что, конечно же, отразилось на технических и художественных показателях армянских построек.

СТРОИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Камень

Из распространённых на полуострове, особенно в горной его части, различных пород камня армяне предпочтение отдавали песчанику и мраморовидному известняку, в основном серого, реже – светло-жёлтого цветов. Обладающие однородностью и не имеющие пустот, эти породы легко добывались в неограниченном количестве и при необходимости позволяли извлечь блоки крупных размеров. В совершенстве используя характерные особенности известняка, крымские армяне применяли его во всех участках сооружений, начиная от фундамента и заканчивая кровельными покрытиями, заставляя работать не только на сжатие, но и на растяжение. Практиковался также диабаз, из которого делали облицовочные плиты, конструктивные и декоративные детали.

В большинстве построек практиковали грубо колотый мелкий камень, реже – плитняк, например, в монастыре Всеспасителя на окраине села Бахчи-Эли. Углы стен, обрамления проёмов, арки, своды, купола и кровельные плиты выполнялись из гладко тёсаных квадратов необходимых размеров. В технике совмещения буга (периметральные стены) и тёсаного камня (конструктивно-ответственные участки и декор) выполнены все средневековые постройки. В поздних сооружениях из тёсаного камня выполнены внешние поверхности некоторых культовых построек, таких монументальных и художественно выразительных церквей как Святой Рипсиме в Ялте и Святого Никогайоса в Евпатории.

Обработка лицевой поверхности камня производилась достаточно чисто. Как показало обследование камней памятников в Феодосии, Судаче, Ялте, Старом Крыму и в селе Тополёвка, для удаления следов металлических инструментов первичной обработки и получения гладкой поверхности армянские каменщики производили шлифовку. Она выполнялась на относительно мягких породах песчаника и известняка и осуществлялась в виде простой затирки камнем той же или более пористой породы. Получаемый в процессе затирки песок, набиваясь в поры породы, не препятствовал шлифовке и позволял значительно быстрее получать гладкую поверхность. Камни твёрдых пород не шлифовались. Об этом

наглядно свидетельствуют следы инструмента, видимые даже сегодня (спустя несколько столетий) на поверхности каменного блока со строительной надписью на западном фасаде церкви Святой Урпат в селе Тополёвка. Направление мелких борозд от ударов инструмента даёт возможность определить последовательность производства. Позднее применялись кирпичи русского образца, размерами 25–26x11 см и 5–12x5,5–6 см. Соотношение их сторон 1:2 и 1:3 имеет большое значение при кладке стен, так как позволяет соблюдать правила перевязки швов при любом положении кирпича. Такой кирпич иногда применялся и в участках небольших ремонтов, выполненных на средневековых армянских памятниках.

В сельском строительстве, по-видимому, практиковались сырцовые и глиняно-саманные кирпичи, однако определить в настоящее время степень их распространения затруднительно.

Лесоматериалы

Древесина ввиду меньшей долговечности не имела в строительстве крымских армян столь широкого распространения, как камень. По данным Эмиддио Дортелли д'Асколи, обширные территории Крымских гор были покрыты годными для строительных целей сосновыми, дубовыми и буковыми деревьями больших размеров. Он увидел «многочисленные следы громадных» брёвен в так называемых «пещерных» городах Крыма¹. Тем не менее, используемый армянами лес шёл на возведение рядовых строений и производство необходимого домашнего и ремесленного инвентаря. Позднее из дорогостоящих пород дерева изготавливали внутреннюю отделку монументальных гражданских и культовых зданий, например – парадного помещения дома епископа и интерьера церкви Святых Архангелов Габриела и Микаела в Феодосии.

Из-за отсутствия вещественного материала сложно сказать что-либо о рядовых столярных и плотницких работах прошлых времён. Интересны двустворчатые резные двери из орехового дерева XIV–XIX веков, а также капитель-подбалка из церкви Святого Саркиса в Феодосии. Последняя представляет собой квадратного сечения брус длиной более 2 м, противоположные концы которого, как в аналогичных деталях средневекового народного жилища Армении, украшены двумя чередующимися завитками. Лицевая поверхность заполнена двухстрочной армянской надписью 1532 года. Судя по сохранившимся примерам, соединение деревянных деталей осуществлялось шипами, различными врубками, иногда скреплёнными колышками из более крепких пород.

Металл

Металл в армянских постройках Крыма применялся в редких случаях, в основном в сочетании с деревом – замки, крючки, держатели, крепежи и так далее. Применение железных изделий получило широкое распространение после присоединения Крыма к России, когда металл начали получать из уральских заводов.

В начале XX века для укрепления сводов церквей бывшей Армянской крепости в Феодосии стали использоваться металлические затяжки. В церквях Святого Степаноса (Стефана) и Святого Иоанна Богослова они представлены пересекающими интерьер штангами (длиной 8,5 м, сечением 3,5x3,5 см), которые равномерно расположены на уровне основания свода и удерживаются наружными заклёпками.

Из кованого железа были сделаны также установленные в конце XIX века ажурные перила консольного балкона на западном фасаде монастыря Сурб Хач^{2*}.

¹ Даниленко В. Н. Жилые дома Херсонеса XIII–XIV вв. – С. 63.

² * Ажуром из чугуна декорирован фасад дома Х. Чирахова в Симферополе, обращённый в сторону улицы Кирова.

Растворы

Армянские зодчие при строительстве использовали различные растворы – земляные, известковые, бутобетонные, позднее цементные.

Земляной раствор показателен для армянских построек сельских поселений. Он готовился из местного грунта, а для усиления прочности добавлялся песок или глина, в зависимости от состава грунта. В некоторых случаях добавлялись также рубленые стебли хлебных злаков. В климатических условиях Крыма при однородности раствора и аккуратной работе сооружения могли сохраняться не один десяток лет, что доказываются дошедшими до нас в руинах, возведёнными «на грязи» жилыми домами Херсонеса зрелого средневековья.

Большие запасы мергеля в Крыму позволяли использовать его в качестве сырья для получения вяжущих материалов. Известковый раствор употреблялся, как правило, во всех более или менее капитальных сооружениях. Известь получали путём обжига имеющихся на месте углекислых известняковых пород (мрамора, мела, известковых камней) в специальных печах, возводимых вблизи сырья. Для получения раствора смешивали молотую негашеную известь с различными добавками – толчёной черепицей, посудными черепками, придававшими раствору повышающие его прочность гидравлические свойства. Такие добавки обнаружены в памятниках Судака, Бахчи-Эли и других мест¹.

Песок для раствора применялся разный, в зависимости от местонахождения стройки (в горах, вблизи рек или на морском побережье). Для бутовой кладки предпочтение отдавалось крупнозернистому песку, а для стен из штучного камня и кирпича – песку с зёрнами средней фракции. Для штукатурки использовали мелкозернистый песок.

В армянской церкви в Коктебеле, по-видимому, песок добывали вблизи места стройки, из выветрившейся горной породы. По своему составу он известковый, с угловатыми зёрнами разной крупности, что в определённой степени снижает качество приготовленного из него раствора. В постройках монастыря Сурб Хач, расположенного вблизи реки, применён речной песок из различных горных пород. Он более чистый, чем горный, хорошо промытый от глины, ила, с округлыми частицами. Песок с такими показателями предпочтителен для раствора, поскольку повышает прочность вяжущего составляющего. Морской песок, который использован в растворе памятников, расположенных вблизи побережья (в Феодосии, Коктебеле, Ялте, Евпатории), имеет сильно округлённые зёрна и от речного отличается содержанием обломков ракушек, измельчённых прибоем волн. Однако наличие в песке некоторого количества морской соли снижает качество раствора, почему такой песок перед употреблением промывается речной водой. Прочность раствора зависела не только от качества извести, но и от соотношения его с песком. Обычно таковое колебалось в пределах одной части извести и трёх частей песка, что было вполне достаточно для обеспечения конструктивной устойчивости относительно небольших построек.

Бутобетонный раствор, заполнявший двухлицевую кладку изнутри, имел широкое распространение в средневековой строительной практике армян как на родине², так и в переселенческих очагах, в том числе и в Крыму. Он состоял из трёх компонентов: извести, песка и щебня различной фракции. В отличие от употребляемой в современном строительстве стандартной щебёнки, в бутобетоне крымских памятников применялась и мелкая, и крупная фракция щебня, являвшаяся обыкновенным каменным боем, который получался из отходов при обработке каменных блоков.

Бутобетон изготовляли не отдельно, как раствор, а непосредственно на месте применения. Известны два способа его использования. Наиболее распространённым было за-

¹ Секиринский С. А., Волобуев О. В., Когоншвили К. К. Судакская крепость. – С. 25.

² Халпахчян О. Х. Строительные традиции народных мастеров Армении // АН. – № 3. – Москва: НИИ истории и теории архитектуры Академии архитектуры СССР, 1953. – С. 45–46.

полнение предназначенного пространства в стене на высоту ряда кладки щебёнкой, затем – жидким раствором. После затвердения таким же образом выполнялся следующий ряд. Другой способ заключался в том, что сперва наливался жидкий раствор, в который затем погружалась щебёнка на высоту, соответствующий ряду кладки.

Цементный раствор стал практиковаться только с XIX века. Его в основном применяли при выполнении конструктивно-ответственных участков и деталей – перемычек, большепролётных прогонов, сводов, оболочек, куполов и так далее.

Штукатурка

Наружные и внутренние поверхности стен, выполненные из грубо колотых камней, покрывали штукатуркой. Она служила не только защитой кладки от атмосферных явлений, но и улучшала художественный облик сооружения.

Штукатурка в большинстве случаев наносилась двумя слоями. Первым слоем, состоящим из молотой негашеной извести, смешанной с толчёными обломками черепицы и песком крупной или среднезернистой фракции, выравнивались неровности кладки стены, а вторым, с мелким песком, достигалась более гладкая поверхность. Такая штукатурка под воздействием атмосферных осадков с годами становилась всё более крепкой. В тех случаях, когда стена подготавливалась для фресковой росписи, раствор штукатурки состоял из чистой извести и хорошо просеянного песка мелкой фракции. Процентное соотношение извести и песка принималось в пределах 1:2,5–3.

Особенностью штукатурки храма Спасителя близ села Богатое является включение в её состав добавок в виде пуха птиц и шерсти животных, которые не только повышают прочность штукатурного раствора, но и предохраняют его от растрескивания. Особенна и штукатурка в интерьере. Она двухслойная, однако первый намет составлен из цементного раствора на известковом молоке, а второй – из чистого известняка. В отличие от них, штукатурка фасада церкви Святых Архангелов Габриела и Микаела в Феодосии включает в себя толчёную красную черепицу, что придаёт внешнему облику здания розоватый оттенок.

Строительные конструкции

Конструкции произведений зодчества крымских армян делятся по нескольким типовым системам, практиковавшимся на протяжении нескольких столетий по всей территории полуострова. Со временем, в зависимости от развития техники строительства и внедрения новых материалов, конструкции сооружений стали более сложными и разнообразными.

ФУНДАМЕНТЫ

Размер и тип фундамента зависели от заданных условий и объёма возводимого объекта. При скальном основании удалялся наносной слой, поверхность скалы выравнивалась, и в ней, при необходимости, устраивалась ступенчато расположенная подошва фундамента. Показательные примеры – возведённые на крутых рельефах крепостные стены Армянской крепости в Феодосии, церкви Двенадцати апостолов в Судаке и Святой Рипсиме в Ялте.

Глубина закладки фундамента зависела от прочности грунта. Так, в храме Спасителя близ села Богатое жёлтый суглинок с включением гравия позволил заложить фундамент всего лишь на глубину 0,5–0,6 м, что примерно на 0,3–0,4 м меньше, чем у большинства небольших армянских церквей Крыма.

Ширина фундамента принималась больше ширины цоколя на 5–7 см с каждой стороны. Такие выступы были вполне достаточны для обеспечения устойчивости сооружения и правильной разбивки цоколя.

Обычно фундаменты не выкладывались, а забучивались в приготовленные для них траншеи. Камень брался любой, имеющийся под рукой, различной породы и случайного размера. После укладки фундамент заливался раствором. Только в ответственных местах, например, в углах здания или его возвышающихся частях, применялись более или менее крупные, грубо колотые блоки.

ЦОКОЛИ

Цоколи оформляют видимое снаружи уширение в нижней части стены, которое необходимо для её защиты от атмосферных осадков и повышения устойчивости, особенно в сейсмических районах, каким является Крым. При высоком цоколе, как в храме Святой Рипсиме в Ялте или в церкви Двенадцати апостолов в Судакe внешняя поверхность цоколя делалась ступенчатой. Этим не только обеспечивалась передача нагрузки стены на большую площадь фундамента, но и повышалось впечатление монументальности сооружения.

В отличие от фундаментов, цоколи выполнялись по принципу стены. При небольшой высоте, как в церкви и притворе Святого Иоанна Крестителя в Феодосии и Святого Саркиса в селе Топты, она состояла из одного ряда кладки, оформленной на фасаде тесаными или грубо колотыми камнями. При большой высоте кладка велась рядами с соответствующей перевязкой швов по фасаду.

СТЕНЫ

Толщина и конструкция стен определялась их назначением и качеством материала. В средних по величине сооружениях она колебалась в пределах 0,8–1,0 м, в крепостных ограждениях, например, городских стенах Армянской крепости в Феодосии – местами до двух и более метров. В церкви Спасителя близ села Богатое, ввиду слабости применённого раствора, стены выполнены толщиной в 1,2 м. Мало того, для гибкости в толщу проложены деревянные связи.

Процесс возведения стен протекал следующим образом. Вначале с внешних сторон рядно устанавливались лицевые камни, пространство между которыми заполнялось бутобетоном. Высота внешнего и внутреннего рядов камней принималась одинаковой. При кладке из рваного камня, например, стены братского корпуса монастыря Сурб Хач, лицевые стороны камней выравнивались лёгкой подтёской, что указывает также на отсутствие штукатурного покрытия здания. В результате случайного сопряжения камней друг с другом образовывались различной конфигурации стыки и углубления, которые заполнялись раствором и мелким камнем. Такая техника придавала кладке оживлённость и живописность. Конструктивно ответственные участки (углы здания, арки, своды), оформления проёмов (архитравное и арочное), элементы декоративного украшения, а также венчающие карнизы выполнялись из тесаных блоков прочных пород, которые в то же время повышали художественную выразительность постройки. Получался определённый декоративный эффект – украшение шероховатых поверхностей стен гладкими включениями.

В стенах, возведённых из бутового камня на слабом известковом растворе, практиковались антисейсмические пояса. Подобный пояс осуществлён в трапезной монастыря Сурб Хач из деревянной обвязки сечением 20x20 см. Он проложен с внутренней стороны стены в интерьере, по верху оконных проёмов, для которых одновременно служит перемычкой.

В кладке стен монастырской церкви Спасителя близ села Богатое, выполненной из грубо тёсанных камней известняка, песчаника, диабазы и конгломерата, выравнивание горизонтальности рядов кладки осуществлено сланцем, а в известково-песчаный раствор внешних поверхностей стен вставлены мелкие куски щебня и гравий. Оригинально решена внешняя поверхность алтарной апсиды церкви монастыря Святой Урпат в селе Тополёвка. Примерно на середине высоты апсиды помещены крупные блоки, образующие широкий пояс из чисто тёсанных квадров, контрастирующий с фактурой кладки из мелких камней.

Кладка из геометрически правильных блоков производилась так же, как и в Армении. После обработки лицевых поверхностей блоки отёсывались по краям под прямым углом на глубину 2–3 см. Задняя поверхность просто окальвалась. Пригонка камней друг к другу производилась тщательно, что исключало возможность неравномерной осадки и появления трещин. Швы между камнями не заполнялись раствором, в связи с чем поверхность стены получалась гладкой, с тонкими линиями швов. После установки блоков, во избежание затёков по наружной поверхности стены швы с внутренней стороны замазывались густым раствором. После этого внутрстенное пространство заполнялось бетоном.

Ряды каменной кладки выкладывались относительно горизонтально. Перевязка швов по вертикали соблюдалась довольно точно. Редко можно отметить на поверхности стены швы двух смежных рядов, расположенных близко к одной вертикали. Известные в памятниках Армении наклонные и зубчатые швы, служившие не только для правильного распределения нагрузки от бокового давления на камень, но также и для большей его устойчивости в конструктивно ответственных местах сооружений, на памятниках крымских армян нами не обнаружены.

ОПОРЫ

Учитывая относительную слабость несущих перекрытие свободно стоящих опор, армяне-строители, как в Армении, так и в Крыму, старались максимально ограничить их применение. В массовом строительстве такие опоры выполнялись из дерева, что вполне допускали приходящиеся на них нагрузки. Сложнее обстояло с монументальными зданиями. Учитывая сейсмическую неблагонадёжность колонн, их применяли в единичных случаях. К таковым относится притвор церкви Святого Иоанна Богослова в Феодосии, выполненный по типу четырёхстолпных конструкций Армении. Перекрытие этого сооружения не сохранилось. Не сохранились и несущие перекрытие колонны. Но о последних можно судить по базам, высеченным из цельных каменных блоков. Полагаем, что колонны имели толстые, небольшой высоты круглые или многогранные фусты, подобные колоннам притворов Армении¹.

В армянских памятниках Крыма широкое распространение получили опоры, выполнявшиеся по принципу стен. В плане они имеют прямоугольную конфигурацию небольших размеров (в притворе и залах трапезной монастыря Сурб Хач – 60x100 см, в притворе церкви Иоанна Крестителя в Феодосии – 60x60 см). Такие опоры выполнялись из правильно колотых и чисто тёсанных каменных блоков, часто покрытых резными крестами и надписями.

Нагрузка от сводчатых перекрытий, приходящаяся на такие опоры, посредством симметрично расположенных подпружных арок передавалась вертикально, чем обеспечивалась устойчивость конструкции, даже при сейсмических колебаниях.

---

¹ Мнацаканян С. Х. Архитектура армянских притворов. – Ереван, 1952. – С. 45, 49, 55, 61, 63, 68, 94, 97 и др.

ПРОЁМЫ

Практиковавшиеся крымскими армянами оконные и дверные проёмы отличались друг от друга как по размерам, так и по очертанию. Кроме прямоугольных проёмов применялись такие, которые завершаются полуциркульным, стрельчатым или килевидным верхом. В большинстве капитальных построек проёмы обрамлялись крупными камнями. Мелкие окна пролётом от 10 до 20 см просто вырубались в одном или двух блоках. Для проёмов шириной до 40–50 см характерны обрамления из мелких блоков, отличающихся от кладки цветом и тёской. Практиковались также перемычки. В армянской церкви в Коктебеле полуциркульный верх оконного проёма был высечен в перемычке.

Практиковались и усложнённые завершения проёмов, повышающие их художественную выразительность. Рассмотрим наиболее интересные из них.

В этом ряду в первую очередь следует упомянуть узкие снаружи окна, которые в сторону интерьера расширяются под углом. Некоторые из них, к примеру, в церкви монастыря Сурб Хач, снаружи имеют прямоугольную, а изнутри арочную конфигурацию. Чёткую форму имеют прямоугольные окна южного фасада притвора монастыря Сурб Хач. Проёмы здесь не только выполнены из крупных блоков, но и обведены двумя углублёнными в толщу стены уступами, что зрительно увеличивает их размеры, особенно при хорошем солнечном освещении, образующем на них чёткие тяги прозрачных теней. Аналогичное решение имеют и полуциркульные окна на барабане купола церкви Святой Рипсиме в Ялте. Однако здесь уступы не только более глубоки и широки, но и покрыты резным орнаментом, обогащающим художественное оформление купола.

В церкви монастыря Спасителя на окраине села Богатое перекрытие входа со стороны южного фасада оформлено как прямая перемычка из одного камня, непосредственно над которой расположена разгрузочная полуциркульная арка, образующая небольшой люнет. С внутренней стороны устроена такая же арка, пяты которой лежат на уровне верха проёма. Таким образом, в действительности всю нагрузку вышележащей стены воспринимают арки, а не архитрав. В данном случае перемычка играет чисто декоративную роль и горизонтальный верх проёма необходим, в основном, для более удобной прямоугольной формы дверной рамы и переплёттов.

Оригинальная форма придана перемычкам лучкового очертания, венчающим дверные проёмы построек монастыря Сурб Хач. На восточном фасаде трапезной они состоят из трёх клинчатых камней, соприкасающиеся грани которых не прямые, а с выступами полукруглого очертания, которые входят в соответствующей формы углубления на соседних камнях. Такую же конструкцию имеет перемычка южного дверного проёма притвора. А вот западные дверные проёмы притвора и церкви имеют аналогичную конструкцию перемычки, состоящую из пяти клиньев. Полукруглые выступы клиньев, значительно усложнившие процесс их тёски, выполняют не только художественное значение. Они призваны предохранять перемычку от быстрого разрушения, предотвратить выпадение клиньев при их расхождении.

Практиковался также своеобразный приём конструирования арочного завершения проёма, несомненно рассчитанный на сейсмическую устойчивость. Арка проёма в монастыре Сурб Хач, ведущего из коридора перед привратницей в парадный двор, опирается не на стены, а на выступающие из них консоли. Пролёт стрельчатой арки из четырёх клиньев больше, нежели расстояние между консолями, что при расхождении стен позволит арке скользить по консоли и сохранить устойчивость.

Архитравные перекрытия дверных проёмов шириной более одного метра, например, церкви Святого Иоанна Богослова в Феодосии, выполнены из крупных блоков с вырезом в нижней части. Выше архитрава размещена ниша с полуциркульным или стрельчатым верхом. Как правило, это подобие люнета, но без просвета. Обод, обрамляющий нишу, частично выступает за пределы фасадной плоскости.

Интересно перекрытие проёма, ведущего из парадного двора во двор братского корпуса в монастыре Сурб Хач. Архитрав здесь имеет вырез в нижней части, по углам которой устроены выступы в форме каблучка. Толщина архитрава меньше ширины стены, почему с его тыльной стороны устроена лучковая арка из двух лекальных плит и замкового камня.

Позднее, в конце XIX – начале XX веков, стали практиковаться прямые перемычки из тёсаных штучных камней. Таковые, состоящие из пяти или семи клиньев, увенчивали широкие окна надстройки трапезной в монастыре Сурб Хач.

Большепролётные проёмы перекрывались арками, форма которых в большинстве случаев была стрельчатой, реже – полуциркульной и, как исключение, несколько пологой. Кривизна пологой арки составлялась из трёх центров: двух расположенных на отметке низа арки, ближе к кривой, и третьей – на её вертикальной оси, проходящей через точки пересечения радиусов боковых кривых. Стрельчатые арки описывались из двух, а в зависимости от композиционно-конструктивных особенностей помещения (в случае повышенной заострённости вершины) – из четырёх центров. Расстояние между центрами принималось от одной пятой до одной седьмой размера пролёта кривой.

Ширина большепролётных арок не превышала 8 м. Такие, возведённые по кружалам арки встречаются в церкви Святой Рипсиме в Ялте. В храме монастыря Спасителя на окраине села Богатое пролёт арок несколько меньше – 5 м. В отличие от арок памятников коренной Армении, в Крыму они выкладывались не с отступом от лицевой поверхности стены, а по всей её толщине.

СВОДЫ

Своды перекрытий небольших по размерам пролётов выполнялись с тщательностью. Лицевые камни представляли собой либо чисто тёсанные, либо колотые квадраты. Однако, по толщине камни брались небольшие – не блоки, а плиты. Грани отёсывались перпендикулярно к образующей кривой свода. Интерес представляет отёска горизонтальных граней некоторых рядов свода основного помещения церкви Святых Архангелов Габриэла и Микаела в Феодосии, которые, как в куполе главного храма монастыря Ованаванка (1215–1221 годы), затёсаны не под прямым углом как обычно, а примерно под углом в 80° для нижних и 110° для верхних граней. Это отступление от общераспространённого приёма отёски боковых граней камней свода было сделано, по нашему мнению, исключительно для облегчения процесса производства строительных работ. При такой форме стыка его наклон в обратную от центральной оси свода сторону препятствовал соскальзыванию камней верхнего выкладываемого ряда внутрь свода.

Кладка сводов производилась насухо и, судя по направлению главных швов, велась горизонтальными рядами, параллельными продольной оси свода. При соблюдении правильного чередования швов это увязывало в единое целое всю конструкцию, заставляя её работать не отдельными отрезками-арками, а полностью всей поверхностью. При такой конструкции надобность в усилении сводов подпружными арками была необязательна даже для сводов значительной протяжённости. Необходимость устройства подпружных арок определялась как эстетическими соображениями, так и в основном чисто производственным процессом строительных работ, поскольку, в целях экономии лесоматериала для опалубки, своды выкладывались небольшими отрезками, размеры которых определялись расстоянием подпружных арок друг от друга.

Окончание сводов в торцах осуществлялось двумя способами: прямой стеной, иногда с примыкающей к ней подпружной аркой на пилястрах или консолях, и полукружием апсиды (выступающей за пределы основного прямоугольного плана здания или в него вписанной). Конхи апсид, сферические паруса переходов от подкупольного квадрата к круглому основанию барабана купола и покрытие купола выполнялись аналогично свод-

чатым покрытиям. Размеры камней обычные, в пределах до 40 см по сторонам лицевой поверхности, при толщине 10–15 см. Кладка велась насухо, стыки пригонялись аккуратно, в особенности горизонтальные, отёска граней производилась по всему периметру лицевой поверхности камня и на глубину до 6–8 см по направлению перпендикулярному к образующей кривой. Кладка выполнялась горизонтальными рядами-кольцами. Причём, без полного устройства нижнего ряда, вышележащий не выкладывался. Это позволяло обходиться кружалами облегчённого типа, а при небольших пролётах – и без таковых. Расположенные на сферической поверхности замковые камни, имеющие в конхах форму полукруга, а в куполах – круга, исходя из производственных соображений, выполнялись из камней больших размеров.

В крестовых покрытиях памятников крымских армян практиковались гурты, имевшие как архитектурное, так и конструктивное значение. Таковые имеются в трансепте церкви Святых Архангелов Габриела и Микаела в Феодосии, в крестильне церкви Святого Саркиса в Феодосии, в центральной части перекрытия церкви Спасителя в селе Богатое, а также в келье настоятеля в братском корпусе монастыря Сурб Хач. Пары перекрещивающихся арочных гуртов (рёбер, нервюр) повышают художественную выразительность интерьера в указанных памятниках и распределяют нагрузку от перекрытия. Мало того, в своё время они облегчали выполнение крестового перекрытия, так как служили основой его каркасной сетки.

В отличие от каменных покрытий монументальных зданий перекрытия жилых и хозяйственных построек возводились значительно проще. В большинстве случаев они выполнялись по деревянным балкам. Потолки подшивались чисто оструганными или полужесткими досками с последующей штукатуркой. Для утепления помещений над балками или в их толще, поверх настила, укладывался кизяк, который после затирался тонким слоем смеси из того же навоза с добавлением жёлтой глины.

Кровля сельских построек делалась плоской, глиняно-саманной. В городских поселениях практиковались тёсовые кровли, однако ввиду опасности в пожарном отношении их вскоре заменили черепичными. Красная черепица, плоской и желобчатой формы, укладывалась по рейкам и сплошной обрешётке. Свесы кровель имели не менее 50 см выноса, достаточного для защиты стен от дождевой воды.

Капитальные сооружения покрывались каменными плитами. Их видим не только в кровлях культовых зданий, но и в оборонительных укреплениях, в частности на башнях. Преимущество каменных покрытий было столь очевидным, что их переняли и генуэзцы в Кафе. В этом отношении показательно письмо 1468 года, адресованное префектом Банка Святого Георгия консулу Кафы Джентиле Камилле. В нём он одобряет предложение архитекторов Кафы покрыть городскую цистерну каменной кровлей, наподобие армянских церквей, «чтобы в случае дождя увеличить в водоёме запас воды»¹.

Кровли культовых памятников крымских армян были разные. Односкатное покрытие имеет дозорная башня монастыря Сурб Хач, двускатное – вытянутые в длину постройки, такие как однефные церкви и притворы, а шатровое – купола и звонницы церквей. Материал кровельных покрытий – камень, относительно плотный, влагостойчивый, обработанный в виде плит. Толщина небольшая, в пределах 8–10 см, допускающая устройство потайных швов, предохраняющих от просачивания влаги в стыки плит. Плиты каменной черепицы укладывались непосредственно на забутовку, обычно бетонную, а в церкви монастыря Спасителя в селе Богатое – на засыпку землёй, заполнявшей пространство между кровлей и внутренним сводчатым покрытием. Для облегчения веса забутовки в него помещали пустотелые объёмы, роль которых выполняли различные по форме и по размеру обожжённые глиняные кувшины, называемые армянами «кужами» и «карасами». По сведению П. К. Тыглиянца, большой карас, в лежащем положении, был обнаружен в забутовке перекрытия церкви монастыря Спасителя близ села Богатое. Длина караса – 1 м, диаметр 0,65 м.

¹ Колли П. Л. Кафа в период владения ею Банком св. Георгия. – С. 82.

Наиболее простую конструкцию имеют кровельные плиты в той же церкви монастыря Спасителя близ села Богатое. Размеры плит, вытесанных по единому шаблону, значительные: 59x159 см. Внушительный их вес при установке на место требовал усилий двух мастеров. Плиты с одной стороны имеют близко расположенные к продольным краям прямоугольные бороздки. Укладкой одной плиты бороздками вверх, а соседних с ней – вниз, образовывается плотное соединение плитовой поверхности в единое целое. Соприкасание плит в поперечных швах производится посредством четверти, скрытой в толще плиты. Таким образом, на поверхности ската кровли получают выступы и углубления, направляющие сток влаги вниз, по всей его ширине.

Иная форма придана кровельным плитам церкви Святого Иоанна Богослова в Феодосии. На продольных сторонах они имеют возвышающиеся гребни прямоугольного сечения: с одной стороны – узкий, с другой – широкий с внутренним пазом для узкого гребня соседней плиты. Поперечные швы выполнены в виде скрытой в толще плиты четверти. После сборки плит получалось разделение поверхности ската на гребни и углубления между ними, по которым влага стекала вниз. Изготовление таких плит требовало не только камня большей толщины, но и трудоёмкой работы.

Сложная форма придана кровельным плитам церкви и притвора монастыря Сурб Хач, установленным в начале 1970-х. Они двух видов – узкого и широкого. Внешняя поверхность широких плит состоит из двух пологих треугольных углублений. Поверхность узких плит имеет гребни с двумя четвертями в нижней части и двускатными поверхностями в верхней. Вначале были уложены широкие плиты с отступом друг от друга. В отступы были вставлены узкие с гребнем. Стыковка плит с гребнем осуществлялась выполнявшимися в разбежку скрытыми четвертями. Поверхность кровли получилась не гладкой, а с углублениями, придающими ей оживлённость. С гребней дождевая вода сливалась в углубления широких плит, по которым стекала вниз.

Аналогичная конструкция кровельных плит осуществлена в церкви Святых Архангелов Габриела и Микаела в Феодосии. Судя по сохранившимся фрагментам, покрытие церкви Святого Степаноса в Феодосии также имело гребни с двускатным очертанием верха. Располагавшиеся же между ними плиты были не гладкие, а с углублениями, как в плитах монастыря Сурб Хач, только не с двумя, а с одним по середине.

В скатных кровлях направление гребней принималось параллельно уклону покрытия. Начинаясь у конька, они доходили до конца ската, где просто обрывались. Дождевая вода стекала по площади между гребнями и, так как никаких водосточных желобов не устраивалось, просто переливалась за край вдоль всего ската^{1*}. Коньковые камни изготавливались с потайными четвертями, которыми соединялись как между собой, так и в углах основания.

Шатровые покрытия церковных куполов и звонниц не имели гребней даже на рёбрах граней. Они выполнялись из разной величины и формы плит, соединявшихся потайными четвертями. К редким примерам относятся каменные покрытия звонницы церкви Святых Архангелов Габриела и Микаела в Феодосии, а также купола церкви Святой Рипсиме в Ялте.

После присоединения полуострова к Российской империи подавляющее большинство церковных куполов получили сферические покрытия, выполненные из металлических листов.

Прогрессивные особенности армянских строительных традиций, не потерявшие своего значения на территории Крыма, являются частью того вклада, который внёс армянский народ в мировое культурное наследие.

---

^{1*} В этой связи следует уточнить, что при восстановлении кровли церкви монастыря Сурб Хач были обнаружены фрагменты со старыми каменными плитами кровли и выполненные из цельного камня водостоки. Последние установлены на своих местах, по краю скатов. Что касается означенных фрагментов, то они оставлены под новой каменной кровлей, установленной в 2016–2017 годах.

Именной указатель архитекторов, инженеров-строителей, скульпторов, художников и деятелей науки и культуры

Армянское наследие в Крыму – результат многовековой творческой деятельности неизвестных или малоизвестных средневековых зодчих, мастеров-строителей, резчиков по камню и дереву, художников-монументалистов, миниатюристов, каллиграфов, историков, ученых, поэтов. В XIX–XX веках сложившиеся славные традиции продолжили многоталантливые выпускники авторитетных высших учебных заведений России, Европы, Советского Союза. Перечислить всех, так или иначе сопричастных богатой истории и многогранной культурной деятельности крымских армян, невозможно. Тем не менее, сведения о некоторых из них, впервые каталогизированные здесь, заслуживают определённого внимания.

АВДЕЕВ Алексей Александрович (13.03.1819 г. – 18.03.1885 г.). Видный российский архитектор. В 1871 году удостоен звания академика архитектуры. К числу наиболее значимых его работ, осуществлённых в Крыму, относятся переработка проекта и возведение Владимирского собора в Севастополе, а также проект Покровской церкви в Нижней Ореанде.

Литература: Юбилейный справочник Императорской Академии художеств (1764–1914 гг.) / Сост. Кондаков С. Н. – Т. 2. – Петроград: Тов-во Р. Голике и А. Вильборг, 1915. – 461 с.

АЙБАБИНА Елена Акимовна (16.06.1947 г., Феодосия). В 1971 году окончила исторический факультет Кубанского государственного университета в Краснодаре. Историк. В область научных интересов входят средневековая история, археология и культура Крыма, в частности генуэзской Кафы. Изучала ряд архитектурных памятников, в том числе армянских. Результаты исследований нашли отражение в многочисленных статьях и докладах, использованных в настоящей монографии^{1*}.

Сочинения: Айбабина Е. А. Оборонительные сооружения Каффы (по материалам археологических раскопок) // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. – Киев: Наукова думка, 1988. – С. 67–81; Айбабина Е. А. Плиты с рельефами из раскопок церкви Иоанна Предтечи в Феодосии // «Лрабер» (ВОН). – № 6. – Ереван: Изд. АН Арм. ССР, 1981. – С. 86–92.

АЙВАЗОВСКИЙ (АЙВАЗЯН, ГАЙВАЗОВСКИЙ) Габриел Константинович (10.05.1812 г., Феодосия – 8.04.1880 г., Тифлис). Старший брат художника И. К. Айвазовского. Выдающийся педагог, историк, переводчик (знал 12 языков) и церковный деятель. Учился у армяно-католических монахов конгрегации Мхитаристов в Венеции. Получив звание профессора в 1837 году, начал преподавать восточные языки в семинарии конгрегации, затем – в лицее Мурадян в Париже. В 1855 году в Париже основал журнал «Голубь Масиса». Впоследствии отказался от католичества и вернулся в лоно Армянской Апостольской церкви.

Назначенный в 1858 году на пост главы епархии Нахичевана-Бессарабии Армянской церкви, перенёс епархиальный престол из Кишинёва в родную Феодосию. Сюда же он перенёс издание журнала «Голубь Масиса» (издавался до 1865 года). В 1858 году основал

---

^{1*} Результаты своих исследований Е. А. Айбабина обобщила в кандидатской диссертации, на основании которой выпустила монографию «Декоративная каменная резьба Каффы XIV–XVIII веков». – Симферополь: Сонат, 2001. – 276 с.

Халибовское училище в Феодосии (действовало до 1871 года) и типографию при ней. Оставил пост ректора Халибовского училища в 1865 году, а главы епархии – в 1867 году. С 1867 года – епископ, с 1871 – архиепископ. В 1874–1876 годах – инспектор семинарии Геворкян в Эчмиадзине. В 1876–1880 годах – глава Имеретинской епархии Армянской церкви.

Литература: АСЭ. – Т. 1. – Ереван: Изд. АСЭ, 1974. – С. 349 (на арм. яз.); **Микаелян В. А.** *История крымских армян.* – Ереван: Айастан, 1989 (на арм. яз.). – С. 302–336.

АЙВАЗОВСКИЙ (АЙВАЗЯН, ГАЙВАЗОВСКИЙ) Иван Константинович (17.07.1817 г., Феодосия – 19.04.1900 г., Феодосия). Всемирно известный художник-маринист. В 1833–1837 годах учился в Императорской Академии художеств в Санкт-Петербурге у М. Н. Воробьева и французского живописца-мариниста Ф. Таннера. В 1845 году вернулся в Феодосию, где жил до самой смерти. С 1845 года – академик, с 1847 года – профессор, а с 1867 года – почётный член Императорской Академии художеств. Член ряда европейских академий (Рима, Флоренции, Штутгарта и других). Создал около 6000 картин, рисунков и акварельных работ. Уже с 1840-х годов завоевал мировую известность. На собственные средства провёл в Феодосию водопровод, построил несколько фонтанов, спроектировал здания Музея древностей и железнодорожного вокзала. Построил двухэтажный особняк с выставочными залами, в которых демонстрировал свои полотна. Картинная галерея И. К. Айвазовского стала первой периферийной галереей в России.

Литература: [Кузьмин Н. Н.] *И. К. Айвазовский и его произведения.* – СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1901. – 122 с. + 18 л. илл.; **Барсамов Н. С.** *Иван Константинович Айвазовский.* – Симферополь: Крымиздат, 1950. – 187 с.; АСЭ. – Т. 1. – Ереван: Изд. АСЭ, 1974. – С. 350 (на арм. яз.).

БАРАНОВ Игорь Авенирович (5.02.1946 г., Симферополь)^{1*}. Известный крымский историк и археолог. В 1970 году окончил исторический факультет Одесского государственного университета им. И. И. Мечникова, получив специальность историка. С 1977 года кандидат исторических наук, с 1994 года – доктор исторических наук. В 1990 году в Киеве выпустил монографию «Таврика в эпоху раннего средневековья: салтово-маяцкая культура». С 1977 года – руководитель Судакской археологической экспедицией. И. А. Барановым изучено большинство фортификационных, культовых, жилых и ремесленных сооружений города и его окрестностей. В ряде научных исследований освещены памятники армянского зодчества, в их числе – храм на территории ордынского ремесленного квартала и ювелирная мастерская на участке главных городских ворот.

Сочинения: **Баранов И. А.** *Судакская «капелла». Датировка и атрибуция // V Республиканская научная конференция по проблемам культуры и искусства Армении. Тезисы докладов.* – Ереван: Изд. АН Армянской ССР, 1982. – С. 275–279; **Баранов И. А.** *Таврика в эпоху раннего средневековья: салтово-маяцкая культура.* – Киев: Наукова думка, 1990. – 168 с.

БЖИШКЯН Минас Манукович (15.10.1777 г., Трапезунд – 26.11.1851 г., Венеция). Известный историк, филолог, музыковед, педагог, учёный. Монах из армяно-католической конгрегации Мхитаристов в Венеции, который в 20-х годах XIX века был назначен на службу в Крым. До 1845 года являлся духовным предстоятелем армян-католиков на полуострове. Автор выдающихся произведений по филологии, музыке, истории и этнографии. Венцом творчества М. Бжишкяна стал фундаментальный труд «Путешествие в Польшу», вышедший в свет в 1830 году. В нём автор приводит ценнейшие сведения по географии увиденных мест, памятникам архитектуры и эпиграфики, обращается к истории и этнографии населявших их народов, однако основную свою задачу видит в том, что-

^{1*} И. А. Баранова не стало в 2001 году.

бы подробно ознакомить читателя с прошлым и настоящим армянских колоний польских земель, Центральной Европы и стран Причерноморья.

Литература: *Саргсян Т. Э. Минас Бжишкян и его сведения об армянах Львова // Международная научно-практическая конференция «Армяно-белорусские историко-культурные отношения. Традиции и современность. Минск, 21–22 мая 2015 г.». – Москва: Изд. «Ключ-С», 2019. – С. 60–89.

Сочинения: Бжишкян М. Путешествие в Польшу и другие места, обитаемые армянами, произошедшими от предков из города Ани. – Венеция: Тип. монастыря Святого Лазаря, 1830. – 424 с. (на арм. яз.).

ВОРОНИН Юрий Сергеевич (18.01.1946 г., Краснодар)^{1*}. В 1968 году окончил исторический факультет Симферопольского государственного университета. Историк. В 1970–1991 годах – начальник Инспекции по охране памятников Отдела по делам строительства и архитектуры Крымоблисполкома (Симферополь). Автор научных работ по археологии Юго-западного Крыма. Руководитель авторской группы свода памятников истории и культуры Крыма по разделу «Архитектура». Участвовал в исследованиях и реставрации памятников архитектуры, в их числе – армянских храмов и монастырей в Феодосии, Старом Крыму, Ялте.

Сочинения: *Воронин Ю. С., Сычев В. В. Армянские памятники Крыма. Архитектура / Каталог-справочник на CD. – Симферополь, 1998. – 43 с.; *Воронин Ю. С., Майко В. В., Кутайсов В. А. Археологические раскопки Сюйреньского укрепления 1978–79 гг. Раскоп I // История и археология Крыма. – Т. I. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2014. – С. 458–479.

Литература: Захаров В. А. Памяти Ю. С. Воронина (Переписка из архива Ю. С. Воронина) // Сугдейский сборник. – Вып. IV. – Киев–Судак: Горобеи, 2010. – С. 618–628.

ГРИГОР. Строитель, живший в конце XVII – начале XVIII веков. Вместе с каменщиком Тонаканом участвовал в восстановлении церкви Святой Урпат (Пятницы, Параскевы) в селе Топты в 1702 году.

Литература: Григорян Гр. Новые данные об армянских эпиграфических надписях Крыма и Северного Кавказа // ИФЖ. – № 3. – Ереван: Изд. АН Арм. ССР, 1970. – С. 239.

ДОДОХЯН Геворк Аствацатурович (17.02.1830 г., Симферополь – 18.07.1908 г., Симферополь). Поэт, педагог, переводчик. Окончил Лазаревский институт в Москве. В 1848–1851 годах обучался в Императорской Академии художеств в Санкт-Петербурге. Автор знаменитых стихотворений «Цицернак» (1848) и «Манушак» (1878).

Литература: АСЭ. – Т. 3. – Ереван: Изд. АСЭ, 1977. – С. 429–430 (на арм. яз.); Микаелян В. А. История крымских армян. – Ереван: Айастан, 1989. – С. 416 (на арм. яз.).

ДОМБРОВСКИЙ Олег Иванович (7.11.1914 г., Феодосия)^{2*}. Выдающийся крымский исследователь и педагог. Учился в Императорской Академии художеств в Санкт-Петербурге: три года на отделении архитектуры и пять лет – живописи. Окончил академию в 1933 году, получив специальность искусствоведа. Автор нескольких десятков работ по памятникам археологии, архитектуры и живописи в Крыму. Большая их часть включает в себя результаты производственно-полевых исследований. Заметное место в научном наследии О. И. Домбровского занимают памятники крымских армян.

Сочинения: Домбровский О. И., Сидоренко А. В. Солхат и Сурб Хач. – Симферополь: Таврия, 1978. – 128 с.; Домбровский О. И. Фрески средневекового Крыма. – Киев: Изд. АН УССР, 1966. – 109 с.

Литература: *Кутайсов В. А. Жизнь, отданная Крыму // «Брега Тавриды». – Симферополь: Изд. ж-ла «Брега Тавриды», 2000. – № 2. – С. 260–267.

^{1*} Ю. С. Воронина не стало в 2009 году.

^{2*} О. И. Домбровский ушёл из жизни в 1994 году.

КАРА-МУРЗА Христофор Макарович (18.02.1853 г., Карасубазар – 22.03.1902 г., Тифлис). Композитор, хоровой дирижёр, фольклорист, музыкальный просветитель и критик, известный общественный деятель и публицист, первый, кто применил многоголосие в армянской музыке. С юношеских лет организовывал многочисленные армянские хоровые группы в Карасубазаре, Симферополе, Тифлисе, Ереване, Астрахани, Баку и других городах.

Литература: **Мурадян М.** Христофор Кара-Мурза и внедрение полифонии в армянскую музыку. – Ереван: Изд. АН Армянской ССР, 1956. – 288 с. (на арм. яз.); **Шавердян А. И.** Очерки по истории армянской музыки XIX–XX веков (досоветский период). – Москва: Музгиз, 1959. – 447 с.; **Микаелян В. А.** История крымских армян. – Ереван: Айастан, 1989. – С. 411–412 (на арм. яз.).

КОРХМАЗЯН Эмма Мушеговна (23.09.1930 г., Москва)^{1*}. Известная исследовательница средневековой армянской живописи. В сферу интересов входило изучение произведений книжной миниатюры и фресковой росписи, созданных в том числе и крымскими армянами. В 1954 году окончила Художественный институт в Ереване. В 1970 году защитила кандидатскую диссертацию. Автор ряда статей и монографий. Работы Э. М. Корхмазян по книжной миниатюре крымских армян сочетают разносторонний анализ отдельных памятников с тенденцией к обобщению, что даёт представление о путях развития крымской армянской школы миниатюры в целом.

Сочинения: **Корхмазян Э. М.** Армянская миниатюра Крыма. – Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1978. – 132 с. + 68 илл.; ***Корхмазян Э. М.** Крымская армянская миниатюра. – Симферополь: ООО «Энергия дельта», 2008. – 144 с. + 131 илл.; ***Бабаян Ф., Корхмазян Э.** Монастырь Сурб Хач как центр армянской культуры в Крыму. – Ереван-Симферополь: Наанет, 2008. – 152 с.

ЛОПУШИНСКАЯ Евгения Ивановна (21.12.1920 г., Березовка, Одесская область – 06.02.1996 г., Киев). В 1946 году, окончив Московский архитектурный институт, получила назначение в НИИ «Укрпроектреставрация» в Киеве, где проработала до самой своей кончины. Основная направленность творческой деятельности – изучение и реставрация памятников архитектуры. Опубликовала более десятка исследований, некоторые из которых посвящены армянским культовым постройкам Крыма. Выполнила проекты реставраций и восстановила в натуре свыше тридцати памятников, включая армянские церкви в Феодосии: Святых Архангелов Габриела и Микаела, Святого Саркиса, Святого Иоанна Крестителя, Святого Иоанна Богослова, Святого Стефана. Обращалась также к восстановлению таких памятников как фонтан И. К. Айвазовского в Феодосии, церковь Святой Рипсиме в Ялте и монастырь Сурб Хач близ города Старый Крым. В 1991 году удостоена Государственной Премии УССР в области архитектуры.

Сочинения: **Лапушинская Е. И.** Армянская церковь св. Саркиса (Сергия) в Феодосии // «Лрабер» (ВОН). – № 5. Ереван: Изд. АН Арм. ССР, 1984. – С. 58–63; **Лапушинская Е. И.** Архитектура армянской церкви Архангелов Гавриила и Михаила в Феодосии и её реставрация // «Лрабер» (ВОН). – № 9. – Ереван: Изд. АН Арм. ССР, 1982. – С. 64–72².

МАГДЕСЯН Эммануил Яковлевич (Манук Акопджанович) (24.04.1857 г., Армянский базар (ныне Армянск) – 05.05.1908 г., Симферополь). В 1892 году окончил Императорскую Академию художеств в Санкт-Петербурге, получив звание некласного художника. После окончания академии три года жил в Феодосии, работал в мастерской И. К. Айвазовского, став его талантливым учеником и последователем. В 1895 году переехал в Симферополь, открыл мастерскую и галерею при ней. Галерея Магдесяна стала

^{1*} Доктора искусствоведения (с 1997 года) Эммы Мушеговны Корхмазян не стало в 2009 году.

^{2*} Фамилия в статьях указана как «Лапушинская».

первым публичным художественным музеем в Симферополе, где экспонировались как его работы, так и полотна друзей-художников. В 1896 году участвовал в выставке передвижников.

Литература: **Шишманян Р.** *Пейзаж и армянские художники.* – Ереван: Армгосиздат, 1958. – 361 с. (на арм. яз.); **Мартикян Е.** *История армянского изобразительного искусства второй половины XIX века.* – Книга 2. – Ереван: Айастан, 1975. – 282 с. (на арм. яз.); **Магдесян Л. М., Зурабов Б. А.** *Эммануил Магдесян.* – Москва: Изобразительное искусство, 1987. – 144 с.; **Микаелян В. А.** *История крымских армян.* – Ереван: Айастан, 1989. – С. 408 (на арм. яз.).

МАЗЛУМОВ Аведикт (Аветык) Лукьянович (30.11.1896 г., Симферополь – 30.09.1972 г., Москва). Известный биолог, селекционер, крупный специалист по созданию высокопродуктивных сортов сахарной свёклы, академик Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук (с 1956 года), Герой Социалистического Труда (1965 год), доктор сельскохозяйственных наук (с 1948 года), профессор (с 1949 года), лауреат Ленинской премии (1965 год). В 1923 году окончил Сельскохозяйственный институт в Воронеже и работал там же. Автор многочисленных научных статей и монографий.

Литература: АСЭ. – Т. 7. – Ереван: Изд. АСЭ, 1981. – С. 133 (на арм. яз.).

МЕРКУРОВ Сергей Дмитриевич (20.10.1880 г., Александрополь (ныне Гюмри) – 08.06.1952 г., Москва). Выдающийся скульптор. В 1905 году окончил Академию художеств в Мюнхене. До 1909 года работал в Париже. Народный художник СССР (с 1943 года), действительный член Академии художеств СССР (с 1947 года), дважды лауреат Государственной премии СССР (за 1941 и 1951 годы). В творчестве скульптора героическая образность нашла выражение в лаконической, монументально-обобщённой форме памятников выдающимся деятелям науки и культуры – Ф. М. Достоевскому, К. А. Тимирязеву, С. Г. Шаумяну, В. И. Ленину. С. Д. Меркуровым выполнено резное орнаментальное убранство церкви Святой Рипсиме в Ялте.

Сочинения: **Меркуров С. Д.** *Записки скульптора.* – Москва: Изд-во Академии художеств СССР, 1953. – 100 с.

Литература: **Сергей Дмитриевич Меркуров (папка-альбом) / Автор вступительной статьи В. Тиханова.** – Москва: Советский художник, 1958. – 15 илл.; **Арутюнян В.** *Меркуров С. Д.* // АСЭ. – Т. 7. – Ереван: Изд. АСЭ, 1981. – С. 494 (на арм. яз.).

МИКАЕЛЯН Вардгес Алексанович (05.12.1924 г., с. Казанчи в Армении)^{1*}. Известный историк, педагог, доктор исторических наук (с 1966 года), профессор (с 1976 года). В период Великой Отечественной войны служил на Черноморском флоте, участвовал в освобождении Крыма. В 1952 году с отличием окончил факультет международных отношений Ереванского государственного университета. С 1972 года – главный редактор научного журнала «Лрабер» («Вестник общественных наук»). Одним из направлений научной деятельности В. А. Микаеляна является исследование истории крымских армян. Этой теме он посвятил множество статей и несколько фундаментальных монографий.

Сочинения: **Микаелян В. А.** *История армянской колонии в Крыму.* – Ереван: Изд. АН Арм. ССР, 1964. – 427 с. (на арм. яз.); **Микаелян В. А.** *История армянской колонии в Крыму (1801 – 1917).* – Ереван: Изд. АН Арм. ССР, 1970. – 351 с. (на арм. яз.); **Микаелян В. А.** *История крымских армян.* – Ереван: Айастан, 1989. – 421 с. (на арм. яз.); **Микаелян В. А.** *На крымской земле. История армянских поселений в Крыму.* – Ереван: Айастан, 1974. – 210 с.

Литература: АСЭ. – Т. 7. – Ереван, 1981. – С. 626 (на арм. яз.).

---

^{1*} Академик (с 1996 года) Вардгес Алексанович Микаелян ушёл из жизни в 2004 году.

НАЛБАНДЯН Ованэс Аракелович (15.09.1876 г., Симферополь – 29.02.1942 г., Ташкент). Известный музыкант, скрипач и педагог. Воспитал целую плеяду выдающихся музыкантов, в числе которых всемирно известный скрипач Яша Хейфец. В 1894 году О. Налбандян окончил Консерваторию в Санкт-Петербурге. С 1895 по 1942 годы – профессор Санкт-Петербургской консерватории, заслуженный деятель искусств РСФСР (с 1937 года). С концертами выступал по всему Советскому Союзу.

Литература: Геворгян Г. А. Ованэс Налбандян. – Ереван: Армгосиздат, 1962. – 135 с. (на арм. яз.); Цицикян А. Армянское струнное искусство. – Ереван: «Советакан грох», 1970. – 250 с. (на арм. яз.); Микаелян В. А. История крымских армян. – Ереван: Ай-астан, 1989. – 414–416 с. (на арм. яз.); АСЭ. – Т. 8. – Ереван: Изд. АСЭ, 1982. – С. 150 (на арм. яз.).

НАТЕР и его сыновья Аветис и Степанос. Выдающиеся армянские мастера книжного дела XIV века, работавшие в Крыму. Переписали и украсили миниатюрами несколько десятков рукописных книг. В Крым переселились в начале 40-х годов XIV века из Баберда (Высокая Армения). Исследованием жизни и творчества Натера и членов его семьи занималась Э. М. Корхмазян.

Литература: Корхмазян Э. М. Об одной семье армянских миниатюристов из Крыма // ИФЖ. – № 2. – Ереван: Изд. АН Арм. ССР, 1968. – С. 184–190 (на арм. яз.); Корхмазян Э. М. Армянская миниатюра Крыма. – Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1978. – С. 27–31, 36–43.

НИКОГАЙОС Цахкарар (Меланавор). Признанный армянский мастер книжного дела второй половины XVII века. Писец, миниатюрист и переплётчик. Жил и работал в Кафе (Феодосии), «под сенью» церкви Святого Саркиса. Был учеником известного писца Закарии. В 1672 году на время переехал в Эски-Крым (Старый Крым), затем вернулся в Кафу. В начале 1690-х годов некоторое время работал в Бахчисарае. Первую работу выполнил в 1644 году, последнюю – в 1693. Сохранилось около тридцати рукописей, созданных Никогайосом.

Литература: Геворкян А. Армянский миниатюрист XVII века Никогос Цахкарар // «Лрабер» (ВОН). – № 3. – Ереван, 1970; Изд. АН Армянской ССР. – С. 89–96; Корхмазян Э. М. Армянская миниатюра Крыма. – Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1978. – С. 77–85.

САРКИЗ (САРКИС) Александр Сергеевич. Известный армянский архитектор XIX века в Крыму. Из бывших турецких подданных. В 1853 году окончил Императорскую Академию художеств, получив специальность некласного художника. Работал при Харьковской губернской дорожной и строительной комиссии. По личному прошению был переведён на службу в Феодосию, где проживали его родители. 4 июня 1850 года назначен архитектором Феодосии, а 24 февраля 1863 года – городским архитектором Симферополя. Выполнял проектные работы по благоустройству Феодосии и Симферополя, возвёл несколько жилых особняков и различных общественных и производственных строений.

СЕРЕБРЯКОВ (АРЦАТАГОРЦЯН) Лазарь Маркович (3.03.1797 г., Карасубазар – 28.02.1862 г., Санкт-Петербург). Адмирал российского военно-морского флота. Командир Приморской Кавказской оборонительной армии во время Восточной (Крымской) войны 1853–1856 годов. В 1838 году основал город-порт Новороссийск. Похоронен на Братском кладбище в Севастополе вместе с сыном капитаном-лейтенантом Марком Серебряковым, погибшим при обороне Севастополя.

Литература: Микаелян В. А. Адмирал Л. М. Серебряков (Казар Маркосович Арцатагорцян). – Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1979. – 336 с. (на арм. яз.).

СИМЕОН. Армянский художник-резчик по дереву, работавший в конце XVII – начале XVIII веков. Обновил и укрепил двустворчатую дверь церкви Святого Саркиса, изготовленную Шнофоршахом в 1371 году.

Литература: Лапушинская Е. И. Архитектура армянской церкви Архангелов Гавриила и Михаила в Феодосии и её реставрация // «Лрабер» (ВОН). – № 9. – Ереван: Изд. АН Арм. ССР, 1982. – С. 67.

СПЕНДИАРОВ (СПЕНДИАРЯН) Александр Афанасьевич (20.11.1871 г., Каховка (Таврическая губерния) – 07.05.1928 г., Ереван). Выдающийся композитор, дирижёр, педагог, музыкально-общественный деятель, классик армянской музыки. Его именем назван Театр оперы и балета в Ереване. В 1895 году окончил юридический факультет Московского университета. Теорию композиции изучал у известного дирижёра и педагога Н. С. Кленовского в Москве (1892–1894 годы), затем – у великого Н. А. Римского-Корсакова в Санкт-Петербурге (1896–1900 годы). В детстве постоянно гостил у деда, жившего в Карасубазаре (ныне Белогорск). С 1901 по 1916 годы жил в Ялте, где сохранился его дом по ул. Екатерининской. Лауреат премии имени М. И. Глинки (1908, 1910 и 1912 годы). В 1922 году по приглашению правительства Армении поселился в Ереване. С 1924 года участвовал в работах Института науки и искусства Армении. Народный артист Армянской ССР. Творчество А. А. Спендиарова развивалось под влиянием передовой русской и армянской культуры. Он утверждал реалистическое искусство и тяготел к прогрессивной музыке, создавая в своих произведениях опозитизированные образы природы и жанровые картины народной жизни. Автор романсов, мелодекламаций, вокальных ансамблей, хоровой музыки, камерно-инструментальных произведений. Особенно известны опера «Алмаст» (преьера состоялась в 1930 году, после смерти композитора), «Концертная увертюра для оркестра» (1900 год), сюита «Крымские эскизы» для оркестра (1903 и 1905 годы), симфоническая картина «Три пальмы» (1906 год) и «Ереванские этюды» (1925 год).

Литература: Шавердян А. А. А. Спендиаров: Жизнь и творчество: Краткий очерк. – М.-Л.: Музгиз, 1939. – 64 с.; Спендиарова М. Спендиаров. – Москва: Молодая гвардия, 1964. – 208 с.; Тигранов Г. Г. Спендиарян (Спендиаров) Александр Афанасьевич (Степаносович) // АСЭ. – Т. 11. – Ереван, 1985. – С. 65 (на арм. яз.); Микаелян В. А. История крымских армян. – Ереван: Айастан, 1989. – 421 с. (на арм. яз.).

СУРЕНЯНЦ Вардгес Яковлевич (Акопович) (27.02.1860 г., Ахалцихе – 06.04.1921 г., Ялта). Выдающийся армянский живописец, театральный художник, книжный оформитель, основоположник исторического жанра в армянском изобразительном искусстве. В 1875–1878 годах учился на Отделении архитектуры Московского училища живописи, ваяния и зодчества. В 1879 году поступил на архитектурный факультет Мюнхенской академии художеств, однако вскоре перешёл на факультет живописи той же академии, который окончил в 1885 году. С 1894 года – экспонент Товарищества художников-передвижников. Жил в Москве и Санкт-Петербурге, а в 1917 году прибыв в Ялту, приступил к расписыванию интерьера армянской церкви. Однако продолжавшиеся потрясения, постоянное безденежье подорвали здоровье мастера. Он тяжело заболел, но продолжал работать при помощи Тарагроса Тер-Вартаняна. Суренянц умер в апреле 1921 года, успев завершить лишь расписывание купола. Похоронен у входа в усыпальницу семьи Гукасян.

Литература: Казарян М. Вардгес Суренянц. – Ереван: Армгосиздат, 1960. – 95 с.: 19 илл. (на арм. яз.); Горян П. В. Суренянц. 1860–1921. – Ереван: Б. изд., 1973. – 24 с. (на арм. яз.).

ТАМАНЯН Юлий Александрович (31.05.1922 г., Ереван – 17.01.1993 г., Ереван). Известный армянский архитектор, строитель, сын выдающегося архитектора Александра Таманяна, специалист в области изучения и реставрации памятников армянского зодче-

ства. В 1953 году окончил архитектурное отделение Ереванского политехнического института, получив специальность архитектора. Опубликовал ряд статей по армянской архитектуре, в том числе и по зодчеству крымских армян. Принимал участие в восстановлении свыше двадцати средневековых памятников в Армении.

Литература: *Мирзоян Г. Божьей милостью зодчий (О династии Таманянов) // «Ноев ковчег» (газета российских армян). – № 15. – Москва: ООО «Ноев Ковчег Медиа», 2011. – С. 1–15.

Сочинения: Таманян Ю. А. Армянская церковь в Евпатории // «Эчмиадзин». – № 11–12. – Эчмиадзин: Изд. Первопрестольного Святого Эчмиадзина, 1987. – С. 102–106 (на арм. яз.); Таманян Ю. А. Архитектура армянского монастыря Всеспасителя в Крыму // ИФЖ. – № 1. – Ереван: Изд. АН Арм. ССР, 1990. – С. 234–237 (на арм. яз.); Таманян Ю. А. Архитектура церкви Святого Саркиса в Крыму // «Эчмиадзин». – № 7. – Эчмиадзин: Изд. Первопрестольного Святого Эчмиадзина, 1983. – С. 36–42 (на арм. яз.); Таманян Ю. А. Монастырь Сурб Хач Крыма // «Эчмиадзин». – № 7–8. – Эчмиадзин: Изд. Первопрестольного Святого Эчмиадзина, 1969. – С. 59–64 (на арм. яз.); Таманян Ю. А. Нововыявленный памятник в Феодосии // «Лрабер» (ВОН). – № 7. – Ереван: Изд. АН Арм. ССР, 1986. – С. 94–96 (на арм. яз.).

ТЕР-ВАРТАНЯН Тарагрос Степанович (28.02.1878 г., Ереван – 30.03.1953 г., Ереван). Известный армянский живописец, резчик, архитектор, декоратор и художник-постановщик. В 1908 году окончил Императорское Строгановское центральное художественно-промышленное училище в Москве, а в 1915 году – Отделение офорта Императорской Академии художеств в Санкт-Петербурге. С 1907 года обмерял архитектурные памятники Армении и Грузии, изучал армянские миниатюры и предметы прикладного искусства. Получил звание профессора (с 1916 года), работал с Т. Тораманяном, Н. Марром и В. Суренянцем. В 1917–1921 годах участвовал в расписывании купола армянской церкви Святой Рипсиме в Ялте.

Литература: АСЭ. – Т. 11. – Ереван: Изд. АСЭ, 1985. – С. 655 (на арм. яз.).

ТЕР-АБРААМЯН Ованэс. Известный армянский общественный и культурный деятель второй половины XIX века в Крыму и Новой-Нахичевани. Являлся наборщиком, а впоследствии управляющим типографии при Халибовском училище в Феодосии. Автор нескольких учебников, пьес, а также известной монографии «История Крыма», которая вышла в свет в Феодосии в 1865 году. В последней О. Тер-Абраамян привёл описания десяти наиболее значимых крымских городов, а также сведения по этнографии крымских армян, татар, караимов и ногайцев.

Литература: *Петросян В. М. Монография Ованэса Тер-Абраамяна «История Крыма» // «Масяц агавни» (Голубь Масиса). – № 1. – Симферополь: Изд. Регион. армянск. национально-культ. автономии РК, 2017. – С. 13–15.

Сочинения: Тер-Абраамян О. История Крыма (в двух частях). – Феодосия: Тип. Халибовского училища, 1865. – (часть 1) 204 с., (часть 2) 181 с. (на арм. яз.).

ТЕР-МИКЕЛОВ (ТЕР-МИКЕЛЯН) Габриел Микаелович (16.04.1874 г., Ставрополь – 14.01.1949 г., Тбилиси). Выдающийся армянский архитектор, в своё время – «первый архитектор на Кавказе», профессор Академии художеств Грузии (с 1922 года), заслуженный деятель искусств Грузинской ССР (с 1947 года), член-корреспондент Академии архитектуры СССР (с 1947 года). В 1899 году, окончив архитектурное отделение Института гражданских инженеров в Санкт-Петербурге, начал работать в Баку. В 1912 году переехал в Тифлис. Автор многих жилых, общественных и производственных зданий и сооружений в Баку и Тбилиси. Автор армянской церкви Святой Рипсиме в Ялте. В 1937

году на Международной выставке в Париже за здание Бальнеофизиотерапевтического института в Баку удостоен «Большого приза» и золотой медали.

Литература: Тигранян Э. А. Габриел Тер-Микелян. – Ереван: «Советакан грох», 1981. – 83 с. (на арм. яз.); АСЭ. – Т. 11. – Ереван: Изд. АСЭ, 1985. – С. 679 (на арм. яз.).

ТОНАКАН. Армянский каменщик и строитель, живший в Крыму в XVII–XVIII веках. В 1702 году вместе с каменщиком Григором обновил «с основ» церковь Святой Урпат (Пятницы, Параскевы) одноимённого армянского монастыря в селе Топты (ныне Тополевка).

Литература: Григорян Гр. Новые данные об армянских эпиграфических надписях Крыма и Северного Кавказа // ИФЖ. – № 3. – Ереван: Изд. АН Арм. ССР, 1970. – С. 299.

ТЫГЛИЯНЦ Павел Карпович (24.06.1940 г., Симферополь)^{1*}. Краевед, публицист. Член Совета Общества краеведов Крыма. Ответственный секретарь Таврического общества археологии, этнографии и экологии. В 1971 году окончил Ростовский государственный университет, получив специальность журналиста. Опубликовал ряд работ, посвящённых Ялтинской набережной, Рабочему уголку в Алуште, в которых затронул также вопросы строительной деятельности крымских армян.

Сочинения: Тыглиянц П. К. Как отразились демографические особенности армянского населения Крыма на эволюции его культурных и общественных отношений в первые десятилетия Советской власти? / Крымская АССР (1921–1945): вопросы и ответы: общественно-политическая литература. – Вып. 3 / Сост. Ю. И. Горбунов. – Симферополь: Таврия, 1990. – С. 182–193; *Тыглиянц П. К. Сестры Лазаревы // «Масяц агавни» (Голубь Масиса). – № 1. – Симферополь: Изд. ОО «Регион. армянск. национально-культ. автономия РК», 2019. – С. 24–26; *Тыглиянц П. К. Далеко в Сибири... // «Масяц агавни» (Голубь Масиса). – № 2. – Симферополь: Изд. ОО «Регион. армянск. национально-культ. автономия РК», 2019. – С. 38–42.

ШНОФОРШАХ (вторая и третья четверти XIV века). Талантливый художник-резчик по дереву. В 1371 году изготовил резную деревянную дверь для церкви Святого Саркиса в Кафе. Это великолепное произведение ныне экспонируется в Эрмитаже.

Литература: Бжишкян М. Путешествие в Польшу и другие места, обитаемые армянами, произошедшими от предков из города Ани. – Венеция: Тип. монастыря Святого Лазаря, 1830. – С. 351. (на арм. яз.).

ЯКОБСОН Анатолий Леопольдович (22.08.1906 г., Луза (Приволжье) – 03.08.1984 г., Ленинград). Выдающийся советский археолог, историк искусства и архитектуры. С 1961 года – доктор исторических наук. В 1929 году окончил Ленинградский государственный университет, получив специальность историка. С 1930 года до конца жизни работал в Ленинградском отделении Института археологии АН СССР. Область научных интересов: Восточная Европа, Северное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. Проводил масштабные раскопки в Крыму (Херсонес Таврический и пр.), занимался исследованием памятников армянской архитектуры в Крыму.

Сочинения: Якобсон А. Л. Армянская средневековая архитектура в Крыму // ВВ. – Т. VIII. – Москва: Изд. АН СССР, 1956. – С. 166–191; Якобсон А. Л. Армянский монастырь XIV века близ Белогорска в Крыму // ИФЖ. – № 4. – Ереван: Изд. АН Арм. ССР, 1964. – С. 230–235; Якобсон А. Л. Очерк истории зодчества Армении V–XVII веков / Под общ. ред. Н. М. Бачинского. – М.-Л.: Гос. изд. архитектуры и градостроительства, 1950. – 168 с.; Якобсон А. Л., Таманян Ю. А. Армянская архитектура в Крыму. – Ереван: Айастан, 1992. – 63 с.

^{1*} П. К. Тыглиянц ушёл из жизни в 2019 году.

Использованные источники и литература

Рецензия / **Абрамян А. Г.** // ИФЖ. – № 3. – Ереван: Изд. АН Армянской ССР, 1965. – С. 281–285 (на арм. яз.). – Рецензия на книгу: Микаелян В. А. История армянской колонии в Крыму. – Ереван, 1964.

Абрамян В. А. Ремёсла в Армении в IV–XVIII вв. – Ереван: Изд. АН Армянской ССР, 1956. – 290 с. (на арм. яз.).

Азерникова О. Страницы каменной книги // «Коммунист» (орган ЦК КП Армении). – № 272 от 20.11.1973. – С. 4.

***Айбабина Е. А.** Декоративная каменная резьба Каффы XIV–XVIII веков. – Симферополь: Сонат, 2001. – 280 с.

Айбабина Е. А. Оборонительные сооружения Каффы (по материалам археологических раскопок) // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. – Киев: Наукова думка, 1988. – С. 67–81.

***Айбабина Е. А.** Рельефы и архитектурные орнаменты средневековых армянских храмов Крыма // ИНК. – № 5. – Симферополь: «Новая Эра», 2004. – С. 6–16.

Айбабина Е. А. Плиты с рельефами из раскопок церкви Иоанна Предтечи в Феодосии // «Лрабер» (ВОН). – № 6. – Ереван: Изд. АН Арм. ССР, 1981. – С. 86–92.

***Айбабина Е. А., Бочаров С. Г.** Новые материалы по истории средневековой армянской колонии Каффы // ВВ. – Т. 57. – Москва: Индрик, 1997. – С. 211–233.

Айвазовский Г. Заметки о происхождении Новороссийских армян // ЗООИД. – Т. VI. – Одесса: Городская тип. Сод. Х. Алексомати, 1867. – С. 550–555.

Айвазовский И. К. Документы и материалы / Сост. М. Г. Саргсян, Г. Г. Арутюнян, Г. М. Шатирян. Ред. З. Башинджагян. – Ереван: Айастан, 1967. – 406 с.

***Айвазян Г.** История армянского Халибовского училища (1858–1871). – Тифлис: Типография Ованэса Мартиросянца, 1880. – 393 с. (на арм. яз.).

Аракелян Б. Н. Города и ремёсла Армении в IX–XIII вв. – Т. 1. – Ереван: Изд. АН Армянской ССР, 1958. – 376 с. (на арм. яз.).

Армяне в Крыму. Буклет / Сост. Абрамян С. Б., Атоян Р. В., Варян Ю. К., Давтян С. Р. – Ереван: Тип. Госкомитета Арм. ССР по делам издательств, полиграфии и книж. торговли, 1990.

Армяно-итальянские связи. Генуэзские документы о крымских армянах / Сост., автор предисл. и коммент. В. А. Микаелян. – Ереван: Изд. АН Армянской ССР, 1974. – 187 с. (на арм. яз.).

Армянские древности Таврического полуострова / Пер. с арм. отрывков из книги М. Бжишкяна «Путешествие в Польшу», осуществлённый священником Херувимом Кушнерёвым, настоятелем феодосийской армяно-католической церкви // ЗООИД. – Т. X. – Одесса: Славянская тип. М. Городецкого и К°, 1877. – С. 443–451.

Армянские надписи, находящиеся на юге России / Пер. Г. Айвазовского // ЗООИД. – Т. VI. – Одесса: Городская тип. Сод. Х. Алексомати, 1867. – С. 323–332.

*Армянские поэты Крыма XV–XX вв. – Симферополь–Ереван: ЧП «Предприятие Феникс», 2008. – 240 с. (на арм. и русс. яз.)

***Арутюнова-Фиданян В. А.** Армяно-византийская контактная зона (X–XI вв.). Результаты взаимодействия культур. – Москва: Наука, 1994. – 236 с.

Арутюнян В. Меркуров С. Д. // АСЭ. – Т. 7. – Ереван: Изд-во АСЭ, 1981. – С. 494 (на арм. яз.).

Архимандрит Антонин. Заметки XII–XV века, относящиеся к крымскому городу Сугдее (Судаку), приписанные на греческом Синаксаре // ЗООИД. – Т. V. – Одесса: Городская тип. Сод. Х. Алексомати, 1863. – С. 595–628.

Асеев Ю. С., Лебедев Г. А. Архитектура Крыма. – Киев: Госстройиздат УССР, 1961. – 239 с.

Асратян М. Якобсон Анатолий Леопольдович // АСЭ. – Т. 8. – Ереван: Изд-во АСЭ, 1982. – С. 107 (на арм. яз.).

АСЭ: Т. 1. – Ереван: Изд-во АСЭ, 1974. – 720 с.; Т. 3. – Ереван: Изд-во АСЭ, 1977. – 720 с.; Т. 7. – Ереван: Изд-во АСЭ, 1981. – 719 с.; Т. 8. – Ереван: Изд-во АСЭ, 1982. – 720 с.; Т. 11. – Ереван: Изд-во АСЭ, 1985. – 720 с.

***Бабаян Ф., Корхмазян Э.** Армянские монастыри Сурб Хач и Св. Степаноса близ города Старый Крым. – Ереван: Гитутюн, 2000. – 83 с.

*Бабаян Ф. С., Корхмазян Э. М. Археологические изыскания монастырей Сурб Хач и Сурб Степанос близ города Старый Крым // ИФЖ. – № 1. – Ереван: Изд. НАН РА, 1999. – С. 275–289.

*Бабаян Ф., Корхмазян Э. Монастырь Сурб Хач как центр армянской культуры в Крыму. – Ереван-Симферополь: Наапет, 2008. – 152 с.

Бабков И. И. Очерки по исторической и культурной географии Крыма. Водоснабжение армянского монастыря XV века в Двужорной бухте у Феодосии // ИГГО. – № 71. – Вып. 9. – М.-Л.: Изд. АН СССР, 1939. – С. 1043–1049.

*Бадалян В. Вардгес Суренянц (1860–1921). Графика. – Ереван: Изд. Нац. галереи Армении, 2010. – 108 с. (на арм. яз.).

*Байбуртский А. М. Хачкары и росписи позднесредневековой армянской церкви в селе Грушевка (Сала) // Исследования по арменистике в Украине. – Вып. 1. – Симферополь: ЧП «Предприятие Феникс», 2008. – С. 13–20.

*Байбуртский А. М. Новые данные по истории средневековой армянской общины в Кишлавской котловине. Поселения Бор-Кая и Сала // МАИАСК. – Т. 1. – Симферополь: Севастопольский филиал МГУ; ТюмГУ, 2008. – С. 76–88.

Балахонов В. И. Феодосия (историко-краеведческий очерк). – Симферополь: Таврия, 1975. – 117 с.

Балахонов В. И. Феодосия: очерк-путеводитель. – Симферополь: Крым, 1966. – 143 с.

Баранов И. А. Судакская «капелла». Датировка и атрибуция // V Республиканская научная конференция по проблемам культуры и искусства Армении. Тезисы докладов. – Ереван: Изд. АН Армянской ССР, 1982. – С. 275–279.

Баранов И. А. Таврика в эпоху раннего средневековья: салтово-маяцкая культура. – Киев: Наукова думка, 1990. – 168 с.

Барсамов Н. С. Иван Константинович Айвазовский. – Симферополь: Крымиздат, 1950. – 187 с.

*Барсамов Н. С. Сообщение об археологических раскопках средневекового городища в Коктебеле в 1929–1931 гг. с 14 литографированными таблицами. – Феодосия: Гостиполитография, 1932. – 11 с. + 14 табл.

Барсамов Н., Заболоцкий П. Путеводитель по Феодосийскому музею. – Феодосия: Археологическое отд. Феод. музея, 1927. – 22 с.

Барсамов Н., Полканов А. Феодосия. Прошлое города и археологические памятники. – Феодосия: [Б. и.], 1927. – 56 с.

Белый А. В., Манучарян А. А. Перстень-печатка с армянской надписью из Крыма // ИФЖ. – № 1. – Ереван: Изд. АН Арм. ССР, 1980. – С. 289–291 (на арм. яз.).

Бернштам А. Н. Жилище Крымского предгорья // Известия ГАИМК. – Т. 9. – Вып. 6–7. – М.-Л.: Изд. ГАИМК, 1931. – 48 с.

Бертъе-Делагард А. Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // ИТУАК. – № 57. – Симферополь: Тип. Таврического Губерн. Земства, 1920. – С. 1–135.

Бертъе-Делагард А. Л. Каламита и Феодоро // ИТУАК. – № 55. – Симферополь: Тип. Таврического Губерн. Земства, 1918. – С. 1–44.

Бжишкян М. Путешествие в Польшу и другие места, обитаемые армянами, произошедшими от предков из города Ани. – Венеция: Тип. монастыря Святого Лазаря, 1830. – 424 с. (на арм. яз.).

Богданян А. Л. Из прошлого. О переселении армян из Крыма на Дон. Краткий исторический очерк. – Ростов-на-Дону: Ростовское книжное издательство, 1989. – 16 с.

[Броневский М.] Описание Крыма Мартина Броневского // ЗООИД. – Т. VI. – Одесса: Городская тип. Сод. Х. Алексомати, 1867. – С. 333–367.

Вагнер Л. Повесть о художнике Айвазовском. – Москва: Детгиз, 1958. – 273 с.

Васильев Л. А. Готы в Крыму // ИГАИМК. – Вып. 5. – Ленинград: Изд. Академии истории материальной культуры, 1927. – С. 179–282.

*Воронин Ю. С., Сычѳв В. В. Армянские памятники Крыма. Архитектура / Каталог-справочник на CD. – Симферополь, 1998. – 43 с.

*Воронин Ю. С., Майко В. В., Кутайсов В. А. Археологические раскопки Сюйренъского укрепления 1978–79 гг. Раскоп I // История и археология Крыма. – Т. I. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2014. – С. 458–479.

Гавриил, архиепископ Херсонский и Таврический. Остатки христианских древностей в Крыму. Уезд феодосийский // ЗООИД. – Т. I. – Одесса: Городская типография, 1844. – С. 320–328.

Гаврилова А. Н. Десять лет Феодосийского лапидария // ИФЖ. – № 4. – Ереван: Изд. АН Арм. ССР, 1981. – С. 318–320.

Гаврилова А. Н. Хачкары из фондов Феодосийского краеведческого музея // Международный симпозиум по армянскому искусству. – Ереван: Изд. АН Армянской ССР, 1978. – С. 7–11.

Геворгян А. Ремёсла и быт в армянских миниатюрах. – Ереван: Айастан, 1978. – 156 с. (на арм. яз.)

Геворгян Г. А. Ованэс Налбандян. – Ереван: Армгосиздат, 1962. – 135 с. (на арм. яз.).

Геворкян А. Армянский миниатюрист XVII века Никогос Цахкарар // «Лрабер» (ВОН). – № 3. – Ереван, 1970: Изд. АН Армянской ССР. – С. 89–96.

[**Гейд В.**] Извлечения из сочинения Вильгельма Гейда: «История торговли Востока в средние века / Пер. Л. П. Колли // ИТУАК. — Симферополь: Тип. Таврического Губерн. Земства, 1915. – № 52. – С. 68–185.

Геронян А. Дом на ялтинской улочке // «Коммунист» (орган ЦК КП Армении). – № 68 от 25.03.1990. – С. 3.

[**Головкинский Н. А.**] Путеводитель по Крыму Н. Головкинского (издание 6-е). – Одесса: В. А. Иванов, тип. Спиро, 1894. – 578 с.

*Городские поселения в Российской империи. – Т. 4. – СПб.: Тип. К. Вульфа, 1864. – 813 с.

Горян П. В. Суренянц. 1860–1921. – Ереван: Б. изд., 1973. – 24 с. (на арм. яз.).

Григорян Гр. Новые данные об армянских эпиграфических надписях Крыма и Северного Кавказа // ИФЖ. – № 3. – Ереван: Изд. АН Арм. ССР, 1970. – С. 297–301.

Даниленко В. Н. Жилые дома Херсонеса XIII–XIV вв. // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. – Киев: Наукова думка, 1988. – С. 60–67.

Джалал Эссад. Константинополь от Византии до Стамбула. – Москва: Издание М. и С. Сабашниковых, 1919. – 336 с.

***Джанов А. В.** «Храм с аркадой» в Судак // Сугдейский сборник. – Вып. II. – Киев–Судак: Академперіодика, 2005. – С. 654–669.

Днепровский Н. В. К вопросу о каноническом смысле росписи пещерного храма «Трёх всадников» // МАИАСК. – Вып. V. – Севастополь–Тюмень: Севастопольский филиал МГУ; ТюмГУ, 2013. – С. 108–138.

***Днепровский Н. В.** Пещерный комплекс в историческом центре Бахчисарая и его возможная этно-конфессиональная атрибуция // Исследования по арменистике в Украине. – Вып. 1. – Симферополь: ЧП «Предприятие Феникс», 2008. – С. 25–31.

Доброе слово – что весенний день: из устного народного творчества донских армян / Сост., предисл. и примеч. Ш. М. Шагиняна. – Ростов-на-Дону: Ростовское книжное изд-во, 1979. – 144 с.

Домбровский О. И. Средневековые поселения и «исары» Крымского Южного бережья // Феодальная Таврика. – Киев: Наукова думка, 1974. – С. 5–56.

Домбровский О. И. Фрески средневекового Крыма. – Киев: Изд. АН УССР, 1966. – 109 с.

Домбровский О. И., Сидоренко В. А. Солхат и Сурб Хач. – Симферополь: Таврия, 1978. – 128 с.

[**Дортелли д'Асколи**]. Описание Черного моря и Татарии, составленное доминиканцем Дортелли д'Асколи, префектом Каффы, Татарии и проч. 1634 г. / Пер. Н. Н. Пименова, прим. А. Л. Бертъе-Делагарда // ЗООИД. – Т. XXIV. – Ч. II (Материалы). – Одесса: «Экономическая» типография и литография, 1902. – С. 89–180.

Жильбер Ромм. Путешествие в Крым в 1786 году. – Ленинград: Изд. Ленинградского государственного университета, 1941. – 79 с.

***Захаров В. А.** Памяти Ю. С. Воронина (Переписка из архива Ю. С. Воронина) // Сугдейский сборник. – Вып. IV. – Киев–Судак: Горобец, 2010. – С. 618–628.

Захарьянц Г. Н., Иноземцев Г. А., Семернин П. В. Ростов-на-Дону (к 200-летию со дня основания). – Ростов-на-Дону: Ростиздат, 1949. – 380 с.

Зенкович Х. Х. Керчь в прошлом и настоящем. Историко-археологический и географический очерк. – Керчь: Типо-лит. Х. Н. Лаго и К.°, 1894. – 162 с.: илл. 5л.

Искусство крымских армян // «Коммунист» (орган ЦК КП Армении). – № 158 от 09.07.1969. – С. 4.

***Казарян А. Ю.** Архитектура армянского собора во Львове. Истоки композиции и декора первоначального храма // Художественная культура армянских общин на землях Речи Посполитой: материалы международной научной конференции. – Минск: Арт Дизайн, 2013. – С. 116–126.

Казарян М. Вардгес Суренянц. – Ереван: Армгосиздат, 1960. – 95 с.: 19 илл. (на арм. яз.).

Каковкин А. Я. Новый памятник армянской эпиграфики из Крыма // ИФЖ. – № 3. – Ереван: Изд. АН Арм. ССР, 1983. – С. 231–234.

Карпетян С. Армянская церковь в Ялте // «Эчмиадзин». – № 4. – Эчмиадзин: Изд. Первопрестольного Святого Эчмиадзина, 1984. – С. 59–60.

***Катюшин Е. А.** Феодосия. Каффа. Кефе. – Феодосия: Коктебель, 1998. – 159 с.

Кёппен П. Крымский сборник. О древностях южного берега Крыма и гор Таврических. – СПб.: Тип. Императорской Акад. наук, 1837. – 408 с.

Килессо С. К. Архитектура Крыма. – Киев: Будівельник, 1983. – 95 с.: илл. 12 л.

***Кирилко В. П.** Крепостной ансамбль Фуны (1423–1475 гг.). – Киев: Стилос, 2005. – 269 с.

Кирилко В. П. Надвратная церковь средневекового укрепления Фуна. Датировка и атрибуция // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII–XVI вв. – Ростов-на-Дону: Изд. Ростовского университета, 1989. – С. 62–73.

***Кирилко В. П.** Памятники армянской архитектуры Солхата // Исследования по арменистике в Украине. – Вып. 1. – Симферополь: ЧП «Предприятие Феникс», 2008. – С. 37–43.

Когонашвили И. К., Махнева О. А. Алустон и Фуна. – Симферополь: Крым, 1971. – 92 с.

Когонашвили И. К., Махнева О. А. Средневековая Фуна // Феодальная Таврика. – Киев: Наукова думка, 1974. – С. 11–123.

Колли Л. П. Каффа в период владения ею Банком св. Георгия (1454–1475) // ИТУАК. – № 47. – Симферополь: Тип. Таврического Губерн. Земства, 1912. – С. 75–112.

Колли Л. П. Падение Каффы // ИТУАК. – № 55. – Симферополь: Тип. Таврического Губерн. Земства, 1918. – С. 145–174.

Юбилейный справочник Императорской Академии художеств. 1764–1914 / Сост. Кондаков С. Н. – Т. 2. – Петроград: Тов-во Р. Голике и А. Вильборг, 1915. – 461 с.

Корхмазян Э. М. Армянская миниатюра Крыма. – Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1978. – 132 с. + 68 илл.

Корхмазян Э. М. Новые данные о фреске храма Трех всадников в Эски-Кермене // ИФЖ. – № 3. – Ереван: Изд-во НАН РА, 1998. – С. 143–147.

Корхмазян Э. М., О времени постройки армянской церкви Св. Стефана в Феодосии // «Лрабер». – № 2. – Ереван: Изд. АН Арм. ССР, 1975. – С. 90–97.

Корхмазян Э. М. Об одной семье армянских миниатюристов из Крыма // ИФЖ. – № 2. – Ереван: Изд. АН Арм. ССР, 1968. – С. 184–190 (на арм. яз.).

Рецензия / Корхмазян Э. М. // ИФЖ. – № 1. – Ереван: Изд. АН Арм. ССР, 1975. – С. 203–206. – Рецензия на книгу: А. Л. Якобсон. Крым в средние века (серия «Из истории мировой культуры»). – М., Наука, 1973. – 174 с.

* **Корхмазян Э. М.** Крымская армянская миниатюра. – Симферополь: ООО «Энергия дельта», 2008. – 144 с. + 131 илл.

Крамаровский М. Г. Исследование трёх архитектурных объектов на территории средневекового Солхата // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. Тезисы докладов. – Суздаль, 1987. – Москва: Наука, 1987. – С. 131–132, 217.

***Крамаровский М. Г.** Солхат-Крым: к вопросу о населении и топографии города в XIII–XIV вв. // Итоги работ археологических экспедиций Государственного Эрмитажа. – Ленинград: Государственный Эрмитаж, 1989. – С. 141–157.

***Крамаровский М. Г.** Средневековая базилика на городище Солхата // Византия в контексте мировой истории. – СПб.: Государственный Эрмитаж, 2004. – С. 68–76.

Крикун Е. В. Архитектурные памятники Крыма. – Симферополь: Таврия, 1977. – 56 с.

Крым. Атлас туриста. – Москва: ГУ геодезии и картографии, 1986. – 128 с.

Крым: путеводитель (в двух частях) / под ред. К. Ю. Бумбера, Л. С. Вагина, Н. Н. Клепинина, В. В. Соколова. – Симферополь: Тип. Таврического Губерн. Земства, 1914. – 688 с.

[**Кузьмин Н. Н.**] И. К. Айвазовский и его произведения. – СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1901. – 122 с. + 18 л. илл.

Кулаковский Ю. Прошлое Тавриды (2-ое издание). – Киев: Типо-Литография «С. В. Кульженко», 1914. – 160 с.

Кусикян И. К. Рецензия на: Памятные записи армянских рукописей XV века. Часть 1 (1401–1450). Сост. Л. С. Хачикян // ВВ. – Т. XII. – Москва: Изд. АН СССР, 1957. – С. 289–291.

***Кутайсов В. А.** Жизнь, отданная Крыму // «Брега Тавриды». – Симферополь: Изд. журнала «Брега Тавриды», 2000. – № 2. – С. 260–267.

Кучук-Иоаннесов Хр. Старинные армянские надписи и старинные рукописи в пределах Юго-западной Руси и в Крыму // Древности восточные: Труды Восточной комиссии МАО. – Т. 2. – Вып. 3. – Москва: Тип. и словолитная О. О. Гербека, 1903. – С. 33–75.

Кушнерян Хр. История армянских переселенцев Крыма. – Венеция: Тип. монастыря Святого Лазаря, 1895. – 234 с. (на арм. яз.).

Латышев В. В. Заметки к христианским надписям из Крыма (по сообщениям А. Л. Бертье-Деллагарда) // ЗООИД. – Т. XX. – Одесса: «Экономическая» типография и литография, 1897. – С. 149–162.

Лопушинская Е. И. Армянская церковь св. Саркиса (Сергия) в Феодосии // «Лрабер» (ВОН). – № 5. Ереван: Изд. АН Арм. ССР, 1984. – С. 58–63.

Лопушинская Е. И. Архитектура армянской церкви Архангелов Гавриила и Михаила в Феодосии и её реставрация // «Лрабер» (ВОН). – № 9. – Ереван: Изд. АН Арм. ССР, 1982. – С. 64–72.

Магдесян Л. М., Зурабов Б. А. Эммануил Магдесян. – Москва: Изобразительное искусство, 1987. – 144 с.

*Майко В. В., Джанов А. В. Археологические памятники Судакского региона Республики Крым. – Симферополь: Изд-во Типография «АРИАЛ», 2015. – 448 с.

*Маркевич А. И. О древней церкви в д. Козах Феодосийского уезда // ИТУАК. – Вып. 32–33. – Симферополь: Таврическая Губерн. типография, 1902. – С. 147–148.

Маркевич А. И. Памятники христианства в окрестностях Бахчисарая и Карасубазара // ИТУАК. – № 29. – Симферополь: Типография СПИРО, 1899. – С. 101–109.

Маркевич А. И. Старо-крымские древности // ИТУАК. – № 17. – Симферополь: Типография Таврич. Губерн. правления, 1892. – С. 124–129.

Марков Д. Древнегреческая церковь в феодосийском Карантине // ИТУАК. – № 48. – Симферополь: Тип. Таврического Губерн. Земства, 1912. – С. 187–195.

Маркосян С. Григорианская церковь Ялты // «Коммунист» (орган ЦК КП Армении). – № 149 от 08.07.1990. – С. 3.

Марр Н. Я. Заметки о двух армянских надписях, найденных в Херсонесе // Известия Археологической комиссии. – Вып. 10. – СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1904. – С. 106–108.

Марр Н. Я. Кавказский культурный мир и Армения // ЖМНП. – 57. – Петроград: Сенат. тип., 1915. – С. 290–330.

Мартикян Е. История армянского изобразительного искусства второй половины XIX века. – Книга 2. – Ереван: Айастан, 1975. – 282 с. (на арм. яз.).

*Мартиросян А. А. Мартирос Крымеци. – Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1958. – 186 с. (на арм. яз.).

*«Масеац агавни» (журнал «Голубь Масиса»). – Феодосия: Тип. Халибовского училища, 1860.

*«Масеац агавни» (журнал «Голубь Масиса»). – Феодосия: Тип. Халибовского училища, 1864.

Меликсет-Беков Л. М. Старинные армянские надписи в музее Общества истории и древностей в Одессе. – Тифлис: Тип. «Эпоха», 1912. – 20 с.

Меликсет-Беков Л. М. Из материалов для истории армян на юге России (2-е издание). – Тифлис: Типография «Эсперанто», 1914. – 27 с.

Меликсет-Беков Л. М. Армянские древности в Аккермане (в Бессарабии). – Тифлис: Электропечатная Н. Аганян, 1911. – 43 с.

Меркуров С. Д. Записки скульптора. – Москва: Изд-во Академии художеств СССР, 1953. – 100 с.

*Мирзоян А. С. Иконография святых воинов рукописи № 6305 Матенадарана и восстановление их имён // Лрабер (ВОН). – № 5. – Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1970. – С. 77–83 (на арм. яз.).

*Мирзоян Г. Божьей милостью зодчий (О династии Таманянов) // «Ноев ковчег» (газета российских армян). – № 15. – Москва: ООО «Ноев Ковчег Медиа», 2011. – С. 1–15.

Микаелян В. А. Адмирал Л. М. Серебряков (Казар Маркосович Арцатагорцян). – Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1979. – 336 с. (на арм. яз.).

Микаелян В. А. История армянской колонии в Крыму. – Ереван: Изд. АН Арм. ССР, 1964. – 427 с. (на арм. яз.).

Микаелян В. А. История армянской колонии в Крыму (1801–1917). – Ереван: Изд. АН Арм. ССР, 1970. – 351 с. (на арм. яз.).

Микаелян В. А. История крымских армян. – Ереван: Айастан, 1989. – 421 с. (на арм. яз.).

Микаелян В. А. Когда и как возникли армянские поселения в Крыму // Исторические связи и дружба украинского и армянского народов: сб. материалов Второй украино-армянской науч. сессии. – Киев: Наукова думка, 1965. – С. 169–177.

Микаелян В. А. На крымской земле. История армянских поселений в Крыму. – Ереван: Айастан, 1974. – 210 с.

Мнацаканян Ас. Незабываемые памятники // «Граган терт» (Литературная Армения) от 15.11.1968. – С. 3–4 (на арм. яз.).

Мурадян М. Христофор Кара-Мурза и внедрение полифонии в армянскую музыку. – Ереван: Изд. АН Армянской ССР, 1956. – 288 с. (на арм. яз.).

Мурзакевич Н. Н. История генуэзских поселений в Крыму. – Одесса: Городская типография, 1837. – 116 с.

*Мутафян К., Ван Лёв Э. Исторический атлас Армении. – Москва: Тип. «УП Принт», 2012. – 143 с.

*Мутафян К. Последнее королевство Армении, XII–XIV века. – Можайск: Тип. «Бородино», 2009. – 162 с.

Мыц В. Л. Укрепления Таврики X–XV вв. – Киев: Наукова думка, 1991. – 164 с.

Неверов О. Я. Бронзовый перстень из Фанагории с портретом армянского царя // «Лрабер» (ВОН). – № 3. – Ереван: Изд. АН Арм. ССР, 1981. – С. 73–78.

Нерсисян М. Г. Из истории русско-армянских отношений. – Книга I. – Ереван: Изд. АН Армянской ССР, 1956. – 405 с.

Об остатках древних армянских церквей в Феодосии // «Радуга» (журнал учено-лит. и полит., издаваемый при арм. Халибовск. училище). – № 11. – Феодосия: Тип. Халибовского училища, 1860. – С. 171–174.

Орбели И. А. Проблема сельджукского искусства // Иранское искусство и археология. Материалы III Международного конгресса по иранскому искусству и археологии. – М.-Л.: Изд. АН СССР, 1939. – С. 150–156.

Палчян А. История католической миссии среди армян в унии их с римской церковью на Флорентийском соборе. – Вена: Тип. Мхитаристов, 1878. – 334 с. (на арм. яз.).

Памятные записи армянских рукописей XIV века / Сост. Л. Хачикян. – Ереван: Изд. АН Армянской ССР, 1950 (на арм. яз.). – 758 с.

Памятные записи армянских рукописей XV века. – Ч. 1 (1401–1450 гг.) / Сост. Л. Хачикян. – Ереван: Изд. АН Армянской ССР, 1955 (на арм. яз.). – 820 с.

*Памятные записи армянских рукописей XV века. – Ч. 2 (1451–1480 гг.) / Сост. Л. Хачикян. – Ереван: Изд. АН Армянской ССР, 1958 (на арм. яз.). – 601 с.

*Памятные записи армянских рукописей XVII века. – Т. 2 (1621–1640 гг.) / Сост. В. Аюбян, А. Иоаннисян. – Ереван: Изд. АН Армянской ССР, 1978 (на арм. яз.). – 940 с.

Памятные записи армянских рукописей XVII века. – Т. 3 (1641–1660 гг.) / Сост. В. Аюбян. – Ереван: Изд. АН Армянской ССР, 1984 (на арм. яз.). – 1015 с.

Памятная книжка Керчь-Еникальского градоначальства на 1904 год. – Керчь: Керченский статистический комитет, 1904. – 112 с.

Памятная книжка Керчь-Еникальского градоначальства на 1907 год. – Керчь: Керченский статистический комитет, 1907. – 92 с.

Памятники градостроительства и архитектуры Украинской ССР. – Т. 2. – Киев: Будівельник, 1983. – 336 с.

*Петросян В. М. Монография Ованэса Тер-Абраамяна «История Крыма» // «Масяц Агавни» (Голубь Масиса). – № 1. – Симферополь: Изд. Регион. армянск. национально-культ. автономии РК, 2017. – С. 13–15.

Пештмалджян М. Г. Памятники армянских поселений. – Ереван: Айастан, 1987. – 189 с.

Пламаницкая О. А. Особенности средневековой застройки центра Каменца-Подольского // АН. – № 33. – Москва: ЦНИИ теории и истории архитектуры, Стройиздат, 1985. – С. 52–61.

Погодин М. Феодосия и Судак // ЗООИД. – Т. VIII. – Одесса: Тип. Сод. Х. Алексомати, 1872. – С. 301–307.

Полканов А. И. Судак. Историко-краеведческий очерк – Симферополь: Крымиздат, 1957. – 150 с.

Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. – Т. XXV. – СПб.: Тип. II Отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. – 933 с.

Поркшеян Х. А. Когда и откуда армяне переселились в Черкесию // ИФЖ. – № 2–3. – Ереван: Изд. АН Арм. ССР, 1959. – С. 232–246 (на арм. яз.).

Поркшеян Х. А. Когда происходило переселение армян в Крым // ИФЖ. – № 2. – Ереван: Изд. АН Арм. ССР, 1962. – С. 105–117 (на арм. яз.).

Поркшеян Х. А. Памятники братья (Сурб Хач Кырма и Нахичевани) // «Литературная Армения». – № 1. – Ереван: Изд. Союза писателей Армении, 1971. – С. 25–29.

Присоединение Крыма к России. Рескрипты, письма, реляции, донесения / Сост. Н. Дубровин. – Т. 2 (1778 год). – СПб.: Тип. Имп. АН, 1885. – 924 с.

Рецензия / Пуцко В. (Калуга) // «Лрабер» (ВОН). – № 10. – Ереван: Изд. АН Арм. ССР, 1980. – С. 104–106. – Рецензия на: Э. М. Корхмазян. Армянская миниатюра Кырма (XIV–XVII вв.), Ереван: изд-во. АН Арм. ССР, 1978, 132 с. + 68 илл.

Сагумян С. Т., Енгоян А. М. Эпиграфические уточнения // «Лрабер». – № 11. – Ереван: Изд. АН Арм. ССР, 1973. – С. 74–80 (на арм. яз.).

Салько Н. Унікальна пам'ятка живопису XIV століття // Образотворче мистецтво. – № 1. – Київ: Спілка радянських худож. та скульпт. України, 1973. – С. 25–30 (на укр. яз.).

***Саргсян Т. Э.** Армяне средневекового Сурхата и их церкви // ИФЖ. – № 1. – Ереван: Изд. НАН РА, 2000. – С. 107–123 (на арм. яз.).

***Саргсян Т. Э.** Ещё раз об армянских церквях в Феодосии XIII–XV вв. Церковь Архангелов Габриэла и Микаэла // ИФЖ. – № 2. – Ереван: Изд. НАН РА, 2002. – С. 112–130.

***Саргсян Т. Э.** Из истории Армянской церкви в Крыму и в Поволжье в XIV–XV вв. // 300 лет Российской и Ново-Нахичеванской епархии Армянской Апостольской Церкви. Исторический путь и современность. 1717–2017. – Москва: Изд-во «Ключ-С», 2018. – С. 287–306.

***Саргсян Т. Э.** Минас Бжишкян и его сведения об армянах Львова // Международная научно-практическая конференция «Армяно-белорусские историко-культурные отношения. Традиции и современность». Минск, 21–22 мая 2015 г. – Москва: Изд. «Ключ-С», 2019. – С. 60–89.

* **Саргсян Т. Э.** Монастырь Святого Антона близ Кафы // ВМ. – № 24. – Ереван: Изд-во «Наири», 2017. – С. 85–111 (на арм. яз.).

***Саргсян Т. Э.** О численности армянских духовных центров Кафы–Феодосии // ИНК. – № 21. – Симферополь: ООО «Симферопольская городская типография», 2008. – С. 22–46.

***Саргсян Т. Э.** Об Аветике Хотачараке и монастыре Кимчак Св. Богородицы // ИФЖ. – № 1. – Ереван: Изд. НАН РА, 2001. – С. 130–144 (на арм. яз.).

***Саргсян Т. Э.** Об армянских духовно-культурных центрах Бахчисарая (XVII–XIX вв.) // VI Таврические научные чтения, г. Симферополь, 27 мая 2005 г. Сборник научных статей. – Симферополь: Крымский республиканский краевед. музей, 2006. – С. 136–142.

***Саргсян Т. Э.** Село Тополевка в Крыму и его армянские памятники // ВА. – № 2. – Ереван: Изд-во изд. «Гитутюн» НАН РА, 2015. – С. 84–118.

***Саргсян Т. Э.** Село Тополевка в Крыму и его армянские памятники // ИНК. – Вып. 27. – Симферополь: Антиква, 2016. – С. 48–72.

***Саргсян Т. Э.** Пять церквей армян Симферополя // Армяне Юга России: история, культура, общее будущее. – Вып. III. – Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2018. – С. 161–165.

***Саргсян Т. Э.** Храм Святой Рипсиме в Ялте. – Симферополь: ДИАЙПИ, 2015. – 144 с.

***Саргсян Т. Э.** Храм Спасителя в Крыму и его сюжетные рельефы // Рождество. Сборник статей, посвящённых памяти Феликса Тер-Мартirosова. – Ереван: Изд-во Ереванского гос. университета, 2015. – С. 407–427.

***Саргсян Т. Э.** Церковь Архагелов Габриэла и Микаэла в Феодосии // Сурб-Хач (журнал Крымского армянского общества). – Симферополь: Изд. КАО, 1996. – № 3. – С. 6–8.

* **Саргсян Т. Э., Петросян М. В.** Крым. Монастырь Сурб Хач. – Симферополь: ГАУ РК «Медиа-центр им. И. Гаспринского», 2017. – 304 с.: фото 32 с.

Свирин А. Н. Миниатюра древней Армении. – М.-Л.: Государственное изд-во «Искусство», 1939. – 145 с. +8 л. илл.

* Свод армянских надписей. – Вып. VII (Украина, Молдова) / Сост. Гр. Григорян. – Ереван: Гитутюн, 1996 (на арм. яз.). – 408 с.

*Свод армянских памятных записей, относящихся к Крыму и сопредельным регионам (XIV–XV вв.) / Сост., перевод на русский, введение и примечания Т. Э. Саргсян. – Симферополь: Сонат, 2008. – 312 с.

***Семёнов-Тян-Шанский П. П.** Географическо-статистический словарь Российской империи. – Т. II. – СПб.: Тип. В. Безобразова и Комп., 1865. – 898 с.

Сергей Дмитриевич Меркуров (папка-альбом) / Автор вступительной статьи В. Тиханова. – Москва: Советский художник, 1958. – 15 илл.

Секиринский С. А., Волобуев О. В., Когонашвили К. К. Судакская крепость. – Симферополь: Таврия, 1971. – 64 с.

Сидоренко В. А. Исследование архитектурных стилей памятников юго-восточного Крыма // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. – Киев: Наукова думка, 1988. – С. 115–128.

Смирнов В. Д. Археологическая экскурсия в Крым летом 1886 года // ЗВОИРАО. – Т. I. – Вып. I. – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1887. – С. 273–302.

Соколова К. Ф. Антропологический материал из раскопок Херсонеса 1955 года // «Херсонесский сборник». – Вып. V. – Симферополь: Крымиздат, 1959. – С. 73–74.

Спасский Г. Старый Крым // ЗООИД. – Т. IV. – Одесса: Тип. Сод. Х. Алексомати, 1877. – С. 85–102.

Спендиарова М. Спендиаров. – Москва: Молодая гвардия, 1964. – 208 с.

*Спендиаровские места в Крыму (на арм. яз.) // «Месяц агавни» (Голубь Масиса). – № 4. – Симферополь: Изд. КАО, 2011. – С. 5–6 (на арм. яз.).

[Степанэ Х.] Хорен архимандрит Степанэ. Монастырь Сурб Хач Крыма. – СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1891 (на арм. яз.). – 40 с.

Страбон. География в семнадцати книгах / Перевод, статья и коммент. Г. А. Стратановского. – Москва: Наука, 1964. – 944 с.

[Сумароков П.] Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду Павла Сумарокова. – Часть 2. – СПб.: Императорская типография, 1805. – 273 с.

Сурхатян А. Армянский монастырь Крыма // «Мурч». – № 6. – Тифлис: Тип. «Гермес», 1904. – С. 68–76 (на арм. яз.).

Таманян Ю. А. Армянская церковь в Евпатории // «Эчмиадзин». – № 11–12. – Эчмиадзин: Изд. Первопрестольного Святого Эчмиадзина, 1987. – С. 102–106 (на арм. яз.).

Таманян Ю. А. Армянские памятники Крыма // «Коммунист» (орган ЦК КП Армении). – № 199 от 21.08.1988. – С. 3.

Таманян Ю. А. Архитектура армянского монастыря Всеспасителя в Крыму // ИФЖ. – № 1. – Ереван: Изд. АН Арм. ССР, 1990. – С. 234–237 (на арм. яз.).

Таманян Ю. А. Архитектура церкви Святого Саркиса в Крыму // «Эчмиадзин». – № 7. – Эчмиадзин: Изд. Первопрестольного Святого Эчмиадзина, 1983. – С. 36–42 (на арм. яз.).

Таманян Ю. А. Монастырь Сурб Хач Крыма // «Эчмиадзин». – № 7–8. – Эчмиадзин: Изд. Первопрестольного Святого Эчмиадзина, 1969. – С. 59–64 (на арм. яз.).

Таманян Ю. А. Нововыявленный памятник в Феодосии // «Лрабер» (ВОН). – № 7. – Ереван: Изд. АН Арм. ССР, 1986. – С. 94–96 (на арм. яз.).

Тер-Абраамян О. История Крыма (в двух частях). – Феодосия: Тип. Халибовского училища, 1865. – (часть 1) 204 с., (часть 2) 181 с. (на арм. яз.).

***Тер-Варданян Г.** Новая интерпретация надписи армянского хачкара из Судака // ИФЖ. – № 3. – Ереван: Изд. НАН РА, 1998. – С. 149–154 (на арм. яз.).

Тигранов Г. Г. Спендиарян (Спендиаров) Александр Афанасьевич (Степаносович) // АСЭ. – Т. 11. – Ереван: Изд. АСЭ, 1985. – С. 65 (на арм. яз.).

Тигранян Э. А. Габриел Тер-Микелян. – Ереван: «Советакан грох», 1981. – 83 с. (на арм. яз.).

Товма Арцруни. История дома Арцруни. – Тифлис: Тип. Аганян, 1917. – 529 с. (на арм. яз.).

Тораманян А. Х. Из истории строительной деятельности армян в Молдавии. – Москва: Внешторгиздат, 1991. – 208 с.

- ***Тункина И. В.** Открытие Феодосии. 1771–1871. – Киев: Болеро, 2011. – 240 с.
- Тунманн Й.** Крымское Ханство. – Симферополь: 1-я Гостинография Крымполиграфтреста, 1936. – 116 с.
- ***Тыглиянц П. К.** Далеко в Сибири... // «Масяц агавни» (Голубь Масиса). – № 2. – Симферополь: Изд. ОО «Регион. армянск. национально-культ. автономия РК», 2019. – С. 38–42.
- Тыглиянц П. К.** Как отразились демографические особенности армянского населения Крыма на эволюции его культурных и общественных отношений в первые десятилетия Советской власти? / Крымская АССР (1921–1945): вопросы и ответы: общественно-политическая литература. – Вып. 3 / Сост. Ю. И. Горбунов. – Симферополь: Таврия, 1990. – С. 182–193.
- ***Тыглиянц П. К.** Сёстры Лазаревы // «Масяц агавни» (Голубь Масиса). – № 1. – Симферополь: Изд. ОО «Регион. армянск. национально-культ. автономия РК», 2019. – С. 24–26.
- Успенский Ф. И.** История Византийской империи. – Т. 1. – СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1913. – 872 с.
- Устав генуэзских колоний в Чёрном море, изданный в Генуе в 1449 году / пер. и примечания В. Н. Юргевича // ЗООИД. – V. – Одесса: Городская тип. Сод. Х. Алексомати, 1863. – С. 629–837.
- Фадеев А. В.** Суворов на Дону и в Приазовье. – Ростов-на-Дону: Ростиздат, 1950. – 64 с.
- Халпахчян О. Х.** Армяно-русские культурные отношения и их отражение в архитектуре. – Ереван: Изд. АН Арм. ССР, 1957. – 126 с.
- Халпахчян О. Х.** Армянский монастырь Аменапркич в селе Бахчи-Эли в Крыму // Архитектура мира. Материалы научной конференции «Проблемы истории архитектуры». – Вып. 1. – Москва: ВНИИТАГ, 1992. – С. 24–29.
- Халпахчян О. Х.** Архитектура Армении // ВИА. – Т. 3. – М.-Л.: Изд-во литературы по строительству, 1966. – С. 197–299.
- Халпахчян О. Х.** Архитектура армянских трапезных // АН. – № 3. – Москва: Акад. архитектуры СССР. Ин-т истории и теории архитектуры, 1953. – С. 130–147.
- Халпахчян О. Х.** Архитектура Нахичевани-на-Дону. – Ереван: Айастан, 1988. – 168 с.
- Халпахчян О. Х.** Родники Армении // АН. – № 8. – Москва: Акад. стр-ва и архитектуры СССР. Ин-т теории и истории архитектуры и строит. техники, 1957. – С. 93–114.
- Халпахчян О. Х.** Архитектурные ансамбли Армении. – Москва: Искусство, 1980. – 480 с.
- Халпахчян О. Х.** Архитектурные памятники армянских колоний Москвы и Петербурга // АН. – № 37. – Москва: Стройиздат, 1990. – С. 249–272.
- Халпахчян О. Х.** Архитектурный ансамбль Сурб-Хач в Крыму // «Сурб-Хач» (журнал Крымского армянского общества). – № 1. – Симферополь: Изд. КАО, 1996. – С. 5–12 и 38–44. Продолжение: Сурб-Хач. – № 2. – Симферополь, 1996. – С. 11–16.
- Халпахчян О. Х.** Будівнича діяльність вірменів в Україні // Памятки України. – № 1/6. – Київ, 1993. – С. 26–32.
- Халпахчян О. Х.** Гражданское зодчество Армении (жилые и общественные здания). – Москва: Изд-во литературы по строительству, 1971. – 246 с.
- Халпахчян О. Х.** Данные о неизвестном армянском монастыре в Кафе // ИФЖ. – № 2. – Ереван: Изд. АН Арм. ССР, 1978. – С. 175–181.
- Халпахчян О. Х.** Караван-сарай Армении // АН. – Вып. 11. – Москва: Гос. изд-во лит. по стр-ву, архитектуре и стройматериалам, 1958. – С. 105–132.
- Халпахчян О. Х.** Культурные постройки крымских армян // АН. – № 39. – Москва: Architectura, 1992. – С. 32–45.
- Халпахчян О. Х.** Надписи в композиции произведений армянского зодчества // «Эчмиадзин». – № 2. – Эчмиадзин: Изд. Первопрестольного Святого Эчмиадзина, 1959. – С. 52–61; № 3. – 1959. – С. 45–52; № 4. – 1959. – С. 44–49 (на арм. яз.).
- Халпахчян О. Х.** Нетленная летопись веков. Архитектура армянских колоний на территории Восточной Европы // Литературная Армения. – № 1. – Ереван: Изд. Союза писателей Армении, 1986. – С. 94–104.
- Халпахчян О. Х.** Памятники крымских армян в Судак // Архитектура мира. – Вып. I. – Материалы научной конференции «Проблемы истории архитектуры». – Москва: ВНИИТАГ, 1992. – С. 21–23.

- Халпахчян О. Х.** Санаин. – Москва: Искусство, 1973. – 124 с.
- Халпахчян О. Х.** Сооружения армянской колонии во Львове в XII – начале XX вв. // АН. – № 27. – Москва: Стройиздат, 1979. – С. 58–79.
- Халпахчян О. Х.** Средневековое зодчество Армении и его значение в истории мировой архитектуры // ИФЖ. – № 4. – Ереван: Изд. АН Арм. ССР, 1968. – С. 51–60.
- Халпахчян О. Х.** Стилистические особенности армянских памятников Крыма // АН. – № 41. – Москва: НИИТАГ, 1996. – С. 22–32.
- Халпахчян О. Х.** Строительные традиции народных мастеров Армении // АН. – № 3. – Москва: изд. лит. по стр-ву и архитектуре, 1953. – С. 36–78.
- Халпахчян О. Х.** Церковь Святой Рипсиме в Ялте // Вопросы истории архитектуры. Сборник научных трудов / Под общ. редакцией А. А. Воронова. – Москва: ВНИИТАГ, 1990. – С. 139–155.
- Халпахчян О. Х.** Этапы планировки и застройки Феодосии (с древнейших времён до конца XVIII века) // АН. – № 25. – Москва: Стройиздат, 1976. – С. 35–49.
- ***[Хачатур Кафаеци]** Летопись Хачатура Кафаеци (XVII в.) // Мелкие хроники XIII–XVIII вв. / Сост. В. Акобян. – Т. I. – Ереван: Изд. АН Армянской ССР, 1951. – С. 205–236 (на арм. яз.).
- Хачикян Л. С.** Армяне в древней Москве и на путях, ведущих в Москву // «Банбер Матенадарани» (ВМ). – № 13. – Ереван: Изд. АН Армянской ССР, 1980. – С. 7–107 (на арм. яз.).
- Цицикян А.** Армянское струнное искусство. – Ереван: «Советакан грох», 1970. – 250 с. (на арм. яз.).
- Шавердян А. И.** А. А. Спендиаров: Жизнь и творчество: Краткий очерк. – М.-Л.: Музгиз, 1939. – 64 с.
- Шавердян А. И.** Очерки по истории армянской музыки XIX–XX веков (досоветский период). – Москва: Музгиз, 1959. – 447 с.
- Шафран В.** Фонтаны Кафы. Где они? // «Крымская правда» от 24.02.1988. – С. 4.
- Шахкян Г. С.** Храм Одзуна. – Ереван: Советакан грох, 1983. – 84 с. (на арм. яз.).
- Шишманян Р.** Пейзаж и армянские художники. – Ереван: Армгосиздат, 1958. – 361 с. (на арм. яз.).
- ***Эвлия Челеби.** Книга путешествия. Крым и сопредельные области. – Симферополь: Доля, 2008. – 272 с.
- Якобсон А. Л.** Армянская средневековая архитектура в Крыму // ВВ. – Т. VIII. – Москва: Изд. АН СССР, 1956. – С. 166–191.
- Якобсон А. Л.** Средневековый Херсонес (XII–XIV вв.). – В серии: Материалы и исследования по археологии СССР. – Вып. 17. – М.-Л.: Изд. АН СССР, 1950. – 260 с.
- Якобсон А. Л.** Армянский монастырь XIV века близ Белогорска в Крыму // ИФЖ. – № 4. – Ереван: Изд. АН Арм. ССР, 1964. – С. 230–235.
- Якобсон А. Л.** Крым в средние века. – Москва: Наука, 1973. – 174 с.
- Якобсон А. Л.** Очерк истории зодчества Армении V–XVII веков / Под общ. ред. Н. М. Бачинского. – М.-Л.: Гос. изд. архитектуры и градостроительства, 1950. – 168 с.
- Якобсон А. Л.** Средневековый Крым. Очерки истории и истории материальной культуры. – М.-Л.: Наука, 1964. – 232 с.
- Рецензия / Якобсон А. Л.** // ВВ. – Том. 38. – Москва: Изд. Акад. Наук СССР, 1977. – С. 197–206. – Рецензия на: Феодальная Таврика. Материалы по истории и археологии Крыма. Киев: Наукова думка, 1974.
- Якобсон А. Л., Таманян Ю. А.** Армянская архитектура в Крыму. – Ереван: Айастан, 1992. – 63 с.

* * *

Bratianu G. I. Actes des notaires génois de Péra et de Caffa de la fin du treizième siècle (1281–1290). – Bucarest: Cultura Nationala, 1927. – 376 p.

***[Bergeron Pierre].** Voyages faits principalement en Asie dans les XIIe, XIIIe, XIVE et XVe siècles, par Benjamin de Tudèle, F.-J. du Plan Carpin, F. Ascelin, Guillaume de Rubruquis, Marc-Paul Vénitien, Haiton, Jean de Mandeville et Ambroise Conlarini: accompagnés de l'histoire des Sarrasins et des Tartares, et précédés d'une introduction concernant les voyages et les nouvelles découvertes des principaux voyageurs, par Pierre Bergeron. – Т. I. – la Haye: Chez Jean Neaulme, 1735.

***Bozoyan A.** La vie Arménienne de saint Étienne de Sougdaia // La Crimée entre Byzance et le Khaganat Khazar / Ed. C. Zuckerman. – Paris: Centre de recherche d’Histoire et Civilisation de Byzance, 2006. – P. 87–108.

***Chrzaszczewski J.** Kościoły Ormian Polskich. – Warszawa: Res Publica Multiethnica, 2001. – 160 s. + 213 fotogr.

***Donabédian P.** Can we call «khachkar» the Sudak cross-stones? Reminder on the type of small mural khachkars, in the general typology of khachkars // Сугдейський збірник. Вип. 1 (VII). – Київ: Изд. «Горобець», 2018. – С. 304–323.

Dubois de Montpéreux. Voyage autour de Caucase, chez les Tcherkesses et le Abchases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée. – T. VI. – Paris: Librairie de Gide, 1843. – 461 p.

***Gibbon Ed.** History of the decline and fall of the Roman Empire. – Vol. II. – Cincinnati: J. A. James, 1844. – 640 p.

Imposicio Officii Gazarie // Monumenta Historiae Patriae. – Vol. II. – Tom. I (Leges Municipales). – Torino: Augustae Taurinorum e Regio Typographeo, 1838. – 1774 col.

Latyshev V. V. Inscriptiones Tyrae, Olbiae, Chersonesi Tauricae aliorum locorum a Danubio usque ad regnum Bosporanum (IOSPE. I²) // Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae. – Vol. I. – Petropoli: Print. House of the Imperial Academy of Sciences, 1916. – 594 p.

[**Vigna A.**] Codice diplomatico delle colonie tauro-liguri durante la signoria dell’Ufficio di S. Giorgio (1453–1475) ordinato ed illustrato dal socio p. Amedeo Vigna // Atti della Societa Ligure di storia patria. – Vol. VII/1. – Genova: Tipografia del R. I. De Sordo-Muti, 1871. – 901 p.; Vol. VII/2. – Genova: Tipografia del R. I. De Sordo-Muti, 1879. – 1014 p.

[**Villeneuve**]. Album historique et pittoresque de la Tauride, par E. de Villeneuve. – Paris: Kaerpelin imprimeur-lithographe editeur, 1853. – 40 pl.

Saint-Martin J. Analyse d’une tragédie arménienne (Sainte Ripsimé), représentée à Léopol le 9 Avril 1668 // Journal Asiatique. – Sér. I. – Vol. 2. – Paris: Chez Dondey-Dupré père et fils, 1823. – P. 22–38.

Архивные материалы

***Айбабина Е. А., Бочаров С. Г.,** Отчёт об археологических исследованиях в окрестностях Каффы в 1998 и 2000 годах. Симферополь, 2001 // Институт археологии Крыма. Инвентарная книга № 4, инв. № 619, папка № 1018.

*Британский музей. – Add. 19. – 732.

Веймарн Е. В. Дневник археологических работ Бахчисарайского горного отряда Тавро-Скифской экспедиции ИИМА АН СССР и ГМИИ им. А. С. Пушкина, 1947 год // Архив ОАК ИА АН УССР. – Шифр А № 1/3. – 1957. – С. 21–22 (фото № 170–172).

ГАКО (ныне – ГАРК). – Ф. 377. – Оп.1. – Д. 817.

* ГАРК. – Ф. 27. – Оп. 13. – Д. 4724.

Матенадаран им. Месропа Маштоца (Ереван). – Рукописи 349, *1527, 1781, *2705, 2939, *4137, *6305, *6341, *7408, 7442, *7636, *7686, *7741.

*НАА. – Ф. 56. – Оп. 1. – Д. 9492.

Отдел археологии Крыма Института археологии АН Украинской ССР: № 1/3 (1957).

Репников Н. И. Материалы к археологической карте юго-западного нагорья Крыма // Архив ЛОИА. – Ф. 10. – Оп. 1. – Д. 10 (1939–1940).

Струков Д. М. Отчёт о поездке в Крым в 1871 году // Архив ЛОИА. – Ф. 35 (1872).

Тыглиянц П. К. Армянские церкви и монастыри Крыма. Рукопись (Симферополь, 1990) // Личный архив автора в Симферополе.

ЦГВИА. – Ф. 349. – Оп. 40. – Ед. хр. 4044.

ЦГВИА. – Ф. ВУА. – Д. 22006; 22007; 22008; 22608; 22727; 22729; 22731.

ЦГИА. – Ф. «Керчь».

Принятые сокращения

- АН** – «Архитектурное наследство» научный журнал (Москва).
- Имп. АН** – Императорская академия наук.
- АН Армянской ССР** – Академия наук Армянской ССР.
- АН СССР** – Академия наук СССР.
- АРК** – Автономная Республика Крым.
- АСЭ** – Армянская советская энциклопедия (Ереван).
- ВА** – «Вестник Арменоведения», научное периодическое издание (Ереван).
- ВВ** – «Византийский временник» научное периодическое издание (Москва).
- ВИА** – Всеобщая история архитектуры в 12-и томах.
- ВМ** – «Вестник Матенадарана», научное периодическое издание (Ереван).
- ВОН** – «Вестник общественных наук», научное периодическое издание (Ереван).
- ВУА** – Военно-учётный архив (Москва).
- ГАИМК** – Государственная академия истории материальной культуры (Санкт-Петербург).
- ГАРК** – Государственный архив Республики Крым.
- ГАКО** – Государственный архив Крымской области (Симферополь).
- ГМИИ** – Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина (Москва).
- ЖМНП** – «Журнал Министерства народного просвещения».
- ЗВОИРАО** – Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества.
- ЗООИД** – «Записки Одесского общества истории и древностей».
- ИИАК** – «Известия Императорской Археологической комиссии».
- ИГГО** – «Известия Государственного географического общества».
- ИНК** – «Историческое наследие Крыма», периодическое издание (Симферополь).
- ИЗ** – «Исторические записки» (Москва).
- ИТУАК** – «Известия Таврической учёной архивной комиссии».
- ИФЖ** – «Историко-филологический журнал», научное периодическое издание (Ереван).
- КАО** – Крымское армянское общество.
- Крымоблисполком** – Крымский областной исполнительный комитет.
- ЛОИА** – Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР *(В 1991 году на основе ЛОИА образован Институт истории материальной культуры Российской Академии наук).
- МАИАСК** – Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма.
- МАО** – Московское археологическое общество (Москва).

МАРХИ – Московский архитектурный институт (Москва).

Матенадаран – Институт древних рукописей им. Месропа Маштоца (Ереван).

МГУ – Московский государственный университет им. М. Ю. Ломоносова.

НАА – Национальный архив Армении (Ереван).

НАН РА – Национальная академия наук Республики Армения.

ВНИИТАГ – Всесоюзный научно-исследовательский институт теории архитектуры и градостроительства.

ОАК ИА АН – Отдел археологии Крыма Института археологии Академии наук Украинской ССР (Киев).

ОО «Регион. армянск. национально-культурная автономия РК» – Общественная организация «Региональная армянская национально-культ. автономия Республики Крым».

ЦГВИА – Центральный государственный исторический архив (Российский государственный военно-исторический архив) (Санкт-Петербург).

ЦГИА – Центральный государственный исторический архив (Российский государственный исторический архив) (Санкт-Петербург).

Научно-популярное издание

Халпахчян Оганес Хачатурович

**АРХИТЕКТУРА
КРЫМСКИХ АРМЯН**

Составитель, автор комментариев и научный редактор

Т. Э. Саргсян

Редактор *Н. С. Кузьменко*

Компьютерная вёрстка и дизайн обложки *А. В. Веселов*

Подписано в печать 09.11.2019 г. Формат 60x84¹/₈.
Гарнитура «Century Schoolbook». Усл. печ. л. 44,18.
Объём 47,5 печ. л. Тираж 500 экз. Заказ № .

ГАУ РК «Медиацентр им. И. Гаспринского»

295048, Республика Крым,
г. Симферополь, ул. Трубаченко, 23-а.

E-mail: mediacenter2015@mail.ru

ОГРН 1159102113455

Отпечатано в типографии «Салта»

295000, Республика Крым,
г. Симферополь, ул. Коммунальная /
пер. Промежуточный, 24/3
www.saltaprint.com